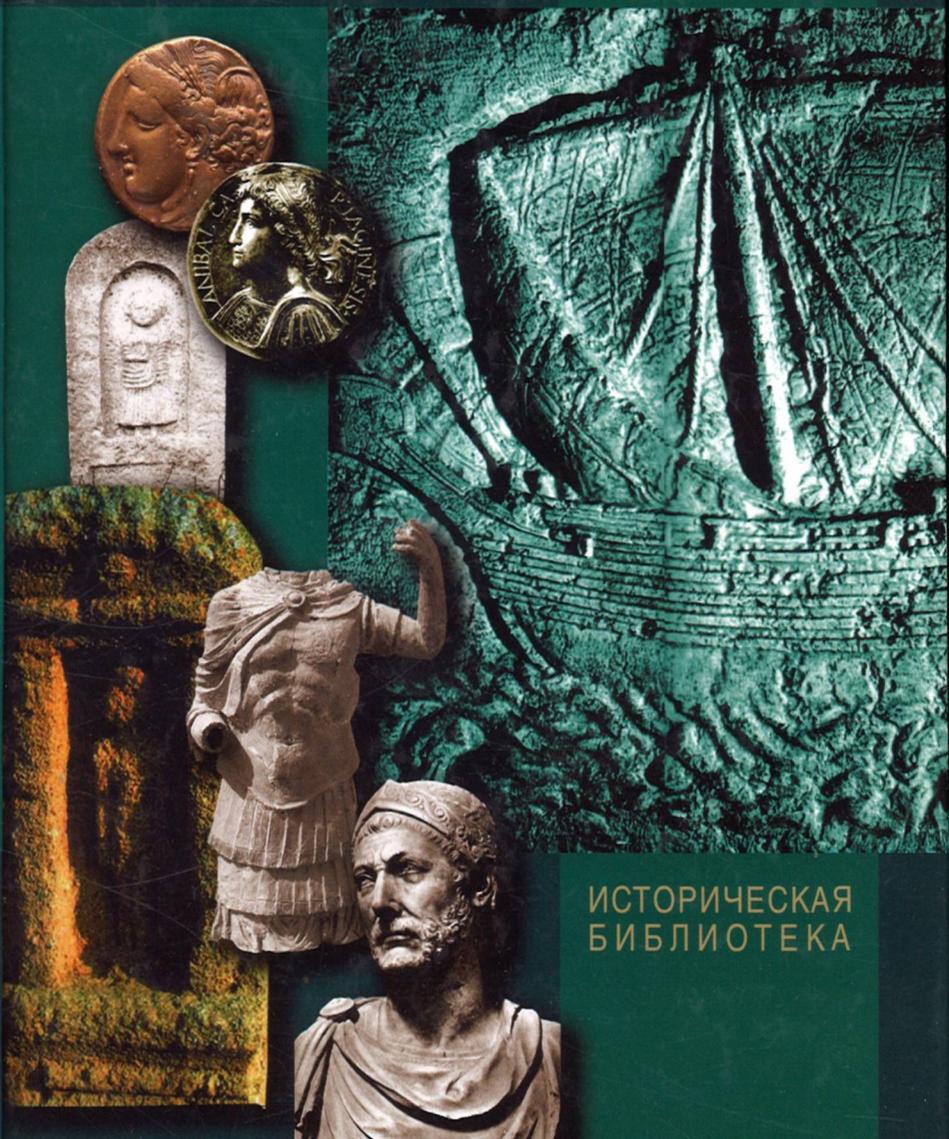

В. Хусс

ИСТОРИЯ КАРФАГЕНЯН

В. Хусс

ИСТОРИЯ
КАРФАГЕНЯН

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Серия
«ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА»

Редакционный совет:

С. И. Богданов (Санкт-Петербург), Ю. А. Виноградов (Санкт-Петербург),
О. Л. Габелко (Москва), В. А. Горончаровский (Санкт-Петербург),
М. А. Дандамаев (Санкт-Петербург), В. А. Дмитриев (Псков),
Б. В. Ерохин (Санкт-Петербург), О. Ю. Климов (Санкт-Петербург),
С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург), А. И. Колесников (Санкт-Петербург),
С. Ю. Монахов (Саратов), В. П. Никоноров (Санкт-Петербург),
И. В. Пьянков (Великий Новгород), Э. В. Рунг (Казань),
Р. В. Светлов (Санкт-Петербург), А. А. Сеницын (Саратов / Санкт-Петербург),
М. М. Холод (Санкт-Петербург)

Werner Huss

DIE KARTHAGER

Verlag C. H. Beck
München
2004

В. Хусс

ИСТОРИЯ КАРФАГЕНЯН

Нестор-История
Санкт-Петербург
2015

ББК 63.3(4)
Х98

Хусс, В.

Х98 История карфагенян / Пер. с нем. Ю. Б. Циркина. — СПб.: Нестор-История, 2015. — 448 с., ил. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-4469-0224-8

Книга посвящена социально-политической истории карфагенской цивилизации, с опорой на сообщения античных авторов, эпиграфические и археологические данные. Подробное освещение военных и колонизаторских походов карфагенян дополняется обзором внутривосточных проблем, связанных с административным устройством, экономическими отношениями, религиозной жизнью карфагенского общества.

Для историков-антиковедов и всех интересующихся вопросами античной истории.

ББК 63.3(4)

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В IV–III вв. до н. э. в Средиземноморье сложились предпосылки для возникновения единой средиземноморской империи. Вопрос ставился следующим образом: какое государство окажется достаточно сильным, чтобы навязать свою волю другим и возглавить империю. В западной и центральной части Средиземноморского бассейна на эту роль претендовали Рим и Карфаген. В кровопролитной схватке проблема была решена: победил Рим, Карфаген вообще был уничтожен, и средиземноморская империя стала Римской империей.

Незадолго до последней войны между Римом и Карфагеном Марк Порций Катон каждую свою речь в сенате заканчивал знаменитыми словами: «Кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен». Он не дожил до конца этой войны, но римляне добросовестно выполнили его политическое завещание, сровняв завоеванный город с землей и даже прокляв место, на котором он стоял. Правда, через некоторое время город возродился и продолжал существовать еще несколько веков, но это был уже римский город. Доримского, или, как обычно говорят, пунического города более не существовало. Однако память о нем сохранилась. И когда история Древнего мира перестала быть лишь темой «рассказов о богах и героях», а стала наукой, ученые, естественно, обратились и к изучению Карфагена. Появилось довольно много различных статей и отдельных монографий, в которых рассматривалась либо вся история этого города и государства, либо отдельные ее аспекты. К таким работам принадлежит и книга Вернера Хусса «История карфагенян».

В. Хусс — профессор Бамбергского университета в Германии. Он известен своими статьями по различным проблемам политической истории Карфагена. Основываясь и на них, и на многочисленных исследованиях многих других ученых, Хусс написал обобщающую монографию. Она впервые вышла в свет в 1985 г., а затем в течение десяти лет появились еще два издания (данный перевод сделан с издания 1994 г.). Каждая последующая версия учитывала результаты

новейших исследований. Уже сам по себе факт появления нескольких изданий на протяжении двадцати лет, причем три издания вышло в течение десятилетия, свидетельствует о значимости и хорошем приеме у читателей этой монографии, которая рассчитана не только на узких специалистов, но и на широкую публику, интересующуюся древней историей.

Карфаген был основан финикийцами, и он являлся частью финикийского мира. Однако его историческая судьба была своеобразна, и цивилизация Карфагена приобрела оригинальные черты. Поэтому в современной науке для определения карфагенской цивилизации используется термин «пуническая» (римляне называли карфагенян пунами, пунийцами), подчеркивающий особое положение карфагенской цивилизации, которую нельзя рассматривать только как локальное ответвление от общефиникийской. Между тем в 60-х гг. XX в. начался, по сути, новый этап в изучении этого мира. Во-первых, с этого времени резко расширилось поле археологических исследований, и это увеличило источниковую базу исследований. Во-вторых, устанавливаются междисциплинарные связи, и до сих пор почти не пересекавшиеся линии исторического, археологического, филологического, искусствоведческого исследований теперь связываются друг с другом. В-третьих, появилась международная координация научных исследований, ведущихся в разных странах. Все это относится и к изучению Карфагена. На этом этапе историографии написана и опубликована и книга Хусса.

Надо, однако, подчеркнуть, что при всем отмеченном выше расширении источниковой базы исследований финикийского мира, включая Карфаген и его державу, количество источников все же совершенно недостаточно для относительно полного освещения истории Карфагена. Собственно пуническая историография, которая, несомненно, существовала, до наших дней не сохранилась. Ее сведения были, по-видимому, привлечены некоторыми греческими и римскими историками. Однако в целом античные авторы интересовались Карфагеном только как партнером греков и римлян, которые вступали в разнообразные контакты с этим государством, и почти не обращали внимания на внутренний мир пунического общества. Больше других авторов пуническую традицию сохранил Помпей Трог, но его труд дошел до нас только в сокращенном изложении Юстина и в еще более кратком изложении отдельных глав. Юстин же брал у Трога лишь наиболее интересные для него и его читателей факты и сказания, делая акцент на чудесном и необыкновенном. Не сохранилась и «Кар-

фагенская полития» — трактат о политическом устройстве Карфагена, написанный, скорее всего, Гиппагором. О нем можно судить только по тем его данным, которые использовал Аристотель в своей «Политике». Говоря об античной историографии Карфагена, надо подчеркнуть еще два важных обстоятельства. Во-первых, греческие и римские историки и философы не всегда могли понять своеобразие карфагенского общества и государства. Во-вторых, многие греческие авторы, и особенно римские, были далеки от объективности, ибо Карфаген выступал постоянным соперником западных греческих государств и прежде всего Рима, и сочинения многих писателей наполнены ненавистью к нему.

Значительное место среди источников занимает пуническая эпиграфика. В настоящее время известны тысячи надписей и из самого Карфагена, и из других западнофиникийских городов. Однако эти надписи довольно однообразны. Большинство их — посвячительные, причем адресатами являются в основном два божества — Баал-Хамон и Тиннит. Имеется некоторое количество погребальных надписей, но содержащиеся в них сведения ограничены, а сугубо исторических надписей почти нет. Надписи дополняются монетами.

Большую роль играют данные археологии. Карфаген раскапывается давно. Большое значение имела акция ЮНЕСКО, которая вместе с правительством Тунисской Республики стимулировала международные археологические исследования на территории Карфагена. Правда, римляне постарались столь успешно, что, как уже говорилось, следов пунического города почти нет. Гораздо лучше сохранились некрополи, которые и составляют основную массу археологических памятников пунического Карфагена. Это таит в себе определенную опасность: обстоятельства, связанные только с погребальными комплексами, можно некритически распространить на всю жизнь Карфагена.

Все это полностью учитывалось Хуссом. Недаром он предупреждает, что главы его книги, посвященные отдельным событиям карфагенской истории, различны по объему, и это определяется не значимостью тех или иных событий, а наличием источников. Автор использует все виды источников, но все же главным для него является литературная традиция. И в этом он безусловно прав. Мощное развитие археологических исследований последнего полувека привело к некоторому «археологическому фетишизму». В науке существует мощное течение, которое настолько преувеличивает значимость археологических данных, что полностью отвергает все сообщения

письменных источников, не получивших (по крайней мере, пока) археологического подтверждения. Хусс совершенно справедливо отмечает, что методологический спор относительно доказательности археологических фактов еще не закончен. К этому можно добавить, что он, вероятно, никогда и не будет закончен, поскольку корпус археологических источников — открытый, и новые раскопочные сезоны могут принести и порой приносят совершенно неожиданные результаты.

Особенно важно это учитывать, как подчеркивает Хусс, при рассмотрении ранних фаз истории, и в том числе финикийской колониальной экспансии. В античной литературе имеются сведения, относившие создание первых финикийских поселений на западе и в центре Средиземноморья к концу II тысячелетия до н. э. Еще на рубеже XIX–XX вв. против этого решительно выступили С. Рейнак во Франции и Ю. Белох в Германии. Они стояли на почве весьма модного тогда гиперкритицизма, но на это их толкали и определенные политические взгляды. Рейнак защищал «права Европы против претензий Азии», а антисемит Белох не мог смириться с тем, что семиты-финикийцы опередили индоевропейцев (или как тогда говорили, индогерманцев)-греков. Теперь основанием для отрицания древности финикийской колонизации является отсутствие археологических доказательств. Хусс в ответ на это указывает, что такое отсутствие археологических данных вполне можно объяснить иным образом, а именно самим характером колонизации на ее ранних этапах и оставляемых ею материальных следов. Автор подчеркивает, что предпосылки для колонизации возникли у финикийцев с III тысячелетия до н. э., а реальные связи с западной частью Средиземноморского бассейна финикийцы установили в конце II тысячелетия. Правда, к тем ученым (а они есть), которые принимают историчность столь ранней колонизации, Хусс примкнуть не решился и занял, если так можно выразиться, среднюю позицию, признавая активность связей, но отвергая реальность непосредственного основания городов.

Книга Хусса посвящена в основном политической, можно даже сказать — событийной истории Карфагена, опираясь преимущественно на сообщения античных авторов. Эти сообщения использованы для описания путешествий Ганнона и Гимилькона в Атлантическом океане. Вместе с археологическими данными сведения греческих писателей дают возможность говорить о карфагенской колонизации на африканском побережье. Но более всего греческие и римские авторы говорили о Карфагене, когда он вступал в те или иные кон-

такты с греками либо римлянами, и именно эти отношения отразились в монографии Хусса в первую очередь. Речь идет как о войнах, так и о различных договорах. Поэтому неудивительно, что самая большая глава книги посвящена второй войне между Карфагеном и Римом. Дело не только в том, что именно эта война решила вопрос о господстве того или другого государства, но и гораздо больше, чем в каком-либо другом случае, в обилии источникового материала. Активно используя данные античной традиции, Хусс относится ко всем этим сообщениям с мудрой осторожностью (иногда, пожалуй, даже излишней). Недаром он так часто употребляет глагол *scheinen* (казаться), который подчеркивает неокончателность тех или иных выводов.

Книга Хусса дает превосходную картину истории Карфагена, насколько ее можно нарисовать на основе существующего материала. Эту историю он пишет именно с карфагенской точки зрения. Автор ни в коем случае не затушевывает тех или иных промахов и ошибок карфагенских деятелей, которые приводили к неудачам или даже катастрофам карфагенян. И все же его симпатии, без всякого сомнения, на стороне Карфагена. Часто он оправдывает те или иные действия карфагенян. Так, описывая многочисленные и разнообразные столкновения с греками на сицилийской земле, Хусс почти всегда подчеркивает чуть ли не благородный и почти всегда оборонительный характер войн, какие вели карфагеняне, не замечая, что речь шла не только и не столько о защите финикийских и туземных «союзников» от греческих нападений, сколько о борьбе за власть над Сицилией. Подчинение финикийских городов Сицилии и Сардинии также объясняется стремлением самих городов получить защиту Карфагена и, с другой стороны, намерением карфагенян дать эту защиту. Между тем, пожалуй, сейчас уже можно говорить, что и эти акции Карфагена были продиктованы его экспансионистскими устремлениями, а сами города (по крайней мере, часть городов на Сардинии) пытались сопротивляться своим непрошеным защитникам. Характерно, что войны между Карфагеном и Римом Хусс называет не Пуническими, как это установилось в историографии, следующей, естественно, римской традиции, а Римскими, как они воспринимались карфагенянами.

Событийная история Карфагена дополняется в книге Хусса главами, трактующими проблемы карфагенского государства и общества. И это вполне естественно. Многое из того, что пишет немецкий ученый, можно только поддержать. Это касается и структуры власти,

и устройства Карфагенской державы. Однако книга Хусса вызывает ряд вопросов, относящихся к социально-политической проблематике (а может быть, и шире — к цивилизационной проблематике), которые автором не поставлены, но которые, по нашему мнению, возникают при изучении истории Карфагена.

Ее социально-политическая сторона связывается со старым и почти вечным вопросом о взаимоотношении Востока и Запада. Применительно к древности эта проблема встает в виде дилеммы: Древний Восток и античный мир. Карфаген был основан финикийцами, т. е. представителями одной из восточных цивилизаций, но он находился на Западе и постоянно контактировал с западным миром. Остался ли он частью восточного мира или вошел в античный, сохранив при этом некоторое своеобразие, определенное его восточным происхождением? Таким образом, задается новый вопрос: был ли (стал ли) Карфаген полисом или восточным городом-государством, вставшим во главе крупной державы? Постараемся дать на это ответы, используя в том числе и данные Хусса.

Карфаген был основан оппозиционной группировкой тирской знати во главе с сестрой царя Элиссой.* Хусс сомневается в историчности этого сообщения, поскольку, по его мнению, невероятно, чтобы колониальную экспедицию возглавила женщина. Однако Элисса была не обычной женщиной, а царевной и вдовой верховного жреца бога Мелькарта, что ставило ее на совершенно другую ступень политической иерархии и позволяло возглавить экспедицию. Основание города оппозиционерами изначально заставило его быть в оппозиции к метрополии. А наличие во главе экспедиции женщины из царского рода и вдовы главы культа бога — покровителя города позволило Карфагену, в отличие от остальных финикийских колоний, сразу же обрести политическую независимость от метрополии. Карфаген возник как торговый, может быть торгово-ремесленный, центр и долго сохранял эту специфику. Однако позже карфагеняне завоевали обширные пространства и в Африке, и на островах, и в Испании. И это изменило не только экономическую (Карфаген стал еще и аграрным государством), но и социальную структуру Карфагена. Для карфагенского общества, как и для общества метрополии, характерны две группы граждан — «могущественные» и «малые», или, как эти группы называет античный автор, «сенат» и «плебс». Но они вместе составляли «народ Карфагена», а сами они именовали себя «господа карфагеняне» или «владыки карфагеняне». Это ясно говорит о суверенитете карфагенского народа. После самоубийства Элиссы царей

в Карфагене не было. Царица не оставила наследников, а противостояние Тиру, по-видимому, помешало принять оттуда кого-либо из членов царского рода. Очевидно, это может решить и вопрос о дате основания Карфагена. В античной традиции сохранились две даты — 825 (или 823) и 814 гг. до н. э. Можно полагать, что первая дата относится к самому основанию города, а вторая — к установлению в нем республиканского строя. Карфаген превратился в олигархическую республику.

Не пытаясь сейчас исследовать социально-политическую структуру Карфагена (это уже сделано другими), подчеркнем лишь следующие моменты. Карфагенское общество представляло собой сложную пирамиду, в самом низу которой находились рабы, а венчали ее карфагенские граждане, сами состоявшие из двух ясно очерченных социально-политических групп — аристократии и «простого» народа. Но, несмотря на наличие этих двух групп, в целом гражданский коллектив противостоял всем остальным категориям населения республики. Он был довольно замкнут и не имел над собой никакой верховной власти, кроме исходящей от него самого. И даже в тех случаях, когда источником власти оказывались не выборы, а, скажем, наследование, нельзя говорить о внешней силе, противопоставленной коллективу, ибо и тогда власть принадлежала верхушке коллектива, а не посторонним силам, которые ее навязали обществу. Гражданский коллектив, в принципе, был суверенен, и его верховенство проявлялось в народном собрании, которое теоретически обладало высшими полномочиями. Граждане, принадлежавшие к этим двум группам, естественно, обладали разным имуществом. Однако и небольшая собственность крестьян и ремесленников или мелких торговцев, и крупная собственность карфагенских олигархов являлись частями одного социально-экономического уклада. Ни на территории самого Карфагена (его «хоре»), ни на территориях подчиненных ему финикийских городов не существовало царской собственности, в карфагенской экономике и соответственно в карфагенском обществе не был представлен монархический уклад. Политическим строем государства, за исключением краткого начального периода, была республика. Все это признак полиса. Можно говорить, что в ходе сложных социально-политических процессов, детали которых от нас ускользают, Карфаген превратился в полис. Он представлял собой еще одну его разновидность наряду с эллинским полисом и римской *civitas*. Недаром Аристотель выделил Карфаген из массы «варварских» государств и включил примеры из его политической жизни в свою

«Политику», а его ученик Гиппагор (скорее всего, по поручению учителя) написал «Карфагенскую политику».

Таким образом, карфагенские структуры были монистичны (в отличие от метрополии, где они были дуалистичны). Экономика включала только общинный сектор (не говоря, естественно, о подчиненных территориях). Категории неполноправного населения перешли, в подчинение общине. Самоуправляющийся гражданский коллектив превратился в верховного владыку государства (по крайней мере, теоретически) и осуществлял свою власть через республиканские институты. Итак, в ответ на поставленные вопросы можно сказать, что при сохранении многих черт, унаследованных от восточной метрополии, Карфаген вошел в античный мир, хотя и занял в нем несколько особое положение.

Все это не означало, что политическое развитие Карфагена остановилось. Карфаген не раз переживал периоды острых кризисов. Один из таких кризисов разразился после поражения в первой войне с Римом. Его внешним признаком стала тяжелая Ливийская война, в ходе которой, по сути, оказалось под угрозой само существование Карфагена. Эта война красочно описана Хуссом, который подчеркивает роль в ней Гамилькара Барки, военное и дипломатическое искусство которого фактически спасло Карфаген. Далее Гамилькар отправился на завоевание (или отвоевание) Испании. И там возникла своеобразная держава Баркидов. Не обладая никакими формальными полномочиями, выходящими за пределы карфагенского государственного права, Гамилькар и его преемники сосредоточили в своих руках ряд этих полномочий и осуществляли их совершенно самостоятельно, без оглядки на центральное правительство, во всяком случае, пока одерживали победы. В Испании (и по-видимому в значительной части Африки) под властью Баркидов сложилось новое политическое объединение, обладавшее многими чертами эллинистического государства. В то же время оно не являлось полностью независимым, и в этом было его радикальное отличие от эллинистических государств. Можно говорить о возникновении в рамках Карфагенского государства политических структур эллинистического типа. Появление таких структур в карфагенском обществе и государстве говорит о том, что Карфагенская республика, в принципе, шла по пути античных государств.

Еще более жестокий политический кризис разразился после поражения во второй войне с Римом. Хусс совершенно справедливо говорит о Карфагене того времени как о «клиентском государстве Рима».

В условиях противостояния соседней Нумидии, почти постоянно поддерживаемой Римом, и самому Риму (хотя последнее часто было латентным) гражданский коллектив Карфагена был раздираем ожесточенной внутренней борьбой. Реформа Ганнибала открывала путь к оздоровлению общества, но своекорыстная карфагенская олигархия практически закрыла пути возможного оздоровления, призвав себе на помощь врага. По существу, в Карфагене наблюдаются явления, характерные для греческих полисов в IV в. до н. э. и в Риме во II—I вв. до н. э., т. е. кризис полиса. В греческом мире это завершилось подчинением Македонии, в Риме — заменой республики империей. В Карфагене кризис полиса закончился подчинением города римлянам и его полным разрушением.

Все сказанное совершенно не умаляет значимости труда Хусса. Оно лишь дополняет ту картину политического развития Карфагена, которая столь искусно представлена Хуссом в его книге.

В заключение надо отметить, что все даты, содержащиеся в книге Хусса (кроме специально оговоренных в последней главе), относятся ко времени до нашей эры. В книге В. Хусса не было никаких примечаний. Все подстрочные примечания сделаны переводчиком.

Ю. Б. Циркин

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

На I Международном конгрессе финикийских и пунических исследований, проходившем с 5 по 10 ноября 1979 г. в Риме, Жильбер Шарль Пикар задал вопрос: «Можно ли написать историю Карфагена?» И сам же ответил: для периода, предшествующего сражению при Гимере (480 г.), — невозможно. Я смотрю на это с еще большим скептицизмом: и для времени после сражения при Гимере нельзя написать историю Карфагена, разве что главы к истории Карфагена. Если мой труд и назван «История карфагенян», то причина скорее в следовании традиции, чем в объективном определении. Возможность успешного написания истории карфагенян в ограниченном масштабе зависит от количества и качества сведений, имеющихся в нашем распоряжении для реконструкции этой истории. Не считая эпохи войн, которые карфагеняне вели с римлянами, исторические источники очень скудны. Кроме того, отдельные фазы и отдельные аспекты карфагенской истории отражены в античном предании очень неравномерно. Например, ранняя история города погружена в почти непроницаемую тьму, и только случайный свет падает на внутривосточные отношения. Относительно торговых и политических отношений с племенами и городами Северной и Западной Африки, с островами Атлантического океана, с Пиренейским полуостровом, Балеарами, Южной Францией, Италией, Сардинией и Корсикой имеются лишь побочные замечания. И наконец, огромное значение имеет то, что писавшие о Карфагене античные авторы, чьи произведения до нас дошли, — это греки и римляне, т. е. представители тех народов, которые многократно вступали в сильное противоборство с Карфагеном в течение всей его истории. Может быть, мы обо многом были бы лучше осведомлены, если бы сохранился написанный на греческом языке и состоявший из восьми книг обширный труд императора Клавдия «Кархедониак», который ежегодно читался в новом Музее в Александрии.

И если я все же предпринял попытку написать «Историю карфагенян», то потому, что историки, даже при отсутствии надежных источников, ставят перед собой задачу систематизировать известные факты (со времени Мельцера и Гзелля во многих вопросах был достигнут прогресс), а также потому, что есть, быть может, небезосно-

вательная надежда в некоторых пунктах подняться выше результатов нынешних исследований.

В интересах обучающихся и учащихся я старался по возможности широко цитировать научную литературу, оставляя в стороне то, что мне казалось неважным. Во всяком случае, я твердо уверен, что все упомянутые в книге работы я просмотрел. Учтена литература, которая указана в «Année Philologique» до 53-го (1984 г.) или в «Revista di Studi fenici» до 12-го (1984) тома.

Я благодарю издателя «Handbuch», моего учителя профессора доктора Германа Бенгтсона, читавшего вместе со мной корректуру, профессора доктора Якоба Зайберта, издательство Бека, особенно доктора Эрнста-Петера Викенберга, мою секретаршу фрау Хельгу Ферш, сотрудников Университета Бамберга и Государственной библиотеки Бамберга, моих помощников-студентов и, наконец, всех, кто взял на себя труд прислать мне критические замечания, даже самые малые.

*Вернер Хусс
Бамберг, 22 февраля 1985 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ОТДЕЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ

В последние десятилетия интерес к истории финикийцев и карфагенян возрос снова. Причин тому много, главная — прогресс археологии на финикийских и пунических территориях. Этот двойной аспект — прогресс науки и интерес широкой публики — отражает, например, великолепная выставка «Финикийцы», прошедшая с 6 марта по 6 ноября 1988 г. в Венеции во дворце Грасси. Данная работа имеет целью удовлетворение этой вновь пробудившейся жажды, причем не средствами исторического романа, а средствами трезвого исторического исследования. Отдельное издание имеет то преимущество по сравнению с изданием в «Handbuch», что в нем учтены исследования (свои и чужие) последних пяти лет.

Осторожности ради я должен заметить, что было бы неверным на основании размера той или иной главы судить о значимости ее содержания. Размер глав зависит от объема античных свидетельств, более или менее случайно сохранившихся. Добиться «равновесия»

отдельных глав в данном случае невозможно, ибо значительная часть традиции от нас скрыта.

Для читателя, стремящегося получить более полную информацию, я приложу к тексту достаточно объемный список литературы. Принципом выбора были следующие моменты: центральная тематика, научное значение и использование продолжающейся литературы.

Некоторые читатели будут поражены, узнав, что особенно при описании военных действий приводится много чисел. Эти числа сообщаются в работе не из-за математического фетишизма, а ради того, чтобы таким самым быстрым, простым и точным образом обратить внимание на соотношение величин.

При воспроизведении римских имен я поступил следующим образом: при первом упоминании называется полное имя, при дальнейших — только когномен; в случае возможного смешения при дальнейшем упоминании помещается личное имя, но все же не родовое.

Я благодарю в первую очередь издательство Бека и особенно господина Михаэля Гофмана. Я благодарю также моего сына Бернгарда, который вместе со мной читал корректуру и был моим помощником во многих других случаях. *

*Вернер Хусс
Бамберг, 24 января 1990 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

По сравнению с первым изданием книги здесь устранены некоторые ошибки, сделаны некоторые фактические исправления, в список литературы внесены новые работы. К пониманию, что Магона (VI в.), а с ним и магонидов надо вывести из истории, я пришел благодаря диссертации моего ученика Хайнца-Дитмара Рихтера «Исследования по конституционной истории и внутренней политике Карфагена».

*Вернер Хусс
Бамберг, 24 января 1994 г.*

1. К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Заслуга написания первой последовательной истории Карфагена принадлежит В. Бёттихеру (1798, Вормсдорф, близ Магдебурга — 1850, Галле). Бёттихеру повезло, ибо он мог использовать результаты экономических и историко-правовых исследований А. Х. И. Херена (1760, Арберген, близ Бремена — 1842, Гёттинген). Немногими годами позже У. Ю. Г. Беккер (1791, Гросс-Гивиц, Мекленбург — 1843, Ратцебург) написал во «Всеобщей энциклопедии наук и искусств», издаваемой Й. С. Эршем и Й. Г. Груббером, историческую часть статьи «Карфаген», которая, однако, не представила ничего существенно нового по сравнению с работой Бёттихера. То же самое можно утверждать и о работе «Карфаген и карфагеняне», которую Р. Б. Смит (1839, Вест-Стаффорд, Дорсет — 1908, Бигхем'с Мелькомб, Дорсет) опубликовал в 1878 г.

Самое большое достижение в карфагенской историографии XIX в. принадлежит О. Мельцеру (1846, Лауенштайн, близ Диппольдсвальде, Саксония — 1909, Дрезден). Первый том его «Истории карфагенян» появился в 1879 г. Второй том последовал в 1896 г. К сожалению, Мельцер не сумел довести до конца начатую работу. У. Карштедт (1888, Нейссе, Верхняя Силезия — 1962, Гёттинген) завершил ее третьим томом. Труд Мельцера во многих своих частях еще и сегодня не устарел. Мельцер соединял прекрасное знание литературных, эпиграфических и археологических источников с ясным смыслом политических категорий.

Мельцер, однако, не сумел бы написать свой труд таким, каким он стал, если бы не было важнейших достижений предшествующих работ в трех областях: в области семитской филологии, в области истории права и в области финикийской и пунической археологии. Что касается семитской филологии, то здесь надо прежде всего назвать гебраиста С. Бошара (1599, Руан — 1667, Канн), труд которого носил латинское название «*Geographiae sacrae pars prior. Phaleg seu de despersione gentium et terrarium divisione facta in aedificatione turris Babel; Geographiae sacrae pars altera. Chanaan seu de coloniis et sermone Phoenicum*» («Первая часть священной географии. Пелег, или О рассеянии племен и земель, происшедшем из строительства

Вавилонской башни»; «Вторая часть священной географии. Ханаан, или О колониях и речи финикийцев»). В этом труде автор вышел далеко за границы библейских писаний. Опираясь на свои топонимические исследования, результаты которых в большинстве случаев оказались правильными, хотя в некоторых — все же неверными, он стал предшественником «панфиникизма», который «родился» прежде всего в опубликованном труде «Финикийцы» Ф. К. Моверса (1806, Косфельд, Мюнстерланд — 1856, Бреслау). Если нередко Моверс ошибался, то часто в других случаях он проявлял необыкновенную проницательность. Бошар создавал свой труд на базе еврейских и арамейских библейских текстов. Только Ж. Ж. Бартеlemi (1716, Кассис, Прованс — 1795, Париж) в нескольких небольших своих работах начал использовать финикийские и пунические эпиграфические документы. Но к первому апогею еще молодую науку северосемитской эпиграфики привели В. Гезениус (1786, Нордхаузен, Тюрингия — 1842, Галле) и Э. Ренан (1823, Трегье, Бретань — 1892, Париж). Гезениус достиг этого своим трудом «*Scripturae linguaeque Phoeniciae monumenta quotquot supersunt*» («Памятники финикийского языка и письма, какие сохранились»), а Ренан — обработкой 925 надписей первого тома «Корпуса семитских надписей», издание которого он начал.

Для уточнения своих историко-правовых концепций Мельцер мог опереться, кроме труда Херена, на работы Ф. Г. Клуге, Г. Вольфа и Г. Кернера. Кроме того, Мельцеру по счастливому случаю удалось использовать первые важные достижения финикийской и пунической археологии. Первые научные раскопки на карфагенской территории провел в 1859 г. Ш. Э. Боле (1826, Сомюр — 1874, Париж), после того как датский консул в Тунисе Х. Т. Фальбе (1791, Гельсингёр — 1849, Копенгаген) из-за огромных трудностей отказался от соответствующих планов. После Боле следует прежде всего назвать «белого отца» А. И. Делаттра (1850, Девиль-ле-Руан — 1932, Карфаген), который в ходе более чем 50-летних «неутомимых» раскопок в Карфагене сумел раскрыть многие его тайны.

В XX в. С. Гзелль (1864, Париж — 1932, Париж) поднял исследование истории Карфагена и всей Северной Африки на новую высоту. Его огромные знания почти всегда предостерегали его от поспешных выводов. Все, кто пытался представить общую картину карфагенской истории после Гзелля, смогли в отдельных случаях добиться некоего прогресса, но в целом они не смогли не только превзойти, но даже достичь высот Гзелля.

2. ФИНИКИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

История архаического периода Карфагена укладывается в историю финикийской экспансии. Но время написания истории финикийской экспансии еще не пришло. Несмотря на все остроумие, какое было проявлено в последние столетия при интерпретации соответствующих литературных и эпиграфических текстов, несмотря на прогресс, достигнутый за последние десятилетия в археологическом исследовании средиземноморских и атлантических поселений финикийцев, остается еще слишком много ненадежного, даже бессмысленного. К тому же еще ни в коем случае не окончен методологический спор относительно доказательной силы археологических фактов для истории ранней фазы той или иной фактории или поселения. Поэтому последующее изложение также может быть только предварительным.

АВТОРЫ

Греки называли носителей самой далекой и самой значительной по последствиям экспансии древности «финикийцами» (этимологическое объяснение этого названия, кажется, еще не найдено). Как эти финикийцы, жители городов-государств, расположенных в основном на побережье сегодняшнего Ливана, называли себя сами, совершенно неизвестно.

Хотя феномен финикийской экспансии часто связывался и связывается с именем города Тира, все же едва ли вероятно, что только представители или граждане этого города преследовали цели экспансии. Но так как Тир с IX в.¹ господствовал над всем финикийским побережьем, включая Сидон, и так как финикийская колонизация в узком смысле в Западном Средиземноморье развивалась только во время политического главенства Тира, то возникла видимость, но только видимость, что Тир обладал монополией на экспансию. В действительности Сидон, кажется, не только в период своего подчинения Тиру участвовал в процессе колонизации, но уже тогда,

¹ Все даты в этой книге относятся ко времени до нашей эры, так что этот момент в тексте не оговаривается.

когда он еще мог принимать автономные решения об участии в экспансионистской политике.

Самое позднее с VIII в. олигархический слой финикийских торговцев обладал сильной экономической властью, а с нею и политическим значением. Поэтому купечество, а не монархия, сила которой убывала, являлось в основном определяющим фактором колонизации.

ВРЕМЯ

Одной из самых спорных проблем, какие финикийская экспансия ставит перед наукой, является проблема датировки. Главным образом это связано с тем, что литературное предание датирует начало экспансии уже XII в., но самые ранние археологические находки в Западном Средиземноморье относятся только к VIII в.², а самые древние эпиграфические свидетельства восходят лишь к X в. Однако было бы ошибочным только на основании недостающих археологических находок вести разговор о поздней датировке финикийской экспансии. Тот факт, что археологические свидетельства относятся к сравнительно позднему времени, можно объяснить иначе, чем допущение, что финикийская экспансия началась только в VIII в.

Из рассказа египтянина Ун-Амуна следует, что в XI в. между египетскими и финикийскими гаванями существовало оживленное морское сообщение. Ограничивалась ли эта торгово-политическая активность финикийских городов только направлением север-юг? Это едва ли так. Надо учитывать динамику, присущую всем большим торговым предприятиям. Технические предпосылки для дальнего мореплавания существовали, во всяком случае, уже давно, очевидно, уже с III тысячелетия. И кажется, что финикийцы после нападений народов моря плавали по путям, которые они или их соседи использовали еще до появления народов моря. Таким образом, можно с некоторым основанием датировать начало финикийской экспансии XI в.

СПОСОБ

Финикийская экспансия, по всей видимости, прошла несколько этапов. Если первоначально финикийцы в качестве опорных пунктов использовали гавани других народов, то позже они создавали свои

² В настоящее время уже обнаружены археологические данные, восходящие по крайней мере к IX в.

фактории частью на краю существующих поселений, частью в местах, защищенных природой, центрами которых они делали святилища, и, наконец, основывали замкнутые поселения. Из этих поселений они затем проникали, как это было особенно на Сардинии, внутрь суши.

Нет ничего удивительного в том, что от первых двух этапов экспансии едва остались археологические следы. Надо заметить, что первоначально вообще не существовало никаких собственно поселений, что экспортируемые товары — ткани, сосуды, мази, рабы — были по природе преходящими, что фактории и их святилища строились, конечно, из весьма скромных материалов и позже многократно перестраивались. Только третья фаза финикийской экспансии, которая в Западном Средиземноморье началась в VIII, самое раннее — в IX в., может считаться колонизацией в собственном смысле. К этому надо прибавить, что переход от факторий к колониям был плавным. Во всяком случае, VIII в. представляет некую цезуру в истории финикийской экспансии, когда отныне более значительные группы населения метрополии, а также финикийско-кипрского населения устремились в Западное Средиземноморье. Здесь они встретили людей, принадлежавших к различным туземным культурным кругам, и кажется, что они были в целом не берущие, а дающие.

ПРИЧИНЫ

Несомненно, первую пружину финикийской экспансии надо искать в торговле; не без основания этноним Кп'njm в некоторых местах Ветхого Завета означает «торговец». Вероятно, тот факт, что финикийцы были как бы втиснуты в полосу между морем и горами, привел к тому, что они в большей степени, чем израильтяне, стремились к морю. К этому добавляется и то, что они, обитая между Египтом, Месопотамией и эгейско-малоазийским регионом, уже давно узнали о ценности определенных товаров и об известных торговых путях. И у них образовалась, очевидно, определенная характерная предрасположенность, которая делала их способными не оглядываться на опасности, связанные с далекими землями.

Короче, перспективы и выгоды заморской торговли в первую очередь толкали финикийцев к морю. Особенно торговля металлами, и в первую очередь (во всяком случае, в Ибернии) серебром, приносила весьма ощутимый барыш. Итак, это ни в коем случае не ассирийское давление возбуждало финикийскую экспансию. Надо иметь в виду, что до правления Тиглатпаласара III (745–727 гг.) Тир не терял свою независимость.

Во всяком случае, вполне возможно, что растущий ассирийский спрос на сырье в VIII в. привел к значительной интенсификации финикийской экспансии, экспансии, которая теперь стала колонизацией.

ТЕРРИТОРИЯ

Кипр

Хотя античные литературные свидетельства указывают на Дальний Запад как на цель самой ранней финикийской экспансии, все же вероятно, что Кипр (отвлекаясь от Египта) был первой заморской территорией, привлекавшей финикийских купцов. Среди финикийских городов Кипра Китий был, очевидно, тем городом, в котором финикийские торговцы в первую очередь осуществляли свои меркантильные интересы, здесь они удовлетворяли значительную часть своих потребностей в меди.

Археологический материал показывает, что финикийцы были представлены в Китии в середине IX в. Если заметку Менандра Эфесского можно правильно восстановить, то Китий в качестве тирской колонии существовал уже в X, а может быть, даже в XI в. Спорно, носил ли город финикийское название Qrthdšt (Картхадашт, Новый город). На основании надписи, найденной явно в окрестностях Лимассола, я считаю это невероятным.

Впрочем, существует возможность, даже вероятность, что по крайней мере до рубежа тысячелетий не только Тир, но и другие финикийские города, такие как Сидон и Арвад, создавали зависимые от себя пункты на Кипре. И может быть, не будет особой смелостью предположить, что Qrthdšt был основан сидонцами.

Наконец, в этой связи следует упомянуть чашу, которую жители Тамасса посвятили 'štrt (Астарте) Кития и которая датируется второй половиной IX в. На основании надписи на этой чаше можно не только говорить о значительном почитании 'štrt (Астарты) Кития, но и сделать вывод об относительно раннем существовании финикийской колонии Тамасс или, по крайней мере, о финикийской «колонии» в Тамассе. Как и в случае Тамасса, финикийских колонистов интересовали медные рудники, находившиеся около города.

Анатолия и Ассирия

Литературные, эпиграфические и археологические свидетельства показывают, что финикийцы с X–IX вв. развивали экономическую активность в Анатолии и Ассирии и оказывали на них культурное

влияние. Должно в следующем порядке назвать такие области: залив Искандерун (с неточно локализуемым античным Мириандом), Киликия (с Аданой, Тарсом и Аланией), Северная Сирия (с Халепом, Зинжирли, Хасан-Бейли и Каратепе) и область Северного Евфрата (с Каркемышем, может быть, «Харакс-Сидой» и областью Харрана).

Эгеида

Относительно начала финикийско-греческих торговых связей в эгейском регионе мы находимся еще в большей неясности, чем в случае Кипра. С определенной вероятностью можно говорить, что финикийские торговцы с X в. закреплялись в гаванях Эгеиды. Следы этой ранней торговли в преобладающем числе сохранились, однако не в земле, а в литературной традиции³. Эта традиция указывает на то, что финикийцы использовали торговый путь, который шел через следующие стоянки: Родос, Анафа, Фера, Мелос, Скрифос, Коринф, Афины, Фасос, Фракия, Самофракия, Лемнос (?), может быть, даже Пронектос. Другой путь вел от Родоса через Итанос, Киферу, Мefonу, Киллену, Закинф, Левку и Онхесм на Запад. Финикийские следы всплыли, кажется, и в Эфесе. Однако колонии в собственном смысле финикийцы в Эгейском бассейне, кажется, все же не создали.

Что касается Крита, то там с давнего времени известны некоторые финикийские предметы, относившиеся к IX в. и открытые в Идейской пещере. Но теперь нам известна финикийская надпись, относившаяся к X–IX вв., которая была нанесена на чаше, найденной вблизи Кносса. Текст надписи, по-видимому, был таким: «Чаша Šš, сына L'mn». Кроме того, кажется, что финикийцы в VIII в. приобрели новый центр в позднеминойском святилище, находящемся в Коммосе (Южный Крит), где они имели свою часовню с тремя бетилами. Примечательно, что внутри и снаружи святилища найдены многочисленные обломки финикийской керамики IX–VIII вв. Очевидно, с ранних времен финикийские торговцы стали посещать Крит.

Сицилия, Пантеллерия, Мальта и Годзо

По знаменитым словам Фукидида, которые, вероятно, восходят к Антиоху Сиракузскому, еще до прибытия греческих поселенцев

³ Раскопки на Эвбее дали археологическое доказательство связей между Эгеидой и финикийским побережьем в X в.

финикийцы жили «вокруг всей Сицилии... ради торговли с ее жителями». Историчность этих слов нельзя оспаривать только потому, что финикийцы, в течение более короткого или более долгого времени жившие на «мысах» и «островах» Сицилии, до середины VIII в. оставили лишь немногие и частично неясные археологические следы. Очевидно, они не занимались строительством сооружений, имевшим длительный характер.

Первые финикийцы, достигшие Сицилии, были теми же финикийцами, которые еще до рубежа тысячелетий отправлялись в путь к Иберии. В последующее время многочисленные финикийцы рассматривали Сицилию не только как промежуточную стоянку, но и как собственную цель, пока они не были принуждены греческими колонистами к отходу в Мотию, Панорм и Солунт. До этого, кажется, они населяли не только эти упомянутые места, но также Тамприций, Тапс, Феник, Пахин, Макару и Мазару.

Мальту и Гавлос Диодор также справедливо считал финикийскими колониями.

Сардиния

Уже первым финикийским мореплавателям, которые достигли Сицилии, понадобилось немного времени, чтобы перебраться на Сардинию, хотели ли они использовать путь, ведущий через Балеары в Иберию, или намеревались вести свои дела на самой Сардинии. Эти дела могли быть связаны с серебром, железом, оловом и свинцом Иглесьенте или с медью, особенно Барбаджи.

Археология и эпиграфика указывают на то, что во время самой ранней колонизации Сардинии доминирующую роль играли финикийцы Кипра, роль ведущую, но все же не исключительную.

Кроме археологических свидетельств, особенно так называемая надпись из Норы, которую обычно датируют IX в., говорит о том, что финикийцы уже ко времени создания этой надписи вели колонизаторскую деятельность на Сардинии. Уже в VIII в. Сардиния была окружена венком финикийских прибрежных поселений. Это были Каралис, Нора, Бития, Сулкос, Таррос и Боса. В VII в. финикийские поселенцы по речным долинам продвинулись от побережья внутрь острова, как это можно проследить по сооружениям военных поселений, таких как Монте Сираи (вблизи Карбонии) и Пани Лорига (около Сантади). Наконец, в VI в. карфагеняне вторглись на Сардинию, чтобы предотвратить направленный против распространяющихся финикийцев контрудар сардов.

Апеннинский полуостров

Самое позднее в VIII в. финикийские торговцы, кажется, высадились также на берега Этрурии, Лация, Кампании и Бруттия. И если мы не обманываемся, то некая группа этих торговцев создала на Бычьем форуме «Рима» святилище *Mlqrt* (Мелькарта) — *Ara Maxima*. Но за рамки создания скромных факторий «колонизаторская» деятельность финикийцев не вышла. Этруски и во все увеличивающемся масштабе греки своим наличием помешали созданию собственно финикийских колоний. Все же финикийские метеки жили под защитой этрусских и греческих городов, как показывает пример Питекусы (третья четверть VIII в.).

Пиренейский полуостров и Балеары

По преданию, сообщенному Патеркулом, Гадес (*Gdr* — «Укрепление») был основан как финикийская, или тирская, колония очень рано — «приблизительно за 80 лет до взятия Трои (приблизительно) через 120 (лет) после того, как Геркулес ушел к богам», т. е. около 1104/03 г., если в основу положить хронологическую систему Эратосфена и Аполлодора. Однако если не обращать внимание на то, что эти данные, находящиеся в мифологическом контексте, к тому же греческого происхождения, не заслуживают большого доверия, если речь идет о временной фиксации основания финикийской колонии, то прежде всего надо указать, что историческая вероятность говорит против принятия появления финикийской, и к тому же тирской, колонии в это раннее время. Дата основания Гадеса, названная Патеркулом, как и дата Ликса и Утики, очевидно, скорее относится к позднему установлению параллели между временем Гераклидов и временем финикийской экспансии на Дальнем Западе. Поэтому свидетельство Патеркула не заслуживает нашего доверия. Все же я считаю возможным, что финикийские купцы уже в конце II тысячелетия установили торговые контакты с иберами. С некоторым основанием можно в этой связи сослаться на аналогичный процесс экспансионистского толка: так, например, самые древние западные апойкии находились не вблизи греческой метрополии, а отдалялись от нее довольно далеко.

Побудительной причиной, гнавшей финикийских торговцев на Дальний Запад, было в первую очередь серебро Пиренейского полуострова. Наряду с ним интерес вызывали, по-видимому, также его железо, его олово и его свинец.

По данным археологических находок, к VIII в. надо отнести интенсивную колонизаторскую деятельность, явно обусловленную сильным притоком восточнофиникийских поселенцев⁴. Южное побережье Пиренейского полуострова стало почти финикийской «провинцией». Не говоря уже о Гадесе, в этой «провинции» находились следующие финикийские пункты: Альхараке около Уэльвы (?), Серро дель Прадо (у Гибралтара), Эль Вильяр (около Малаги), Малага, Тосканос с некрополем Серро дель Пеньон (?), Хардин, Серро дель Маар и форт (?) Серро дель Аларкон, Моро де Мескитилья с некрополем Трайамар, Чорreras, некрополь Серрильо де лас Сомбрас (около Фригильяны) (?), Альмуньекар с некрополем Серро де С. Кристобаль, Пуэнте де Ной и Велилья (?), Адра и Вильярикос (?). Дальнейшие выводы о размере территории, занятой финикийскими или пуническими поселениями, можно сделать из осторожной оценки топонимического материала.

Местные иберы реагировали, кажется, на внедрение финикийцев частично сопротивлением, частично приспособлением.

Проблемы локализации библейского Tršjš (Таршиша) или греко-римского Tartēssós — Tartessus здесь можно коснуться лишь слегка. В то время как в греко-римскую эпоху Тартесс многократно идентифицировался с Гадесом, сегодня Таршиш обычно вновь находят в Андалусии, или, точнее, в Уэльве, причем каждая попытка локализации считается невозможной или неадекватной. Я все же по-прежнему придерживаюсь взгляда, что Таршиш связан с Тартессом, и в этой идентификации нахожу опору для принятия более ранних финикийско-иберийских контактов. Все же несомненно, что культура Андалусии, которая видна в Уэльве, Кармоне и Осуне, отмечена больше финикийским, чем фокейским, влиянием.

Мадейра

Псевдо-Аристотель и Диодор сообщают о чудесном острове, который открыли и захватили финикийцы. Идет ли речь о Мадейре? Кое-что говорит в пользу этого. Во всяком случае, было бы неправильным принимать эти рассказы за чистый моряцкий обман.

⁴ Судя по новым археологическим открытиям, начало широкой финикийской колонизации на южном побережье Пиренейского полуострова надо отнести ко времени не позже IX в.

Марокко

Если уже храм Мелькарта в Гадесе имел внушающую уважение древность, то, по утверждению Плиния Старшего, храм Мелькарта в Ликсе был построен еще раньше. Важны также факты, которые, правда, не надо переоценивать, что в Ликсе был найден скарабей, который нужно датировать X в., и что древнейшие финикийские находки в этом городе восходят все-таки к VII в.

Вблизи Тингиса были открыты могилы, часть которых была вырыта в VIII в. и которые содержали финикийский погребальный инвентарь. Однако эти погребальные сооружения, как кажется, указывают скорее на торговую, чем на колонизаторскую, активность финикийцев.

Страбон утверждает, что в *Kôlpos Emporicós* (залив Эмпорик) южнее Ликса находились финикийские торговые поселения. Он сообщает даже, прибавляя, правда, осторожное «говорят», что в бухтах, расположенных еще южнее, имелись древние поселения тирийцев — не менее 300 городов. Было бы безрассудным без достаточных оснований оставить в целом без спора сообщение Страбона.

Самое позднее со второй половины VII в. финикийские (не карфагенские) торговцы посещали Могадор, и надо согласиться, что между Гибралтарским проливом и Могадором имелись финикийские опорные пункты или пункты, находившиеся под их влиянием.

Возможно, уже финикийцы, а не карфагеняне, создали опорный пункт на Керне, который приобрел определенное значение, учитывая торговлю гвинейским золотом. Вообще, кажется, что финикийская деятельность в Марокко была связана большей частью с западно-африканским золотом. Возможно ли, что некоторую роль играл доступ к рынкам слоновой кости этого региона?

Тунис и Алжир

Предположительно уже ранние финикийцы во время своих путешествий из Финикии на Дальний Запад использовали путь вдоль североафриканского побережья. Поэтому кажутся совершенно удивительными утверждения Псевдо-Аристотеля и Плиния, что Утика, явно самый важный североафриканский опорный пункт, была основана в очень раннее время, точнее — в 1101–1100 гг. Надо, однако, подчеркнуть, что эта дата не более вероятна, чем дата основания Гадеса. Это — одна сторона, которую надо учитывать при ответе на вопрос о первых финикийско-ливийских контактах. С другой стороны, из второго римско-карфагенского договора и из «клятвы

Ганнибала» очевидно, что Утика была *старшей* сестрой Карфагена, который был основан в IX–VIII вв. Поэтому не является безосновательным мнение, что финикийцы уже на рубеже тысячелетий вошли в соприкосновение с жителями Туниса и Алжира. В пользу ранних финикийско-ливийских контактов говорит сообщение Менандра Эфесского, что тирский царь Итобаал в IX в. основал в Ливии город Аузу. К сожалению, это сообщение нельзя проверить. Более несомненно, что финикийцы в течение некоторого времени располагали цепью якорных стоянок на алжирском и тунисском побережье, которые они использовали во время своих путешествий. Кажется, однако, что эти стоянки располагались не на одинаковом расстоянии друг от друга; они приблизительно соответствовали дневному пути.

Так продолжалось, во всяком случае, еще несколько поколений, пока финикийцы на территории западнее Утики не стали основывать прочные поселения. Впрочем, крайне трудно и даже, может быть, невозможно твердо различить финикийские и пунические поселения. Неоднократно в науке финикийское происхождение бесспорно приписывалось Гиппону (Диарриту), Гадрумету и Лептису (Малому).

Ливия

Топонимические исследования показали, что такие названия, как Макомака, Макомада, Автомалака, Хосоль (?), Хорот, Хамин и Киртаний, имеют семитские, а в данном случае, следовательно, финикийские корни. Так что в этих местах надо видеть финикийские опорные пункты; думать об их карфагенском основании запрещает историческая вероятность. Но если эти опорные пункты были финикийскими факториями, то то же самое можно предположить и относительно лежащих западнее Лептиса, Эи и Сабраты.

Следовательно, оказывается, что с не известного точно времени финикийцы, путешествуя в Иберию и обратно в Финикийю, использовали не только путь, который вел через Родос, Грецию, Южную Италию и Сицилию, но тот, который шел вдоль североафриканского побережья.

Америка

Станным порождением панфиникизма прошлой эпохи выглядит утверждение, что финикийцы открыли Америку. Это утверждение уже потому неправдоподобно, что оно опирается на свидетельство «найденной» в Параибе (Бразилия) «надписи», которая, без всякого сомнения, является фальшивкой.

СТРУКТУРЫ

Финикийские колонии отличались от греческих апойкий в том числе и тем, что они, по крайней мере вначале в управлении, а следовательно, и политически, подчинялись метрополии. Мы не знаем ни одного царя (используя это слово в узком смысле) финикийской колонии. Но мы, видимо, знаем *skn* (сукина, наместника) одной финикийской колонии: «*ʿhṭb*, наместник Картхадашта (Кипр), раб Хирама, царя сидонян». Были ли в этом правиле исключения, хотя бы в случае Карфагена, — вопрос более чем дискуссионный. Зависимость финикийских колоний от метрополий особенно ясно проявляется в том, что они были обязаны платить «дань» метрополиям. А зависимость дочерних городов от материнских подтверждается тем, что египетские, ассирийские, нововавилонские и персидские цари, которые завоевывали Финикию или приобретали в ней влияние, претендовали и на власть в западных колониях.

Больше всего известно о связях, существовавших между Карфагеном и Тиром: в ежегодно уплачиваемом налоге следует видеть не только религиозные, но и экономические и политические аспекты. Политические изменения на Ближнем Востоке привели все же к тому, что колонии стали приспосабливать связи с материнскими городами к изменившимся условиям.

3. ОСНОВАНИЕ ГОРОДА

Карфаген в древности был известен под названиями Тир, Таршиш, Кайне Полис (Новый Город), Кадмейя, Ойнуса, Каккаба, Африка и Бирса¹, но нет никаких оснований предполагать, что город официально имел какое-либо другое название, кроме как Qrthđšt (Картхашт, Новый город).

Каким образом из финикийского топонима Qrthđšt получились греческая форма Karchēdōn и латинская Carthago, спорно. Соответствует ли финикийская форма Qrthđšt арамейской *Qrthđt', из которой (в результате ассимиляции d и t) возникла «западная» форма Carthada, которая затем, со своей стороны, превратилась (путем ассимиляции t и h) в Karchēdōn? Или из-за диссимиляции, с одной стороны, th в g и, с другой — t и h, или греки неизвестного происхождения создали из-за схожести с Kalchēdōn форму *Karthadōn, ибо в их языке окончание -št было не принято, форму, из которой получились Karchēdōn и Carthago? Последнее кажется более вероятным, поскольку принятие арамейской посреднической формы связано с трудностями и при принятии названий чужих мест нельзя принимать во внимание строгое следование фонетическим правилам.

Античная традиция по-разному описывает обстоятельства основания Карфагена. Одни античные авторы высказывают мнение, что некий Кархедон, поддержанный в этом случае неким Азором, или Зором, основал Карфаген. Другие полагают, что своим существованием Карфаген в действительности обязан женщине по имени Картаго, или Картагена, или Картера, или Кархос. Третьи утверждают, что основательницей Карфагена была тирская принцесса Элисса, или Дидона. Так как в первых двух версиях явно топонимы (Кархедон, Цор) превращены в легенду, то эти версии с исторической точки зрения не имеют никакой ценности. Но как обстоит дело с третьей версией, которая наиболее подробно приводится Юстином? По этой версии, Элисса ('lšt), дочь тирского царя Мутона, бежала от преследований своего

¹ Существует едва ли достоверное традиционное мнение об основании Карфагена в конце II тысячелетия до н. э. Известный французский археолог и историк П. Сента высказал мнение, что в то время на месте будущего Карфагена была создана финикийская фактория и именно она и носила название Каккаба или Бирса. Позже Бирсой назывался карфагенский акрополь.

брата Пигмалиона, который убил ее дядю и супруга Гасдрубала², через Кипр к берегам Тунисского залива; там она купила у туземцев столько земли, сколько могла покрыть шкура быка (бирса), порезанная ею на полоски, основала на месте, где была найдена конская голова, город и наконец покончила самоубийством на костре, чтобы избежать брака с Гиарбом, царем макситанов. В сообщении Юстина содержатся, однако, некоторые подозрительные сведения. Личное имя Пигмалион в тирской ономастике не засвидетельствовано, кроме как в списке Менандра³. Утверждение, что руководство колонизаторским предприятием принадлежало женщине, трудно себе представить. Об обстоятельствах бегства рассказано в форме легенды. История с бирса возникла на основе греческой народной этимологии. Рассказ о находке конской головы связан с ее изображениями на карфагенских монетах. То, что Карфаген в первые времена своего существования управлялся царями, по меньшей мере, спорно, как и утверждение, что в Карфагене имелся культ Элиссы. На этом основании рассказ Юстина нельзя считать исторически надежным⁴. Одним словом, у нас нет надежного сообщения об обстоятельствах основания Карфагена.

А как обстоит дело с известиями о времени основания Карфагена? Из массы относящихся к этому литературных заметок надо выделить прежде всего три рассказа. Филист утверждает, что Карфаген был основан незадолго (может быть, за одно поколение) до Троянской войны (1215 г.). Эта дата, конечно, вызвана стремлением систематизировать легендарную хронологию, стремлением, какое можно было видеть также в установлении времени основания Гадеса, Ликса и Утики. Поэтому историку она не интересна. Тимей относит основание Карфагена к 38 г. до первой Олимпиады, т. е. к 814–813 гг. (по эксклюзивному счету времени) или 813–812 гг. (по инклюзивному счету). Эта дата, видимо, является исходным пунктом большинства хронологических отсчетов античных авторов. Ее нельзя ни подтвердить, ни отрицать. То, что она была создана искусственно, что отсчитывалось назад от посольства Ксеркса (483 г.) десять поколений по 33,5 года, мне все же кажется невероятным. По Менандру, Карфаген был основан в седьмой год правления тирского царя Пигмалиона. По менандровским, библейским и ассирийским данным, этот год соответствует некоторому году в промежутке 825–820 гг. Дата Менандра,

² Обычно супруга Элиссы именовали Ахербом.

³ Надо, однако, иметь в виду, что Менандр, как об этом несколько ниже говорит и В. Хусс, использовал тирские летописи, и это повышает степень доверия к его сообщениям.

⁴ Более тщательные исследования текста Юстина показывают, что он в конечном итоге восходит к собственно карфагенской традиции.

следовательно стоит очень близко к тимеевской дате. Зависит ли она от нее? Кажется, что нет. Не говоря уже о том, что между датами обоих авторов все-таки существует различие, Менандр в своем рассказе основывается на тирских документах, и нет разумных оснований сомневаться в достоверности этого сообщения.

Трудность, однако, состоит в том, что самые ранние археологические находки относятся не к последней четверти IX в., а ко второй половине VIII в. Решающий ли это аргумент не в пользу менадровской или тимеевской даты основания? Судя по тому, что мы знаем о способе финикийской колонизации, нет, поскольку она создавалась из «легких строительных материалов». К этому надо прибавить, что при основании «города» акт обоснования нельзя понимать как создание в полном объеме способного функционировать городского поселения, а только как постройку тирского опорного пункта. Впрочем, существует, хотя и отдаленная, возможность, что более ранние археологические свидетельства все же появятся. По этим причинам, как и раньше, кажется правильным придерживаться тимеевской или менадровской даты основания⁵.

Одной из существенных причин, подвигшей тирийцев основать факторию или колонию в этом месте на берегу Тунисского залива, является положение, удобное с торгово-политической и фортификационной точки зрения. Карфаген мог исполнять функцию шарнира между левантийским Востоком и Дальним Западом. Через Карфаген могла стать интенсивной и африканская торговля. Топография Карфагена представляет удобные предпосылки также для строительства укреплений и торговых сооружений. Но то, что при основании города определенную роль играла идущая от Ассура военная угроза для Тира, совершенно невероятно; ведь Тир только во времена правления Тиглатпаласара III (745–727 гг.) вступил в открытый конфликт с Ассуром. Возможно, конечно, что в это время был дан новый толчок для тирской эмиграции в Карфаген.

В первые периоды существования города, как удивительно сообщает Юстин, украшая свой рассказ легендами, кажется, определенную роль играл финикийско-кипрский элемент. Импорт, происходящий с Кипра, и параллели между ранними карфагенскими и финикийско-кипрскими изделиями позволяют сделать этот вывод.

⁵ Еще в начале 60-х гг. XX в. И. Ш. Шифман и М. Л. Гельцер доказали, что Карфаген был основан в 825–823 гг. К сожалению, их написанные на русском языке работы не получили должного отклика в трудах западных коллег. Однако в настоящее время ряд европейских исследователей пришли к тому же выводу.

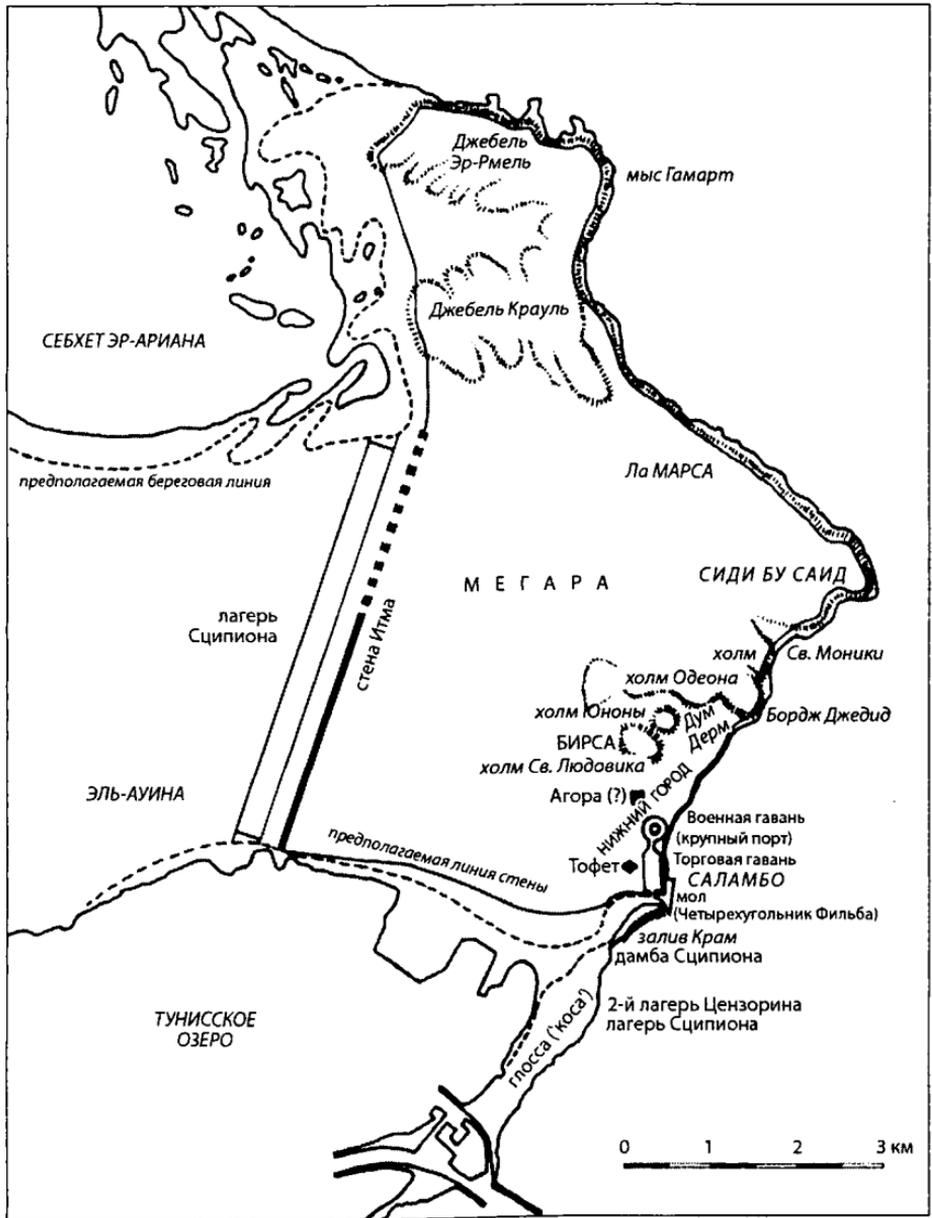
4. ТОПОГРАФИЯ

Полибий, видевший Карфаген собственными глазами, так описывает положение города: «Карфаген... расположен на берегу морского залива, в который он вдается наподобие полуострова, так что он почти со всех сторон окружен водой, с одной стороны — морем, с другой — лагуной. Перешеек, который соединяет его с Ливией, имеет ширину двадцать пять стадий. Со стороны моря недалеко от него находится город Утика, со стороны лагуны — Тунет». Позже активный процесс обмеления привел к радикальному изменению топографии, особенно в северной части бывшего полуострова. Если когда-то море глубоко вклинивалось в сушу между мысом Сиди Али эль-Мекки и мысом Гамарт, северной оконечности карфагенского полуострова, то теперь побережье между этими двумя мысами тянется, только слегка искривляясь внутрь. От бывшего залива Утики остались только соленые бассейны озера Гар эль-Мелх (юго-западнее мыса Сиди Али эль-Мекки) и Себхет эр-Ариана (западнее мыса Гамарт). По-видимому, и Тунисское озеро, как и Себхет эр-Ариана, уже давно было бы отрезано от моря, если бы не существовало желания сохранить для города Туниса открытый доступ к морю.

До сих пор не найдено никаких следов первоначального финикийского поселения в Карфагене. Но если принять во внимание, на каких участках находятся места древнейших археологических свидетельств, и вспомнить, что новопришельцы высадились, конечно, на наиболее удобную землю, то, в сущности, можно иметь в виду только три участка карфагенского полуострова, которые можно рассматривать как место первоначального поселения. Это — территория вблизи находящегося на холме некрополя с пляжем Бордж Джедид, район Саламбо с бухтой Крам и район холма Св. Людовика-Саламбо с бухтой Крам. Однако точке зрения, что пляж Бордж Джедид являлся местом первоначального расположения Карфагена, может противоречить тот факт, что этот пляж не был защищен от неприятных северо-восточных ветров, факт, на который финикийцы, будучи опытными мореплавателями, не могли не обратить внимания. Поэтому надо принять, что первые поселенцы высадились в бухте Крам и там создали свои самые ранние постройки. Близость Тофета, восходящего к архаическому

времени, как кажется, подтверждает это мнение. Возникает все же вопрос, надо ли, несмотря на некоторые сомнения, идентифицировать холм Св. Людовика с Бирсой и, поскольку он удален приблизительно на 1 км от бухты Крам, надо ли включать его в территорию самого раннего поселения. Окончательно решить этот вопрос едва ли возможно, ибо римляне при новом обосновании на плато Бирсы разрушили все более древние слои. Учитывая, что финикийцы при создании своих колоний обращали внимание и на возможность их обороны, будет вполне разумным предположить, что, как и всегда, именно Бирса лучше всего подходит для этого. Это предположение прямо-таки навязывается на основании новых находок: теперь мы знаем, что юго-восточные и восточные склоны Бирсы были заселены уже в архаическое время.

Если бухта Крам являлась, вероятно, древнейшей естественной гаванью Карфагена, то первым искусственным портом был канал шириной приблизительно в 15–20 м, который шел в направлении север — юг в районе более позднего порта и обеспечивал доступ к открытому морю. Названные гавани, кругообразная военная гавань и связанный с ней шестиугольный торговый порт были построены только в IV в. и потребовали значительных затрат. Для постройки военной гавани нужно было извлечь приблизительно 115 тысяч кубометров земли, а для создания торгового порта — около 120 тысяч. Посередине военной гавани располагался остров, служивший целям военного флота. Здесь, среди прочего, находились здание адмиралтейства и стоянки для 230 боевых кораблей. Торговый порт был связан с морем проходом шириной в 70 футов. Если торговцы, обосновавшиеся в нем, хотели пройти в город, то они должны были использовать ворота, которые вели туда прямо от порта. По воле карфагенских чиновников они не могли проходить через военную гавань, которая считалась закрытой военной территорией и поэтому была окружена двойной стеной. Двойная гавань называлась *Kb̄tōn*. Вероятно, это слово имеет пунический корень, очевидно, восходящий к незасвидетельствованному пуническому варианту корня *qṣṣ* (обрезать, отсека́ть), встречающемуся в некоторых семитских языках. Греческие посетители Карфагена сделали, кажется, из этого слова название *Kb̄tōn*; возможно, при этом перед их глазами была лекана, чаша, которая своим видом напоминала форму карфагенской двойной гавани. Позже из этого названия получилось родовое понятие. Восточнее входа в торговый порт был создан мол («Квадрат Фальбе»), который защищал входившие в Котон корабли от неприятных ветров.

Карфаген в III-II вв. до н. э.

Части этого мола, которые первоначально возвышались над водой, теперь находятся под водой, так как море поднялось приблизительно на 0,5 м.

Хотя спорен вопрос, относилась ли Бирса в какой-либо форме к месту возникновения первоначального города, но несомненно, что к тому времени, когда возникла легенда о Бирсе, она считалась древнейшей частью города. По древним авторам, объем холма, во всяком случае, давал повод для обдумывания. В классическое и эллинистическое время на южном и юго-восточном склонах Бирсы были созданы новые ремесленные и жилые кварталы. И во время последней смертельной битвы города эта сильно укрепленная цитадель образовывала последний оплот обороны.

С классического времени Карфаген состоял по крайней мере из трех городских частей: Бирсы, Нижнего города (*mq qrt*) и предместья, которое называлось Мегара, или Магара, или Мегалия, или Магалия. Нижний город, кажется, располагался вблизи Котона, распространяя оттуда свои кварталы, возможно, до подножия Бирсы. Предместье, которое надо отождествлять с *Néa polis* Диодора, находилось западнее и севернее Старого города; к нему относился также квартал Гамарт. Все оно носило характер обширной зоны усадеб.

Страбон утверждает, что город был окружен стеной длиной в 360 стадий. Это число, учитывая имеющиеся географические условия, явно преувеличено. Скорее, прав эпитоматор Ливия, который говорит о 23 римских милях, по крайней мере если иметь в виду условия, сложившиеся в эллинистическое время. Так как первоначально город живых был отделен от города мертвых, то стена архаического города должна была проходить южнее некрополей, находившихся на холмах. В более позднее время территория некрополей внедрилась в пределы города. Предместье было включено в городскую территорию и окружено стеной самое позднее в III в. С этого времени городская стена приобрела следующее направление: Крам — Эль Ауйна — Себхет эр-Ариана — мыс Гамарт — Сиди Бу Саид — Крам. Однако внутригородские стены между Старым и Новым городом не были уничтожены. Собственные стены, по крайней мере, в позднее время имели Бирса и Котон.

О положении улиц и площадей, а также религиозных и светских сооружений мы имеем лишь отдельные сведения. Тофет находился западнее торгового порта, а агора, видимо, севернее или северо-западнее военной гавани. Агора, возможно, была окружена портиками, под которыми мятежник Ганнон хотел угостить народ. Здание совета должно было находиться на краю агоры, а вблизи неё стоял храм Ršp (Решефа). От агоры три улицы вели к Бирсе. На них распо-

лагался храм 'šm (Эшмуна), к которому вели 60 ступеней и который превосходил роскошью все другие святилища города. Местонахождение остальных многочисленных святилищ неизвестно, может быть, за исключением храма 'štrt (Астарты) и храма Tnt bLbn (Танит в Ливане), который находился в северо-северо-восточной части Бордж Джебид, если об этом можно сделать вывод на основании места находки строительной надписи. В остальном облик города в существенной части определялся высокими, частично шестизэтажными зданиями и узкими улицами. Большое число общественных площадей было, кажется, украшено почетными статуями. Так как в распоряжении горожан имелось лишь небольшое количество ключевой воды, то водоснабжение города обеспечивалось колодцами и особенно цистернами; акведуков в пуническое время, кажется, не было.

Страбон сообщает, что в начале III Римской войны в Карфагене жило 700 тысяч человек. Это число обычно считается чрезмерным. Может быть, скептики правы. Может быть, они и ошибаются. Если Страбон нашел это число в труде Полибия, а это в некоторой степени вероятно, то оно идет от хорошо информированного современника. Кроме того, надо принять во внимание, что во время борьбы с Агафоклом город набрал из гражданского населения армию в 45 тысяч человек. Это количество говорит в пользу предположения, что Карфаген уже в конце IV в. являлся одним из самых больших городов древности.

К северу от Старого города тянулся длинный шлейф городов мертвых: холм Бирсы, холм Юоны, окрестности Дуиме и Дермеша, холм Одсона, окрестности Бордж Джебид и холм вблизи Санта-Моники. Ареал некрополей использовался с VII по II в. и расширялся с юга на север.

5. НАРОД

Карфагеняне по своему финикийскому происхождению были семитами. Но не по этой причине они в течение своей истории многократно сталкивались с греками и римлянами. Причина карфагено-греческих или карфагено-римских противоречий носила, скорее, государственно-политический характер. Хотя было бы неверно чрезмерно выдвигать на первый план эту точку зрения, но ее постоянно надо иметь в виду, говоря о народном характере карфагенян. Ее многократно выдвигали антикарфагенски настроенные греки и римляне, которые только (или почти только) и информировали или, кажется, что информировали нас о народном характере карфагенян.

Римские политики и писатели и греческие историки, писавшие в римское время, часто жаловались на «пуническую верность». Карфагенскую сущность они многократно приравнивали к лживости и нарушениям данного слова как в частной, так и в политической жизни. Так как сами римляне себя считали народом, верным заключенным договорам более чем любой другой народ в мире, «народом: прославленным своей нерушимой верностью» (Силий), то именно в отношении верности они видели в себе абсолютную противоположность карфагенянам. Анализ текстов, относящихся к внешне-политической стороне проявления вероломства, показывает, что это обвинение чаще всего несправедливо, что это обвинение скорее можно обратить против его авторов. Все же иногда, как кажется, римляне и позитивно судили о карфагенянах. Так, Цицерон называет философа Клитомаха «человеком... остроумным, как пуниец». Но подобные суждения очень часто были амбивалентными. Вообще, римляне считали алчность типично карфагенской характеристикой. А как иначе народ крестьян мог судить о народе торговцев?! И чтобы сделать их совершенно отвратительными, римляне обвиняли своих карфагенских врагов в жестокости, надменности и нечестивости.

Подобные суждения ни в коем случае не присущи только римлянам. Большую часть этих оценок римляне переняли от греков. Среди греков особенно антикарфагенски настроенный Тимей дал обширную картину безобразного карфагенянина, которая укоренилась в сознании

многих греков. Однако и Плутарх нарисовал мрачный образ народного характера карфагенян: «Иная (чем порода афинского народа) порода народа карфагенян. Они суровы, мрачны, покорны властям и надменны по отношению к подчиненным, в обстановке страха ведут себя недостойно, в гневе чрезвычайно грубы, упрямы в соблюдении однажды принятого решения, наотрез отказываются от свободного образа жизни и прелести». Мы не знаем, как появилась такая плутарховская характеристика пунической сущности. Неопровержимо, однако, что образ карфагенян, который рисовали греки, до некоторой степени зависел от образа финикийцев, представленного некогда Гомером.

Было бы неверным принять эти изображения карфагенского народного характера за чистую монету, но и ошибочным без раздумья отбросить выдвинутые обвинения. Конечно, принимались политические решения, с моральной точки зрения весьма сомнительные; конечно, существовали продувные дельцы, пользовавшиеся грязными методами; конечно, имелось много торговцев, в мыслях которых прибыль играла чрезвычайно важную роль; были, наконец, государственные чиновники с менталитетом господина, которые в некоторых ситуациях действовали решительно и неумолимо. К этому можно добавить, что многие греки думали, что они видят в сущности резкость многих карфагенян, которая в чрезвычайных ситуациях доходила до фанатизма. Все-таки обобщенные и преувеличенные обвинения, выдвигавшиеся греками и римлянами против пунийцев, были, конечно, несправедливы. Из археологических и эпиграфических свидетельств, происходящих из Карфагена, видно, что ценность справедливости, братство, чувство семьи и религиозность занимали в жизни карфагенян очень значительное место.

Карфагенские пришельцы были финикийцами. Но оставались ли они финикийцами? Или иначе говоря: что есть «финикийское», что есть «пуническое»? Конечно, до известной степени, но именно только до известной степени, речь идет лишь о вопросе словоупотребления. Я считаю имеющим полный смысл называть карфагенян раннего времени финикийцами, а карфагенян, развивавшихся начиная с VII в. в политическом и культурном отношении самостоятельно, пунийцами.

Если дать полностью удовлетворительный ответ на вопрос, в какой степени финикийцы и ливийцы на земле Северной Африки слились в новое этническое единство, едва ли возможно, то все же от этого вопроса нельзя, по меньшей мере, отмежеваться. Надо

принять факт, что финикийцы уже вскоре после создания своей фактории или колонии начали вступать в брак с представителями местных народов. Что касается Карфагена, то мы знаем, что в III и II вв. люди из высшего пунического и ливийского слоев были связаны родственными узами. Кроме того, из относительно широко представленных данных о ливийских персональных именах, заимствованных из Карфагена, видно, что ливийский элемент в городе был довольно силен.

Проблема финикийско-ливийского или пуническо-ливийского смешивания связана также с понятием «ливо-финикийцы», которое нередко встречается в античных источниках. Является ли первичным в этом понятии, что под ним подразумевается «пунический народ, смешанный с ливийцами» (Ливий)? Первоначально определенно нет. Так же как по названию «сиро-финикийцы» не стоит утверждать связь между сирийцами и финикийцами или по названию «бласто-финикийцы» — связь между бастулами и финикийцами? С использованием этих понятий, скорее, высказывалось прежде всего то, что финикийцы, о которых говорится в соответствующей связи, жили в области ливийцев, «сирийцев» или бастулов. Только Ливий интерпретирует понятие «ливо-финикийцы» в смысле этнического смешения финикийцев и ливийцев; во всяком случае, такое словоупотребление у него встречается впервые. В период организации Карфагенской державы понятие «ливо-финикийцы» использовалось в административном значении и обозначало граждан всех зависимых от Карфагена африканских пунических городов, которые большей частью являлись западнофиникийскими факториями и колониями. Когда карфагеняне в результате II Римской войны были отрезаны от своих опорных пунктов в Северной Африке (и Испании), слово «ливо-финикийцы» начали использовать в новом смысле, с одной стороны, более узком, с другой — более широком. Теперь под ливо-финикийцами понимались все жители Восточного Алжира, Туниса и Ливии. Впервые это понятие появляется в труде Страбона. Это новое понятие, однако, в последующее время подверглось еще некоторым модификациям. Но в этих различных формированиях понятия общим является то, что в нем происхождение окончательно перестало играть какую-либо роль.

6. ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЕ (814–812?/480 гг.)

История первых столетий Карфагена полностью скрыта тьмой неизвестности¹. Мы знаем только, что город после периода стабилизации на основе своих дальних и становящихся все более интенсивными торговых связей, с течением времени все больше поддерживавшихся вооруженной силой, переживал относительно быстрый подъем, который не в последнюю очередь выражается в создании факторий и колоний. Если эту карфагенскую активность можно связать с тем, что со времени правления Тиглатпаласара III (745–727 гг.) Тир подвергался все более усиливающемуся ассирийскому давлению и поэтому его интересы на Западе уже не могли защищаться с требуемой энергией, то было бы, конечно, неприемлемо объяснять карфагенскую экспансию, которая началась, самое позднее, в середине VII в., только слабостью метрополии, тем более что Тир и в последующее время не разрывал свои контакты с западными опорными пунктами; в середине VII в. даже, как кажется, новая волна финикийских колонистов прибыла на Запад. Двигательные силы обширной карфагенской экспансии надо искать, скорее, во внутренних отношениях в Карфагене. Оба потока экспансии, восточнофиникийский и пунический, протекали, кажется, некоторое время в различных руслах. Надо также считаться с возможностью, что и другие западнофиникийские центры, как, например, Утика, тоже проводили экспансионистскую политику. Но именно Карфаген сумел во все увеличивающемся масштабе координировать финикийское экспансионистское движение и создать великую державу.

К сожалению, литературные или эпиграфические источники, которые информировали бы нас о хронологической последовательности карфагенской экспансии, почти полностью отсутствуют. Все-таки

¹ Более тщательные исследования позволяют несколько рассеять эту тьму. Очень вероятно, что вскоре после основания Карфагена возникла война между карфагенянами и местным населением, закончившаяся временным (на три года) подчинением карфагенян ливийскому царю. В качестве гипотезы можно предположить, что 814 г., который указал Тимем как год основания Карфагена, был годом ликвидации местной монархии после гибели Элисы и установления в Карфагене республиканского строя.

у Тимея имеется сообщение, что карфагеняне в 654–653 или 653–652 гг. основали поселение Эбес (ʾjbsm — остров Бес)². В результате они приобрели важный опорный пункт на пути в Испанию.

СИЦИЛИЯ

На Сицилии в период, когда Пентатл из Книда предпринял тщетную попытку поселить родосцев и книдян в районе мыса Лилибей и тем самым также самую западную часть острова передать греческим поселенцам, т. е. во время пятидесятой Олимпиады (580–576 гг.), Карфаген, кажется, еще не обладал никаким влиянием, ибо в это время не вмешался в столкновение, с одной стороны, селинунтян и Пентатла, а с другой, сегестинских элимов и финикийцев из Мотии, Панорма и Солунта. Через несколько десятилетий, а может быть, даже лет после поражения Пентатла ситуация изменилась. Теперь, видимо, западнофиникийские и, возможно, также элимские города, которым угрожала экспансионистская политика греческих городов, особенно Селинунта и Акраганта, запросили вмешательства Карфагена. И карфагеняне оказали эту помощь. Карфагенский генерал Малх (возможно, что до него и другие генералы) с успехом воевал на острове и заложил основы того, что западные финикийцы еще в течение нескольких столетий могли утверждать себя в качестве политической силы. Однако из-за карфагенского вмешательства сицилийские союзники Карфагена лишились части своей прежней независимости. Их регион стал карфагенской сферой влияния. Причину такого развития надо видеть не исключительно, но все же частично и в падении Тира (573–572 гг.): Тир больше не был в состоянии гарантировать защиту своих колоний. «Провинциальный» статус пунических городов Сицилии особенно проявлялся в области внешней политики и в выплатах налога.

Возможно, что именно Малх командовал теми войсками, которые разбили жителей Селинунта в сражении, разыгравшемся перед воротами этого города. Может быть, это столкновение привело к заключению соглашения, заложившего основы мирного развития карфагено-селинунитских отношений.

² Архсологи, особенно испанские, на основании характера находок, сделанных на Ибисе, настаивают на том, что Эбес был основан не карфагенянами, а финикийцами, скорее всего, из Гадеса. Однако представляется, что в данном случае В. Хусс все же прав и Эбес, как это и утверждал Диодор, основываясь, вероятнее всего, на данных Тимея, являлся колонией Карфагена.

Положение снова изменилось, когда спартанец Дорией после неудачи своего кинипского предприятия, о котором еще пойдет речь, предпринял вторую попытку колонизации. Вместе со своими земляками Фессалом, Паребатом, Келеем и Эврилеоном он высадился на Западе и попытался обосноваться недалеко от подножия горы Эрикс. Основанную там апойкию он назвал Гераклеей. Вскоре он натолкнулся на решительное сопротивление сегестинцев, которые призвали на помощь карфагенян. Противоположные интересы столкнулись в битве, в которой спартанцы были разгромлены. Из их предводителей только Эврилеон сохранил жизнь. Позже он завладел Гераклеей Миной, апойкией селинунтян, а затем на короткое время даже стал тираном Селинунта.

В результате успехов при Кинипе и Эриксе карфагеняне, политика которых в это время являлась, безусловно, экспансионистской, укрепили свои позиции в двух чрезвычайно важных пограничных областях, и на долгое время. Кроме отдельных исключений во время военных столкновений, в следующие столетия ни один греческий завоеватель не пытался укрепиться на земле региона Сирта или в Западной Сицилии.

Среди врагов Карфагена был также Гелон, позже ставший тираном Сиракуз. На контрудар, направленный против столь успешно действующих карфагенян и сегестинцев, он решился, когда еще был тираном Гелы (491–490 — около 485 г.). Мотивы его действия носили, кажется, в основном торгово-политический характер. В качестве союзников он пытался привлечь преимущественно спартанцев, особенно напоминая им о необходимости мщения за смерть Дориея. Но спартанцы были склонны поддержать предприятие Гелона так же мало, как и другие греки метрополии. К нему присоединился, однако, тиран Акраганта Ферон, хотя он и не имел сил, нужных для осуществления планов своего союзника. Война велась с большим напряжением сил. Карфагеняне и сегестинцы, как кажется, не добились в ней решающих успехов, но в целом сохранили свои позиции. Значение войн этого времени состояло в том, что в это время определилось положение дел, какое проявилось во время войны 480 г.

САРДИНИЯ

Определенная вероятность говорит в пользу того, что в середине VI в. карфагеняне использовали армию на Сардинии не для себя, а лишь откликаясь на призыв о помощи западных финикийцев, живших

на Сардинии и испытывавших сильное давление туземных сардов, и поэтому не стремились создавать на острове свои опорные пункты или колонии³. Их военные акции натолкнулись, однако, на сильное сопротивление: Малх потерпел довольно чувствительное поражение, которое привело к тому, что карфагенское народное собрание постановило изгнать не только его самого, но и всех выживших солдат. Малх отказался подчиниться этому постановлению. Со своими войсками он подошел к Карфагену, осадил и завоевал свой родной город. После убийства десяти сенаторов, которые способствовали изгнанию Малха, в городе установились нормальные политические отношения. Однако политические противники Малха не успокоились, пока не осудили его за стремление к царской власти и не казнили.

Ганнон, по-видимому, принадлежал к той политической группе, представители которой ликвидировали Малха. Во всяком случае, именно он после Малха играл значительную роль в политической жизни Карфагена. Он укрепил государственный порядок, по-новому поставил военное дело и стал проводить активную экспансионистскую внешнюю и торговую политику. Значение, какое приобрел Ганнон в той важной фазе построения Карфагенской державы, едва ли можно переоценить.

Надо думать, что Ганнон занялся также событиями, в центре которых стоял город Алерия⁴ (Корсика). Эта апойкия, основанная приблизительно в 565 г. фокейцами, переживала новый подъем в результате прибытия туда новых поселенцев, бежавших от власти персидского царя. Опираясь на Алерию, фокейцы вторгались в торгово-политическую сферу карфагенян и этрусков, занимаясь не в последнюю очередь активным пиратством. Обе силы оказались вынужденными выступить против фокейской активности в Тирренском и Сардинском морях. Ради обеспечения успеха своего замысла они приблизительно в 540 г. заключили союз. Затем в Сардинском море флоты карфагенян и этрусков (по 60 кораблей у каждого партнера), с одной стороны, и фокейцев, которых тоже было 60, — с другой, столкнулись. Союзники одержали бесспорную победу: они потопили 40 вражеских кораблей и повредили оставшиеся 20. После этой победы карфагеняне еще более, чем раньше, оказались в состоянии устранять факторы, мешающие облас-

³ Опираясь и на более общие соображения, и частично на факты, относившиеся к более позднему времени, и на данные археологии, большинство ученых пришли к выводу, и в этом с ними надо согласиться, что финикийские города не только не призывали на помощь своих карфагенских соплеменников, но и оказывали им упорное сопротивление.

⁴ Греческое название этого города — Алалия.

тям их влияния. Возможно, они заключили с этрусками соглашение о взаимном признании сфер интересов. Если это так, то Сардиния вошла в карфагенскую сферу, а Корсика — в этрусскую.

И позже на Сардинии шли опасные и долгие бои. После того, как, может быть, уже Ганнон возобновил военные действия, какие ранее вел Малх, и добился больших успехов, чем его предшественник, Гасдрубал, сын Ганнона, свои силы посвятил далеко идущей задаче подчинить Карфагену Сардинию. Он не менее одиннадцати раз возглавлял военные походы, и, как кажется, речь шла без исключения о походах на Сардинию. Факты показывают, что он четыре раза праздновал «триумф». Прежде чем он умер от раны на Сардинии, он передал верховное командование своему брату Гамилькару, который, вероятно, находился в его штабе.

Ко времени заключения первого карфагено-римского договора Сардиния находилась во власти Карфагена; по крайней мере, карфагеняне претендовали на это.

Раскопки особенно последних лет показали, что во внутренние районы Сардинии не только глубоко проникала пуническая культура, но там обосновались и пунические поселенцы. И если Диодор говорит, что карфагеняне никогда не контролировали весь остров, то это значит, что в лучшем случае лишь горные племена Барбаджи и Галлуры сумели избежать прямой власти Карфагена.

КОРСИКА

Влияние карфагенян на Корсику по его интенсивности нельзя сравнить с тем, какое они оказывали на Сардинию. Но и его ни в коем случае нельзя считать незначительным. Это понятно уже из того, что в карфагенской армии в 480 г. находились и корсиканские войска. Кроме того, многочисленные пунические находки ясно указывают на определенное пуническое присутствие на острове. По-видимому, в последние десятилетия IV в. и в первые шесть десятилетий III в. карфагеняне заполнили пустоту, которая образовалась на острове в результате подчинения этрусков римлянами.

АПЕННИНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

На Апеннинском полуострове карфагеняне колоний не основывали, ибо этруски и греки на этой территории препятствовали не только им, но и их финикийским предшественникам. Все же торговые

связи, особенно между карфагенянами и этрусками, развивались активно. Они возникли уже в VII в. и впоследствии только укреплялись. Карфагеняне нуждались прежде всего в этрусском железе, меди и свинце, а этруски — в карфагенском золоте, серебре и олове. Карфагено-этрусские договоры, о которых говорит Аристотель, вероятно, были заключены (по крайней мере, часть их) еще до битвы при Алерии (около 540 г.). Что касается рубежа VI–V вв., то находка этрусско-пунической квазибилингвы, сделанная в 1964 г. в Пиргах, гавани Цере, показывает, что политическое, культурное и религиозное влияние Карфагена на этрусские города было значительным. Кажется все же, что было бы преувеличением говорить о «ясном неравновесии сил в пользу Карфагена» (Катальди). В какое-то не определимое точно время, может быть в первой четверти V в., в отношениях между карфагенянами и этрусками возникла некая напряженность. Некоторые этруски планировали укрепиться на чудесном острове, лежащем в Атлантическом океане. Они были оттуда изгнаны карфагенянами. К большим последствиям это событие, кажется, не привело. Предполагают, что оно все же было историческим⁵.

ЮЖНАЯ ФРАНЦИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ИСПАНИЯ

Пунические надписи и особенно металлические и керамические изделия, найденные в Южной Франции, ставят вопрос: каковы были связи между пунийцами, греками, кельтами и лигурами в этом регионе? Имеющийся до сих пор у нас материал позволяет заключить, что обмен между пунийцами (были ли это карфагеняне или пунийцы с Ибисы или южноиспанские пунийцы) и народами, жившими в Южной Франции и Каталонии, был гораздо более оживленным, чем можно было ранее предполагать. Этот обмен ни в коем случае не был эпизодическим; он был постоянным и в VI и частично в V в. достиг особой интенсивности. Однако до сих пор нет никаких указаний на то, что карфагеняне основывали в Южной Франции свои колонии. Но существование пунических «колоний» внутри таких городов, как Массалия, исключить все же нельзя.

⁵ Надо иметь в виду, что Этрурия ни в коем случае не представляла собой единое государство, что отдельные этрусские города действовали совершенно самостоятельно, так что отношения Карфагена с различными этрусскими городами также могли быть различными. Как представляется на основании тех данных, которые имеются в настоящее время, наиболее тесные связи Карфаген имел с Цере.

Фукидид сообщает о морских победах «фокейцев, которые населяли (?) Массалию», над карфагенянами. Нечто подобное сообщает и Павсаний. Эти фокейские победы, кажется, можно датировать двумя последними десятилетиями VI и первым десятилетием V в.⁶ К ним, по-видимому, надо отнести и победу, которую массалиоты около 490 г. одержали при помощи царя Гераклида Миласского около иберийского Артемисия (у Кап Нао). Археологический материал все же показывает, что эти столкновения не привели к разрыву торговых связей между двумя государствами.

ПИРЕНЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ

Уже в VIII в. карфагеняне были связаны с финикийскими колониями в Южной Испании. Самое позднее в VII в. они установили торговые связи также с иберийскими городами и племенами. В конце VI в. они, видимо, вмешались в испанские дела и военными средствами. Их (при Алерии они доказали свою военную силу!) пригласили гадитане, которые вошли в конфликт, явно обусловленный экономическими мотивами, с соседними испанскими племенами⁷. И карфагеняне эту помощь оказали. Они сумели разрешить конфликт в пользу гадитан. Кажется, однако, что меньше пользы было для гадитан от того, что, если следовать Юстину, после окончания своей военной акции карфагеняне не вернулись в Северную Африку, а остались в Южной Испании. Насколько далеко проникло там их влияние, решить с несомненностью невозможно. Можно, однако, предположить, что наряду с Гадесом и другие финикийские колонии в Южной Испании подчинились новой власти.

На этапе расширения сферы карфагенского влияния с карфагенянами столкнулись и греки (вероятнее всего, массалиоты), которые, очевидно, уже до этого были связаны с врагами гадитан. Сведения о последующих столкновениях скудные. Возможно, эти столкновения повлекли за собой упадок (в пользу карфагенян) державы Тартесса.

Позже карфагеняне, кажется, укрепились на скале Гибралтара. Это произошло не позже того, когда они закрыли доступ в Атлантический океан кораблям чужих «национальностей». Но когда это произошло? В первом карфагено-римском договоре (первая половина

⁶ Вероятнее всего, все же эти войны и победы в них надо, как писали Фукидид и Павсаний, отнести к первым годам существования города.

⁷ Вероятно, это было нападение тартессиев.

V в.) о закрытии Гибралтарского пролива нет речи⁸. И из слов Пиндара, который в 70-х и 60-х гг. V в. называл крайним рубежом путешествий «Столпы Геракла», или Гадес, нельзя сделать вывод о карфагенской блокаде. Только во втором карфагено-римском договоре 348 г. можно увидеть, что карфагеняне объявили не только северное побережье Африки западнее Прекрасного мыса, но и юго-восточное и южное побережье Испании запретной зоной. Следовательно, она включала и пролив. Это закрытие имело место до 348 г., но предположительно не очень давно, ибо из того факта, что массалиот Пифей предпринял, вероятно, в промежутке между 380 и 360 гг. свое путешествие на Крайний Север явно в торгово-политических целях, можно сделать вывод, что в это время доступ в Атлантический океан для непунических судов был еще открыт. После закрытия пролива карфагеняне, если Страбон не преувеличивает, топили все непунические суда, приближавшиеся к проливу.

Как долго после этого карфагеняне осуществляли господство над Южной Испанией, мы не знаем. Думается, что контроль над испанской «провинцией» они потеряли только во время I Римской войны или даже во время Ливийской войны.

МАДЕЙРА, АЗОРСКИЕ И КАНАРСКИЕ ОСТРОВА

Предположительно после создания южноиспанской сферы интересов карфагеняне установили господство над чудесным островом, о котором рассказывают Псевдо-Аристотель и Диодор, т. е., по всей вероятности, над Мадейрой. Кроме того, они укрепились также на Азорских островах. В пользу этого говорит тот факт, что карфагеняне в конце III или в начале II в. принесли на Корву, самый северный из Азорских островов, свои монеты. Наконец, и Канарские острова не остались вне кругозора карфагенян.

МАРОККО

Приблизительно во второй половине VI в. сначала независимо от финикийской колонизации началась карфагенская колонизация Марокко. Постепенно карфагеняне распространили свое влияние и на финикийские колонии в этой стране. Псевдо-Скилак утверждает, что в IV в. все

⁸ В этом договоре о закрытии пролива и не могло быть речи, ибо он никакого отношения к Испании не имел.

фактории и города, расположенные между Большим Сиртом и Столпами Геракла, находятся под пунической властью. Раскопки доказали (отвлекаясь от знаменитой экспедиции Ганнона), что и места на атлантическом побережье Марокко тоже подчинялись карфагенянам. Им был открыт и хинтерланд атлантического побережья через Луккос и Себу.

Отдельно следует выделить следующие места: Rš'dr = Русаддир = Большой мыс (Мелилья), Эмса, Сиди Абдеслам дель Бхар, Tng = Тингис, Куасс, Lkš = Ликс, Русибис (Эль-Джадида?), Тамусида, Š'lt = Сала и Могадор. Наряду с ними надо назвать и некоторые другие местности, находящиеся внутри страны, прежде всего Тамуду (Тетуан), Бапасу и Волюбилис. Наконец, надо упомянуть здесь и пунические некрополи, которые явно указывают на постоянные пунические, частично еще финикийские, поселения на прибрежной полосе между Аземмуром и Могадором. Это — сам Аземмур, Тит (около Эль-Джадида), Блед Раба, ль-Хафира (около Квалидии), Мулай Мерс и Джорф эль-Юди.

Пуническая колонизация Марокко, вероятнее всего, протекала при согласии берберских вождей, ибо Карфаген едва ли был в состоянии основать, а тем более сохранить многочисленные и далеко находившиеся колонии, если бы они подвергались военному давлению. Становится все более ясным, что проникновение в Марокко пунических поселений и пунической культуры было много интенсивней, чем полагали многие более ранние исследователи.

ТУНИС И АЛЖИР

В середине VI в. Карфаген в Африке, как и на Сицилии и Сардинии, перешел к воснной целенаправленной экспансионистской политике, которую поддерживали такие люди, как Малх. Мы не знаем, пришла ли в это время борьба к какому-либо ясному завершению. Но несомненно, что после смерти Ганнона, который был некоторым образом наследником Малха, карфагено-ливийские столкновения вновь начались. Эти столкновения произошли из-за того, что карфагеняне в течение многих столетий, возможно со времени войн Малха, не платили дань, согласованную при основании города. Бои, очевидно, не приняли большого размаха, так как карфагеняне наконец были готовы согласиться с тем, чтобы выплатить задолженность и тем самым признать права ливийцев.

В V в. особенно Ганнониды расширили сферу карфагенской власти и влияния в Северной Африке. Юстин говорит о войнах

с ливийцами, нумидийцами и маврусиями. В войнах с ливийцами карфагеняне добились, наконец, чтобы те отказались от «арендной платы за (разрешение) основать город» (Юстин).

В IV в. (?) карфагеняне, кажется, систематически колонизировали плодородную долину Эль-Фахс. Впрочем, мы можем использовать только случайные сообщения античных авторов, которые дают нам возможность получить «моментальные снимки» процесса колонизации Северной Африки. Так, в 247 г. Ганнон завоевал Гекатонпил (Тевесте, нынешняя Тебесса). Гамилькара Молния в конце Ливийской войны расширил карфагенскую территорию. А Гасдрубал, зять Гамилькара, подчинил нумидийские племена и заставил их платить налог.

О масштабе карфагенской колонизации в Тунисе и Алжире мы до сих пор можем судить лишь частично по литературным или археологическим источникам. Во многих случаях трудно решить, идет ли речь о карфагенских или финикийских основаниях. Особенно это касается спорных мест на алжирском побережье. Исходя из осторожной оценки топонимов, в некоторых случаях необходимо выбрать, было ли это место первоначально или, во всяком случае, позже финикийским, пуническим или берберским. Это имеет отношение к местам, в названиях которых имеется элемент *qrt* (город), или 'j' (остров), или *gš* (мыс). Надо ли их считать финикийскими или пуническими? В некоторых случаях это были финикийские, но в большинстве все же пунические основания или переоснования. Таковы Макосмадес (Малые) = *Mqmhdš* = Новое место (южнее Фен), Руспе (около Ахоллы), Тапс (Рас Димассе), Лептис (Малый) = *Lpqj* (Ламта), Руспина (Монастир), Гадрумет, Неаполь = *Qrthdšt* (?) = Новый город (Набел), Русукмона = *Rš'šmn* = Мыс Эшмуна, Гиппон = 'p' (?) (Бизерта), Русикада (Скикда), Русазус (может быть, порт Гейдон), Русипписир (в Мавретании Цезарейской), Иомний (Тигзирт), Русуккуру (Деллис), Русуббикари (Мерс эль-Хеджедс?), Русгунии (Кап Матифу), Икозий = 'ksm = Остров сов (Алжир) и Иол (Шершель).

По сообщению Псевдо-Скилака, между Иолом и Сигой находились пунические поселения Гебдомон, Псамат, Халка, Арилон и Мес, которые, к сожалению, точно локализовать невозможно. На этой прибрежной полосе мы наталкиваемся на пуническое наследство в следующих местах: Гунугу, Картенна (Тенес) (?), порт в Пулах (?), Лев Андалус, Мерса Мадах, Мерса Бу Зеджар, Камарата, порт Сигенсис и остров Рахгун, а также мыс Вардания и Хонйн (?). Большая часть этих поселений, как кажется, не только находилась под влия-

нием Карфагена, но и была основана Карфагеном. Из внутренних районов Туниса мы не знаем никаких названий мест, кроме находящейся в Нумидии Макомады, которые указывали бы на их пуническое происхождение.

Было бы, конечно, неверным по относительно большому числу пунических прибрежных мест (а мы знаем только часть их) делать вывод о сплошной карфагенской колонизации побережья Северной Африки или Северной Африки в целом. Только в части Туниса и восточной части Алжира карфагеняне с течением времени создали территориально сплоченную область своего господства. Значительное число карфагенских прибрежных городов в Алжире являлись «анклавами», как и многие города во внутренних районах Туниса и Восточного Алжира.

Впрочем, надо исходить из того, что большая часть карфагенских колоний раннего времени была основана не с помощью военных средств, а путем договоренностей с местными берберами. Во всяком случае, после основания колоний колонисты были озабочены защитой от неприятных неожиданностей и строили укрепления.

ЛИВИЯ

К концу VI в. карфагеняне действовали в области между двумя Сиртами. Инициатива вмешательства в эту область исходила не от них, а от ливийцев маков, которые просили помощи для срыва попытки создать колонию Дориеем, сыном спартанского царя Анаксандрида. Дорией хотел создать свою апойкию в устье Кинипа (Уэд Каам). Объединившиеся карфагеняне и маки вынудили Дориея и его людей вернуться в Спарту. Спартанцы смогли удержаться на Кинипе всего лишь в течение двух лет.

Следствием поражения спартанцев стало то, что экспансия греков на африканской почве затихла. Вероятно, после этого карфагеняне построили пунические фактории Лептис Большой, Эю и Сабрату. Возможно, тогда они заключили соглашение с киренцами, которые поддерживали Дориея. В соответствии с этим соглашением границей между карфагенской и киренской сферами влияния должны были стать Филеновы Алтари. Если это так, то карфагеняне, по всей вероятности, отказались включать в область своей власти финикийские опорные пункты Автомалаку, Шосоль (?), Хорот, Хамин и Киртаний. Финикийские опорные пункты Макомада и Макомака позже все же перешли под пунический контроль.

7. АФРИКАНСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ГАННОНА

Мы имеем только греческую версию повествования, которое составил некий Ганнон о своем западноафриканском предприятии и которое было в письменном виде выставлено в священном округе Баал-Хамона. Эта версия сохранилась в Гейдельбергском Codex Palatinus Graecus 398, fol. 55r–56r. Во введении к этой версии повествование названо периплом (описанием берегов). Это не совсем правильно, ибо оно только частично содержит сведения о западноафриканском побережье.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГАННОНА

Время возникновения греческой версии спорно. Спорно так же и то, является ли она прямым переводом пунической надписи. Но так как автор псевдоаристотелевского сочинения «De mirabilibus auscultationibus», написанного около 300 г., знает греческую версию перипла Ганнона, то, следовательно, она возникла до этого времени. Полибий также не мог, как порой утверждается, быть ответственным за перевод этого документа. Если Эфор, который, как и автор существующей версии перипла, упоминал «Карикон теихос» (топоним, который, вероятно, восходит к похоже звучащему пуническому или, возможно, берберскому названию), обращался не к не зависимой от перипла греческой версии, а самому периплу, то мы имеем доказательство, что перипл существовал уже в александрийскую эпоху. Как это делал Эфор, установить невозможно. Из наименований мест, рек и мысов, какие называют, с одной стороны, автор имеющейся версии перипла, а с другой — Аристотель, Псевдо-Скилак, Геродот и Гекатей, с несомненностью вытекает вывод, что эти авторы также знали перипл. Возможно, что они опирались на другие тексты, не зависящие от известного нам перипла. Поскольку другие прямые свидетельства, которые могли бы разъяснить, когда возник перипл, отсутствуют, то мы при определении его возраста опираемся на историко-лингвистические исследования. И эти исследования, которые, конечно, не в состоянии полностью устранить все сомнения, указывают на то, что перипл возник в VI, самое позднее — в V в.

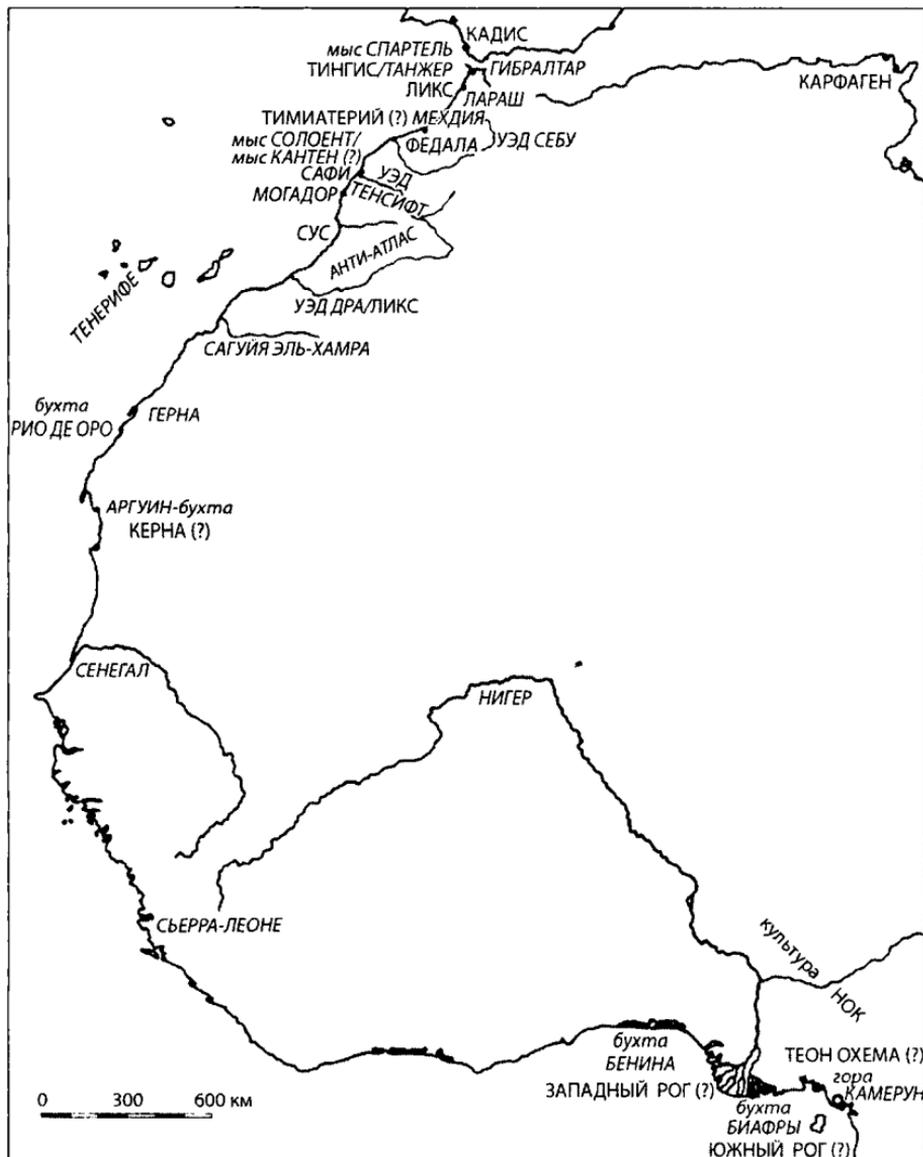
Если перипл надо датировать столь ранним временем, то он вполне мог быть фальшивкой. И действительно, в прошлом для этого находили профессиональные, особенно навигационные, и литературные основания. Однако все эти попытки теперь следует считать рухнувшими.

Дошедшая до нас версия перипла ни в коем случае не является единственной греческой версией рассказа о предприятии Ганнона. В тексте перипла имеются лакуны, которые в более ранней версии, независимо, была ли она пунической или греческой, конечно же, были заполнены. Это доказывают исследования самого текста; это же доказывает его сравнение с короткими сообщениями Плиния и Арриана. Возможно, автор перипла сократил письменное сообщение Ганнона, в то время как другой или другие переводчики дали полный текст этого повествования. Возможно, автор перипла использовал этот или эти переводы. Возможно, Ганнон наряду с тем письменным рассказом, который мы имеем, составил более полное литературное повествование, которое автор перипла сократил, а другой или другие переводчики перевели полный текст. Возможно, автор перипла этот или эти переводы положил в основу своего сообщения. Мне лично кажется самой вероятной вторая возможность. Но разумеется, в этом вопросе нет никакой определенности.

Это путешествие было предпринято по решению Карфагенского государства, а его руководителем был Ганнон, который, по всей вероятности, занимал должность не «обычного» суфета, а командующего¹. Хотя в этом Ганноне обычно видят отца Гамилькара, разбитого при Гимере, а иногда его сына, это всего лишь предположения. Имя Ганнона встречается часто.

Стоянки во время осуществления предприятия Ганнона были следующие: Гибралтарский пролив, Тимиатерий, мыс Солунт, некое озеро, направленное внутрь суши, Карикон Тейхос, Гитта, Акра, Мелита, Арамбис, река Ликс, Страна эфиопов (?), живущих по ту сторону области ликситов, остров Керна, река Хре[ме]тис, озеро с тремя островами, река, в которой живут крокодилы и бегемоты, Керна, место у подножия высокой и лесистой горы, морская бухта, залив Западный Рог, в котором находится большой остров, недоступное место в вулканической области, гора Теон Охема (Колесница богов), залив Южный Рог, в котором имелся остров, похожий на остров в заливе Западный Рог. Идентификация этих мест, рек, озер, гор и областей в науке была и есть спорная. Это относится уже к Тимиатерии, первой колонии, которую основал Ганнон. Идет ли речь о Танжере, Лараше или Мехдии

¹ В самом начале дошедшего до нас текста перипла Ганнон назван «царем».

Путешествие Ганнона

(у устья Уэд Себу)? Из этих трех мест, конечно, о Мехдии! Ведь Танжер находится не в двух днях путешествия от Гибралтарского пролива, как сообщает перипл, а Лараш в древности основали финикийцы. Поскольку Тимиатерий надо искать в Мехдии, то мыс Солунт может быть не мысом Спартель, а только мысом Кантин.

Местонахождение пяти колоний — Карикон Тейхос, Гитта, Акра, Мелита и Арамбис — едва ли лишь в одном случае можно определить с точностью. Во всяком случае, они находились между мысом Кантин и Уэд Дра. Видеть Карикон Тейхос в Могадоре трудно, так как там встретились финикийские находки VII и VI вв., так что имеющееся там поселение можно принять не за новое основание, а за усиление финикийского элемента ливо-финикийскими поселенцами Ганнона.

Реку Ликс идентифицируют, по-видимому, правильно, с Уэд Дра. Правильна эта идентификация или нет, в любом случае в ликситах надо видеть не жителей старой финикийской колонии Ликс, а берберов, живущих южнее Ликса, с которыми, по-видимому, уже финикийцы Западной Африки установили дружеские связи.

Керна, самая южная колония Карфагена, может быть, конечно, только или островом Херна в бухте Рио де Оро, или островом в бухте Аргин. Замечание автора перипла, что Керна находится «как раз напротив Карфагена», едва ли может стать решающим при выборе из обеих возможностей. Все же надо заметить, что площадь Херны много больше площади, какую автор перипла приписывает Керне. Кроме того, сообщение автора перипла, что Ганнон плыл «в направлении восходящего солнца в течение одного дня», лучше подходит к бухте Аргин, чем бухте Рио де Оро. Вероятно, именно там находилась Керна, которую так долго ищут.

После основания Керны Ганнон предположительно провел экспедицию по рукавам Сенегала, по одному вверх, по другому вниз. Возвратившись к Керне, Ганнон еще некоторое время продолжал свой путь, который должен был довести его до Габона. После девятнадцатидневного путешествия он достиг залива «Западный рог» (бухта Бенин?) и после более чем четырехдневного похода добрался до вулкана Колесница Богов, в котором, по всей вероятности, надо видеть гору Камерун. После еще двух-трех дней пути он наконец доплыл до залива Южный Рог (бухта Биафра?). Отсутствие припасов, по его словам, заставило Ганнона повернуть назад.

Время путешествия Ганнона можно определить только приблизительно, так как соответствующие данные античных авторов носят лишь общий характер. Из того, что Геродот не упоминает об экспедиции Ганнона, конечно, нельзя сделать вывод, что она была предпринята только после составления его труда. Ныне часто встречающиеся гипотезы, датирующие ее серединой V в., также не имеют под собой твердых оснований. С некоторой осторожностью из того, что именно от карфагенян Геродот прямо или косвенно узнал о том, что

перс Сатасп оплыл вокруг Африки во времена Ксеркса (486–465/64 гг.)², можно считать, что Ганнон отплыл из Карфагена в Западную Африку до 465–464 гг., ибо карфагеняне или ливо-финикийцы, жившие в Западной Африке, должны были проследить за путешествием Сатаспа и сообщить о нем в Карфаген. А до колониального предприятия Ганнона пунийцев на западном побережье Африки не было. Время незадолго до или после битвы при Гимере также нельзя назвать из-за напряженного положения, в котором тогда находилось Карфагенское государство. По вопросу о том, когда предприятие состоялось, речь может идти о начале V в. Но если исходить из того, что Гекатей Милетский знал об основаниях Ганнона, и если привести литературно-исторические аргументы, недавно введенные в оборот, то датировать экспедицию надо (приблизительно) до 500 г., т. е. последней трети VI в. Эта датировка также хорошо бы подошла к тому, что мы обычно знаем о тогдашней политике Карфагена.

Целью путешествия Ганнона автор перипла называет основание колоний, что было, однако, только частичной задачей Ганнона, ибо тот двинулся за Керну, самую южную колонию. Хотел ли Ганнон утаить другую половину правды? Это возможно. Однозначно, что путешествие за Керну исходило не из научных, а из экономических интересов. И здесь надо вспомнить о том, что карфагенские, как и финикийские, торговцы были чрезвычайно озабочены поисками металлов, а также особенно о том, что некий Гимилькон в то самое время, когда Ганнон плыл в Западную Африку, направился к Оловянным островам, и тоже ради достижения не научных, а экономических интересов. Направился ли Ганнон на поиски западноафриканского золота или меди окрестностей Ахджужта (Мавретания) или олова плато Джос (Нигерия)? Мы этого не знаем. Строгое или-или в данном случае постулировать нельзя.

У нас нет оснований считать, что колониальный проект Ганнона потерпел неудачу. Но как обстояло дело с новыми рынками металлов? Из рассказа Геродота о немом товарообмене можно видеть, что карфагеняне, кажется, собрали об этой области важную информацию, используемую ими с выгодой для себя. Все же не все надежды сбылись, особенно в областях южнее Керны.

² Сатасп не оплыл вокруг Африки. Он получил такое распоряжение от Ксеркса, но испытал трудности плавания и возвратился в Персию. Многие ученые предполагают, что карфагеняне преувеличили эти трудности, чтобы отвратить своих возможных конкурентов и соперников от плаваний в Атлантическом океане. Так, может быть, произошло и с Сатаспом.

8. ПУТЕШЕСТВИЕ ГИМИЛЬКОНА В СЕВЕРО-ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ

Оригинальный рассказ некоего Гимилькона о его путешествии в Северо-Западной Европе потерян. Потерян также его перевод на греческий язык. Только некоторые отражения этого рассказа сохранились в произведении «*Ora maritima*» («Морские берега») поэта Ависна, которое было написано почти через 900 лет после путешествия Гимилькона.

Гимилькон не был первым средиземноморским капитаном, путешествовавшим в водах Западной и Северо-Западной Европы. До него в этих районах бывали тартессийские и западнофиникийские торговцы из Южной Испании. Но Гимилькон был первым известным нам по имени капитаном, который проник в эти воды¹. Но о его личности мы не знаем ничего.

Плиний относит экспедицию Гимилькона к тому же времени, что и путешествие Ганнона. Даже если эта датировка и не основывается на реальном предании, все же она очень вероятна. Во всяком случае, это путешествие состоялось после крушения тартессийской дальней торговли, т. е. в последние десятилетия VI в.

Целью путешествия были «области, лежащие за пределами Европы» (Плиний), точнее — Эстримиды. Эти острова обычно отождествляются с Касситеридами, о которых говорят различные античные авторы и под которыми обычно понимаются острова Сцилли вблизи юго-восточной оконечности Англии. Текст Авиена позволяет предположить, что Гимилькон высаживался также на берега Ирландии и Южной Англии, с одной стороны, и Бретани — с другой. То, что он выезжал за пределы этих стран, совершенно неизвестно и даже невероятно.

Путешествие продолжалось почти четыре месяца. Если эти данные правильные, то Гимилькон устанавливал контакты во многих местах на атлантическом побережье, ибо даже при самых неблагоприятных обстоятельствах, какие могли случиться на море, путь

¹ По словам Плиния, Гимилькон предпринял свое путешествие в то же время, что и Ганнон.

от Карфагена до Эстримнид должен был занять существенно более короткое время.

Гимилькон, как и Ганнон, действовал по поручению государства. Государственные власти явно стремились монополизировать морскую торговлю с Северной Европой, особенно торговлю оловом и свинцом. Эти стремления совершенно понятны, если вспомнить, что, например, во всей Северной Африке не было ни одного месторождения олова. Что же касается предположения, что Гимилькон, кроме названных торгово-политических целей, преследовал еще и колониальные (например, основание колоний на западном побережье Иберии), то для этого нет надежных оснований.

Из описания Авиеном путешествия Гимилькона можно увидеть, что карфагенский капитан подчеркивал опасности морского пути к Эстримнидам. Он говорил о безветрии, мелях, испарениях, тумане, водорослях и морских чудовищах. Очевидно, это должно было удерживать потенциальных конкурентов (и здесь надо в первую очередь думать о греческих торговцах) от намерений достичь Оловянных островов.

О дальнейших путешествиях карфагенян к Эстримнидам мы ничего не знаем. Однако существует очень большая вероятность того, что и после Гимилькона карфагенские торговцы плавали в Северо-Западной Европе для приобретения олова и свинца. Во всяком случае, опасно переоценивать значение этого путешествия².

Другим следствием путешествия Гимилькона или рассказа об этом путешествии явилось, возможно, то, что оно через полтора столетия облегчило массалиоту Пифею достижение части его целей в Северной Европе.

² Судя по словам Страбона, и после путешествия Гимилькона вплоть до римского времени не карфагеняне, а гадитане удерживали в своих руках монополию на торговлю с Эстримнидами.

9. ПЕРВЫЙ КАРФАГЕНО-РИМСКИЙ ДОГОВОР (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V в.)

Первый карфагено-римский договор, имеющий огромное значение для понимания столь важного периода и карфагенской, и римской истории, дошел до нас не в своей первоначальной (латинской) форме, а только в греческом переводе Полибия. Оригинальный текст этого договора (как и других карфагено-римских договоров) был выгравирован на медных досках, которые римские эдилы хранили в Эрарии. Кажется, что текст этого договора и других карфагено-римских договоров обсуждался в сенаторских кругах накануне III Пунической войны. Полибий, вероятно всего, узнал об этом договоре благодаря своим связям в римском нобилитете.

Договор, заключенный между карфагенянами и римлянами, а также союзниками с обеих сторон, мнения которых, впрочем, никто не спрашивал, предусматривал следующее:

I. Положения, касающиеся римлян и их союзников:

1. Римлянам на кораблях было запрещено пересекать определенную границу, которая была отмечена «Прекрасным мысом».

2. В случае, если римляне из-за врагов или бури будут вынуждены высадиться в пункте по ту сторону «Прекрасного мыса», они не должны там ни торговать, ни брать ничего, кроме того, что необходимо для ремонта корабля или совершения жертвоприношения.

3. Римским торговцам разрешено вести дела в Ливии и на Сардинии только в присутствии карфагенского (или союзного?) «чиновника» (*kêrux* или *grammateús*).

4. В карфагенской части Сицилии римляне имеют те же (торговые) права, что и карфагеняне.

II. Положения, касающиеся карфагенян и их союзников:

1. Для карфагенян не устанавливаются границы их путешествий.

2. Карфагеняне не должны наносить никакого вреда латинским городам, находящимся под властью Рима; названы конкретно Ардея, Анций, Цирцеи и Таррацина.

3. Карфагеняне должны держаться в стороне от латинских городов, которые не находятся под контролем Рима. Но если случится, что они захватили какой-либо город этой категории, то они должны этот

город в том состоянии, в каком он находился до захвата, передать римлянам.

4. Кроме того, карфагенянам запрещается строить в Лации укрепления, а если они с враждебными целями вторгнутся туда, то они не должны там ночевать.

В то время как интересы римлян были направлены на предотвращение чужого влияния в Лации, интересы карфагенян не менее ясно были ориентированы на защиту своих торгово-политических интересов. Они твердо представляли, что есть две области, в которых деятельность некарфагенских торговцев не желательна. Это были те области, в которых нужна была концентрация торговли в карфагенских руках. К этим областям относилось пространство за «Прекрасным мысом».

Но где надо локализовать «Прекрасный мыс»?¹ В потоке публикаций многие специалисты занимались этим вопросом, и до сих пор нет конца спорам. В целом сегодня «Прекрасный мыс» видят или в promonturium Apollinis (= Кап Фарина = Рас Сиди Али эль-Мекки), или Promunturium Mercuri (= Кап Бон = Рас эль-Тиб). Так как от правильной локализации этого мыса зависит дальнейшее понимание торговой политики Карфагена по отношению к Риму, то этот вопрос следует рассмотреть несколько подробнее.

«Прекрасный мыс» упомянут также во втором карфагено-римском договоре: «По ту сторону Прекрасного мыса и (по ту сторону) Мастии Тарсейон римлянам запрещается заниматься пиратством, вести торговлю и основывать какие-либо города» (Полибий). В то время как в первом договоре устанавливается только требование, что римляне не должны плавать за «Прекрасный мыс», во втором договоре предел плаваний определяется двумя пунктами: один — это снова «Прекрасный мыс», а другой — Маestia, город тартессиев, который сегодня общепринято отождествляется с более поздним карфагенским основанием Новый Карфаген. Далее в этом договоре речь идет о том, что Карфаген является для римлян открытым местом торговли: «В Карфагене римский гражданин может торговать на тех же правах, что и (карфагенский) гражданин» (Полибий).

Полибий локализует «Прекрасный мыс» следующим образом: «... Прекрасный мыс — это тот, который идет непосредственно перед самым Карфагеном в северном направлении». Взгляд на карту пока-

¹ Одно время существовало мнение, что Прекрасный мыс находится в Испании. Сейчас это мнение полностью оставлено, и В. Хусс о нем даже не упоминает.

зывает, что этим мысом может быть только Кап Фарина, если выражение «в северном направлении» имело для Полибия то же значение, что и для нас. Но именно это-то и оспаривается, хотя едва ли справедливо. Представления Полибия о географическом положении Туниса в общих чертах не отличались от наших. К тому же надо вспомнить, что Полибий видел Тунисский залив собственными глазами. Таким образом, *кажется*, что вопрос о местонахождении «Прекрасного мыса» в этом пункте уже решен.

И все же это не так. Причина в том, что Полибий прибавляет к тексту первого договора свой комментарий, в котором он пытается разъяснить смысл запрета римлянам «плавать в южном направлении»: карфагеняне «не хотели, чтобы римляне ознакомились с местностями Бисатиды и Малого Сирта». Следует ли из этих не очень ясных слов, что области восточного побережья Туниса и Малого Сирта объявлялись запретными зонами? Несомненно! Значит ли это, что соответственно и «Прекрасный мыс» надо идентифицировать с Кап Бон, ибо в случае его отождествления с Кап Фарина и сам Карфаген окажется в запретной зоне вопреки положению второго договора? Конечно! Встает, однако, вопрос, а правильно ли понял в своем комментарии Полибий намерения договора. И утвердительный ответ на этот вопрос говорит о том, что исходным пунктом является не сам текст договора, а скорее вера в непогрешимость Полибия. Но исходным пунктом интерпретации должен быть только текст договора. Если текст договора недостаточно ясен, то нужно посмотреть на то, что находится вне текста. И только в последнюю очередь стоит спросить комментаторов об их мнении.

В тексте договора, однако, указывается, что римлянам и их союзникам запрещается плавать за «Прекрасный мыс», и это означает поэтому с большой вероятностью «за Кап Фарина», ибо Кап Фарина скорее можно рассматривать как заметную границу плаваний, чем Кап Бон. Корабли, шедшие из Италии и собиравшиеся плыть далее к западу от Кап Фарина, должны были пройти мимо этого мыса. И наоборот, корабли, которые хотели пройти к югу от Кап Бон, ни в каком случае его не проплывали. Вообще, нередко можно было из одного из городов Сицилии непосредственно достичь гавани на восточном побережье Туниса. И далее: как могли римляне торговать в Ливии, т. е. (в данном случае) на восточном побережье Туниса (возможность, которую им первый договор ясно предоставлял), если они не могли входить в гавани южнее Кап Бон? И последнее: название *Kalòn*

akrōtērion. Как уже упоминалось, этот мыс в древности назывался также Promunturium Apollinis. Но так как Аполлон, и именно только Аполлон, имел в более раннее время прозвище Pulcher, то мыс мог называться также Promunturium Pulchri (= Мыс Красивого). Такое название в его древнелатинской форме (*Promontousiom *Polkroi), вероятнее всего, и стояло в тексте договора. Полибий же, кажется, увидел в *Polkroi не субъективированное прилагательное (Promunturium Pulchri), а определение в форме прилагательного (Promunturium Pulchrum). И вместо того, чтобы перевести как Kalou akrōtērion (мыс Прекрасного), перевел как Kalon akrōtērion (Прекрасный мыс). Но в связи с тем, что в местонахождении Promunturium Pulchri (= Ršřp = Рош Решеф = мыс Решефа) нет сомнения, а речь идет, как мы говорили, о Кап Фарина, то полибиевское выражение Kalon akrōtērion хорошо подходит к идентификации обоих мысов.

Из всего приведенного выше вытекает, что римляне в первом карфагено-римском договоре обязывались не плавать за Кап Фарина в западном направлении.

Но какие цели преследовали карфагеняне этим запретом? Конечно, они не намеревались закрыть римлянам Гибралтарский пролив; в таком случае они должны были установить предельный пункт и на испанском побережье, как они это сделали во втором договоре. Это запрещение было направлено только против возможности захода римлян в гавани северного побережья Африки. Это побережье от «Прекрасного мыса» на востоке до «Столпов Геракла» на западе должно быть закрыто для любого чужого влияния. «Закрытие североафриканского побережья от любого чужого влияния находит себе удовлетворительное объяснение только в том, что карфагенское господство здесь находилось еще в состоянии становления, и страна еще не стала карфагенской провинцией или, по крайней мере, территорией союзников» (Вернер). Карфагеняне не хотели, чтобы римляне или другие чужие народы имели в этих областях какое-либо влияние, используя торговлю либо основание городов. В «Ливии», на Сардинии и в Западной Сицилии положение уже было другим. Здесь карфагенское влияние было уже столь сильным, что карфагеняне могли указать их в тексте договора как доступные области, но учитывая при этом, что речь идет об областях карфагенских союзников, а не о собственно карфагенских областях. Кроме того, Карфаген не был заинтересован, по крайней мере тогда, в ограничении торговых возможностей, а с ними и возможностей подъема своих союзников. Вероятно, однако, что при предоставлении римлянам торговых усту-

пок некоторую роль играло и соображение, что торговые интересы Рима в это время не выходили далеко за пределы Лация², так что, по большому счету, предоставляемые уступки надо рассматривать скорее как пропагандистскую дипломатическую риторику, чем как удовлетворение римских желаний и потребностей. И возможно, что за предоставлением торговых уступок стояла также попытка на длительный срок урегулировать некоторые вопросы.

Естественно, римляне при заключении этого договора тоже преследовали свои интересы, и карфагеняне высказывались за уважение этих интересов. Понятно, что римляне прежде всего стремились добиться признания партнерами по договору своих владений, какие они к этому времени имели. В это время они господствовали над прибрежными латинскими городами Ардеей, Анцием, Цирцеями, Таррациной и некоторыми другими, по именам не названными. Именно эти города были названы в соответствующих местах договора «союзниками», а в дальнейшем они более точно назывались «подданными». Причина того, что названы именно Ардея, Анций, Цирцеи и Таррацина, в том, что как раз эти города, будучи прибрежными, находились под угрозой нападений государства, тогда господствовавшего на море, и их перечисление в договоре должно было их особенно обезопасить. Примечательно также, что римляне, как кажется, включили в договор и латинские города, которые не были от них зависимы. И эти города получали в договоре некоторую защиту от карфагенских нападений, поскольку римляне считались с возможностью карфагенских нападений. Речь все же шла, исходя из текста договора, о подлинной защите, ибо карфагенянам запрещалось при проведении военных акций оставаться в Лации более *одной* ночи. А за *один* день карфагеняне только в редких случаях могли взять штурмом город, к тому же лежащий внутри страны. Абсолютная защита подчиненных городов, условная защита независимых городов, запрещение строить укрепления и запрет на ночевку — все это ясно показывает, что римляне стремились этим закрыть Лаций от всякого чужеземного влияния: «Условная защита независимых городов была включена в договор не ради них, а ради самого Рима. «Этому соответствует то, что заключение договора датируется временем, когда Рим был не только вынужден занимать оборонительную позицию

² Этот вопрос — спорный, и сейчас все больше специалистов по римской истории считают, что торговые интересы Рима в то время были более широкими, чем до недавнего времени предполагали.

в отношении иностранной державы, но и мог навязать части Лация ожидаемые положения договора. С одной стороны, Рим еще не был в состоянии противостоять карфагенскому укреплению в Лации военным путем, а с другой — уже предъявлял претензии к независимым латинам, и эти претензии были обусловлены тем, что эти латины когда-то находились под гегемонией Рима, а сам Рим, однако, не мог еще восстановить свои прежние владения силой оружия. Это состояние в целом соответствует периоду слабости Рима после свержения царей, когда преобладающая часть ранее зависимых латинов объединилась под руководством дружественного этрускам Тускула против прежнего гегемона, занимая, однако, в этой борьбе оборонительную позицию».

Полибиевская датировка 508–507 гг. второстепенна и более чем подозрительна. Но утверждение, что соглашение было заключено «после ликвидации царской власти», надо считать правильным. Из использования старого, довольского названия «Таррацина» видно, что вольская экспансия еще не достигла побережья Лация, во всяком случае Таррацины. В связи с тем что эту экспансию надо отнести к 60-м гг. V в., ясно, что договор должен был быть заключен до этих лет. Поскольку время события, *после* которого был заключен договор, а именно начало Римской республики, с точностью или хотя бы с вероятностью до сих пор не установлено, то и более тесные временные границы заключения договора фиксировать невозможно.

Аристотель сообщает о существовании карфагено-этрусских торговых договоров, и надо принять, что подобные договоры заключались и с другими государствами, ведущими торговлю, например с сицилиотскими и италиотскими городами. Первый карфагено-римский договор «вписывается» в традицию этих карфагено-этрусских договоров. Карфагеняне с заключением этого договора учли новую ситуацию, когда ведущие слои Рима изгнали из города этрусского царя — по традиции, Тарквиния Гордого — и создали новую форму политической жизни. Они, очевидно, были заинтересованы в том, чтобы в системе двусторонних договоров не возникло пробела, и вскоре после создания римского свободного государства вступили с новыми правителями Рима в переговоры, которые привели к заключению первого карфагено-римского договора.

Из содержания этого договора видно, сколь значительным было соотношение сил между Карфагеном и Римом. Очевидно также, что политическое влияние пунических форпостов в Средней Италии было

значительным. Кажется, что именно первый карфагено-римский договор и золотые таблички из Пирг являются свидетельствами, позволяющими понять их историческую взаимосвязь³.

Карфагеняне, кажется, строго придерживались положений этого договора. Во всяком случае, в римской традиции мы не имеем ни одного слова о том, что в эпоху ранней республики карфагеняне вели в Лации какие-либо военные операции. Римляне и без того не впадали в искушение что-либо предпринять против установления договора, поскольку их интересы в предстоящие полтора столетия сосредоточивались на Лации, а не на северном побережье Африки.

³ Таблички из Пирг обычно датируют около 500 г. Эта датировка более или менее совпадает с полибийской датировкой первого карфагено-римского договора.

10. ПОХОД ГАМИЛЬКАРА (480 г.)

В 480 г. Гамилькар, сын Ганнона, в качестве главнокомандующего мощной армии отправился из Карфагена в Панорм. В течение трех лет была снаряжена армия из 300 тысяч человек и создан флот из 200 боевых кораблей. Карфагенские вербовщики наемников в это время успешно действовали почти во всех странах Западного Средиземноморья: в Испании, Галлии, Лигурии, на Корсике и Сардинии и даже, по-видимому, в Черной Африке. Кроме того, в море находилось свыше 3 тысяч транспортных судов для переправы на Сицилию лошадей, оружия и припасов. Но корабли, перевозившие лошадей и колесницы, во время переправы погибли в результате шторма. Из Панорма армия и флот двинулись в направлении Гимеры. Западнее Гимеры Гамилькар создал корабельную стоянку и военный лагерь. Затем он со своими элитными войсками двинулся к городу. Вышедших навстречу ему гимерцев он одолел без особых трудностей. Войска Ферона Акрагантского, который после свержения и изгнания из Гимеры тирана Терилла в 483 г. являлся подлинным правителем города, также не изменили ситуацию. Тогда Ферон обратился к тирану Сиракуз Гелону с просьбой о помощи. Просьба Ферона застала Гелона вполне подготовившимся. Он двинулся форсированным маршем к Гимере с 50 тысячами пехотинцев и более чем 5 тысячами конников. Очевидно, намерением Гамилькара было скрыть время и место высадки карфагенских сил. Если бы это было не так, греческие союзники явно могли бы уже ко времени высадки карфагенских частей собрать свои силы в подходящем, со стратегической точки зрения, месте. Но они были вынуждены распределить свои войска, ибо никто не мог заранее знать, в каком пункте начнется наступление карфагенян.

Если до сих пор почти все совершалось в соответствии с намерениями Гамилькара, то с прибытием сиракузских войск положение быстро изменилось. Диодор сообщает, что кавалеристы Гелона захватили в плен свыше 10 тысяч карфагенских фуражиров. Это число не кажется слишком большим, если вспомнить, что Гамилькар, лошади которого погибли при переправе на Сицилию, едва ли располагал значительной кавалерией, которая могла бы защитить фуражиров. В этих обстоятельствах карфагенский полководец постарался

усилить армию кавалерией своих сицилийских союзников. И действительно, мы знаем, что при Гимере Гамилькар командовал кавалерией селинунтян и, конечно, не только селинунтян. Однако вестник, который вез ответ селинунтян Гамилькару, был захвачен людьми Гелона. Гелон понял, что можно использовать полученную информацию. Его кавалеристы выдали себя за селинунтских союзников, которых ожидал Гамилькар, ворвались на корабельную стоянку и убили полководца. План удался.

Однако Геродот не знает версию Диодора, в соответствии с которой Гамилькар был убит сиракузскими кавалеристами, когда он приносил огромные жертвы Посейдону. Наоборот, он приводит два отличающихся друг от друга варианта повествования об этом событии. Согласно одному (сицилиотскому¹), Гамилькар исчез без следа после проигранного сражения. По другому (карфагенскому), он бросился в пламя жертвенного огня, увидев бегство своих воинов. Возможно, карфагенская версия, которую сам Геродот считал «вероятной», имсет преимущество перед другими версиями. Сицилиотско-геродотовское повествование, как кажется, является только вариантом карфагено-геродотовского, в то время как диодоровское полностью следует прогелоновской и просоюзнической тенденции всего рассказа Диодора и поэтому едва ли достойно доверия.

Как бы то ни было, союзники, будучи в меньшинстве, одержали однозначную победу. Конечно, утверждение Диодора, что на карфагенской стороне сражалось не менее 150 тысяч человек, вызывает скепсис. Остатки карфагенской армии капитулировали и попали в плен. Часть карфагенских воинов, которые ускользнули на военных кораблях, погибли в бурю, и только немногие на «одном небольшом судне» (!) достигли Карфагена.

Возможно, Диодор прав, утверждая, что в Карфагене считались с возможным вторжением Гелона в Северную Африку. Однако планы Гелона едва ли выходили за пределы Сицилии и Южной Италии.

Мирные переговоры велись в Сиракузах. С карфагенской стороны их вели «полномочные послы». По сообщению Диодора, мирные условия были крайне мягкими: они включали уплату репараций в размере 20 тысяч талантов и взятие карфагенянами на себя расходов по сооружению двух храмов, в которых должны были храниться тексты договора. Кроме того, карфагенские послы как будто обещали даровать Дамарете, супруге Гелона, золотой «венюк» ценой в сто

¹ Здесь и далее «сицилиоты» означают сицилийских греков.

талантов, ибо она своим авторитетом способствовала достижению таких условий мира, какие устраивали карфагенян. Статьи, относящиеся к территориальному разграничению, в договор, кажется, включены не были. Может быть, Гелон и потому не настаивал на разграничении территорий, что оно касалось не его, а его тестя Ферона Акрагантского.

Как же дело дошло до этой войны, закончившейся печальным фиаско карфагенской сицилийской политики? Если верить сицилийскому логосу Геродота, то подлинным мотором всего предприятия являлся Терилл, тиран Гимеры, изгнанный Фероном Акрагантским. Он подтолкнул не только своего зятя Анаксилая Регийского, но и своего гостеприимца Гамилькара совершить этот поход, долженствующий отомстить за его изгнание. Но, не учитывая того, что Гамилькар в момент свержения Терилла еще не был полководцем, а «только» членом влиятельнейшей правящей группы, правдоподобно ли, чтобы Карфагенское государство в течение трех лет вкладывало огромные суммы денег и необозримое количество энергии, а также считалось с возможностями неудачи со всеми ее материальными, личными и, следовательно, политическими последствиями только ради того, чтобы помочь одному греческому тирану одного сицилийского полиса восстановить свое ведущее положение? Это едва ли вероятно. За акцией 480 г. стояли далеко идущие карфагенские планы, и эти планы были, без всякого сомнения, экспансионистскими. То, что Гелон, по крайней мере по сообщению Геродота, считал, что карфагенская политика имела целью уже во время столкновения с Дориеем распространение своего господства на всю Сицилию, для конца 80-х гг. кажется, по меньшей мере, реальным. При этих предпосылках карфагенское правительство охотно ответило на просьбу Терилла об интервенции, поскольку она давала возможность приобрести стратегический и пропагандистский плацдарм в греческой части Сицилии.

Но достаточна ли такая интерпретация политических целей Карфагена? Или надо учесть и другие обстоятельства? Эфор и Диодор сообщают, что Ксеркс, после того как принял решение выступить в поход против Греции, заключил с карфагенянами пакт о нападении: когда *он* двинется против греков метрополии, *они* должны напасть на греков Сицилии и Южной Италии. Идет ли здесь речь об отзвуке греческой пропаганды, которая после Саламина и Платей не могла не быть преувеличенной? Или Диодор точно воспроизвел тогдашние политические обстоятельства? Ответ затруднителен. Если исходить

из персидской точки зрения, то кажется вполне логичным, что Ксеркс пытался Гелона и его союзников, единственных, которые имели достаточно сил, чтобы поддержать греков метрополии, удержать от появления на театре военных действий в Греции. Чтобы этого добиться, он предложил союз Карфагену, «естественному» противнику греков, стоявших на стороне Гелона. Надо далее вспомнить, что финикийская метрополия, включая Тир, метрополию Карфагена, в великом противостоянии 480 г. была на стороне персов. И этот факт мог играть роль во время переговоров 483 г.; ведь пиетет, питаемый дочерними городами к материнскому городу, в это время существовал определенно. И наконец, персидские послы не упустили возможность указать карфагенянам на то, что в их собственных интересах распространить свою власть на всю Сицилию. Это предположение, кажется, не отвергает того, что политическая ситуация 480 г. вполне соответствовала чрезвычайно важному персидско-карфагенскому стратегическому плану.

Впрочем, надо отметить, что карфагенские власти, если принять историчность персидских предложений о союзе, находились в невыгодном положении. Что впоследствии делал бы Ксеркс, если бы Карфаген вовлекся в «общее (военное) наступление» (Диодор) и Греция, включая, возможно, и территорию, которой правил Гелон, превратилась бы в персидскую сатрапию? Ведь в победу антиперсидски ориентированных греческих государств, кроме некоторых греческих политиков, верили лишь немногие! То, что в первую очередь выглядит как чистое проявление карфагенского империализма, при более тщательном рассмотрении оказывается событием, не свободным полностью от политического принуждения.

Шок от Гимеры остался, кажется, в Карфагене надолго. Прошло семь десятилетий, пока карфагеняне не решились на новое военное предприятие на Сицилии. Вследствие этого политическая энергия прежде всего правящего слоя была направлена на другие цели, особенно на строительство державы в Африке и на расширение торговых связей в Средиземноморье и частично в Восточной Атлантике.

11. КАРФАГЕНСКАЯ СИЦИЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ ГИМЕРЫ (480–410 гг.)

В период с 480 до 410 г. Карфаген в отношении греческих городов Сицилии и Южной Италии держался на осторожном расстоянии, и это явилось характерной чертой его политики. После 480 г. Карфаген не давал своим противникам повода нападать на его довольно многочисленные опорные пункты на Сицилии, прежде всего на Мотию, Панорм и Солунт.

Греческие союзники Карфагена вскоре после Гимеры перешли в лагерь победителей. К «ранее враждебно настроенным городам и династам» (Диодор), от которых Гелон потребовал присоединения к союзу, с большой долей уверенности надо отнести селинунтян и Анаксилая Регийского, ибо селинунтяне упоминаются Диодором среди сиракузских союзников в 466 г., а Анаксилай, как кажется, вскоре после решающей битвы отдал одну из своих дочерей в жены Гиерону, брату Гелона, в качестве залога нового военного братства. Так как, с одной стороны, Карфаген удовлетворялся своими скромными сицилийскими владениями и воздерживался от любого вмешательства во взаимоотношения греческих городов, а с другой — Гелон приобрел господствующую позицию почти на всей Сицилии, то после Гимеры на острове царил полный мир. Когда в 476 г. жители Гимеры восстали против правления Фрасидея, сына Ферона, карфагеняне не выказали никакого желания вмешаться во взаимоотношения гимерийцев и Ферона.

Прав ли автор заметки в схолиях, что победа, которую Гиерон и кимейцы одержали у берегов Кимы над «господствующими на море этрусками» (Диодор), которую Пиндар ставит наравне с победами при Саламине, Платеях и Гимере, одновременно была и победой над карфагенянами, находившимися в союзе с этрусками? Это все же крайне невероятно. Хотя в прошлом существовали различные полюсы в отношениях с этрусками, участие карфагенян в войне 474 г. означало бы совершенно новую ориентацию карфагенской внешней политики, о чем абсолютно ничего не известно. Кроме того, Тимей едва ли упустил бы упоминание новой атаки карфагенских «варваров», если карфагеняне действительно участвовали бы в битве при Киме.

И наконец, Гиерон в надписи на своем жертвенном даре Зевсу Олимпийскому в честь победы не пропустил бы упоминание карфагенян, если бы они в 474 г. стояли на стороне его противников.

В последующее время ни процесс демократизации, который стал особенно значительным после ликвидации тирании в Сиракузах (466–465 гг.) и в ходе которого внутривитанские отношения в греческих городах полностью преобразовались, ни межгреческие военные столкновения, ни концентрация сил сикулов под руководством Дукетия не оказали никакого влияния на карфагенскую внешнюю политику.

О военных действиях на западе Сицилии в 454 г. сообщает Диодор: «На Сицилии вспыхнули военные действия между сегестинцами и либейцами из-за области около реки Мазар». Давно признано, что это сообщение в дошедшей до нас форме недостоверно, ибо Лилибей был основан карфагенянами только в 397 г. вместо разрушенной Дноннисем I Мотии. Уже сам по себе сомнительный выход из этого противоречия, предлагающий поставить на место Лилибея Мотию, едва ли приемлем, потому что Диодор говорит о давней вражде между этими городами (принятие сведений о длительной вражде между Сегестой и Мотией страдает из-за традиционных дружеских связей между элимскими и пуническими городами), а также потому, что Мотия едва ли предприняла бы какие-либо военные акции без предварительных переговоров с Карфагеном. Однако ни о каком военном вмешательстве Карфагена, ни о политической поддержке карфагенянами ничего не известно. Поэтому город, который в 454 г. и в последующие годы находился во враждебных отношениях с Сегестой, не может быть Мотией.

Мотия, а с ней косвенно и Карфаген, не могла, однако, столкнуться и с Акрагантом, о чем сообщает Павсаний. Периегет путает Мотию с акрагантским укреплением Мотион и к тому же помещает пунический город на место Мотики, находящейся в юго-восточной части острова.

Впрочем, уже замечание Диодора, относящееся к 442 г., согласно которому на острове в это время царил мир, поскольку карфагеняне заключили мирный договор с Гелоном (и потому, что сиракузяне удерживали беспорочное руководство сицилийскими городами), показывает, что карфагеняне в этот период придерживались соглашения 479 г. Такого не было бы, если бы первая заметка Диодора была правильной.

Также после того, как сиракузяне, опять же по свидетельству Диодора, в 439 г. поставили цель «своей политикой постепенно

подчинить себе всю Сицилию», Карфаген не вышел из своей резервации, а только ждал, какие конкретно шаги предпримут сиракузяне. Подвергшиеся непосредственной угрозе ионийские города Регий и Леонтины пытались тогда, в 440–439(?) гг., получить помощь от Афин. Когда в 433 г. ситуация вновь обострилась, они возобновили союзный договор с ведущей греческой державой Востока.

С особым интересом карфагеняне следили за первым военным вмешательством афинян на Сицилии. Один из многочисленных сицилийских пограничных конфликтов привел в 427 г. к военному столкновению между Сиракузами и Леонтинами, во время которого Леонтины и их союзники запросили помощь у афинян. Даже дорийские камаринцы примкнули к афинянам (427 г.). Теперь карфагеняне должны были считаться с тем, что военные действия разворачиваются в непосредственной близости от их союзников. Все же конфликт, кажется, не перекинулся на карфагенскую область Сицилии. Два года, с 426 до 424, очень интенсивно велась война, в ходе которой мелкие сицилийские города оказались под угрозой быть растертыми между жерновами Афин и Сиракуз. Вскоре после начала военных действий стало ясно, что речь шла в первую очередь не о свободе леонтинцев и их союзников, а об уничтожении сиракузян и захвате первенствующих позиций на Сицилии. В интересах Карфагена было, чтобы ни Афины, ни Сиракузы не одержали победу, чтобы, наоборот, мелкие сицилийские города на конференции в Геле (424 г.) сохранили свою относительную независимость.

Казалось, что опасность давящего влияния одной господствующей на Сицилии силы была устранена как для мелких сицилийских городов, так и для сиккульских, сиканских и элимских общин, и также для карфагенских опорных пунктов. Таким образом, со ставшего уже традиционным конфликта между Сегестой и Селинунтом началось развитие, имевшее со всемирно-исторической точки зрения большое значение. Жаждавшие экспансии селинунтяне позволили себе злоупотребления по отношению к сегестинцам, а те приняли ответные меры (416 г.). Когда наконец дело дошло до регулярного сражения, силы сегестинцев оказались меньшими, чем селинунтян, и элимы, если они хотели сохранить остатки сферы своего влияния, были вынуждены просить помощи. Но к кому они обратились? Они прежде всего обратились не к Афинам, а (и это была новость!) к Акрагантю и Сиракузам. Почему? Возможно, они страшились вмешательства имперских великодержавных Афин. Может быть, они опасались, что афинская интервенция в их пользу приведет, по крайней мере, к со-

лидарности дорийских городов Сицилии. И при этом они опять же не обратились к Карфагену, так как им была хорошо известна карфагенская сицилийская политика последних десятилетий. Но почему они обратились за помощью к акрагантцам и сиракузянам? Просить одних акрагантцев было едва ли возможно, поскольку сиракузяне тщательно следили за каждым изменением соотношений сил на Сицилии и предположительно не допустили бы увеличения сферы власти Акраганта. К тому же возникал вопрос (так, видимо, думали сегестинцы), будет ли Акрагант в случае победы поступать иначе, чем Селинунт. Последнее соображение вело к тому, чтобы и одних сиракузян не просить о помощи. Так сегестинцы пришли к выводу, что надо попытаться заключить союз и с акрагантцами, и сиракузянами. Они действовали столь явно в надежде, что взаимное соперничество двух городов обуздает державные стремления их обоих к выгоде для Сегесты. Действительно, Диодор сообщает о возникновении в следующем году (415 г.) между сиракузянами и акрагантцами принципиальных политических разногласий, зашедших так далеко, что акрагантцы заявили, что они будут сражаться на стороне афинян против сиракузян. По всей вероятности, эти разногласия существовали уже в 416 г. Такое предположение нам кажется тем более вероятным, что мы знаем, что Акрагант стоял на стороне Афин уже в 422 г. Однако план сегестинцев по неизвестным причинам рухнул. Но и теперь сегестинские послы направились не в Афины, а в Карфаген. Мы не знаем, в какой мере карфагенские сенаторы попытались откликнуться на просьбу сегестинцев. Все-таки они решились (об усилиях оппозиционной фракции мы ничего не знаем) продолжать традиционную сицилийскую политику и не ввязываться в сицилийскую авантюру. Теперь, после дипломатических неудач в Акраганте, Сиракузах и Карфагене, сегестинцы больше не видели другого выхода, кроме просьбы Афин о вмешательстве. Этим они, естественно, не осознавая этого, дали старт развитию, которое приведет к решающему изменению политической ситуации даже больше на Востоке, чем на Западе.

Диодор говорит, что сегестинцы «не только в своем городе», но и «в соседних городах» брали в долг деньги, чтобы скрыть от афинян свое подлинное финансовое положение, а Фукидид в дополнение к этому сообщает, что речь идет о «ближайших финикийских и греческих городах». Действительно ли сегестинцы заимствовали деньги в греческих городах, более чем сомнительно. Важно, что и в это время между Сегестой и пуническими городами Мотией, Панормом

и Солунтом существовали тесные связи, которые, однако, не могли распространиться на договоры о военном сотрудничестве.

Мы также не знаем, исторический ли тот пассаж речи сиракузского политика Гермократа, в котором говорится о поисках сиракузянами помощи у карфагенян. Поэтому бессмыслен вопрос, можно ли из этого пассажа сделать вывод о начале постепенного изменения карфагенской внешней политики.

Когда война на Сицилии уже разгорелась, афинские полководцы Никий и Ламах весной 414 г. направили посольство в Карфаген, которое должно было заключить с ним «договор о сотрудничестве» (Фукидид). Но они, очевидно, ничего не достигли. В карфагенском сенате заседали все еще больше «голубей», чем «ястребов». Ведущие деятели Карфагена явно полагали, что большая война греков является лучшей гарантией безопасности его сицилийских союзников. Они не были готовы ввязываться в рискованное сицилийское предприятие.

Из того, как можно судить о карфагенской сицилийской политике с 480 до 410 г., ясно одно: эта политика подарила пуническим городам Мотию, Панорму и Солунту время непрерывного роста и благосостояния, поскольку только в этом северо-западном углу Сицилии в течение семидесяти лет царил мир. Кроме того, эти города, которые никогда не пытались разрушить союзнические отношения с Карфагеном, являлись прочными опорными пунктами в торговле Карфагена прежде всего с Этрурией, Сардинией и Испанией.

12. ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ГАННИБАЛА И ГИМИЛЬКОНА (410–405 гг.)

В 410 г. Карфаген решил изменить свою сицилийскую политику, и это изменение имело далеко идущие последствия. Проводимая ранее изоляционистская политика сменилась интервенционистской. По моему мнению, резкое изменение карфагенской сицилийской политики было вызвано скорее не изменениями во внутривнутриполитических отношениях в Карфагене, а продолжающейся угрозой, исходящей из греческих городов Селинунта и Сиракуз, элимским городам, традиционным партнерам Карфагена на Сицилии, угрозой, которая стала действенной и для пунических городов Сицилии.

Старый сегестинско-селинунтский конфликт не был улажен большой афино-сиракузской войной. Так как сегестинцы сражались на стороне побежденных и испугались, что при сохранении ими прежней жесткой позиции они могут подвергнуться нападению сиракузян, то в 410 г. они заявили о готовности добровольно отказаться от области, спорной между ними и селинунтянами, дабы по крайней мере сохранить независимость города и гарантировать безопасность остальной своей территории. Селинунтяне, однако, отвергли предложенный компромисс и овладели не только спорной территорией, но и, без сомнения, сегестинской. Сегестинцы увидели себя вернувшимися к ситуации 416 г. Только значительная внешняя сила могла отвратить селинунтскую угрозу. Но круг государств, которые могли бы оказать такую помощь, по сравнению с 416 г. резко сократился. Обращаться к Сиракузам в сложившихся обстоятельствах было бы утопичным. Выдвигать дело на рассмотрение смешанного сицилийского третейского суда было бессмысленно, как это уже стало ясно шесть лет назад. Надеяться на новое вторжение афинян в совершенно изменившихся условиях было абсолютно бессмысленным. Оставалась только *одна* сила, которая могла противостоять любому сицилийскому противнику и которая к тому же никогда в прошлом не была враждебна Сегесте, а чаще всего находилась с ней в дружеских отношениях, — Карфаген. Но разве не Карфаген в 416 г. отверг сегестинский призыв к помощи? Да, конечно. Но тогда сегестинцы имели в руках козырную карту — Афины, и поэтому они вели в Карфагене переговоры без

должной настойчивости. Теперь это изменилось. Ныне они с энергией тонушего предъявили свои аргументы Карфагену. Сверх этого кажется, что по отношению к 416 г. они сделали более выгодное предложение, ибо Диодор говорит о «передаче» города Карфагену, а это выражение указывает на отказ от суверенитета. При положительном исходе планируемого предприятия, и это, как кажется, утверждали сегестинцы, территория Сицилии, находящаяся под карфагенским господством, существенно увеличится. Но это едва ли было решающей причиной, по которой карфагенские политики решились на интервенцию в Сицилии. Они после долгих и жарких дебатов потому все же решились на вмешательство, что общественное мнение требовало пресечь экспансионистские стремления греческих городов, прежде всего Селинунта. Отдельные карфагенские политики, как Ганнибал, руководились и личными мотивами. Конечно, при обсуждении в сенате важную роль играл вопрос, как в случае возможного военного столкновения между Карфагеном и Селинунтом поведут себя Сиракузы. Ведь карфагенские сенаторы никак не планировали вести войну за господство над всей Сицилией; они скорее стремились только к тому, чтобы создать спокойные условия, необходимые для развития городов, находящихся под карфагенским влиянием. Кроме того, победа сиракузян над афинянами, одержанная всего три года назад, не могла не оказать влияния и на карфагенских политиков. Карфагенское руководство, следовательно, стремилось обеспечить нейтралитет Сиракуз в грядущей войне. Последнее все же не казалось безнадежным делом, ибо сиракузяне, с одной стороны, еще не завершили войну с Катаной и Наксосом, а с другой — значительную часть своих военных сил направили на войну с Афинами. Девиз был, следовательно, такой: если необходимо, то воевать с Селинунтом, но не с Сиракузами!

Так как карфагеняне решились на скорое начало сицилийской войны, то, как только дали сегестинцам положительный ответ, сразу избрали полководца. Выбор пал на суфета Ганнибала. Он был сыном Гисгона, который — ирония судьбы! — жил изгнанником в Селинунте и там умер. Ганнибал, о котором антикарфагенски настроенный Тимей говорит, что он «по природе своей настроен антигречески», сделал кажущийся совершенно неожиданным шаг: он, видимо, после отклонения селинунтянами *regum repetitio* направил послов в Сиракузы просить их о посредничестве в споре между Сегестой и Селинунтом. Этот шаг Ганнибала был точно рассчитан. Если сиракузяне отвергнут предложение (хотя селинунтяне с таким поворотом дел были

бы согласны), то карфагеняне, по крайней мере, могут продемонстрировать свою добрую волю, а сиракузский отказ предоставлял Карфагену бóльшую свободу рук, чем сиракузянам, которые при возможной военной поддержке селинунтян могли оказаться силой, стремящейся к войне. Если Сиракузы согласятся с этой просьбой, они объявят себя стоящими над обеими сторонами и не смогут вмешаться в случае вооруженного конфликта между Сегестой и Селинунтом. В таком случае последующие возможности были ясны. Если бы селинунтяне вынуждены были согласиться с созданием сиракузского третейского суда, то его приговор мог быть как негативным, так и позитивным. Будь он негативным для селинунтян, дело будет решено так, как этого хотели сегестинцы и карфагеняне, но на это в сложившейся ситуации нельзя было рассчитывать. Если приговор оказался бы благоприятным для селинунтян, дело сегестинцев и карфагенян было бы проиграно, но такой случай, очевидно, в расчеты Ганнибала вовсе не входил. В случае же отказа Селинунта от сиракузского посредничества он перед всеми предстанет как государство, жаждущее начать войну, каковая теперь становится неизбежной. Именно на такой случай, если верить Дниодору, Ганнибал и надеялся. И он, по крайней мере, не обманывался в том, что селинунтяне действительно не подчинятся сиракузскому третейскому приговору. Однако карфагенские послы, а с ними и Ганнибал, не добились полного успеха, ибо сиракузяне в своем ответе на карфагенское предложение не заняли ясной позиции и обошли проблему посредничества. Они только заявили, что хотят и союзнические отношения с селинунтянами сохранить, и не разорвать мирные отношения с карфагенянами. Сиракузянам, конечно, было ясно, что таким ответом они не способствуют никакому решению существующей проблемы. Они не хотели испортить отношения ни с одной стороной и желали только выиграть время. Для сиракузян этот момент не был подходящим для военного столкновения с Карфагеном. Может быть, их осторожная тактика была обусловлена тем, что они в морском сражении при Кинносеме (конец 411 г.) сражались на стороне побежденных. Состоялось ли к этому времени сражение при Кизике (май 410 г.) и пришло ли известие о поражении пелопоннесцев и сиракузян в Сиракузы и Карфаген, неясно.

В связи с тем что попытка добиться вмешательства Сиракуз, как и ожидалось, была безуспешной, Ганнибал начал действовать. Он послал 5 тысяч ливийских и 800 кампанских всадников в Сегесту. Относительно цели этого передвижения войск не могло быть никакого сомнения. С помощью этих подкреплений сегестинцы одержали

победу над селинунтянами. Следствием этого было то, что селинунтяне, ссылаясь на существующий между ними союзный договор, запросили военной поддержки у сиракузян.

Но и сегестинцы направили послов к своему протектору с просьбой о присылке дополнительного контингента, разъясняя при этом, что селинунтяне готовятся к реваншу. Как селинунтяне, так и сегестинцы были уверены, что только расширение конфликта даст шанс на удовлетворение каждому их притязаний. Союзники обеих сторон согласились оказать помощь, и «карфагенская война» началась. Хотя карфагеняне не планировали карфагено-сицилийской войны, они с этой возможностью считались. Их целью было противостоять растущему влиянию сицилиотов, прежде всего селинунтян, в Западной Сицилии; элимскую буферную надо было сохранить при любых обстоятельствах.

После того как Ганнибал летом 410 г. и зимой 410/09 г. набрал в Ливии войска и на вербовал в Испании наемников, он весной 409 г. приблизительно со 100 тысячами пехотинцев, 4 тысячами всадников, 60 военными кораблями и 1500 транспортными судами вышел в море и через несколько дней высадился у мыса Лилибей. Корабли он послал бросить якорь в Мотии, чтобы, как говорит Диодор, сиракузяне убедились, что его поход не направлен против Сиракуз. Конечно, к вмешательству сиракузян готовились: иначе зачем было посылать на Сицилию столь сильные воинские части. После прибытия сицилийских союзников он направился к Селинунту, чтобы осадить город. Селинунтяне, которые благодаря шпионам узнали о высадке карфагенского войска, тотчас направили в Сиракузы просьбу о присылке союзных войск. Когда город был уже осажден, а союзные войска так и не подошли, селинунтяне снова направили послов в Акрагант, Гелу и Сиракузы, подчеркивая неотложность своей просьбы. В Акраганте и Геле им разъяснили, что надо дождаться сиракузских войск, чтобы совместно выступить против карфагенской армии, осаждающей Селинунт. В Сиракузах понимали, что необходимо закончить войну с ионийскими городами, дабы иметь свободные руки для борьбы с карфагенянами, и с этой целью стягивали в город войска. Но прошло слишком много времени, и сиракузяне утешались (по крайней мере, внешне) мыслью, что хотя Селинунт будет захвачен, он все же не будет разрушен. Хотя и не все обманывались, в целом дипломатическое наступление Ганнибала, который ясно давал понять, что карфагенская акция ограничивается только западносицилийскими противниками, имело полный успех. Сиракузские колебания объяснялись

также и тем, что сиракузяне знали о превосходстве карфагенских войск. После всего лишь девятидневной осады Селинунт пал, и Ганнибал отдал его своим войскам на полное разграбление. 16 тысяч человек погибло при захвате города, более 5 тысяч селинунтян попали в руки победителей, и только 2600 жителей города бежали в Акрагант.

Приблизительно в то время, когда пал Селинунт, сиракузский авангард — 3 тысячи «элитных солдат» (Диодор) — прибыл в Акрагант. Посланцы этой части призвали Ганнибала освободить пленников за выкуп и не посягать на храмы. Просьба, высказанная сдержанным тоном, показывала, что сиракузяне не заинтересованы в расширении конфликта! Но победитель остался непреклонным. Он отверг возможность выкупа и заявил, что боги ушли из Селинунта, потому что стали недовольны селинунтянами. Что касается бежавших селинунтян, то Ганнибал дал им возможность вернуться в Селинунт, если они будут готовы уплатить требуемую «дань» (Диодор) карфагенянам.

С разрушением Селинунта и новым упорядочением западносицилийских взаимоотношений задача, поставленная Карфагенским государством перед своим полководцем, была выполнена. Но последовавшее за этим разрушение Гимеры Ганнибал не мог объявить политически необходимой акцией. Этот акт был обусловлен большей частью эмоционально, стремлением восстановить скорее честь не Карфагена, а собственной фамилии. В битве при Гимере (480 г.) погиб его дед Гамилькар, из-за поражения при Гимере умер в изгнании его отец Гисгон, по причине этого мрачного момента в карфагенской истории он сам в свои молодые годы испытал множество неприятностей. Поэтому со своими войсками, к которым (и это надо отметить, потому что это бросает свет на политические позиции несицилийского населения Сицилии) присоединились еще 20 тысяч сиканов, он двинулся поперек острова к Гимере. Разрушение этого города должно было подвести черту под темной главой в истории его фамилии! Гимерийцам пришли на помощь 3 тысячи сиракузских «элитных солдат» (Диодор), которые ранее прибыли в Акрагант, а также тысяча других союзников, среди которых, вероятно, были прежде всего акрагантцы. Осада Гимеры была сопряжена для карфагенян с большими потерями, чем осада Селинунта. Только при вылазке гимерийцев погибло, как сообщает Тимей, 6 тысяч солдат, сражавшихся на стороне карфагенян, и 3 тысячи воевавших на гимерийской стороне. После этого сражения к Гимере подошли 25 сицилийских кораблей, которые до этого воевали на стороне спартанцев в Эгейском и Ионийском морях и которые, вероятно, после падения Селинунта были

вытребованы обратно. В самом городе распространился слух, что сиракузяне и их союзники теперь со всеми силами двигаются по направлению к Гимере. Однако Ганнибал, используя свой флот, до этого стоявший на якоре перед Мотией, напал на сиракузян. Был ли распространен слух о Диокле, который считал положение Гимеры безнадежным и ценил сиракузские интересы больше, чем гимерийские? Если это предположение правильно, то Диокл стремился достичь двойной цели: с одной стороны, сохранение доверия к ведущей сицилийской державе, а с другой — определенное понимание причин ухода сиракузских войск. Во всяком случае, он приказал сиракузскому капитану двинуться в Сиракузы, но сначала флот должен был в два этапа эвакуировать население Гимеры в Мессану. Сам он со своими войсками, не причиняя никаких забот Ганнибалу, стал отходить к Сиракузам. Гимерийцы с действиями сиракузян не были согласны, но они находились не в том положении, чтобы их возражения были приняты. Именно в тот момент, когда появился флот, чтобы забрать на борт вторую половину населения, карфагеняне захватили город. Ганнибал сровнял город с землей, только храмы (в противоположность тому, что было сделано в Селинунте) не были тронуты. Около 3 тысяч пленных гимерийцев-мужчин на том месте, где его дед Гамилькар «был убит Гелоном», как сообщает Диодор, было подвергнуто пыткам и перебито. Позор фамилии, по его мнению, был смыт.

Теперь Ганнибал объявил поход законченным. Он свернул свой лагерь, отослал домой сицилийских союзников — сицилийских пунийцев, элимов, сиканов и сикулов — и кампанских наемников, по крайней мере, часть которых этим была недовольна, оставил достаточно сильные воинские части для защиты союзников на Сицилии и отплыл, вероятно, из Гимеры в Карфаген.

Ганнибал счел свои цели достигнутыми. Он сумел уничтожить селинунтских агрессоров и этим создать предпосылки для мирного развития на западе Сицилии. Кроме того, Сегеста теперь была еще теснее связана с Карфагеном, сиканы и сикулы стали союзниками, Селинунт был низведен до положения податного города. Наконец, в полном объеме была восстановлена честь Ганноновской фамилии. С точки зрения Ганнибала и всех карфагенян, сицилийская проблема была решена. Может быть, такой же была и точка зрения сиракузян.

Однако достигнутое разрешение проблемы просуществовало лишь очень короткое время. Разрыв только что установленных отношений было делом рук сиракузянина Гермократа. Гермократ был противни-

ком Диокла, решением суда он был изгнан из Сиракуз и поэтому, как и его коллеги, был вынужден принять командование сиракузским флотом, действовавшим тогда в Эгейском море. После своего смещения в 408 г. он из Милета направился в Мессану. Там он на деньги, предоставленные ему сатрапом Фарнабазом, набрал частную армию, опираясь на которую решил силой добиться своего возвращения в Сиракузы. Когда эта попытка не удалась, он ушел в полуразрушенный Селинунт, чтобы там создать еще больший центр своей власти. Оккупировав Селинунт, Гермократ поставил под вопрос порядок, созданный Карфагеном в Западной Сицилии, поскольку Селинунт был податным городом. Своей вершины провокации против Карфагена достигли тогда, когда Гермократ вторгся на территорию Моти, Панорма и других городов и навязал войскам этих городов, которых поддерживали находившиеся на Сицилии карфагенские воинские части, регулярные сражения. Проведение этих военных акций, вызвавших одобрение многих сицилийцев, в том числе многих сиракузян, было облегчено тем, что среди его 6 тысяч наемников было около тысячи гимерийцев и, возможно, еще больше селинунтян. Но когда он в следующем, 407 г. хитростью достиг Сиракуз, очевидно, чтобы стать тираном, он был убит поспешившими туда сиракузянами. Среди раненых сообщников Гермократа, которые пережили опасного авантюриста, находился Дионисий, сын Гермократа (?), будущий тиран города.

А как реагировали карфагеняне на провокационные действия Гермократа в Западной Сицилии? Если мы будем искать ответ у Диодора, то искать будем напрасно. Предположение, что карфагеняне просто не обратили внимания на эти события, невероятно. Однажды Диодор все-таки указывает на то, что карфагеняне были этому очень поражены. Он пишет, что в 407 г. сиракузяне в Карфагене жаловались на войну. Из имеющегося текста Диодора, должно быть, выпал пассаж, в котором речь шла о карфагенских акциях на Сицилии. На демарш сиракузян карфагеняне, кажется, дали двусмысленный ответ. Одновременно они стали заготавливать в Африке значительное вооружение, ибо, как говорит Диодор, «они ставили своей целью подчинить все города острова». О политической подоплеке этого вооружения нам не удастся составить достаточно ясную картину из-за отсутствия материала. Но все же можно предположить, что новые планы карфагенян были связаны с такими событиями, как грабительские походы Гермократа. Из замечания Диодора следует, и мы должны согласиться с Диодором в этом пункте, что ведущие карфагенские политики,

среди которых, вероятно, находился и Ганнибал, пришли к убеждению, что частичное решение проблемы, которого они добились на Сицилии, решением не стало. Предстояло новое столкновение между Карфагеном и Сиракузами. Ганнибал снова был избран полководцем. Однако из-за своего возраста он выбрал себе в качестве коллеги Гимилькона, сына Ганнона, происходившего из того же рода, что и он сам. Набор и вербовка солдат на этот раз были еще масштабнее, чем в 410 г. В Африке были мобилизованы боеспособные мужчины из Карфагена, пригодные к войне мужчины пунических союзников и ливийцев, а кроме того, призваны к оружию мужчины союзных племен и царств — маврусиев, нумидийцев и других народов, живущих вплоть до киренской границы. В Испании и на Балеарах военный барабан пробил для видных карфагенян. В Италии вновь были завербованы кампанцы. Общее число солдат, выведенных карфагенянами в поле, достигало, по Тимею, 120 тысяч человек, а Эфор приводит даже невероятную цифру 300 тысяч.

Но прежде чем эти войска весной 406 г. переправились на Сицилию, карфагеняне, по сообщению Диодора, при помощи карфагенских и других африкано-пунических поселенцев основали колонию Ферму (приблизительно на полпути между Солунтом и разрушенной Гимерой). Являлась ли Ферма не гражданским, а военным поселением, задачей которого было занять выдвинутую вперед позицию с целью защиты пунических городов Сицилии?

Еще до того, как 120 триер и тысяча транспортных судов покинули гавань Карфагена, в начале весны 406 г. авангард из 60 карфагенских кораблей по приказу Гимилькона направился на Сицилию. Задачей этого авангарда было, вероятно, не только функционирование в качестве разведывательной эскадры, но и потопление сицилийских кораблей, которые могли помешать переправе основных карфагенских сил. Вблизи Эрикса эта эскадра натолкнулась на почти такой же сильный сиракузский флот, поспешивший сюда при известии о переправе, чтобы навязать сражение. Карфагеняне потеряли 15 кораблей. Узнав об этом поражении, прибыл сам Ганнибал с 50 кораблями, чтобы исправить ошибку и обеспечить переправу. Он осуществил это с успехом.

Так как сицилийцы ожидали скорого вторжения, то они подготовились к нему. Сиракузяне запросили военную помощь у италиотов¹ и спартапцев, которые, конечно, уже в 407 г. видели очевидные при-

¹ Италиоты — греки, жившие в Италии.

готовления карфагенян. Однако можно ли было ожидать поддержки спартанцев, которые должны были сконцентрировать все свои силы на заключительном этапе Пелопоннесской войны, в этом и сами сиракузяне сомневались. Кроме того, они направили во все (греческие) города Сицилии послов с призывом «к борьбе за общую свободу» (Диодор). Акрагантинцы, до сих пор важнейшие торговые партнеры карфагенян, будучи «пограничными соседями карфагенской эцикратии»² (Диодор), испугались, что по ним будет нанесен удар карфагенян. И это действительно было так.

Карфагенские войска высадились на Сицилии (у мыса Лилибей?) и двинулись к Акраганту. Из переговоров, которые велись до начала осады, ясно, что карфагенская «верхушка» рассматривала одинаково как врагов не все сицилийские города. Иначе было бы непонятно, почему Ганнибал, вероятно, ссылаясь на прежние относительно тесные связи, требовал от акрагантинцев сотрудничества. Главной целью карфагенского удара считалось, несомненно, государство, которое в прошлом постоянно развивало антикарфагенскую деятельность: Сиракузы. Даже нейтральные сицилийские города, поддерживавшие дружеские отношения с карфагенянами, должны были (так явно убеждал акрагантинцев Ганнибал) полностью сохранить свои права. Так как акрагантинцы, 1500 солдат которых находились под командованием спартанца Дексиппа, уже набрали в качестве наемников 800 кампанцев, с предложением карфагенского полководца не согласились, а тот едва ли рассчитывал на что-либо другое, то карфагеняне приступили к осаде города.

Временем осады Акраганта, а конкретнее — периодом с мая по июль 406 г., надо датировать документ, в соответствии с которым афиняне просили Ганнибала и Гимилькона о «дружбе и союзе» (строка 11). Несомненно, в этой надписи упоминается карфагенское посольство, прибывшее в Афины. Но отсюда без дальнейших рассуждений едва ли можно делать вывод, что «инициатива этого сближения ясно исходила от Карфагена» (Штроекер). Что могли ожидать карфагеняне от союзного договора с Афинами? Самое большее обещания, что ионийские города Наксом и Катана будут сохранять нейтралитет. А на что афиняне могли надеяться при заключении пакта о взаимопомощи? Гарантии, что карфагеняне позаботятся о том, чтобы сиракузяне ни при каких обстоятельствах не вернулись на восточный театр военных действий. Если цели обеих держав были в некоторой

² Эцикратией греки называли область карфагенских владений на Сицилии.

степени равноценны, то все же наверняка афиняне были больше заинтересованы в заключении соглашения. Не для карфагенян, а для них после поражения при Нотии (407 или 406 г.) положение стало критическим. Конечно, из того, чьи интересы в заключении соглашения были более значительными, нельзя сделать определенный вывод, но можно принять некоторую вероятность. Мнение, что инициатива была проявлена афинянами, напрашивается и из наблюдения, что карфагеняне уже до заключения союзного договора (строка 11) оказали услуги, признаваемые афинянами, ибо иначе карфагеняне не назывались бы «благодетелями афин» (строка 6 сл.) и карфагенские послы не почитались бы как [мужья, которые перед демосом афинян им]еют заслуги (строка 18 сл.). Признанные заслуги карфагенян заключались в том, что они поняли готовность афинян к заключению союзного договора. Как кажется, последовательность событий была такова: афиняне, которые после катастрофы у Нотия были вынуждены мобилизовать свои последние военные и дипломатические резервы, направили в 407 или 406 г. послов в Карфаген или на Сицилию ради заключения договора о союзе; карфагенские послы, прибывшие во второй трети 406 г. в Афины, сигнализировали о готовности карфагенян заключить этот пакт; после этого афиняне постановили направить на Сицилию к Ганнибалу и Гимилькону послов, которые должны были завершить переговоры. Что договор был действительно заключен, видно из того, что афинская псефизма не была похоронена в архиве, а вырезана в камне. В какой степени этот договор имел реальные последствия, проследить трудно³. Однако рассматриваемый документ показывает, что политическая активность карфагенян (и афинян) крайне разнообразна, а кроме того, снова видно, что предполагаемая непроходимая пропасть между карфагенянами и греками была лишь выдумкой некоторых греческих политиков и историков.

При создании осадных машин Ганнибал использовал также могильные камни из некрополей, находившихся перед городом. Это, по-видимому, вызвало неприятные чувства у части войска, и когда чума опустошила армию и сам Ганнибал умер от заразной болезни, это всеми было признано как наказание богов за дерзкое разрушение могил.

³ Думается, что в сложившейся ситуации этот договор вообще никакого значения не имел, поскольку в делах Эгейского бассейна Карфаген, по крайней мере в то время, заинтересован не был, а у афинян не было никаких сил для реального вмешательства в сицилийские дела.

После смерти Ганнибала Гимилькон принял единоличное командование карфагенскими войсками. Чтобы преодолеть распространившиеся в армии пораженческие настроения, он пожертвовал Баал-Хамону юношей, а Посейдону — большое количество животных. А затем он продолжил осаду с неистощаемой энергией.

Сиракузяне, которым, как и другим сицилиотам, было ясно, что борьба идет «за все» (Диодор), избрали полководцем Дафнея и направили его вместе с союзниками из Италии, Мессаны, Камарины, Гелы и из внутренних районов (вероятно, прежде всего из Акры и Камарины) к Акраганту. Всего было более 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников. К этому надо добавить флот из 30 кораблей. Гимилькон, который, конечно, хотел избежать сражения под стенами Акраганта, направил против греческих войск половину своей армии. Однако эта часть карфагенской армии была разбита в сражении, разыгравшемся к югу от Гимеры. Погибло более 6 тысяч человек. Греческие войска овладели лагерем, который иберы и часть ливийцев оставили по приказу Гимилькона. В этот лагерь вступили также войска, ранее находившиеся в городе. Солдаты этих частей были чрезвычайно озлоблены на решение своих командиров не атаковать разбитого и отступающего врага. Они побили камнями четырех из пяти своих командиров. И Дексиппа они обвинили в предательстве. Несмотря на эти волнения, Дафней сумел блокировать карфагенский лагерь, так что возникли серьезные трудности в снабжении карфагенской армии. Но Гимилькон нанес врагам исключительно успешный удар: с помощью эскадры из 40 кораблей, которые он привел из Мотни и Панорма, он захватил сиракузский транспортный караван с зерном и потопил восемь сопровождавших его боевых кораблей. Мораль войска была сохранена. Даже кампанцы, которые до сих пор стояли на стороне акрагантинцев, подкупленные, как утверждает Диодор, пятнадцатью талантами, перешли к карфагенянам. Теперь возникли сложности у противоположной стороны. Италиотские командиры, утверждая, что срок их службы истек, отступили со своими войсками. На созванном вскоре после этого спешном заседании оставшиеся греческие командиры договорились, что город из-за критического положения со снабжением надо эвакуировать и сицилиотские войска должны отступить. Гимилькон не препятствовал отступлению. Он захватил город, но не разрушил его, ибо намеревался расположить там свою зимнюю квартиру.

Эта неудача привела к новым раздорам среди союзных греков. Акрагантинцы и другие сицилиоты обвиняли сиракузских

полководцев, прежде всего Дафнея, в предательстве. Но и среди самих сиракузян подняла голову гидра раздора. Среди самых острых критиков полководцев был Дионисий, который в 407 г. сражался на стороне Гермократа. Он использовал несомненную неудачу, чтобы вызвать у олигархии подозрения по отношению к ведущим политикам Сиракуз, а своему образу придать большее значение у демоса. Его агитация имела успех, и он был избран полководцем города.

Еще зимой 406/05 г. гелейцы просили у сиракузян подкрепления. В ответ на это Дионисий был направлен в Гелу с 2 тысячами пехотинцев и 400 всадниками. Политическая жизнь в этом городе была в это время отмечена столкновениями между могущественным высшим слоем (эти люди были готовы к компромиссу с карфагенянами?) и представителями демоса. Дионисий провел радикальные решения в пользу демоса и, пообещав вернуться с более сильным войском, возвратился в Сиракузы.

Там он заявил, что во время его пребывания в Геле Гимилькон прислал к нему переговорщиков, которые, по видимости, должны были вести переговоры о возвращении пленников, а в действительности подкупить его, чтобы он подобно своим коллегам, которые уже получали такие суммы, сотрудничал с карфагенянами или по крайней мере не мешал им. Успех этого мнимого или действительного разоблачения был полным, и сиракузяне избрали его «полновластным полководцем»⁴. В том, что в утверждениях Дионисия могла содержаться правда, как и в том, что Гимилькон вел переговоры с сиракузянами, едва ли следует сомневаться. Но возможно, карфагенский полководец только пытался получить представление о личности и целях Дионисия.

В начале лета 405 г. Гимилькон выступил из Акраганта, и город перед выходом войска был основательно разрушен. Он стал опустошать территории гелейцев и камаринцев и начал осаду Гелы. Когда город был уже готов пасть, к Геле подошел Дионисий, который тем временем возвысился до тирана⁵, с войском из 30 тысяч пехотинцев и тысячи всадников; под его командованием собрались сицилиоты, италиоты и наемники. Флот состоял из 50 военных кораблей. Дио-

⁴ Полновластный полководец — стратег-автократор, т. е. полководец, не имеющий коллег. Стратеги-автократоры избирались в греческих городах в особо сложных обстоятельствах.

⁵ Дионисий стал тираном Сиракуз в результате государственного переворота в первой половине 405 г.

нисий составил план, согласно которому карфагеняне у Гелы должны были одновременно сражаться на суше и на море. Однако Гимилькон сумел противостоять ловким тактическим шагам сиракузян и со своим численно превосходящим войском одержать победу. В ночь после сражения Дионисий с побежденными солдатами и эвакуированными гражданскими людьми отступил от Гелы. Гела стала добычей карфагенян. На обратном пути Дионисий принудил тирана камаринцев оставить свой город и вместе с ним прибыть в Сиракузы. Поражение союзных греков резко ослабило позиции Дионисия. Италиоты вернулись на родину, гелейцы и камаринцы осыпали Дионисия упреками, а сиракузские всадники даже замыслили убить тирана.

О дальнейших событиях мы не имеем информации, в тексте Диодора в этом месте лакуна. В потерянной главе диодоровского повествования речь должна была идти о подступе карфагенян к Сиракузам, о начале осады города и об эпидемии, которая вспыхнула в осаждавшей армии. Эта эпидемия, по крайней мере по версии Диодора, вынудила Гимилькона предложить переговоры, хотя конечной цели войны, полного разгрома сиракузян, он так и не добился. Дионисий принял это предложение с облегчением, и обе стороны заключили мир на следующих условиях: 1) карфагенские владения — это бывшая территория западнофиникийских колоний, элимов и сиканов; 2) Гимера, Селинунт, Акрагант, Гела и Камарина являются зависимыми от Карфагена и платят ему дань; 3) автономны Мессана, Леонтины и все сикулы, т. е. потенциальные противники Сиракуз; 4) Сиракузы находятся под властью Дионисия; 5) обе стороны возвращают корабли и военнопленных. Из условий этого мирного договора видно, что карфагеняне продвинулись почти во всем. Вся Сицилия, за исключением Сиракуз, находилась теперь частично под прямым, частично под косвенным карфагенским господством. Усиление карфагенских позиций ясно прежде всего из факта, что в мирный договор была внесена статья, касающаяся внутренних отношений в Сиракузах: положение, по которому сиракузяне должны находиться под властью тирана Дионисия. По всей видимости, карфагеняне надеялись с помощью этой статьи консолидировать карфагено-сиракузские связи, а кроме того, в случае изменений во внутривосточных отношениях в Сиракузах получить право вмешательства. Очевидно, что Дионисий, справедливо или нет, это надо еще доказать, стал для карфагенян гарантом нового порядка на Сицилии.

13. ПОХОДЫ ГИМИЛЬКОНА И МАГОНА (397–392 гг.)

Повествование Диодора о сицилийских предприятиях Гимилькона и Магона в 397–392 гг. дает лишь неполное представление о ходе и фоне военных и дипломатических акций этих лет. Но далее при всей неудовлетворительности этого описания ясно, что инициатива новых военных столкновений между карфагенянами и сицилийскими греками исходила в первую очередь от Дионисия, а не из Карфагена. Сиракузский тиран нуждался во внешнеполитических успехах, чтобы укрепить свое положение, которое в тот момент было довольно хрупким. Для осуществления своих планов он использовал то обстоятельство, что среди греческого населения острова, по крайней мере части его, господствовало сильное недовольство давящим карфагенским преобладанием. Не менее тяжелым было и то, что не только граждане городов, которые особенно страдали от последствий проигранной войны, но и сиракузяне лелеяли мысль о реванше. Для нового столкновения с Карфагеном необходима была тщательная подготовка. Прежде всего надо было сделать Сиракузы неприступной крепостью; с этой целью были построены укрепления Острова (Nesos, Ортигия), а через несколько лет — Эпипол. А затем требовалось расширить территориальную базу государства, и этому служила попытка подчинить автономные города. Причиной того, что именно автономные города Дионисий сделал объектом своих экспансионистских стремлений, является, кроме их географического положения, его надежда, что карфагеняне на нападение на эту группу политических образований будут реагировать менее энергично, чем на атаку на подчиненные или даже «союзные» города. Уже в 404 г. он осадил сикульский Гербесс, и только восстание сиракузян принудило его покончить с осадой. Находясь в крайне бедственном положении, он призвал на помощь 1200 кампанских всадников, которым Гимилькон поручил позаботиться о лояльности «сицилийских местностей» (Диодор). Тирану удалось обеспечить себе поддержку этих ненадежных воинов, и он сумел выйти из своего тяжелого положения. В следующем году (403 г.) Дионисий продолжал нарушать мирный договор 405 г. Он захватил частью хитростью, частью угрозами, частью силой сикульский город

Генну и ионийские города Катану, Наксос и Леонтины, и только сикульский город Гербиту он не сумел покорить.

Встает вопрос, почему Карфаген терпел такие нарушения договора 405 г. Кроме того что судьба «автономных» городов действительно беспокоила карфагенян гораздо меньше, чем судьба подчиненных или союзных городов, и что подготовка к войне занимала у карфагенян много времени, главная причина инертности, как кажется, заключалась в том, что эпидемия, которую карфагенская армия принесла в Северную Африку, привела к большому числу жертв и все еще продолжалась. Возможно также, что имели место внутривосточные споры, препятствовавшие решительным внешнеполитическим действиям.

Если до сих пор Дионисий создавал только некоторые важные предпосылки для нового противостояния Карфагену, то в 402 г. он приступил к планомерной подготовке к войне. С 399 г. он форсировал эти приготовления, так как сознавал, что это будет война с «самыми могущественными жителями Европы» (Диодор). По сообщению Диодора, Дионисий ускорил приготовления к войне не только потому, что рассчитывал на ослабление в результате эпидемии военной мощи Карфагена, но и потому, что видел, что довольно большое число греческих граждан, ранее живших в греческих городах, ныне находившихся под властью Карфагена, вернулись со «свободного» греческого Востока в «несвободную» карфагенскую провинцию, восстановили там свои права и владения, но, кажется, тяготились сотрудничеством с карфагенянами и были готовы отдать себя в его распоряжение. Дионисий надеялся, что в случае скорого военного конфликта с Карфагеном все греки, живущие в карфагенской эцикратии, перейдут на его сторону. Когда вооружение было завершено, Сиракузы стали похожими на арсенал, а в гавани города стоял флот из более чем 310 кораблей. После концентрации войск, состоявших из сиракузян, граждан подчиненных городов, греческих (прежде всего спартанских) и негреческих наемников, Дионисий все же ждал до 398 г. Так как он явно справедливо опасался, что мессанцы и регийцы в случае войны встанут на сторону его противников, он пытался путем отказа от приграничной полосы или предложения о «взаимном праве брака» и переговоров о дальнейшей поддержке добиться если не заключения союзного договора, то по крайней мере сохранения ими нейтралитета. Регийцы с благодарностью отклонили все эти варианты, и их место заняли локрийцы; мессанцы же оказались готовыми к компромиссу. К официальному решению о начале войны Дионисий смог подойти

безо всякого труда. В своей речи на народном собрании он говорил о традиционной вражде карфагенян к грекам, о наступлении удобного времени, об обязанности проявить солидарность с угнетенными сицилиотами и поставил этим сиракузо-карфагенскую войну под лозунг «свобода грекам». Бесчинства, которые учинили сиракузяне и другие сицилиоты по отношению к карфагенянам, жившим в Сиракузах и несвободных сицилиотских городах, напоминали еврейские погромы более позднего времени, хотя Диодор их мотивом называет не принадлежность карфагенян к другой расе, а «жестокость» победителей по отношению к побежденным. Дионисий направил карфагенянам ультиматум: если они не вернут за определенное время свободу сицилиотским городам, то между Сиракузами и Карфагеном начнется война. В ответе карфагенян тиран был полностью уверен.

В следующем году (397 г.) Дионисий исполнил свои намерения. Карфагеняне, которые были полностью разоружены, однако, не склонились перед требованиями греков. После страусовой политики прошлых лет неистовство эпидемии их теперь вполне бы извинило, но они стали проявлять лихорадочную активность. Они внимательно следили за дальнейшими действиями сиракузян и послали нескольких сенаторов в «Европу» (Диодор), т. е., видимо, в Испанию, для вербовки наемников.

Дионисий начал военные действия, двинувшись со своими войсками вдоль южного побережья в направлении Мотии. Мотия являлась для карфагенян городом, который был для них важен как ворота Сицилии. Дионисий видел в завоевании этого города ключ к господству над всей Сицилией. Его надежды на поддержку сицилиотов карфагенской эпократии были не напрасны: камаринцы, гелейцы, акрагантцы, селиунтяне и, наконец, также гимерийцы присоединились к его походу. Силы его войск — 80 тысяч пехотинцев и 3 тысячи всадников; его флот состоял из почти 200 боевых кораблей и 500 транспортных судов. В то время как его брат адмирал Лептин получил задание осадить сильно укрепленную Мотию, которую в силу ее островного положения захватить было очень трудно, сам Дионисий с пехотой вторгся в область карфагенских «союзников», чтобы взять в свои руки некоторые укрепленные пункты противника. Элимы из Эрикса и сиканские общины ввиду явного превосходства врага не оказали никакого сопротивления и перешли на сторону Дионисия. Однако пунические города Панорм и Солунт, элимские города Сегеста и Галикии, а также бывший элимский город Энтелла, которым теперь владели кампанцы, несмотря на мрачные перспективы, оста-

лись верными карфагенянам. Это говорит о том, что эти города были полностью согласны с тем способом, каким Карфаген в прошлом осуществлял свои функции гегемона. По каким стратегическим или политическим соображениям Дионисий осадил именно Сегесту и Энтеллу, в то время как области Галикий, Панорма и Солунта только разграбил, неизвестно.

Карфагеняне, снова назначившие Гимилькона полководцем, еще не завершили своего вооружения. Все же они смогли провести несколько морских акций. Одна из них, которой руководил адмирал, подчиненный Гимилькону (вероятно, Магон), увенчалась полным успехом: были уничтожены почти все корабли, стоявшие на якоре в сиракузской гавани. Но если Гимилькон действительно надеялся, как утверждает Диодор, что благодаря успеху этой молниеносной карфагенской акции Дионисий вернет в Сиракузы часть флота, стоявшего перед Мотией, то он ошибся. Дионисий не отвел от Мотии ни одного корабля. Рискованное предприятие самого Гимилькона, когда он со своим флотом даже вошел в гавань Мотии, имело только частичный успех. Но все же эти акции карфагенских полководцев способствовали тому, что готовность к сопротивлению жителей осажденного города возросла. Они долго сражались с мужеством отчаяния, но не смогли отворотить падение города. Победители свирепо неистовствовали.

Хотя военные проблемы этого года еще не были полностью решены, Дионисий, не добившись успеха, был вынужден снять осаду Сегесты и Энтеллы и с главными силами своей армии возвратиться в Сиракузы. Но перед этим тиран принял следующие меры безопасности: сиракузянин Битон был назначен оккупационным комендантом Мотии; Лептину было поручено с помощью флота из 120 кораблей воспрепятствовать попытке высадки карфагенян на Сицилии; локрийцу Архилу было приказано возобновить осаду Сегесты и Энтеллы.

Хотя Дионисий в 397 г. добился впечатляющих успехов, никто не сомневался, что настоящая война еще предстоит.

На следующий год Дионисий сумел путем запугивания вывести галикейцев из союза с противником. Но по отношению к сегестинцам, которые явно надеялись на свои мощные укрепления, этот метод успеха не имел.

Карфагеняне, которые в прошлом году не смогли предотвратить падения Мотии, теперь были полны решимости. По сообщению Эфора, в 396 г. их военный потенциал составлял более 300 тысяч пехотинцев, 4 тысячи всадников, 400 боевых колесниц, 400 военных кораблей и более 600 грузовых судов. По более достоверному сообщению

Тимея, карфагеняне переправили из Африки на Сицилию «только» 100 тысяч человек, к которым затем присоединились 30 тысяч человек из числа «союзников». Местом высадки Гимилькон определил Панорм, ибо все южное и западное побережье Сицилии находилось под греческим контролем, а Гимилькон при высадке не хотел рисковать. Из Панорма его армия и флот двинулись к Мотии. «В результате предательства», как пишет Диодор, был возвращен Эрикс; это, возможно, знак того, что прокарфагенская партия оказалась в Эриксе сильнее, чем могли рассчитывать греки. Ситуация начала изменяться. Дионисий, который со своими войсками стоял около Сегесты, не согласился с требованием сицилиотов дать решительное сражение. Своё решение обосновал отдаленностью от баз снабжения и плохой готовностью войска. Он заявил, что решающее сражение должно состояться в другом месте. Так как он отступил к Сиракузам, то следует признать, что именно там он и хотел решить исход войны. Был ли этот план правильным, дискуссионно. До своего отступления он попытался привлечь к союзу сиканов, но сумел этого достичь только с немногими общинами, и эти немногие согласились только для того, чтобы избежать мстительных акций греческой солдатни. Галикейцы, вернув себе мужество, теперь открыто заявили о своем выступлении на стороне карфагенян. Когда наконец Гимилькон отвоевал Мотию, сицилийский запад вновь перешел в руки карфагенян. Это ясно показало, что только небольшая часть пунических, элимских и сиканских «союзников» Карфагена и только под давлением обстоятельств перешла к врагу, а преобладающая их часть даже в тяжелой ситуации сохраняла верность Карфагену.

По-видимому, уже в этом году карфагеняне начали строить город Лилибей, который должен был занять место старой финикийской колонии Мотии. Они справедливо рассчитывали, что построенный на мысе Лилибей сильно укрепленный город будет лучше служить их интересам, чем островная Мотия.

Дальнейший план Гимилькона предусматривал изоляцию Сиракуз, чтобы затем нанести им смертельный удар. Самым значительным сиракузским союзником была Мессана, поскольку греческие города на южном побережье Сицилии еще не оправались от потерь, понесенных в последней войне. Если бы Гимилькон завладел этим городом, располагавшим большой гаванью, он бы не только лишил сиракузян мощного союзника, но и преградил бы путь в Сиракузы италиотским и пелопоннесским эскадрам. На пути в Мессану он установил «дружбу» с гимерийцами и жителями крепости Кефаледий и захватил Ли-

пару. Мессана не получала никакой помощи от союзников, ее оборонительные сооружения были в неудовлетворительном состоянии, а ее всадники находились в Сиракузах. Тем не менее там победили «ястребы». Гимилькон, тактические способности которого были выше средних, смог быстро овладеть городом. Надолго он в Мессане не задержался, но после основательного разрушения города выступил по направлению к Сиракузам, хотя некоторое сопротивление в окрестностях еще не было сломлено. Что касается сикулов, у которых не было оснований питать симпатии к Дионисию, то все, за исключением ассоринцев, перешли на сторону карфагенян.

По плану Дионисия в Восточной Сицилии (Этна, Леонтины и некоторые места на сиракузской территории) были построены сильно укрепленные пункты, чтобы в случае необходимости использовать их в качестве убежищ. Кроме того, он принял решение, какое принималось только во времена крайней необходимости: он дал свободу рабам, живущим в Сиракузах, и составил из них экипажи 60 судов. Наконец, он сумел набрать еще тысячу спартанских наемников. Чтобы прервать карфагенское наступление на Сиракузы, он с 30 тысячами пехотинцев, более чем 3 тысячами всадников и 180 кораблями направился к горам Тавра. Военный потенциал тирана значительно уменьшился!

Гимилькон и Магон с армией и флотом продвинулись к высотам Тавра, которыми по поручению карфагенян владели сикулы, ранее жившие в Наксосе. Но поскольку извержение Этны только недавно опустошило широкую прибрежную полосу, Гимилькон был вынужден обойти горный массив с запада. Дионисий пытался использовать то обстоятельство, что обе части карфагенской армии двигались отдельно друг от друга, и напасть на карфагенский флот. Этим нападением, имевшим место около Катаны, руководил Лептин. В том яростном сражении сицилиоты потеряли более 20 тысяч человек и свыше 100 кораблей. Катастрофическое поражение!

В штабе Дионисия после этого поражения начались бурные споры относительно будущих действий. Так как большинство несиракузских сицилиотов видели, что их интересы не удовлетворены, они оставили Дионисия, который решил защищать Сиракузы. Теперь Сиракузы были почти одни перед лицом огромного превосходства карфагенян. Дионисий направил срочный призыв о помощи к италиотам, лакедемонянам и коринфянам, и, кроме того, в Пелопоннесе стали работать вербовщики. Тем временем карфагенский флот, а это были (по сообщению Эфора?) почти 2 тысячи судов, из которых 250 боевых кораблей,

свыше 1 тысячи грузовых, снабженных парусом, и свыше 500 буксиров, вошел в большую гавань Сиракуз, а карфагенская армия разбила лагерь перед стенами города около храма Зевса. Карфагенский полководец рассчитывал на длительную осаду, поэтому он укрепил стратегически важные пункты, для чего были разрушены сиракузские могилы, в том числе гробницы Гелона и Демараты, и позаботился о снабжении, которое приходило из Африки и Сардинии. Он якобы разрушил также храмы Деметры и Коры. Это (мнимое) разрушение привело, по мнению благочестивого Тимея, к решительному изменению ситуации. Не только карфагеняне потеряли в стычке 25 кораблей, но и в их армии, как это было в 413 г. в афинском и в 405 г. в их собственном войске, началась страшнейшая эпидемия. Дионисий использовал то обстоятельство, что карфагенские позиции ухудшились: он предпринял комбинированную атаку армии и флота и одержал однозначную победу. В отчаянии Гимилькон сделал шаг, который, несомненно, стоил карфагенянам многих симпатий среди народов Западного Средиземноморья: он покинул Сиракузы только с карфагенскими гражданами и отплыл назад в Карфаген. Тимей утверждает, что это произошло с согласия Дионисия, но кажется, что здесь речь идет о выдумке антидионисийски настроенного тавроменца. После отступления карфагенян ушли и сикулы, вернувшиеся в свои дома. Из остальных воинских частей только иберы собрались с силами для решительных и общих действий и вступили в переговоры с Дионисием. Тиран согласился взять их в качестве наемников на свою службу. Остальное войско было уведено в плен.

Гимилькон в Карфагене, кажется, не был приговорен к смертной казни, но он предпочел самоубийство, уморив себя голодом. Восстание, вспыхнувшее в Африке прежде всего из-за предательства Гимилькона, в котором участвовало приблизительно 200 тысяч повстанцев, через некоторое время заглохло.

За короткое время надежды карфагенян на урегулирование сицилийской ситуации в свою пользу были разбиты. Их цель, которая казалась такой близкой, теперь улетучилась в дальнее далеко.

Так продолжалось три года, пока карфагеняне на Сицилии вновь не стали проявлять активность. За это время Дионисий еще более расширил свою власть. Еще в 396 г. он укрепил свой авторитет, участвуя в восстановлении Мессаны и основании Тиндариды, и включил в сферу своей власти ряд сикульских городов. Меней и Моргантину он завоевал, Энну, Солунт и Кефаледнион захватил с помощью предательства, с правителями Кенторипы и Агирния, а также с гербитя-

ми и ассоритами он заключил союзные договоры, а с гербессинцами — мирный договор. Кроме того, в его руках оказалась Гимера. В 394 г. он все же потерпел некоторые неудачи и был вынужден к отступлению: при попытке захватить Тавромений он был разбит, а мессанцы и акрагантинцы отказались от совместных с ним военных действий.

Эти неудачи тирана, вызванные большей частью реакцией сикулов и сицилиотов на экспансивную политику Дионисия, укрепили Магона в его стремлении вернуть то, что карфагеняне потеряли. В 393 г. он переправился на Сицилию. Он намеревался в этом году создать только условия для более значительных предприятий, которые в будущем должны были привести к наступлению. Он пытался повысить имидж Карфагена, идя в своей политике во всем навстречу подчиненным городам и оказывая поддержку и помощь противникам Дионисия. Подготовка большой акции служило и заключение союзных договоров с «большинством сикулов» (Диодор). Этот успех был удивителен перед лицом событий 396 г., но вполне понятен при взгляде на экспансионистскую политику Дионисия. Мессанцы тем временем, кажется, договорились с Дионисием. Иначе было бы непонятно, почему Магон опустошил область их города.

Тем временем Дионисий использовал этот промежуток времени, чтобы противостоять новой карфагенской активности. Вблизи Абакена, города, союзного с карфагенянами, он победил карфагенян, которые потеряли 800 человек.

Только в следующем году (392 г.) карфагеняне с войском из 80 тысяч солдат переправились на Сицилию. Солдаты происходили из Африки, Сардинии и неиталиотской Италии. Так как карфагеняне высадились на Сицилии, располагая «только немногими военными кораблями» (Диодор), то можно предположить, что стратегический план Магона отличался от прежних карфагенских военных планов. Очевидно, флот на этот раз не должен был играть существенной роли, и решающим должно было стать полевое сражение. Дионисий с 20 тысячами сиракузян и наемников выступил навстречу Магону, разбившему свой лагерь вблизи Агирия. Рассказ Диодора о последних событиях не отличается особой ясностью. Очевидно, однако, что Магон не сумел привлечь на карфагенскую сторону тирана Агирия Агириса, и ясно также, что позже дело было решено не в полевом сражении. Диодор утверждает, что карфагеняне были вынуждены предложить Дионисию заключить мирный договор, поскольку были не в состоянии решить проблему снабжения. Содержится ли в этом

утверждении вся правда, остается под вопросом. И замечание агирейцев, что в остальном условия договора были такими же, как в ранее заключенных договорах, не очень показательны. Предположительно, эти слова можно интерпретировать таким образом, что за карфагенянами должно было оставаться последнее слово в пунических, элимских и сиканских городах или территориях. Греческие города, названные в договоре 405 г. податными, кажется, однако, не относились к сфере карфагенского господства. Важно то, что договор содержит параграф, согласно которому в будущем сиканы должны будут подчиниться Дионисию. То, что Магон был вынужден согласиться на включение в договор этого пассажа, отчетливо показывает, в каком трудном положении он находился. Сиканы, являвшиеся до этого большей частью верными союзниками Карфагена, теперь были выданы Дионисию с его имперскими планами. Разочарование, которое охватило Карфаген после возвращения Магона, видимо, было очень велико.

14. ПОХОДЫ МАГОНА И ГИМИЛЬКОНА (382–374 ИЛИ 373 гг.)

Карфагеняне после неудачи 392 г. будут с особым вниманием следить за активностью Дионисия I, их самого опасного противника. С 390 г. сиракузский тиран продвинулся в пространство, которое в очень небольшой степени или вовсе никогда не входило в сферу сиракузского влияния. В 390 г. он заключил союз с луканами, решительными врагами италиотов. В 389 или 388 г. он разбил италиотов на реке Эллепор, принудил к капитуляции Регий и разрушил Кавлонию. В 388 или 387 г. он захватил и уничтожил Гиппоний. В 387 или 386 г. он взял Регий и примерно в эти же годы, между 390 и 386 гг., создал базу для флота Лисс. В 385/84 г. Дионисий задумал посадить на эпирский трон Алкета, сына Фарипа, и заключил союз с иллирийцами, который, впрочем, в следующем году был расторгнут. Наконец, в 384/83 г. Дионисий разграбил гавань этрусского города Агиллы¹ Пирги и доставил в Сиракузы не менее 1500 талантов. Диодор связывает этот грабительский поход с антикарфагенскими планами Дионисия, и он в этом пункте не ошибается. Не в последнюю очередь с помощью этрусской добычи Дионисий создал материальные предпосылки для возобновления войны против карфагенян. Возможно, однако, что намерения тирана выходили за пределы создания лишь материальных средств; может быть, он намеревался исключить из дела «с помощью этих мер потенциально самых сильных противников в западной части Италии, которые при возобновлении войны с карфагенянами могли, как ранее, в арханческую эпоху, действовать вместе с ними» (Штроекер). Это предположение подтверждает Страбон, который говорит, что предприятия этого года были направлены не только против Пирги и Агиллы, но и против этрусской Корсики. С другой стороны, было бы чрезмерным предположение, что военная и политическая активность Дионисия в 390–384/83 гг. определялась единственной целью создать предпосылки для неминуемого возобновления войны за карфагенскую часть Сицилии. Планы Дионисия I были, кажется,

¹ Агилла — греческое название этрусского города Церре.

разносторонними, и его политические представления едва ли были сосредоточены только на Карфагене².

Кажется, что карфагеняне не питали иллюзий относительно западносицилийских планов Дионисия. На реалистическое суждение о создавшемся положении их должны были толкать и впечатляющие успехи, каких достиг Дионисий в последние годы, и опыт, который карфагеняне уже имели в делах с тираном. Кроме того, тот факт, что карфагенское правительство в отличие от того, что происходило в аналогичных случаях в более раннее время, не потратило много времени на вооружение, подтверждает предположение, что оно не было захвачено врасплох наступлением Дионисия.

Предположительно во второй половине 383 г. Дионисий сумел добиться разрыва карфагенскими западносицилийскими «союзниками» союза с их пуническим господином и включить их в свою систему союзов. По всей вероятности, было ясно, что этот акт будет иметь следствием возобновление военного столкновения с Карфагеном. Какими были «города, подчиненные Карфагену» (Диодор), которые довольно охотно поменяли знамя? Что все города, находившиеся под карфагенским влиянием, от Карфагена отпали, невероятно, даже если Диодор это говорит. Пунические города Сицилии, как и прежде, не были готовы изменить своему протектору. Вероятно, на сторону Дионисия перешли некоторые сикканские и, может быть, некоторые элимские города.

Карфагеняне через послов потребовали восстановления прежнего положения и после отрицательного ответа Дионисия объявили ему войну. Так как они знали, что италиотам ненавистно господство Дионисия, они попытались заключить с ними пакт о нападении, и этот замысел удался. Ни для карфагенян, ни для италиотов никакой роли не играла расовая точка зрения, когда речь шла о борьбе с общим врагом. Карфагеняне, по всей вероятности, использовали еще зиму 383/82 г., чтобы продолжить требуемое вооружение.

«Несколько десятков тысяч» карфагенских солдат (Диодор), граждан и наемников переправились наконец (предположительно весной 382 г.) на Сицилию и в Южную Италию. Главнокомандую-

² Целью Дионисия было создание мощной территориальной державы, которая объединила бы все греческие города Запада и значительную часть туземных общин. Борьба с Карфагеном, кроме стремления вытеснить пунийцев из Сицилии, была еще удобным предлогом для создания такой территориальной державы, ибо позволяла под демагогическим лозунгом внешней опасности сплотить вокруг тирапа как можно больше западных греков.

щим являлся суфет и генерал Магон, видимо, тот же Магон, который осуществлял верховное командование во время последней войны. Местом высадки на Сицилии послужил Панорм; место высадки в Южной Италии неизвестно. Дионисий теперь оказался в трудном положении, его войска должны были разделиться, ибо карфагеняне и италиоты взяли его в клещи. Но карфагеняне в борьбе за сицилийские области, кажется, потерпели поражение, ибо в сражении у Кабалы Дионисий победил Магона. В этом бою погибло более 10 тысяч карфагенских солдат и в их числе сам Магон и не менее 5 тысяч было взято в плен.

Под впечатлением этого поражения карфагеняне предложили заключить мирный договор. Дионисий ответил, что он готов это сделать, если карфагеняне сдадут ему все сицилийские города и оплатят военные расходы. Эти требования показались карфагенским эмиссарам слишком тяжелыми. «С обычным коварством» (Диодор) они ответили, что вопрос о сдаче сицилийских городов сами решить не могут, что такое решение должны принять после их возвращения соответствующие власти в Карфагене и для этого Дионисий мог бы заключить перемирие на несколько дней. Дионисий согласился. Однако после истечения срока перемирия (за это время, по-видимому, пришли соответствующие директивы из Карфагена) карфагеняне отвергли требования Дионисия и под командованием Гимилькона, сына погибшего Магона, при Кронии дали новое сражение. Победа, которой они добились в этом сражении, была впечатляющей. Пало более 14 тысяч сицилиотов, среди которых был и брат Дионисия Лептин. После сражения карфагенские войска вернулись в Панорм.

Хотя было вполне можно поставить Дионисию жесткие условия, карфагеняне сочли возможным «воспользоваться своим счастьем по-человечески» (как выражается Диодор со ссылкой на Эфора) и предложили сиракузскому тирану заключить мир на следующих условиях: 1) обе стороны сохраняют все то, чем владели и раньше; 2) карфагеняне, однако, в дополнение получают город и страну селинунтян и, кроме этого, часть акрагантинской территории, лежащей на правой стороне реки Галик; 3) Дионисий оплачивает карфагенянам стоимость военных расходов в тысячу талантов. Тиран, конечно, с чувством облегчения согласился с карфагенскими предложениями. Условия мира показывают, что цели карфагенян в отношении Сицилии ни в коей мере не были экспансионистскими. Как это часто было в прошлом, они удовлетворялись господством

над западной частью Сицилии и по отношению к сицилиотам стремились сохранить *modus vivendi*³.

(По изложению Диодора кажется, что сражения при Кабале и Кронии имели место в 382 г. и что мир был заключен в том же году непосредственно после битвы при Кронии. Однако против утверждения, что мир был заключен в 382 г., имеется много аргументов. Прежде всего надо учитывать, что агиреец (т. е. Диодор) при описании третьей войны между Дионисием и карфагенянами опирается на оригинал Эфора, а Эфор о многом сообщает лишь кратко и суммарно. Затем надо заметить, что Диодор в более позднем разделе своего труда информирует о походе карфагенян в Южную Италию в 379/78 г. Вспыхнула ли новая война между карфагенянами и Дионисием (а в том, что карфагеняне были подлинными врагами Дионисия во время его южноиталийской экспедиции, едва ли можно сомневаться) или речь идет о продолжении войны 382 г.? Предположение, что в промежутке всего лишь 3–4 лет (382–379/378 гг.) произошла новая война, естественно, исключить нельзя, но все же это мало вероятно, тем более что Диодор о новой войне ничего не говорит, а театр военных действий в 379/78 г. (Южная Италия) лишь соответствует одному из театров военных действий в 382 г. Наконец, надо отметить сообщение, которое Диодор приводит под 374–373 гг. По этому сообщению, спартанцы, намеревавшиеся захватить Коркиру, ложно заявляли, что они это делают, дабы рассеять подозрения коркирского демоса, что они хотят плыть на Сицилию. Хотя этого не было в их планах, все же их заявление казалось тем более правдивым, что с первого взгляда нельзя было его считать блефом. Оно и не было полностью неправдоподобным, ибо на Сицилии действительно восвали и одна из воюющих сторон, если спартанской помощи и не просила, то вполне могла попросить. Что это мог быть только Дионисий, не может быть никакого сомнения. И то, что противниками Дионисия могли быть только карфагеняне, тоже несомненно.

Все это говорит о том, что бои между карфагенянами и Дионисием продолжались еще в 374–373 гг., что мир между двумя сторонами был заключен, самое раннее, в 374 г. В качестве же самого позднего срока может стоять вопрос об осени 373 г., ибо Дионисий уже весной 372 г. смог направить на помощь спартанцам эскадру из девяти кораблей, и, следовательно, он уже не воевал с карфагенянами.)

³ Возможно, что пойти на такие легкис для Дионисия условия мира карфагенян заставило трудное положение в Африке, о чем В. Хусс говорит в начале следующей главы.

15. ПОХОД ГАННОНА (368–362? гг.)

Мир между карфагенянами и Дионисием просуществовал недолго. Инициатива возобновления военных действий вновь принадлежала сиракузскому тирану. Диодор сообщает под 368–367 гг.: «На Сицилии тиран Дионисий собрал значительные военные силы и, поскольку видел, что карфагеняне из-за бушевавшей у них эпидемии и из-за отпадения от них Ливии плохо подготовлены к войне, выступил против них». Об этой эпидемии, бушующей в Карфагене, и об отпадении Ливии (а также жителей Сардинии) Диодор говорит в одном из более ранних мест, а именно под 379–378 гг. Изначально едва ли вероятно, что в течение одного 379–378 г. и эпидемия была преодолена, и ливийцы и жители Сардинии снова попали в зависимость от Карфагена. Если бы это было так, Диодор едва ли мог бы утверждать, что в 368/367 гг., т. е. приблизительно десятью годами позже, Дионисий решил возобновить военные действия, рассчитывая на эти несчастливые для Карфагена обстоятельства. Следовательно, можно полагать, что эпидемия и отпадение в 379/378 гг. еще не были преодолены. Кажется, что в этом году эти несчастья даже еще и не поразили Карфаген. Можно предположить, что это случилось уже после заключения мирного договора 374 или 373 г. При таком предположении остаются в силе причины, которые приводит Диодор для начала новых военных действий.

О причинах восстания ливийских и сардинских «союзников» ничего не говорится. Несомненно, определенную роль играло то, и на это указывает также Диодор, что эпидемия, бушующая в городе, его чрезвычайно ослабила. Может быть, собственно причины надо видеть в том, что ливийцы и сарды, а именно их надо в первую очередь подразумевать под выражением «жители Сардинии» (Диодор), ощущали себя выючными животными Карфагена. Постоянные требования, предъявляемые «союзникам» из-за многочисленных войн этого времени, как кажется, вызвали чувство озлобления, которое во времена слабости Карфагена в одно мгновение превращалось в мятеж. Карфагеняне, очевидно, не сумели убедить «союзников» в необходимости, а тем более полезности ведомой ими войны.

Дионисий, кажется, относительно быстро оправился от поражения при Кронии. Уже в 368 г., по крайней мере по сообщению Диодора, он вновь располагал военными силами в 30 тысяч пехотинцев, 3 тысячи всадников и 300 триер. Чтобы сохранить хотя бы тень права, он в качестве предлога использовал пограничные нарушения. Его упреки, однако, были направлены не по отношению ко всем жителям карфагенской части Сицилии, а только «финикийцам эпикратии» (Диодор). По-видимому, он намеревался вбить клин между пуническими и непуническими жителями карфагенской эпикратии. Если он действительно так планировал, то особенно большого успеха не добился, ибо, когда он вторгся в карфагенскую эпикратию, на его сторону перешли только греческий Селинунт и кампанская Энтелла. Можно предполагать, что Дионисий от Селинунта двинулся вверх по реке Гипсас к Энтелле и оттуда через область элимов к Эриксу, чтобы после взятия этого города осадить Лилибей. Очевидно, Лилибей, являвшийся для карфагенян воротами Сицилии, был отрезан от элимских тыловых баз снабжения. Однако через некоторое время тиран отказался от осады города, ибо понял ее бесперспективность. Карфагеняне, вероятно, лишь после начала войны направили в город сильные воинские отряды. Другую тяжелую ошибку сделал Дионисий, когда он поверил ложному (целенаправленному?) сообщению, будто верфи в Карфагене, а вместе с ними и карфагенские боевые корабли, пали жертвой пожара. Поэтому он, по сообщению Эфора, вернул в Сиракузы 170 военных кораблей и только со 130 лучшими триерами бросил якорь в гавани Эрикса. Этой ситуацией воспользовались карфагеняне, которые находились под командованием сенатора Ганнона. Они с 200 кораблями неожиданно появились в гавани Эрикса и захватили большинство кораблей врага. Так как очень скоро началась зима, обе стороны заключили перемирие.

Вскоре после этого, в 367 г., умер Дионисий, который в течение нескольких десятилетий был самым опасным врагом карфагенян. Он поставил своей целью сбросить карфагенян в море. Это ему не удалось. Карфаген упорно и успешно защищал свои сицилийские позиции.

О дальнейшем ходе войны в правление Дионисия II ничего не известно.

(Сообщение о заключении мира Диодор приводит под 359/58 г. Но, принимая во внимание суммарный характер пятой главы XVI книги Диодора, можно предположить, что мир был заключен не обязательно в 359–358 гг. С другой стороны, мирный договор не мог

быть заключен непосредственно сразу после принятия Дионисием II власти в 367 г., ибо в таком случае непонятно, почему Диодор упомянул об этом событии только под 359–358 гг. Действительно, из седьмого письма Платона мы знаем, что военные действия на Сицилии происходили еще осенью 366 г. Переговоры, во всяком случае, предусматривались уже летом этого года, но из-за своевольного поведения Диона, шурина Дионисия II, который без ведома тирана пошел на соглашение с карфагенянами, не были возобновлены. После отстранения Диона от руководства дальнейшими военными операциями это руководство было передано Филисту, противнику Диона и решительному врагу карфагенян. Мир был заключен, кажется, только в 362 г.)

О содержании мирного договора сведений нет. В основных чертах он, по-видимому, воспроизводил условия последнего мирного договора, но Карфаген, кажется, расширил свои владения на севере Сицилии, ибо Ферма в 360 г. находилась под его властью. Это обстоятельство должно отсылать нас скорее к последнему названному договору, чем к мирному договору 374 или 373 г. На юге, по-видимому, как и раньше, границей служил Галик.

То, что карфагенская политика в этом году вышла далеко за пределы Сицилии, видно из беотийского декрета о проксении в честь карфагенянина Нобаса, сына Гасдрубала. Беотийцы, кажется, приняли этот декрет в 362 или 361 г., чтобы выразить свою благодарность карфагенянину. Нобас, может быть, помог им в прошлом году постройкой дееспособного флота. Во всяком случае, декрету должна была предшествовать конкретная поддержка карфагенян, а не одного только Нобаса, направленная прежде всего против спартанцев, общего противника беотийцев и карфагенян.

16. КАРФАГЕНО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВРЕМЕНА ДИОНА

Карфагеняне, кажется, в отношении Сицилии не имели в следующие годы никаких новых планов, а Дионисий II или не хотел, или не был в состоянии изменить ситуацию, созданную соглашением 362 (?) г. Но то, что не все греки могли примириться с сохранением status quo, показывает пример Платона. Платон, по крайней мере после 354 г., исходил из убеждения, что Сицилия находится в опасности, а именно в опасности стать добычей карфагенян или осков. Перед лицом этой опасности надо повысить обороноспособность сицилийских городов, а этого, по крайней мере в глазах Платона, у них почти не было. Целью карфагенской политики сицилийцев, по его мнению, является захват и подчинение пунийцев. Для достижения этой цели требовалось произвести изменения внутривосточных отношений в Сиракузах, восстановить разрушенные сицилийские города, городам, находящимся под сиракузской гегемонией, обеспечить относительную автономию и обеспечить основанную на межгосударственном праве солидарность этих городов.

Хотя Платон утверждал, что эти цели полностью соответствуют целям Диона, реальность выглядела иначе. Дион не проводил антикарфагенскую политику. Еще во времена Дионисия I он при исполнении дипломатических миссий или при встречах, проводимых по собственной инициативе, установил контакты с пуническими политиками. Карфагеняне, по-видимому, испытывали к нему некоторое доверие, которое, как кажется, не исчезло полностью даже во время военных действий в 368 г. Иначе было бы непонятно, как Дион, очевидно, реалистично оценивая свои связи в Карфагене, мог в 366 г. писать карфагенским «властям» (Плутарх), что они должны вести мирные переговоры с Дионисием II только при его участии, «так как они всего смогут непременно достичь при его помощи» (Плутарх). Как кажется, Дион намеревался, используя свои ранее установленные контакты, добиться особого благоволения карфагенян, видимо, в намерении укрепить свои позиции в Сиракузах.

Сколь хороши были его связи в Карфагене, можно заключить также по двум эпизодам его сицилийской экспедиции (357 г.). Когда

он во время своей поездки с Закинфа на Сицилию достиг широты мыса Пахин, он не высадился вблизи мыса не из-за навигационных трудностей вокруг Пахина, а по всей вероятности в первую очередь из-за того, что «боялся высадиться в малом отдалении от врагов» (Плутарх) и предпочел добраться до карфагенской области. Экспедиция, по-видимому, была согласована с карфагенянами. И во время второго приезда, когда согласованная высадка была сорвана бурей, Дион прибыл не в греческую часть острова (хотя при господствующих ветрах это было вполне возможно), а в Гераклею Миною, город, находившийся под властью Карфагена. Конечно, Дион неслучайно высадился в городе, которым управлял его «гостеприимец» и «друг» (Плутарх) Синал. Синал поддержал его всеми своими силами. И после взятия Сиракуз позиция Диона по отношению к карфагенянам не изменилась; во всяком случае, из его времени неизвестно ни о каких мероприятиях, враждебных Карфагену. Все это указывает на то, что Дион стремился установить хорошие отношения с карфагенянами. Эта политика полностью соответствовала и желаниям карфагенян, которые тоже в годы после изгнания Дионисия II (357 г.) не предпринимали никаких попыток нападения на город Сиракузы, раздираемый межпартийной борьбой.

17. ВТОРОЙ КАРФАГЕНО-РИМСКИЙ ДОГОВОР (348 г.)

В 348 г. две державы, Карфаген и Рим, решили составить новые договорные формулировки их взаимных связей. Со времени заключения первого договора ситуация во многих отношениях решительно изменилась.

Хотя Карфагену поражение при Гимере в 480 г. нанесло тяжелый удар в его сицилийских устремлениях, он сумел компенсировать его развитием своей политической активности особенно в Северной Африке, Южной Иберии и Сардинии. Борьба с сиракузским тираном Дионисием I (405–367 гг.), в которую карфагеняне были втянуты вопреки своим намерениям, стоила, конечно, Карфагену огромных усилий, но тиран все же не сумел вытеснить карфагенян и их союзников из западной части Сицилии. Дйон, родственник и зять Дионисия I, в период между 357 и 334 гг. проводил политику соглашения с Карфагеном, и эта компромиссная политика была прекращена только Дионисием II. Во всяком случае, Карфаген накануне заключения договора 348 г. находился в высшей точке своего могущества.

Рим же в том, что касается развития его мощи, в период после заключения первого карфагено-римского договора не смог достичь значительного прогресса. Скорее наоборот! В V в. силы относительно незначительного города были полностью поглощены стремлением защитить свою независимость от этрусских и латинских соседей. Кельтский натиск в 387–386 гг. угрожал даже самому существованию Рима¹. Но постепенно после поражения при Аллии положение начало изменяться. Влияние Рима в Лации выросло. На основе одной статьи в договоре, заключенном в 358 г., римляне сохранили единоличное командование римско-латинскими вооруженными силами. Кроме того, они заключили мирные договоры с герниками, которые населяли область, находящуюся к юго-востоку от Лация, и с самнитами, владевшими большей частью Средней Италии (358 или 354 г.), а затем и с этрусскими городами Цере (353 г.), Тарквинии (351 г.)

¹ По другой хронологии, принятой (хотя, может быть, и ошибочно) большинством современных историков, Рим был взят кельтами (галлами) в 390 г.

и Фалерии (351 г.). Но когда Рим благодаря этим договорам создал нейтральные зоны к юго-востоку, востоку и северу от Лация, начались волнения в Латинском союзе. Около 350 г. возникли разногласия между римлянами и латинами; может быть, римляне слишком сильно натянули узду. В 349 г. латины отказались ставить свои армии под римское верховное командование. Часть латинских городов открыто сотрудничали с кельтами, которые вновь двинулись против Рима. Хотя римляне сумели защититься от кельтов, сразу же восстановить свое преобладание в Латинском союзе они не смогли. Недовольство, господствовавшее в союзе, еще более подогрели послы, которых направили к представителям латинских городов граждане вольскского, но не находящегося в Лации города Анция. Такова была, если смотреть с римской стороны, ситуация в год заключения второго карфагено-римского договора. Рим являлся ведущей силой в Лации, но его положение было весьма уязвимым.

В то время как первый карфагено-римский договор очень четко делился на две главные части в соответствии с обязательствами и правами договаривающихся сторон, второй карфагено-римский договор имел более сложное построение. Он в соответствии с материалом рубрик разделяется на три части, которые внутри себя подразделяются по обязательствам обоих партнеров.

Первая главная часть содержит общие положения соглашения. В то время как римляне обязуются придерживаться определенных границ своих общений, карфагеняне получают некоторые возможности наказания в отношении латинских городов.

Во второй главной части приведены положения, препятствующие нарушению интересов партнеров или по крайней мере их оздоравливающие (так называемые положения о *adikema* (несправедливости)).

Третья главная часть урегулировала специальные вопросы торговли и сообщений.

Прежде всего бросается в глаза, что, в отличие от первого договора, сторонами, заключившими этот договор, являются не просто карфагеняне и римляне вместе с союзниками с обеих сторон, но, с одной стороны, «народ карфагенян, тирийцев и утикийцев, а с другой стороны, «римляне и союзники римлян». Следовательно, три — очевидно, равноправные — партнера заключают договор с пунической или финикийской стороны: Карфаген, Тир и Утика. Во всяком случае, так говорится в тексте договора, приведенном Полибием, и то, что сам Полибий разделял этот взгляд, однозначно видно из введения, которое он предпослал договору. Однако встает вопрос, сохранил ли

Полибий здесь правильный текст, упоминая тирийцев, которые в это время не имели никаких интересов в Западном Средиземноморье. К тому же ни в каких других известных нам договорах, заключенных карфагенянами с другими государствами, тирийцы не упоминаются. И вообще, начиная с VII в. отношение Карфагена к Тиру было, насколько мы знаем, отмечено пиететом, но не готовностью к конкретным политическим связям. По этим и другим причинам рекомендуется заменить *Karchēdōniōi Túrīoi* (карфагеняне и тирийцы) на *Karchēdōniōi kýrioi* (карфагенские граждане)². Следовательно, с карфагенской стороны остаются в качестве партнеров по договору карфагеняне и утикийцы. Но почему граждане Утики не названы в первом договоре? Очевидно, карфагеняне вставили утикийцев в текст договора, как позже в «клятву Ганнибала», намеренно, чтобы сделать до некоторой степени реверанс; ведь Утика была старше Карфагена и имела еще довольно большое значение. Однако из упоминания ее имени нельзя делать вывод, что Утика была не зависима от Карфагена; совсем наоборот. Договор был заключен только карфагенским правительством, и это вытекает из статей договора, которые относятся исключительно к карфагенской власти. Утика была столь же мало автономна, как и названные в договоре союзники римлян. В первом договоре Утика не была названа именно потому, что тогда она и Карфаген были полностью независимы друг от друга. Но в промежутке между двумя договорами Утика оказалась в подчинении у возвышающейся пунической державы³.

В противоположность первому договору во втором пределы путешествий римлян и их союзников определяются двумя пунктами: Прекрасным мысом и местом, которое Полибий называет *Mastía Tarséion*. Мастия — это город мастиенов, или массиенов, на южном побережье Испании. Город находился где-то в «большой округе Картахены» (Кох). Упоминание Мастии показывает, что в 348 г., по крайней мере,

² Однако если заменить *Karchēdōniōi Túrīoi* на *Karchēdōniōi kýrioi*, то встает другой вопрос: почему карфагенские граждане и Карфаген названы отдельно и рассматриваются как самостоятельные категории? Такое толкование спорного момента в договоре едва ли можно принять. Существует другое предположение: под тирийцами подразумеваются тирские колонии в Испании, которые составляли определенное геополитическое единство, сопоставимое в государственно-правовом плане с Утикой и самим Карфагеном.

³ Упоминание Утики в договоре может объясняться тем, что, будучи на деле, как справедливо пишет автор, полностью подчиненной Карфагену, формально она могла рассматриваться как единица, столице равноправная. Такая точка зрения уже давно существует в науке.

область к юго-западу от Мастии находилась в сфере интересов Карфагена. Из того, что Карфаген для Рима (и явно для Массалии тоже) включал область западнее Прекрасного мыса и юго-западнее Мастии, ясно, что он включал и Гибралтарский пролив.

Далее, большое значение имело то, что во втором договоре, опять же в противоположность первому, не упоминаются «подданные» римлян. В 348 г. были (по словам договора!) только «неподданные», которые делились на две категории: одна группа не находилась в союзнических отношениях с Римом, другая имела письменно зафиксированный мирный договор с Римом. По крайней мере, с юридической точки зрения позиции Рима были, следовательно, более слабыми, чем во время заключения первого договора. Насколько эта юридическая точка зрения соответствовала действительности, это другой вопрос. Удивительно, что Рим все же рассматривал города Лация, с которыми не имел союзнических отношений, как сферу своих интересов. Это исходит из параграфа договора, согласно которому карфагеняне были обязаны в случае захвата города этой категории передать его римлянам. Тем самым Рим предоставлял карфагенянам возможность совершать грабительские набеги на побережья Лация и связывал это с требованием, которое было в его интересах, а его интерес очевиден: включить области этих городов в свои владения. О каких же городах здесь идет речь? Так как все латинские города в этот момент были связаны с Римом договорами, то под этими городами подразумевались Анций, находившийся в Лации, но населенный вольсками, и Сатрик, колония Анция. Нападения карфагенян на Анций и Сатрик, которые являлись политическими противниками Рима, полностью соответствовали интересам римлян. Но римляне, очевидно, не придавали значения защите тех городов, с которыми они находились в союзнических отношениях, ибо в тексте договора было буквально сказано следующее: «Если какие-либо карфагеняне захватят сколько бы ни было людей из народа, связанного с римлянами письменно фиксированным мирным договором, но им не подчиненного, пусть они их не привозят в римские гавани» (Полибий). Так текст договора подтверждает то, что нам уже известно из анналистического предания⁴: отношения между Римом и его латинскими союзниками, а именно они здесь подразумеваются в первую очередь, были в 348 г. чрезвычайно напряженными. Нападение

⁴ Это произведение ранних римских историков, известных в историографии как анналисты, поскольку они писали свои сочинения в виде хроник (анналов).

карфагенян на тот или другой латинский город не противоречило римским интересам. Скорее, наоборот.

Другим важным изменением по сравнению с первым договором было то, что теперь Сардиния и Ливия были закрыты для римских торговцев. Это и сам Полибий оценивал правильно, судя по его комментарию к договору. Римские позиции и в этом пункте по сравнению с первым договором ослабли. Введением этой статьи Карфаген преследовал цель сконцентрировать всю сардинскую и ливийскую торговлю в «столице». Это было возможно только в том случае, если эти «провинции» были полностью подчинены директивам Карфагена.

До сих пор я говорил о 348 г. как о годе заключения второго карфагено-римского договора, как если бы эта дата была вне всякого сомнения. Но это не так. Полибий не приводит никакой даты, он лишь говорит, что этот договор был заключен *после* договора 508–507 гг. Однако Ливий сообщает, что в 348 г. был заключен договор между карфагенянами и римлянами. Он пишет: «В этом году (348) анциаты восстановили Сатрик, который был разрушен латинами. И с карфагенскими послами, когда они прибыли в Рим, был заключен договор о дружбе и союзе». Однако то, что этот договор был вторым договором Полибия, Ливий не говорит. Диодор также сообщает о заключении в этом году карфагено-римского договора, но называет его *первым* договором, заключенным между карфагенянами и римлянами. Но поскольку так же бесспорно доказано, что первый договор, о котором сообщает Полибий, был заключен гораздо раньше 348 г., то ясно, что Диодор ошибается. Так как на основании свидетельств Диодора и Ливия устанавливается, что в 348 г. был заключен карфагено-римский договор, и историческая ситуация, отраженная в тексте этого договора соответствует ситуации, известной по сообщениям анналистов, не может быть никакого сомнения в том, что именно 348 г. действительно является годом заключения второго карфагено-римского договора.

Из сообщений Ливия и Орозия вытекает, что карфагенские послы прибыли в Рим, чтобы заключить второй договор. Надо ли из этого сделать вывод, что инициатива заключения договора исходила из Карфагена? Это совсем не обязательно! Вполне вероятно, что римские послы уже прежде вели зондирующие переговоры в Карфагене. Кроме того, мы уже видели, что Рим ко времени заключения договора находился в не очень уж завидном положении: на кон было поставлено его руководство Латинским союзом. И из текста договора

вытекает, что римляне, отразив в договоре свои внешнеполитические трудности, видели в карфагенянах по меньшей мере потенциальных союзников в войне в Лация. Не говорит ли это в пользу того, что римляне проявили инициативу в заключении этого договора? Конечно, это вполне вероятно. И все же мне кажется, что инициатива заключения этого договора, как и договора V в., принадлежала карфагенской стороне, и вот по каким причинам. Во-первых, хотя мы ничего не знаем о римской активности в Карфагене, мы можем с большой степенью вероятности ее предположить. И во-вторых, мы опираемся на ливиевский текст, который в этом отношении очень интересен. По нему в 349 г. греческий флот появился перед побережьем Лация, захват которого был его целью. Греки захватывали торговые корабли и совершали грабительские набеги на прибрежные районы. Ливий в своем источнике не нашел данных о принадлежности флота какому-либо греческому городу. Но его предположение было таким: «На мой взгляд, вероятнее всего, что это были сицилийские тираны — ведь дальняя Греция, в ту пору истощенная междоусобицами, была в страхе перед мощью Македонии»⁵. Предположение Ливия представляется совершенно правильным. Ни о каком государстве греческой метрополии в данном случае говорить нельзя. Так как, по данным Ливия, морские силы, оперировавшие у побережья Лация, были довольно сильными, то речь может идти только о государстве, которое такими силами располагало, но едва ли о каком-либо южноиталийском или сицилийском греческом городе. Вопрос стоит только о флоте Сиракуз, но не о флоте города, раздираемого в это время партийной борьбой, а о флоте сиракузского тирана Дионисия II. Однако Дионисий II в это время находился не в Сиракузах, а в южноиталийских Локрах. Оттуда он предположительно поддерживал связи с вольским Анцием; может быть, анциатами и восставшими латинами он и был призван. И из базы в Анции он угрожал берегам Лация. Но карфагеняне, которые уже раньше скрестили оружие с Дионисием II, не могли спокойно смотреть на экспансию тирана и поэтому вступили в контакт с римлянами, своими давними партнерами по договору.

Я сознаю, что это объяснение — только одно из нескольких возможных, но мне оно все же кажется самым вероятным. Вряд ли против этой попытки решения вопроса можно использовать довод, что

⁵ Перевод по изданию: *Тит Ливий. История от основания Города*. М., 1989. Т. I. С. 346.

об общей борьбе карфагенян и римлян против Дионисия II в тексте договора речь не идет. Во-первых, на основании договора карфагенянам и так было позволено нападать на Лаций, а во-вторых, в 348 г. создание наступательного военного альянса против Дионисия II уже и не требовалось, ибо в этом году флот тирана больше не курсировал у побережья Лация. Карфаген пошел на обновление старого соглашения, чтобы надежнее обезопасить себя от дальнейшей возможной активности Дионисия II. А пересмотр фиксированных в договоре торговых интересов Карфагена находился в русле его прежней политики.

Однако более важным, чем ответ на вопрос, кто был инициатором заключения второго карфагено-римского договора, является установление факта, что в середине IV в. Карфаген и Рим связывали одинаковые интересы, что оба государства, судя хотя бы по точному тексту договора, действительно сотрудничали друг с другом. И едва ли мы удивимся, установив, что римские анналисты, писавшие уже после Второй римско-карфагенской войны, не хотели вспоминать о том, что в критической фазе своей истории они в большой мере пользовались поддержкой карфагенского «наследственного врага».

18. ОТНОШЕНИЯ С ГРЕКАМИ ВО ВРЕМЕНА ТИМОЛЕОНТА (345–339? гг.)

С вмешательством коринфянина Тимолеонта в южноиталийские и особенно сицилийские дела мирные отношения между Карфагеном и Сиракузами быстро закончились.

В Сиракузах после возвращения Дионисия II (347 г.) образовались три «партии»: «партия» старого и нового тирана, «партия» Гикета, тирана Леонтина, и, наконец, «партия» противников всякой тирании. Названная последней группа в 346 или 345 г. обратилась к своей метрополии Коринфу с просьбой прислать полководца, который должен был бы заново упорядочить ситуацию в городе. Гикет для виду поддержал миссию этой группы отправкой собственного посольства, но втайне, намереваясь продолжать внешнюю политику Диона и возлагая свои надежды на сотрудничество с Карфагеном.

Когда в 345 г. вызывающий споры коринфский политик Тимолеонт с флотилией из десяти кораблей переправился из Греции в Южную Италию, чтобы выполнить поручение своего родного города и просьбу части сиракузян, в южно-италийских водах находились карфагенские корабли, которые должны были помешать Тимолеонту высадиться на Сицилии. Карфагеняне сочли необходимым принять эти меры, ибо только при поддержке политики Гикета им казалось возможной гарантия продолжения политики мирного сосуществования с Сиракузами. Заключение союза с Гикетом открывало им возможность влиять на политическую ситуацию в Сиракузах, и это было для них первоочередной целью. Но захват власти над Сиракузами с помощью союза с Гикетом не входил в их намерения.

После того как Тимолеонт высадился в гавань Метапонта, туда прибыл и карфагенский корабль с посольством на борту. Это посольство, разумеется от имени Карфагенского государства, а не от имени Гикета, умоляло Тимолеонта не переправляться на Сицилию и не начинать новой войны. Очевидно, карфагеняне давали ясно понять, что в случае переправы флотилии Тимолеонта на Сицилию война станет неизбежной. Они рассчитывали на свой союз с Гикетом, который уже в официальном послании к коринфянам, пришедшим в Коринф еще до отплытия Тимолеонта, указывал на новое положение дел.

Карфагеняне, кроме замены Дионисия II Гикетом, не желали никакого изменения политического положения на Сицилии. Появление хотя и небольшого коринфского экспедиционного корпуса на острове означало в лучшем случае волнения на политической сцене, а в самом неблагоприятном — начало политической и военной цепной реакции. Поэтому было необходимо удержать войска Тимолеонта от вступления на сицилийскую землю. Однако настойчивые заявления карфагенян не произвели никакого впечатления на коринфянина, и он быстро отплыл дальше к Регию, предложившему ему свою поддержку. Быстротой своих действий он надеялся ослабить своего противника.

В Регию велись переговоры между Тимолеонтом и посольством Гикета, в котором участвовал и карфагенский «командир» (Плутарх). Послы Гикета повторили требования карфагенских послов. Тимолеонт для вида согласился (взгляд на 20 карфагенских кораблей, стоявших на якоре вблизи Регию, делал такое поведение разумным), но затем коварно и незаметно отправился из Регию и благополучно высадился в Тавромении. Офицеры карфагенских кораблей были полностью виновны в грубом и имеющем значительные последствия головоутипстве.

Пораженные карфагеняне направили к Андромаху, тирану Тавромении, посла, который решительно потребовал высылки коринфянина, но безуспешно. Война началась.

Еще до высадки Тимолеонта в Южной Италии карфагеняне переправили свои войска на Сицилию главным образом потому, что опасались распространения пока еще чисто внутрисиракузских конфликтов. Они сочли возможным поставить под командование карфагенского полководца Магона 50 или 60 тысяч пехотинцев, несколько тысяч всадников, 150 боевых кораблей, 300 боевых колесниц, свыше 2 тысяч парных экипажей и значительное количество оружия и припасов для защиты карфагенских интересов. Прокарфагенские настроения в «союзных» городах Сицилии были усилены соответствующими мерами, а разногласия между карфагенским правительством и сицилийскими, возможно также сицилиотскими и сикульскими, тиранами были ликвидированы. Все же некоторые города, даже те, что находились в пределах карфагенской эдикратии, не были готовы к тому, чтобы действовать заодно с карфагенянами. К ним относился город Энтелла, населенный кампанцами. Энтеллийцы даже пытались получить поддержку других городов, относительно которых они знали или предполагали, что те не питают симпатий к карфагенянам. Но города, помощи которых они попросили, кроме Галарии,

отказались выступить на их стороне. Кампанцы из Этны тоже остались дома, после того как узнали, что вспомогательный корпус галарийцев был уничтожен до последнего человека. Карфагеняне наглядно показывали сжатую в кулак силу своего государства всем, кто лелеял мысль о противодействии карфагенским интересам. Карфагенское правительство уже было в полной боевой готовности, когда Гикет, обеспокоенный высадкой Тимолеонта, попросил прислать ему значительное количество карфагенских военных кораблей. Правда, положение Гикета вовсе не было тяжелым. Наоборот, он еще за три дня до высадки Тимолеонта в Регии захватил Сиракузы и оттеснил Дионисия II на Остров. Но у него, очевидно, не было кораблей, с помощью которых он мог бы уничтожить флотилию Тимолеонта и затянуть петлю вокруг сил Дионисия.

Гикет решил распространить свою власть также на город Адран. Дело в том, что часть адранитов призвала на помощь его, а другая — Тимолеонта. Он попытался использовать удобный случай, но вблизи этого города потерпел чувствительное поражение (345/344 г.). Еще тяжелее стало то, что победоносные войска Тимолеонта достигли Сиракуз *раньше* потерпевшей поражение армии Гикета и захватили часть города.

Ситуация начала изменяться в пользу Тимолеонта. Коринфянин смог не только утвердиться в Сиракузах, но и привлечь на свою сторону Адран и Тиндариду и этим значительно увеличить свои боевые силы. Его следующим успехом стало присоединение к нему Мамерка, тирана Катаны. Кроме того, гарнизоны многих восточносицилийских крепостей выступили на его стороне.

Дионисия так впечатлили успехи Тимолеонта, что он решил передать ему Остров (345–344 гг.). В течение пятидесяти дней Тимолеонт так изменил военные и политические отношения на Сицилии, как до этого едва ли кто-либо мог себе это представить.

Коринфяне теперь увидели, что шансы на успешный исход сицилийской экспедиции выросли, и направили на Сицилию еще десять кораблей и, сверх того, новые финансовые средства. Но коринфская флотилия пока добралась только до Фурий, поскольку карфагенский флот помешал ей переправиться на Сицилию.

В Сиракузах Гикет не добился никакого успеха. Покушение на Тимолеонта, совершенное тогда в Адране, не удалось. В этой ситуации тиран решил, что только прибытие значительных карфагенских сил сможет привести к ее изменению. По его просьбе весь карфагенский флот вошел в гавань Сиракуз, а карфагенская армия расположилась

в городе. Действительно, войска Тимолеонта, находившиеся на Острове, вскоре попали в тяжелое положение, но им удалось сохранить, хотя и скудное, снабжение из своей базы в Катане. Поэтому Гикет и Магон решили попытаться захватить Катану. Они с элитными войсками отплыли из Сиракуз. Это обстоятельство использовал командир осажденных Неон. Он произвел высадку и захватил Ахрадину. Получив известие об этом нападении, Гикет и Магон возвратились и, по всей вероятности, тем самым совершили серьезную стратегическую ошибку.

Другой промах допустил адмирал Ганнон, очевидно, подчиненный Магону. Вместо того чтобы помешать коринфским подкреплениям вступить на землю Сицилии, он попытался сломить сопротивление врагов, окруженных на Острове, обманув их сообщением о якобы полной победе над их сухопутными силами. Тем временем коринфяне переправились на Сицилию. Тимолеонт соединился с новыми войсками и с их помощью захватил Мессану (344/43 г.). После этого он двинулся на Сиракузы, чтобы там найти окончательное решение.

Успехи Тимолеонта, который, конечно, весьма успешно выдвигал лозунг свободы, были не менее удивительны, чем неудачи Гикета. Сиракузянам явно не удалось собрать вместе силы, находившиеся в их распоряжении, и повести их против коринфян. Все же до некоторого момента их положение ни в коем случае не было безнадежным. А затем случилось неожиданное: Магон со всеми своими силами покинул Сиракузы и отплыл в область карфагенской эпкиратии. Причины, по которым Магон решил оставить своих сиракузских союзников, нам неизвестны. Противники карфагенян могли объяснить себе такое его необдуманное решение только предположением, что он страшился растущих сил Тимолеонта. Однако более вероятно, что Магон считал, что оба греческих противника либо вступят в ожесточенную борьбу друг с другом, либо, и этого можно было ожидать скорее, они придут к соглашению. По мнению Магона, в одном случае победитель выйдет из этой борьбы ослабленным, в другом — карфагенские войска окажутся в безопасной ситуации. Во всяком случае, тенденции к братанию, которые наблюдались у солдат греческих армий, послужили для Магона поводом, которым он оправдывал перед Гикетом отход карфагенских войск. Попытка узурпации, которую в это время — возможно! — предпринял в Карфагене некий Ганнон, едва ли сыграла какую-либо роль в решении Магона.

Вскоре после ухода Магона войска Тимолеонта сломили сопротивление армии Гикета и овладели всем городом (344/43 г.). Знаком

восстановления демократии стало снесение победителем крепости и разрушение всех других сооружений, напоминающих о тирании. Только статуя Гелона, победителя при Гимере, явно из пропагандистских соображений была спасена от уничтожения.

Поручение, которое Тимолеонту дала демократическая «партия» сиракузян, он выполнил. Однако он не мог ограничить свои планы лишь областью, лежащей перед городскими стенами Сиракуз, хотя бы потому, что Гикет, отступивший со значительными силами в Леонтины (344/43 г.), представлял скрытую опасность для демократических Сиракуз. Поэтому в 343 г. он предпринял попытку завладеть Леонтинами, но это ему не удалось.

В Энгии Тимолеонт добился большего успеха. Лептин, тиран Энгия и, по-видимому, союзник Гикета, заявил, что он готов сдать город. И Аполлония (этот город также находился под властью Лептина) открыла коринфянину свои ворота. Отчаянная попытка Гикета использовать отсутствие Тимолеонта в Сиракузах и напасть на город к успеху не привела (343/342 г.). Некоторое время спустя Гикет заключил соглашение с Тимолеонтом, по условиям которого он будет жить в Леонтинах как частное лицо.

В Карфагене поведение Магона вызвало жесткую критику. Магон в глазах его критиков не только не добился никаких успехов, но и в сильнейшей степени подорвал веру фактических и потенциальных партнеров в карфагенскую верность заключенным союзам. Кроме того, он не сумел противостоять грабительским походам Тимолеонта, которые он для пополнения своей военной казны предпринимал в карфагенской эпикратии. И наконец, он не смог помешать Тимолеонту добиться значительных политических успехов в самой карфагенской эпикратии. Тимолеонт не только сумел завладеть Энтеллой, городом, в котором с некоторого времени преобладали прокарфагенски ориентированные силы, но и добился, что элимские, сиканские и сиккульские «союзники» были явно готовы пересмотреть свои политические позиции. Сицилийские города, включая те, что находились в пределах карфагенской эпикратии, все без исключения присоединились к нему (343–342 гг.). В этих обстоятельствах карфагенские политики не видели другой возможности противостоять опасности, какую представлял Тимолеонт, кроме другого командования и более сильной армии. Они набрали новые войска в Карфагене и Ливии, а также прибегли к традиционной вербовке иберов, кельтов и лигуров.

Весной 342 г. карфагенские войска под командованием Гасдрубала и Гамилькара переправились на Сицилию. Они высадились в Лилибее.

Вместе с войсками и вооружением, которые уже находились на острове, они составили свыше 70 тысяч пехотинцев, 10 тысяч всадников, 200 военных кораблей, более тысячи транспортных судов, 10 тысяч боевых колесниц, запряженных четверкой, и 10 тысяч двойных запряжек. Плутарх утверждает, что их целью было «вытеснить всех греков с Сицилии». Это утверждение все же основывается в большей степени на высказывании современного или более позднего греческого пропагандиста, чем на взглядах карфагенского руководства. Действительные цели карфагенян были, по-видимому, более скромными: восстановить положение, существовавшее в 362 г. (?).

У нас нет информации о стратегическом плане карфагенских полководцев. Может быть, однако, из того, что один из полководцев повел карфагенскую армию к реке Кримис и оттуда намеревался двигаться дальше, можно заключить, что планировалось около Панорма достичь северного побережья острова, а затем продвинуться к Мессане и с севера напасть на Сиракузы. Должен ли был флот под командованием другого полководца тоже двигаться вдоль северного побережья или плыть вдоль южного берега, неизвестно.

Когда в Сиракузы пришло известие о высадке карфагенян, Тимолеонт выстроил свои войска. Если даже утверждение Плутарха, что Тимолеонт располагал только 2 тысячами пехотинцев и тысячей всадников («перед лицом многих десятков тысяч»), надо принимать с оговорками, то все же несомненно, что греки численно далеко уступали карфагенянам. Тимолеонт решил не дожидаться карфагенян возле Сиракуз, а идти им навстречу, якобы для того, чтобы пощадить землю союзников, но, возможно, скорее, чтобы использовать момент внезапности. И он этого добился, ибо разведка карфагенян пропустила это. Когда 24 таргелиона 342 г. карфагенские войска перешли через Кримис, на них неожиданно напал Тимолеонт и, несмотря на численное превосходство карфагенян, одержал блестящую победу. Погибли все 2,5 тысячи воинов «священного отряда». Из остальных солдат 10 тысяч погибло, а 15 тысяч было взято в плен. Богатой была и добыча.

Остатки разбитой карфагенской армии отступили в Лилибей. Они явно не осмеливались переправиться в Африку, так как опасались гнева богов, а может быть, потому, что ожидали новых инструкций. Наконец, они, кажется, все же вернулись в Карфаген.

Тогда-то карфагеняне вспомнили о Гисгоне, который, может быть, был сыном Ганнона и, конечно, братом Гамилькара. Они оба ранее подверглись каре. Теперь Гисгона вызвали из изгнания и назначили

полководцем. Конечно, Гисгон с 70 кораблями переправился на Сицилию только потому, что Гикет и Мамерк просили о новом вмешательстве карфагенян. Мотивы этих политиков проследить трудно, но кажется, что их поведение показывает, что положение карфагенян на Сицилии ни в коем случае не было безнадежным. Конечно, таким оно не было. Надо вспомнить, что, по крайней мере, флот, этот важнейший инструмент ведения войны карфагенянами, оставался полностью нетронутым. Следующие бои были, вероятно, отзвуками Крими-са. Около Мессалы — город, очевидно, вновь перешел на сторону карфагенян — Гисгон одержал победу над воинами Тимолеонта. Другая победа была одержана при Иатах. Гикет же потерпел поражение у реки Дамирий, и вскоре после этого в Леонтинах собственные солдаты выдали его Тимолеонту, который его казнил. Мамерк также проиграл сражение у реки Алаб (или Абол), и после того, как в Мессане сдался войскам Тимолеонта, он был осужден на смерть в Сиракузах.

Вскоре после поражения Мамерка у Алаба карфагеняне заключили мир (339 г.?). Очевидно, они пришли к убеждению, что для достижения первоначальных целей войны надо предпринять такие усилия, которые в существующих обстоятельствах не приведут к желанному успеху. Условия мира были следующие: 1) все греческие города Сицилии — свободны; 2) граница между карфагенской эпикратией и сицилиотской областью проходит по реке Галик (и северной Гимере?); 3) желающие покинуть карфагенскую эпикратию и переселиться в Сиракузы, могут взять с собой семью и имущество; 4) карфагеняне не будут поддерживать тиранов, воюющих против Сиракуз. Рассмотрение этих условий показывает, что Гисгон действовал на Сицилии не без успеха, ибо карфагенская область по сравнению с соглашением 362 г. (?) не уменьшилась. Перед лицом успехов Тимолеонта карфагеняне были вынуждены отступить, но все же мирный договор 339 г. (?) не означал существенного ослабления их власти. Строительные работы в греческой части острова (здесь надо особенно отметить восстановление Акраганта и Гелы) не вызывали у них недоброжелательства, пока они могли быть уверенными, что подъем хозяйственной и военной мощи сицилиотских городов не вынудит их к новой агрессии.

19. ТРЕТИЙ КАРФАГЕНО-РИМСКИЙ ДОГОВОР (343 г.)

Полибий ничего не знает о договоре, который был заключен в промежутке между вторым договором и так называемым Пирровым договором. Однако Ливий, говоря о событиях 396 г., пишет: «И с Карфагеном был в этом году третий раз обновлен договор, и его послам, которые прибыли с этой целью, были вручены богатые подарки». Ливий, следовательно, полагает, что в случае договора 306 г. речь идет о третьем обновлении карфагено-римских соглашений, т. е. о четвертом договоре. Если, как я полагаю, второй договор был заключен в 348 г., то третий договор должен был быть заключен между 348 и 306 гг. Это предположение подтверждается текстом, который находится в периферии Ливия. Там сказано: «Второй раз сражались с Пирром с сомнительным успехом. С карфагенянами был в четвертый раз обновлен договор». После этого Ливий сообщает о договоре, который был заключен во времена Пирра как о пятом. Так что два названных пассажа Ливия взаимно поддерживают друг друга. Ливий, следовательно, представляет мнение, что до начала I Римской войны было заключено пять карфагено-римских договоров. Как я полагаю, нет никаких препятствий для принятия этого мнения. Но если заключение третьего договора надо точно датировать между 348 и 306 гг., то на основе имеющегося в нашем распоряжении материала вопрос может стоять только о 343 г. Среди событий этого года Ливий сообщает следующее: «И слава этого события (подразумевается победа римлян над самнитами при Суэссуле) не ограничилась Италией. Совсем нет. Карфагеняне направили послов в Рим, чтобы принести поздравления и в знак этого принести золотой венок, который должен был храниться в храме Юпитера, а был венок весом в 25 фунтов». Конечно, о заключении договора здесь открыто не говорится. Однако нельзя исключить предположение, что карфагеняне использовали этот повод, чтобы укрепить старые договорные связи, учитывая в то же время, что они в это время столкнулись на Сицилии с большими трудностями, ибо им там жестко противостоял коринфянин Тимолеонт. В этой ситуа-

ции рекомендовалось укреплять дружеские связи везде, где это было возможно. Поэтому мне кажется, что датировка третьего карфагено-римского договора именно 343 г. — *faute de mieux*¹ — была бы самой правильной. По содержанию этот договор, если вообще составлялось новое изложение, едва ли существенно отличался от договора 348 г.

¹ При отсутствии лучшего.

20. КАРФАГЕН И МИР, ИЗМЕНЕННЫЙ АЛЕКСАНДРОМ ВЕЛИКИМ

Александр Великий (336–323 гг.) привел страны, расположенные между Адриатическим морем и Индийским океаном, в новое время. Но тень великого македонянина падала и на многие страны, находящиеся вне его державы. И для Карфагена во многих отношениях возникла новая ситуация.

То, что центр тяжести в Восточном Средиземноморье сдвинулся в пользу греческой культуры в ее эллинистической форме, все карфагеняне явно поняли, когда пришло известие, что Александр в 332 г. захватил и разрушил их метрополию Тир. Карфагеняне уже до разрушения Тира были готовы принять в свой город детей, женщин и стариков, но едва ли были готовы оказать военную помощь, хотя Тир, кажется, об этом просил. Авантюра военной интервенции им явно показалась слишком рискованной. Они еще более укрепились в этом мнении, когда узнали, что Египет, шестая сатрапия Персидской державы, в том же 332 г. попал в руки македонского царя. Когда на следующий год Александр заключил договор о дружбе и союзе с греческим городом Киреной, Македония стала уже почти соседкой Карфагена. Имел ли македонский царь в 331 г. конкретные представления о будущих связях Македонии с Карфагеном, мы не знаем. Но то, что во время долгого и тягостного пути из Александрии в оазис Сива и назад в Александрию слово «Карфаген» при случае приходило ему в голову, в некоторой степени вероятно. Однако настоятельные задачи вели Александра на Восток.

Конкретные планы относительно Карфагена возникли только после завершения Индийского похода. В 324/323 г. Александр планировал среди прочего построить в Сирии, Финикии, Киликии и на Кипре флот из тысячи военных кораблей, чтобы с помощью этого флота завоевать западный бассейн Средиземного моря, и прежде всего Карфаген. В его проекте присутствовала даже полоса североафриканского побережья, идущая до Столпов Геракла.

Доказательством того, что карфагеняне всерьез восприняли исходящую от Александра угрозу существованию их государства, служит карфагенское посольство, которое, по всей вероятности, встретилось

с Александром, когда тот находился на пути из Экбатан в Вавилон. Это иллюстрирует также рассказ, переданный Фронтином, Юстином и Орозием, по которому карфагенянин Гамилькар, действуя по поручению карфагенских властей, проник в окружение царя и там успешно занимался шпионажем.

С захватом Египта сатрапом Птолемеем, который сменил сатрапа Клсомена, положение изменилось, поскольку Птолемей рассматривал Египет не как одну из многих сатрапий Македонского государства, а как область своего исконного господства, в которой он все более и более входил в роль фараона. Смерть македонского царя несомненно вызвала в Карфагене чувство облегчения, хотя скоро выяснилось, что и новый сатрап Египта оказался для Карфагена не более приятным партнером по переговорам.

Поле, на котором скрещивались противоположные интересы, была Киренаика. В Кирене во времена после смерти Александра происходили частые беспорядки. Олигархи и демократы боролись за власть в городе. Внутриполитическая борьба, сначала ограниченная Киреной, вскоре превратилась в военные столкновения во всей Киренаике, ибо киренские изгнанники нашли поддержку у спартанского пирата Фиброна. Перед лицом этой угрозы киренцы запросили помощи у ливийцев и карфагенян, и те согласились. Карфагеняне, кажется, поддержали киренцев, чтобы уничтожить военную диктатуру Фиброна. Сверх того, они надеялись, что в результате восстановления прежних отношений будет создана буферная зона между карфагенской и египетской областями. Интересы Карфагена и Кирены тогда совпадали. Примечательно, что в это время некоторые киренские монеты, имеющие надпись ΚΥΡΑΝΑΙΩΝ ([чеканка] киренцев), а не легенду ΔΑΜΩ ΚΥΡΑΝΙΩΝ ([чеканка] народа киренцев), на реверсе изображают киренский куст сильфия вместе с карфагенской пальмой. Эти монеты, кажется, нужно датировать временем сотрудничества Кирены и Карфагена. Однако поражение, понесенное коалицией в войне с Фиброном, похоронило все надежды.

Тут произошел неожиданный поворот. В Кирене, осажденной Фиброном, произошла революция, приведшая к власти демократов. Часть бежавших олигархов обратилась к Птолею с просьбой о возвращении в Кирену. Сатрап использовал эту возможность, чтобы направить в Кирену значительное войско под командованием македонянина Офелла. Офелл добился восстановления спокойствия и порядка. Диодор лаконично сообщает: «Киренцы и окружающие города таким образом потеряли свою свободу и перешли под власть

Птолемя». С этого времени Египет стал непосредственным соседом Карфагена. Этим была решена, по крайней мере в глазах карфагенян, киренская проблема. Карфагеняне подчинились новой ситуации. Пока что в Ливии дело не касалось основной «карфагенской» области, а в следующие годы это стало основным принципом карфагенской восточной политики, Карфаген не намеревался вступать в тотальную конфронтацию с Египтом. Кроме того, сицилийская ситуация требовала основного внимания карфагенского правительства.

Теперь встает вопрос, понятна ли, хотя бы в основных чертах, политика, проводимая в отношении Карфагена его новым соседом. Здесь нам, возможно, поможет заметка Страбона. Он пишет: «За этим озером (подразумевается озеро Таворга) находится Башня Евфранта, граница между бывшими карфагенскими владениями и Киренаикой, когда та находилась под властью Птолемя». В этой цитате ясно сказано, что в то время, когда власть Птолемя, а едва ли надо сомневаться, что речь идет о Птолемее I, распространилась на Киренаику, граница между карфагенской и птолемеевской территориями проходила не у Филеновых Алтарей, как раньше, а у Башни Евфранта, т. е. приблизительно в 230 км к западу. Когда и почему Карфаген потерял свое влияние на область Большого Сирта? При ответе на этот вопрос надо прежде всего отметить, что, по сообщению Арриана, одна из статей мирного договора в Трипарадисе (конференция в Трипарадисе состоялась, вероятно, в 320 г.)¹ гласила: «Пусть Птолемею принадлежат Египет и Ливия (подразумевается, конечно, Киренаика), и большая часть страны, лежащей за этой областью, и вся страна, которую он завоеует копьем в этом направлении». Здесь ясно выделяются четыре категории территорий: 1) Египет, 2) Киренаика, 3) область по ту сторону Киренаики, которая в 320 г. уже принадлежала Птолемею, и 4) область, которую Птолемей еще завоеует в будущем. Этим ясно показано, что уже в 320 г. под властью Птолемя находилась территория по ту сторону Филеновых Алтарей, и кто теперь мог бы сомневаться, что это была прибрежная полоса между Филеновыми Алтарями и Башней Евфранта? Едва ли, однако, можно решить, каким образом эта карфагенская область попала под власть Птолемя. В данном случае придется удовлетвориться фактом, что в 322 г. Птолемей однозначно проводил экспансионистскую, если не сказать имперскую, политику по отношению к своим карфагенским соседям.

¹ В сирийском городе Трипарадисе диадохы, т. е. преемники Александра, договорились о фактическом разделе его державы.

(С чьими интересами была связана едва ли используемая в земледелии прибрежная полоса между Филеновыми Алтарями и Башней Евфранта? Сама по себе эта прибрежная полоса едва ли имела какое-либо значение: ведь единственные три больших города между Большим и Малым Сиртами — Лептис, Эя и Сабрата — находились к западу от Башни Евфранта. Если эта прибрежная полоса, отвлекаясь от ее логистического значения в случае когда-нибудь предпринятого похода против Карфагена, не могла иметь в глазах Птолемея никакого значения, то иным, возможно, был конечный пункт — Башня Евфранта. Дело в том, что от этого пункта можно было без больших трудностей достичь района оазиса Джофра, а оттуда — Феццан, а из Феццана древнейший торговый путь вел к сердцу Африки озеру Чад. В самом Феццане внимание привлекали две вещи — золото и слоновая кость. Интерес Птолемея I к сахарскому золоту тем более понятен, что этот правитель, насколько мы знаем, не продвинулся к югу от первого порога, дабы получить доступ к золотым приискам Вадии Аллаки. Это произошло только при Птолемее II.

Причиной того, что после 322 г. не произошло никакого обострения в отношениях между Карфагеном и Египтом, не в последнюю очередь является тот факт, что Птолемей был втянут в целую серию военных столкновений со своими македонскими соперниками. Не менее чем в пяти коалиционных войнах (320, 318–317, 315–311, 302–301, 288–286 гг.) он играл центральную роль, не говоря уже о его дипломатической и военной активности на Кипре, в Сирии, Финикии, на южном и западном побережье Малой Азии и в греческой метрополии. Однако эта активность, не связанная с Карфагеном, не должна скрывать, что Птолемей, во всяком случае до 320 г., принципиально занимал антикарфагенскую позицию. Если бы это было не так, то было бы непонятно, почему в мирное время в Трипарадесе постановили, что Птолемею должны достаться все земли, лежащие в направлении заката. Этот пассаж был вставлен в мирный договор, конечно, по инициативе Птолемея I, выступавшего как победитель в первой коалиционной войне. Этим Лагид добивался получения свободы действий в будущей антикарфагенской активности. Западные планы Александра еще не были сданы в архив.)

После успеха 322 г. Офелл оставался провинциальным наместником Птолемея в Киренаике. В Кирене (вероятно, в 309 г.) он занял положение, независимое от Птолемея. Примечательно, что и он, будучи одним из соратников Александра, продолжил александровскую западную политику, хотя и в более скромных рамках. В 308 г. эти

политические мечты вместе с трагическим концом Офелла рухнули под стенами Карфагена.

В первые годы III в. Птолемей отдал Агафоклу, «полномочному стратегу» Сиракуз, который в 304 г. принял царский титул, руку своей дочери или падчерицы Феоксены. Чего хотел Птолемей добиться этой связью? То, что этот брак, как и все другие династические связи этого времени, преследовал чисто политическую цель, несомненно. Мне кажется, что сотрудничество Птолемея с Агафоклом основывается, «возможно, на общем противостоянии Карфагену, который после смерти Офелла снова стал соседом Лагида» (Берве). Это предположение подтверждается сообщением Диодора, что Агафокл в последние годы своей жизни, а он умер в 289 г., вооружался для нового грандиозного похода против Карфагена.

Рассматривая все свидетельства, говорящие о политике Птолемея I относительно Карфагена, едва ли можно сомневаться, что Птолемей никогда не отступал от своей антикарфагенской политики, хотя, если не считать, может быть, события, связанного с Башней Евфранта, о котором сказано лишь мелким шрифтом, от прямого военного столкновения он воздерживался.

Карфагеняне перед лицом этой опасной и имеющей дальний прицел политики заняли оборонительную позицию. На востоке они не имели территориальных интересов и были даже готовы отказаться (временно) от упомянутой прибрежной полосы, если этим можно было удовлетворить жадность птолемеевского хищника. Впрочем, даже такой великой державе, как Карфаген, едва ли можно было предпринимать военные действия как на Сицилии, так и в Восточном Средиземноморье, пока существовала опасность, что эллинистические державы или по крайней мере часть их могут создать коалицию, направленную против Карфагена. В этих обстоятельствах самым благоразумным было выскользнуть из рук восточных государств и посвятить себя строительству державы в Западном Средиземноморье.

21. ОТНОШЕНИЯ С ГРЕКАМИ ВО ВРЕМЕНА АГАФОКЛА

Последние десятилетия IV в. в Карфагене были заполнены ожесточенными внутривосточными столкновениями, вызванными соперничеством господствующих фамилий. Политически взрывная ситуация, возникшая по этой причине, еще более обострилась из-за выступлений африканских соседей. К этим трудностям прибавились, наконец, и военные поражения как на сицилийском театре военных действий, так и на африканской земле. Впервые в истории Карфагена греческие войска стояли у стен города. На кон было поставлено ни больше ни меньше как само существование Карфагенского государства.

Военная угроза Карфагенскому государству исходила от человека, который родился в семье регийского изгнанника в Ферме, городе карфагенской эпократии. Позже он получил сиракузское гражданство и от горшечника поднялся до одного из самых богатых людей города. Это был Агафокл, сын Каркина. На военном поприще молодой человек впервые выдвинулся во время войн сиракузян против акрагантинцев и бруттиев. После разрыва с сиракузскими полководцами Сосистратом и Гераклидом, которые были настроены проолигархически, он попытался найти свое военное счастье в Кротоне, Таренте и Регии. Но, как только в Сиракузах демократическая «партия» ододела олигархическую, он оттуда вернулся.

Карфагеняне потому вмешались в борьбу сиракузских группировок, что изгнанные олигархи, собравшиеся преимущественно в Геле, просили их о поддержке, и они решили, что не могут оставаться глухими к их просьбе. Впервые карфагеняне открыто заявили, что они готовы активно поддержать одну из группировок в греческом городе, чтобы восстановить ее прежние права. Кажется, что ведущие деятели Карфагена ожидали для себя больше выгод от сотрудничества со своими олигархическими «коллегами», чем от поддержки вождей демократической «партии». Сиракузские олигархи, по-видимому, были больше заинтересованы в продолжении политики мирного сосуществования с карфагенскими соседями, чем беспокойный демос. К тому же в это время, в 322 г., в Карфагене верх одержали

силы, полагавшие, что интервенционистская политика лучше отвечает интересами Карфагена, чем оборонительная. Если бы в это время и в Киренаике (во всяком случае, прежде всего) проводили такую рискованную политику!

Развернувшиеся вслед за этим бои, а они шли частично около Гелы, не оказались решающими ни для одной стороны. Только после того как коринфянин Акесторид в соответствии с постановлением, принятым во времена Тимолеонта, был избран полководцем¹ и стал действовать сообразно своему пониманию принятого поручения, было найдено решение внутривнутриполитического кризиса в Сиракузах. Это решение скорее отвечало ожиданиям олигархов. Предпосылкой для достижения этого урегулирования стало, правда, заключение мирного договора с карфагенянами. Содержание этого договора неизвестно. Однако мы можем предположить, что карфагеняне потребовали восстановления прежних прав и прежнего имущества олигархов и, может быть, уплаты репараций, но не выдвигали новых территориальных требований.

Карфагеняне достигли своей цели. Но вскоре оказалось, что они недолго могут радоваться своей победе, ибо Агафокл, который хотя в предыдущей войне и не занимал должность полководца, но активно участвовал в антиолигархическом сопротивлении и еще до заключения мирного урегулирования покинул город Сиракузы, вернулся во внутренние районы их территории. В Моргантине он построил укрепление и оттуда угрожал не только сиракузянам, но и карфагенянам. После взятия Леонтин он даже осмелился осадить Сиракузы. Олигархические политики были вынуждены просить карфагенского полководца Гамилькара, чтобы он послал войска в Сиракузы для снятия блокады города. Когда Агафокл понял безнадежность своего предприятия, он стал просить Гамилькара о посредничестве между ним и сиракузянами. И действительно, приблизительно в 319–318 гг. было достигнуто соглашение между двумя партиями. Совсем не невероятно, что Агафокл был вынужден принять обязательство не проводить в будущем антикарфагенскую политику. Гамилькар потребовал дать эту торжественную гарантию в качестве цены своего посредничества. Вероятно, Агафокл дал и своим внутривнутриполитическим противникам определенные гарантии, ибо иначе он едва ли смог бы заключить запланированное соглашение.

¹ То есть стратегом, который не только командовал армией, но и имел определенные полномочия во внутривнутриполитической сфере.

Снова показалось, что карфагеняне достигли успеха в своей сицилийской политике. И снова уже через немного лет оказалось, что они неверно оценили ситуацию, потому что неверно оценили Агафокла. Уже очень скоро этому предприимчивому политику удалось добиться своего избрания полководцем и «стражем свободы» (Диодор) и, опираясь на эту должность, занять господствующее положение в раздираемом внутривосточной борьбой греческом городе Сиракузах. Впрочем, свои слишком честолюбивые планы он еще не превращал в действительность, так как олигархическая корпорация шестисот еще имела в городе довольно сильные позиции. В 316–315 гг. Агафокл наконец устранил последнее препятствие на пути к тирании. В результате кровавого переворота (за один день было убито, видимо, более четырех тысяч сиракузян) он захватил власть. После величественного выступления на народном собрании он заставил избрать себя «полномочным полководцем»² и передать ему «защиту города» (Диодор). Карфагеняне внимательно следили за происходящим в Сиракузах, но не предпринимали никаких дипломатических шагов против выдвижения Агафокла, ибо внутривосточные процессы в Сиракузах юридически едва ли были предметом карфагено-сиракузского договора. Даже тогда, когда тиран вооружил армию и флот и подчинил города и другие местности внутри страны, карфагеняне не могли заявить никакого протеста, поскольку во все еще действующем договоре с Тимолеонтом говорилось только о свободе греческих, а не сикульских городов³.

Положение изменилось несколько позже — в 315–314 гг. Агафокл, который к этому времени существенно расширил военную базу своей власти, теперь осмелился напасть и на греческие города. Он завладел крепостью, которая принадлежала Мессане, и за возвращение ее мессанцам потребовал 30 талантов. Однако он не только не возвратил крепость, но даже пытался использовать удобно подвернувшийся случай, чтобы завладеть самим городом Мессаной. Так как эта попытка не удалась, он с флотом направился к мессанской крепости Милы и принудил ее к сдаче. Летом 314 г. он предпринял новую попытку завоевать Мессану. Но во время осады появились карфагенские послы (призванные мессанцами?), указавшие ему на то, что его действия противоречат договору. Они принудили Агафокла заключить

² Агафокл был «избран» стратегом-автократором, как ранее Дионисий.

³ Может быть, дело было не столько в юридических нормах, сколько в неверной оценке Агафокла, которого после его соглашения с Гамилькарсом какая-то часть карфагенских правящих кругов могла рассматривать как «своего человека».

с мессанцами мирный договор и вернуть им Милы. Тирани не увидел в этот момент никакой возможности осуществить свои планы и поэтому отступил перед волей Карфагена. Самое позднее после двух осад Мессаны многие карфагенские политики уже не испытывали никаких иллюзий по поводу сеющего беспокойство тирана.

Новый этап в развитии ситуации на Сицилии начался тогда, когда в 314–313 гг. сиракузские изгнанники, жившие в Акраганте, проявили инициативу, добившись создания коалиции городов Акраганта, Гелы и Мессаны, направленной против Агафокла. Боясь, что победоносный полководец сможет стать тираном, дорийские города попросили спартанцев прислать им полководца. Акротат, сын царя Клеомена, был готов принять соответствующее поручение даже без одобрения эфоров. И тарентинцы по просьбе Акротара заявили о своей поддержке. Однако выявившиеся вскоре острые разногласия привели к тому, что спартанцы были вынуждены тайком покинуть Сицилию. После этого тарентинцы отозвали свой флот. Греки вновь доказали, что они неспособны решить внутригреческие проблемы.

Теперь союзники были вынуждены просить Гамилькара о посредничестве между ними и Агафоклом. Можно было бы, конечно, спросить, почему они раньше не подключили карфагенян. Во-первых, они исходили из того, что карфагеняне не предприняли бы никакой наступательной военной акции против Агафокла, пока тот открыто не нарушит существующие договоры, а во-вторых, по «национальным» причинам они стремились решить политические проблемы греческой Сицилии греческими силами: они не хотели дать своим противникам повод обвинить их в сотрудничестве с «варварами». Основными пунктами соглашения, заключенного при посредничестве Гамилькара, были следующие: 1) греческие города Гимера, Селинунт и Гераклея, как и раньше, принадлежат карфагенянам; 2) остальные греческие города — автономны; 3) сиракузянам (не Агафоклу!) принадлежит гегемония над городами, названными во втором пункте. Статья о гегемонии — сюрприз этого договора, ведь Агафокл, злоупотребляя этой статьей, мог использовать военные силы союзников в своих целях. Включением этого пункта в текст договора он явно добился значительного успеха. Менее удивительно, что Гамилькар еще раз выразительно подчеркнул принадлежность Гимеры, Селинунта и Гераклеи карфагенянам, хотя он выступал посредником, а не партнером при заключении этого договора. Он явно считал благоразумным еще раз обезопасить карфагенские претензии от вся-

ких неверных толкований. Проблемы сиракузских изгнанников договор, кажется, вовсе не касался.

Власть Агафокла существенно расширилась, как можно ожидать, с использованием статьи о гегемонии. Силы многих союзников, богатые доходы и сильные войска были теперь в его распоряжении. И он продолжал вооружаться, явно боясь нападения карфагенян. Действительно, в Карфагене шли жаркие дискуссии, которые наконец привели к осуждению посредника в заключении договора между Агафоклом и союзниками. Это было бы непонятно, если не знать, что названный договор, очевидно в значительной степени, усиливает позиции Агафокла. И это были не обязательно «ястребы», осуждавшие дипломатическую деятельность Гамилькара.

Акрагантинцы и гелейцы теперь явно стремились к соединению с Агафоклом. Во всяком случае, сиракузские изгнанники, кажется, в 312/11 г. большей частью покинули эти города и собрались в Мессане, надеясь найти у мессанцев более сильную поддержку своей политике. Однако Агафокл, используя массивное давление, сумел разрушить союз между городом Мессаной и сиракузскими изгнанниками. Мессанцы выслали изгнанников и перешли на сторону тирана. Это не помешало ему перебить 600 мессанских и тавроменских противников его политики.

Вообще, кажется, что тогда Агафокл стремился зачистить греческую часть острова, чтобы, опираясь на более гарантированную восточно-сицилийскую базу, перенести войну на территорию карфагенской эпикратии. Но когда он подошел к Акраганту, чтобы превратить этот город из союзного в подчиненный, ему пришлось увидеть, что ответственные политики Карфагена не спали, а довольно точно проследили его путь, ибо неожиданно флот из 60 карфагенских кораблей появился вблизи Акраганта, и это заставило его авангард остановиться. Однако насколько он был уже готов больше не уступать карфагенскому давлению и ответить на вызов Карфагена, он ясно продемонстрировал тем, что после снятия осады с Акраганта вторгся в карфагенскую эпикратию, опустошил сельскую местность и захватил ряд укреплений. По этой причине связи между Карфагеном и Сиракузами, в которых господствовал Агафокл, были полностью заморожены.

Сицилиотские изгнанники, лидером которых был Динократ, более не видя никакой другой возможности, предприняли попытку усилить свои позиции с помощью уже испытанного вмешательства Карфагена. Они призвали карфагенян не допустить, чтобы Агафокл подчинил своей власти «всю Сицилию» (Диодор) и тем самым также

карфагенскую эпикратию. Карфагеняне, которым уже вторжение Агафокла в область их господства дало достаточный повод для нападения, теперь с 50 кораблями вошли в Большую гавань Сиракуз. Агафокл в это время проводил карательную акцию в Кенторипе. Однако захват Большой гавани не оказал слишком большого влияния на дальнейший ход военных действий.

На стратегически важном холме Эконом карфагеняне построили крепость, вероятно, для того, чтобы получить здесь опорный пункт, из которого в случае необходимости можно было быстро достичь Акраганта и Гелы, а также вторгнуться во внутренние районы. Из Энома также легче было влиять на положение в Восточной Сицилии, чем из Лилибея. Создание карфагенского предместья доставило Агафоклу большие неудобства. Со всем своим войском он подошел к Эному, чтобы навязать карфагенянам решительное сражение. Однако до боя дело не дошло, так что тирану, которому штурм укреплений не сулил успеха, не оставалось ничего другого, как возвратиться в Сиракузы. Если он дома прославлял себя как победителя, то это потому, что ему было нужно поднять настроение своих людей, да и сам он прескрасно сознавал, что все, что до сих пор разыгрывалось, было лишь увертюрой.

На следующий год (310 г.) карфагеняне решили основательно приняться за дело. В распоряжение полководца Гамилькара, сына Гисгона, был предоставлен первоначально следующий людской и материальный потенциал: 2 тысячи карфагенян, 10 тысяч ливийцев, тысяча этрусских наемников, тысяча балеарских пращников, 130 военных кораблей, большое число транспортных судов, 200 этрусских парных колесниц, предметы вооружения, припасы и деньги. По сравнению с более ранними сицилийскими экспедициями число бойцов было относительно небольшим, но явно с самого начала планировалось призвать и навербовать на Сицилии еще другие отряды.

При переправе во время бури Гамилькар потерял 60 военных кораблей и 200 судов с зерном, а среди солдат, которые взошли на борт, было много видных карфагенян. В скором времени, однако, способному полководцу удалось набрать на местной почве армию приблизительно в 40 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников. Психологическое воздействие этого успеха было значительным.

Агафокл опасался отпадения многих городов и укреплений, и вероятно, не без оснований. Возможно, гелейцы относились к тем, кто намеревался перейти на сторону карфагенян, тем более что они могли рассчитывать на быструю карфагенскую помощь, так как Гамиль-

кар разбил свой лагерь в гелейской области, у Экнома. Чтобы гелейские солдаты и гелейские деньги не достались карфагенянам, Агафокл хитростью овладел городом, убил свыше 4 тысяч гелейцев и завладел всем чеканным и нечеканным драгоценным металлом своих союзников. После этого он оставил город и разбил свой лагерь на левом берегу Гимеры напротив Экнома. Но его атака на лагерь карфагенян в июне 310 г. закончилась ужасным поражением. В бою пало 7 тысяч греков. На стороне карфагенян особенно выделялись балеарские пращники. Но, может быть, решающим стало то счастливое обстоятельство, что во время атаки войск Агафокла высадились новые карфагенские части, и армия тирана большей частью оказалась между двумя жерновами.

После победы при Экноме Гамилькар двинулся к Геле. Агафокл отступил оттуда, чтобы занять карфагенян осадой города и дать возможность сиракузянам собрать урожай. Гамилькар, однако, скоро увидел, что Гелу быстро не завоевать. Поэтому он озаботился тем, чтобы привлечь на свою сторону другие города и укрепления. Это ему удалось, по-видимому, не только благодаря его военному превосходству, но и его дипломатическим способностям. Сицилиоты легко переходили на его сторону: альтернатива в лице Агафокла была весьма незаманлива! Камаринцы, леонтинцы, катанцы, тавроменцы, мессанцы, а также сиккульские абакиненяне и жители многих других городов выступили на его стороне. Наконец, вся Сицилия, кроме самих Сиракуз, находилась в руках карфагенян.

Агафокл был вынужден вернуться в Сиракузы. Так как он считался с возможностью длительной осады, то принял меры, которые, как ему казалось, должны были помочь ее выдержать. Возможно, решающей ошибкой обычно весьма разумного карфагенского полководца Гамилькара стало то, что он не воспрепятствовал возвращению тирана в Сиракузы.

Отвагу и хладнокровие проявил Агафокл, когда он составил и провел в жизнь план, в соответствии с которым он вместе с отборными солдатами переправился в Африку, чтобы нападением на центр противника ослабить давление, которое испытывали Сиракузы. Принимая такое решение, он явно считал, что карфагеняне располагали там только неопытными в войне людьми и африканскими союзниками лишь на случай выхода подчиненных из повиновения. Эти надежды оправдались только частично. Конечно, в своем расчете он учитывал также момент внезапности и богатство страны. Это мероприятие, план которого он держал в полной тайне, было подготовлено рядом

важных мер, целью которых было укрепление верности города, наполнение военной казны и усиление боеспособности армии. Своего брата Антандра он назначил «хранителем города» (Диодор). Он, по возможности, разрушал семьи, причисляя часть их членов к «африканским бойцам». Он уничтожил оппозиционеров. Он завладел владениями сирот, украшениями женщин, имуществом богачей и некоторыми ценными пожертвованиями (по обету). Наконец, он дал свободу боеспособным рабам. Так как карфагеняне 14 августа 310 г. не охраняли вход в гавань Сиракуз, ибо все на своих кораблях вышли навстречу транспортным судам с хлебом, приближавшимся к городу, Агафокл с 60 кораблями вышел из гавани и взял курс на Африку. Карфагенский флот тотчас бросился вдогонку, но сумел увидеть сиракузские корабли только через шесть дней и шесть ночей на рассвете. С трудом Агафокл сумел высадиться у так называемых Каменоломен юго-западнее мыса Бон. Чтобы увеличить готовность солдат к боям и чтобы не нужно было оставлять никаких сил для охраны корабельной стоянки, тиран сжег корабли. И чтобы вдохнуть в солдат, среди которых распространялось малодушие, новую отвагу, он двинулся против «карфагенских» городов Мегалэ Полис (Большой Город) и Левкос Тинес (Белый Тунет, Белый Тунис), захватил их, разграбил и разрушил.

Карфагеняне, информированные через вестников о ходе военных действий на Сицилии, увидели, что им необходимо действовать быстро и решительно. После того как сенаторы выразили свое недовольство всеми капитанами, они избрали равноправными полководцами граждан Ганнона и Бомилькара. Они сделали такой выбор, полагая, что соперничество двух полководцев, семьи которых издавна враждуют друг с другом, необходимо для безопасности города. Применение принципа коллегиальности должно было в зародыше подавить возможные монархические стремления⁴. Для достижения скорого решения не хватало времени, чтобы ждать набора из окружающей территории и союзных городов, и рассчитывать можно было только на силы, находящиеся в самом Карфагене. 40 тысяч пехотинцев и тысячу всадников Ганнон и Бомилькар вывели против врага. Правым флангом, где стоял также «священный отряд», командовал Ганнон, левым — Бомилькар. Перед фалангой были выстроены всадники

⁴ Карфагенская олигархия, боясь тиранических поползновений полководцев, порой прибегала к избранию двух равноправных командующих, несмотря на неразумность такой меры с чисто военной точки зрения.

и колесницы. Эти рода войск должны были начать атаку. Агафокл передал своему сыну Архагату командование 25 тысячами пехотинцев на правом фланге; рядом он поставил 3500 сиракузян, за ними следовали 3 тысячи греческих наемников и, наконец, 3 тысячи самнитов, этрусков и кельтов. Левым флангом командовал сам Агафокл, окруженный своими самыми верными воинами. Против «священного отряда» карфагенян он поставил тысячу гоплитов. Пятьсот лучников и пращников он распределил по обоим флангам.

Сражение шло обычным ходом до того момента, пока не погиб Ганнон. Его смерть стала поворотным пунктом прежде всего потому, что оставшийся без коллеги Бомилькар оказался не в состоянии отдавать требуемые приказы. До сих пор упорядоченное отступление части фланга, которым командовал Бомилькар, скоро превратилось в беспорядочное бегство, которое завершилось даже не в лагере, а в самом городе. Потери были сравнительно небольшие. С карфагенской стороны погибло не более тысячи человек, с греческой — около двухсот.

Понятно, что воздействие поражения на внутренние отношения в самом Карфагене было весьма значительным. Примечательно, что первые последствия выявились в религиозной сфере. Новые религиозные чувства проявились в возвращении к формам древней карфагенской религиозности. В первую очередь было решено направить, как это было раньше, деньги и священные дары богу Мелькарту в Тир, что давно уже не делалось для бога метрополии, ввести десятину на все государственные доходы и присоединить к этому, несмотря на выросшие расходы, другие не менее значительные знаки благочестия. Также и другие боги Тира могли рассчитывать на новую приверженность к ним карфагенян. Копии золотых божественных часовен карфагенских храмов должны были быть выставлены в тирских святилищах, чтобы верующие могли остановиться перед ними и помолиться о благополучии дочернего города. Но прежде всего необходимо было вновь помириться с Баал-Хамоном. Комиссия рассмотрела жертвенную практику, связанную с культом этого бога, и пришла к выводу, едва ли для кого-либо неожиданному, что в прошлом для жертвы богу иногда подсовывали детей. Поэтому теперь 200 детей из самых первых семей должны были быть убиты во славу бога. Многие семьи, которых ранее подозревали в том, что они при своих жертвоприношениях обманывали бога, заявили, что они добровольно подчиняются воле бога, и более 300 детей были вынуждены умереть. Все эти меры должны были служить восстановлению

«нарушенного ранее почитания богов» (Диодор). За это обещалось спасение и благополучие города.

Но наряду с богами и Гамилькар должен был прийти на помощь. Карфагенская депутация просила генерала, командовавшего на Сицилии, поспешить на помощь городу, которому угрожала смертельная опасность. Гамилькар приказал согражданам, прибывшим к нему, утаить поражение и от врагов, и от друзей. Некоторых из них он послал в Сиракузы, чтобы они потребовали от сиракузян сдачи города, говоря, что «африканские воины» якобы погибли и их корабли сожжены. В качестве доказательства он предъявил корабельные носы из флота Агафокла, которые карфагеняне захватили и принесли в лагерь Гамилькара. «Начальники» (Диодор), т. е., по-видимому, Антандр, все же словам послов не поверили и немедленно отослали их назад. Через некоторое время они созвали народное собрание, на котором обсудили создавшееся положение. На нем некий Диогнет, про которого его враги говорили, что он подкуплен Гамилькаром и изгнанниками, высказал мнение, что город надо сдать карфагенянам. Его слушатели были ошеломлены. Хотя он, имея такое мнение, конечно, не победил, но, во всяком случае, сумел показать, что не только большая часть сиракузских олигархов, но и часть сиракузского демоса была не готова к тотальной конфронтации с Карфагеном. Возможно, именно это народное собрание дало Антандру повод действовать энергично. Чтобы у осажденных не возникло чувство усталости от войны, он изгнал из города действительных и предполагаемых оппозиционеров, а это не менее 8 тысяч сиракузян. Гамилькар принял изгнанных. Карфагенский генерал решил теперь форсировать осаду, считая необходимым использовать достигнутое психологическое и военное преимущество. Но перед этим он снова направил в Сиракузы послов, гарантировавших Антандру и его сторонникам личную безопасность, если они сдадут город. На состоявшемся вслед за тем военном совете Антандр заявил, что он готов сдать город, но предводитель наемников этолиец Эримнон предложил подождать известий о том, что же действительно произошло в Африке.

Гамилькар уже занимался последними приготовлениями к штурму города, когда в Сиракузы вошло тридцативесельное судно Агафокла и принесло известие о победе тирана. Это был тяжелый удар по «карфагенскому делу»!

По всей вероятности, Гамилькар до сих пор не посылал в Карфаген никаких войск, так как надеялся вернуться на родину победителем Сиракуз во главе всей своей армии. Поскольку эта надежда, по край-

ней мере на время, была утрачена, он теперь отправил в Северную Африку 5 тысяч человек.

Здесь господином сельской округи был Агафокл. Он силой захватил укрепленные места вблизи Карфагена, а также подчинил себе несколько городов, часть которых сдалась ему из страха, а часть — из-за своей антикарфагенской позиции. После того как он разбил свой лагерь у Тунета, завистливого ливийского соседа Карфагена, он двинулся на завоевание городов, лежащих на восточном побережье Туниса. Он захватил Неаполь, привлек, наконец, на свою сторону Гадрумет и, кроме того, сделал своим союзником ливийского династа Элимаса. После взятия штурмом Тапса и остальные прибрежные города попали в его руки. Одни города он захватил, с другими заключил соглашения. Прибрежные города, большей частью населенные ливо-финикийцами, совершенно не намеревались просто открывать греку свои ворота.

После завоевания прибрежной области Агафокл двинулся во внутренние районы. Очевидно, он хотел иметь за своей спиной мирный тыл, прежде чем он приступит к подчинению карфагенского хинтерланда. Только после завоевания и этой области, и это он явно уже предвидел в своем плане, он должен был нанести решительный удар по Карфагену, центру враждебной державы.

Когда Агафокл уже находился на пути во внутренние районы, карфагеняне, которые получили подкрепление в виде войск, возвращенных Гамилькараром, перешли в контрнаступление. Они осадили Тунет и сумели вернуть значительное число укрепленных местностей. Кроме того, они захватили и укрепили холм, находившийся напротив Белого Тунета; из этого безопасного пункта можно было существенно нарушить, если вообще не разрушить, связи между опорным пунктом Агафокла в Тунете и его войсками на восточном побережье. И наконец, они разделили войска, стоявшие в Африке: в то время как часть войск оставалась около Белого Тунета, другая двинулась в более возвышенные области, чтобы вновь привлечь на свою сторону союзников, перешедших к Агафоклу. И они этого добились, хотя и не полностью. Стремлением карфагенского руководства, очевидно, было не допустить соединения частей Агафокла, находившихся около Тунета или в нем самом, с армией, действовавшей в Восточном Тунисе, чтобы затем, после нового присоединения союзных сил, иметь возможность нанести два отдельных удара против центров вражеских сил.

Когда Агафокл узнал об успехах карфагенян, он изменил свой маршрут и выступил против врага. Его войска напали на застигнутых врасплох карфагенских фуражиров, убили свыше двух тысяч человек

и захватили много пленных. Карфагенское контрнаступление было остановлено. Во всяком случае, Агафокл должен был убедиться, что нельзя слишком уж рассчитывать на верность приобретенных им союзников; например, династ ливийцев Элимас отпал от него. Сиракузянин все же сумел в сражении, в котором погибли Элимас и многие ливийцы, снова компенсировать тот ущерб, который был ему нанесен.

На Сицилии в 309 г. неожиданно произошел поворотный момент. Гамилькар решил на общее нападение на Сиракузы. Приблизительно со 120 тысячами пехотинцев и 5 тысячами всадников, которыми командовал Динократ, он двинулся на город. Однако эта атака завершилась полным фиаско. Гамилькар был взят в плен, обесчещен и казнен. Разбитые войска собрались только на следующий день после неудачной атаки. В отношении виновника поражения начались острые споры между «карфагенской» и греческой частями армии, следствием чего стало то, что военные силы противников Агафокла, оперирующие на Сицилии, в будущем никогда больше не вставали под единое командование. Карфагенские войска доверили руководство армией карфагенским офицерам, составившим коллегию, греческие войска избрали полководцем Динократа. А Атандр завершил эту главу карфагено-сиракузских столкновений тем, что отрубил мертвому Гамилькару голову и переслал ее Агафоклу в Африку.

Поражение карфагенян спровоцировало нового осмысление ситуации в греческих городах Сицилии. Но это осмысление вело не к попытке объединить все греческие силы в борьбе против пунического «наследственного врага», а к попытке создания нового гегемона. Так как Сиракузы все еще находились в осаде, Акрагант увидел в сложившейся обстановке шанс заменить старого соперника собой в качестве ведущего государства. Звезды ему благоприятствовали. Сиракузяне, которые уже до этого в результате внутриполитической борьбы потеряли значительную часть своей сущности, были значительно ослаблены долговременной осадой. Динократ, глава пестрой толпы изгнанников, серьезно их не опасался. Карфагеняне, действовавшие на Сицилии, потерпели недвусмысленное поражение и поэтому потеряли большую часть своей боеспособности. Карфагеняне, сражавшиеся в Африке, казалось, стали добычей Агафокла. Но в первую очередь надо было ожидать, что города Сицилии, особенно греческие города, с радостью последуют за призывом «свободы!», поскольку они отвергают карфагенскую опеку. Так,

во всяком случае, считали ведущие акрагантские политики, которые свое мнение обратили в решение акрагантинцев. Они поручили Ксенодику руководство «освободительной» войной. Прежде всего Ксенодик «освободил» гелейцев; прокарфагенская группировка города была предположительно выведена из игры. Гелейцы заявили, что они готовы поддержать предприятие Ксенодика. Их шаг стал искрой, зажегшей пожар. Во многих частях острова начали собираться силы, которые не желали ни сиракузской, ни карфагенской гегемонии. Геннейцы присоединились к Ксенодику. Гербессины успешно сражались на его стороне против карфагенского гарнизона, стоявшего в их городе.

Приблизительно в это же время часть сиракузских солдат вырвалась из города, завладела крепостью Эхетлой и опустошила камаринскую область. Кажется, что эта вылазка не только была вызвана голодом, но и представляла собой черновик политической демонстрации. В дело вмешался Ксенодик. Он привлек названные города на сторону своей политики и захватил также Эхетлу. Во многих городах и местностях карфагенские функционеры были вынуждены очистить поле битвы.

Известие о поражении и смерти Гамилькара сначала окрылило солдат Агафокла, но скоро оказалось, что ни офицерский корпус, ни рядовая масса не были сплочены вокруг своего полководца. Поводом к открытому мятежу стало убийство Архагатом, сыном Агафокла, высокопоставленного офицера Ликиска. Этот случай, который произошел на пирушке, сразу же выявил то недовольство и напряжение, которые господствовали в армии Агафокла. Войсковое собрание потребовало смерти Архагата (явно как эрзац смерти самого Агафокла). Кроме того, солдаты потребовали выплаты задерживаемых денег, избрали новых полководцев и, наконец, в Тунете (там Агафокл, по видимому, разместил главную квартиру) взяли под стражу «обоих династов» (Диодор). Карфагеняне попытались использовать благоприятный момент. Они уже нашли многих офицеров греческой армии, которые были готовы организовать ее переход к карфагенянам. В этой крайне опасной ситуации Агафокл все поставил на карту. Он с успехом разыграл сцену с добровольной отставкой, как это он сделал в сиракузском народном собрании перед принятием им функций «полномочного полководца». И он снова привлек симпатии солдат. Чтобы укрепить дисциплину своих войск и использовать военную ситуацию, Агафокл двинулся против ошеломленных таким поворотом карфагенских сил. В этом сражении погибло много карфагенян. Небольшим

утешением стало то, что свыше двухсот оппонентов Агафокла перешло на сторону карфагенян.

Предположительно еще в 309 г. (Диодор датирует это событие 308–307 гг.) карфагеняне сделали попытку, предприняв новое наступление, переломить ситуацию. Они планировали с помощью военного давления образумить отпавших нумидийцев. Агафокл явно угадал их замысел. Он оставил часть своих войск под командованием Архагата у Тунета, а сам с восемью тысячами пехотинцев, восьмьюстами всадников и 50 ливийскими колесницами последовал за карфагенской армией. Хотя карфагеняне в области нумидийских цуфонов имели частичный успех, но они, как кажется, потерпели полное поражение от войск Агафокла. На их стороне особенно отличились греческие всадники, находившиеся под командованием некоего Клинона; большая часть их погибла. Но карфагенский лагерь взять Агафоклу все же не удалось.

До сих пор ни одной стороне, сражающейся в Африке, не удалось добиться решающего прорыва. Привел ли к перелому ввод в действие новых сил? Думали ли об этом карфагеняне, мы не знаем. А то, что Агафокл предпринял такую попытку, нам известно. Так как по разным причинам подкреплений из Сицилии нельзя было ожидать, тиран пришел к мысли заключить антикарфагенский пакт с Офеллом, птолемеевским правителем Кирены. Он послал в Кирену сиракузянина Ортона, который сумел заманить Офелла перспективой господства над Северной Африкой. Большое значение имели афинские связи Офелла. Очень многие афиняне, а также и другие греки заявили, что они готовы присоединиться к Офеллу в его походе на золотой Запад. Они надеялись на получение плодородной земли и доли из богатого карфагенского пирога.

Когда Офелл, в определенной степени последователь западных планов Александра, покинул Кирену, за ним последовало более 10 тысяч пехотинцев, 600 всадников, 100 боевых колесниц, 300 возничих и колесничих бойцов и 10 тысяч невоюющих, которые часто вели с собой всю свою семью, так что этот поход был похож на переселение. После чрезвычайно тяжелого похода⁵, продолжавшегося больше двух месяцев, Офелл прибыл к Агафоклу. Но Агафокл приказал своим солдатам напасть и убить ничего не подозревающего союзника. Может быть, он с самого начала намеревался использовать Офелла

⁵ Поход проходил по пустынным землям Северной Африки, отделявшим основную территорию Карфагена от Киренаики.

только для пополнения своих войск. Оставшаяся без командования «киренская» армия присоединилась к тирану, который благодаря этому существенно увеличил свой военный потенциал.

Угроза для Карфагена еще более возросла. В городе, как кажется, распространились самые различные взгляды на то, каким образом можно этой угрозе противостоять. Бомилькар, который все еще занимал должность полководца, очевидно, придерживался мнения, что олигархический режим не в состоянии решить возникшие проблемы. Опираясь на скромную силу из 500 карфагенян и тысячи наемников, он попытался произвести государственный переворот, который должен был предоставить ему такое положение, какое греки обычно описывали словом «тирания». Попытка завершилась быстро. Бомилькар вопреки данной ему клятве был обесчещен и убит. Старый режим укрепился еще больше, чем раньше.

Агафокл, очевидно, выполнял свой план полной изоляции Карфагена, чтобы принудить его если не капитулировать, то отказаться от своей сицилийской политики. Поэтому, когда в 307 г. он получил известие, что Утика от него отпала, он действовал быстро. Он продвинулся в окрестности города, захватил приблизительно 300 видных утикийцев и использовал их в качестве живого щита при осаде города. Несмотря на отчаянное сопротивление утикийцев, которые при отражении вражеских атак были даже вынуждены убивать своих сограждан, через короткое время Агафокл взял город. Он поступил с ним жестоко. Чтобы расширить свои владения, он напал на Гиппон Акру. Так как этот город не собирался сдаваться, он его осадил и после победоносного морского сражения захватил. Теперь область, находившаяся в его власти, распространялась вдоль побережья, включая Карфаген, от Кап Бланк (Белого мыса) до Малого Сирта, а во внутренних районах он господствовал над областями ливийцев и частично нумидийцев.

Однако, поскольку вести, приходившие с Сицилии, постоянно были неблагоприятными, Агафокл счел необходимым лично вмешаться в дела на острове. Чтобы не поставить на карту позиции, завоеванные им в Африке, он оставил там большую часть армии под командованием Архагата, а сам только с двумя тысячами солдат отплыл на Сицилию. Там акрагантиец Ксенодик, выдвигая лозунг автономии, действовал весьма успешно. Но и сторонники Агафокла после поражения Гамилькара добились некоторых успехов, отвоевав несколько укреплений. Генералы Агафокла Лептин и Демофил даже осмелились покинуть Сиракузы и дать сражение Ксенодику. На стороне генералов

Агафокла сражалось 8200 пехотинцев и 1200 всадников, на стороне Ксенодика — свыше десяти тысяч пехотинцев и почти тысяча всадников. И войска Агафокла победили! Ксенодик бежал в Акрагант, и все мечты об «автономии на всем острове» (Диодор) развеялись. Это сражение произошло еще до того, как Агафокл высадился в районе Селинунта. Он, кажется, скоро присоединил к себе победоносные войска Лептина и Демофила. Теперь сицилийская ситуация могла быть урегулирована по его вкусу. Прежде всего он принудил гераклеотов, которые свергли карфагенское господство, выступить на его стороне. Затем, поскольку он не решился вести войска на южное побережье, контролируемое Акрагантом и Гелой, он двинулся вверх по Ликосу на северный берег острова. Там путем договора он склонил на свою сторону фермитов, в городе которых стоял карфагенский гарнизон. Затем, явно обойдя Гимеру, он подошел к Кефаледию. Так как город ему ворота не открыл, он его взял силой. Лептин остался как «хранитель» (Диодор), а лучше сказать — как комендант стоянки. Следующая цель находилась во внутренней части острова — Кенторипа. Однако взять этот город, который должен был пасть в результате предательства, ему не удалось. И Аполлония тоже должна была пасть в результате предательства, и также предательство не достигло своей цели. Он взял город силой, и при этом с большими потерями. Поэтому он многих аполлонитов уничтожил и разграбил их владения. В короткое время Агафокл завладел по крайней мере четырьмя опорными пунктами: на южном побережье — Гераклеей, на северном — Фермой, Кефаледием и Аполлонией.

Эти успехи Агафокла привели к тому, что его противники из всех уголков Сицилии присоединились к единственному человеку, который, казалось, только и может помешать окончательной победе тирана, — Динократу. Динократ, воздержавшийся от участия в действиях Ксенодика, собрал под знаменем свободы боеспособную армию почти из 20 тысяч пехотинцев и 1500 всадников. Так как в распоряжении Агафокла сил было меньше, он уклонился от борьбы. Исход почти нечеловеческого матча за господство над Сицилией, казалось, снова стал открытым.

В Африке тоже дела развивались не в пользу Агафокла. Правда, Евмах, один из офицеров Архагата, добился некоторых успехов во время похода во внутренние районы страны. Однако эти успехи свелись скорее к получению добычи, чем к приобретению военных преимуществ. Токи, Феллина, Месхела, Гиппон Акра и Акрида были стоянками во время этого похода. Все эти города пришлось захватывать

силой, и это ясно показывает, какое настроение господствовало в стране. А когда Евмах прошел еще дальше в глубь страны, стало ясно, что все это предприятие неудачно. При попытке захватить город Мильтину Евмах потерпел поражение и потерял значительную часть своих войск, хотя после преодоления горной цепи он сумел захватить один из трех городов, называемых Питекуссами (= города обезьян), но два других оказали ему упорное сопротивление, и он счел необходимым быстро покинуть негостеприимную область, ибо враги собрали значительные воинские силы. Он вернулся к Архагату, квартира которого, как и раньше, располагалась в Тунете.

Приблизительно в это время карфагенские сенаторы приняли решение перейти в генеральное наступление. Карфагенские части, всего 30 тысяч человек, должны были из Карфагена двинуться одновременно в прибрежный регион, на возвышенность и во внутренние районы, чтобы заставить Архагата разделить свои силы. Карфагеняне надеялись, что разъединенные силы врага победить легче, чем объединенные. Одной армией командовал Адгербал, другой — Ганнон и третьей — Гимилькон. Расчет карфагенян оказался верным. Они почти без особых стараний сумели вернуть большую часть страны, не в последнюю очередь потому, что союзники снова доверились энергичному командованию наступлением. Архагат тоже разделил свое войско. Армейской группировкой, что должна была держаться на побережье, командовал сам Архагат; группировка, которая должна была сражаться во внутренних районах, была поставлена под командование Эсхриона; части, оперировавшие в горной области, возглавил Евмах, который уже имел некоторый опыт действий в этом секторе. Вскоре карфагеняне добились успеха. Войска Ганнона нанесли тяжелое поражение Эсхриону: свыше четырех тысяч пехотинцев и около 200 всадников, включая самого Эсхриона, были убиты, многие солдаты попали в плен, а остальные бежали к армейской группировке Архагата. Еще хуже обстояло дело с войсками Евмаха. Из восьми тысяч пехотинцев только тридцать и из восьмисот всадников только сорок сохранили свою жизнь. При известиях об этих поражениях Архагат срочно возвратился в Тунет и запросил у отца прислать новые войска.

Греки оказались в совершенно стесненном положении. Почти все союзники отпали от них, и сами они из осаждающих превратились в осажденных. Гимилькон северо-западнее Тунета удерживал подходы к внутренним районам, а Адгербал контролировал местности юго-восточнее Тунета. Архагат оказался в ловушке.

На Сицилии положение Агафокла ухудшилось, ибо Динократ сумел значительно укрепить свои позиции. Все же тиран решил с небольшим флотом из 17 боевых кораблей отправиться в Африку, чтобы помочь Архагату. Командование на Сицилии он передал Лептину. В это время произошел неожиданный, по крайней мере для карфагенян, поворот событий: в дни подготовки новой экспедиции в Сиракузы вошли 18 кораблей союзных этрусков — доказательство возникновения новой политической комбинации. С их помощью Агафокл сумел одержать победу над карфагенским флотом из 30 кораблей, стоявших перед городом. Карфагеняне потеряли своего адмирала, имя которого нам неизвестно, и пять кораблей с экипажами; остальные 25 были вынуждены отплыть в одну из гаваней карфагенской эпикратии.

В Африке карфагеняне за это время, хотя и не достигли значительно прогресса в чисто военной сфере, смогли подорвать мораль войск Архагата. Поэтому Агафокл, переправившийся в Африку, считал первоочередной задачей одержать какой-либо военный успех и этим вернуть войскам уверенность в себе. Думается, что это было трудным делом, ибо в его распоряжении было только войско из шести тысяч греческих пехотинцев, шести тысяч самнитских, этрусских и кельтских пехотинцев и 1500 всадников, не говоря о почти десяти тысячах ливийцев, которых рассматривали как ненадежных новобранцев.

Карфагеняне полагались прежде всего на фактор времени и не хотели вступать в бой с «людьми, которые сомневались в своем спасении» (Диодор). Но через некоторое время им пришлось изменить свое мнение, поскольку Агафокл приступил к штурму их лагеря. Сражение закончилось чувствительным поражением Агафокла, который потерял около трех тысяч человек.

Теперь Агафокл увидел, что он не в состоянии продолжать войну в Африке, тем более что его покинули последние ливийские союзники. Найти приемлемое дипломатическое решение ему казалось безнадежным, поскольку он, если мы поверим Диодору, был убежден, что карфагеняне будут сражаться до полного уничтожения его военных сил. Лучше всего было бы переправить остатки своих войск на Сицилию, но для этого у него не было кораблей. Поэтому он решил оставить армию в Африке, а самому лишь вместе с самыми верными ему людьми, среди которых был и его младший сын Гераклид, отплыть на Сицилию. И, несмотря на время захода Плеяд в зимний период, ему это удалось, но, правда, ему пришлось оставить Гераклида.

Когда об этом узнали в лагере, расшвырявшие солдаты напали на сыновей Агафокла и убили их. После этого они избрали новых командиров, которые вступили в переговоры с карфагенянами. Условия соглашения были следующие: 1) занятые города должны быть переданы карфагенянам; 2) войска Агафокла получают 300 талантов; 3) желающие перейти на службу к карфагенянам, будут приняты в карфагенскую армию с получением обычной платы; 4) не желающие собираются в Солунте как в месте их пребывания. Из условий этого договора ясно видно, что карфагеняне прежде всего стремились не допустить, чтобы войска, которые до сих пор сражались в Африке на стороне Сиракуз, снова оказались в распоряжении Агафокла. Не в последнюю очередь поэтому они пошли навстречу побежденным. Сверх того, они надеялись, что такое великодушное поведение окажет позитивное воздействие на общественное мнение прежде всего сицилийских греков. Несмотря на достигнутое соглашение, имелись еще некоторые греческие коменданты городов, которые, будучи уверенными в помощи Агафокла, не передали свои города карфагенянам. В ответ карфагеняне взяли эти города силой, распяли их комендантов и принудили пленников работать над восстановлением страны.

Агафокл не был готов вступить в мирные переговоры с карфагенянами. Наоборот! Он искал новые источники поступления денег, чтобы создать необходимые предпосылки для продолжения войны с Карфагеном. Первой прискорбной жертвой его планов стал союзный город Сегеста. Жители города были вынуждены передать все свое имущество тирану, который явно не остановился перед применением пыток, порабощением молодых женщин и детей и убийством союзников. И в других городах территории, находившейся под его властью, он приобретал деньги. Кроме того, он занимал эти города своими гарнизонами, так как, помня уроки своей африканской неудачи, он учитывал возможность их отпадения. Действительно, Пасфил, один из его офицеров, перешел на сторону Динократа. Удар был особенно чувствительным для Агафокла, ибо он вместе с Пасфилом потерял некоторое число городов и часть войска. Теперь тиран начал сомневаться в осуществимости своих планов. Он вступил в переговоры с Динократом и заявил, что готов отказаться от своего монархического положения, вернуть Сиракузы сиракузянам, отменить изгнание Динократа, если ему оставят власть над его родным городом Ферма и над Кефаледием. Однако Динократ затянул обсуждение, так что Агафокл, уже не рассчитывая на достижение договора, эти переговоры прервал.

Фаза депрессии вскоре сменилась фазой решительного действия. Агафокл понял, что в настоящий момент он не в состоянии вести войну на два фронта. Поэтому он направил в Карфаген послов, которые должны были вести мирные переговоры. Мирный договор был заключен в 306 г. на следующих условиях: 1) карфагеняне сохраняют власть над всеми городами Сицилии, которые ранее находились в их власти; 2) карфагеняне уплачивают Агафоклу золото ценой в 300 (карфагенских) талантов и, кроме того, дают ему зерно в количестве 200 тысяч четвериков. Таким образом, граница карфагенской эпикартии снова прошла по реке Галик. Гераклея Миноя тоже стала карфагенской.

Хотя война против Агафокла и не привела к территориальным потерям Карфагена, все же, как кажется, его политический вес по сравнению с довоенным временем стал меньше.

В последующие годы Агафокл сосредоточил внимание на своих интересах на Сицилии, в Южной Италии и Ионийском море. Карфагеняне, которые не желали новых столкновений с царем, а так Агафокл стал называть себя с 304 г.⁶, поддерживали с ним мирные отношения. Как долго сохранялось это состояние упорядоченных соседских связей, мы не знаем. Но возможно, что около 295 г., а в это время он женился на птолемеевской принцессе Феоксене, он снова стал подготавливать антикарфагенские планы. Во всяком случае, в последние годы (он умер в 289 г.) он стал вооружаться для нового грандиозного похода против Карфагена. Он построил флот из 200 триер и гексер. По-видимому, он извлек уроки из ошибок своей прежней африканской экспедиции и на этот раз хотел поставить Карфаген на колени, блокировать его не только с суши, но и с моря. Его смерть избавила Карфаген от нового, угрожающего самому его существованию, столкновения с сицилийскими греками.

⁶ Агафокл последовал примеру диадохов, бывших генералов Александра, которые незадолго до этого тоже провозгласили себя царями.

22. ТАК НАЗЫВАЕМЫЙ ФИЛИНОВ ДОГОВОР

Полибий, который, как и многие другие, живо интересовался проблемами, связанными с первыми двумя карфагено-римскими войнами, был убежден, что вина за начало этих войн лежит не на римской, а на карфагенской стороне¹. В этом убеждении ему мешало сообщение о заключении карфагено-римского договора, которое он нашел в произведении историка Филина из Акраганта. Это сообщение показывало вопрос о вине, насколько это касалось I Римской войны, в новом свете. Полибий стоял перед необходимостью или пересмотреть в этом решающем пункте свою картину истории, или элиминировать сообщение акрагантинца. Он пошел по второму пути.

Зерно этого договора, упомянутого Филином (мы предполагаем, что он все же существовал) состоит в обещании римлян не предпринимать ни политических, ни военных действий на Сицилии и в обязательстве карфагенян не вмешиваться в дела Италии. Договор, следовательно, имел своей целью в первую очередь разграничение сфер влияния. Новым по сравнению с прежними договорами было то, что теперь и Восточная Сицилия включалась в область, которую мог контролировать Карфаген. Договор, конечно, содержал и другие условия, но об этих условиях нет никаких сообщений.

В отличие от Полибия большая часть современных историков считает, что договор, о котором сейчас идет речь, не являлся фантазией Филина. Это мнение опирается не только на то, что во многих пунктах Полибий не считается со своим предшественником Филином, но и, что еще важнее, на данные других античных текстов. Ливий для 272 г. пишет: «Карфагенский флот пришел на помощь тарентинцам. Таким образом действий был нарушен договор». Отмеченное нарушение договора однозначно указывает на так называемый Филинов договор. В другом месте Ливий сообщает, что Ганнон, один из противников Ганнибала, перед началом II Римской войны говорил:

¹ Это не совсем так. Полибий пытался оценить вопрос о виновнике войн беспристрастно, приводя доводы и в пользу карфагенян тоже.

«От Тарента, т. е. от Италии, мы держались в стороне, хотя к этому нас обязывал договор». Из этих двух мест ясно видно, что по крайней мере часть предания, использованного Ливием, была показана, что договор, который запрещал карфагенянам вмешиваться в дела Италии, существовал. Если такой договор существовал, то это так называемый Филинов договор, в чем нет никаких сомнений. Еще одним сообщением мы обязаны Сервию, ученойшему комментатору «Энеиды» Вергилия. Сервий пишет: «...В договоре предусматривалось, что ни римляне к берегам Карфагена, ни карфагеняне к берегам римлян не пристаю́т». Едва ли можно сомневаться, что под берегами Карфагена подразумевалась Сицилия как область карфагенских интересов, и, следовательно, это сообщение надо связать с так называемым Филиновым договором. Если Полибий нашел в эрарии римских эдилов тексты только трех договоров, этот аргумент не может противоречить существованию Филинова договора. Можно принять много соображений для разъяснения такого положения, если только отсутствие текста договора вообще было фактом. Иногда, например, высказывается мнение, что так называемый Филинов договор был секретным соглашением, а текст секретного соглашения, естественно, не писался на медных досках. Но все же, кажется, в этом случае разумнее не оставаться на поле гипотез, а оставить вопрос о том, каким образом так называемый Филинов договор передан, открытым.

Ливий датирует третье возобновление карфагено-римских соглашений 306 г.: «И с карфагенянами в этом году был третий раз обновлен договор». Следовательно, так называемый Филинов договор был заключен в 306 г. Против этого само собой разумеющегося решения некоторые специалисты выдвигают возражение, что в такое столь раннее время Рим еще не мог рассматривать Италию как область своих интересов: ведь тогда самниты еще не были окончательно побеждены, а тарентинский конфликт еще и не появлялся на горизонте. Эта аргументация, по моему мнению, не учитывает манеру ведения карфагенянами своей договорной политики. Карфагеняне часто включали в свои договоры пункты, которые в тот момент не были актуальны, но которые могли играть роль в будущем. Достаточно в этой связи вспомнить, что во втором карфагено-римском договоре римлянам были запрещены пиратство, или торговая деятельность, или основание городов юго-западнее Мاستни. В 348 г. римляне, конечно, и не думали делать что-либо подобное, но этот пункт был все же включен в договор. Он был включен потому, что карфагеняне хотели по возможности исключить любые случайности.

Поэтому нет серьезных затруднений датировать так называемый Филинов договор 306 г. То, что этот договор, во всяком случае, относится к периоду после заключения договоров 348 и 343 гг., вытекает уже из того, что в нем в качестве сферы римских интересов называется уже не Лация, а Италия.

Историческая классификация договора вызывает трудности. Но можно, пожалуй, указать на некоторые факты, которые позволяют помочь разъяснить вопрос, почему карфагено-римские отношения именно тогда потребовали нового договорного урегулирования. В 306 г. ужасная война между карфагенянами и сиракузским тираном Агафоклом завершилась заключением мирного договора. Хотя война, кажется, не привела к территориальным потерям Карфагена, его политический вес по сравнению с довоенным временем уменьшился. Все же Агафокл в следующие годы не мог осмелиться затеять новый спор с Карфагеном. Поэтому он сконцентрировал свои интересы на отношениях в некарфагенской части Сицилии, в Южной Италии и Ионийском море. В этих обстоятельствах, как кажется, вполне понятно стремление карфагенян поставить свою сицилийскую политику на почву, урегулированную договором. Они хотели свою власть на Сицилии, которую они с таким трудом спасли, защитить от всякой возможной агрессии. Дать римлянам в качестве вознаграждения обязательство не вмешиваться военными силами в дела Италии им было нетрудно, потому что они еще никогда в отношении итальянских государств не проводили экспансионистской политики.

23. ОТНОШЕНИЯ С ГРЕКАМИ ВО ВРЕМЕНА ПИРРА

Когда карфагеняне в конце 90-х гг. услышали о последних планах Агафокла, их охватило глубокое беспокойство. Казалось, что мирные годы подошли к концу. Хотя смерть тирана¹ остановила начало тотальной конфронтации, далеко не все проблемы карфагено-сицилийских отношений были решены. Карфагеняне, надеявшиеся в зависимости от развития военных событий в восточной части острова обеспечить большую безопасность для сохранения своих интересов, все более втягивались в греко-греческие столкновения, пока наконец в результате действий эпирского царя Пирра не были прижаты к своему опорному пункту Лилибею и не очутились перед опасностью потерять все свои сицилийские позиции.

В новую борьбу карфагеняне были, очевидно, вовлечены сегестинцем Меноном, который убил внука Агафокла Архагата и сразу после этого принял на себя командование сиракузской армией, стоявшей у Этны. Когда сиракузяне вывели в поле новые войска под командованием Гикета, он стал маневрировать, уклоняясь от решительного сражения, чтобы не поставить все на карту, и в ожидании карфагенских войск, которые он призвал на помощь. То, что сегестинец поддерживал хорошие контакты с карфагенскими политиками, а эти контакты были направлены во вред сиракузянам, в основном объясняется наследственной ненавистью, которую он питал к врагам своей родины. Карфагеняне, кажется, увидели в призыве Менона шанс положить конец всем реваншистским стремлениям сиракузян. Военные действия между войсками карфагенян и Менона, с одной стороны, и войсками Гикета — с другой, по-видимому, не были особенно масштабными. Сиракузяне вскоре убедились в военном превосходстве противника и попросили о прекращении этих действий. Карфагеняне согласились, но потребовали выдачи 400 заложников и возвращения изгнанников, разумеется преимущественно олигархически настроенных, которые до сей поры жили в Карфагене и карфагенской эпикратии. К сожалению, нет сведений о том, что исполнение таких

¹ Агафокл к этому времени был не тираном, а царем.

обязательств сиракузами заложники должны были гарантировать своей жизнью. Но можно предположить, что сиракузяне обязывались прекратить любые наступательные действия против карфагенян и их союзников и отказаться от мести войскам Менона. От репатриированных сиракузских изгнанников карфагеняне ожидали продолжения прокарфагенской политики. Разумеется, карфагенские позиции на Сицилии после этих столкновений стали значительно сильнее.

Причины, которые через некоторое время привели к новым карфагено-сиракузским столкновениям, неизвестны. Карфагеняне, однако, едва ли имели в это время намерение установить свой прямой контроль над греческой частью острова. Может быть, некоторые греческие города или группировки просили их об интервенции. Самыми важными участниками греко-греческих войн были в это время тираны Сиракуз и Акраганта Гикет и Финтий. Но кажется, что карфагеняне в то время, когда Гикет победил Финтия у Гиблы (Герей?), еще не вступили в войну. Однако через некоторое время они уже противостояли сиракузянам у реки Терии и одержали там недвусмысленную победу. Конечно, из самого факта сражения у Терии невозможно сделать вывод, кем был или были союзник или союзники Карфагна. Но, во всяком случае, существует возможность, что союзниками карфагенян являлись мамертинцы².

Сиракузы в эти годы были не в состоянии ликвидировать влияние Карфагена на Сицилию. Поэтому им была нужна более сильная держава. Только когда на Сицилии появился эпирский царь Пирр, положение начало меняться.

По вопросу, какие цели Пирр до своего отправления с Балканского полуострова намеревался реализовать на Западе, ученые спорят. Хотя некоторые античные авторы сообщают, что Пирр с самого начала хотел распространить свою власть не только на большую часть Италии, но и на Сицилию и даже карфагенскую Африку, обстоятельства говорят о том, что Пирр в отношении Сицилии не проявил инициативы, что, когда он вступил на итальянскую землю, у него не было еще разработанной концепции под заголовком «Сицилия и Африка».

Хотя Пирр во время римско-тарентинской войны³ одержал победы над римлянами при Геракле (280 г.) и Аускуле (279 г.), итальянские проблемы не были разрешены в смысле, благоприятном ни для него

² Мамертинцы — бывшие итальянские наемники Агафокла. О них подробнее в начале главы 24.

³ Пирр, который считался одним из наиболее способных полководцев того времени, был приглашен греками из Тарента помочь им в начавшейся войне с Римом.

самого, ни для его италийских союзников. В такой ситуации к Пирру прибыли послы сиракузских тиранов Фенона и Сосистрата, которые просили его вмешаться в дела на Сицилии в пользу сиракузян. Они оба из-за давления, какое оказывали на Сиракузы мамертинцы, оставили свое соперничество и согласились просить о вмешательстве зятя и супруга невестки Агафокла⁴. И Пирр в конце концов согласился.

Как только карфагеняне узнали о цели посольства сиракузских тиранов, они развернули интенсивную дипломатическую и военную деятельность, ибо они понимали, что Пирр в случае его появления на Сицилии не ограничится устранением мамертинской опасности, но сделает все возможное, чтобы уменьшить или вовсе уничтожить карфагенское влияние, в это время преобладавшее на острове. Поэтому они в 279–278 гг. заключили союзы с мамертинцами, будущими противниками Пирра, и римлянами, которые уже являлись его противниками. Договор, заключенный между карфагенянами и римлянами, в частности, предусматривал следующие положения: 1) как карфагеняне, так и римляне имели право заключить письменный договор с Пирром; 2) если одна из сторон заключает письменный договор с Пирром или обе стороны заключают письменный договор с Пирром, то этот договор или эти договоры должны предусматривать, что в случае нападения на область одного из двух (нынешних) союзников тот партнер по договору, который не подвергся нападению, будет иметь право (и обязанность) прийти другому на помощь; 3) в случае оказания помощи карфагеняне должны предоставить корабли для транспортировки туда и обратно независимо от того, идет ли речь о «римской» или «карфагенской» области; 4) каждый из двух партнеров должен сам содержать свои войска; 5) карфагеняне обязаны во время военных действий на море прийти римлянам на помощь; 6) никто из двух партнеров по договору не имеет права принуждать экипажи кораблей второго партнера участвовать в войне на суше. Отсюда однозначно следует, что карфагеняне при заключении этого договора в первую очередь имели цель помешать римлянам заключить с Пирром договор, который был бы направлен против их интересов. Силы Пирра должны были быть связаны в Италии и держаться вдали от Сицилии.

Договор был заключен во второй половине 279-го или первой половине 278 г. Еще до заключения договора карфагеняне направили

⁴ Пирр одно время был женат на Ланассе, дочери Агафокла. Этот брак был расторгнут по политическим соображениям.

свой флот силой в 130 кораблей под командованием Магона в устье Тибра, чтобы доказать свое желание сотрудничать.

После того как Пирр в течение двух лет и четырех месяцев воевал в Италии, он решил с восемью тысячами пехотинцев, неизвестным числом всадников и также неизвестным количеством слонов переправиться на Сицилию. Но, поскольку карфагеняне, хотевшие помешать новому Агафоклу захватить власть, окружили Сиракузы с суши и моря, а Мессана находилась во власти мамертинцев, Пирр был вынужден использовать другую гавань. Еще до ухода Пирра карфагеняне вместе с 300 римлян напали на италийский город, стоявший на стороне эпирота, по-видимому Локры, но были разбиты. Поэтому они были вынуждены довольствоваться попыткой помешать высадке войск Пирра, используя свои сицилийские базы. Но это им не удалось. Пирр спокойно высадился в Тавромении, где его приветствовал тиран города Тиндарей. Снова, как это уже было во времена Тимолеонта, карфагенский флот не сумел помешать вторжению несицилийских войск. Пирр заключил союз с Тиндареем, усилил свою армию тавроменийскими войсками и двинулся дальше к Катане. Катана тоже его радостно приняла. Здесь он высадил свои войска на сушу, чтобы оттуда они двинулись к Сиракузам. Сам он с флотом поплыл на юг, ожидая в любой момент появления карфагенского флота. Но ни один карфагенский корабль не появился на горизонте. Пирр безопасно высадился в Малой гавани. Фенон передал ему Остров, Сосистрат — город. Для объяснения причин бездействия своего флота карфагенская сторона распространила заявление, что флот потому избегал сражения, что он не располагал необходимыми силами, ибо 30 кораблей были откомандированы для выполнения другой важной задачи. Вероятно, Магон испугался в случае нападения на флот Пирра оказаться между двумя фронтами, ибо сиракузяне располагали сильным флотом, который, по-видимому, большей частью был построен еще Агафоклом. Пирр, конечно, не рассчитывавший достичь Сиракуз столь просто, теперь смог существенно увеличить свой военный потенциал. Оба тирана предоставили эпироту сухопутные войска численностью в десять тысяч человек, флот из 140 кораблей, деньги из государственной казны и все имеющееся вооружение. Тиран Леонтин Гсраклид тоже присоединился к Пирру и подчинил его командованию четыре тысячи пехотинцев и 500 всадников. Многие другие города, большей частью находившиеся под властью тиранов, последовали этому примеру. Готовность, с какой многие сицилиоты поддержали Пирра, удивительна. Может быть, она была бы менее великой, если

бы карфагеняне не заключили открыто договоры с мамертинскими и римскими «варварами» и если бы впереди Пирра не шла слава генерального полководца. Казалось, вернулись дни Тимолеонта.

Предположительно весной 277 г. Пирр двинулся на запад. Он решил сначала обратиться против более важного из двух «сицилийских» противников. Его ближайшей большой целью был Акрагант. Гела была уже захвачена мамертинцами и разрушена Финтием. Пирр еще находился на пути к Акраганту, когда к нему прибыли послы города Энны и сообщили, что город выгнал карфагенский гарнизон. Они виновато извинялись, что были вынуждены сотрудничать с карфагенянами, что карфагенский гарнизон должен был только защитить их от опасности снова попасть в руки ненавистного Финтия. Когда Пирр подошел к Акраганту, Сосистрат передал ему город и вместе с ним восемь тысяч пехотинцев и 800 всадников, а также не менее 50 «городов» (Диодор), господином которых он был. После этого «царь Сицилии» (Юстин) распорядился 30 тысячами пехотинцев, 2500 всадниками, флотом свыше 200 кораблей и значительным числом слонов. С этими силами он вторгся в карфагенскую эцикратию. Он овладел городом Гераклеей и взял город Азоны. После этого селинунтяне, галикейцы, сегестинцы и жители многих других городов перешли на его сторону. Сильнейшего напряжения и много времени потребовал штурм Эрикса. Успех, которого здесь Пирр достиг, произвел глубокое впечатление и на друзей, и на врагов. Во всяком случае, иатинцы добровольно открыли перед ним ворота города. Этим было ликвидировано последнее препятствие на пути к Панорму. Панорм был взят силой. После того как он также захватил крепость Геркты, находившуюся, по-видимому, на Монте Кастелаччо (около Палермо), Пирр стал господствовать над всей карфагенской эцикратией, за исключением Лилибея. Этот последний опорный пункт карфагеняне решили не отдавать ни при каких обстоятельствах. Поскольку они господствовали на море, им было нетрудно пересылать в город войска, оружие и жизненные припасы. Они готовились к длительной осаде. Одновременно они направили послов к Пирру, выражая готовность заключить мир, по которому они отказывались от области своей эцикратии, кроме Лилибея, и готовы были заплатить репарацию. Если верить Диодору, Пирр был готов на таких условиях заключить мир. Однако его «друзья» и представители сицилийских городов настаивали на необходимости отнять у карфагенян их последний опорный пункт. Царь наконец присоединился к аргументам своих советников и начал осаду города. Через

два месяца он увидел, что все старания захватить город были напрасны. Поэтому он снял осаду. Вероятно, теперь он увел свои силы на зимние квартиры.

Неудача осады Лилибея стала, как кажется, поворотным пунктом в этой карфагено-греческой войне. С этого времени звезда Пирра, взошедшая над Сицилией, начала меркнуть. Все же эпирот явно лелеял планы, которые были подобны планам Агафокла в его последние годы. Он хотел с помощью сильного флота завладеть господством на море и поставить Карфаген на колени в Африке. Тем самым маленькая проблема Лилибея была бы исчерпана сама собой.

Может быть, уже после взятия Панорма Пирр двинулся в восточном направлении, чтобы рассчитаться с мамертинцами. Во всяком случае, он победил ненавистных «варваров» и захватил много их крепостей. Однако поражение мамертинцев не было ошеломляющим. Суровые бойцы скоро снова были готовы сражаться с Пирром.

После снятия осады с Лилибея Пирр, кажется, все силы сконцентрировал на подготовке вторжения в Северную Африку. Кроме большого числа уже подготовленных кораблей нужно еще было иметь много хорошо обученных матросов и, разумеется, значительные финансовые средства. И то и другое ему должны были дать сицилийские города. Но так как многие политики большинства городов явно не были воодушевлены планами царя, то возникли первые трения. На нежелание городов царь ответил суровостью. Напряжение усилилось. Своего апогея оно достигло, когда Пирр, «который из народного вождя превратился в тирана» (Плутарх), убил Фенона, поскольку подозревал, что тот настроен так же, как Сострат, который сражался на стороне карфагян. Сицилиоты, в интересы которых совершенно не входили ни поход в Африку, ни статус подданных эллинистического царя, стали отпадать от Пирра, и часть их обратилась к карфагянам, высадившим новые войска на Сицилии, а часть — к мамертинцам. Недовольство политикой и личностью Пирра было глубоким и, по-видимому, широко распространилось! Царь увидел, что ему придется отказаться от африканских планов. Так как самниты и таррентинцы просили Пирра возвратиться в Италию, это давало ему по крайней мере возможность сохранить лицо перед сицилиотами. Когда в 275 г. он отплывал, то произнес знаменитые слова: «Какое поле боя мы оставляем карфагянам и римлянам» (Плутарх).

Карфагяне и мамертинцы, однако, не хотели дать эпироту возможность спокойно проститься с Сицилией. В то время как карфагяне напали на него вблизи пролива и потопили много его

кораблей, мамертинцы, которые с десятью тысячами человек уже до Пирра переправились в Южную Италию, в непроходимой местности напали на его войска и многих убили. Тем не менее Пирр с 20 тысячами пехотинцев и тремя тысячами всадников сумел добраться до Тарента.

Чрезмерность политики Пирра предотвратила потерю карфагенянами их сицилийской эпикратии. Более того, после ухода Пирра их позиции, кажется, стали еще сильнее, чем они были до высадки Пирра. Некоторое время еще происходили столкновения с сиракузянами, в ходе которых во главе сиракузского государства встал Гиерон. Эти столкновения, детали которых нам неизвестны, происходили самое позднее в 271 г. (?) (битва при Киамосоре). Какие меры, в частности, принимали карфагеняне, чтобы урегулировать отношения на Сицилии, неизвестно. Во всяком случае, они сумели восстановить эпикратию в ее прежних границах.

Римляне явно не вмешивались активно в военные действия на Сицилии; во всяком случае, договор их к этому не обязывал.

24. I РИМСКАЯ ВОЙНА

Местом, где разгорелся первый военный конфликт между карфагенянами и римлянами, была Мессана. Но государством, которое превратило Мессану в очаг конфликта, был не Карфаген, не Рим, а Сиракузы, точнее — Гиерон (II), который в 275–274 гг. захватил власть в городе¹. Уже с IV в. сиракузяне пытались включить Мессану в область своего господства. Ни одна из этих попыток не увенчивалась длительным успехом. Это не сумел сделать и Гиерон, который продолжал следовать традиционной политике сиракузян в отношении мессанцев.

Новая нота в борьбе вокруг Мессаны появилась тогда, когда с 280-х гг. ее властителями стали не граждане города, а оскские солдаты. Эти так называемые мамертинцы (такое название они получили от имени италийского бога войны Мамерка) были наемниками Агафокла. После смерти своего нанимателя они завладели Мессаной и убили либо изгнали прежних жителей. Негативный имидж этих ландскнехтов хорошо служил целям Гиерона, который смог выступить в роли передового борца за дело греков и так лучше скрыть свои державные цели. После поражения, которое он потерпел в первом столкновении в 271 (?) г. у Киамосора, он одержал победу в 269 г. в сражении у Лонгана. А когда теперь Карфаген в лице своих полководцев вмешался и не дал Гиерону завладеть Мессаной, это соответствовало традициям его политики. Гиерон был вынужден уступить карфагенскому давлению и возвратиться в Сиракузы, ибо карфагенские силы превышали его армию.

Гиерон свои планы только отложил, но не отменил. В 264 г. он возобновил войну против мамертинцев. Он достиг Мессаны и начал осаждать город. Мамертинцы снова обратились к карфагенянам с просьбой о поддержке, и те ее оказали. Офицер по имени Ганнон защитил город, расположив в нем гарнизон. Гиерон снова возвратился в Сиракузы.

Если до сих пор военные столкновения проходили в соответствии с традиционными правилами игры за господство над Сицилией, то в 264 г. они приобрели новое измерение в результате вмешательства римлян.

¹ В это время он был, как и сначала Агафокл, «избран» стратегом-автократором.

ВОПРОС О ВИНОВНИКЕ ВОЙНЫ

Поскольку Рим своим вмешательством в сицилийские дела, казалось, сделал первый, но решающий шаг в достижении мирового господства, то уже в древности оживленно обсуждались вопросы, связанные с этим событием, и прежде всего — вопрос о виновнике войны. Дискуссия о событиях 270–264 гг. и сегодня еще не завершена. Отсутствие согласия современных историков во многих вопросах, имеющих отношение к началу I Римской войны, прежде всего связано с тем, что античные историки описывали эти события весьма тенденциозно.

Если мы доверимся только изложению Полибия, то присоединимся в основном к взглядам раннего анналиста Кв. Фабия Пиктора, ибо Полибий, как кажется, при создании той главы, в которой речь идет о начале I Римской войны, опирался преимущественно на произведение Пиктора, который написал свой труд около 200 г. в проримском духе. Если же мы последуем только описанию, данному Диодором, то воспроизведем карфагенский взгляд на вещи, потому что Диодор использовал в качестве оригинала произведение или Филина из Акраганта, или Силена из Кале Акте, а они оба писали с позиции дружественной Карфагену. А приняв только высказывания византийского писателя Зонары, мы встанем на «национально-римскую» точку зрения анналиста, так как Зонара сокращал труд Диона Кассия, а тот, свою очередь, воспроизводил произведение некоего анналиста. Большинство современных историков, во всяком случае, наибольшее доверие оказывают описанию Полибия, и прежде всего потому, что как историк он пользуется хорошей репутацией, а раннеанналистический историк Пиктор, чей труд служил оригиналом для Полибия, может, как кажется, претендовать на большую достоверность, чем его анналистический коллега (говорящий у Зонары).

Полибий рассказывает о событиях, приведших к началу I Римской войны, следующее. Мамертинцы из Мессаны, ставшие своими грабительскими походами опасными для большей части Сицилии, были разбиты Гиероном в битве у Лонгана. После этого сражения Гиерон возвратился в Сиракузы, где был провозглашен царем. А мамертинцы, которые после карательной экспедиции римлян против кампанцев из Регия не могли больше рассчитывать на помощь своих кампанских товарищей, были вынуждены обратиться к внешней помощи. Однако в городе были две партии. «Одни» обращались к карфагенянам, ибо в городе находился карфагенский гарнизон. «Другие» направили послов

к римлянам, чтобы поручить им защиту города. Римский сенат колебался. Если, с одной стороны, моральные основания говорили против оказания помощи разбойникам, то, с другой — политические причины требовали помешать карфагенянам укрепиться в Мессане. Поскольку сенат так и не смог прийти ни к какому решению, дело было передано народному собранию и консулы склонили его к решению удовлетворить просьбу мамертинцев. Консул Ап. Клавдий Кавдик был послан с войском в Мессану. Мамертинцы передали ему свой город после того, как избавились от карфагенского гарнизона. Встает, однако, вопрос, а разыгрывались ли события именно так, как описано.

Прежде всего поражает, что Полибий не объясняет, почему Гиерон после победы у Лонгана не воспользовался ее «плодом», т. е. не захватил Мессану. Далее надо отметить, что Полибий соединил два события, а именно два столкновения Гиерона с мамертинцами в 269 и 264 гг. Из-за этого создается впечатление, что обе просьбы о помощи были направлены непосредственно после битвы при Лонгане и карфагенянам, и римлянам. В действительности между битвой при Лонгане и просьбой о помощи, обращенной к римлянам, прошло пять лет. Далее надо отметить, что уже с 269 г. римляне должны были бы вести антикарфагенскую политику, если они действительно страшались, что карфагеняне, завладев Мессаной, планируют нападение на Сиракузы: ведь карфагеняне владели Мессаной не только в 264-ом, но еще и в 269 г. Однако ничто не указывает на антикарфагенскую политику, которую римляне, заключившие в 279–278 гг. договор о союзе с карфагенянами, могли вести до 264 г. К тому же и Полибий по каким-то мало видимым причинам преувеличивает сферу владений карфагенян, когда утверждает, что они не только владели всей Ливией, но и подчинили себе большую часть Испании и, кроме того, господствовали над островами в Сардинском и Тирренском морях². Так что совершенно невозможно, что какой-нибудь римский сенатор в том виде, как это описано, изображал Карфаген как ужасное, пожирающее страны чудовище. Ведь в Испании карфагеняне в лучшем случае владели только прибрежной полосой от Кадиса до Кап Нао, а Эльба находилась вне зоны их влияния. Кроме того, представление об агрессивной политике Карфагена более чем подозрительно. Если карфагеняне и думали о подчинении всей Сицилии, а об Италии уж надо молчать, то время проведения в жизнь этой

² Вопрос о размерах карфагенских владений накануне войны с Римом спорен. Вполне возможно, что в словах Полибия нет никаких преувеличений.

политики откладывалось на дальнейшее время. Если и произошли какие-либо изменения в агрессивности внешнеполитических планов, то с римской, а не с карфагенской стороны. И если кто-либо и должен был чувствовать, что ему угрожают, то это Карфаген, а не Рим. И наконец, представляется, что весь пассаж, основанный на фундаментальной противоречии Карфаген — Рим, является скорее продуктом более позднего видения мира, чем воспроизведением политических аргументов 264 г. По всем этим основаниям рассказ Полибия о причинах начала I Римской войны не вызывает доверия. Это недоверие возникает уже тогда, когда мы представляем, что Полибий здесь выступает не как беспристрастный историк, а как поклонник римской экспансионистской политики, к тому же зависящий до известной степени от сообщений римского анналиста Пиктора, который, со своей стороны, рассказывает о событиях, естественно, с римской точки зрения.

Но если не доверять Полибию, то возникает вопрос: каковы же были мотивы, подбигнувшие римлян вмешаться в дела Сицилии?

Если бы можно было строить ответ на высказываниях историков, писавших в христианскую эпоху, то ответить на вопрос о мотивах принятия римлянами просьбы о помощи мамертинцев можно было бы относительно спокойно. В то время как Флор говорит о «жадном желании» римского народа завладеть «чрезвычайно жирной добычей», какой была Сицилия, а Ампелий называет наградой за войну «овладение Сицилией и Сардинией, чрезвычайно плодородными островами», Дион Кассий считает, что оба государства проявили «все большую жадность» и «страх» и такое поведение затянуло их обоих в водоворот войны. Однако ясно, что подобные соображения никак не проясняют политические движущие причины событий 264 г. Единственный твердый путь, на котором можно достичь цели при анализе политических мотивов римлян накануне I Римской войны, — это рассмотреть факты в их взаимосвязи и из этого делать соответствующие выводы. Во-первых, прежде всего надо отметить, что в 264 г. римляне переправились на Сицилию с войском, состоявшим только из двух легионов. Тогда они явно рассчитывали, что будущие военные действия, во всяком случае действия в 264 г., будут иметь ограниченный масштаб. Во-вторых, из сообщений Диодора и Зонары, которые в этом пункте вполне достоверны, мы узнаем, что римский авангард занял Мессану еще до прибытия туда Кавдикка. Почему Полибий или стоявший за ним Пиктор ничего об этом не говорят? По-видимому, потому что здесь ясно утверждается, что враждебные действия нача-

ли римляне, хотя и без объявления войны. В третьих, когда Кавдик уже находился в Реги, карфагеняне прислали посольство в Рим, чтобы предотвратить начало войны. Ничто яснее не доказывает, что карфагеняне не хотели этой войны. В четвертых, перед переправой из Реги Кавдик через послов заявил Гиерону, что римский народ не хочет воевать с ним. Если это сообщение Диодора соответствует истине, а в этом нет оснований сомневаться, Рим (во всяком случае, в этот момент) намеревался воевать не с *Гиероном*, а с Карфагеном. Это противоречит утверждению, что римляне намеревались выступить только против Гиерона и лишь в ходе военных операций вопреки своим ожиданиям и желаниям ввязались в военные действия против карфагенян. В действительности они хорошо знали, что им предстоят военные действия именно с Карфагеном. О размахе будущей борьбы они, однако, не имели никакого представления.

Вмешательство римлян в сицилийские дела, конечно, не имело ничего общего с заботой о свободе оскских наемников. Но если они испытывали страх перед размером опасности со стороны Карфагена, как нас хотят уверить Полибий или Пиктор, то можно ли говорить не о наступательной, а об «оборонительной» войне со стороны римлян? Все изложенное выше показывает, что и это предположение маловероятно. Фактическое поведение римлян приводит скорее к мысли, что Диодор и его последователи не были столь уж неправы, когда говорили об «алчности» римлян как об их определяющем мотиве. Даже если эта «алчность» в 264 г. была довольно ограниченной, она все же существовала. В ходе последующих военных действий Рим с возрастающей интенсивностью выражал намерение завладеть сокровищами большей части Сицилии. В первую очередь экономические причины определили, что Сицилия становится объектом римского империализма.

ХОД ВОЙНЫ

От начала войны до победы римлян при Милах³ (264–260 гг.)

Почти сразу в 264 г. начались военные действия между Карфагеном и Римом. Доминирующая морская держава и самая сильная сухопутная держава Западного Средиземноморья столкнулись в авантюре, последствия которой предвидеть было невозможно.

³ В русской литературе эта битва чаще называется битвой у Липарских островов.

Военные действия начались с высадки военного трибуна Г. Клавдия в Мессане. Эта высадка была очень хорошо подготовлена дипломатически. Если бы это было не так, то на происходившем сразу после этого народном собрании мамертинцев он едва ли мог бы выступить так, как он выступил. Он потребовал, чтобы Ганнон, командир карфагенского гарнизона города, который отступил на акрополь, был вызван на народное собрание. Сначала карфагенянин отказался подчиниться, либо считая ниже своего достоинства подчинение требованиям римлянина, либо опасаясь покушения на свою свободу или даже жизнь. Но затем он все же пришел, боясь, что мамертинцы могут счесть его отказ появиться за недружеский акт и, обвиняя его в этом, озлобясь, в конце концов бросятся в объятия римлян. Может быть, он мог бы своим появлением предотвратить грозящий развал карфагено-мамертинского альянса! После долгих и раздраженных дебатов, которые не привели к сближению различных точек зрения, римлянин, а не мамертинцы напал на командира карфагенского гарнизона и потребовал заключения его в тюрьму. Мамертинцы согласились с этим. Конечно, Г. Клавдий заранее обговорил эти меры с ведущими мамертинцами; иначе он не мог бы сделать такой шаг. Образ действий римлян являлся новой провокацией, на которую карфагеняне были вынуждены ответить энергичными контрмерами. Прежде всего они должны были очистить Мессану. Они были вынуждены это сделать, ибо римляне и мамертинцы могли использовать Ганнона как заложника по отношению к гарнизону.

В Карфагене Ганнон дружеского приема не нашел. Тогдашние власти за его неудачу осудили его на смертную казнь. Кроме того, сенаторы решили послать в Рим посольство, которое передаст правительству ультиматум и в соответствии с действующими положениями так называемого Филинова договора потребует ухода римских войск из Мессаны и всей Сицилии до определенного срока. Если римляне это требование не выполнят, то они будут находиться в состоянии войны с карфагенянами. Одновременно они вывели флот, который взял курс на Сицилию.

Когда прошел срок ответа римлян на карфагенский ультиматум, а римляне так и не ответили на их требования, флот карфагенян под командованием Ганнона, сына Ганнибала, вошел в пролив. База флота находилась около мыса Пелориада, а сухопутная армия разбила свой лагерь возле Син. Карфагеняне явно намеревались осадить Мессану. В этом, к несомненному удивлению многих современников, их поддержал Гиерон, который заключил с ними союз и расположился

лагерем у Халкидской горы. «По его мнению, благодаря этому альянсу он получал возможность решительно укрепить свои позиции по отношению к Риму и, может быть, добиться, чтобы сенат уступил давлению союзных сил» (Вельвей). Впрочем, со своим флотом карфагеняне господствовали в проливе и следили, чтобы ни солдаты, ни припасы не достигли Мессаны.

Между тем Кавдик, который был одним из консулов 264 г., двинулся к Регию. Когда он захотел переправиться в Мессану, то натолкнулся на Ганнона, который мог оперировать с силами, количественно и качественно превосходившими римлян. Так как Кавдик не был обескуражен своей неудачей и готовился предпринять новую высадку, то Ганнон прибег к последнему средству, чтобы предотвратить продолжение военных действий. Он вернул Кавдику пленных и триеры, которые находились в его руках в Мессанском проливе, и потребовал от него уважать договор между двумя государствами. Великодушный жест Ганнона, однако, не встретил ответной любви у Кавдика. Он отказался принять пленников и корабли и дал тем самым понять, что готов продолжать войну. Возмущенный этим Ганнон приказал послать ответ, что «он не даст римлянам возможности даже помыть свои руки в море» (Зонара). Все же через некоторое время Кавдик сумел ночью незаметно достичь гавани Мессаны. Чтобы использовать момент внезапности, он тотчас напал на Гиерона, который по каким-то причинам никакой карфагенской поддержки не получил. Кавдик рассчитывал на успех. Хотя его кавалерия была разбита, пехота одержала победу. Гиерон сначала бежал на гору, а затем возвратился в Сиракузы.

Теперь Кавдик решил предпринять атаку на великолепно укрепленный карфагенский лагерь. Но он был отбит. Ливийцы, «союзники» карфагенян, сначала, по-видимому, без приказа карфагенского полководца, погнались за бегущими римлянами, но были отброшены в лагерь. Этот частичный успех римлян, как сообщают Дион Кассий и Зонара, произвел такое впечатление на карфагенян, что они больше не осмеливались покидать свой лагерь. В действительности же это Кавдик решил не рисковать вести военные действия перед Мессаной. Напротив, он двинулся к Сиракузам, чтобы поставить на колени союзника карфагенян. Но бои у Сиракуз не оказались решающими. Когда консул понял, что в настоящий момент он не может рассчитывать на захват города, и когда он увидел, что недостаток припасов и вспышка эпидемии начинают подрывать боевую мощь его войска, он отступил от Сиракуз и возвратился в Регий. В Мессане, однако,

остался римский гарнизон. Очистили ли карфагеняне полностью или частично свой лагерь у Син? Мы этого не знаем.

Карфагеняне, которые не были достаточно подготовлены для столкновения с господином Италии, ходом действий первого года войны могли быть удовлетворены. Римляне не добились решающего успеха, и Гиерон остался верным альянсу. И проблема Мессаны, как они надеялись, скоро тоже будет решена.

Нет сведений о том, какие меры приняли карфагеняне зимой 264/263 г., чтобы встретить опасность с севера. Но все же кажется, что они оценили решимость и энергию врага, и сделали все, чтобы укрепить свои военные и политические позиции в своей эпократии. Однако если они предприняли попытку добиться от Гиерона составления единого стратегического плана, то в этом они явно не преуспели. Недостаточное сотрудничество двух союзников явно стало слабым местом в борьбе против римлян.

В следующем году (263 г.) оба консула, Маний Валерий Мессала и Маний Отацилий Красс, переправились на Сицилию, поскольку в Италии, в отличие от прошлого года, не надо было решать никаких военных задач. Под их командованием находилось свыше четырех легионов (приблизительно 16 тысяч пехотинцев и 1200 всадников), к которым надо прибавить войска союзников. Оба консула, действуя то вместе, то порознь, прошли через области союзников Гиерона и добились того, что большая часть сиракузских союзников присоединилась к ним. В этих обстоятельствах, когда на карту было поставлено его господство, Гиерон осуществил крутой поворот. Он разорвал союз с карфагенянами и заключил с римлянами сепаратный мир на следующих условиях: 1) отказ от власти над союзниками, которые уже перешли на сторону римлян; 2) уплата тысячи талантов репараций; 3) возвращение римских пленных. Римляне одержали значительный успех. Союз между карфагенянами и бесспорным властителем Сиракуз, а подобного союза до сих пор не было, не выдержал нагрузки и разрушился.

Теперь римляне обратились против городов карфагенской эпократии, но захватить их (за некоторыми исключениями) не смогли. Карфагеняне города в области своего господства, кажется, превосходно укрепили. Но сегестинцы, в течение нескольких столетий являвшиеся верными союзниками карфагенян, теперь перешли на сторону римлян. За ними последовали галикейцы. Зонара сообщает, что сегестинцы убили находившихся в их городе карфагенян и открыли ворота римлянам, так как видели в римлянах потомков Энея. Дей-

ствительно, троянская легенда могла играть свою роль в переговорах о сдаче. Но гораздо действеннее явно были более важные причины, заставившие сегестинцев поменять партнеров по союзу. Но каковы они были, мы не знаем.

Поскольку приближалась зима, консулы покинули остров и вернулись в Регий. Они не только сумели превратить Гиерона из врага в друга, но и создали некоторые восточносицилийские базы и, кроме того, подчинением Сегесты вонзили шип в плоть карфагенской эпитратии.

Осенью 263 г. карфагеняне решили отказаться от чисто оборонительной тактики, которой они до сих пор придерживались, и перейти преимущественно к наступательной стратегии. С этой целью они переправили значительную часть своих войск на Сардинию, чтобы из этой операционной базы, находившейся поблизости от Средней Италии, угрожать врагу. Они надеялись, что вследствие этого римляне будут вынуждены или вовсе оставить сицилийский театр военных действий, или по крайней мере посылать туда меньшие силы. Однако и в том и в другом предположении они обманулись. Враги организовали хорошо функционирующую систему оповещения и обороны, снабдив ее достаточными силами, и весной 362 г. снова направили на Сицилию сильную армию, точнее — четыре легиона во главе с консулами Л. Постумием Мегеллом и Кв. Мамилием Витулом. Их целью был Акрагант. Если бы Акрагант пал, то замысел завоевать всю западную часть Сицилии почти осуществился. Однако карфагеняне, которыми командовал Ганнибал, сын Гисгона, построили в городе, граждане которого заключили, по-видимому, в 264 г. с ними союз, мощные укрепления, взять которые римляне были не в состоянии. Кроме того, правительство, узнав об осаде Акраганта, послало на Сицилию значительное подкрепление под командованием полководца Ганнона. Из крепости Гераклея Ганнон двинулся в окрестности Акраганта. Когда он увидел, что войска, окруженные в Акраганте, терпят нужду, он после долгих колебаний решил дать решающее сражение. Он намеревался взять врага в клещи между своей фалангой и войсками, находившимися в Акраганте. Поскольку консулы понимали уязвимость своего положения, они направили сильный отряд в засаду, чтобы позже ударить по карфагенянам, возвращающимся в свой лагерь. Они одержали полную победу. И Ганнибал, который тем временем штурмовал римский лагерь, был тоже отбит. Пока Ганнон бежал в Гераклею, Ганнибал пытался со своими войсками вырваться из Акраганта, ибо положение со снабжением не оставляло ему другого

выбора. Его намерение большей частью удалось. После его ухода римляне разрушили город и продали его жителей в рабство. После этого они вернулись в зимний лагерь в Мессану.

В Карфагене возмущение действиями Ганнона было чрезвычайно велико. Вместо него пост генерала был поручен Гамилькару. Предположительно весной 261 г. Гамилькар прибыл на Сицилию, а адмирал Ганнибал, действуя явно из Панорма, пытался опустошить побережье Италии. Несмотря на это, консулы 261 г. Л. Валерий Флакк и Т. Отацилий Красс переправились на Сицилию. Там они не добились никакого успеха, что объясняется, конечно, предусмотрительным и энергичным способом ведения войны со стороны Гамилькара. Какой ценой он добился укрепления воинской дисциплины и сколь жестко он поступал со своими солдатами, можно видеть из того, что он создал из кельтских наемников, недовольных тем, что им до сих пор не заплатили деньги, некий вид «команды смертников»: они должны были отвоевать город, захваченный римлянами, но римляне перед атакой кельтов были предупреждены мнимым перебежчиком. Дело кончилось тем, что римляне, которые были прекрасно проинструктированы и предупреждены, уничтожили всех кельтов.

После ухода консулов с Сицилии Гамилькар тоже принял участие в опустошении италийского побережья. Его успехи придали некоторой части сицилийских городов мужество перейти на сторону Карфагена.

Римляне, в Италии испытавшие всю значимость хорошо подготовленного военного флота, решили прибегнуть к новой стратегии. Они больше не хотели удовлетвориться операциями сильной сухопутной армии на Сицилии, поскольку этими средствами они до сих пор не смогли добиться перелома, и решили бить врага его собственным оружием — флотом. Руководство судостроительной программой было поручено одному из консулов 260 г. Гн. Корнелию Сципиону Азине. Он построил 20 триер и 100 пентер. Другому консулу этого года — Г. Дуилию было поручено командование сухопутной армией. Сципион, который со своими семнадцатью кораблями переправился в Мессану и который там вел переговоры о сдаче города Липары, попал вблизи этого города в ловушку. Офицер Бодон по приказу Ганнибала плыл с 20 кораблями из Панорма в Липару и столкнулся с римским флотом в гавани этого города. Римляне, не умевшие сражаться на море, бежали. Но сам Сципион сдался Бодону, тотчас возвратившемуся с пленным консулом и захваченными кораблями в Панорм. Вскоре, как кажется, именитый пленник был оттуда пере-

везен в Карфаген. Теперь Дуилий, находившийся на пути на Сицилию, принял командование и над флотом, который тем временем прибыл в Мессану. Получив известие, что карфагеняне опустошают область вблизи Мил, Дуилий решил дать Ганнибалу морское сражение вблизи этого места. Ганнибал, который командовал 130 кораблями, принял его. И произошла сенсация. В первом большом морском сражении римляне разгромили властителей моря. Существенным образом этому успеху способствовало то, что римляне поняли, что надо морское сражение превратить в некий вид сухопутной битвы. Для этого они с помощью крюков и переходных мостков связывались с карфагенскими кораблями и на их палубах вступали в рукопашный бой. Карфагеняне потеряли 50 кораблей, среди которых была и гептера адмирала, раньше принадлежавшая Пирру. Сам Ганнибал с трудом бежал на маленьком судне. В Карфагене он сумел избежать смертной казни только благодаря тому, что предстал перед высшим государственным судом ста четырех.

В это время Гамилькар осаждал Сегесту, ставшую опорным пунктом римлян. Военный трибун Г. Цецилий, который хотел прийти на помощь осажденным, не смог облегчить положение города. Он сам попал в засаду и потерял много своих людей. Только победоносный Дуилий снова лично принял командование сухопутной армией, оставленной в Регию, и смог «[в течение д]евяти [дней]» (надпись Дуилия) снять осаду с города.

После неудачи под Сегестой Гамилькар, возможно, отступил в Панорм. Во всяком случае, там он находился, когда узнал, что между римлянами и их (сицилийскими?) союзниками возникли разногласия по вопросу, кому должен быть присужден почетный приз за храбрость перед лицом врага. Союзники обвиняли римлян в чрезмерно неприемлемом поведении и даже разбили свой лагерь между Фермой и Паропом. Эту размолвку использовал Гамилькар. Он напал на римских союзников. Почти четыре тысячи врагов потеряли в этом сражении свою жизнь.

От победы римлян при Милах до ухода римлян из Африки (260–255 гг.)

Римская победа при Милах не изменила решительным образом ситуацию на Сицилии. Карфагену не представляло больших трудностей компенсировать потери в людях и материале. В пунической метрополии не распространилось уныние — наоборот, карфагеняне

предприняли новые усилия для противодействия римской опасности. Это видно из того, что преемник Ганнибала Ганнон, вероятно, весной 259 г. во главе сильного флота направился на Сардинию. Но если карфагеняне по-прежнему рассчитывали на Сардинию как на свою прочную военную базу, то скоро им пришлось в этом разувериться. Л. Корнелий Сципион, один из консулов 259 г., во главе флота, вера в силу которого укрепилась после Мил, появился также в Тирренском море. Теперь борьба развернулась не только за господство над Сицилией, но и за власть в Западном Средиземноморье. «Римляне осмелели на море и уже напали на Сардинию». Сципион действовал в соответствии с планом сначала завладеть Корсикой, а затем, используя эту базу, иметь возможность вторгнуться в Сардинию. Его план удался. После захвата Алерии (карфагеняне, возможно, заключили с гражданами Алерии союз) ему уже было нетрудно завладеть другими стратегически важными пунктами острова. Когда он переправлялся с Корсики на Сардинию, на горизонте появились два карфагенских корабля, но они скоро отвернули. Они не могли вступить в бой с намного превосходящими в численности римскими судами. Предположительно речь шла о карфагенской флотилии, осуществлявшей прибрежный патруль. Консул беспрепятственно высадился вблизи Ольбии. Когда, конечно, флот Ганнона появился вблизи Ольбии, Сципион счел самым разумным возвратиться в Рим; по-видимому, на его кораблях было мало матросов. Летом 259 г. он, однако, снова прибыл на Сардинию и там воевал весьма успешно. В какой-то местности, которая нам точно не известна, он разбил карфагенского адмирала Ганнона, потерявшего в этом сражении жизнь. После этого сенат, по-видимому, наградил Сципиона триумфом «(за победу) над пунийцами и Сардинией с Корсикой» (триумфальные фасты), который он отпраздновал в первой половине февраля 258 г.

На Сицилии Гамилькар продолжил свои наступательные действия. Вероятно, в этом году он снова овладел городом Камариной, хотя и с помощью предательства, а затем таким же образом и Энной. Но прежде всего он превратил Дрепану в сильную крепость, переселил жителей Эрикса в этот новый укрепленный город и собрал там самые разнообразные припасы. Дрепана, как Гераклея и другие места, должна была стать одним из пунктов, непреодолимость которых должна была сломить сопротивление римлян. Гамилькар сумел, по крайней мере в 259 г., принудить своего противника Г. Аквиллия Флора к обороне. В этом году римляне на Сицилии испытывали только неудачи. Зимой 259/258 г. Флор провел не на континенте,

а на острове, чтобы с лучшими надеждами на успех воспрепятствовать дальнейшему распаду римской власти.

В следующем (258 г.) году римляне предприняли усиленные меры, чтобы восстановить потерянный участок на Сицилии. На этот раз оба консула, А. Атилий Кайатин и Г. Сульпиций Патеркул, прибыли на Сицилию. Они попытались взять за рога карфагенского быка и поэтому двинулись к Панорму, ибо там карфагенские войска располагались на зимних квартирах, а было это в середине апреля. Но поскольку карфагеняне не захотели принять открытое сражение, а город был сильно укреплен, то римляне были вынуждены искать счастья в другом месте. Они захватили Гиппану, Миттистрат, Камарину, Энну и другие места, находившиеся под карфагенской властью. Следующей целью была Липара. Но Гамилькар опередил римлян, подошедших туда под командованием Кайатина, занял город и неожиданной атакой уничтожил множество врагов.

Пути Кайатина и Патеркула разошлись, кажется, около Панорма. В то время как Кайатин пересекал Сицилию, Патеркул отправился на Сардинию. Там он опустошил обширные районы острова. Новый и, если верить Орозию, старый адмирал Гасдрубал своими силами смог оказать лишь незначительное сопротивление. Когда Патеркул даже подумывал отплыть, как когда-то Агафокл, в Африку, с якоря снялся Ганнибал, чтобы поддержать родину. Противоположный южный ветер, однако, заставил обоих возвратиться на Сардинию. Наблюдение за реакцией Ганнибала привело Патеркула к мысли симулировать новое отступление и загнать карфагенский флот в ловушку. И это удалось. Римляне потопили большую часть судов противника и завладели остальной частью, направляющейся к побережью. Сам Ганнибал из-за плохой видимости не смог достичь гавани Сульциса и вместе с теми, кто добрался до суши, бежал в город. Там, кажется, он был убит возмущенными карфагенянами. Все же год завершился на Сардинии неудачно для римлян. Преемник Ганнибала Ганнон в неизвестном месте нанес римлянам, действовавшим теперь совершенно беззаботно, поражение. В конце года окончание войны отстояло еще дальше, чем в его начале.

В следующем году (257 г.) римляне сконцентрировали свои сухопутные и морские силы в сицилийском пространстве. Консул Гн. Корнелий Блаззон явно принял командование над войсками, которые до того находились под командованием проконсула Кайатина, а консулу Г. Атилию Регулу было поручено командование флотом. Единственным значительным событием этого года было морское сражение

у Тиндариды. Карфагеняне, которые под командованием Гамилькара в это время, как кажется, отплыли от Липары (неизвестно, с какой целью), очевидно, не ориентировались в позиции римского флота, который стоял на якоре у Тиндариды. Поэтому, когда они оказались вблизи римской якорной стоянки, то двигались довольно разрозненно. Регул отметил это, а также большое численное преимущество, какое имел римский флот над карфагенским, и решил использовать ситуацию. Однако достиг он лишь частичного успеха: римляне захватили 10 и потопили 8 карфагенских кораблей, а карфагеняне уничтожили 9 римских кораблей, причем корабль Регула ускользнул с большим трудом. Несмотря на посредственный успех, сенаторы почтили Регула триумфом: «Консул Регул за морскую победу над пунийцами отпраздновал триумф» (Триумфальные фасты).

Сухопутные силы римлян застыли в глубокой обороне. Восходила ли эта позиция к приказу сената, решить невозможно. Мы также ничего не знаем об оперативных целях карфагенян в этом году. Но каковы бы ни были цели обоих государств и что бы в 257 г. на Сицилии ни случилось, это была последняя фаза покоя перед началом бури.

В следующем, 256 г. военные действия I Римской войны должны были достигнуть своего апогея. В этом году впервые римский флот высадился на побережье Африки. Римляне намеревались перенести войну в Африку, чтобы заставить карфагенян очистить Сицилию. Для достижения этой цели им было необходимо прежде всего усилить свой военный инструмент — флот. Проведение в жизнь новой римской судостроительной программы, естественно, не осталось незамеченным карфагенянами. Карфагенское руководство тоже приняло все меры, чтобы усилить боеспособность своего флота. Враги должны были быть побеждены в решающем морском сражении, и это должно было воспрепятствовать им переправиться в Африку. Таковы были исходные позиции обеих сторон весной 256 г. Римляне, которые летом этого года в своем опорном пункте Экноме завершали последние приготовления перед предстоящими им столкновениями, якобы располагали флотом более чем в 330 кораблей, которым карфагеняне, шедшие из Гераклеи Минои через Лирибей и дальше к Экному, противопоставляли, опять же якобы, 350 кораблей. Даже если эти цифры Полибия преувеличены, все же ясно, что, по крайней мере, римляне никогда не имели более сильного флота. Можно предположить, что они были убеждены, что от исхода морского сражения этого года зависит большей частью исход войны.

Морское сражение у Экнома завершилось в пользу римлян в первую очередь потому, что сражающееся более сильное левое крыло карфагенского флота не смогло одолеть «первый флот» консула Л. Манлия Вульсона Лонга и «второй флот» консула М. Атилия Регула. По-видимому, карфагеняне, несмотря на урок Мил, еще не нашли подходящего противодействия римским «воронам»⁴. Поражение Гамилькара повлекло за собой и поражение правого крыла, сражающегося под командованием Ганнона. В то время как римляне оплакивали потерю лишь 24 кораблей, карфагеняне потеряли не только 50 кораблей, которые были потоплены, но и еще 64 судна, которые были вместе с их экипажами захвачены римлянами.

После сражения римляне отплыли в Мессану, чтобы там завершить последние приготовления к переправе. Через некоторое время сюда прибыл Ганнон, один из побежденных карфагенских адмиралов, чтобы представить предложения о мире. Зонара утверждает, что Гамилькар, другой адмирал, посылкой этого посольства только стремился выиграть время, ибо надеялся на прибытие новых сил из Карфагена. Это кажется сомнительным. Во всяком случае, кажется, римляне не вступали в долгую дискуссию относительно карфагенских предложений; они не хотели ставить на карту добытое военное преимущество. Тогда Гамилькар и Ганнон сделали последнюю сомнительную попытку перехватить вышедший из Мессаны римский флот во время его движения в Африку. Они применили в этом сражении тактику «окружения», но не добились никакого успеха, ибо римляне сумели прорваться со стороны Ганнона. Сразу после этого нового поражения Ганнон отправился в Карфаген, чтобы защитить город от ожидаемого римского нападения. Гамилькар же, наоборот, вернулся на Сицилию.

Между тем римляне добрались до Африки, они собрались у мыса Бон и высадились у Аспиды. Они захватили Аспиду, сделали этот город своей операционной базой и стали опустошать окружающую местность, захватив 20 тысяч пленных. Из Рима им пришел приказ, чтобы Вульсон с большей частью флота и пленниками возвратился в Рим, а Регул остался зимовать в Африке. Очевидно, они полагали нанести в следующем году решающее поражение Карфагену. Итак, Регул с 15 тысячами пехотинцев, 500 всадниками и 40 кораблями остался в Африке. Карфагеняне сначала избрали новыми полководцами

⁴ «Вороны» — это те переходные мостки с крюками, применение которых принесло римлянам победу при Милах (Липарских островах).

только Гасдрубала, сына Ганнона, и Бостара, но затем послали на Сицилию за опытным Гамилькаром, который, как можно думать, должен был стать третьим равноправным полководцем. Гамилькар привел с собой 5 тысяч пехотинцев и 500 всадников. «Триумvirат» решил не ограничиваться лишь обороной Карфагена, но и не дать римлянам овладеть равниной. Бой произошел около города Адиса (?). Он закончился, очевидно, вследствие тактической бездарности Гамилькара не в пользу карфагенян. Следствием было то, что римляне смогли теперь считать себя хозяевами равнины. Они укрепились в городе Тунете и расположили там, как когда-то войска Агафокла, свою постоянную стоянку. Вдобавок ко всем несчастьям подняли мятеж нумидийцы. Сельское население в ужасе бежало в город. Но в городе царило мало-душие и вдобавок начался голод. В этой грозной ситуации карфагеняне умоляли о начале мирных переговоров. Главой посольства, прибывшего в лагерь Регула, был Ганнон, сын Гамилькара. Однако Регул выдвинул такие условия, какие могли быть приняты только после полной капитуляции. Пораженные и озлобленные, послы вернулись в Карфаген. Сенат решил продолжать войну.

В это время в Карфагене появилось большое войско греческих наемников, поскольку военные действия между Птолемеем II и Антигоном Гонатом⁵, кажется, уже подходили к концу или даже вовсе завершились. Среди этих наемников был спартанец Ксантипп, опытный офицер, который приобрел доверие карфагенского руководства. Ксантипп понял, что поражение карфагенян было вызвано не слабым военным потенциалом (наоборот, на него произвела впечатление величина этого потенциала, и особенно сила кавалерии и число слонов), а неспособностью полководцев. Под влиянием Ксантиппа карфагенское руководство решило перейти к наступательной войне. Карфагеняне вывели в поле приблизительно 12 тысяч пехотинцев, 4 тысячи всадников и около ста слонов.

Сражение, которое развернулось весной 255 г. вблизи Тунета, было в первую очередь решено охватывающей атакой превосходящей карфагенской кавалерии. Потери римлян были ошеломительными. Только 2 тысячи человек, которые сражались на правом крыле, смогли спастись. Им удалось прорваться в Аспиду. 500 человек, среди которых был и сам Регул, попали в карфагенский плен.

После того как известие о катастрофе Регула пришло в Рим, сенаторы решили оставить прежнюю стратегию относительно Африки

⁵ Птолемей — царь Египта, Антигон Гонат — царь Македонии.

и ограничиться вывозом людей, прорвавшихся в Аспиду. Операция, проведенная под руководством консулов Сер. Фульвия Петина Нобилиора и М. Эмилия Павла, стала полностью успешной. Карфагенский флот, состоявший из 200 кораблей, около мыса Бон был явно побежден римским флотом, насчитывавшим 350 кораблей. Карфагеняне, кажется, потеряли 24 корабля, римляне — девять. Но на обратном пути около Камарины римлян постигла ужасная катастрофа. Полибий считает ее самой большой морской катастрофой в истории. Из 364 кораблей римляне потеряли 284 явно из-за неправильного поведения консулов, которые двигались вдоль южного побережья Сицилии, чтобы произвести впечатление на жителей городов, там находившихся, и заставить их перейти на сторону римлян.

От отступления римлян из Африки до победы римлян при Эгатских островах (255—241 гг.)

Успех у Тунета и катастрофа у Камарины вызвали у карфагенян новый подъем. Они усилили свои вооружения явно в убеждении вновь вступить в припепетии войны.

Однако в первую очередь карфагеняне навели порядок в собственном доме, в Северной Африке. Эта задача была поручена Гамилькару. Гамилькар поступил жестко. Вождей племен, которые восстали против карфагенян, он распял, а в качестве штрафа потребовал тысячу талантов серебра и 20 тысяч голов рогатого скота. Как долго продолжалось умиротворение нумидийского хинтерланда, неизвестно.

Во всяком случае, выполнение этой задачи не помешало карфагенянам вновь развернуть свою активность на Сицилии, хотя и в меньшем масштабе. Еще в 255 г. Карталон, который явно принял сицилийское командование от Гамилькара, в этот промежуток времени (т. е. в период от 262 до 255 г.), захватил и разрушил вновь заселенный Акрагант. Других, больших, успехов Карталон в этом году не достиг, вероятно, потому, что карфагенские войска в это время были заняты в основном в Северной Африке.

Римляне, несмотря на большую неудачу, ни в коем случае не потерялись. В рекордное время, всего за три месяца, они построили 220 кораблей и в следующем году (254 г.) повели их под командованием консулов Гн. Корнелия Сципиона и Азины А. Атилия Кайатина к Сицилии. В Мессане они присоединили к себе остатки флота предыдущего года, так что теперь они могли наступать на северном побережье

Сицилии с 300 кораблями. Им не нужно было бояться нападения карфагенского флота, так как карфагеняне в это время еще не направляли на Сицилию большие морские эскадры. Кефаледий попал в их руки в результате предательства. Дрепану захватить они, однако, не смогли, т. е. Карталон пришел на помощь осажденному городу. Панорм же, «самый значительный город провинции карфагенян» (Полибий), пал, а именно после завоевания Нижнего города и на основе соглашения. Это соглашение предусматривало, с одной стороны, передачу гражданами Панорма города римлянам, а с другой — предоставление римлянами гражданам возможности выкупа на свободу. Цена выкупа была установлена в две мины (= 200 драхм) за одного человека. Таким путем 14 тысяч жителей Панорма получили свободу, а римляне положили в свою казну 2800 тысяч драхм, или $466\frac{2}{3}$ таланта серебра. 13 тысяч жителей не смогли заплатить этот выкуп и были обращены в рабство. Впечатление от этого успеха римлян было велико. Иатинцы изгнали карфагенский гарнизон и сдали свой город римлянам. Их примеру последовали граждане — пунического! — города Солунта и городов Петры, Китаттары (?) и Тиндарида. Большая часть северного побережья, часть внутренних районов и некоторые места на южном побережье теперь находились под римским контролем. В конце года Кайатин через Мессану вернулся в Рим, а Сципион остался на Сицилии.

Летом следующего, 253 г. консул Г. Семпроний Блез во главе всех морских сил направился в Африку, точнее к восточному побережью Туниса и в область Малого Сирта. Консул Гн. Сервилий Цепион, кажется, остался на Сицилии и начал осаду Лилибея. Блез высаживался в нескольких местах и разграбил страну. Какова была цель этой акции? Должна ли была повториться стратегия вторжения 256 г.? Очевидно, нет. Может быть, этой операцией надо было нанести как можно более значительный удар по силам Карфагена и этим облегчить захват сильной карфагенской крепости Лилибей. Взятие Панорма, как кажется, увеличило надежды на овладение Лилибеем.

Операция Блеза полного успеха не имела. Когда у острова Меннинг (= Джерба) из-за незнания мелей и закона приливов и отливов Блез попал в бедственное положение, он принял решение вернуться на Сицилию. Полибий утверждает, что его отступление было похоже на бегство. Флот прошел вблизи Лилибея и бросил якорь в гавани Панорма. Время года для комбинированного нападения на Лилибей с суши и моря уже прошло, и Блез решил возвратиться в Рим. Но он

выбрал путь не вдоль сицилийского и италийского берегов, а через открытое море. Вблизи мыса Палинур флот попал в бурю, в которой потерял более 150 кораблей.

Потеря почти трех пятых военного флота заставила римлян изменить свою стратегию. Дорогостоящий флот перестает быть инструментом войны. В будущем флот не должен вводиться в дело ни на Сицилии, ни в Африке. Защита Италии может и должна — так полагали в Риме — быть обеспечена численно менее значительным флотом. Все надежды снова возлагались на легионы — традиционный инструмент войны.

Карфагеняне в этом году, кажется, полностью ушли в оборону. По-видимому, их силы были в значительной степени сконцентрированы на урегулировании ситуации в Нумидии и на проведении в жизнь новой программы вооружений.

В следующем году (252 г.) положение изменилось лишь несущественно. Консулы этого года Г. Аврелий Котта и П. Сервилий Гемин были не в состоянии добиться перелома на Сицилии, хотя они смогли завоевать некоторые места, но со значительными осложнениями. Успех завоевания значительного города Гимеры был довольно ограниченным, поскольку римлянам не удалось захватить ни одного жителя города: карфагеняне под покровом ночи смогли эвакуировать все население. В Ферме погибли офицеры римской воинской части силой в тысячу человек из-за хитрости стража ворот города (?), прежде чем город пал. А в случае Липар военный трибун П. Аврелий Пекуниола, вопреки приказу Котты попытавшийся взять штурмом город, потерял большое число своих людей, прежде чем сам Котта смог овладеть городом. Захватить Геркты римляне не смогли, хотя в поле были выведены 40 тысяч пехотинцев и тысяча всадников. И для осады Липары римляне использовали сиракузские корабли. Возможно, уже тогда многим римлянам стало ясно, что решение отказаться от боеспособного флота было ошибкой.

По расположению мест, вокруг которых шли бои, видно, что целью римлян было по мере возможности завладеть всем северным побережьем Сицилии, а также Липарскими островами, чтобы, опираясь на эту защищенную линию, повести наступление на опорные пункты карфагенян. Их расчеты частично оправдались: побережье от мыса Пелориады до Панорма находилось под римским контролем. Однако Геркты, закрывавшие вход в карфагенскую эпикратию, захватить они не смогли. Хотя карфагеняне перенесли некоторые удары, они, как и раньше, удерживали в своих руках важные укрепленные города

и крепости Геркты, Дрепану, Лилибей, Селинунт и Гераклею. Но силами для проведения наступательных действий они в этом году не располагали.

В следующем (251 г.) году ситуация должна была измениться. В этом году карфагенский полководец Гасдрубал с 30 тысячами пехотинцев и всадников и 140 слонами прибыл в Лилибей. После того как он присоединил к себе войска, стоявшие в Гераклее, он двинулся, вероятно, уже в 250 г. через Селинунт в направлении Панорма. Один консул этого года Г. Фурий Пацил со своими войсками в это время уже вернулся в Италию, другой, Л. Цецилий Метелл, устроил свою главную квартиру в Панорме. Прибытие Гасдрубала не застало врасплох Метелла, который в это время обладал проконсульской властью. Поскольку он в тактическом отношении превосходил Гасдрубала, то и одержал бесспорную победу. 20 тысяч «карфагенян» и 26 слонов погибли в битве у Панорма, большое число «карфагенян» было взято в плен, и 104 слона частично вместе с их «индийскими» погонщиками попали в руки римлян. Гасдрубал с остатками своего войска бежал в Лилибей и был государственным судом ста четырех заочно приговорен к смертной казни. Позже он был посажен на кол.

С победой в римской армии резко повысилась уверенность в своих силах, уверенность, которая после Тунета дошла до самого низкого пункта. Прежде всего сам факт, что на этот раз удалось найти действенное оружие защиты от слонов, придало римским солдатам и офицерам новую уверенность. На карфагенской же стороне господствовала глубокая подавленность. Различные авторы сообщают, что карфагеняне направили в Рим посольство с предложением переговоров об окончании войны и обмене пленными. С посольством прибыл в Рим пленный консул Регул, от которого карфагеняне ожидали посредничества в переговорах. Однако Регул посоветовал продолжать войну, хотя и полностью сознавал, что за это поплатится своей жизнью. Хотя наука отвергает историю с Регулом и рассматривает ее, что совершенно правильно, как легенду, само сообщение о заинтересованности карфагенян после битвы при Панорме в завершении войны нельзя считать сказочным. И в других случаях после тяжелых поражений карфагеняне пытались подвести черту под прошлым, чтобы, понеся в данный момент определенный ущерб, затем возместить его активностью на новом поле. Это полностью соответствовало их купеческому духу. Тогдашние переговоры завершились ничем, так как римляне, как в свое время Пирр предположительно, настаивали на том, чтобы карфагеняне очистили всю Сицилию.

Однако к сдаче всех сицилийских опорных пунктов карфагеняне были еще не готовы. Война продолжилась.

Важнейшим постановлением, которое было принято в 250 г. при консулах Г. Атилии Регуле и Л. Манлии Вульсоне Лонге, стала отмена решения 253 г., по которому было запрещено строительство кораблей, какие должны были действовать вне италийских прибрежных вод. Теперь римляне ввели в строй 50 кораблей. Римляне явно поняли, что без сильного флота взять такой город, как Лилибей, невозможно. Успех под Панормом окрылил их в стремлении построить новый флот.

Оба опытных в морском деле консула приблизительно в конце июня 250 г. со 120 кораблями двинулись к Лилибею. Войска, стоявшие на Сицилии, получили приказ двинуться туда же. Если бы Лилибей был взят, это стало бы величайшей победой римлян и карфагеняне уже не одержали бы победы. Что Лилибей при всех обстоятельствах надо сохранить за собой, карфагенянам было ясно. Комендант города Гимилькон, в распоряжении которого наряду с гражданами города, способными носить оружие, имелось около 10 тысяч греческих и кельтских наемников, принял все мыслимые меры для противодействия атакам римлян. Когда положение города достигло критической стадии и некоторые предводители наемников были готовы начать переговоры с римлянами о сдаче, лояльность ахейского наемника Алексона спасла город от падения в результате предательства. Алексон и Ганнибал, сын полководца Ганнибала, убитого в Сульцисе, успокоили греческих и кельтских наемников и укрепили воинскую дисциплину.

После преодоления этой опасной ситуации — в Карфагене об этих событиях еще ничего не знали — значительное подкрепление пришло в Лилибей. Ганнибал, сын Гамилькара, близкий друг полководца Адгербала, с 50 кораблями и 10 тысячами человек смело прошел через вражеские линии и без потерь достиг гавани Лилибея. Обороняющие город силы осажденных этим были существенно увеличены. Все же их было недостаточно, чтобы разрушить осадные сооружения врага. Связанные с этим усилия карфагенян только в более позднее время принесли успех. На этот успех осажденных осаждающие ответили сооружением вала и рва и понадеялись в будущем взять свое. Когда известие об ударе, нанесенном войскам при Лилибее, пришло в Рим, римляне спешно набрали 10 тысяч матросов и в 249 г. под командованием консула П. Клавдия Пульхра сухим путем направили их к Лилибею. Вскоре после прибытия к Лилибею Пульхр решил

отплыть в Дрепану, так как был убежден, что может использовать в борьбе с Адгербалом момент внезапности, поскольку, по его мнению, Адгербал ничего не знал о прибытии вновь набранных матросов. Но от карфагенских постов у Дрепаны не скрылось прибытие римского флота. Адгербал быстро подготовился к битве; он явно хотел всеми силами предотвратить блокирование города. Карфагеняне в этом морском сражении одержали победу благодаря опытным морякам, лучшему судовому материалу и превосходящей тактике Адгербала. 93 корабля, большей частью вместе с экипажами, попали в руки карфагенян. Консул бежал приблизительно с 30 кораблями. Позже Пульхр был осужден за государственную измену.

Несмотря, однако, на тяжелое поражение, римляне не остановились в своих военных стремлениях. Л. Юний Пулл, второй консул 249 г., привел на Сицилию 60 военных кораблей и большое количество транспортных судов, чтобы дать войскам, стоявшим перед Лилибеем, необходимое подкрепление и припасы. В Мессане к нему присоединились остатки «лилибейского» флота и других «сицилийских» единиц. По-видимому, планировалось поддержать транспорт с припасами всеми имеющимися в распоряжении боевыми кораблями. Со 120 боевыми и почти 800 грузовыми судами Пулл отплыл дальше в Сиракузы. Кажется, он считал, что из-за расположения опорного пункта карфагенского флота в Дрепане сицилийский южный путь менее опасен, чем северный. Из Сиракуз он отправил половину грузовых кораблей под командованием «квесторов» к Лилибею, чтобы как можно быстрее доставить осаждающим необходимые припасы. Сам он оставался в Сиракузах, ожидая остальную часть своего флота и дальнейшие поставки зерна от союзников из внутренней части острова.

По-видимому, еще до отхода «лилибейского» флота в Мессану, Адгербал приказал Карталону, который с 70 кораблями прибыл на Сицилию, со 100 кораблями напасть на римский флот, стоявший на якоре перед Лилибеем. Нападение Карталона на римскую корабельную стоянку увенчалось, однако, лишь частичным успехом, хотя Гимилькон поддержал акцию флота вылазкой из города.

После получения известия об отплытии первого отряда римского флота из Сиракуз Карталон со 120 кораблями направился к Гераклею. Около Гелы две эскадры встретились. Так как римский флот, которым командовали «квесторы», понял, что он не может принять бой с флотом Карталона, он бросил якорь у Финтия, города, находящегося под контролем римлян. Этот город не имел гавани, но лишь располагал рейдом. Атака Карталона на лагерь римских кораблей привела, однако,

только к частичному успеху. После завершения атаки Карталон засел в засаду в устье Галика, чтобы дожидаться выхода римлян в море и снова напасть на них.

Когда Пулл со вторым отрядом римского флота выступил из Сиракуз, он еще не знал о происшедшем вблизи Финтия. Карталон, который от своих лазутчиков узнал о выступлении Пулла, решил выйти ему навстречу, чтобы дать бой как можно дальше от первого отряда. Когда карфагенские корабли оказались вблизи римского флота, Пулл понял, что он уступает силам Карталона. Тогда он предпринял попытку вернуться в Сиракузы. Но вблизи Камарины стало ясно, что мысли о дальнейшем бегстве надо оставить. Поэтому он отдал приказ встать на якорь вблизи берега у крутого побережья Камарины. Карталон не счел удачным место для атаки. Поэтому он бросил якорь вблизи мыса, который располагался между двумя отрядами римского флота, и наблюдал за движениями обоих отрядов. Но так как карфагенские кормчие заметили признаки надвигающейся бури, Карталон сменил свою позицию, из последних сил он обогнул мыс Пахин и встал на якорь в сиракузской области. Римский же флот в ужасной буре погиб почти полностью. Опытность карфагенских кормчих предотвратила карфагенский флот от подобного несчастья.

Следствием двух катастроф, при Дрепане и Камарине, стало то, что римляне снова покинули море. Карфагенская талассократия опять стала нерушимой.

Пулл попытался противостоять опасному отчаянию тем, что предпринял наступление на карфагенскую эдикратию. Он сумел в октябре 249 г. овладеть городом Эриксом.

В целом в последующее время на фронте не произошло больших изменений, даже тогда, когда, вероятно, весной 247 г. на Сицилию прибыл новый адмирал Гамилькар Молния⁶. Гамилькар даже был вынужден перенести легкий удар, когда римский консул Н. Фабий Бутеон сумел овладеть маленьким островом Пелиадой, лежащим около Дрепаны. После этой неудачи Гамилькар работал над заключением договора об обмене военнопленными. Договор был заключен.

После подавления бунта наемников — с такой проблемой был вынужден бороться еще Карталон — Гамилькар опустошил италийское побережье вплоть до Кум. Хотя такие рейды совершали еще Адгербал в 250 г. и Карталон в 248 г., только Гамилькар при проведении

⁶ Гамилькар Барка. По его прозвищу историки называют его семью Баркидами. Так же часто именуют и его сторонников.

подобной акции добился успеха. Его успехи частично объясняются владением выгодно расположенным опорным пунктом в центре вражеской области — фортом и гаванью Геркт. Здесь он укрепился в 247–246 гг., и, опираясь на эту базу, он подготавливал свои акции. Впрочем, направлены они были не только против италийских берегов, но и против римских «соседей», находившихся в Панорме. Римляне и карфагеняне почти три года вели здесь с переменным успехом ожесточенные бои.

После этого Гамилькар оставил Геркты и отвоевал город Эрикс; римские укрепления у подножия и на вершине горы он, однако, взять не смог. Перенесением операционной базы из Геркт в Эрикс он, вероятнее всего, преследовал цель дать Дрепане более действенную защиту. У Эрикса, как ранее у Панорма, в течение двух лет, с 244 до 242 г., велась ожесточенная малая война.

Однако решение в бою, в котором оба врага напрягали все свои силы вплоть до полного истощения, пришло не на суше, а на море. Именно римляне учли горькие уроки и поняли, что при применении прежних методов ведения войны конца ей не видно. Казалось, что только с помощью сильного флота можно прийти к окончательному решению. Зимой 243/42 г., через шесть лет после второй катастрофы при Камарине, они взялись за дело и стали строить флот из 200 пентер. Эти корабли строились по образцу пентеры Ганнибала Родосца, которая попала в руки римлян около Лилибея в 250 г. Римское государство, однако, было не в силах финансировать эту дорогостоящую программу строительства флота. Частные лица Рима под ручательство государственной гарантии в случае успеха заполнили эту брешь. С этим флотом в начале лета 242 г. консул этого города Г. Лутаций Катул двинулся к Сицилии. Он стремился использовать момент внезапности, какую должно было произвести появление римского флота, и овладеть гаванью Дрепаны и рейдом Лилибея. Насколько карфагеняне не принимали в расчет появление римского флота, показывает тот факт, что карфагенские корабли в то время возвращались в Карфаген. Хотя Катул после своего появления начал с осады города Дрепаны, он вскоре запланировал, используя свое преимущество, столкновение с карфагенским флотом. Теперь карфагеняне попали в цугцванг. Если они хотели воспрепятствовать поражению или капитуляции войск, стоявших в Эриксе, они должны были снабжать их припасами. Они снарядили флот и назначили его командующим Ганнона. Ганнон весной 241 г. отплыл сначала к Священному Острову (Гиере). Он планировал оттуда незаметно для врага прийти

к пристани Эрикса, выгрузить там необходимые продукты, взять на борт Гамилькара и его опытных наемников и затем дать сражение Катулу. Но консул был уведомлен о подходе карфагенского флота. Поэтому он посадил на корабли умелые экипажи и поплыл к западному побережью Сицилии, лежащему напротив острова Эгуссы. И когда Ганнон на следующий день после прибытия римского флота на Эгуссу 10 марта 241 г., используя попутный ветер, взял курс на Тоннару ди Бонаджа, Катул долго не медлил, а, несмотря на неблагоприятный ветер двинулся против карфагенян, ибо хотел помешать соединению войск Ганнона и Гамилькара. Сражение закончилось поражением карфагенян. Результат поражения был ясен: 50 кораблей было потоплено и 70 кораблей вместе с экипажами захвачены римлянами; почти десять тысяч «карфагенян» попало в руки врагов. Остатки флота вернулись на Священный Остров.

Пренебрежение флотом отомстило карфагенянам. Римляне победили карфагенян их собственным оружием: хорошо построенными кораблями, тренированными гребцами, умелыми солдатами, обученными капитанами и превосходящей тактикой.

МИРНЫЙ ДОГОВОР

Когда известие о поражении флота пришло в Карфаген, мнения относительно дальнейших действий разделились. Наконец, убедившись в том, что дальнейшая поддержка войск, сражающихся на Сицилии, невозможна, карфагеняне решили закончить войну. В конечном счете это решение стала выражением усталости от войны. Гамилькару было поручено вести мирные переговоры, и с этой целью ему была предоставлена неограниченная свобода действий. Гамилькар, который в поле не потерпел поражения, принял данное ему поручение и направил послов к Катулу, давшему свое согласие заключить будущий договор следующего содержания: «На нижеследующих условиях, если они будут угодны и народу римскому, должна быть дружба между карфагенянами и римлянами: карфагеняне обязаны очистить всю Сицилию, не воевать с Гиероном, не ходить войною ни на сиракузян, ни на союзников их; карфагеняне обязаны выдать римлянам всех пленных без выкупа; карфагеняне обязаны уплатить римлянам в продолжение двадцати лет две тысячи двести эвбейских талантов серебра» (Полибий)⁷.

⁷ Перевод Ф. Г. Мищенко.

Однако римское народное собрание не приняло этот договор. Оно послало на Сицилию комиссию децемвиров, которая на месте должна была получить информацию о положении дел. Децемвиры не изменили главные пункты прелиминарного договора, но в некоторых второстепенных пунктах ужесточили требования, налагаемые на карфагенян. Так, они сократили срок уплаты репараций наполовину и потребовали, кроме того, тотчас заплатить еще тысячу талантов; они должны были также очистить все острова, лежащие между Сицилией и Италией, им запретили набирать войска на территории, которой правят партнеры, приказали распространить гарантии мира на всех союзников обоих партнеров. Окончательный договор предусматривал следующие условия: «Карфагеняне должны очистить <как всю Сицилию, так и> все острова, которые лежат между Италией и Сицилией. Обе стороны должны гарантировать безопасность союзников обеих сторон. Ни одна сторона не должна ничего делать на территории, подвластной другой стороне, не набирать там войска и не устанавливать дружбу с союзниками другой стороны. Карфагеняне должны в течение десяти лет заплатить 2200 талантов и немедленно еще тысячу. Карфагеняне обязаны возвратить римлянам всех пленных без выкупа» (Полибий).

Основной результат I Римской войны автор «*Ineditum Vaticanum*» кратко резюмирует так: «И (римляне) завладели Сицилией, за которую вели войну». Конечно, очистка Сицилии являлась видимым следствием поражения при Эгатских островах. Менее видимым было, возможно, то, что для многих карфагенских политиков 241 г. означал перелом в истории города. Центр тяжести в Западном Средиземноморье очень резко сдвинулся в пользу поднимающегося Римского государства и в ущерб Карфагенскому государству.

О глубоком кризисе Карфагена свидетельствуют события, последовавшие за войной, которые никто не мог предвидеть.

25. ЛИВИЙСКАЯ ВОЙНА И ПОТЕРЯ САРДИНИИ (241–238 гг.)

Война была проиграна. Но вскоре оказалось, что конец ужасам еще не пришел. Новая опасность для Карфагенского государства пришла от наемников. Ее столь угрожающий размах связан с тем фактом, что большинство наемников были ливийцами. Только ливийские наемники могли дать мятежу такую основу, которой, казалось, вполне хватало для уничтожения Карфагенского государства. Они одни могли превратить бунт наемников в «Ливийскую войну».

Поводом для мятежа стал отказ соответствующих государственных чиновников выплатить наемникам причитающиеся им деньги. Свой отказ они обосновали нынешней несостоятельностью государственной казны. Однако, по-видимому, при напряжении всех сил найти решение проблемы было бы возможно.

О тяжелом положении государственных финансов информировал также Гисгон, преемник Гамилькара. Поскольку он предвидел трудности, ибо настроение войск уже тогда, как кажется, было возбужденным, то приказал наемным войскам переправляться из Лилибея в Карфаген отдельными отрядами и через определенные промежутки времени. Он хотел дать карфагенским властям время, чтобы достать деньги и по отдельности распустить контингенты. Но существующие власти не согласились с планом Гисгона. Они, наоборот, собрали в Карфагене все наемные войска, состоявшие из ливийских, иберийских, кельтских, балеарских, лигурийских и полугреческих частей, в обманчивой надежде, что смогут с ними договориться о выплате меньших сумм. Для достижения этой цели они, видимо, считали необходимым говорить одновременно со всеми наемниками. Они полагали возможным, что плата всем наемникам равного служебного ранга будет сокращена в равной степени.

Первые столкновения с карфагенскими гражданскими чиновниками еще не были связаны с денежными проблемами. Но они привели к тому, что карфагенские власти потребовали от предводителей наемников обосноваться со своими войсками в городе Сикке, пока не будут высажены остальные воинские части и не будут получены требуемые деньги. Наемники заявили, что они согласны с этим

планом, но хотели оставить в Карфагене свое «имущество», к которому они причисляли также жен и детей, поскольку рассчитывали на очень краткое пребывание в Сикке. Однако карфагенские власти не соглашались с этим, ибо боялись, что в таком случае наемники раньше времени вернутся в Карфаген или даже вообще не покинут его. Наемники подчинились, но при этом роптали.

Ничего не делая в Сикке, часть наемников стала рассчитывать на деньги, которые далеко превосходили суммы, гарантированные государством. И все вспоминали о том, что в критических ситуациях карфагенские полководцы не скупались в своих обещаниях. Ожидания были огромны.

Вскоре в Сикку прибыли и остальные наемники. Когда Ганнон, полководец Ливии¹, не только не удовлетворил возросшие надежды, но и стал говорить о сокращении выплаты, произошел взрыв. На разнообразных сходках взволнованно обсуждали новую ситуацию. Ганнон через командиров отдельных групп наемников пытался успокоить возбужденные головы. Это ему не удалось, поскольку командиры, сами находившиеся в тяжелом положении, были больше не в состоянии контролировать свои отряды. Росло недоверие. Наемники считали, что эту миссию намеренно поручили не какому-либо генералу, который на Сицилии давал им обещания, а постороннему деятелю. Возбужденные, а их число достигло 20 тысяч, они двинулись в направлении к Карфагену и разбили свой лагерь около Тунета. Происходящие события поставили карфагенские власти в трудное положение. И расчеты наемников оправдались. Соответствующие карфагенские инстанции стали обращаться с наемниками совершенно предупредительно и пообещали не только выплатить оговоренную плату, но и выполнить их требования, насколько это будет в их силах.

Однако наемники на этом не успокоились. Они выдвинули новые требования. Они обязали карфагенян выплатить им стоимость их лошадей, потерянных во время войны. Когда и это требование было удовлетворено, зашла речь о компенсации стоимости хлеба, который власти задолжали. Солдаты требовали, чтобы расчет производился по наивысшей цене, какая была во время войны. На этот раз, как кажется, карфагенские власти не приняли однозначного решения, но лишь выразили готовность сделать все, что в человеческих силах, для выполнения желания наемников. Спорные пункты должен был

¹ «Стратег», обладавший не только военной, но и гражданской властью над подчиненной карфагенянам территорией Ливии.

решить один из полководцев, командовавших на Сицилии, — это было одно из желаний солдат, высказанных еще Ганнону. Так как Гамилькар из-за того, что снял с себя командование и находился вдалеке, не мог принять участия в переговорах, в качестве посредника они признали Гисгона.

Через некоторое время (точная хронологическая последовательность событий неизвестна) Гисгон на корабле прибыл в Тунет. На борту у него были деньги, которые, казалось, должны были гарантировать решение всех возникших проблем. Он выплатил весь долг, который было должно государство, но отсрочил выплату компенсации за лошадей и хлеб. Очевидно, он полагал, что по этим вопросам с наемниками еще можно договориться. Кампанский раб-перебежчик Спендий и ливиец Матос использовали это как повод, чтобы натравить солдат на карфагенян. Матос особенно боялся, что после ухода других наемников карфагеняне устроят жестокое судилище над ливийскими наемниками, чтобы стабилизировать свое господство в Ливии. Зачинщикам быстро удалось увлечь за собой большую часть наемников. Террор, который оба сумели установить наконец столь распространился, что офицеры и простые солдаты, которые осмеливались открыть рот в дискуссии, побивались камнями. Полибий сообщает, что единственное слово, которое наемники понимали, было «бей». Следующим шагом стал отказ наемников от своих бывших предводителей и избрание полководцами Матоса и Спендия.

В самом деле, Гисгон попытался вбить клин между ливийскими и остальными наемниками, поскольку только первым еще не было выплачено возмещение содержания. Когда же ливийцы пожаловались на это Гисгону, тот подлил масло в огонь страстей, сказав, что они должны получить деньги у своего «полководца» Матоса. В ответ на это взбунтовавшиеся наемники разграбили багаж карфагенян, захватили найденные там деньги, арестовали Гисгона и его спутников и поклялись вести войну против Карфагена. Разрыв стал неизбежным.

Ни Ганнон, ни Гисгон, кажется, не сознавали серьезности ситуации.

Обе стороны теперь должны были предпринять все попытки усилиться, чтобы иметь возможность вести войну за само свое существование.

Матос ясно понимал, что его планы будет легче реализовать, если он сумеет превратить мятеж наемников в народную войну. Поэтому он разослал своих посланников в города Ливии (Эмпории, кажется,

не попадали под это определение), чтобы призвать жителей этих городов к общей борьбе за свободу. Только лозунг свободы был возможен в таких обстоятельствах, ибо значительная часть Ливии чувствовала себя эксплуатируемой Карфагеном. Поразительно то, что посланцы Матоса прибыли среди других городов не только в ливо-финикийский город Гиппон Акру, но даже в финикийский город Утику. Очевидно, были основания надеяться, что попытка вовлечь эти города в антикарфагенский фронт не была обречена на полный провал. Последующие события показали, что такое предположение не было абсурдным. В стране широко распространились антикарфагенские настроения особенно потому, что во время последней войны карфагеняне опирались преимущественно на ресурсы Ливии. Они не только удвоили налог с городов, но и требовали половину урожая с полей. К тому же тогдашние полководцы Ливии, и среди них Ганнон, действовали неуступчиво и неумолимо. «Поэтому мужчины нуждались не в подстрекательстве к отходу, а только к вести о нем» (Полибий). Ливийские женщины связывали себя клятвами ничего не скрывать из своего имущества и пожертвовать украшениями ради военной казны Матоса. Почти все ливийские общины приняли участие в восстании и направили войска и припасы в лагерь Матоса.

Чем успешнее казались перспективы ливийцев, тем безнадежнее выглядело положение Карфагена. Длительная война с Римом истощала силы Карфагена, сухопутные войска, на которые до сих пор опиралась боевая сила города, находились во вражеском лагере, морские силы были разгромлены у Эгатских островов; на помощь друзей или союзников было мало надежды. Финансовые возможности большей частью были исчерпаны; на поступления из Ливии рассчитывать больше было нельзя. Предметы вооружения были в ограниченном количестве; число готовых к бою военных кораблей было относительно невелико. Тень надежд давали только стены Карфагена, превосходство на море и вероятность того, что не все «союзники» и подданные в Африке, Испании и Сардинии отпадут от метрополии.

Надежды Карфагена возросли, когда ни Утика, к которой подошел Спендий, ни Гиппон Акра, осажденная Матосом, не открыли наемникам ворота. Полководцем был назначен Ганнон. Официально его выбор был обоснован успехами, которых он добился во время Римской войны (тогда ему удалось взять Гекатомпилы), но в действительности этот выбор стал результатом пропаганды антибаркидской

коалиции². Ганнон энергично взялся за дело. Он составил из боеспособных граждан города пехотные и кавалерийские части и позаботился о ремонте еще сохранившихся триер, пятидесятивесельных кораблей и больших лодок.

По финансовым и политическим причинам одной из самых тяжелых проблем стала вербовка новых наемников. Можно предположить, что и на этот раз карфагеняне обратились к традиционным регионам вербовки — Испании, Галлии и Лигурии. Но если к этому времени римско-карфагенские скандалы, о которых мы еще будем говорить, завершились, то карфагеняне стали вербовать наемников также в областях римского господства, прежде всего на Сицилии. Это стало возможным, потому что римляне, по достоверным сообщениям Аппиана и Зонары, на время Ливийской войны прекратили действие соответствующих параграфов Лутациева договора. Ничто лучше, чем это, не показывает, в каком тяжелом положении находился Карфаген.

Если верить сообщению Аппиана, то карфагеняне даже предложили римлянам заключить союзный договор. Все же это сообщение вызывает большие сомнения. Вероятно, наоборот, римляне направили в Африку посольство, которое должно было выступить посредником между ливийцами и карфагенянами. Однако ливийцы отказались от всякого посредничества, но предложили подчиниться римской власти. Теперь римляне не приняли предложение. Без всяких результатов посольство возвратилось в Рим.

Поскольку ливийцы, а их было приблизительно 70 тысяч человек, не только осадили два важнейших портовых города Утику и Гиппон Акру, но и удерживали свой лагерь около Тунета и поэтому контролировали Карфагенский перешеек, то Карфаген был отрезан от ливийского хинтерланда. Порой враждебные стычки происходили перед самими стенами Карфагена, дабы запугать жителей города.

Предположительно в следующем году (240 г.) Ганнон с относительно сильной армией и ста слонами отплыл к Утике. Хотя он сначала, используя слонов, одержал недвусмысленную победу над осаждающими, которые отступили к Джебель Менцель Рул, затем при неожиданной контратаке наемников понес значительные потери. Через несколько дней около города Горзы он не использовал явные шансы на победу.

² Клановая борьба внутри карфагенской олигархии не прекращалась даже в этот грозный момент.

Даже если упущения Ганнона изображались весьма преувеличенно баркидской «партией», эти обвинения были благопринятно приняты большинством карфагенян. Особенно «масса» (Полибий) ждала быстрого и однозначного успеха от человека, который все еще был окружен нимбом непобедимости, — от Гамилькара Молнии. Гамилькар вышел из резерва, в котором он в последнее время находился не добровольно, а вынужденно, и принял избрание полководцем. Однако и Ганнон не был лишен должности полководца Ливии.

Возможно, «Молния» вмешался в военные события уже только весной 239 г. В пользу этого предположения говорит тот факт, что он сначала на вербовал новых наемников и поймал и натренировал 70 слонов. Все это требовало значительного времени. Когда Гамилькар покинул Карфаген, в его распоряжении имелось приблизительно 10 тысяч человек — городские всадники, наемники и перебежчики — и упомянутые 70 слонов. Его целью, видимо, было сломать стену изоляции и создать для карфагенских войск оперативный простор. Так как Матос со значительными силами защищал все стратегически важные пункты между Тунисским озером и Баградом, а у единственного моста через реку даже построил сооружение, напоминающее город, Гамилькар решил дожидаться благоприятного соотношения ветров и бурь и перевести свои войска через реку непосредственно у ее устья. Его план удался. К удивлению друзей и врагов, он однажды утром, оказавшись уже на левом берегу Баграда, двинулся к «городу у моста». Гамилькар, как кажется, предвидел, что произойдет. Приблизительно 10 тысяч человек, располагавшихся в «городе у моста», и 15 тысяч, под командованием Спендия осаждавших Утику, с двух сторон двинулись на карфагенские войска. Когда карфагеняне уже подумали, что они попали в клещи, Гамилькар решил обратиться в притворное бегство и в ходе этого движения создал специальные формирования из отдельных частей. И свою тактическую концепцию, в которой особую роль играли всадники и слоны, он провел в жизнь. Около 6 тысяч ливийцев и наемников погибло и приблизительно 2 тысячи взято в плен. Часть оставшихся ушла в «город у моста», а другая часть — в лагерь около Утики. Гамилькар продолжил наступление. Сначала он взял «город у моста», гарнизон которого бежал в Тунет, а затем подчинил города хинтерланда — небольшую часть в результате сдачи, большую часть силой.

Матос, лично возглавивший осаду Гиппон Акры, был озабочен получением подкрепления. Его послание к ливийцам и нумидийцам (нумидийцы в данном случае появляются впервые) гласило, что они

должны использовать последний шанс в борьбе за свободу. Спендию, который командовал приблизительно 6 тысячами человек различных национальностей, и Автариту, который стоял в главе приблизительно 2 тысяч кельтов, он советовал преследовать войска Гамилькара, но из-за силы вражеской кавалерии и опасности слонов не вступать с ним в бой на равнине.

Из-за прибытия ливийских и нумидийских войск Гамилькар оказался в трудном положении, прежде всего, потому, что он тогда находился на равнине, со всех сторон окруженной горами. Горы и враги, казалось, не давали ему возможности ускользнуть. В этой ситуации очень важной, укрепляющей силой и почти неоценимой психологической победой было то, что на сторону Гамилькара перешел Наравас, вождь приблизительно 2 тысяч нумидийцев. Теперь Гамилькар предложил Спендию дать сражение, и тот его принял. Гамилькар победил не в последнюю очередь благодаря боевой силе нумидийской кавалерии. Кроме того, в качестве важного оружия он использовал слонов. Погибло около 10 тысяч врагов и приблизительно 4 тысячи попало в плен. Спендий и Автарит спаслись бегством.

После этой победы Гамилькар предложил пленникам вступить в карфагенскую армию. Часть пленных это предложение приняла, другая отвергла. Не принявший предложение мог уйти свободным человеком, но при этом его предупреждали, что не будет ему никакого снисхождения, если еще раз поднимет оружие против Карфагена. «Мягкость» Гамилькара произвела на пленников и врагов большое впечатление. Воля к сопротивлению повсеместно слабела. Так Гамилькар достиг двух целей: во-первых, он получил желанное подкрепление карфагенской армии и, во-вторых, добился частичного разрушения боевых сил врага.

Приблизительно в это время наемники, расквартированные на Сардинии, вовлеклись в движение, которое привело к потере острова, а с этим и к самой глубокой неудаче в истории Карфагена. Перед мятежом они явно вступили в связь с коллегами, действовавшими в Африке; возможно, Матос и Спендий вообще были его инициаторами. Восставшие наемники арестовали провинциального наместника Бостара (Бостар в это время, кажется, командовал карфагенскими силами на Сардинии) и других карфагенян и сначала заключили их в крепости неизвестного нам города, а затем убили. Несмотря на тяжелое положение в Африке, карфагеняне были вынуждены направить на Сардинию войска. Командиром этих войск был назначен некий Ганнон. Но его солдаты (очевидно, это были наемники) перешли

на сторону восставших, которые после этого не только распяли Ганнона, но и после изощренных мучений убили всех карфагенян, находившихся на острове. После этого они захватили большую часть пунических городов, которые теперь лишились карфагенской поддержки. Таким образом, центры острова оказались под их контролем. Однако когда мятежники, действуя в соответствии со своим планом, попытались подчинить себе весь остров и создать там республику наемников, они вышли за пределы своих возможностей. Старые жители острова сарды объединились и изгнали наемников с острова. Те бежали в Италию. Сарды же, со своей стороны, не проявляли никакого желания снова подчинить остров власти Карфагена.

Тем временем положение наемников в Африке никаким образом не улучшилось. Их вожди начали реагировать чрезмерно нервно, поскольку боялись воздействия пропаганды Гамилькара. На войсковом собрании, созванном, возможно, около Гиппон Акры, они прочитали фальшивое письмо своих коллег, сражавшихся на Сардинии, в котором предупреждалось о небрежной охране Гисгона и других карфагенян. Некоторые элементы в лагере якобы вступили в переговоры с карфагенянами ради освобождения этих пленников. Автарит еще более повысил градус наступившего недовольства, выступив с демагогической речью, причем на финикийском языке, чтобы его могли понять как можно больше людей, в которой потребовал сжечь все мосты для переговоров с Карфагеном. Большинство с воодушевлением согласилось с ним. Гисгон и другие карфагенские пленники, которых было около 700 человек, были убиты после жестоких пыток. Хотя разные люди различных национальностей пытались предотвратить по крайней мере жестокое и бесчестное поведение по отношению к Гисгону и другим кандидатам на смерть, им это не удалось. Наоборот! С криками «бей!» они сами были забиты камнями до смерти. Вожди добились своей цели. После массового убийства карфагенян ни один наемник либо ливиец не мог даже подумать о том, чтобы перебежать к карфагенянам. Никакой милости они больше ожидать не могли. Если было возможно еще более расширить пропасть между двумя сторонами, то мятежникам это удалось. Они отказались выдать трупы убитых ими для погребения, пригрозили, что в будущем с любым вестником или послом карфагенян сделают то же, что с Гисгоном, и приняли решение каждого карфагенянина, которого возьмут в плен, убить, а каждому союзнику карфагенян, который попадет в их руки, отрубать руки и отправлять обратно в Карфаген.

После этой резни карфагеняне направили посольства к Гамилькару и Ганнону, которые действовали отдельно: они должны были удвоить свои усилия и отомстить за смерть жертв. Гамилькар понял, что идти путем «дружелюбия» (Полибий) уже нельзя. Он приказал в будущем всех пленных бросать под ноги слонам. Одновременно он призвал к себе Ганнона, так как был уверен, что только массовое соединение в одной точке сможет привести к решительному повороту. Надежды росли.

Но тут произошли некие события, поставившие под вопрос достигнутое ранее. Во-первых, вскоре выяснилось, что глубоко укоренившиеся разногласия между двумя полководцами ведут к военным неудачам. Во-вторых, транспорт с припасами, направлявшийся в Карфаген из городов района Малого Сирта, потонул во время бури. И в-третьих, и это было самое печальное, отчаявшиеся после почти двухлетней осады Утика и Гиппон Акра, которые до этого были верными союзниками, изменили карфагенянам и открыли свои ворота ливийцам. Чтобы приобрести благосклонность новых господ, жители одного из этих городов, вероятно Утики, убили около 500 солдат посланного им на помощь карфагенского отряда, сбросили трупы со стен и отказали карфагенянам в просьбе дать похоронить убитых.

Удары, полученные карфагенянами, вдохновили их врагов на крупномасштабное наступление. Они уже более не удовлетворялись захватом отдельных пунктов, находившихся под карфагенским господством, но двинулись прямо на центр карфагенской власти, чтобы с уничтожением его добыть все. Они приступили к осаде Карфагена. Эту опасность Гамилькар и Ганнибал, ставший преемником Ганнона, пытались предотвратить, отрезав осаждающих от подвоза продовольствия. Но успеха пришлось ждать еще некоторое время.

В этой ситуации (конец 239 г.?) карфагеняне были вынуждены обратиться за поддержкой к дружественным государствам, прежде всего — Риму и Гиерону II. Инцидент, который произошел в начале войны и нарушил отношения между Карфагеном и Римом, был урегулирован, и римляне, твердо соблюдавшие условия Лутациева договора, были готовы снабдить город своими припасами. Верность римлян договору проявилась прежде всего в двух случаях: во-первых, когда они, несмотря на просьбы наемников, отказались вмешаться на Сардинии, и, во-вторых, когда они не приняли предложение утикийцев о передаче им города. Но может быть, в еще большей степени карфагенян поддержал Гиерон II, поскольку он был уверен, что существование Карфагена обеспечивает и независимость его государства.

Помощь обоих государств, кажется, способствовала тому, что карфагеняне выдержали осаду (239/38 г.?).

Через некоторое время Гамилькар так плотно стянул кольцо вокруг осаждающих войск, что Матос и Спендий оказались вынужденными снять осаду города. Вскоре после этого вожди мятежников выдвинули армию приблизительно в 50 тысяч солдат, которая под командованием Спендия должна была преследовать войска «Молнии», чтобы в подходящий момент и в удобной для себя, т. е. гористой, местности ударить по ним. Спендия поддерживали ливийцы Зарзы и кельты Автарита. Матос, видимо, возвратился в свой опорный пункт — Тунет. В боях, произошедших впоследствии, Гамилькар добился преимущества. Решительный поворот в войне в Северной Африке случился тогда, когда Гамилькар сумел завести вражеские войска в район «Пилы». Поскольку, с одной стороны, мятежники, оказавшись в совершенно неудобной для себя местности (и это неудобство было еще усилено постройками Гамилькара), и не думали вступить в сражение и, с другой стороны, Гамилькар знал, что враг попал в ловушку, некоторое время ничего особенного не происходило. Вожди обнадеживали массы ожиданием помощи из Тунета. Но помощь из Тунета не приходила. Окруженные, если верить Полибию, дошли до того, что стали есть пленных и рабов. Когда настроение войск достигло критической отметки, Спендий, Зарза и Автарит обратились к Гамилькару начать переговоры. Гамилькар согласился. С представителями мятежников, среди которых находились и названные вожди, он заключил соглашение следующего содержания: карфагеняне выбирают десять врагов (в качестве заложников?), а остальные мятежники, одетые только в хитоны, могут свободно уйти. После того как эти условия были приняты, он заявил, что задерживает 10 присутствующих послов. Мятежники, заметив, что их вождей нет, и ничего не зная о содержании соглашения, схватились за оружие, ибо подумали, что с ними поступили несправедливо. В последующей бойне все мятежники, которых, по Полибию, было 40 тысяч, погибли.

Под впечатлением победы Гамилькара большое число ливийцев перешло на сторону карфагенян. Гамилькар теперь уже мог думать о нападении на Тунет, главную опору врага. Он осадил город с юга, а Ганнибал — с севера. Ганнибал тотчас распял перед стенами Тунета Спендия и его товарищей. Была ли это ненависть? Или Ганнибал хотел подтолкнуть врага к необдуманным действиям? Но необдуманность допустил не враг, а Ганнибал. А именно, когда Матос совершил вылазку, Ганнибал потерпел ощутимое поражение и сам попал в плен.

Мятежники жестоко издевались над Ганнибалом и еще живого повесили на том кресте, на котором прежде висел Спендий. Кроме того, над трупом Спендия они убили еще 30 знатных карфагенян, которые попали им в руки.

Гамилькар был вынужден снять осаду Тунета. Он со своими войсками двинулся к устью Баграда и там разбил свой лагерь. Казалось, все начинается заново.

В этой критической ситуации большинство сенаторов решили, что необходимо объединить все политические и военные силы, дабы закончить войну, продолжавшуюся уже три года. Поэтому они избрали из своей среды 30 человек во главе с Ганноном, который был вновь призван на руководящий пост, и направили их в лагерь Гамилькара, чтобы обсудить с ним меры, какие необходимо принять. 30 сенаторов сумели установить согласие, по крайней мере внешнее, между двумя генералами.

В последующее время карфагеняне снова достигли некоторых успехов. Матос потерпел поражение в небольших боях, как у Лептиса (Малого). В этом случае окрестности городов вблизи Малого Сирта впервые упоминаются как театр военных действий. Матос, позиции которого становились слабее, решил все поставить на карту. Это полностью отвечало желаниям карфагенских полководцев. После того как обе стороны все свои силы, включая гарнизоны, стоявшие в городах, сконцентрировали в одном, неизвестном нам, месте, разыгралось решающее сражение. Победу одержали карфагеняне. Большинство ливийцев пало в битве, остальные бежали в ближайший город, но вскоре сдались. Матос живым попал в руки карфагенян.

Вся Ливия капитулировала. Только Утика и Гиппон Акра продолжали борьбу, ибо не ждали никакого снисхождения. Но вскоре Гамилькар сломил сопротивление одного города, а Ганнон — другого. Оба города приняли продиктованный им мир.

Война, продолжавшаяся три года и почти четыре месяца, завершилась победным парадом солдат и мучительным убийством Матоса и других пленных.

Едва ли хоть один карфагенянин во время празднования победы мог думать, что очень скоро Карфагенское государство переживет новый жестокий удар — потерю Сардинии. Если до этого римляне отвергли предложение мятежников вмешаться на Сардинии, то теперь они к просьбам наемников, которые к тому времени бежали в Италию, не остались глухими и решили прибрать остров к рукам. Силы Карфагенского государства якобы выросли! После ознакомления

с аннексионистскими планами римлян карфагеняне направили в Рим ноту протеста, в которой указывали на свои права, и стали вооружаться, чтобы выступить против тех, кто «вырвал у них остров» (Полибий), а ими они могли считать только мятежных наемников. В ответ на это римляне в форме требования возмещения (*regum hereditio*) пригрозили войной на том основании, что карфагеняне вооружаются не против сардов, а против них самих. Хотя карфагеняне вполне могли победить в борьбе с мятежными наемниками и, возможно, даже с враждебными жителями острова, вступить в данный момент в военное противостояние с такой великой державой, как Рим, они были не в состоянии. Поэтому они уступили силе и отказались от владения островом. Более того, римляне потребовали уплатить репарации в размере 1200 талантов за войну, которая не состоялась.

Редко когда Рим показывал свое грабительское лицо так открыто, как при аннексии Сардинии. Многие карфагенские политики сделали из поведения Рима свои выводы.

Зонара сообщает, что в 235 и 233 гг. карфагеняне предприняли на Сардинии новые акции, направленные против Рима. Однако его сообщения не выдерживают критического анализа. Насколько пунические жители Сардинии участвовали в восстаниях, историчность которых бесспорна, — это вопрос, ответ на который едва ли имеется.

Если Корсика находилась под прямым карфагенским контролем в значительно меньшей степени, чем Сардиния, то все же и она к началу карфагено-римского конфликта из-за Сардинии в 238 г. входила в сферу карфагенского влияния. Когда Сардиния перешла к римлянам, то и Корсика попала в орбиту империалистических устремлений Рима. Хотя не все известия, сообщаемые Зонарой об аннексии Корсики, аутентичны, все же нет оснований сомневаться в том, что в 236–231 гг. остров перешел под римский контроль. То, что в эти годы Сардиния и Корсика были связаны многими нитями, ясно и без дальнейшего анализа.

26. БАРКИДЫ В ИСПАНИИ

Не позднее окончания сардинского конфликта Гамилькар принял решение вооруженным путем вмешаться в дела Испании. Но для успешного проведения своих планов в жизнь ему было необходимо сосредоточить в своих руках верховное командование над всеми вооруженными силами Карфагена. А это означало, что Ганнон больше не должен быть полководцем Ливии. В период перед созывом народного собрания, на котором должен был решаться вопрос о передаче высшего командования, демократические сторонники партии «Молнии» подготавливали почву для принятия нужного решения. Их задача не была особенно трудной, ибо Гамилькар в тот момент достиг наивысшего почета и уважения. Народ передал ему «стратегию всей Ливии», и притом «на неограниченное время» (Диодор). И в эту стратегию, как кажется, в соответствии с пуническим словоупотреблением включалась и «стратегия Иберии».

Весной 237 г. Гамилькар во главе большей части вооруженных сил покинул Карфаген. Его целью был Гадес. В его окружении находились его девятилетний сын Ганнибал и зять Гасдрубал.

Но каковы были цели, которые Гамилькар преследовал на Дальнем Западе? В древности было широко распространено мнение, что Гамилькар только для того отправился в Испанию, чтобы добыть средства, необходимые ему для возобновления войны с римлянами. Единственный аргумент, какой античные и, следуя им, современные сторонники такого мнения смогли выдвинуть, — это заявление, которое Гамилькар якобы предъявил Ганнибалу, что он «никогда не будет другом римлян» (Полибий). Это, однако, совершенно не указывает на реальное существование реваншистских планов «Молнии». Гамилькара заинтересовала область, к которой Рим до того времени не проявлял никакого интереса. Целью его планов было создание новой территориальной и материальной базы Карфагенского государства: потери, связанные с отделением Сицилии, Сардинии, Корсики, должны быть компенсированы в Испании. В случае достижения этой цели не возникало никакого противоречия между ростом собственного престижа и сосредоточения власти в его руках, с одной

стороны, и демократической «партией», с другой — по крайней мере, таково было мнение Гамилькара¹.

Испания, прежде всего южная часть страны, совершенно неизвестной карфагенянам не была. В течение столетий между карфагенянами и испанцами существовали тесные торговые связи, а временами карфагеняне даже вооруженной рукой контролировали местность.

Опираясь на Гадес, Гамилькар развернул свои первые военные акции. Что эти акции имели экспансионистский, а точнее империалистический, характер, не требует никакого объяснения. А превосходство противника в численности Гамилькар преодолел превосходящей стратегией и непревзойденной тактикой. Чем дальше Гамилькар со своими опытными войсками находился в Испании, тем большими становились его успехи.

Особое значение в военных событиях этого года имело столкновение между карфагенянами и «иберами и тартессиями», как выражается Диодор. «Иберы и тартессии» находились под командованием кельтибера Истолатия, который, по-видимому, при создании кельтиберийско-иберийско-тартессийской коалиции представлял необходимую силу. Карфагеняне одержали полную победу. Среди пленных, взятых в этом сражении, были Истолатий, его брат, подчиненные командиры и многие другие представители знати. Три тысячи пленников Гамилькар зачислил в свое войско — подобный опыт у него уже был во время Ливийской войны.

Дальнейшие военные действия велись с неким Индортом, в распоряжении которого имелось войско в 50 тысяч человек. Свыше десяти тысяч пленников были отпущены предположительно за выкуп, кроме самого Индорта. Наказание, которому он был подвергнут — ослепление, пытка и распятие, — говорит о том, что он был изменником. Многие испанские племена были подчинены силой, другие предпочли сдаться еще до ее применения.

Гамилькар в эти годы не прерывал связи с Карфагеном. Большую часть полученной добычи он отсылал в столицу. Его противники, естественно, утверждали, что он лишь хотел таким способом привлечь народ к осуществлению своих планов. И, когда часть нумидийцев задумала использовать отсутствие Гамилькара для мятежа, Гамилькар в качестве полководца Ливии приказал своему зятю Гасдрубалу двинуться в Северную Африку. Гасдрубал смог подавить

¹ Между стремлением компенсировать потерю Сицилии, Сардинии и Корсики и подготовкой новой войны с Римом нет никакого противоречия.

мятеж. В решающем сражении погибло восемь тысяч нумидийцев и две тысячи были взяты в плен. Члены племен, в той или иной форме связанные с мятежом, были обязаны оплатить свою «сдачу» (Диодор).

После того как Гамилькар добился этих успехов, он дал области, в которой господствовал, военную и административную столицу, основав новый город Акру Левку.

Если Гамилькар полагал, что Испания находится вне кругозора римлян, то он в этом ошибался, так как нет никаких оснований сомневаться в историчности сообщения Диона Кассия, что в 231/30 г. к Гамилькару прибыло «ради разведки» римское посольство. Когда Гамилькар, по словам Диона Кассия, заявил, что его деятельность в Испании никак не направлена против римских интересов, а, наоборот, имеет целью удовлетворить эти интересы, ибо только в Испании карфагеняне могут найти средства для уплаты репараций римлянам, то послы (это опять же сообщает Дион Кассий) вынуждены были принять эти разъяснения. Если Гамилькар действительно объяснял, что карфагенские захваты в Испании вызваны только необходимостью выплачивать репарации (мне это кажется сомнительным), то в глазах римлян это было, по меньшей мере, неубедительно, поскольку, вероятно, в 231 г. был внесен последний платеж. Появление римского посольства, вероятнее всего, было связано с тем, что Гамилькар еще более сознательно, чем раньше, в своей политической концепции затрагивал величие Рима.

Сообщения о смерти Гамилькара зимой 229/28 г. различаются между собой. Если, по сообщению Диодора, он погиб в разлившейся реке, куда его предательски завлек царь ориссов при осаде Гелике, то, по рассказу Аппиана, он пал в открытом сражении. Более вероятным представляется сообщение Диодора.

Гамилькар заложил в Испании основы создания там новой большой карфагенской провинции. Основание Акры Левки и временная связь с ориссами показывают, что он уже взял значительную часть Южной Испании, где находились важнейшие серебряные и медные рудники, под карфагенский контроль. Тот факт, что прежде всего южноиспанская прибрежная зона была охвачена пуническими элементами, в огромной степени облегчал ему эту задачу. Кроме того, его успехи сократили число его карфагенских противников.

И для карфагенских войск, и для находившихся там карфагенских должностных лиц, как кажется, вопрос о преемнике Гамилькара не стоял. Судя по состоянию дел, в качестве полководца Ливии

рассматривался только Гасдрубал, зять Гамилькара. Считалось, что только он один мог дать гарантии того, что успешная испанская политика Гамилькара будет продолжена. Ко времени смерти своего тестя Гасдрубал, видимо, находился не в Испании, а в Африке, где все еще занимался решением нумидийской проблемы. После получения известия о смерти Гамилькара он тотчас прибыл в Акру Левку. Военная ситуация, кажется, требовала его присутствия. Войска избрали его, по-видимому, в Акре Левке полководцем, а в Карфагене утвердили этот выбор.

Первой военной акцией Гасдрубала была месть за смерть Гамилькара. Для исполнения этого намерения было использовано 50 тысяч опытных пехотинцев, 6 тысяч всадников и 200 слонов. Царь ориссов пал жертвой мести Гасдрубала, как и все другие, кто был виновен в гибели Гамилькара. Всего 12 племен было втянуто в этот заговор. Гасдрубал захватил городские центры этих племен и свел их к уровню податных городов. Энергичные действия карфагенского полководца, кажется, побудили многие иберийские племена встать под защиту карфагенской власти.

После этой экспедиции Гасдрубал прибегал больше к прянику, чем к кнуту. Его метод оказался успешным. А когда он женился на дочери «царя иберов» (Диодор), его авторитет среди иберов достиг новой высшей точки. Иберийские князья открыли ему свои дома, и члены иберийских племен, имевшие право голоса, назначили его — уникальное событие! — «полновластным полководцем», т. е. передали ему военное командование всеми иберийскими вооруженными силами². Неудивительно, что политические противники подозревали его в стремлении к монархии! Действительно, его положение в Испании было равно царскому и он не делал ничего, чтобы этот факт завуалировать. Наоборот! Он выпускал монеты, на которых он изображался как эллинистический царь. Однако эти притязания не касались Карфагенского государства как целого, а относились только к внешним владениям Карфагена, особенно Испании, и даже принимая во внимание эти области, едва ли Гасдрубала можно рассматривать как «эллинистического» царя³.

² Речь, по-видимому, идет о создании своеобразного союза местных племен, которые признали карфагенского полководца своим верховным вождем. Такое положение Гасдрубала Диодор мог передать греческим термином «стратег-автократор».

³ В науке существует мнение, что Гасдрубал все же всерьез рассматривал возможность стать монархом эллинистического типа и намеревался даже произвести государственный переворот в Карфагене, но был вынужден отказаться от этого намерения.

Выдающимся событием этих лет было основание Картхадашта (Qrthđšt = Новый Карфаген). Причиной перенесения карфагенского центра из Акры Левки в Новый Карфаген были в первую очередь прекрасные природные условия, какие это место давало для создания там гавани. Желание Гасдрубала превзойти Гамилькара имело, во всяком случае, второстепенное значение, если оно вообще было. Естественно, что за выбором названия Картхадашт стояло не намерение отделиться от материнского города, а, наоборот, мысль о тесной связи между Карфагеном и его испанской провинцией. Постройка города проходила быстро и вызывала удивление.

Прогрессирующая провинциализация Испании привлекла наконец внимание римлян. Кажется, что это массалиоты, которые издавна имели свои интересы на восточном побережье Испании, упорно обращали внимание римлян на изменения политического положения Испании. А когда исчезли сомнения, что Рим может вступить в опасный конфликт с кельтами, римские сенаторы решили в этот момент направить делегацию к Гасдрубалу. Задачей этой делегации было прежде всего убедить карфагенского полководца во время грозящего столкновения не вступать в коалицию с кельтами. Чтобы добиться этой важной цели, римские политики были вынуждены, заключив с Гасдрубалом договор, принять обязательство не препятствовать его испанским планам. Самым важным результатом этих переговоров, которые, по-видимому, проходили между осенью 226 и весной 225 г., было то, что в соответствии с возникшей политической ситуацией Гасдрубал обязался не переходить «с военной целью» (Полибий) Эбро. Это соглашение удовлетворяло обе стороны: римляне получили гарантию, закрепленную в договоре, что Гасдрубал не вмешается в ожидаемую римско-кельтскую войну, а Гасдрубалу, все еще находившемуся в Южной Испании, Рим предоставляет возможность почти весь Пиренейский полуостров сделать карфагенской провинцией. Если одну из двух сторон и следует рассматривать как проигравшую, то это был, конечно, не Гасдрубал.

Также в следующие годы Гасдрубал больше дипломатически, чем военными, средствами увеличивал карфагенское влияние в Испании. Когда в 221 г. Ганнибал был вынужден прибегнуть к военным средствам, то эти средства были направлены не против врагов, обитавших на севере или западе Пиренейского полуострова, а против олькадов, живших по соседству с Новым Карфагеном. Очевидно, к этому времени даже территория этого племени, жившего

в непосредственной близости от карфагенского опорного пункта, была мало или даже совсем не подчинена.

Естественно, что и Гасдрубал в определенных ситуациях без колебаний бросал на чашу весов свой военный потенциал. При проведении военных операций он использовал Ганнибала, как сообщает, впрочем, явно преувеличивая, Аппиан. Использовать его службу он мог только с 224 или 223 г., ибо только (приблизительно) осенью 224 г. Ганнибал вновь появился в Испании и получил должность «подчиненного командующего» (Аппиан).

Приблизительно осенью 221 г. Гасдрубал был убит кельтским рабом, то ли в своих четырех стенах, то ли на охоте. Мотивом раба была месть за смерть своего господина, который то ли справедливо, то ли несправедливо был осужден на смерть Гасдрубалом.

Войска избрали наследником Гасдрубала своего идола Ганнибала, и карфагенский демос «единогласно» (Полибий) утвердил этот выбор. Но сенаторы, занимавшие антибаркидскую позицию, этим решением никак не были удовлетворены. Так как избрание Ганнибала полководцем они не могли отменить, то попытались отыгаться на его сторонниках. Эти сторонники были привлечены к суду, явно обслуживавшему олигархию, по обвинению в том, что они присвоили деньги, которые им присылали из Испании Гамилькар и Гасдрубал. Обвиняемые были присуждены к внесению этих сумм в государственную казну, ибо речь шла о части военной добычи, которая не должна была оставаться в руках частных лиц. Осужденные после этого направились к Ганнибалу, прося его поддержки. Как на это реагировал Ганнибал, мы не знаем.

Нам также неизвестны причины, которые толкнули Ганнибала еще в том же 221 г. вторгнуться в область олькадов, живших, возможно, в районе Алькоя. Может быть, олькады полагали, как и антибаркидские политики в Карфагене, что «смена правительства» даст им возможность снять тяжесть баркидского давления. Ганнибал появился перед Алтеей, самым значительным городом олькадов, быстро захватил ее и своими энергичными действиями заставил остальных олькадов сложить оружие. Потребованные и полученные репарации все же не выходили за пределы обычного. Союзникам же, сохранившим верность Карфагену, он уменьшил налоги и этим укрепил их в прежнем их состоянии. А в войсках, участвовавших в этих военных акциях Ганнибала, за которые он впервые нес полную ответственность и которые были значительно вознаграждены, начало развиваться чувство связи с полководцем.

После того как зиму 221/220 г. войска провели на квартирах в Новом Карфагене, Ганнибал с наступлением теплого времени года двинулся против вакцеев, обитавших на Среднем Дуэро. В случае вакцеев мы также не знаем, что послужило поводом для начала этой операции. Но мы можем предположить, что уже Гасдрубал был связан с этим племенем. Гельмантику Ганнибал взял с первой же попытки, а завоевание Арбукалы потребовало больших усилий.

На обратном пути Ганнибал неожиданно увидел войска карпесиев, выступивших против него. Они были усилены олькадскими и вакцейскими беглецами, а также теми, кто бежал из Гельмантики. Ганнибал, который уже перешел Таг, вернулся на правый берег реки и там ожидал нападения врага. Когда враги, а их было свыше 100 тысяч человек, оказались в реке, на них обрушились кавалерия и около 40 слонов Ганнибала. Эти два рода войск, которые мастерски использовал Ганнибал, решили сражение. В подходящий момент Ганнибал перешел через реку и обратил врагов в бегство. Через несколько дней карпесии капитулировали. В результате этой капитуляции, которая, естественно, произвела впечатление и на племена, не участвовавшие в этой кампании, Ганнибал стал неоспоримым властителем Южной Иберии.

В 219 г. возник имевший большие последствия конфликт между Ганнибалом и жителями значительного города Сагунта. Сагунтинцы, большинство которых было настроено антикарфагенски, еще до возникновения этого конфликта несколько раз посылали послов в Рим, чтобы привлечь внимание римлян к своему тяжелому положению и призвать римлян принять меры для предотвращения приближающихся событий.

Возможно, первое сагунтинское посольство отправилось в Рим уже тогда, когда Ганнибал воевал с олькадами. То, что сагунтинцы обращались к римлянам, неудивительно. Попытка создания сильного антикарфагенского альянса испанских племен в перспективе имела мало шансов на успех. Заключение сагунтинско-массалиотского союза не обещало решающего изменения сложившегося соотношения сил. Кельты в Северной Италии были уже разгромлены. Так возникло представление, что только римляне, «традиционные» противники карфагенян, могут стать средством успешного проведения антикарфагенской политики. И римляне тогда урегулировали положение в городе в пользу проримской «партии».

В какое-то время после разгрома карпесиев произошли столкновения между сагунтинцами и соседними турболетами, в ходе которых

сагунтинцы аннексировали турболетскую область. В ответ на это Ганнибал явно лично отправился к турболетам, союзным с Карфагеном, чтобы ни у кого не возникло сомнения в его решительности. Это, по-видимому, дало сагунтинцам повод направить новое посольство в Рим, чтобы подвигнуть римлян на вмешательство в испанские дела. Теперь стали действовать римляне. Осенью 220 г. они направили послами в Испанию П. Валерия Флакка и Кв. Бебия Тамфила. Оба посла, которых Ганнибал встретил в Новом Карфагене, серьезно предостерегли его от нападения на Сагунт. В ответ Ганнибал указал на поведение римлян, каким уже в 221 г. (?) оно было в Сагунте, и в остальном дал ясно понять, что Рим не смеет предписывать ему, какую политику вести в Испании.

Сразу после переговоров Ганнибал послал добычу в Карфаген. Он просил у сенаторов директиву. Римские послы тоже прибыли в Карфаген, чтобы обсудить в сенате сагунтинскую проблему. Сенаторы, большинство которых было на стороне Ганнибала и лишь один Ганнон выступал в пользу римлян, отклонили требования послов, чтобы карфагеняне держались вдалеке от сагунтинцев, и указали на то, что не Ганнибал, а сагунтинцы были ответственны за конфликт. С этим ответом римское посольство возвратилось в Рим.

Вероятно, Ганнибал ожидал известий о решении сената, прежде чем предположительно весной 219 г. с частью своих сил, насчитывавших, как говорит Ливий, около 150 тысяч человек, двинуться к Сагунту, чтобы осадить город. Осада оказалась крайне затяжной. Ганнибал, который во время атаки на город был ранен в бедро, был вынужден на несколько недель передать руководство осадой Магарбалу, сыну Гимилькона, так как возникла опасность отпадения ориссов и карпесиев. Руководящие деятели этих народов арестовали карфагенских офицеров, которые по поручению Ганнибала проводили там набор, и, кажется, заигрывали с мыслью о поддержке сагунтинцев. Своим неожиданно быстрым появлением в области этих племен Ганнибал в зародыше подавил все попытки отпадения. Во время его отсутствия осада продолжалась не менее энергично. Когда Ганнибал вернулся и обозначился конец осады, сагунтинец Алкон без ведома городских властей попытался предотвратить худшее. Он явился во вражеский лагерь и стал вести переговоры о возможных условиях сдачи. Ганнибал выставил следующие требования: захваченные сагунтинцами земли турболетов должны быть возвращены, должно быть выдано все золото и серебро, находящееся как в общественном, так и в частном владении, а сами сагунтинцы, в одной

одежде, обязаны покинуть город и поселиться на новом месте, которое им укажет победитель. Эти требования выходили далеко за рамки общепринятого. Алкон, хорошо знавший настроения в городе, был убежден, что погибнет, если передаст эти требования своим согражданам. И он остался в лагере карфагенян. Тогда испанец Алорк, который служил в армии Ганнибала, но был гостем сагунтинцев, предпринял попытку посредничества на основе предъявленных условий. Его усилия окончились неудачей, они только усилили стремление осажденных к саморазрушению. Если Ливий нас не обманывает, то Ганнибал использовал то обстоятельство, что сагунтинские посты вследствие появления Алорка покинули свои места, чтобы предпринять последнее и решительное нападение на город. Сагунт пал после восьми месяцев осады, т. е. приблизительно поздней осенью или в начале зимы 219 г. Добыча была огромна. Деньги Ганнибал забрал в свою военную казну, пленников раздал солдатам, а движимое имущество переслал в Карфаген.

27. II РИМСКАЯ ВОЙНА (218–201 гг.)

ПРИЧИНЫ

Уже в древности оживленно спорили о причинах, которые привели к «самой памятной из всех войн, какие велись» (Ливий). Отражение этих дискуссий содержится большей частью в произведениях греческих и римских историков. Если при исследовании многих проблем карфагенской истории нам приходится слышать только голоса врагов Карфагена, то это особенно касается данного случая, ибо сообщения, которые имеются в нашем распоряжении, лишь при более тщательном рассмотрении показывают, что на вопрос о вине ни в коем случае нельзя ответить так, как утверждают авторы этих сообщений.

Хотя все античные авторы придерживаются мнения, что вина в развязывании войны (это понятие еще требует уточнения) лежит на карфагенской стороне, в деталях они все-таки значительно отличаются друг от друга.

Кв. Фабий Пиктор примечательным образом не включает Гамилькара в круг лиц, на которых он возлагает вину за начало войны. По его мнению, два фактора привели к войне: «алчность и властолюбие Гасдрубала» и неодобренное никем из «руководящих лиц» Карфагена поведение Ганнибала по отношению к Сагунту. Из-за бдительности своих внутривосточных противников Гасдрубал не смог осуществить свой план путча в Карфагене и вернулся в Испанию, где проводил собственную, совершенно независимую от центральных властей политику. Однако в чем выражалась направленная против Рима политика Гасдрубала, Пиктор, по крайней мере через посредство Полибия, не говорит. О Ганнибале он выражается яснее, когда тот, по его мнению, несправедливо поступил с Сагунтом, т. е., по видимому, нарушил карфагено-римский договор. Какой договор или какие договоры здесь подразумеваются, неясно.

Полибий отодвигает причины войны еще дальше в прошлое. Первой причиной, по его мнению, была «злость» Гамилькара, который не победил в I Римской войне и поэтому считал договор Лутация позорным, а позор можно было смыть только успешной реваншистской

войной. Второй и самой важной причиной Полибий считает продиктованный римлянами мир, который закрепил потерю Сардинии. И это даже не столько из-за возмущения карфагенян поведением римлян, сколько вследствие того, что военные планы Гамилькара теперь оказались связанными с «возмущением» самой обширной частью карфагенского населения, и эта связь высвободила новую энергию для борьбы с Римом. Обе названные причины, однако, не привели бы к началу войны, если бы к ним в качестве третьей причины не присоединился бы «успех» испанской политики Баркидов. Надеясь на ресурсы, поступавшие из Испании, карфагеняне и предприняли новую войну с Римом. Хотя бесспорно, что Полибий вину за начало войны возлагает только на карфагенскую сторону, надо все же отметить, что эту вину он рассматривает не как моральную, а как *causa efficiens*¹, за которой он даже признает этическое оправдание². Гасдрубал и Ганнибал, однако, по его мнению, не вели по отношению к Риму политику, отличную от политики Гамилькара. Наоборот, они в огромной степени были фигурами, сформированными им по его представлениям.

Линии, начертанные Полибием, были вкратце воспроизведены Непотом. Он концентрирует вопрос о вине за войну в огромной степени на фигуре Гамилькара.

Взгляд Ливия в основном и целом соответствует взгляду Полибия. Однако в дискуссии о причинах войны Гасдрубал играет подчиненную роль. Зато нападение Ганнибала на Сагунт интерпретируется как провокация, приведшая к началу военных действий.

Позднеанналистическое предание, возможно, зависящее (в конечном итоге) от Пиктора, ясно ощущается у Аппиана, который утверждает, что Ганнибал начал войну по причине забот о своей личной безопасности.

Наконец, Зонара, как и Ливий, подчеркивает, что Ганнибал, воспитанный своим настроенным антиримски отцом, искал основание для начала войны и нашел его в так называемой сагунтинской клаузе. Нападение на Сагунт, по его интерпретации, было нападением на Рим.

Для разъяснения вопроса о вине за войну требуется, как кажется, в первую очередь исследование некоторых проблем, связанных с договором Эбро.

¹ *Causa efficiens* — побудительная или действующая причина.

² Уже тот факт, что Полибий находил действиям карфагенян этическое оправдание, говорит о том, что вопрос о переносе им вины за начало войны исключительно на карфагенян не столь однозначен.

Полибий рассказывает, что римские послы, которые в 220/19 г. прибыли в Карфаген, потребовали, чтобы Ганнибал убрал руки от Сагунта и «не переходил реку Эбро в соответствии с соглашением, существующим со времен Гасдрубала». Что означает эта странная заметка? Совершенно очевидно Полибий полагал, что Ганнибал в случае нападения на Сагунт нарушит договор Гасдрубала, который запрещал переходить Эбро «с военными целями». Иными словами, Полибий считал, что Сагунт находится севернее Эбро. Эта ошибка столь ошеломляюща, что современные исследователи предположили, что Полибий не мог бы допустить такую «погрешность» и он явно подразумевал под «Ибером» не Эбро, а текущий к югу от Сагунта Сукрон (Хукар). Однако аргументы, выдвинутые в поддержку этого мнения, неубедительны. «Ибер» Полибия — это современное Эбро. Если Полибий соединяет договор Гасдрубала с сагунтинской проблемой, то это для того, чтобы охарактеризовать карфагенское поведение по отношению к Сагунту как противоправное, хотя тот факт, что Эбро в качестве границы карфагенских операций было установлено договором, ни одна сторона не оспаривала. Так что политико-пропагандистские причины вели к объединению двух комплексов. В действительности же договор с Гасдрубалом не имел ничего общего с проблемой Сагунта, а следовательно, и с причинами, приведшими ко II Римской войне.

Ливий, однако, утверждает, что Сагунт все же, пожалуй, имел отношение к договору с Гасдрубалом: в этом договоре уже было обусловлено, «что... сагунтинцам... которые живут между владениями двух народов, будет гарантирована свобода». Но это утверждение является продуктом слепополибиевского анналистического предания, оно противоречит ясному высказыванию Полибия и лишено исторической реальности. Одним словом, оно неприемлемо. Так называемая сагунтинская клауза существовала только в головах римских политиков и историков, а не в действительности³.

Однако нет никакого сомнения в том, что Сагунт играл решающую роль в возникновении нового карфагено-римского конфликта, а также в том, что накануне возникновения этого конфликта имело место сагунтинско-римское сближение. Вопрос только в том, в какое время и в какой форме это произошло.

³ Текст книги Ливия, в которой говорилось о событиях 226–225 гг., потерян. Но имеется указание на возобновление договора с Гасдрубалом. Это позволяет предположить, что имелось два договора или два варианта договора и во второй была включена сагунтинская клауза. Полибий же говорит о первом договоре (или варианте). Такое предположение решает возникающее противоречие.

В качестве «самого сильного аргумента» в пользу согласия с тем, что сагунтинцы находились в «верности» (*fides*) Рима, Полибий приводит факт, что Сагунт во время возникновения внутригородских разногласий обратился не к Карфагену, а к Риму. Никакого другого аргумента Полибий не приводит, другого аргумента и не было в его распоряжении. Итак, для подтверждения мнения, что до исполнения римлянами их посреднической миссии существовали отношения «верности» между Римом и Сагунтом, можно привести только вывод историка Полибия, который ничего не доказывает. Ведь сагунтинцы вполне могли обратиться к римлянам с просьбой о посредничестве, даже если ко времени этого посредничества связей «верности» еще не существовало. Поэтому к утверждениям Полибия, что сагунтинцы «уже за несколько лет до Ганнибала» состояли в «верности» римлянам, надо отнестись с недоверием. При рассмотрении развития государственно-политических отношений в Испании, с одной стороны, и в Италии — с другой, это недоверие усиливается; ведь в Сагунте только тогда начались сильные столкновения относительно выбора внешнеполитического курса, когда карфагенский волк уже приблизился к сагунтинским границам, а в Риме перед началом войны с кельтами едва ли могли думать об интервенции в Испании, которая могла бы привести к нежелательным осложнениям. Поэтому кажется обоснованным предположение, что только в 221 г., т. е. тогда, когда произошла карфагено-олькадская война, были установлены первые контакты, приведшие к конкретным результатам. Если это мнение справедливо, то принятие римлянами «посредничества» и установление «верности» хронологически связаны.

Мы не знаем, имели ли место впоследствии какие-либо договоренности. Однако если такие договоренности существовали, то их, естественно, надо датировать временем до начала осады города (весной 219 г.).

Но если государственно-правовые римско-сагунтинские отношения ограничивались, во всяком случае, прежде всего выполнением посреднической деятельности посланцами римского сената, то «верность» едва ли можно интерпретировать в смысле «сдачи в верность» (*deditio in fidem*). Нет также никаких оснований и для предположения, что о «сдаче» просила сагунтинская сторона и что она была принята римской стороной.

Все же нельзя обойти тот факт, что Полибий и Ливий, упоминая сагунтинцев, говорят о «союзе» или «союзниках». Это выражение, однако, более чем сомнительное хотя бы уже потому, что римская сторона, используя титул «союзники», имела целью охарактеризовать

карфагенское поведение как противоправное. Это возложение вины, как кажется, совершенно соответствует уже упомянутым антикарфагенским высказываниям римских политиков и историков, высказываниям, которые в огромной степени надо считать ошибочными. Если же Рим и Сагунт действительно заключили союзный договор, то этот договор с самого начала был полностью недействительным, так как договор с Гасдрубалом, в котором как карфагенской, так и римской стороной Эбро признавалось границей взаимных интересов, запрещал заключение договоров, которые давали бы возможность военного вмешательства одного государства в сферу интересов другого государства. Если бы было признано, что пакт о помощи был заключен еще до договора с Гасдрубалом, то должно было быть принято и наличие клаузы, относящейся к Сагунту и в договоре с Гасдрубалом. Но этого не было.

Представляется, что сагунтинцы не были ни «сдавшимися» (*dediciti*), ни «союзниками» (*socii*) римлян. Государственно-правовые отношения, существовавшие между Римом и Сагунтом, были предположительно отношениями «дружбы» (*amicitia*).

Как уже говорилось, надо, однако, считаться с тем, что во время дипломатической перебранки накануне войны римляне в дискуссии использовали титул «союзники», и поэтому можно полагать, что римско-сагунтинские отношения были более тесными, чем это было возможно, исходя лишь из юридических допущений. Такой образ действий объяснил бы также, почему тогда на базе договора Лутация развернулась дискуссия по вопросу союзников с обеих сторон. Поскольку римские дипломаты не могли оперировать договором с Гасдрубалом, а это было ясно и им, и их карфагенским контрагентам, то они в качестве основы для дискуссии выставили договор Лутация, ибо этот договор содержал ясную гарантию безопасности союзников обоих партнеров. Очевидно, карфагенские сенаторы и не пытались опровергнуть утверждение, что сагунтинцы являются «союзниками» римлян, а ограничивались указанием на то, что имя сагунтинцев не содержится в списке союзников, который был приложен к договору Лутация. Очевидно, они считали это указание достаточным для оправдания своего поведения по отношению к Сагунту. И кажется, что эта аргументация не произвела впечатление на римских послов, ибо они отказывались от дальнейших обсуждений правовых проблем.

Из всего приведенного выше надо сделать вывод, что римляне не могли привести никаких оснований, которые соответствовали бы нормам международного права, когда они в 218 г. вступили в войну,

которая должна была решить проблему их господства над странами Западного Средиземноморья. Но этот простой факт римские политики и историки покрыли дымовой завесой, когда они, с одной стороны, считали с политической точки зрения неуместным говорить неукрашенную правду, а с другой — сами прониклись идеологически обусловленным убеждением, что любая война, какую вел Рим, являлась «справедливой войной». Поэтому высказывания античных авторов, которые рассуждают с римской точки зрения о причинах, приведших к II Римской войне, мало что освещают.

Но то, что римляне были вынуждены перед началом войны все же лицемерно ссылаться на юридическое основание, а именно на существующие обязательства по отношению к Сагунту, говорит о том, что они и сами сознавали не только неправомерность своих действий, но и далеко идущее значение своего решения.

Здесь встает также вопрос, почему в течение многих месяцев, пока шла осада Сагунта, Рим не реагировал на это вооруженным путем. Возможно, сенаторы еще не завершили дискуссию о мерах, какие в таком случае необходимо принять: решение, многие аспекты которого необходимо было обсудить, было чрезвычайно тяжелым.

Рим, который в годы перед началом Ганнибаловой войны добился рщшающих военных успехов в долине По и в Иллирии, теперь решил устранить последнего соперника, еще существовавшего в Западном Средиземноморье. На вопрос, какие территориальные завоевания планировали римляне, ответить трудно. Но может быть, в этой связи стоит упомянуть, что, по сообщению Полибия, перед началом войны римляне намеревались воевать в Испании и, может быть, о ней, об Испании, и думали.

ХОД ВОЙНЫ

От перехода через Эбро до битвы при Каннах (218–216 гг.)

После падения Сагунта римские послы, как уже упоминалось, направились в Карфаген, чтобы в ультимативной форме поставить сенаторов перед выбором: или выдать «нарушителя мира» Ганнибала и его «советников» (Полибий), или самим оказаться в состоянии войны. Карфагенское правительство, естественно, не могло согласиться с выдачей Ганнибала. Поскольку с отказом в выдаче все уже было решено, карфагенская сторона могла только стремиться возложить

вину за начало войны на противную сторону. Однако римские послы не согласились с аргументами карфагенских ораторов. «Старейший из них указал сенаторам на свою пазуху и прибавил, что здесь он принес и войну, и мир и вытряхнет и оставит им то или другое, как они прикажут. Царь карфагенян предложил послу вытряхнуть то, что им угодно. Лишь только римлянин объявил, что вытряхивает войну, тут же большинство сенаторов воскликнуло, что они принимают войну» (Полибий)⁴.

Известие об объявлении римлянами войны застало Ганнибала в Новом Карфагене. Туда он возвратился после завоевания Сагунта. Обратимся к тому времени. Как кажется, не позднее захвата Сагунта, но, вероятно, уже после прибытия римского посольства в Новый Карфаген Ганнибал был убежден в неизбежности карфагено-римской войны. Но что Ганнибал уже до прибытия римского посольства в Новый Карфаген стремился к войне с Римом, едва ли вероятно. Теперь, будучи убежденным в агрессивности римской политики, он счел самым разумным не прибегать к обороне, а захватить инициативу. И ясно, что свои планы наступательной войны он поставил в зависимость от сообщения об объявлении римлянами войны.

Прежде всего, однако, Ганнибал зимой 219/18 г. отправил испанские части в отпуск домой, чтобы этим жестом предупредительности увеличить их преданность. После этого он стал делать необходимые военные приготовления. При этой подготовке он исходил из того, что римляне в начале войны попытаются высадиться в Испании и при благоприятных обстоятельствах также в Африке. Было ясно, что надо принять действенные контрмеры для предотвращения этих нападений. Это было ясно каждому разумному человеку. Но, что контрмерой, которая наилучшим образом сможет обеспечить безопасность Испании и Африки, являются связанность римских сил в Италии и в конце концов там же победа над ними, могло прийти только в гениальную голову Ганнибала. План вторжения в Италию, вероятнее всего, был принят после встречи с первым римским посольством в Новом Карфагене. Чтобы быстро перенести войну в Италию, а в этом-то и было все дело, надо было избрать сухопутный путь через Южную Францию, ибо карфагенский флот был совершенно не в состоянии транспортировать в нужном количестве войска и материалы в Италию. Карфаген в Испании стал сухопутной державой⁵.

⁴ Перевод Ф. Г. Мищенко.

⁵ Думается, что все же нельзя отмахнуться от утверждений древних авторов, что уже Гамилькар задумал план новой войны с Римом. Можно привести ряд доводов, что главной

Уже зимой 219/18 г. Ганнибал направил вестников к князьям кельтских племен, территории которых он должен был пересечь на своем пути в Италию, и особенно к князьям кельтских племен, живущих в Альпах и долине По. Эти посланцы должны были изучить те особенности территорий, которые были важны с военной точки зрения, попросить князей, чьи территории располагались западнее Альп, дать свободный проход, а князей племен, живущих в долине По, призвать к заключению союзных договоров. При выполнении этих задач они не скупилась на подарки и обещания. Особенно важным было, конечно, как отреагируют на предложение о военной кооперации с карфагенянами кельты долины По, большая часть которых лишь недавно была вынуждена подчиниться римлянам и до сих пор переживала последствия своего поражения. Ганнибал был убежден, что успех в Италии в значительной степени зависит от поведения кельтов долины По. Поэтому он почувствовал облегчение, когда посланцы кельтских племен прибыли в Новый Карфаген и сигнализировали ему о готовности к сотрудничеству.

После возвращения солдат испанских союзников в Новый Карфаген Ганнибал провел смотр всех воинских частей. Ведь он, являясь полководцем ливийцев и иберов, должен был принять меры по защите Африки и Испании от ожидаемого римского нападения. При этом он исходил из основной мысли, что в Африке должны сражаться испанские, а в Испании африканские войска. По-видимому, он опасался, что в кризисной ситуации местные воинские части разбегутся для защиты своих городов и племен и покинут карфагенское дело, даже если не усилят антикарфагенский фронт. Его страшила Ливийская война! Он перевел в Африку 13 850 пехотинцев и 1200 всадников из испанских племен терситов, мастиенов, иберийских оретов и олькадов, а к ним прибавил еще 870 балеаров. Большую часть этих отрядов он разместил в африканских Метагониях, а небольшую часть — в самом Карфагене. Кроме того, в городах Метагоний он набрал четыре тысячи молодых людей, которых тоже расквартировал в Карфагене: они должны были равным образом исполнять функции и солдат, и заложников. В Испанию он направил 12 650 пехотинцев, среди которых были 11 850 ливийцев, триста лигуров и пятьсот балеаров, а также 450 ливийских, 300 лергетийских и 1800 нумидийских всадников из племен массивиев, массесилив, маккеев и маврусиев.

частью этого плана был именно поход из Испании в Италию. Да и римляне это понимали. Иначе они не настаивали бы в договоре с Гасдрубалом на его обязательстве не переходить Эбро, ибо считались с возможностью соединения карфагенян с кельтами долины По.

Это войско было еще усилено 21 слонем. Флот, находившийся в Испании, способный в первую очередь выполнять оборонительные задачи, состоял из 50 пентер, двух тетрер и пяти триер, и из этих кораблей 18 пентер и обе тетреры не имели экипажей. Командование этими войсками Ганнибал поручил своему младшему брату Гасдрубалу. Хотя Полибий и Ливий областью подчинения Гасдрубалу называют только Иберию, ясно, что его командование, по всей видимости, распространялось и на Ливию.

После того как Ганнибал совершил паломничество к Мелькарту в Гадес, чтобы выполнить свой обет и принести новые обеты, которые он обещал исполнить, «если все закончится хорошо» (Ливий), он, вероятно, в конце апреля 218 г. выступил из Нового Карфагена приблизительно с 90 тысячами пехотинцев и 12 тысячами всадников. Он двинулся прибрежной дорогой мимо Онуссы к устью Эбро. Тремя частями он в конце мая перевел свои войска через Эбро. Теперь Ганнибал находился в области, вовсе не все жители которой были готовы принять его с развевающимися знаменами. К тому же здесь он встретился с римскими дипломатами, распространявшими антикарфагенские настроения, и не без успеха. Баргузии оказали римлянам дружеский прием, но волцианы их не приняли. Ганнибалу пришлось удовлетвориться тем, что получил свободный проход к Пиренеям. Теперь требовалось взять хотя бы некоторые центры сопротивления, чтобы обеспечить по крайней мере частичное умиротворение этой области: это было не в последнюю очередь необходимо для гарантии перехода через Пиренеи. Племена илергетов, баргузинов, эренозисов и андозинов были подчинены, хотя и на относительно короткое время. Но потери карфагенян были, на удивление, велики. Ганнибал назначил своего офицера Ганнона (?) наместником области между Эбро и Пиренеями и оставил в его распоряжении десять тысяч пехотинцев и тысячу всадников. В Пиренеях он оставил еще три тысячи карпесиев. Он не пытался удерживать их силой и к тому же оставил еще семь тысяч испанцев, которые создавали впечатление, что они являются неверными новобранцами. Выгода от этой потери заключалась в том, что, с одной стороны, укрепилась дисциплина солдат, а с другой — Ганнибал не потерял благосклонности остальных испанцев и их племен. Приблизительно с 50 тысячами пехотинцев и семью тысячами всадников он, наконец, видимо, в конце июля перешел Пиренеи. Настроения племен Южной Франции ни в коем случае не были проримскими. Действия римлян против кельтов Северной Италии не остались неизвестными и кельтам Прованса. Но, несмотря на недру-

жественную по отношению к римлянам позицию, солдаты некоторых кельтских племен собрались в Русциноне, чтобы в случае необходимости быть готовыми защищать свою свободу с оружием. Они были взволнованы известиями, которые дошли до них из области между Эбро и Пиренеями. Ганнибал, расположившийся лагерем около Илиберриса, заверил князей этих племен в своих дружеских намерениях, пригласил их к переговорам и убедил их словами и подарками. Дальнейший путь к Роне совершался без больших трудностей.

19 августа Ганнибал достиг Роны (эта дата, как и даты последующих событий, гипотетическая). Он стремился как можно быстрее перейти реку и двинулся к тому месту, где она еще не разделяется на рукава. Это место находилось в четырех днях пути от устья. По обоим берегам Роны обитали вольки. Часть вольков, живших на правом берегу Роны, перед приходом карфагенян перешла на другой берег реки, чтобы вместе со своими живущими там соплеменниками не допустить перехода карфагенской армии. Участвовали ли массалиоты в организации этого сопротивления? Мы не знаем. Ганнибал увидел, что невозможно тотчас перейти реку, ибо такая попытка привела бы к большим потерям и, может быть, даже к поражению. Он должен был найти другой путь. Карфагенский полководец прежде всего выделил отряд, командование которым поручил Ганнону, сыну Бомилькара, и этот отряд 21 августа с наступлением темноты отправился в путь, а на следующий день незаметно пересек реку в месте, отстоящем на 200 стадий севернее лагеря карфагенян. На заре 24 августа войска Ганнона, состоявшие большей частью из испанцев, и главные силы под командованием Ганнибала перешли реку, взяв врага в клещи. Кельты после недолгой защиты бежали. Еще в тот же день реку перешли остальные войска.

25 августа Ганнибал узнал, что римский флот под командованием консула П. Корнелия Сципиона, которому была поручена испанская «провинция», встал на якорь около «массалиотского» устья Роны. Он послал туда 500 нумидийских всадников, которые должны были разузнать о позициях, силах и намерениях врага. П. Сципион сделал то же самое, направив 300 римских и неизвестное число кельтских всадников, находившихся на массалиотской службе, вверх по Роне. Недалеко от места перехода карфагенян через Рону оба эскадрона встретились, и произошел первый жаркий бой II Римской войны. Обе стороны, кажется, считали себя победителями.

В тот же день Ганнибал созвал собрание, на котором представил войску князей и графов бойев, живших в долине По. Перед опасным

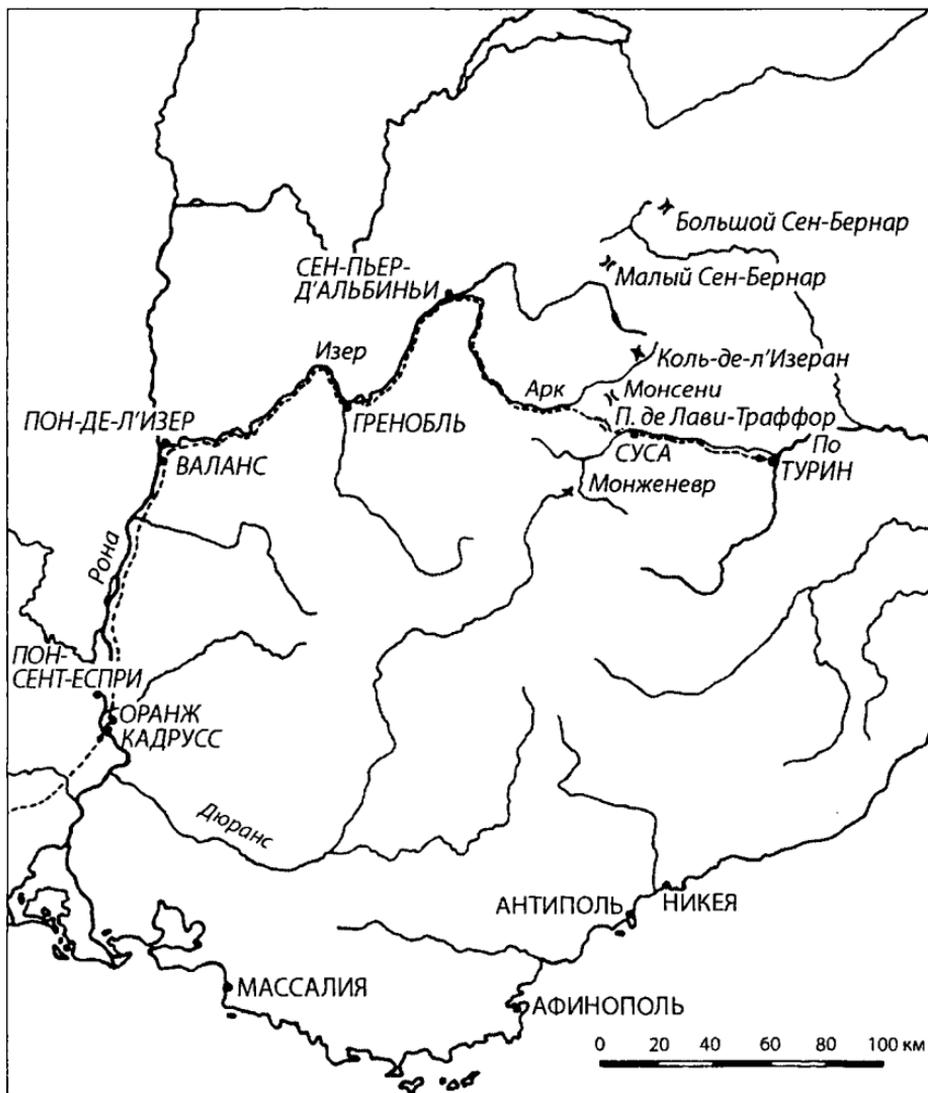
переходом через Альпы моральный дух армии нуждался в настоящем укреплении.

На следующий день 38 тысяч пехотинцев пошли в северном направлении. Ганнибал прикрывал выступление кавалерией и ожидал трудного перехода 37 слонов. Предположительно через день, 27 августа, он покинул место перехода и двинулся вверх по Роне с восемью тысячами всадников и слонами.

Римские кавалеристы, кажется, уже 26 августа информировали П. Сципиона о том, что произошло и что они узнали, ибо консул уже 29 августа оказался на месте перехода. Смущенный, он понял, что Ганнибал отважился предпринять путь через Гренобль и затем Альпы, чтобы достичь Италии. Его план остановить Ганнибала еще до его вступления на земли Апеннинского полуострова рухнул. Поэтому он вернулся на свою якорную стоянку, поднял свои войска на борт и направил большую часть флота и армии под командованием своего брата Гн. Сципиона в Испанию для борьбы с Гасдрубалом. Сам он с оставшимися войсками отплыл к Пизе, намереваясь встретить Ганнибала при его вступлении в долину По.

Но почему Ганнибал избрал трудный и опасный путь через область Мон-Сени? Очевидно, этот путь он выбрал еще в Испании. Если Ливий сообщает верно, то высадка армии П. Сципиона поколебала Ганнибала в его решении, но советы присутствующих кельтских вождей Северной Италии укрепили его в первоначальных намерениях. Войска Ганнибала не были ослаблены, но такого ослабления можно было по крайней мере ожидать, если он вступит в бой с армией П. Сципиона. К тому же существовала опасность, что римская армия будет усилена отрядами массалиотов и союзных с ними кельтов, а это будет значительная военная мощь. При использовании прибрежного пути Ганнибал неизбежно должен был бы пройти через территорию массалиотов, и это привело бы к дополнительным значительным трудностям. Он мог даже выпустить из рук инициативу или хотя бы потерять время. Но, во всяком случае, при выборе этого пути он сохранял преимущество, определенное тщательно завязанными контактами с североиталийскими кельтами. И он двинулся вверх по Роне.

После четырехдневного марша 30 августа Ганнибал прибыл к слиянию Роны и Изера. В области между Роной и Изером (на так называемом Острове) жило могущественное племя аллоброгов, структура которого тогда находилась под угрозой из-за династической борьбы двух братьев. Старший из братьев Браней обратился к Ганнибалу

Переход Ганнибала через Альпы

за поддержкой, и Ганнибал удовлетворил его претензии, что было одобрено также и оптиматской «партией». В результате Ганнибал получил от Браней всякую возможную помощь и сам Браней даже сопровождал его вверх по Изеру приблизительно от Пон-де-л'Изер до Сен-Пьер-д'Альбиньи.

Если до Сен-Пьер-д'Альбиньи больших трудностей не встретилось, то в дальнейшие дни и недели все изменилось. Карфагенской армии

пришлось вступить в борьбу и с природой, и с преследующим врагом. Враждебно настроенные аллоброги заняли в долине Арк, куда Ганнибал свернул 10 сентября, важные стратегические пункты, чтобы напасть на карфагенские войска, которые должны были здесь пройти. Ганнибал узнал о намерениях аллоброгов. Поэтому он разбил лагерь перед опасной тесниной и послал нескольких своих кельтских проводников на разведку. Когда разведчики сообщили, что вражеские солдаты имеют обыкновение с наступлением темноты покидать свои позиции и уходить в соседнее поселение, он ночью с элитными войсками выступил и захватил вражеские позиции. На следующий день аллоброгам удалось напасть только на обоз. Но и потеря обоза имела бы тяжелые последствия. Поэтому Ганнибал был вынужден двинуть свои элитные войска против аллоброгов. Войска эти сражались успешно. Однако потери понесли не только аллоброги, но и карфагеняне. Наряду с людскими потерями особенно огорчала потеря коней и вьючных животных. Однако эти потери были, по крайней мере, частично компенсированы захватом безлюдного поселения. Кроме того, Ганнибал захватил здесь жизненные припасы, которые обеспечили снабжение войска на два-три дня пути. Кроме того, благодаря карфагенской победе очень значительным оказался эффект запугивания.

После дня отдыха армия продолжила подъем. На следующий день прибыли старейшины живущего в этой местности горного племени и просили об обеспечении мирного прохода. Поскольку они дали заложников, снабдили воинов убойным скотом и вообще создало впечатление, что им можно доверять, подозрительное отношение к ним войска стало исчезать. На дальнейшем пути Ганнибал даже воспользовался их знанием местности. Однако частица недоверия все же осталась, и это, как оказалось на следующий день, было правильным. В этот день горцы в ущелье напали на арьергард. Если бы Ганнибал предусмотрительно не поставил бы кавалерию и обоз в авангард, а тяжеловооруженных воинов разместил в арьергарде, то карфагенские потери были бы, вероятно, громадны. Полибий даже утверждает, что все войско в таком случае было бы уничтожено. А так потери в людях, лошадях и вьючных животных хотя и были значительны, но все же переносимы. Ганнибал был вынужден с половиной армии укрыться в скалистой неприступной местности, чтобы прикрыть лошадей и вьючных животных. Когда утром врагов уже стало не видно, Ганнибал соединился с всадниками и обозом. Армия продолжала маршировать к перевалу, не тревожимая серьезно гор-

цами, питавшими особое уважение к слонам, в тот же день она достигла его. Это произошло на девятый день после выхода из Сен-Пьер-д'Альбиньи (18 сентября). На высоте Кол дю Клапье (точнее, Па де Лави-Траффор) Ганнибал разбил лагерь и дал усталым людям и животным отдохнуть.

На следующий день начался спуск, при котором из-за сложности местности (вражеские атаки стали теперь редкими и незначительными) Ганнибал потерял не меньше людей, чем при подъеме. Особую трудность в первый день составило то, что крутой путь в узком месте был засыпан камнепадом и покрыт как старым, так и новым снегом. Так как попытка обогнуть трудный участок не удалась, Ганнибал устроил бивуак на горном хребте. На следующий день он очистил путь, чтобы могли пройти лошади и вьючные животные. Только на третий день нумидийцы сумели так расширить проход, что смогли пройти также слоны. И лишь 24 сентября он с 12 тысячами ливийских и 8 тысячами иберийских пехотинцев и шестью тысячами всадников сумел наконец достичь долины.

Приход Ганнибала уже летом этого года вызвал отклик в долине По. Бойи поверили в ожидаемую ими карфагенскую помощь в борьбе против римского господства, и в этом их поддержали соседние инсубры. Римляне, которые еще в прошлом году приняли решение об основании колоний Плаценции и Кремоны, в предвидении грядущих сложных обстоятельств решили форсировать их создание и поселили в каждом из двух городов по 6 тысяч колонистов. Заключившие союз бойи и инсубры опустошили ассигнованные колонистам земли, и те вместе с триумвирами *coloniae deducendae* Г. Лутацием, Г. Сервилием и М. Аннием были изгнаны. Беглецы были осаждены в Мутине. Наконец, выступавшие в качестве посредников вышеназванные триумвиры были захвачены, чтобы иметь в руках обязательство жизни тех заложников, которые были переданы римлянам после сдачи (*deditio*) в 224 г. Затем претор Л. Манлий, который осуществлял военное командование в Цизальпинской Галлии, двинулся к Мутине, но попал в засаду, организованную кельтами, и потерпел поражение. Остатки 4-го легиона бежали в деревню Таннет и там были окружены. Только когда претор Г. Атилий с одним легионом и 5 тысячами союзных солдат двинулся к Таннету, кельты отступили.

Долина По восстала, когда Ганнибал вступил в область тавринов. Однако далеко не все кельты долины По были настроены антиримски, а тем более прокарфагенски. Это было вызвано не особой

симпатией, которую проримски ориентированные кельты питали к Риму, а сильной напряженностью, существовавшей между отдельными кельтскими племенами.

Такая напряженность возникла между тавринами и инсубрами. Это было главной причиной того, что таврины не собирались заключать соглашение о дружбе и союзе с Ганнибалом. Так как Ганнибал не хотел уже в самом начале своего похода на Апеннинский полуостров потерять значительную долю своего престижа, он не мог удовлетвориться только вынужденным проходом через область тавринов и должен был более ясно показать свое превосходство. Он окружил самый значительный город тавринов, будущую Августу Тавринов (Турин), и в течение трех дней захватил его. После этого соседние племена явились в его лагерь и заявили о своем подчинении.

Хотя жившие восточнее кельты еще весной этого года заявили о своей готовности к сотрудничеству с карфагенянами, теперь они из-за присутствия римских войск, которые создали в долине По некий вид запретной зоны, отделились от Ганнибала. Чтобы как можно скорее привлечь на свою сторону кельтские племена, вынужденные служить в римской армии, Ганнибал также продвинулся далее к востоку.

П. Сципион, высадившийся тем временем в Пизе, взял под свое командование легионы Манлия и Атилия и быстро пришел в долину По, чтобы предотвратить соединение карфагенских и прокарфагенски настроенных кельтских вооруженных сил.

Когда Ганнибал услышал, что П. Сципион со своим войском перешел По (у Плаценции?) и продвинулся к Тицину, левому притоку По, то он энергичным продвижением своего непосредственного визави был поражен. Озабоченный поиском быстрого решения, он также двинулся к Тицину.

После того как известие о приходе карфагенских войск в долину По достигло Рима, сенаторы решили отозвать консула Тиб. Семпрония Лонга, который в Лилибее готовился к вторжению в Северную Африку, и направить его в Северную Италию. Лонг вернул большую часть военных кораблей в их родную гавань (приблизительно в середине октября), пехотинцев и всадников обязал клятвой собраться через 40 дней в Аримине, поручил защиту области Вибона и всего италийского побережья легату С. Помпонию, усилил флот претора Сицилии М. Эмилия Лепида пятьюдесятью кораблями, а сам появился в Аримине.

На второй день после перехода римлян через Тицин произошла стычка между авангардами Ганнибала и П. Сципиона. На следующий

день в ходе рекогносцировки обоих полководцев встретились кавалерийские отряды (с римской стороны в разведке участвовали легковооруженные конники), и дело было решено в пользу Ганнибала в основном благодаря тому, что нумидийские всадники окружили врага. Поражение римской кавалерии показало столь ясные результаты, что П. Сципион, который был ранен, оставил свой лагерь и переправился назад через По.

Хотя Ганнибал захватил отряд, оставленный для охраны моста через Тицин, он не использовал уже разрушенный частично мост, а стал искать подходящее место, где он мог бы перейти По. На следующий день он приказал навести понтонный мост через реку, поручил командиру саперов Гасдрубалу перевести по нему войска и одновременно дал аудиенцию послам кельтских племен, которые прибыли к По. Послы заверили Ганнибала в полной поддержке их племен в соответствии с более ранними обещаниями. Но Ганнибал двинулся вверх по реке, чтобы как можно скорее вступить в решающую схватку с войсками П. Сципиона. В тот же день после перехода через реку он оказался вблизи римского лагеря и на следующий день предложил Сципиону вступить в сражение. Поскольку тот не принял сражение, а штурм лагеря казался очень опасным, то Ганнибал построил лагерь приблизительно в десяти километрах от Плаценции.

Следующей ночью кельты, насильственно набранные в римскую армию (около 2 тысяч пехотинцев и 200 всадников), покинули римский лагерь, чтобы присоединиться к карфагенянам. Ганнибал не включил их тотчас в свои войска, а отослал домой, рассчитывая на эффект множителя: племена, члены которых оставили римское дело и не дистанцировались от поведения своих соплеменников, вынуждены будут теперь выступить на стороне карфагенян. Одновременно с упомянутыми кельтскими солдатами в карфагенском лагере появились послы бойев, с которыми Ганнибал заключил договор о дружбе и союзе. Захваченных бойями триумвиров *coloniae deducendae* он оставил в распоряжении своих новых союзников.

П. Сципион сознавал опасное положение своего лагеря и поэтому на следующую ночь оставил его. Он намеревался отступить на высоты, расположенные восточнее Требии, правого притока По, будучи уверенным как в преимуществах этого места, так и в верности живущих поблизости союзников.

Как только Ганнибал заметил, что римская армия отходит, он тотчас послал следом нумидийских, а потом и других всадников, которые, однако, напрасно задержались в пустом римском лагере, ибо большая

часть вражеского войска сумела перейти через Требию. Лишь небольшая часть, которая не смогла осуществить переход, была уничтожена или захвачена в плен.

Ганнибал теперь разбил свой лагерь западнее Требии, приблизительно в 8 километрах от П. Сципиона. Вопреки ожиданиям П. Сципиона большинство кельтов, живших в долине, поддержало Ганнибала. Но жившие на левом берегу Требии анамары, заключившие договор о дружбе с Ганнибалом, пытались играть на две стороны. Поэтому Ганнибал направил в их область за добычей 2 тысячи пехотинцев и около 1 тысячи всадников. После этого анамары клятвенно обязались вступить в бой вместе с римлянами. Лонг, который тем временем дошел от Аримина до Требии, направил большую часть кавалерии и около тысячи легковооруженных пехотинцев на левый берег реки, чтобы отнять у карфагенян добычу. Те были вынуждены отступить к окрестностям своего лагеря. К обеим сторонам пришли подкрепления, и стычка грозила превратиться в сражение. Но Ганнибал не считал момент подходящим для военного решения и запретил преследовать врага.

Встает вопрос, почему Ганнибал не напал на римский лагерь до прихода Лонга; ведь Лонг должен был встретиться с П. Сципионом только в конце ноября — начале декабря. Разумеется, Ганнибал был заинтересован, хотя бы уже из-за своих кельтских союзников, в быстром решении, а недостаточно боеспособные войска П. Сципиона не давали повода для беспокойства. Но он потому не пытался вступить в бой, что атака на лагерь не давала перспектив на успех. Римляне хорошо укрепились. Поэтому Ганнибал был вынужден ожидать прихода второй римской армейской группировки. Он надеялся, что после прихода Лонга римляне не будут больше уклоняться от решающего сражения.

И надежда оправдалась. Вечером того же дня, когда произошла упомянутая стычка, Ганнибал приступил к подготовке сражения, которое должно было произойти на следующий день, в день зимнего солнцестояния. В его плане особую роль играл отряд из тысячи пехотинцев и тысячи нумидийских всадников, которым командовал его брат Магон и который он расположил в засаде в прибрежном кустарнике левого притока Требии. Ранним утром он послал остальных нумидийских всадников к римскому валу, чтобы выманить врага из лагеря. Лонг вывел сначала всадников, потом около 6 тысяч метателей копий и, наконец, всю пехоту. Нумидийцы в соответствии с данным им приказом стали медленно отступать через Требию, и за ними

последовала римская армия. Теперь Ганнибал бросил вперед около 8 тысяч копейщников и балеарцев, которые должны были сдерживать первый натиск римского войска. Затем он ввел в бой остальную армию. Около 20 тысяч иберов, кельтов и ливийцев образовывали центр, свыше 10 тысяч всадников он поставил на флангах, а перед флангами пехотинцев разместил слонов. Лонг отозвал своих всадников, которые ничего не могли сделать с нумидийскими кавалеристами, и, со своей стороны, тоже выстроил войско в боевом порядке. Оно состояло приблизительно из 16 тысяч римских и 20 тысяч союзных пехотинцев и около 4 тысяч всадников. Ганнибал полагался на боеспособность своих войск и на превосходство своей тактики, а Лонг — на превосходящее число своих солдат, введенных в бой. Когда ранним утром римские легковооруженные воины отступили за главную линию, карфагенские всадники, силы которых были еще свежими, обрушились на римские фланги. Через короткое время они обратили римских всадников в бегство, и многие из бегущих погибли при попытке переправиться через Требию. Теперь нумидийские всадники и копейщники, которые ранее отступили за фланги, ударили по вражеским флангам. В то же время люди Магона, задачей которых было навести панику, обратили в бегство римский центр. Так как давление карфагенян на фланги и задние ряды вражеской армии все более усиливалось, стоящие в центре солдаты первого ряда и солдаты второго ряда были вынуждены прорываться через карфагенские линии, чтобы вступить в бой. Этому порыву никак не смогли противостоять кельтские войска, стоявшие в центре. Около 10 тысяч римских солдат, которые прорвались через карфагенские линии и не могли вернуться в лагерь, бежали в укрепление, расположенное выше по Требии, перешли реку и наконец достигли Плаценции. Большинству кавалеристов и отбившихся пехотинцев удалось присоединиться к этим войскам и тоже достичь Плаценции.

С римской стороны потери были велики. С карфагенской стороны погибло довольно много кельтов, но мало иберов и ливийцев. Однако в следующие недели из-за неблагоприятной погоды погибло много людей и лошадей, пали также многие слоны.

Щадящему сообщению Лонга в Риме сначала поверили. Но горькую правду, что от всей римской армии, стоявшей на Апеннинском полуострове, сохранились лишь остатки и что все кельты выступили на стороне карфагенян, долго скрывать было невозможно. Сенаторы приняли меры, которые должны были дать защиту от возможных или вероятных действий североафриканских и Ганнибаловых отрядов.

Они послали войска на Сицилию и Сардинию, расположили гарнизоны в Таренте и других важных городах и вооружили 60 пентер. Консулы 217 г. Гн. Сервилий Гемин и Г. Фламиний набрали новые легионы, присоединили к ним войска союзников, запросили помощи у Гиерона II, который послал им 500 критян и тысячу пелтастов, и заложили в Аримине и Этрурии склады припасов.

В сицилийско-южноиталийском пространстве в первый год войны происходили следующие события. Еще до прибытия Лонга на Сицилию карфагеняне вывели в море и направили к Италии двадцать пентер с экипажами численностью в тысячу человек. Однако флотилия попала в шторм, который погубил три корабля в Сардинском море. Остальные корабли сумели взять курс на Липару и Термессу. Гиерон, ожидавший в Мессане прибытия Лонга, захватил три корабля, которые сбились с курса и встали на якорь в гавани Мессаны. От пленных он узнал, что еще большую эскадру из 35 кораблей Карфаген направил на Сицилию, чтобы вновь захватить города бывших сицилийских союзников, особенно Лилибей, но что эта эскадра предположительно тем же штормом, в какой попали они, отнесена к Эгатским островам. Царь информировал о сообщениях пленных претора Лепида, который находился в Лилибее, и тот принял необходимые меры. Так был вовремя замечен приход карфагенской эскадры. Обе стороны решили подготовиться к сражению. В то время как карфагеняне стремились дать морской бой в классической манере, римляне стремились, как это уже было в прошедшей войне, сражаться на кораблях, как в сухопутном бою. Поскольку карфагеняне не сумели навязать свою тактическую концепцию, а римские солдаты превосходили числом карфагенских, то римляне победили. 7 карфагенских кораблей с 1700 солдатами и матросами попали в их руки. Среди пленных было также три сенатора. Римляне не потеряли ни одного корабля.

Известие об этой победе достигло Лонга, корабли которого сопровождал флот Гиерона, на пути между Мессаной и Лилибеем. Так как Лонг хотел отнять у карфагенян все их опорные пункты на островах, он доверил защиту берегов Сицилии Лепиду, а сам отплыл на Мелиту. Жители города выдали ему командира карфагенского гарнизона Гамилькара, сына Гисгона, и почти двухтысячный гарнизон и передали ему город и остров. После того как в Лилибее все карфагенские пленники, включая членов сенаторского сословия, были проданы в рабство, Лонг отплыл на Липарские острова, ибо услышал, что упомянутая карфагенская флотилия бросила там якорь. Однако к тому

времени эта флотилия подошла к Италии, опустошила область Вибона и навела ужас на жителей города.

В целом действия карфагенских морских сил в 218 г. были неудачны. Не было солдат, не было опытных и добросовестных офицеров, не было и счастья.

В Испании в этом году воевали с переменным успехом. Гн. Сципион, которого его брат отделил у устья Роны, сначала высадился в Эмпорионе, апойкии массалиотов⁶. Оттуда он направился дальше к устью Эбро, захватил несколько городов, добровольно к нему присоединившихся, и осадил города, которые присоединяться отказались. После того как он защитил города, перешедшие на римскую сторону, гарнизонами, он со своими войсками, которые были усилены иберийскими союзниками, двинулся внутрь области между Эбро и Пиренеями. Около города Киссы Гн. Сципиона встретил Ганнон. В этом бою карфагеняне потерпели поражение. Ганнон и Андобал, вождь союзных иберийских сил, попали в плен, «имущество» (Полибий), которое солдаты Ганнибала оставили в Испании, стало добычей римлян и, что было самым печальным, все племена этой области стали «союзниками и друзьями римского народа». Поскольку Ганнон, по-видимому, еще до этого боя запросил у Гасдрубала помощи, то его силы в численности уступали силам Гн. Сципиона. Гасдрубал, который хотел поддержать Ганнона, не мог вступить в решающее столкновение с Гн. Сципионом. Он удовлетворился тем, что приблизительно с 8 тысячами пехотинцев и тысячью всадников напал на римских и союзных с римскими матросов, которые находились на суше. После этой успешно проведенной акции он перешел назад через Эбро и прибыл на зимние квартиры в Новый Карфаген. Зимой Гасдрубал принимал военные и дипломатические меры, которые должны были обеспечить безопасность областей южнее Эбро.

Гасдрубал и Ганнон, очевидно, не понимали, что ввиду ожидаемых римских атак им необходимо координировать свои действия. В результате того, что защита ограничилась только областями южнее Эбро, существенная часть Испании оказалась изъятой из соответствующей стратегической концепции Ганнибала.

Если до сих пор Ганнибал был озабочен в первую очередь сотрудничеством с кельтскими племенами, то теперь он стремился приобрести поддержку италийских союзников римлян. Он заявил италийским

⁶ Более вероятно, что Эмпорион был апойкией, т. е. колонией, не Массалии и не метрополиии Фокси.

пленникам, что интересы карфагенян и интересы «италиотов» одни и те же. Карфагеняне и «италиоты» должны вместе сражаться за похищенную свободу и за потерянное имущество государств, зависимых от Рима. Чтобы усилить действенность своих слов, он отпустил всех италийских пленных на родину без всякого выкупа. Военные действия в огромной массе дополнялись пропагандистской борьбой.

Предположительно в мае 217 г. Ганнибал покинул зимние квартиры, чтобы вторгнуться непосредственно в саму Италию. Он знал, что Гемин свою армейскую группу расположил после Аримина, а Фламиний свою привел в Этрурию, так как и здесь, и там они должны были преградить путь в Среднюю Италию. После того как он различными путями получил соответствующие сведения, он решил избрать самый короткий, но и самый трудный путь, который вел в Этрурию через болотистую местность. Он надеялся воспользоваться моментом внезапности. Поскольку он считал кельтских пехотинцев солдатами, не обладавшими необходимой военной выносливостью и поэтому ненадежными, он их поставил маршировать между выдвинутыми вперед ливийцами и испанцами и поставленными в арьергарде всадниками, которыми командовал Магон. Четыре дня и три ночи длился марш через якобы непроходимые места. Ганнибал, ехавший на единственном еще оставшемся в живых слоне, получил тогда воспаление, следствием которого стала потеря глаза. В окрестностях Фезул он узнал, что Фламиний стоит около Арреция. Возможно, это известие стало причиной того, что Ганнибал решил не идти к Пизе, хотя до этого момента предполагалось, что там карфагенская армия соединится с карфагенским флотом. Теперь он двинулся в район южнее Арреция и опустошил область между Кортоной и Тразименским озером, вероятно долину Кьяны, дабы подтолкнуть Фламиния к тому, чтобы он, не ожидая подхода коллеги, один вступил с ним в бой. Когда Фламиний узнал, что Ганнибал уже стоит южнее Арреция, он снялся со своей стоянки и настиг его около Тразименского озера. По-видимому, он рассчитывал, что Ганнибал через Клузий двинется на Рим. Но не Рим был целью Ганнибала. Это можно было уже понять, когда Ганнибал подошел к северному берегу Тразименского озера и далее к востоку, и стало совершенно ясно, когда он после сражения при Тразименском озере не скорректировал избранное направление.

Само сражение развивалось полностью по плану Ганнибала. Ганнибал подошел к озеру вблизи Торонтолы, двинулся вдоль северного берега озера к востоку и разбил свой лагерь на склонах горы Колоньо-

лы. Ночью он увел балеарцев и копейщиков за холмы, которые располагались к юго-западу от пути между горой Колоньола и Торричеллой, а кельтов и всадников направил на высоты, находившиеся северо-восточнее пути между горой Колоньола и Торричеллой и восточнее и севернее пути между Торричеллой и Монтиджето. Когда на следующее утро (это было, вероятно, утро 21 июня) Фламиний ввел свои войска в котловину, лежащую между Торричеллой и Монтиджето, Ганнибал стал ждать, пока голова войска не окажется вблизи карфагенского лагеря, и тогда дал знак к атаке. Римляне были пойманы в ловушку: на юго-востоке стояли ливийцы и иберы, на юго-западе — балеарцы и копейщики, на северо-востоке и севере — кельты и всадники, а западнее и южнее пути между Торричеллой и Монтиджето лежало озеро. Почти 15 тысяч римских солдат и среди них сам Фламиний нашли здесь свою смерть. Около 6 тысяч римских солдат сумели прорваться через вражеские линии, вероятно, через участок фронта, где стояли балеарцы и копейщики. Они укрепились в лежащей поблизости деревне, но на следующий день сдались под обещание жизни, данное Магарбалом, которого Ганнибал выделил вместе с иберами и копейщиками. Всего в плен попало свыше 15 тысяч римских солдат. Снова, как и после битвы при Требии, Ганнибал отпустил солдат римских союзников без выкупа, заверив их, что он сражается «за свободу италиотов» (Полибий).

Сразу после сражения на обсуждении, в котором наряду с Ганнибалом участвовали Магон и «друзья» (Полибий), принималось решение о дальнейших военных целях похода и путях, ведущих к достижению этой цели. Если тогда еще обсуждалась мысль о марше на Рим, то теперь она была окончательно похоронена.

Когда Гемин узнал о вступлении карфагенской армии в Этрурию, по-видимому в самый день сражения при Тразименском озере, он послал четыре тысячи всадников под командованием военного трибуна (?) Г. Центения в Этрурию, чтобы усилить кавалерию Фламиния. Когда эскадрон 23 июня (?) оказался вблизи Тразименского озера, Ганнибал направил против него часть всадников и копейщиков под командованием Магарбала. В завязавшемся бою половина римских всадников погибла, а другая половина, которая, по-видимому, отступила в Умбрию, на следующий день была взята в плен.

В Риме сенат несколько дней заседал без перерыва. Было решено в сложившихся обстоятельствах вернуться к институту, уже давно вышедшему из моды: к диктатуре. Но так как консул Гемин, который по неписаным законам Римского государства единственный мог

назначить диктатора, был недоступен, то римский народ избрал, что само по себе было незаконным поступком, диктатора и, что явилось еще одним нарушением государственного права, магистра конницы. Диктатором стал Кв. Фабий Максим, магистром конницы — М. Минуций Руф. Они получили от сената поручение принять все меры, необходимые для защиты Рима. Однако Ганнибал шел не на Рим, а через Умбрию и Пицен к Адриатике, которой он достиг на десятый день после оставления лагеря, разбитого вблизи Тразименского озера. Оттуда он послал в Карфаген вестников, сообщивших о его успехе. Благодаря этому сообщению возросло желание карфагенян подготовить все необходимые средства для ведения войны в Италии и Испании.

После того как карфагенские войска отдохнули на пиценском побережье Адриатики (севернее области претуриев), Ганнибал двинулся через территорию претуриев, адриатическое побережье, земли марруцинов, френтанов, давниев (Луцерию, Вибин, Арци) и певкстов в области мессапиев. По-видимому, он считал приобретение его войсками новых сил на адриатическом побережье более важным, чем уничтожение двух легионов Гемина. Но когда Максим, который сам набрал два легиона и около Нарнии принял легионы Гемина, разбил свой лагерь у Эк приблизительно в 10 км от лагеря Ганнибала, Ганнибал предложил ему вступить в сражение. Однако Максим не принял бой. Он надеялся, что наступление Ганнибала выдохнется. Он был убежден, что римляне имеют более долгое дыхание, поскольку обладают лучшими возможностями рекрутирования воинов, большими материальными средствами и более точными знаниями местности. Частичные успехи, как победы над отрядами карфагенских фуражиров, постепенно повысят мораль армии.

Через некоторое время Ганнибал покинул восточное побережье, чтобы через Самний, точнее через область Беневента и Телессию, двинуться в Кампанию. Он явно в первую очередь надеялся еще до ухода в зимний лагерь воспользоваться теми богатствами, какие предоставляет плодородная кампанская земля. Его целью была область фалернов, расположенная на правом берегу реки Волтурн. Перейдя перевал вблизи холма Эрибиан, он разбил лагерь на правом берегу Волтурна. Оттуда он снабжал себя тем, что необходимо было зимой.

Максим следовал за ним, но не спускался на равнину, боясь превосинства врага в кавалерии. Он знал, что Ганнибал намеревался возвратиться тем же путем, каким пришел. На этот раз он решил напасть на Ганнибала, поскольку считал, что местность может ему благоприятствовать. Он выставил на перевале 4 тысячи воинов,

а с остальными войсками занял позицию на высоте, господствующей над перевалом. Однако Ганнибал разгадал намерения своего противника и разрушил его планы. Перед рассветом он передал саперам, которыми командовал Гасдрубал, приблизительно 2 тысячи быков, к рогам которых были привязаны факелы, и послал их на высоту, находившуюся в стороне между лагерем и перевалом. Копейщикам он приказал занять высоту на время подъема на нее животных. Сам он тоже выступил. Авангард его войска образовывали тяжеловооруженные воины, за ними следовали всадники, а арьергард составляли иберы и кельты. Когда римские солдаты, охранявшие перевал, увидели на пути быков, они подумали, что Ганнибал хочет прорваться через это место. Поэтому они оставили перевал и поспешили подняться на высоту. Там они натолкнулись на карфагенских копейщиков. После короткой стычки два отряда разделились и стали ожидать наступления дня. Максим со своими войсками тоже оставался в своем лагере. Ганнибал же спокойно прошел со своими войсками и добычей через перевал.

Карфагенский полководец решил расположить свою зимнюю квартиру в Гереонии. Так как переговоры с жителями о сдаче города затягивались, он решил взять город силой. Впредь город служил гигантским складом снабжения карфагенской армии.

Руф, принявший командование римскими войсками, поскольку диктатор отбыл в Рим, считал, и он в этом был не одинок, что ведение войны со стороны римлян должно быть наступательным. Действительно, он добился некоторого успеха: римские легковооруженные воины одержали победу над 2 тысячами карфагенских копейщиков, которые после подхода вражеских сил были откомандированы Ганнибалом занять холм Калену, находившийся приблизительно в 5–10 километрах от Гереония. Этот успех придал римлянам мужество. Руф выстроил тяжеловооруженных воинов в боевом порядке перед лагерем, который Ганнибал разбил между Гереонием и Каленой, а всадникам и легковооруженным приказал небольшими отрядами нападать на группы карфагенских фуражиров. Поскольку в карфагенском лагере находилась только небольшая часть армии, Ганнибал при защите лагеря оказался в затруднительном положении. Только Гасдрубал со своими 4 тысячами человек, которых ранее полководец оставил в лагере у Гереония, мог вызволить его из такого положения. Ночью Ганнибал вернулся в лагерь около Гереония, который он ни при каких обстоятельствах не хотел бросить на произвол судьбы. Руф, несомненно, добился успеха, хотя и не решающего.

Когда в Рим пришло сообщение о событиях при Герсони, а это сообщение излагало происшедшее в самом благоприятном свете, римляне стали не только упрекать Максима и до небес восхвалять Руфа, но и в своем воодушевлении решились на меру, ставшую абсолютной «новинкой» в конституционной истории их государства: народное собрание приняло решение наделить также и Руфа диктаторской властью. Два диктатора в одно и то же время! Это была мера не только неправильная, но и абсурдная.

После возвращения Максима усилилось уже и до этого существовавшее напряжение между двумя ведущими деятелями. Возникла опасность полной неспособности в военном руководстве Рима. Когда Максим поставил Руфа перед выбором командовать войсками по очереди или разделить их, тот с радостью принял последнее предложение.

Между лагерем, который разбил Руф на расстоянии около 12 стадий от лагеря Максима, и лагерем Ганнибала находилась высота, которая играла центральную роль в тактическом плане Ганнибала, составленном для борьбы с Руфом. При осуществлении этого плана ему очень помогло то, что реакции Руфа было легко рассчитать. Под покровом ночи Ганнибал направил около пяти тысяч легковооруженных и других пехотинцев, разделив их на отряды по 200 или 300 человек, в углубление, находившееся поблизости от высоты, в засаду. В предзакатных сумерках легковооруженные воины заняли высоту, чтобы привлечь внимание врага к этому пункту. Руф тотчас послал своих легковооруженных пехотинцев, чтобы они захватили эту высоту любой ценой. Затем он вывел из лагеря всадников и тяжеловооруженных пехотинцев. Теперь с наступлением дня Ганнибал послал подкрепление своим людям и, наконец, сам последовал за ними с всадниками и остальными пехотинцами. Его всадники вынудили римских легковооруженных отступить к тяжеловооруженным. В этот момент смятения Ганнибал дал воинам, находившимся в засаде, приказ к атаке. Сражение вступило в решающую фазу. Враг понес тяжелые потери. И только вмешательство Максима помогло войску Руфа избежать полного уничтожения. Ганнибал не стал преследовать врага и возвратился в свой лагерь. Позже он создал на этой высоте оборонительные сооружения, чтобы избежать нежеланных неожиданностей. Он явно надеялся, что следующий год принесет положительные результаты.

Ход этого сражения укрепил позиции Максима и на фронте, и на родине. Оба римских лагеря вновь соединились, и Руф отныне уважал все решения своего коллеги.

После полугода нахождения в должности Максим и Руф сложили диктатуру. До вступления в должность новых консулов Л. Эмилия Павла и М. Теренция Варрона руководство военными операциями принадлежало прежним консулам Гемину и М. Атилию Регулу. После своего вступления в должность действующие консулы вывели в поле войска, которые они набрали в качестве пополнения, и наказали Гемину и Регулу ни при каких обстоятельствах не вступать в решающее сражение, но со всей энергией вести небольшие бои, чтобы усилить веру в себя солдат, большая часть которых была еще неопытной. Их целью было не продолжение стратегии Максима, а создание предпосылок для «решающей битвы» (Полибий). На внеталийских фронтах были приняты следующие меры: претор Л. Постумий Альбин был с одним легионом послан в Северную Италию, чтобы там воевать с кельтами долины По и тем самым по возможности заставить уйти кельтов, находившихся в армии Ганнибала. Флот, зимовавший в гавани Лилибея, был заново снаряжен. Было продлено командование полководцам, действовавшим в Испании. Там в качестве коллеги П. Сципиона остался его брат Гн. Сципион.

Весной 217 г. Гасдрубал оставил Новый Карфаген и с сухопутными и морскими силами двинулся к устью Эбро. Сухопутные силы были довольно значительны. Флот, командование которым Гасдрубал поручил Гамилькару (?), насчитывал 40 кораблей. Как кажется, Гасдрубал не намеревался отвоевывать территорию севернее Эбро. Его планы, видимо, были оборонительного характера. Когда Гн. Сципион получил сведения о силе карфагенской сухопутной армии, он счел благоразумным не сталкиваться с карфагенянами на воде и на суше. Он отплыл из Тарракона с 35 кораблями и на следующий день прибыл к устью Эбро на расстоянии приблизительно в 80 стадий от якорной стоянки карфагенского флота. Пользуясь, очевидно, советами массалиотских профессионалов, он решился на атаку и применение тактики «внедрения», которая, по-видимому, превосходила карфагенскую тактику «прорыва»: первая линия римских кораблей прорезывала боевую линию карфагенских судов, разворачивалась и нападала со спины на карфагенские корабли, перед которыми неожиданно появлялась вторая линия римских судов. После того как карфагенский адмирал потерял два корабля вместе с их экипажами и боевые команды еще четырех кораблей, всеельный такелаж которых был уничтожен, остальные карфагенские суда отступили к берегу, где находились карфагенские сухопутные войска. Римляне погнались за ними, взяли на буксир некоторое количество карфагенских кораблей, а затем отплыли обратно.

После этого карфагеняне увеличили усилия, целью которых было по крайней мере на море восстановить равновесие. Из Карфагена к ним выплыл флот из 70 кораблей. Сначала этот флот двинулся к Сардинии и затем подошел к окрестностям Пизы. Неизвестный по имени командир флота надеялся установить в Этрурии контакт с Ганнибалом. Но прежде всего он стремился нарушить связь между Римом и Северной Испанией. Однако после того, как он получил известие, что римские корабли под командованием Гемина вышли из Ольбии в море, он увел свой флот на Сардинию, а затем вернулся в Карфаген.

Гемин сначала пытался догнать карфагенский флот. Он обогнул Корсику и Сардинию, но потом узнал, что карфагенские корабли обладают значительным преимуществом. Поскольку ему не удалось выполнить свое намерение, он попытался навредить карфагенянам иным способом. Сначала он ограбил остров Менинкс, затем получил от жителей острова Керкенны десять талантов серебра и, наконец, высадился на восточном побережье Туниса, чтобы опустошить его. Однако находившиеся поблизости от берега карфагенские войска вскоре снова выгнали врага на их корабли. На обратном пути к Лилибею Гемин высадился на острове Коссуре и оставил в городе гарнизон.

Поскольку Гн. Сципион достиг бесспорного преобладания в Балсарском море, он смог беспрепятственно совершать набеги на Онуссу, область Нового Карфагена, Лонгунтику и, наконец, на Эбес. Сам город Эбес выдержал энергичную двухдневную осаду, но богатая добыча, полученная в его окрестностях, стала для римлян некоторой компенсацией за небольшую неудачу. Кроме того, к римлянам пришли послы балеаров, т. е. жителей Майорки и Менорки, просить мира. После возвращения в Тарракон Сципион принял послов всех племен, живших севернее Эбро, и многих племен, обитавших южнее этой реки. Они все признавали римское господство. Явно более 120 племен дали заложников.

Через некоторое время Гасдрубал получил известие, что илергеты, жившие севернее Эбро, бывшие ранее карфагенскими союзниками, восстали против римского господства и были разбиты римскими вспомогательными войсками под командованием военного трибуна. Восстание илергетов проходило, по-видимому, не под карфагенским руководством, но Гасдрубал не мог бросить на произвол судьбы племя, сражавшееся против общего врага. Поэтому он перешел Эбро и разбил свой лагерь в области илергавонов. Лагерь

римлян находился около Нова Классис. Однако оба войска так и не померились силами в сражении, ибо жившие севернее Эбро кельтиберы по призыву Гн. Сципиона напали на три города южнее реки и захватили их, так что Гасдрубал был вынужден снова перейти через Эбро, чтобы восстановить спокойствие в карфагенской провинции.

Приблизительно в это время в Тарракон прибыл П. Сципион. Он привел с собой 20 военных кораблей, восемь тысяч человек и необходимые для войны материалы. Посылая П. Сципиона в Испанию, римские сенаторы ставили цель с помощью усиления римского присутствия на испанском театре военных действий уменьшить карфагенское давление на италийском фронте. Оба Сципиона уже в этом году с сухопутными силами перешли Эбро и дошли до Сагунта. Большого успеха они, однако, не достигли.

В 217 г. военная ситуация на неиталийских участках военных действий только очень несущественно изменилась в пользу римлян.

Ганнибал имел твердое намерение в 216 г. в войне в Италии прийти к окончательному военному решению. Чтобы достичь этой цели, он должен был принудить врага к отказу от его оборонительной стратегии. Ему было необходимо создать такую ситуацию, в которой консулы не смогли более уклониться от сражения с ним. Подходящим средством достижения этого ему показался захват крепости маленького апулийского города Канны, поскольку эта крепость являлась не только важным складом снабжения римских войск, но и имела определенное значение из-за своего стратегического положения. Можно было полагать, что римляне не оставят этот удар без ответа, тем более что среди их союзников могло возрасти беспокойство. Но если бы консулы приняли равнину Канн как поле битвы, то они, и это было решающим в расчетах Ганнибала, еще до сражения проиграли бы его в значительной степени, ибо карфагенская кавалерия, превосходившая римскую, в этом месте могла действовать идеальным образом. И карфагенский полководец действовал в соответствии с этими соображениями.

Расчет Ганнибала оправдался. 27 июня римские войска оставили свой лагерь около Ларина. Во главе их стояли консулы этого года Павел и Варрон. В этом походе участвовал также Гемин, один из консулов прошлого года. Павел и Варрон по очереди, сменяя друг друга каждый день, командовали армией.

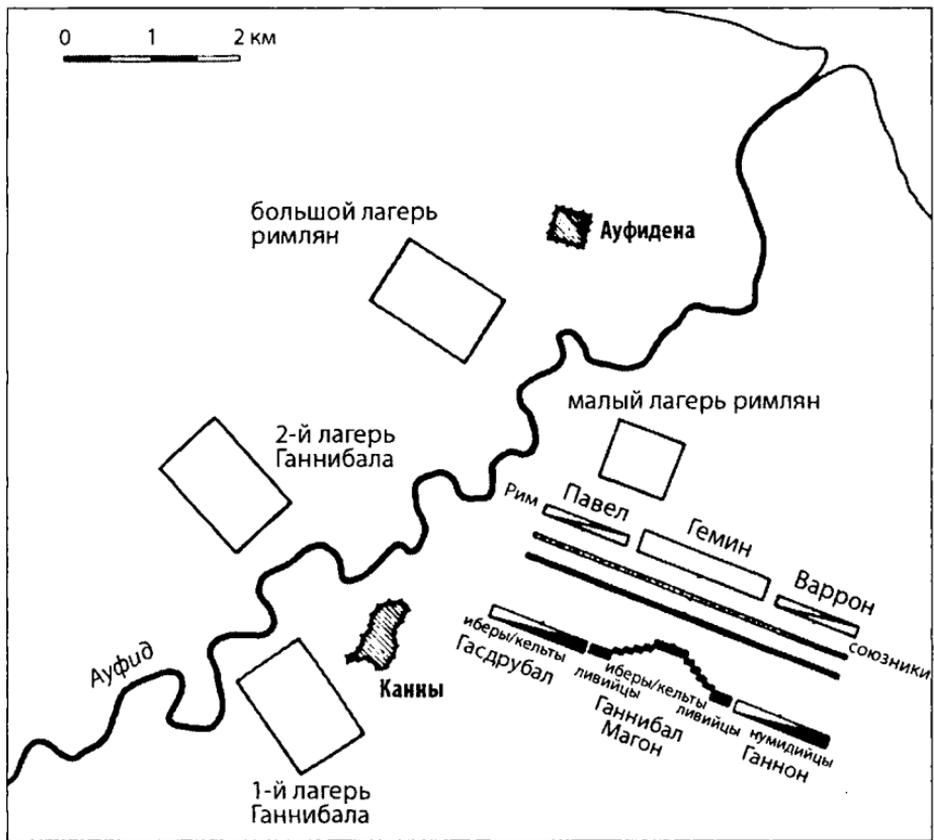
На следующий день 8 легионов (такое число еще никогда не участвовало в войнах) пришли к Каннам и еще через день, когда коман-

довал Варрон, подошли ближе к карфагенскому лагерю. Всадники и легковооруженные пехотинцы Ганнибала напали на авангард. Возможно, Ганнибал хотел этим добиться важного психологического преимущества, но не имел успеха. На следующий день, 30 июля, Павел разбил большой лагерь на левом берегу Ауфиды, а меньший — на левом. Меньший лагерь находился на расстоянии около 10 стадий от большего, а от карфагенского лагеря его отделяло несколько большее расстояние. Солдаты, размещенные в меньшем лагере, должны были прежде всего прикрывать фуражиров, действовавших на правом берегу реки, и угрожать вражеским воинам. Однако Ганнибал перевел теперь лагерь на левый берег, может быть, для того, чтобы придать больше уверенности своим солдатам и вынудить врага к битве.

Через день, 1 августа, Ганнибал предложил начать сражение, выстроив свои войска у реки, но Павел не принял его, сочтя и местность, и время неподходящими для себя. В ответ на отказ Ганнибал послал нумидийских всадников к валу меньшего лагеря, чтобы подтолкнуть к бою Варрона, который, очевидно, в этом лагере находился. На следующий день, 2 августа, командование принял Варрон, и можно было ожидать, что он вступит в битву. Так и произошло.

С восходом солнца Варрон вывел войска из обоих лагерей и выстроил их в боевом порядке фронтом на юг. Правое крыло образовывали римские всадники под командованием Павла. В центре довольно сплоченным блоком стояли пехотинцы под командованием Гемина. На левом крыле разместились союзные всадники, которыми командовал Варрон. Перед боевой линией находились легковооруженные. Всего было 80 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников.

В это же время Ганнибал перевел через реку балеаров и копейщиков и поставил их в самой первой линии. Место на левом фланге заняли иберийские и кельтские всадники. К ним присоединилась половина ливийских пехотинцев, вооруженных римским оружием. Потом следовали иберы и кельты. Рядом с ними стояла другая половина ливийских пехотинцев. И на правом фланге расположились нумидийские всадники. Левым крылом командовал Гасдрубал, центр находился под командованием Ганнибала и Магона, правым крылом руководил Ганнон. После того как войско выстроилось в *одну* линию, Ганнибал образовал из иберийских и кельтских пехотинцев искривление в виде полумесяца. Всего с карфагенской стороны имелось

Битва при Каннах

(на основе: *Kromayer J. Schlachten-Atlas. Röm. Abt. Blatt 8a*)

свыше 40 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников. По расстановке римских войск можно явно заключить, что по плану Варрона сплошная в единую массу римская пехота должна была сломить центр карфагенской армии: ведь против 40 тысяч карфагенских было 80 тысяч римских пехотинцев! Ганнибал пытался избежать этой опасности следующим образом. Иберийские и кельтские пехотинцы должны были выдержать первый натиск врага, а затем медленно отступить. Теперь в дело должны были вступить ливийские пехотинцы. Но Ганнибалу было ясно, что победа зависела от того, сумеют ли пехотинцы выдерживать натиск вражеского катка до тех пор, как всадники на флангах одержат победу и будут в состоянии ударить в спину римским пехотинцам. Не без причины он взял на себя лично командование в центре.

После того как началась предварительная стычка легковооруженных воинов, следом на римских всадников напали иберийские и кельтские кавалеристы, которые действовали необычным образом — спешившись. И они победили. Приблизительно в это же время столкнулись тяжеловооруженные солдаты. Иберы и кельты в центре, как и ожидалось, отступили. Так как римляне их преследовали, ливийцы теперь оказались по обе стороны от их флангов. Бой на правом карфагенском фланге продолжался дольше, чем на левом. Поэтому Гасдрубал пришел на помощь Ганнону. Когда там было сломлено сопротивление, Ганнон приступил к преследованию врага, в то время как Гасдрубал ударил римским пехотинцам в тыл. Карфагенские клещи начали сжиматься. Павел, который после поражения римской кавалерии перешел в центр, погиб. Поскольку римские пехотинцы могли вступать в бой в сложившихся обстоятельствах только обособленно, они не могли использовать свое численное превосходство. Пространство, на котором они могли сражаться, становилось все теснее. Десятки тысяч павших, среди которых находился и Гемин, покрыли поле битвы.

Подсчитать римские потери можно только приблизительно. Если считать, что римская армия перед сражением состояла из 86 тысяч человек (80 тысяч пехотинцев и 6 тысяч всадников), и принять, что число вышедших из битвы лучше считать по римским, а число пленников — по карфагенским рассказам, то получится, что пало в бою 59500 человек и в плен попало 12 тысяч. 14500 человек смогли избежать смерти и спастись от плена. Среди них находился и Варрон, который с 50 всадниками прибыл в Венузию.

С карфагенской стороны погибли около 4 тысяч кельтов, около 1500 иберов и ливийцев и приблизительно 200 всадников.

Вечером после битвы при Каннах на италийской земле больше не было римской армии. Тем самым, казалось, все было решено. За этим могла последовать только, как думали многие, ликвидация или по крайней мере регионализация Римского государства! Предпосылкой для такого политического решения являлась, во всяком случае, капитуляция Рима. И кто мог после дня Канн сомневаться, что капитуляция последует через несколько дней или недель? Особенно в случае, если упрямый сенат или упрямое народное собрание, возможно, должны будут принять решение в условиях марша на Рим победоносных войск! Со скорым маршем на Рим явно считались и друзья, и враги Ганнибала. Командир кавалерии Магарбал, заметив колебания Ганнибала, даже был вынужден сказать: «Ты, Ганнибал, умеешь

побеждать, но не умеешь пользоваться победой» (Ливий). Ганнибал не пошел на Рим. Почему? Предположительно, не потому, что осада города принудит его «пожертвовать своей мобильностью, или разделить свою армию и этим подорвать основы организации и концентрации сил» (Дональдсон), а потому, что он надеялся, что за днем Канн последует распад римско-италийского военного сообщества, который был бы равнозначен разрушению фундамента власти Рима. Но кажется, что Ганнибал с карфагенской точки зрения действовал бы хорошо, если бы последовал совету Магарбала и как можно быстрее оставил бы Канны ради Рима.

В Риме преторы П. Фурий Фил и М. Помпоний (Матон) созвали в Гостилиевой курии сенат. Однако в условиях всеобщей паники сенаторы не смогли прийти ни к какому удовлетворительному решению. Максим предложил отложить заседание. Далее нужно было позаботиться о том, чтобы сенат получил надежные сведения, граждане остались спокойными и никто не покинул город.

За несколько дней до битвы при Каннах карфагенский флот высадился на территории Гиерона и опустошил страну. Цель этой акции состояла в том, чтобы выманить стоявший в Лилибее флот Т. Отацилия Красса в Восточную Сицилию. Если бы Красс ушел, то стоявший на якоре у Эгатских островов карфагенский флот попытался бы войти в гавань Лилибея и овладеть городом. В таком случае, опираясь на этот пункт, можно было бы добиться и дальнейших успехов на Сицилии. Однако Красс понял намерения карфагенского адмирала и остался в Лилибее. Он послал в Рим депешу, в которой указывал, что если хотят помочь Гиерону, то для этого требуется другой флот. Эта депеша прибыла в Рим после сообщения о битве при Каннах.

На следующем заседании сенат принял решения, важные как для италийского, так и для сицилийского театров военных действий, а слово «мир» не слетело с губ ни одного сенатора. В сицилийские воды был направлен Фил с флотом, стоявшим в Остии. Верховное командование остатками римской армии в Италии было поручено М. Клавдию Марцеллу, который до этого командовал флотом в Остии. Варрон был затребован назад в Рим. 1,5 тысячи человек из 3-го легиона, который по первоначальному плану должен был составить экипаж остийского флота, Марцелл использовал для защиты Рима. Оставшаяся часть этого легиона под командованием военных трибунов двинулась к Теану Сидицинскому. После того как он сам прибыл туда, он пошел быстрым маршем к Канузию.

Кроме того, сенаторы решили, что требуется снова прибегнуть к диктатуре. Их выбор пал на М. Юния Перу. Варрон подчинился обязательному решению сената и назначил Перу *dictator rei gerundae causa*. Затем Пера назначил магистром конницы Тиб. Семпрония Гракха. Первоочередной задачей обоих магистратов являлся набор новых войск. Но материал, который находился в их распоряжении, был далеко не лучшим: это были большей частью юноши, рабы и преступники.

И после битвы при Каннах Ганнибал освободил пленных союзников Рима. Он полагал, что меры по освобождению римских союзников никогда не имели большего пропагандистского успеха, чем тогда. Захваченным в плен римлянам Ганнибал заявил, что ведет войну не ради уничтожения Римского государства, а только за «честь и господство» (Ливий). Из числа римских пленных были направлены в Рим десять наиболее доверенных людей, чтобы добиться от сената согласия на мирные предложения Ганнибала. С ними прибыл в Рим Карталон, чтобы представить условия мира, предложенные победителем. Однако сенат не выкупил пленных и не вступил в мирные переговоры.

Решающие годы (216—211 гг.)

Важнейшим следствием битвы при Каннах был, по мнению Ганнибала, переход многих римских союзников на сторону карфагенян. Вскоре после сражения Ганнибал оставил Апулию, чтобы собрать плоды победы. Он пошел мимо Канузия к гирпинскому городу Компсе, гражданин которого по имени Статий Требий обещал ему его сдать. В Компсе Ганнибал разделил свои войска: Магону он поручил захват городов этой области, а сам выступил к Неаполю. Он сумел заманить в засаду эскадрон неаполитанских всадников, а затем обратить его в бегство, но это было все. От осады города, которая потребовала бы длительного времени, Ганнибал отказался.

Следующей целью был богатый кампанский город Капуя. Капуя до сих пор от Рима не отпала, так как между правящими слоями обоих городов существовали тесные семейные связи, а также потому, что 300 знатных кампанских всадников находились в качестве римских гарнизонных воинов в городах Сицилии. Однако после того, как послы города отыскали Варрона в Венузии и собственными глазами увидели деморализованные остатки римской армии, большинство

сената и народа под авторитетным влиянием Пакувия Калавия, который в 217 г. был *meddix tuticus*⁷, высказалось за сотрудничество с Ганнибалом. К политическому оппортунизму толкало также воспоминание о старом кампано-римском соперничестве, которое теперь получило новую пищу. И мечта сделать Капую центром новой Италии была даже не очень дерзкой, как полагали некоторые люди, считавшие, что они поздно родились. Те же послы, которые были у Варрона, теперь направились к Ганнибалу. Они заключили с ним мир на следующих условиях: 1) Капуя сохраняет свои собственные законы и свое собственное управление; 2) ни один карфагенский полководец или чиновник не будет иметь никаких прав над кампанским гражданином и ни одного кампанского гражданина карфагенский полководец или чиновник не принудит против его воли к военной или какой-либо иной службе; 3) Ганнибал передает кампанцам 300 римских пленных, которых они сами выберут. Условия этого договора показывают, что Ганнибал пошел навстречу всем пожеланиям кампанцев. Ему было очень важно без применения силы взять в свои руки этот город и приобрести доверие его жителей. Кроме того, сохранение автономии италийских городов полностью соответствовало объявленным политическим целям Ганнибала. Капуя, видимо, должна была стать неким видом теста в карфагено-италийских отношениях.

Теперь, по мнению Ганнибала, пришло время широкомасштабного наступления на военные силы Рима на всех фронтах. К этому его подвигли две вещи: деньги и солдаты. Хотя его италийская политика оставалась удачной, он не мог и то и другое вымогать у новых союзников. Он нуждался в поддержке родины. Чтобы произвести впечатление на карфагенское правительство, он послал в Карфаген не первого встречного, а своего брата Магона, исполнявшего обязанности командира армейской группировки в Италии. В сложившихся обстоятельствах и при силе баркидской фракции в сенате Магону было нетрудно добиться разрешения достать кажущиеся необходимыми средства и войска. Огромным большинством сенаторы приняли решение послать в Италию 4 тысячи нумидийских всадников, 40 слонов и тысячу талантов серебра. Кроме того, Магон и некий Карталон отправились в Испанию, чтобы там набрать 20 тысяч пехотинцев и 4 тысячи всадников. Ими должны были пополнить войска, находившиеся в Италии и Испании.

⁷ Местный магистрат, возглавлявший самоуправление Капуи.

Рассказы о дальнейших военных событиях 216 г. частично путанные, частично невероятные. Из фактов, какие можно выделить из этих сообщений, видно, что военные действия, по крайней мере в Италии, фактически прекратились. В долговременной перспективе это состояние перемирия оказалось выгоднее римлянам, чем карфагенянам.

Прежде всего Ганнибал пошел на Нолу. Однако Нола заявила, что она не готова к сдаче. Ноланцы затягивали переговоры и призвали Марцелла, который тем временем шел от Канузия к Казилину. Чтобы не затрагивать область Капуи, Марцелл прошел к Ноле через Калацию, область Сатикулы, территорию Требулы и горы северо-восточнее Суессулы. Но когда он туда прибыл, Ганнибал уже отступил к Нуцерии, считая, по-видимому, что время работает на него. Нуцерия явно пала, поскольку там закончились припасы. На обратном пути к Капуе Ганнибал снова пытался овладеть Нолой, но опять же безуспешно. Зато в его руки попали Ацерры, откуда ночью бежали горожане. В то время как Марцелл разбил свой лагерь северо-восточнее Суессулы, в карфагенский лагерь пришло известие, что Пера находится на пути к Казилину. До сих пор Казилин защищали 500 пренестинцев, а также собственно римляне и латины, которые уничтожили прокарфагенски настроенных жителей той части города, что располагалась на правом берегу Вольтурна. Ганнибал решил захватить римский опорный пункт, который располагался лишь в нескольких километрах от Капуи. Сначала он послал гетульский отряд под командованием Исалькаса, а затем — кавалерийский эскадрон Магарбала. Оба были якобы отбиты пренестинцами. Но и сам он не смог захватить город. Он оставил перед Казилином слабый гарнизон, надеясь, что голод сделает свое дело. С остальными войсками он ушел на зимние квартиры в Капую или в капуанскую область.

Осень не принесла, по крайней мере в Кампании, успеха, на какой надеялся Ганнибал. Синуесса, Теан, Калес, Казилин, Нола, Неаполь, Кумы и Литерн, как и раньше, находились в руках римлян.

С Сицилии же, напротив, хороших известий в Рим не приходило. Красс сообщал, что Фил хотя и вернулся со своим флотом из Африки (он, очевидно, как в прошлом году Гемин, попытался совершить грабительский поход в Африку), но из-за ранения находится в смертельной опасности. Кроме того, ему пришлось отсрочить выдачу морским солдатам и матросам денег и продовольствия. И хотя Гиерон, «единственная опора римского народа» (Ливий), доставил Крассу деньги, необходимые для выплаты, и требуемое зерно на шесть

месяцев, тревожные слухи из окружения царя дошли до Рима. Гелон, сын и соправитель Гиерона, в период после битвы при Каннах предпринял попытку переориентировать сиракузскую внешнюю политику. Однако его скорая смерть на некоторое время разрушила эти планы.

Содержание письма, которое направил в Рим командированный на Сардинию пропретор А. Корнелий Маммула, было подобным письму Красса. Но центральная власть и в этом случае даже в перспективе не могла помочь. Заменить ее должны были города Сардинии.

Только на испанском театре военных действий дела обернулись в пользу римлян. Оба Сципиона разделили свои задачи таким образом, что Публий командовал флотом, а Гней — сухопутной армией. Гасдрубал, который намеревался вести войну и на море, и на суше, занимался восстановлением флота и усилением сухопутных сил. Когда он и там и там добился первых успехов — тем временем Карфаген прислал ему 4 тысячи пехотинцев и 500 всадников, — его неожиданным ударом настигло предательство флотского командира Гамилькара (?), в прошлом году проигравшего сражение у устья Эбро и поэтому получившего суровое порицание, вероятно, от суда ста четырех. Гамилькар (?) направился к тартессиям и поднял их на мятеж⁸. Гасдрубал был вынужден отложить свои планы относительно Сципионов и в первую очередь заняться тартессийской проблемой. Хотя в развернувшихся военных действиях восставшие сначала захватили город Аскуа (в этом городе Гасдрубал разместил свой склад), они все же были вынуждены склониться перед превосходящим военным искусством карфагенян. Они были полностью окружены и большей частью уничтожены. На следующий день это племя капитулировало.

Новые волнения, и не только среди тартессиев, но и в других племенах, возникли, когда просочились сведения, что Гасдрубал должен покинуть Испанию и повести свою армию в Италию по следам брата. Этот план принадлежал не Гасдрубалу, а центральным властям Карфагена, дабы прийти в Италии к быстрому решению. Некий Гимилькон с довольно сильной сухопутной армией и усиленным флотом прибыл в Испанию, чтобы стать преемником Гасдрубала. Прежде чем отправиться в поход, Гасдрубал собрал с зависимых племен деньги, которые, как он думал, ему крайне понадобятся во время похода в Италию.

⁸ Восстание тартессиев возглавил местный вождь Хальб.

Карфагенские планы стали известны также в римской ставке, расположенной к северу от Эбро. П. Сципион покинул флот, чтобы из-за исключительной важности ожидаемых столкновений поддержать брата. Оба они перешли Эбро и осадили богатый город Иберу, чтобы побудить Гасдрубала к его защите и отказаться от дальнейшего похода. Однако Гасдрубал не пришел на помощь своим союзникам, а вместо этого сам пошел на город, который недавно присоединился к римлянам. Поэтому Сципионы были вынуждены отказаться от дальнейшей осады Иберы и выступить против самого Гасдрубала. Гасдрубал увидел, что сражение стало неизбежным. Он поставил в центр боевых рядов испанцев, на правый фланг — карфагенян и на левый — ливийцев и наемников. Правый фланг прикрывали нумидийские всадники, каждый из которых имел по два боевых коня, левый — мавретанские, нумидийские и другие всадники. За всадниками стояли слоны. Как кажется, Гасдрубал планировал окружение, но преждевременное бегство испанцев разрушило все эти планы. Римские пехотинцы разжали оба острия карфагенских клещей. Битва, которая развернулась вблизи Эбро, завершилась полным поражением карфагенян⁹. О подкреплении находившихся в Италии войск частями, которые перешли бы через Альпы и привели с собой также кельтских наемников, уже нечего было и думать. Воздействие этого поражения на военную и политическую ситуацию в Испании было значительным.

В Риме консулами были избраны Альбин, имевший командование в Галлии, и Гракх.

С именем избранного консула Альбина связано катастрофическое поражение, которое нанесли римлянам бои. По явно преувеличенному рассказу Ливия, из 25 тысяч человек только 10 человек едва спаслись от резни и плена. На поле битвы остался и сам Альбин. Рим был охвачен кельтским психозом.

После вступления в должность консула Гракха командование территориально было снова разделено. Окончательное разделение выглядело следующим образом: в сферу командования Кв. Фульвия Флакка вошел Рим, и в дополнение ему был выделен флот из 25 кораблей для защиты побережья Средней Италии. Максим, который затем был избран консулом, принял войска Перы в Теане. Гракх, которому достались рабы и 25 тысяч союзников из армии Перы, тоже пошел к Теану. Марцелл получил городские легионы, но остался

⁹ По замыслу Гасдрубала, это сражение должно было развиваться по образцу битвы при Каннах, но бегство испанцев его нарушило.

у Суессулы. Апулия стала сферой командования М. Валерия Левина. Ему также были подчинены легионы, стоявшие на Сицилии, а кроме того, он получил в свое распоряжение флот из 25 кораблей, с которым он должен был защищать побережье между Брундизиумом и Тарентом. Пиценская область, где прежде всего проводилась вербовка, стала новой территорией командования Варрона. «Провинцию» Галлия получил Матон. На Сицилии командующим стал Ап. Клавдий Пульхр. Крассу было поручено командование флотом, стоявшим в Лилибее. Кв. Муций Сцевола принял на Сардинии войска Маммулы.

Распределением войск сенаторы преследовали цель назначить на самые опаснейшие места своих лучших людей. Чтобы покрыть расходы на численное увеличение войска, был удвоен военный налог.

Была еще зима, когда Ганнибал взялся за решение маленькой, но неприятной проблемы с Казилином. Хотя гарнизон и жители города в прошедшие месяцы частично удовлетворили свои нужды с помощью стоявших поблизости войск Перы, теперь выдержать более долгую осаду они были не в состоянии. Командир гарнизона М. Аниций повел переговоры с Ганнибалом о сдаче города при условии, что свободные граждане получают возможность выкупа. Цена должна была быть установлена в семь унций золота за каждого человека.

Зимой Ганнибал не оставался в бездействии. Насколько далеко идущей была его активность, ясно видно из того, что весной 215 г. в карфагенский лагерь около Капуи прибыл посол македонского царя Филиппа V афинянин Ксенофан. Он должен был по поручению царя заключить договор о военном союзе с полководцем. В результате война приобретала новое измерение: в дело вступила эллинистическая великая держава. Договор содержал следующие условия: 1) Филипп и карфагеняне обязались оказывать взаимную помощь в идущей войне; 2) оказание помощи должно было сохраняться до окончательной победы над римлянами; 3) размер помощи определялся потребностями и будущими соглашениями; 4) карфагеняне обязались не заключать сепаратный мир с римлянами; 5) римляне по условиям будущего мирного договора должны будут покинуть Коркиру, Аполлонию, Эпидамн, Фарос, Дималлон, области партинов и антитанов; 6) если в будущем римляне или какая-либо другая держава поведут наступательную войну против Карфагена или против Филиппа, то стороны при необходимости будут помогать друг другу.

Заключив этот договор, Ганнибал не отказывался от того, что войну против Рима в первую очередь будет вести именно он. Он

намеревался затребовать македонскую помощь только при необходимости и лишь самолично заключить мирный договор. Филипп должен был свои силы, во всяком случае, пока иного не требовали дела в Италии, применить лишь на второстепенном театре военных действий, чтобы отвлечь римские контингенты от главного. Из буквального текста договора, во всяком случае, не следует, что македонские войска должны были действовать и в Италии.

О политической роли, какую, по представлениям Ганнибала, должен был играть Рим после окончания войны, текст договора говорит очень скупо. Но тем не менее ясно, что Ганнибал ни в коем случае не думал об уничтожении государственного существования Рима, но, с другой стороны, стремился ликвидировать всякое политическое влияние римлян на Балканском полуострове. Конечно, включением в текст договора положений, относившихся к Балканскому полуострову, Ганнибал шел навстречу желаниям Филиппа. Всё, однако, говорит о том, что это соответствовало и его собственной политической концепции и не являлось вынужденной уступкой. Если исходить из того, что Ганнибал, конечно, хотел отнять у римлян Сицилию, Сардинию и Корсику, не говоря уже о меньших островах, и учитывать, что он обратился с лозунгом свободы не только к североиталийским кельтам, но и ко всем римским союзникам, то едва ли можно сомневаться, что, по представлениям карфагенского полководца, влияние Рима после заключения мирного договора должно было быть ограничено областью, которой Рим владел до начала III Самнитской войны. Рим должен был быть сведен к положению среднего италийского государства.

Карфагено-македонское сотрудничество родилось не под счастливой звездой. Послы Филиппа и карфагенян, а вместе с ними и дипломатические документы, попали в руки римлян. Только члены второго посольства Филиппа Гераклит Темный, беотиец Критон и Сосифей из Магнезии сумели доставить документы в Пеллу.

Известие о карфагено-македонском сотрудничестве вызвало в Риме большие опасения. Сенаторы решили принять контрмеры. П. Валерий Флакк, который до этого командовал флотом Левина из 25 кораблей, получил приказ взять на борт солдат, находившихся в Таренте, и добыть необходимые сведения о военных намерениях Филиппа. Если новая информация совпадет с уже имеющимися сведениями, то Левин должен будет свои части, стоявшие в Апулии, перевести в Тарент и как можно быстрее переправиться в Македонию. Филиппу нужно было удержать на Балканском полуострове.

Если отвлечься от некоторых карфагенских успехов в Южной Италии, то в этом году на италийском театре военных действий не произошло ничего, что имело бы чрезвычайное значение. По-видимому, Ганнибал надеялся на прибытие новых карфагенских войск в Италию и рассчитывал на дальнейшее крушение римской власти в Италии. Впрочем, он предпринял попытку изолировать Рим на международной арене. Петлями, которые он сплетал вокруг Рима и в Италии и вне этой страны, он пытался задушить военное сопротивление врага. Но по различным причинам его расчеты не оправдались.

Прежде всего он столкнулся с ситуацией, которая возникла из-за невнимательности его капуанских союзников. Куманские союзники обратили внимание Гракха, избравшего Синуессу в качестве сборного пункта своих войск, а затем перевел лагерь в Литерн, на то, что капуанцы примут участие в общекампанском празднике у святилища в Гамах. Это обстоятельство использовал Гракх, чтобы ночью напасть на капуанский лагерь, в котором находились 14 тысяч солдат под командованием медикса тутикуса Мария Алфия. Ганнибал, который разбил свой лагерь в районе Монти ди Маддалони, точнее «в области, где Исцерон впадает в Вольтурн» (Филипп), получив известие об этом ночном нападении, тотчас поспешил к Гамам, но врага там уже не встретил. Гракх сразу после нападения отошел за стены Кум. На следующий день Ганнибал пошел на Кумы, чтобы осадить город. Гракх не рискнул вступить в открытое сражение с Ганнибалом, Максим, стоявший у Калеса, видимо, также из-за плохих предчувствий не покинул свой лагерь. Поскольку осада была бы очень тяжелой, а Гракх не был готов вступить в открытый бой, Ганнибал вернулся в свой лагерь. Это происшествие вызвало раздражение фактических и потенциальных друзей карфагенян и придало противной стороне новую уверенность, тем более что Нола по-прежнему являлась сильным римским оплотом, опираясь на который Марцелл часто опустошал области кавдийских и гирпинских самнитов. Поэтому было важно разрушить этот центр римского сопротивления.

Более благоприятно развивались дела в Бруттии. Однако жители греческого города Петелии не желали собираться на сторону карфагенян. Возможно, петелинцев в этом решении укрепляло напряжение, существовавшее между бруттиями и греками. Но когда они отправили послов в Рим с просьбой о поддержке, стало ясно, что у Рима нет никаких возможностей прийти им на помощь. Все же свой город они не сдали, а упорно оборонялись. Только после одиннадцати месяцев осады Гимилькон, один из ведущих офицеров Ганнибала, смог

захватить Петелию. Это произошло, вероятно, летом 215 г. По-видимому, капитулировал и бруттийский город Консенция.

Приблизительно в это время Ганнибал приспособил правление Бруттийского союза к изменившимся обстоятельствам, особенно в военной сфере и в финансах. Он создал военную префектуру «in Bruttiis» (Ливий) и начал чеканить бруттийскую монету, с помощью которой он, очевидно, и покрывал в следующие тринадцать лет значительную часть своих военных расходов.

Около этого времени Ганнон занимался подчинением греческих городов, лежащих на побережье Бруттия. Действовал он при этом с большой осторожностью, ибо греки должны были по возможности объявить себя солидарными с карфагенянами не из-за военного принуждения, а по убеждению. Но если он даже считал необходимым в отдельных случаях прибегнуть к военной силе, то ее применение должно было быть максимально ограниченным. Ганнон в этом отношении действовал в полном согласии с Ганнибалом, который намеревался использовать существующие греко-римские антипатии в своих целях. Кроме того, Ганнибал рассчитывал, что его отношение к греческим городам Южной Италии найдет отклик в политике других греческих городов на Западе и Востоке. Значительным препятствием на пути действенного карфагенско-греческого сотрудничества в Южной Италии было, однако, то обстоятельство, что бруттии, традиционные враги италиотов, являлись союзниками Ганнибала.

Разумеется, по стратегическим причинам чрезвычайно важным было бы овладение городом Регием. Однако регийцы по неизвестным причинам отклонили карфагенское предложение.

Зато удалось овладеть Локрами. Гамилькар, которому была поручена эта задача, приступил к делу чрезвычайно умело. После того как он захватил большое число локрийцев, приказав при этом карфагенским всадникам избежать любых кровопролитий, он использовал этот аргумент, которому локрийцы, настроенные дружественно к римлянам, не смогли противопоставить никакой контраргумент. Локрийское народное собрание приняло решение сменить партнера по союзу. Но прежде, чем Гамилькар вступил в город, они отправили римский гарнизон под командованием Л. Атилия на кораблях в Регий: ведь нельзя было знать, понадобится ли им когда-нибудь благосклонность римлян. Гамилькар, которому это не очень понравилось, все же предложил локрийцам союз *aequo iure* (между равными партнерами), а Ганнибал конкретизировал это соглашение следующим образом: 1) локрийцы — автономны; 2) карфагеняне могут входить в город;

3) гавань остается в распоряжении локрийцев; 4) карфагеняне и локрийцы обязуются помогать друг другу в войне и в мире.

Бруттии, которые стояли как перед Регием, так и перед Локрами, с таким дружеским отношением к греческим городам были совершенно не согласны. Если уж от них ускользнула добыча из Региа и Локр, то добыча от Кротона должна попасть в их руки! Однако действовать без согласия Ганнибала они не рискнули. Но Ганнибал отослал их к Ганнону, командовавшему в этом регионе, а Ганнон дал им уклончивый ответ. Тот факт, что карфагеняне не участвовали в осаде города, должен был показать кротонцам, что цели карфагенян не идентичны целям бруттиев. Как и в большинстве союзных с римлянами городов Средней и Южной Италии, и в Кротоне оптиматы испытывали симпатии к римлянам, а плебс — к карфагенянам. Это было следствием того, что в прошлом Рим утверждал свои интересы с помощью оптиматов и за счет плебса италийских городов и племен. Поэтому неудивительно, что представители плебса открыли бруттиям, союзникам карфагенян, ворота города. Ганнон попытался учитывать отличающиеся друг от друга карфагенские, бруттийские и кротонские интересы, выдвинув предложение, чтобы оптиматы согласились с принятием в Кротон бруттийской колонии. Это предложение ни в коей мере не было безрассудным, ибо со времен Дионисия I число жителей города постоянно сокращалось. Но старинное злопамятство делало такое решение проблемы невозможным: кротонские оптиматы категорически отвергли возможность жить с бруттиями внутри одних и тех же городских стен. Наконец, локрийцы помогли решить эту дилемму. Получив предварительно согласие Ганнибала, они предложили кротонским аристократам переселиться в Локры. Те приняли это предложение.

В Кампании самой настоящей проблемой была необходимость сломить римское сопротивление в Ноле. Ганнибал оставил свой лагерь на горах Тифата и подошел к городу. Туда подошел и Ганнон. С ними были новые войска, слоны и припасы, которые адмирал Бомилькар привел из Карфагена в Локры. После переговоров, которые Ганнон с разрешения Марцелла вел с Герением Бассом и Герием Петтием, двумя самыми влиятельными ноланскими политиками, и которые завершились безрезультатно, Ганнибал решил окружить город. В бою перед стенами города погибло, по-видимому, свыше 5 тысяч карфагенян и 600 карфагенян попало в плен. Как можно судить по ливиевскому рассказу об осаде Нолы, ясно, что Ганнибал взять город не смог, и было очень важно, что через несколько дней после этого боя

272 нумидийских и испанских всадников перешли на сторону римлян. Впервые в Италии Ганнибала покинула часть его солдат. Карфагенский полководец теперь создал свою зимнюю квартиру в области Арп: по-видимому, он не хотел быть в тягость своим кампанским союзникам. Ганнон с войсками, которые он привел к Ноле, вернулся в Бруттий.

Уже весной 215 г. Магон, брат Ганнибала, с 12 тысячами пехотинцев, 1500 всадниками, 20 слонами и тысячью талантами серебра в сопровождении 60 боевых кораблей должен был переправиться из Африки в Италию. Но плохие известия, приходящие из Испании, заставили сенаторов послать Магона со всем этим значительным потенциалом в Испанию.

Приблизительно в это же время в Карфаген пришли сообщения с Сардинии, что на острове широко распространяются антиримские настроения. Эти сообщения в основном поступали от влиятельного человека по имени Гампсикора. Сенаторы решили, что нельзя упускать этот шанс. Они приняли решение послать на Сардинию Гасдрубала Лысого приблизительно с такими же силами, какие находились в распоряжении Магона. Но флот Гасдрубала был занесен к Балеарам и из-за необходимости его ремонта время было упущено. Благоприятный момент прошел, ибо Флакк набрал один легион, который под командованием Т. Манлия Торквата был переправлен в Каралис. Торкват не только командовал этим легионом, но и принял от большого Сцеволы все воинские части, находившиеся на Сардинии. Торкват еще в 235 г. воевал на Сардинии, и теперь он использовал свои тесные сардинские знакомства. Поскольку на Сардинии сражаться надо было на суше, Торкват вооружил союзных матросов и обучил их, как действовать в пехоте. В целом в его распоряжении оказалась армия численностью в 22 тысячи пехотинцев и 1200 всадников. С этими войсками он пришел в область, которую контролировал Гампсикора. Сам Гампсикора в это время находился далеко от своего лагеря, ибо вербовал солдат в области «сардов, носивших козы шкуры» (Ливий). Его сын Гост, однако, вступил в бой с Торкватом и был разбит. В бою пало около 3 тысяч сардов, а приблизительно 800 попали в плен. Остатки сардского войска бежали в Корн. Туда, по слухам, прибыл Гост. Но когда пришло известие о высадке карфагенского флота, Торкват отступил в Каралис: он, видимо, хотел сначала получить ясное представление о силах и намерениях врага. Гасдрубал и Гампсикора соединили свои войска и двинулись к Каралису. Однако прежде, чем соединенные карфагенско-сардские войска достигли Кара-

лиса, Торкват дал им сражение. Союзные карфагеняне и сарды потерпели сокрушительное поражение: 12 тысяч человек были убиты и около 3700 взяты в плен. Среди пленных были карфагенский полководец Гасдрубал и два карфагенских вельможи: Магон, близкий родственник Ганнибала, и Ганнон, инициатор сардинского мятежа. Гост погиб, а ускользнувший Гампсикора покончил с собой, когда узнал о гибели сына. Остатки войска снова бежали в Корн, но Торкват через несколько дней взял город. После этого племена, которые перешли на сторону карфагенян, вновь подчинились римскому господству. Несчастье и неспособность уничтожили благоприятную возможность.

В Испании с прибытием Магона карфагенское командование получило, конечно, новое подкрепление. Римские же войска столкнулись со многими трудностями. У них не было ни денег, ни питания, ни одежды. Флакк был вынужден взять государственный кредит, чтобы покрыть необходимые издержки. Когда требуемые поставки наконец дошли до Испании, три карфагенских полководца, Гасдрубал, Магон и Ганнибал, сын Бомилькара, были заняты осадой Илитурги, города, стоявшего на стороне римлян. Сципионы, командовавшие армией из приблизительно 16 тысяч человек, двинулись в окрестности Илитурги и вызвали Гасдрубала на бой. Гасдрубал принял вызов. После того как два других карфагенских полководца вступили в битву, на стороне карфагенян сражалось, по-видимому, 60 тысяч воинов. Все же римляне (опять же по-видимому) одержали безусловную победу: более 16 тысяч карфагенских солдат, очевидно, погибли, свыше 3 тысяч — взяты в плен, добычей римлян стали тысяча коней и семь слонов. Однако карфагенские войска после поражения при Илитурги оказались все же способными осадить город Интибили! Но Ливий утверждает, что битва при Интибили была практически подобна сражению у Илитурги: по его сообщению, с карфагенской стороны погибли 13 тысяч солдат, 2 тысячи попали в плен, и 9 слонов стали римской добычей. Однако ливиевские рассказы об успехах, достигнутых римскими войсками в этом году, столь же преувеличены, как и его утверждение, что теперь все испанские племена перешли на римскую сторону. То, что карфагенские генералы в этом году действовали успешнее, чем в прошлом, можно увидеть из доклада, который Сципины послали в Рим.

Возможно, еще в 215 г. произошло событие, которое заставило забыть о неудачах прошлого года: в войну на стороне Карфагена вступили Сиракузы. Этот поворот в сиракузской внешней политике,

имевший столь значительные последствия, стал возможным только в результате смерти Гиерона. Гиероним, пятнадцатилетний внук и наследник Гиерона, находился под влиянием своих дядей Адранадора и Зоиппа, особенно первого. Адранадор изменил внешнеполитическую линию, которую при жизни Гиерона уже изменил Гелон: смена курса казалась неизбежной ради интересов Сиракуз. И когда Фрасон, член коронного совета и решительный сторонник проримской политики, был обвинен, справедливо или нет, в участии в заговоре, направленном против жизни царя, все было решено. Гиероним послал Поликлета из Кирены и Филодема из Аргоса в Италию, чтобы вступить в контакт с Ганнибалом. Ганнибал, естественно, обрадовался такому повороту дел. Он подал царю большие надежды и вместе с сиракузскими послами отправил в Сиракузы сиракузян братьев Гиппократа и Эпикида, которые обладали и карфагенским гражданством, и Картана Ганнибала. После того как Поликлет сделал обо всем этом сообщение, Гиероним настоял, чтобы Ганнибал как можно скорее отплыл в Карфаген для ведения соответствующих переговоров. Приблизительно в то же время в Сиракузы прибыли послы Пульхра, которые должны были прозондировать ситуацию. Гиероним обошелся с послами совершенно невежливо. Он считал, что у него нет никаких оснований обращать внимание на римлян, ибо он знает, и римские послы не могут с этим спорить, что Пульхр уже при появлении слухов о смерти Гиерона послал 50 кораблей из Лилибея в Сиракузы, дабы поддержать сторонников благоприятной политики. Вскоре после отъезда римских послов Агатарх, Онесиген и Гиппосфен в качестве переговорщиков от имени царя вместе с Ганнибалом прибыли в Карфаген. Переговорщики намеревались в ходе переговоров добиться согласия на разделение Сицилии на стракузскую и карфагенскую сферы господства. Границу должна была образовывать Гимера. Когда Агатарх и карфагеняне еще вели переговоры, в Карфаген прибыло второе посольство, по-видимому, по настоянию Гиппократа и Эпикида, которое потребовало перехода всей Сицилии под власть Гиеронима. Хотя сенаторы и удивились безмерности требований юного царя, они все же приняли его предложение, поскольку очень высоко оценили заключение карфагено-сиракузского альянса. После того как второе римское посольство потребовало не нарушать римско-сиракузские договоры, заключенные во времена Гиерона, Гиероним созвал коронный совет на решающее заседание. Пока присутствующие сиракузяне молчали, коринфянин Аристомах, спартаец Дамипп и фессалиец Автон высказались

за сохранение прежней политики. Только один Адранодор выступил за совместные действия с Карфагеном. Однако Гиероним решил вступить в войну с Римом.

Приблизительно в это же время Зоипп прибыл в Александрию, чтобы убедить Птолемея IV если уж не примкнуть к антиримскому альянсу, то хотя бы занять антиримскую позицию. Все обстоятельства говорят о том, что за этим посольством стоял Ганнибал. Если бы сотрудничество с Александрией действительно состоялось, то карфагенская сторона могла бы его многократно использовать.

И 214 г. на италийском участке не принес никакого результата. Ганнибал, кажется, и дальше использовал «тактику салями». Римляне, которые избрали консулами Максима (в четвертый раз) и Марцелла (в третий раз), делали все, чтобы не понести ущерба, по крайней мере в многочисленных слабых местах. С этой целью они набрали еще шесть легионов и довели их количество до восемнадцати. Кроме того, они построили 100 военных кораблей, чтобы довести их число до 150, поскольку Македонская война потребовала больших усилий, да и надвигалась тень Сицилийской войны. Но только постройкой кораблей нельзя было ограничиться, нужно было набрать еще много матросов. Высокие расходы на экипажи были покрыты частными средствами, хотя и по декрету государства. Командование всех прежних восначальников было (явно по предложению Максима) продлено. Новыми командующими стали Кв. Фабий Максим сын (Апулия) и П. Корнелий Лентул (Сицилия).

В остальном римские власти в этом году были заняты серьезными проблемами снабжения. Оказавшись в нужде, они просили, может быть, в 214 г. Птолемея IV согласиться на экспорт зерна.

Кампанцы боялись, что римляне теперь будут стараться своими сильными воинскими частями отвоевать Капую. Поэтому они просили Ганнибала оставить лагерь около Арп и придвинуться ближе к Капуе. В ответ на это Ганнибал расположился в своем старом лагере в Монти Маддалони. Но так как опасности непосредственного римского нападения на Капую, по всей видимости, не было, он через некоторое время двинулся к Авернскому озеру (около Бай), чтобы там совершить жертвоприношение. Очевидно, поход этого года должен был находиться под особым покровительством богов. Кроме того, Ганнибалу было ясно, какое психологическое воздействие этот выразительный религиозный праздник окажет на боевой моральный дух солдат, и также и поэтому предпринял паломничество к Авернскому озеру. Когда он там появился, то встретил пять знатных

молодых тарنتينцев, часть которых он отпустил после сражения у Тразименского озера, а часть — после битвы при Каннах. Те заявили, что они — руководители демоса, который держит в своих руках власть в Таренте, и предложили сдать город. Естественно, Ганнибал согласился идти в Тарент, поскольку обладание этим богатым городом было чрезвычайно важно. Но он не мог просто так покинуть Кампанию, ибо предполагал, что римляне смогут в таком случае занять карфагенские позиции в Кампании. Поэтому он решил подождать наиболее благоприятного момента.

Уже во время пребывания у Авернского озера Ганнибал опустошил область Кум вплоть до Мизенского мыса. Теперь он пошел на ПUTEОЛЫ. Год назад Максим укрепил ПUTEОЛЫ, и теперь там находился гарнизон в 6 тысяч человек. После безуспешного трехдневного штурма города Ганнибал через область Неаполя двинулся к Ноле. Представители ноланского плебса обещали ему сдачу города. Однако Марцелл, которого предупредили об этом оптиматы Нолы, его опередил. Он привел из Суессулы 6 тысяч пехотинцев и 300 всадников, которых ввел в город, дабы поддержать сенаторов и защитить римские интересы. Подойдя к городу, Ганнибал нашел, что Марцелл, который, кроме того, еще вызвал войска Матона, стоявшие в лагере у Суессулы, готов дать сражение. Он принял сражение, но оно не оказалось решающим. Поскольку в сложившихся обстоятельствах о завоевании Нолы нечего было и думать, Ганнибал отступил. Его целью был Тарент.

Теперь Ганнибал мог оставить Кампанию, ибо поручил командование в кампано-самнитской области Ганнону. У Беневента армии Ганнона и Гракха столкнулись. Гракх, армия которого большей частью состояла из рабов, которым он пообещал свободу в случае успеха, победил. Ганнон отступил в Луканию. Там он мог заглазить вину Беневента. После этого он сразу двинулся в Бруттий.

Примерно в те же дни, когда Ганнибал стоял перед Нолой, Максим подошел к Казилину, чтобы снова захватить город. Гарнизон Казилина из 2 тысяч кампанцев и 700 «карфагенян» находился под командованием Статия Метия. Меддикс тутикус этого года Гн. Магий Ателлан намеревался, призвав в армию граждан и рабов, напасть на римский лагерь, как только Максим начнет наступление на город. Но консул предвидел такое намерение и попросил подкрепления у своего коллеги. Так произошло, что оба консула были заняты осадой Казилина. Все же захватить город римляне смогли, только применив «пуническое коварство».

Максим использовал отсутствие Ганнибала и отступление Ганнона, чтобы отвоевать в Самнии Кубултерию, Телезию и Компсу, а в Лукании — Фагифулы и Орбитаний, а также осадить луканскую Бланду и апулийские Эки. Его сын в это время завоевал апулийский город Акуку и разбил свой лагерь вблизи Гердонии.

Тем временем Ганнибал пришел в окрестности Тарента. Однако ворота города оказались для него закрытыми. М. Ливий Мапат, которого послал в Тарент Левин, прибыл туда за три дня до Ганнибала и принял меры по защите города. Поэтому Ганнибал отступил к Салапин, чтобы там устроить зимнюю квартиру. Из Салапин он мог легче установить контакты с заморскими территориями, чем из мест, которые лежали бы дальше внутри страны.

На Сицилии весной 214 г. показалось, что все, чего до сих пор достигли карфагеняне, снова было поставлено под вопрос, так как в Леонтинах был убит Гиероним, когда он с войском в 15 тысяч человек хотел выступить из города. Закулисными руководителями убийства были олигархические политики. Адранодор сразу же отступил в крепостной комплекс на острове Сиракуз. Но уже на следующий день он склонился перед требованиями совета и отказался от своего особого положения. В результате он на следующий день после этого был избран полководцем. Большинство других полководцев принадлежали к кругу убийц Гиеронима, исключение составлял только Фемист, зять Гелона.

Вследствие события в Леонтинах положение Гиппократа и Эпикиды стало весьма хрупким. Они сочли самым разумным подчиниться властям Сиракуз. Им охотно предоставили просимую ими охрану для поездки в Локры: проримски настроенные олигархи были рады таким образом избавиться от обоих «карфагенян». Но когда оба заметили, что есть еще шансы на успех прокарфагенской политики, они перестали готовиться к быстрому отъезду. В армии, у перебежчиков и у демоса антиолигархические и антиримские лозунги день ото дня находили все больший отклик.

Сложившимися обстоятельствами решил воспользоваться Адранодор, чтобы в сотрудничестве с Фемистом провести в жизнь свои монархические планы. Однако планы эти были раскрыты и за этим последовала смерть всех членов царской фамилии.

На последующих после этого выборах вопреки всем ожиданиям на место Адранодора и Фемиста избраны были Гиппократ и Эпикид. Конечно, в коллегии полководцев они не могли сразу же представить в выгодном свете свои внешнеполитические взгляды. Так, они

не смогли помешать отправке посольства к Пульхру с целью заключения десятидневного перемирия, а также решению об отправке другого посольства, которое во время этого перемирия вело переговоры об обновлении старого мирного договора. Пульхр отослал членов второго посольства к Марцеллу, который в это время появился на острове. Марцелла прельстила возможность объединения, и он со своей стороны отправил в Сиракузы посольство, которое должно было вести завершающие переговоры с полководцами. Но здесь ситуация в это время изменилась. Гиппократ и Эпикид использовали последний шанс, какой еще оставался для проведения прокарфагенской политики. Они открыто заявили наемникам и перебежчикам, что Сиракузы явно будут переданы римлянам. И их слова стали особенно значимыми не в последнюю очередь потому, что в Сиракузы пришло известие, что карфагенский флот прибыл к мысу Пахин. А когда Пульхр со своим флотом, насчитывавшим сотню кораблей, появился у входа в (Большую) Гавань (до этого он около Мургона, южнее Катаны, наблюдал за развитием сиракузских событий), то это, казалось, подтвердило заявление обоих полководцев. Тем не менее на народном собрании, прошедшем чрезвычайно бурно, прошло все же мнение господствующей «партии». Решено было отправить посольство в Рим, чтобы обновить договор, заключенный во времена Гиерона. Конечно, при принятии этого решения значительную роль сыграл страх перед боевой силой римских войск. Казалось, что прокарфагенская «партия» в Сиракузах окончательно выведена из игры.

Через короткое время в Сиракузы прибыло леонтинское посольство, которое просило об отправке в Леонтины войск для защиты города. Гиппократу было поручено обеспечить защиту Леонтин приблизительно с 2 тысячами перебежчиков. К нему присоединилось еще 2 тысячи наемников, возможно, ливийцев и иберов. Очаг беспокойства и опасности, казалось, был устранен. Однако Гиппократ, над которым в Леонтинах не было никакого военного контроля, использовал полученную свободу, вторгнувшись на территорию римской провинции, чтобы спровоцировать римского командующего. Произошло первое столкновение между армией Пульхры и войсками Гиппократа. Марцелл заявил Сиракузам протест и потребовал извинений. Еще он потребовал, чтобы сиракузяне приняли решение, согласно которому Гиппократ и Эпикид должны покинуть Сицилию. В Сиракузах под Эпикидом загорелась земля. Он также ушел в Леонтины. Ему удалось настроить леонтинцев против сиракузян, указывая на то, что при обновлении гиероновско-римского мирного договора

сиракузяне приняли решения, которые касаются только их самих. Их же, по его утверждению, сиракузяне рассматривают как своих подданных, как это делал и Гиерон. Убедить леонтинцев такими речами Эпикиду было нетрудно, ибо это соответствовало истине. Когда сиракузские послы стали говорить с леонтинцами в духе требований Марцелла, те заявили, что они не чувствуют себя связанными договорами, которые заключило с римлянами иностранное государство. После этого сиракузяне призвали римлян к общим действиям против леонтинцев. Леонтинцы, которые, очевидно, мало думали о последствиях своего решения, не смогли оказать длительного сопротивления нападению Марцелла и Пульхра. Город пал, и Гиппократ и Эпикид бежали в Гербесс.

Однако ситуация вновь радикально изменилась. Сиракузянам, которые выступили с 8 тысячами человек к Леонтинам, у реки Милы встретился посланец, сообщивший о захвате города и зверствах завосвателей. Это произвело такое сильное впечатление на сиракузских наемников, что они отказались повиноваться полководцам и присоединились к Гиппократу и Эпикиду. А те с помощью наемников и своих сторонников, находившихся в Сиракузах, захватили город Сиракузы. После этого они снова были избраны полководцами.

Затем римляне выступили против Сиракуз и разбили свой лагерь у Олимпейона. После последней попытки дипломатическим путем урегулировать спорные вопросы они начали штурмовать город. Их целями были Гексапила (со стороны суши) и городской квартал Ахрадина (со стороны моря). Но сиракузяне не без помощи машин, сконструированных Архимедом, отбили все атаки. До конца года римляне были вынуждены ограничиться блокадой города.

О событиях на испанском театре военных действий мы знаем недостаточно. Все же ясно, что Гасдрубал и Магон добились по крайней мере двух значительных успехов в войне с иберийской армией, и что после этого многие иберийские племена были склонны оставить римскую сторону. П. Сципион перешел Эбро (римляне явно располагали свою зимнюю квартиру все еще севернее этой реки) и сначала двинулся на Каструм Альбум¹⁰. Но затем он пошел к горе Виктории, так как область вокруг Каструм Альбум в огромной степени контролировалась прокарфагенскими войсками. Гн. Сципион тоже пошел к Виктории, и, наконец, там появился и Гасдрубал, сын Гисгона, который был послан на испанский театр военных действий. Однако римляне,

¹⁰ По-видимому, это та же самая Акра Левка, которая была основана Гамилькарком.

как кажется, временно имели в этой области военный перевес: Касталон перешел на их сторону, и Гасдрубал, сын Гисгона, не смог захватить ни Илитурги, ни Бигерру. И у Мунды, и Ауринкса, и в каком-то не известном нам месте (здесь на стороне карфагенян сражались кельты, которых наwerbовал Магон) карфагеняне не смогли добиться успеха. Это явно связано с тем, что Гасдрубал, сын Гамилькара, был с частью армии отозван в Африку, чтобы поставить на место Сифакса, царя западноумидийских масесилов. Решающего результата, однако, не удалось добиться ни той ни другой стороне.

В том же году начались ожидаемые военные действия между римлянами и македонянами. Первая атака Филиппа была направлена на Аполлонию, один из самых важных опорных пунктов римлян на Балканском полуострове. Со 120 биремами македонский царь появился перед городом. Не добившись быстрого успеха, он отошел к реке Аону. По-видимому, он хотел подчинить живших там антитантов, чтобы изолировать Аполлонию. Это намерение он сумел осуществить, видимо, только частично. Но город Орик пал при первом же натиске. Послам города, которые нашли Левина в Брундизии не долго пришлось просить пропретора о содействии. Уже на следующий день Левин прибыл к Орику и захватил город, в котором стоял лишь незначительный македонский гарнизон. Большее значение имел захват Аполлонии, который был поручен союзному офицеру Кв. Невию Кристе. Быстрая атака Кристы на македонский лагерь привела к бегству македонской армии. Так как Левин со своим флотом появился у устья Аона и запер путь македонским кораблям, Филипп был вынужден вытащить свои корабли на сушу и сжечь их. В Македонию он возвратился сухим путем. Старт союзника карфагенян оказался плохим.

О стратегических целях Ганнибала в 213 г. мы знаем только то, что он много времени и энергии потратил на занятие Тарента. Очевидно, этот город был ему чрезвычайно важен. Только этим можно объяснить тот факт, что он все лето оставался в области саллентинцев. Однако хотя он смог овладеть относительно незначительными саллентинскими городами, Тарент так и остался неприступным.

Римская сторона немного изменила свою тактику и организацию сопротивления. Так как Марцелл в пошлом году увел два легиона в область Сиракуз, были набраны два других. Эти легионы были поставлены под командование М. Атилия Регула. Всего, не считая каннских легионов и тех, что действовали в Испании, в поле находилось 20 легионов. Командные посты также лишь частично были заняты заново. Консул Гракх со своей армией пошел в Луканию, а консул

Максим-сын вместе с войсками своего отца — в Апулию. Легионы Максима-сына принял Лепид, с ними он занял позицию у Луцерии. Гн. Фульвий Центумал Максим повел легионы, которые до этого были расквартированы в Риме, к Суессуле. В так называемой Галльской области П. Семпроний Тудитан принял командование у Матона. В остальных армейских группах ничего не изменилось: Левин стоял в Брундизии, Лентул — в римской провинции Сицилии, Марцелл — в области Сиракуз, Сцевола — на Сардинии и командование сицилийским флотом, как и раньше, осуществлял Красс.

Первой военной целью Максима-сына весной этого года был захват Арп. Захват удался, хотя в городе находился гарнизон из 5 тысяч карфагенских и 3 тысяч арпинских солдат. Когда арпинцы поняли, что их положение пошатнулось, они начали брататься с римлянами. Впрочем, на итальянском театре военных действий не много произошло такого, что заслуживало бы упоминания.

На Сицилии карфагеняне начали большое наступление. Ганнибал в письме к карфагенским властям настаивал на необходимости вторжения. Командир сицилийского флота Гимилькон поддержал эту точку зрения, и послы Гиппократа настойчиво просили о военной поддержке. Карфагенские власти согласились с этим планом. Гимилькон с 25 тысячами пехотинцев, 3 тысячами всадников и 12 слонами высадился около Гераклеи Минои. Через несколько дней на его сторону перешел Акрагант. Городам Сицилии, втайне испытывавшим симпатии к карфагенянам, это придавало мужество. В Сиракузах решили, что Эпикид должен защищать город только с частью войск, находившихся в его распоряжении, а Гиппократа с остальными войсками (а в них было 10 тысяч пехотинцев и 500 всадников) — действовать вне города. Когда Гиппократа разбил свой лагерь около Акрил, он был атакован Марцеллом, который слишком поздно предпринял попытку удержать Акрагант и теперь шел обратно к Сиракузам. Успех Марцелла, если вообще можно говорить об успехе, был весьма ограниченным. Через несколько дней после этого боя Гимилькон и Гиппократа разбили лагерь у Анапа, в восьми милях от Сиракуз.

Приблизительно тогда же карфагенский флот из 55 кораблей под командованием Бомилькара вошел в Большую гавань Сиракуз. Для осаждающих возникла опасность стать осажденными.

Однако практически в то же время римский флот, состоявший из 50 пентер, высадился на Сицилии вблизи Панорма. Этот флот имел на борту 1 легион. Гимилькон хотел помешать этому легиону добраться до Сиракуз. Поэтому он самым коротким путем поспешил

к Панорму. Но легион пошел не поперек острова, а продвинулся к его южному побережью и около мыса Пахин столкнулся с частью войск, которые Пульхр повел ему навстречу. Как только Гимилькон понял, что он не может перехватить легион, он отошел назад в Сиракузы, чтобы по возможности навязать Марцеллу бой до подхода к нему новых римских войск. Но вовлечь в это Марцелла ему не удалось. После этого Гимилькон покинул лагерь вблизи Сиракуз и попытался найти другой участок, что ему и удалось. Жители Моргантины убили солдат римского гарнизона и сдали город, в котором находился большой склад снабжения, Гимилькону. Жители Энны также захотели перейти на сторону карфагенян, и они уже договорились с Гимильконом и Гиппократом, но этому плану помешали солдаты римского гарнизона под командованием Л. Пинария, вырезав безоружных эннейцев, собравшихся на стадионе на народное собрание. После этого и сиккулы, которые до этого еще колебались, перешли на сторону карфагенян.

Еще до наступления зимы Гимилькон ушел в Акрагант, а Гиппократ — в Моргантину. Марцелл, расположившийся вблизи Энны, пошел через Леонтины снова на Сиракузы и устроил свою зимнюю квартиру в пяти милях от Гексапилы на полуострове Тапсе. Успехи, которых карфагеняне добились в 213 г., давали им надежду на хорошее продолжение и в следующем году.

В то время как испанский фронт оставался спокойным, в Африке произошли события, которые будут иметь большое значение для дальнейшего хода войны. Римляне, точнее говоря Сципионы, установили связи с африканскими соседями Карфагена, чтобы связать в Африке часть вражеских сил. Одним из самых значительных политических деятелей в Северной Африке был в это время Сифакс, который уже в 214 г. угрожал карфагенским позициям в Африке. Его территория распространялась, по-видимому, от реки Мулухи на востоке до реки Амсаги на западе, а столицей его государства была Сига. К нему Сципионы направили в качестве послов трех центурионов, которые должны были вести с ним переговоры о заключении союзного договора. Послы нашли царя готовым к сотрудничеству. Очевидно, на Сифакса оказали сильное влияние успехи, достигнутые римлянами в Испании. Он видел, что шансы Рима на победу весьма неплохие, и счел поэтому самым разумным сотрудничать с ними, чтобы этим создать предпосылки для дальнейшего подъема массильской державы. Так как он хорошо знал силу карфагенской и слабость своей пехоты, то просил одного из центурионов, Кв. Статория,

остаться у него в стране в качестве военного советника. С двумя остальными центурионами к Сципионам отправились три посла Сифакса, которые должны были получить подпись Сципионов под документом о сотрудничестве. Кроме того, массилийские послы должны были позаботиться о том, чтобы нумидийцы, служившие в карфагенской армии, выступили на стороне римлян.

Карфагеняне были вынуждены на это ответить, ибо Сифакс уже потому представлял опасность, что он мог перерезать сухопутные связи между Карфагеном и Испанией. Они послали послов к Гайе, царю восточнонумидийских массилиев. Послам было нетрудно убедить Гайю, что политика Сифакса представляет угрозу массилийскому государству. Семнадцатилетний сын Гайи Массинисса, воспитывавшийся в Карфагене, также выступал в их поддержку. Гайя заявил, что он готов вместе с карфагенянами повести войну с Сифаксом. В сражении, происшедшем немного позже, объединенные карфагеняне и массилии одержали полную победу. Сифакс сумел бежать к маврусиям. Однако его планы были разбиты, и он сумел привлечь к себе значительные отряды, чтобы с ними переправиться в Испанию. Карфагенские части в это время возвратились в Карфаген, но Массинисса со своими войсками сумел воспрепятствовать планам Сифакса.

В 212 г. на итальяском театре военных действий произошли события, которые повлияли на перипетию военных событий в следующем году. Хотя в течение года Ганнибал добился ряда значительных успехов, в конце года римские войска окружили Капую и карфагеняне явно уже были не в состоянии разорвать кольцо, стянутое вокруг этого города. Но потеря Капуи имела бы значение сигнала.

В Риме под контролем диктатора *comitiorum habendorum causa* Г. Клавдия Центона были проведены выборы. Консулами были избраны (Кв.) Флакк и Пульхр. Новые военные округа получили только преторы: П. Корнелий Сулла (Рим), Г. Клавдий Нерон (Суессула), Гн. Фульвий Флакк (Апулия) и М. Юний Силан (Этрурия). Остальные командующие сохранили свои участки военных действий. Бросается в глаза, что в этом году впервые армейская группа стала действовать «против этрусков» (Ливий). Это можно объяснить только тем, что в 213 г. в Этрурии возникли серьезные политические разногласия или даже военные проблемы. Римляне вывели в поле, не считая «испанских» и каннских легионов, всего 23 легиона. С этим воинским призывом город достиг пределов своих личных возможностей. Вновь появилась необходимость призвать под знамена молодежь моложе 17 лет.

Два города находились в центре военных интересов 212 г.: Тарент и Капуя. Пока Ганнибал пытался овладеть Тарентом, все еще самым значительным греческим городом Южной Италии, консулы, которые после «латинского праздника» (27 апреля) двинулись в Самний, готовились затянуть кольцо вокруг Капуи. Кампанцы были вынуждены просить Ганнибала доставить им продовольствие, ибо были отрезаны римскими войсками от поставок с полей. Ганнибал поручил организацию продовольственного транспорта Ганнону, который из Бруттия пошел в Самний и разбил свой лагерь в 3 милях от Беневента. Здесь он нашел хлеб, который поставили его союзники, жившие в этой области, и отсюда кампанцы должны были доставить этот столь ценный груз в Капую. Но жители Беневента сообщили консулам, которые стояли у Бовиана, о том, что происходит вблизи их города. Тогда консул Флакк ночью подошел к Беневенту и вскоре предпринял атаку на карфагенский лагерь, военный порядок которого был нарушен из-за отсутствия транспортных рабочих. Может быть, его решение было подкреплено тем, что Ганнон находился не в лагере, а с частью своих войск в Коминии Окритов. Произошла рукопашная схватка. С карфагенской стороны погибли 6 тысяч человек и 7 тысяч, среди которых были многие кампанские транспортные рабочие, попали в плен. Кроме того, добычей Флакка стали огромные запасы хлеба, не говоря уже о других ценных вещах. Ганнон при известии об этом поражении быстро возвратился в Бруттий. Проблема снабжения Капуи жизненно необходимыми припасами решена не была.

В промежутке между этими событиями в Таренте и вокруг него сложились обстоятельства, которые привели к отпадению города от Рима. Этим событиям предшествовала попытка тарентинского посла Филея освободить тарентинских и фурийских заложников, которые содержались в Риме в храмовом округе Либертас (Свободы). Освобождение прошло удачно, но Филей и заложники смогли добраться только до Таррацины. Они были возвращены в Рим, избиты плетью и сброшены с Тарпейской скалы. Такое суровое обращение с заложниками вызвало в Таренте и Фуриях огромное озлобление. Во главе возникшего в Таренте сопротивления стояли 13 молодых аристократов, лидерами которых были Никон (по прозвищу Перкон) и Филемен (по прозвищу Кононей?). Они вступили в контакт с Ганнибалом и при переговорах выдвинули следующие условия сдачи города: 1) тарентинцы сохраняют элевтерию и автономию; 2) существующие отношения собственности не будут нарушены; 3) тарентинцы не обязаны платить карфагенянам налог; 4) тарентинцы против своей

воли не примут карфагенский гарнизон; 5) римский гарнизон города передается в распоряжение карфагенян. Этот договор соответствовал политическим принципам Ганнибала, а также, естественно, готовым к сотрудничеству тарентинцам, и очень напоминал договор, заключенный с Капуей. Когда Ганнибал счел время подходящим, а он находился в трех днях пути от Тарента, он выступил с приблизительно 10 тысячами отборных пехотинцев и всадников и под покровом ночи с помощью Никона и Филемена вступил в город. Он занял стратегически важные пункты и позаботился о том, чтобы погибли только римляне, но не тарентинцы. Однако римский гарнизон, во главе которого все еще стоял Макал, и проримски настроенные тарентинские политики сумели большей частью отступить в крепость Тарента. Эту крепость, господствовавшую над входом в гавань, Ганнибал взять не смог. Но он окружил осажденных рвом, валом и стеной и этим одновременно предохранил тарентинцев и пришедший карфагенский гарнизон от римских вылазок. По-видимому, с большей частью войск он покинул город и разбил лагерь у реки Галес приблизительно в 40 стадиях от Тарента.

Предположительно здесь его настиг новый призыв кампанцев о помощи. Они заявили, что оба консула стоят у Беневента всего в одном дне пути от Капуи и если он не примет решительные меры, то Капуя будет потеряна, а этот город всегда стоял на стороне карфагенян. Ганнибал пообещал помощь и сразу же послал в Капую 2 тысячи человек. Затем он сам двинулся по направлению к Беневенту.

Римляне стремились любыми средствами удержать крепость Тарента, поэтому они перевели туда половину гарнизона Метапонта. Тем самым для метапонтийцев было устранено последнее основание, еще удерживавшее их на стороне римлян. Они перешли на сторону Ганнибала. Гераклеоты последовали их примеру.

Фурийцы, или по крайней мере значительная часть фурийцев, хотели сделать то же самое. Командир городского гарнизона М. Атиний соблазнился возможностью дать сражение у ворот города. Он вместе с вяло сражающимися фурийцами был побежден пехотинцами Ганнона и всадниками Магона, находившимися в засаде. Но сам он с небольшим отрядом сумел спастись в городе. Поскольку за время своего командования он приобрел симпатии горожан, фурийцы предоставили ему и остальным римским солдатам корабль. После этого они открыли карфагенянам ворота.

В то время как карфагеняне на побережье Тарентинского залива добивались бесспорных успехов, положение их каманских союзников

становилось все более угрожающим. Консулы пришли из Беневента в окрестности Капуи и энергично занялись городом. Чтобы не оставить Беневент без защиты и в случае необходимости располагать резервом, они приказали Гракху прийти из Лукании в Беневент с всадниками и легковооруженными воинами. Что же касается самого Гракха, то он прийти не смог. Флав, глава проримской луканской партии, перешел на сторону карфагенян, увидев в этом, по-видимому, больше шансов для себя. Он вступил в контакт с Магоном, заманил Гракха на так называемые Старые поля и уничтожил его. Ганнибал с почестями похоронил Гракха.

У Капуи дела шли вразрез с желаниями консулов. Во время вылазки кампанцев и карфагенян консулы были разбиты. Некоторое время спустя Ганнибал привел свою армию из области Беневента в район Капуи. Битва, которая произошла два дня спустя, была, однако, прервана, поскольку вдаль показались войска и обе стороны испугались, что это — вражеские силы. Оказалось, что это были войска Гракха, которые квестор Гн. Корнелий Лентул привел из Лукании в Кампанию. В следующую ночь консулы разошлись по разным направлениям: Кв. Флакк — в окрестности Кум, Пульхр — в Луканию. Ганнибал стал преследовать Пульхра.

В Лукании Ганнибал натолкнулся на воинскую единицу, которую можно назвать паравоенной, состоявшей из 16 тысяч человек, которой командовал бывший центурион М. Центений Пенула. Из боя, который произошел между полководцем и фельдфебелем, с римской стороны спаслось едва ли больше тысячи человек. Кроме того, исчезла гракханская армия, составленная из бывших рабов. Лукания практически оказалась в карфагенских руках.

Пульхр возвращался другим путем, по-видимому, по прибрежной дороге. В Казилине он снова встретил своего коллегу Кв. Флакка. Консулы отказались от надежды еще в этом году добиться решающего успеха в борьбе за Капую. Поэтому они создавали необходимые предпосылки, чтобы иметь возможность зимой осадить город. В Казилине, в замке у устья Вольтурна и в Путеолах были накоплены запасы продовольствия, а в двух последних местах расположены войска, которые должны были контролировать море и реку. Вдобавок к этому войска Нерона были переведены из Суэссулы к Капуе.

Ганнибал недооценил опасность, какой подвергалась Капуя, и поэтому предпринял попытку решить тягостную проблему, состоявшую в том, что римский гарнизон все еще находился в крепости города Тарента. Это намерение, однако, натолкнулось на серьезные трудно-

сти, особенно из-за того, что римский гарнизон мог беспрепятственно подкрепляться войсками и припасами с моря. Тарентинские корабли, стоявшие в гавани, не могли из нее выйти, чтобы прервать снабжение, ибо из крепости легко можно было контролировать подход к гавани. Поэтому Ганнибал перетащил корабли в открытое море по суше. Флот встал на якорь перед входом в гавань и теперь запер крепость со стороны моря. Увидев, что он не может моментально достичь многообещающего успеха, Ганнибал отошел от Тарента.

Очевидно, жители Брундизия имели намерение передать город карфагенскому полководцу, ибо из Тарента он пошел к Брундизию. Когда он находился вблизи города, его там встретили кампанские послы, просившие его не бросать Капую на произвол судьбы. Ганнибал успокоил послов, сказав, что в этом году римляне оказались не в состоянии добиться решающего успеха в битве за Капую. С этим ответом послы и вернулись. А Ганнибал ушел на зимние квартиры, которые находились в старом лагере в трех днях пути от Тарента, ибо надежда на взятие Брундизия рухнула.

Борьба за Сицилию в 212 г. вошла в решающую фазу. Последняя стадия этой борьбы с карфагенской стороны была отмечена неудачами, неверностью союзников, предательством, слабой координацией и соперничеством генералов.

Если Марцелл сначала колебался, стоять ли ему по-прежнему перед Сиракузами, поскольку город снабжался с моря всем необходимым, или развернуть военные действия против Гимилькона и Гипократа, чьей операционной базой являлся Акрагант, то затем он все же решил все силы сосредоточить против Сиракуз, так как увидел шанс сломить сопротивление города. Он воспользовался помощью видных проримски (против Карфагена) настроенных изгнанников, которые выступали в случае сдачи города за сохранение им элевтерии и автономии. Первая попытка, однако, не удалась, ибо некий Аттал предупредил Эпикида. Около 80 человек, участвовавших в заговоре, были казнены.

Этот план провалился. Но через несколько дней Марцелл сумел под покровом ночи сначала с тысячью человек у башни Галеагры проникнуть в город, в котором в это время проходило празднество в честь Артемиды. На заре он ворвался в Гексапилу и ввел туда остальные войска. Эпиполы были захвачены. Как только Эпикид получил известие о проникновении римлян, он тотчас оставил Остров, чтобы отбить врага. Но вскоре он понял всю безнадежность этого намерения и отступил в Ахрадину, часть города, защищенную стенами. После

того как сиракузские изгнанники у стен Ахрадины, охраняемых римскими перебежчиками, напрасно пытались убедить своих бывших сограждан сдать город, Марцелл отступил на холм Эвриел, расположенный к западу от города. Однако форт, венчающий Эвриел, которым командовал Филодем из Аргоса, он взять не смог. Тираноубийца Сосий по поручению Марцелла пытался перетащить Филодема на римскую сторону, но тот тянул с переговорами, надеясь на приход Гимилькона и Гиппократ. Наконец Марцелл осознал бессмысленность своих хлопот и разбил свой лагерь между двумя городскими кварталами Тихе и Неаполем, которые он разграбил. Но через некоторое время Филодем, напрасно ожидавший помощи из Акраганта, капитулировал в обмен на свободный выход. Он привел свои войска к Эпикиду. Теперь Марцелл смог овладеть Эвриелом и в результате избавиться от возможности очутиться между двумя враждебными линиями. Он окружил Ахрадину, сконцентрировав свои войска в трех стратегически выгодных пунктах.

Во время грабежа кварталов Тихе и Неаполь адмирал Бомилькар ночью вышел из Большой гавани с 35 кораблями из своих 90, ибо в эту ночь римский флот из-за бури не стоял на якоре, и пошел в Карфаген, чтобы доставить оттуда подкрепление. Уже через несколько дней он возвратился в Большую гавань со 100 кораблями. Карфагенские власти, очевидно, делали все, чтобы предотвратить грозящую сицилийскую катастрофу.

Приблизительно в эти дни Гимилькон и Гиппократ появились у Сиракуз. Они укрепились у Большой гавани. Однако военная ситуация была неблагоприятна для карфагенян и их союзников. Атака Гиппократ на старый римский лагерь, находившийся под командованием легата Т. Квинция Криспина, не удалась, так же как и вылазка Эпикида, ударившего по опорным пунктам Марцелла. В это время разразилась эпидемия, от которой особенно страдала карфагенская армия. Гимилькон, Гиппократ и большая часть их солдат стали ее жертвами. Но сикулы, которые служили в армии Гиппократ, вовремя покинули лагерь и вернулись в свои города. После гибели карфагенской армии они разместили войска и съестные припасы в двух городах недалеко от Сиракуз. Завербоваться в римскую армию они еще были не готовы.

В это время Бомилькар снова отплыл в Карфаген за подкреплением и продовольствием. Он возвратился со 130 военными и 700 грузовыми кораблями, но из-за неблагоприятных ветров не смог выйти за мыс Пахин. Эпикид опасался, что сложившиеся обстоятельства

могут заставить Бомилькара покинуть Сицилию и вернуться в Африку. Поэтому он передал командование в Ахрадине командирам наемников Поликлиту, Филистию и Эпикиду Синдону, а сам пошел навстречу Бомилькару, чтобы побудить его дать сражение. Но когда пришел день, когда надо было вступить в битву, Бомилькар уклонился от римского флота и мимо Сицилии поплыл к Таренту. Причины такого решения совершенно неизвестны. Удрученный этим Эпикид пошел к Акраганту.

Следствием этих событий стало отпадение сикулов. Они вступили в контакт с Марцеллом, который гарантировал им автономию и элевтерию, поскольку их область не относилась к территории, подвластной сиракузским царям. Кроме того, они использовали свои связи в Сиракузах, чтобы убить заместителей Эпикيدا. После этого народное собрание Сиракуз избрало новых полководцев, из среды которых были направлены посланцы к Марцеллу. Но во время их отсутствия перебежчики, чрезвычайно опасавшиеся за свою жизнь, взяли инициативу в свои руки и переманили на свою сторону наемников. Полководцы, оставшиеся в Сиракузах, видимо, были убиты. Затем перебежчики и наемники избрали шесть офицеров, трое из которых должны были командовать в Ахрадине, а трое — на Острове. Среди них был ибер Мерик. Но Мерик был уже готов сотрудничать с римлянами. Он провел римский авангард через ворота, которые находились вблизи источника Аретузы, в Ахрадину. После этого Марцелл столь стремительно атаковал Ахрадину, что и войска, находившиеся на Острове, поспешили на помощь. Римские части использовали этот момент, чтобы захватить Остров. После того как перебежчики ускользнули, сиракузяне открыли ворота Ахрадины и просили только о сохранении жизни. Однако во время грабежа богатого города многие люди все же погибли, и среди них был и Архимед.

Следствием падения Сиракуз было то, что почти все сицилийские города отправили посольства к Марцеллу, чтобы узнать о решении победителя относительно их будущего статуса. В качестве образца для своего решения Марцелл принял политическую ситуацию общин в прошлом.

Сицилийская игра была проиграна. Но нужно еще сказать об акрагантском эпилоге. Карфагеняне назначили преемником Гимилькона Ганнона, а на место Гиппократа Ганнибал послал на Сицилию ливо-финикийца Муттина, происходившего из Гиппона Акры. Ганнон и Эпикид доверили этому опытному офицеру нумидийский кавалерийский корпус, с помощью которого Муттин поднял уверенность

сторонников карфагенской партии. После получения известия о падении Сиракуз генералы решили оставить Акрагант и продвинуться к южной Гимере, поскольку последний шанс для спасения Сицилии они видели в открытом полевом сражении. Марцелл принял вызов и тоже выдвинулся к Гимере. Муттин сначала добился некоторого успеха, но затем покинул область Гимеры и отошел к Гераклее, ибо около 300 нумидийских всадников там дезертировало — они, очевидно, оценили положение в карфагенском лагере пессимистически. Однако Ганнон и Эпикид не стали дожидаться возвращения Муттина. По-видимому, гордый своим знатным происхождением карфагенянин не хотел делить честь победы с ливо-финикийским бастардом. На левом берегу Гимеры Эпикид и Ганнон дали сражение Марцеллу. Марцелл победил, и не в последнюю очередь потому, что нумидийские всадники отказались сражаться. Тысячи карфагенских солдат погибли, 6 тысяч человек попало в плен, и добычей римлян стали 8 слонов. Остатки разбитой армии бежали в Акрагант, а нумидийские всадники ушли в другие города, лежавшие поблизости. Была ли Сицилия окончательно потеряна для Карфагена? Казалось, что так.

В Испании римлянам улыбнулся успех, который в первую очередь имел большое пропагандистское значение: взятие Сагунта. Кроме того, они разгромили турболетов, старых соперников Сагунта, продали их в рабство и разрушили их городской центр.

О событиях на восточном театре военных действий никаких сведений нет.

211 г. был годом поворота в этой войне, ибо в этом году была потеряна Капуя, самый важный опорный пункт Карфагена в северной части Южной Италии. Ключевую роль Капуи, естественно, понимали и римляне, которые в ожидании эффективности осады не произвели никакого изменения в верховном командовании. Как и раньше, Кв. Флакк, Пульхр и Нерон возглавляли войска, стоявшие перед городом. Консулы 211 г. Гн. Фульвий Центумал Максим (в 213 г. он был претором) и П. Сульпиций Гальба Максим сначала находились в Риме. Новыми командующими стали Г. Кальпурний Пизон (Рим), М. Корнелий Цетег (Апулия), Г. Сульпиций (Западная Сицилия) и Л. Корнелий Лентул (Сардиния). Командование Левина, Силана, Тудитана, Марцелла и Красса было продлено.

Положение Капуи становилось совершенно критическим. Только кавалерия, но никак не пехота, еще могла совершать успешные вылазки. И кольцо, которое римляне стянули вокруг Капуи, с каждым днем становилось все плотнее. Только благодаря хладнокровию

одного нумидийца призыв кампанцев о помощи достиг Ганнибала в Бруттии. В ответ на этот призыв Ганнибал с отборными войсками и 35 слонами быстрым маршем двинулся к Капуе и скоро оказался вблизи нее. В его руки тогда попала Калация. Он дал кампанцам необходимые тактические указания, а затем попытался атакой на лагерь Пульхра навязать римлянам сражение. Эта попытка провалилась. Римляне остались за своими укреплениями.

Тогда Ганнибал принял совершенно неожиданное решение ложным нападением на Рим выманить римские войска или по крайней мере их значительную часть из их укреплений перед Капуей. После того как он двинулся через области самнитов, пелигнов (мимо Сульмона), маррувинов, марсов и эквов (мимо Альбы), он прошел через Амитерн, Форули, Кутилы и Эрет, чтобы затем после перехода через Анион разбить свой лагерь в 40 стадиях от Рима¹¹. Через несколько дней он снова отступил, ибо надеялся, что тем временем Пульхр двинется со своими войсками от Капуи к Риму и даст ему возможность успешной атакой разомкнуть кольцо укреплений, воздвигнутых вокруг Капуи. По-видимому, он отступил тем же путем, каким пришел. На пятый день он получил известие, что Пульхр не покинул свои позиции у Капуи. Дальнейшее ожидание было бессмысленным, а новая атака на капуанский котел была бы совершенно безуспешной!.. Это означало одно: Капуя была потеряна.

Чтобы хоть как-то «подпитать» явно ожидаемый военный и пропагандистский ущерб, Ганнибал быстрым маршем двинулся на юг, ибо ему показалось, что возникла возможность взять Регий. Но и это предприятие провалилось.

Командиры гарнизона Бостар и Ганнон предприняли последнюю попытку своими отчаянными письмами снова призвать Ганнибала к Капуе. Но эти письма не дошли до Ганнибала, они попали в руки осаждающих. Нумидийские посланцы, которые должны были передать эти письма, вместе с более чем 70 другими нумидийскими якобы перебежчиками были избиты плетьюми и с отрубленными руками возвращены в Капую. Их вызывающий сострадание вид сломил последнее сопротивление кампанцев, силы которых уже и до того были ослаблены столкновениями между аристократами и демократами. На заседании сената, созванного демократически настроенным медиксом тутикусом Сеппием Лезием, большинство высказалось

¹¹ Известие о приближении Ганнибала к Риму вызвало переполох в городе. На долгое время выражение «Ганнибал у ворот» стало чуть ли не пословицей.

за сдачу города. Капуя капитулировала. Сенаторы напрасно надеялись на «милость римского народа» (Ливий). После того как они выдали все свои запасы драгоценных металлов — 2070 фунтов золота и 31 200 фунтов серебра, в Теане и Калесе они были исхлестаны бичами и обезглавлены. Другие «военные преступники», а римляне включили в их число немало людей, были или депортированы, или проданы в рабство. Прочие кампанские граждане тоже были сурово наказаны: они потеряли родину, гражданство, латинское право, все недвижимое и значительную часть движимого имущества. Кампания перестала быть областью военных операций карфагенян.

И в Таренте не было никакого успеха. Хотя флот, который пришел из сицилийских вод к Таренту, на какое-то время воспрепятствовал снабжению римского гарнизона с моря, но через некоторое время был вынужден снова уйти, так как в промежутке встретился с трудностями снабжения уже карфагенской стороны.

Когда Марцелл в конце лета 211 г. покинул Сицилию, где его преемником стал Цетег, война на острове не завершилась. Наоборот! Карфагеняне начали новое наступление. Они высадили предположительно около Акраганта 8 тысяч пехотинцев и 3 тысячи нумидийских всадников и сумели подчинить сикульские города, прежде всего Моргантину, Гергетий, Гиблу (Гелеатиду) и Мацеллу. Очевидно, значительная часть сикулов предпочла сотрудничество с карфагенянами сотрудничеству с римлянами. Направление удара карфагенских войск позволяет предположить, что они стремились изолировать определенную часть востока, находившегося под властью римлян. Шансы добиться этой цели казались неплохими, ибо моральное состояние римских войск дало трещину. Но тут Цетегу поразительным образом удалось неизвестно какими средствами перетянуть сикульские города на римскую сторону.

В Италии в 211 г. дела стали оборачиваться для карфагенян самым неблагоприятным образом. Совсем иначе было в Испании! Карфагенские полководцы все еще господствовали над большей частью страны. Однако они не считали, что могут предпринять решительное наступление на врага. В противоположность им оба Сципиона, которые зимой 212/211 г. призвали к оружию 20 тысяч кельтиберов, полагали, что пришло время окончательного решения. Их план похода был в значительной степени обусловлен положением в карфагенском лагере. В то время как лагерь Гасдрубала, сына Гамилькара, находился у Амторгиса относительно близко от опорного пункта римлян, Магон и Гасдрубал, сын Гисгона, разбили общий лагерь на большом

отдалении от римлян — в пяти днях пути. Чтобы помешать Магону и Гасдрубалу, сыну Гисгона, после поражения Гасдрубала, сына Гамилькара, вмешаться в сражение, Сципионы разделили свои войска. Гней с третьей армии и кельтиберами должен был напасть на Гасдрубала Баркида, а Публий с остальными двумя третями — на двух других генералов. В соответствии с этим планом римская армия заняла свои позиции. Когда Гасдрубал, сын Гамилькара, увидел, что Гней свои надежды в большой степени возлагает на кельтиберов, он через посредство кельтиберов, служивших в его армии, завязал контакты с их соплеменниками на противоположной стороне. Действительно, он сумел добиться, естественно, с помощью карфагенских денег, чтобы кельтиберы, служившие у римлян, начали покидать их лагерь. Гней был вынужден отойти. Гасдрубал последовал за ним на небольшом расстоянии.

В это же время пространство для движения войск Публия было ограничено всадниками Массиниссы территорией лагеря. Сверх того римский полководец получил известие, что Андобал с 7500 всадниками идет для поддержки врага. Чтобы предотвратить увеличение карфагенских сил и избежать полного окружения, он, поручив защиту лагеря легату Тиб. Фонтею, двинулся навстречу испанцам. В происшедшем бою римляне сначала имели незначительное преимущество, но вскоре были окружены нумидийскими всадниками Массиниссы, а затем и карфагенскими пехотинцами. Публий погиб. Из бежавших римлян только небольшая часть смогла спастись под покровом ночи.

Победоносные полководцы с большой поспешностью двинулись к Гасдрубалу, сыну Гамилькара, чтобы соединить с ним свои войска и тем самым с легкостью нанести решающий удар Гнею. Хотя Гней попытался как можно скорее уйти в безопасную область, т. е. в область севернее Эбро, его настигли, напали на кое-как сооруженный лагерь и убили на двадцать девятый день после смерти его брата. Часть римских войск, избежавшая резни, бежала в лагерь, которым командовал Фонтей. После переноса лагеря в североиберийскую область солдаты и офицеры, как кажется, передали верховное командование всаднику Л. Марцию Септиму, а не Фонтею. В дальнейшем Марций явно сумел из безутешной «кучи» создать мало-мальски функционирующую боевую единицу. Карфагенские полководцы упустили возможность нанести решительный удар, чтобы завершить войну в Испании.

Уже в то время, когда Ганнибал стоял у самого Рима, римские войска были посланы в Испанию, чтобы хотя бы частично заполнить

образовавшуюся лакуну. А после падения Капуи большая часть войск, которыми командовал Нерон, взойшла в Путеолах на борт, чтобы опять же под командованием Нерона отправиться в Испанию. Это были 6 тысяч римских и 6 тысяч латинских пехотинцев и 300 римских и 800 латинских всадников. После прибытия в Тарракон Нерон вооружил также матросов и привел их в лагерь Септима, который располагался около Эбро. Он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вскоре перейти в наступление. Целью его атаки был Гасдрубал, сын Гамилькара, который разбил свой лагерь у так называемых Черных Камней в области авзетанов, т. е. вблизи Пиренеев. Действительно, он добился того, что Гасдрубал оказался в стесненном положении, ибо римляне овладели путем к области, где находился карфагенский лагерь. Казалось, что Гасдрубал пойман в ловушку. Он предложил повести переговоры, которые Нерон ожидал. И пока переговоры затягивались, он вывел окольным путем отряд за отрядом и даже слонов. Когда Нерон понял «пуническую хитрость» (Ливий), карфагенский лагерь был уже пуст.

После этого несчастья в Риме стало ясно, что Нерона надо заменить. Но кем? Никто из тех, кто подходил для решения этой задачи, не брался за это. Тогда предложил свою кандидатуру П. Корнелий Сципион, 24-летний сын погибшего П. Сципиона. Он был избран единогласно. Пропретор Силан должен был его сопровождать в Испанию в качестве второго главнокомандующего. Еще в том же году они вышли из Остии в море с 30 пентерами, на которых находились 10 тысяч пехотинцев и тысяча всадников, и взяли курс на Эмпорион. Отсюда, разделившись, армия и флот пошли в Тарракон. Сципион стремился к тому, чтобы создать в войсках и у союзников климат доверия и уверенности.

Карфагенские генералы ушли на зимние квартиры у Гадеса (Гасдрубал, сын Гисгона), Кастуллона (Магон) и Сагунта (Гасдрубал, сын Гамилькара).

Если на западе римляне в 211 г. претерпели чувствительные удары, то на востоке дела шли совершенно иначе: здесь они достигли значительного прогресса. Левин убедил этолийцев заключить союзный договор и этим уменьшил военный вес карфагенского союзника Филиппа. Еще в том же году он отнял у акарнанцев, союзных с Филиппом и враждебных этолийцам, Закинф, Эниады и крепость Нас и передал недвижимое имущество этих мест этолийцам в соответствии с договором. Зимой 211/210 г. он провел на Коркире.

Римские сенаторы через некоторое время после Капуи решили, что Ганнибал в этом году не будет проявлять значительную военную

активность и потому излишне, чтобы две консульские армии стояли в Апулии. Поэтому они потребовали от консулов, дабы те жребием определили, кто из них двоих отправится в качестве преемника Левина из Апулии в Македонию. Жребий выпал Гальбе. Но Гальба появился на Балканском полуострове, по-видимому, только в следующем году.

Потеря важных военных позиций (211–204 гг.)

Не только по нашему мнению, но и по суждению римских современников, в 211 г. произошел перелом в ходе войны. Это видно из решения о составе римских сил: впервые с начала войны число легионов было сокращено. Всего в 210 г. в соответствии с постановлением сената в поле было выведено не более 21 легиона. Только один консул, Марцелл, должен был вести войну против Ганнибала; другому, Левину, были переданы командование в восточной части Сицилии и «сицилийский» флот. В Риме осуществлял командование М. Манлий Ацидин (два легиона), в Капуе — Кв. Флакк (один легион), в Апулии — Центомал (два легиона), в Греции — Гальба, в Этрурии — Пизон (два легиона), в Галлии — Г. Леторий (два легиона), в западной части Сицилии — Л. Цинций Алимент (два легиона) и на Сардинии — П. Манлий Вульсон (два легиона). Впрочем, в народе начала распространяться некоторая усталость от войны, которая даже грозила перерасти в мятеж, когда консулы издали эдикт, согласно которому необходимые матросы должны были быть за частный счет, ибо казна была пуста, приняты на службу, оплачены на следующие 30 дней и снабжены провиантом. Волнения снова затихли только тогда, когда Левин, который прибыл после 15 марта с востока, успешно потребовал от сената и магистратов, чтобы они сами были готовы к чрезвычайным жертвам.

Ганнибал, кажется, в этом году все свои стремления сконцентрировал на том, чтобы, насколько это возможно, ослабить последствия капуанской катастрофы. Это ему удавалось не всегда. Так произошло в случае Салапины. Здесь Блаттий, видный представитель проримской партии, сумел убедить Дасия, сторонника прокарфагенской политики, поддержать план сдачи города Марцеллу. Самнитские города Марморезу и Мелес Марцелл смог захватить силой. Также Центомал пытался использовать проявившиеся в разных местах тенденции к отпадению от карфагенян. После того как ведущие политики Гердонии вступили с ним в контакт, он расположил свой лагерь вблизи этого города. Ганнибал, которого прокарфагенские

политики Гердони предупредили о развитии событий, поспешил к нему ускоренным маршем и нанес Центомалу полное поражение. Среди павших оказался и проконсул. Люди, которые вели с Центомалом секретные переговоры, были казнены, город предан огню, а его жители переселены в Метапонт и Фурии. Марцелл, находившийся в Самнии, хотел исправить эту ошибку. Он подошел к окрестностям города Нумистрона, где карфагеняне разбили лагерь, и вызвал Ганнибала на сражение. Ганнибал принял его и победил. После этого сражения он через Венузию пошел в Апулию, может быть, в направлении Тарента. Марцелл последовал за ним. Военная ситуация в Таренте в этом году изменилась несущественно, хотя тарентинец Демократ, являясь командиром флотилии из 20 кораблей, около Саприпорта, приблизительно в 15 милях от Тарента, разбил римлянина Д. Квинкцию, командовавшего равной по величине флотилией. Римская флотилия, родной гаванью которой был Регий, должна была обеспечить римский гарнизон крепости провизией. В остальном Ганнибал, как кажется, после падения Капуи еще в большем масштабе, чем ранее, стал опустошать вражескую территорию не только для того, чтобы наказать римлян, но, возможно, в первую очередь для того, чтобы предостеречь своих союзников.

Позиции, которые Карфаген еще имел на Сицилии, были проиграны из-за неспособности генерала Ганнона. Он отнял у испуганного врагами Муттина командование нумидийской кавалерией и передал его своему сыну. Такое оттеснение Муттин не стерпел. Он завязал с Левином переговоры о сдаче Акраганта, и предательство достигло своей цели. Ганнон вместе с Эпикидом и несколькими спутниками смог на корабле отплыть в Африку. Левин приказал бичевать и обезглавить ведущих деятелей Акраганта, а остальных граждан города продать в рабство. За падением Акраганта последовала потеря последних бастионов Карфагена на Сицилии. Римляне в течение короткого времени завладели с помощью предательства 20 городами и 6 — силой; около 40 городов добровольно, т. е. под давлением обстоятельств, перешли на римскую сторону.

В Африке в 210 г. Сифакс успешно (по крайней мере он так сообщал в Рим) воевал против Карфагена. Насколько бы успешными ни были эти войны, ясно, что в результате образования нового фронта Карфагену потребовались силы в еще большем размере. К тому же поздним летом этого года М. Валерий Мессала, командующий флотом Левина, с 50 кораблями высадился в районе Утики, чтобы захватить добычу и произвести разведку. Мессала действовал успешно. Во вся-

ком случае, он был вынужден послать Левину, приехавшему из-за консульских выборов в Рим, доклад, содержащий крайне неприятные сведения: 5 тысяч нумидийцев, возглавляемых Массиниссой, сыном Гайи, находятся в Карфагене; во всей Африке набираются новые солдаты, которые должны будут отправиться в Испанию и, как только будет возможно, под командованием Гасдрубала, сына Гамилькара, выступить в Италию; карфагеняне надеются с помощью этого похода Гасдрубала добиться окончательной победы; наконец, вооружается большой флот, и с его помощью должна быть отвоевана Сицилия, и, по его мнению, этот флот скоро выйдет в море.

Была уже почти осень, когда адмирал Гамилькар со своим флотом из 40 кораблей переправился на Сардинию и опустошил сначала область Ольбии, а затем, когда в эту область пришел Вульсон со своими войсками, и область Каралиса и захватил богатую добычу. Возможно, этот грабительский поход был ответом на акцию Мессалы.

В Испании, во всяком случае, в южной ее части, никаких существенных изменений военной ситуации не произошло.

Несколько иначе сложилось положение в Греции. Хотя завоевание города Антикиры, находящегося у Коринфского залива, римскими и этолийскими войсками (римскими в это время еще командовал Левин, а этолийскими Скопас) незначительно изменило соотношение военных сил, захват Эгины являлся заметным успехом. И еще более важное значение имело то, что пергамский царь Аттал, который в 210/209 г. был избран почетным стратегом Этолийского союза, вступил в войну. Может быть, его войска принимали участие уже в завоевании Эгины. Филипп в этом году все же сумел захватить Ларису Кремасту и Эхин.

Ганнибал весной 209 г., видимо, поставил целью вновь укрепить свои позиции в северной части Апулии и в Самнии, которые были ослаблены в предыдущем году. Он совершенно не собирался запирать себя в Южной Италии, а стремился в первую очередь не потерять присоединившуюся к нему Центральную Италию. Римские сенаторы также убедились, что наступательный дух, господствовавший в карфагенском военном руководстве, не сломлен. Они в этом году направили для войны в Италии еще два легиона, чтобы иметь возможность еще упорнее сражаться с Ганнибалом. Максим (V) был назначен командующим в районе Тарента, а Кв. Флакк (IV) — в Лукании и Бруттии. Областью операций Марцелла была определена та, где в соответствии с обстоятельствами будет действовать Ганнибал. Сферой действий Г. Гостилия Тибула стал Рим, Крипина, который уже

упоминался как легат в 212 г., — Капуя, Пизона — Этрурия, Л. Ветурия Филона — Галлия, Гальбы — Македония, Алимента — восточная часть Сицилии, Левина — ее западная часть и Г. Аврункулея — Сардиния. Командование Сципиона и Сиилана было продлено не на один год, а до тех пор, пока их не отзовут.

В этом году при наборе войск и сборе налогов в лагере латинов и союзников возникла опасная для римлян ситуация. Большая часть латинских колоний оказалась не в состоянии поставить требуемые войска и заплатить налоги и выступала за заключение мирного договора с Карфагеном. Это были Сутрий, Непет, Нарния, Карзиолы, Альба, Сора, Интерамна, Калес, Суесса, Карцеи, Сетия и Ардея. Сенаторы расценили это как открытую измену, но в настоящий момент сочли самым разумным не применять военные санкции, а тихо уладить дело. Но в структуре союза образовались трещины, которые угрожали самому существованию Римского государства. В то же время римляне могли с удовлетворением констатировать, что большая часть латинских колоний, как и раньше, стоит за общее дело. Речь шла о Сполетии, Коце, Плаценции, Кремоне, Аримине, Фирме, Адрии, Луцерии, Венузии, Брундизии, Пестуме, Беневенте, Сатиккуле, Эзернии, Фрегеллах, Сигнии, Норбе и Понтии. Большинство этих городов находились на периферии территории, на которую распространялась римская власть, и поэтому были особенно заинтересованы в римской защите.

Разумеется, мятежные латинские колонии не могли выступать на стороне Ганнибала, поскольку большая часть их боеспособных мужчин служила в римской армии. Все же их поведение оказало влияние на внутривосточную ситуацию в других городах Италии. Имело ли это место в конкретном случае Канузия, мы не знаем. Во всяком случае, часть граждан этого города, который прежде был верен римлянам, стала сотрудничать с Ганнибалом. Ганнибал тотчас разбил свой лагерь вблизи этого города. Но когда Марцелл появился около Канузия, он отошел, очевидно, для того чтобы найти подходящее место для сражения. И Марцелл последовал за ним. Сражение, происшедшее в не известном нам месте, завершилось полной победой карфагенян. Марцелл отступил к Венузии. Результатом поражения стало аннулирование его командования, которое в тот момент было явно бесцельным. Но Ганнибал ушел в Бруттий, ибо Кавлония была окружена враждебными войсками. Речь шла о войсках, насчитывавших 8 тысяч воинов, состоявших, по Ливию, из изгнанников, преступников, перебежчиков и предателей, которых Левин переправил большей частью из Агафирна в Бруттий. По приказу Максима, кото-

рый хотел отвлечь Ганнибала от Тарента, они после грабежа бруттийского побережья начали осаду Кавлонии. Как вскоре оказалось, расчет консула оправдался. Хотя Ганнибал добился капитуляции «пестрой» армии, он не оказался на месте, когда произошло взятие Тарента.

Может быть, еще до победы Ганнибала над Марцеллом у Кв. Флакка появились послы гирпинов, вольцентиев и луканов, которые сдали консулу свои города и находившиеся там карфагенские гарнизоны. И два брата бруттия Вибий и Пакций тоже повели переговоры с Кв. Флакком об условиях сдачи, но их нельзя рассматривать как представителей бруттийских городов.

Максим после захвата саллентинского города Мандурии (его захват был очень важен, ибо он позволял установить контроль над связями между Брундизием и Тарентом) пришел к Таренту и разбил лагерь у входа в гавань. После этого он стал готовиться к штурму города с моря. Он не боялся появления карфагенского флота, потому что тот отплыл для поддержки нападения Филиппа на этолийские позиции на Коркире. Однако Тарент был взят не силой, а предательством. Главную роль в решении командира бруттийского гарнизонного отряда впустить римские войска в города сыграла жившая в Таренте *femme fatale* (роковая женщина), брат которой служил в войске Максима. Демократ и Никон погибли, Филемон спасся бегством, а командир карфагенского гарнизона Карталон, безоружный ввиду переговоров о сдаче и полагавшийся на узы гостеприимства, связывавшие его отца с Максимом, направился к нему и был по пути убит солдатами. Римские солдаты убивали и грабили.

Ганнибал, который форсированным маршем поспешил из Кавлонии, узнав о потере Тарента, разбил свой лагерь приблизительно в 5 милях от города, надеясь, возможно, навязать Максиму сражение. Через несколько дней он отошел к Метапону. С помощью подложного письма ведущих политиков этого города он пытался заманить консула к Метапону. Однако неблагоприятные ауспиции заставили Максима вернуться в Тарент. Тарент был для Ганнибала безвозвратно потерян.

Наряду с захватом Тарента другим выдающимся, с римской точки зрения, военным событием этого года явилось завоевание Нового Карфагена. П. Сципион, который в 210 г., очевидно, был занят тем, чтобы получить контроль над областью севернее Эбро, при планировании операций 209 г. исходил из следующих соображений. Необходимо избежать столкновения с объединенными войсками карфагенян,

ибо в противном случае враг бесспорно будет иметь перевес в военных силах. Удар по одной из трех карфагенских армейских группировок приведет к тому, что противник до соединения с двумя другими армиями прибегнет к выжидательной тактике, чтобы затем объединенными силами нанести уничтожающий контрудар; поэтому и этот путь нельзя было избрать. Оставалась только третья возможность: нанести удар по объекту, очень важному с военной точки зрения, но для защиты которого ни один из трех карфагенских генералов не мог бы достаточно быстро подойти. И эта возможность П. Сципиону бросилась в глаза. Его выбор пал на Новый Карфаген. Римский полководец рассчитывал, что захват этого города даст ему огромное преимущество в военном, финансовом и не в последнюю очередь в политико-пропагандистском плане. Оставив Силана с 3 тысячами пехотинцев и 300 всадников на территории севернее Эбро, сам он с 25 тысячами пехотинцев и 2500 всадников весной 209 г. перешел Эбро и в самое короткое время прибыл к Новому Карфагену. В это же время его командир флота Г. Лелий с эскадрой из 35 кораблей вошел в городскую гавань. Командир тамошнего гарнизона Магон, в распоряжении которого находились войско из 1 тысячи человек и милиция приблизительно из 2,5 тысяч, никак не мог помешать тому, что на четвертый день после прихода римских войск город будет ими захвачен за *один* день. Решающую атаку предпринял римский отряд силой в 500 человек, который вброд перешел через мелководье и прорвался через стену в неохраяемом месте. Присоединившись к ним, солдатня по приказу П. Сципиона убивала до тех пор, пока Магон не сдал крепость. За убийствами последовали грабежи. Почти 10 тысяч жителей города попали в руки римлян. Граждан и гражданок города и их детей П. Сципион отпустил на свободу; почти 2 тысячи ремесленников, не являвшихся гражданами, были объявлены римскими государственными рабами; что касается остальных пленных, то самых сильных из них он приказал зачислить на службу в римский флот, а остальных передал военным трибунам. Заложникам, которых было свыше трехсот, он приказал вступить в контакт со своими родственниками и отпустил на свободу с явной надеждой, что вожди их племен заключат союз с римлянами. Лелию же он поручил отправиться в Рим как вестнику успеха, а вместе с ним были отправлены Магон, два члена карфагенского правительства, 15 членов карфагенского сената и другие видные пленники. Защитив Новый Карфаген своим гарнизоном, П. Сципион с армией и флотом возвратился в Тарракон. Он вонзил отравленную стрелу в тело Карфагена.

На востоке в 209 г. продолжались военные действия. С карфагенской точки зрения, было досадно, что свобода действий Филиппа в Греции была ограничена в результате сохраняющейся угрозы Македонии со стороны ее фракийских и иллирийских соседей. Несмотря на это препятствие, Филипп провел в этом году в Греции успешные военные операции. Около Ламии он в двух битвах разбил союзные войска этолийцев, Гальбы и Аттала. Послы Птолемея IV, родосцев, хиосцев, митиленцев, афинян и афаманского царя Аминандра встретились в Фаларе с Филиппом, чтобы выступить посредниками в македонско-этолийском конфликте. Они добились, что Филипп согласился на тридцатидневное перемирие и на мирную конференцию, которая должна была состояться в Эгии. Конференция провалилась из-за неприемлемых условий этолийцев, самоуверенность которых укрепилась после известия о прибытии римского флота в Навпакт и Аттала на Эгину. После конференции в Эгии Филипп более чем когда-либо понял, что введение в дело морских сил необходимо, если он хочет довести войну до победного конца. Он усилил карфагенский флот, который незадолго до этого прибыл к берегам Балканского полуострова, пятью ахейскими кораблями¹² и планировал включить в этот флот также корабли вифинского царя Прусия, находившиеся на пути к Греции. Коринфский залив не должен быть больше ареной действия римского флота! Но нападение на город Элиду, в котором находился этолийский гарнизон, не имело успеха, так как Гальба сумел 4 тысячи человек незаметно привести из Киллены к Элиде. Тревожные известия о положении на северной границе Македонии вынудили царя наконец прекратить греческий поход этого года. Он возвратился в Македонию. Война на Балканском полуострове все более и более становилась самостоятельной, и ее лишь только условно еще можно рассматривать как часть карфагено-римских военных действий.

По всей видимости, целью Ганнибала в 208 г. было не свергать свои силы в рискованные действия, а стремиться в первую очередь сохранить свои позиции. Решение в соответствии с его планами должно было прийти в ходе крупномасштабной сконцентрированной акции следующего года.

Предостережением тому, что, возможно, надвигалось на Рим, явились волнения, которые еще в 209 г. вспыхнули в Этрурии, особенно

¹² Ахейский союз являлся почти постоянным соперником Этолийского, и поэтому теперь он выступил на стороне македонского царя.

в Арреции. Только когда назначенный консул Марцелл появился в Этрурии, они успокоилась. В том, что этрусские союзники Рима имели достаточно оснований быть недовольными теми тягостями, какие несла война, являвшаяся карфагено-римским, а не этрусским делом, нет сомнений. Но что они осмелились восстать без установления контактов с Ганнибалом, крайне невероятно. Ганнибал был замешан в дела в Этрурии. Может быть, в решении ведущих политиков Этрурии отказаться от повиновения Риму некоторую роль сыграло знание об италийском плане Гасдрубала, сына Гамилькара.

При распределении сфер военного командования консулам Марцеллу (V) и Криспину выпала Италия, точнее — Апулия и Лукания/Бруттий, П. Лицинию Вару — Рим, Кв. Флакку — Капуя, Кв. Клавдию Фламину — Тарент, Тибулу — Этрурия, Филону — Галлия, Гальбе — Балканский полуостров, Сексту Юлию Цезарю — Сицилия, Левину — включающий сто кораблей «сицилийский» флот и Аврункулею — Сардиния. Командование П. Сципиона и Силана в Испании было еще в прошлом году продлено до отзыва. Из распределения флотов видно, что сенаторы считались с возможностью нападения карфагенских морских сил, а говорил о двухстах кораблях, на Италию, Сицилию и Сардинию.

Беспорядки в Арреции были усмирены репрессивными мерами. Так, арретинские сенаторы послали 120 своих детей в качестве заложников. Кроме того, Варрон, который некоторое время после битвы при Каннах действовал в пиценской области, получил чрезвычайное командование с поручением вести к Аррецию один из двух городских легионов. Тибулл с вверенными ему легионами должен был взять под контроль остальную Этрурию.

В Южной Италии военные действия этого года открылись нападением Криспина на Локры. После Тарента должен был пасть и другой опорный пункт карфагенян на юге страны. Но хотя Криспин ввел в дело часть «сицилийского» флота, быстрого успеха он не добился. И когда консул узнал, что Ганнибал, выйдя из Метапонта (?), уже готов выдвинуться к Лацинийскому мысу, он снял осаду и пошел к своему коллеге, который уже оставил Венузию и маршировал по направлению к области между Венузией и Бантией. Они разместили там свой лагерь в надежде, что Ганнибал ввяжется в сражение с двумя консульскими армиями и будет разбит. Ганнибал действительно появился вблизи римских позиций, но не принял сражение в месте, избранном противником. Однако консулы, предпринявшие разведку без достаточных предосторожностей, попали в засаду нумидийских

всадников. Марцелл погиб, а Криспин был тяжело ранен. По причине этого несчастья Криспин отступил с обеими консульскими армиями и разбил лагерь на хорошо защищенной горе. Ганнибал, в руки которого попало кольцо Марцелла с его печатью, пытался с помощью фальшивых писем овладеть Салапией. Эта попытка провалилась. Коварство было раскрыто благодаря римским перебежчикам. После неудачной атаки на Салапию Ганнибал двинулся к Локрам, чтобы заставить Алимента снять осаду с города. Алимент бежал на Сицилию. Может быть, Криспин боялся не напрасно. Ганнибал теперь двинулся на Тарент.

По-видимому, после отступления Алимента на Сицилию Левин со всем флотом двинулся в Африку. Он высадился около Аспиды и опустошил область вокруг города. Едва он взял обратный курс на Лилибей, как появился карфагенский флот. В развернувшемся после этого бою карфагеняне потеряли якобы 18 из 83 кораблей.

Во некоторых частях Испании падение Нового Карфагена привело к повороту общественного мнения в пользу римлян. П. Сципион использовал такие настроения мастерски. Этому весьма способствовало то обстоятельство, что после захвата карфагенской метрополии многочисленные родственники членов испанского правящего слоя находились в его руках. Первым политиком, который уже в 209 г. в обмен на возвращение жены и сыновей заключил союз с Римом, был Эдекон, князь эдетанов. И сообщение о любезном обращении Сципиона с Эдеконом широко распространилось и привело к тому, что все племена, жившие севернее Эбро и до сих пор не присоединившиеся к римлянам, теперь перешли на их сторону. Очень влиятельные князья Андобал и Мандоний, которые до сих пор находились на карфагенской стороне, зимой 209/208 г. также вступили в контакт с П. Сципионом. И когда П. Сципион двинулся на юг, они со своими войсками покинули лагерь Гасдрубала, сына Гамилькара, и присоединились к римлянам. Другие последовали их примеру. П. Сципион, находясь теперь в значительной степени под впечатлением своего успеха, стремился напасть на Гасдрубала, прежде чем тот установит связь с другими карфагенскими генералами, действующими на большем удалении. Но и Гасдрубал равным образом не уклонялся от сражения. Ведь если он будет иметь успех, то сможет не только задержать опасное развитие военной ситуации в Испании, но и, отправляясь в поход в Италию, спокойно покинуть Испанию; в случае же неудачи путь через Галлию в Италию еще будет ему открыт. Однако проблемой было соотношение военных сил. После перехода значительных

испанских контингентов во вражеский лагерь П. Сципион располагал более сильным войском. В этих обстоятельствах не кажется невероятным предположение, что Гасдрубал потому двинулся на юг, что стремился присоединиться к военным базам своих коллег. Он хотел сражения, но не хотел давать его в одиночку. Но П. Сципион не стал ждать, пока карфагенские подкрепления встретятся вблизи Бекулы, и напал. Хотя и с трудом, но он стал одолевать Гасдрубала. Когда карфагенянин увидел, что сражение будет проиграно, он дал сигнал к отступлению и этим спас большую часть армии. Он двинулся к Тагу, а оттуда к проходам через западную часть Пиренеев. П. Сципион его не преследовал, а, считая поставленную задачу выполненной, возвратился в Тарракон.

Через несколько дней после битвы при Бекуле три карфагенских генерала совещались в неизвестном месте. Они достигли согласия в следующих вопросах. Гасдрубал, сын Гамилькара, должен, как и предусматривалось, идти в Италию. Магон должен свою армейскую группу передать другому Гасдрубалу, а сам на Балеарах набирать наемников. Гасдрубал, сын Гисгона, должен пойти в Лузитанию и не подвергать армию опасности сражения. Массинисса, который участвовал в битве при Бекуле, должен с элитными войсками из трех тысяч всадников защищать карфагенские интересы в остальной Испании.

На востоке военные события в этом году разворачивались преимущественно в прибрежных областях Средней и Северной Греции. Хотя Филипп при отражении вражеских атак действовал с большой энергией, общий баланс оказался не в его пользу, поскольку он не располагал флотом, который мог бы противопоставить римско-пергамскому флоту (Гальба имел 25, а Аттал 35 пентер). Карфагенский флот, в численном отношении явно более слабый, находился в Коринфском заливе, чтобы, может быть, защитить ахейцев от этолийских атак, и не мог участвовать в боях, которые разворачивались на севере и востоке Греции. Может создаться впечатление, что командующий карфагенским балканским флотом вообще не собирался вмешиваться в военные действия в Греции, чтобы не поставить бесполезно под угрозу ни один свой корабль. Так что военные силы на Балканском полуострове уравнивались без карфагенского вмешательства и большего нельзя было ожидать. Несмотря на преобладание на море и связанную с этим большую маневренность, римско-пергамским союзникам не удалось все же достичь значительных успехов. Захваченные города Орей, павший в результате предательства, и Оп Филипп

смог вернуть. Кроме того, македонский царь сумел удержать Халкиду, смять этолийские войска, охранявшие Фермопилы, завоевать Фроний и фокейские или дорийские города Тифроний и Дримею, а также указать пределы спартанскому тирану Маханиду¹³. В такой ситуации неудивительно, что он изо всех сил объяснял в Элее птолемеевским и родосским дипломатам, которые до этого совещались с римлянами, этолийцами и, по-видимому, с Атталом в Гераклее, что не он, а враги стояли на пути к миру. Самое позднее после преждевременного отплытия карфагенского флота из Эгия (флот отплыл из страха перед римско-пергамским нападением через Оксейские острова на акарнанские гавани) Филипп решил построить собственный флот. Это он сделал в Кассандрии. Флот должен был состоять из ста кораблей.

От 207 г. и друзья, и враги ожидали решительного поворота. Надежды и страхи обеих сторон были связаны с походом Гасдрубала в Италию. Гасдрубал, который в Южной Франции уже на вербовал значительное количество кельтских солдат, осенью 208 г. подошел к подножию Альп. После пребывания на зимней квартире он вступил в контакт с лигурами и набрал у них войско в 8 тысяч человек, которое должно было примкнуть к нему в долине По. При переходе через Альпы весной 207 г. Гасдрубал не встретил больших трудностей. Кельтские племена, как арверны, и альпийские племена не только обеспечили ему свободный проход, но и были готовы вступить в войну под карфагенскими знаменами. Достигнув долины По, он через Плаценцию двинулся к Аримину. По плану его брата обе карфагенские армии должны были соединиться в Умбрии.

Еще до своего вступления в должность консулы 207 г. Г. Клавдий Нерон и М. Ливий Салинатор бросили жребий, чтобы в противоположность предшествующему году ясно разграничить сферы своих действий. Нерон получил Луканию и вместе с ней в качестве противника Ганнибала, а Салинатор — Галлию и с ней Гасдрубала. В Риме командовать должен был Л. Гостилий Катон, в Капуе — Тибул, в Бруттии — Кв. Флакк, в Таренте и саллентинской области — Фламин, в Этрурии — Варрон, в Галлии — Л. Порций Лицин, на Сицилии — Г. Мамилий Ателл, на Сардинии — А. Гостилий Катон, в Испании — П. Сципион и Силан и на Балканском полуострове — Гальба. Как юг,

¹³ Спартанский тиран Маханид занимал антимакедонскую позицию и вступил в войну с Ахейским союзом. В 208 г. он даже попытался угрожать Олимпийским играм, но под давлением Филиппа был вынужден возвратиться в Спарту.

так и север Италии должны были защищать по крайней мере три армейские группы. При огромной нужде в боеспособных мужчинах было неудивительно, что при наборе этого года возникли значительные трудности. Консулам пришлось рекрутировать в армию колонистов, живших на побережье, которые якобы имели «священнейшее освобождение» (от военной службы) (Ливий).

Ганнибал в этом году на зимних квартирах оставался дольше, чем в предыдущем, потому что он не рассчитывал на скорый приход брата и не хотел до соединения обеих армий предпринимать значительные военные акции. По пути на север он наткнулся на Нерона и, вероятно, также на Кв. Флакка. Дело дошло до сражения, о котором нет точных сведений. Во всяком случае, Ганнибал не потерпел большого поражения, ибо он беспрепятственно двигался в направлении Ветузии. Сюда по его приказу пришел гарнизон Метапонта под командованием Ганнона и, может быть, также некоторые бруттийские отряды. Затем он двинулся к Канузию. Здесь он стал ждать сообщений от брата, но они так и не пришли. Четыре кельтских и два нумидийских всадника, которые должны были передать письмо Гасдрубала, заблудились и попали в руки Фламина. Тот передал запечатанное письмо консулу, также находившемуся в Канузии. Консул действовал быстро и решительно. Он написал сенаторам, что они должны передвинуть городские легионы к Нарнии, чтобы построить заградительные позиции, далее легионы, стоявшие в Капуе, перевести в Рим и, наконец, набрать в Риме новые войска. Сам он с большой поспешностью, взяв самых опытных солдат, а их было 6 тысяч пехотинцев и тысяча всадников, через ларинатскую, френтанскую, марруцинскую и претуцианскую области двинулся на север. Ганнибал ухода этих войск явно не заметил.

Уже на следующий день после прихода нероновских войск в лагерь Салинатора около Сены Салинатор, Нерон и Лицин были готовы сразиться с Гасдрубалом. Нерон, понятно, выступал за быстрое решение. Но опытный карфагенский генерал что-то подозревал и уклонялся от сражения. Поскольку в консульском лагере был дважды дан сигнал к бою, он заключил, что там присутствуют оба консула. Что, если Ганнибал разбит? Под покровом ночи он отступил к северу, вероятно, чтобы, двигаясь по левому берегу Метавра, достичь Фламиниевой дороги и по ней продвинуться к югу. Однако незнание места, неблагоприятные условия местности и кельтская недисциплинированность привели к тому, что карфагенская армия двигалась не так быстро, как этого хотел Гасдрубал. Еще прежде, чем он перепра-

вился через Метавр, он был настигнут римлянами. Уклониться от битвы он уже не мог. Он поставил в самой первой линии десять слонов, лигуров он разместил в центре боевых порядков, кельтов на левом фланге, а испанцев на правом. В центре римского боевого строя стоял Лицин, на правом крыле Нерон и на левом — Салинатор. Гасдрубал, решивший «победить или умереть» (Полибий), вместе с испанцами двинулся против левого фланга римлян. Бой продолжался до тех пор, пока Нерон, который из-за неподходящей местности свои войска на правом фланге мог ввести лишь частично, не вышел вперед, обойдя левый фланг римлян, и испанцы не побежали. Когда Гасдрубал увидел, что сражение проиграно, он ворвался в центр когорты и погиб. С армией Гасдрубала карфагеняне потеряли свои самые большие надежды.

Нерон поспешил в Канузий и велел бросить голову Гасдрубала перед карфагенским лагерем. В сложившихся обстоятельствах Ганнибал счел необходимым сконцентрировать все войска в Бруттии. Защищать метапонтских и луканских союзников карфагенскими гарнизонами казалось более невозможным. Они были вынуждены вместе с ним уйти в Бруттий.

И в Испании карфагенянам также не сопутствовала удача. Хотя Магон и Ганнон, преемник Гасдрубала, сына Гамилькара, на испанском театре военных действий ввели в дело новые войска — балеаров, африканцев и кельтиберов, — все же они были разбиты Силаном, который командовал армейской группировкой приблизительно из 10 тысяч пехотинцев и 500 всадников. В этом сражении вновь сформированные кельтиберийские части находились под командованием Магона, а карфагенские войска, которые слишком поздно были введены в дело, — под командованием Ганнона. Магон бежал и после девятидневной скачки добрался до «гадитанской провинции» (Ливий) Гасдрубала, сына Гисгона, а Ганнон попал в плен. Потери, понесенные в этом сражении, были значительны. Но еще большее значение имело его психологическое воздействие на племена Центральной Испании. Восток Пиренейского полуострова и без того уже находился под римским влиянием.

Чтобы еще более увеличить успех римского оружия, П. Сципион двинулся против Гасдрубала, который в это время занимался укреплением карфагенских позиций в Бетике. Но Гасдрубал уклонился от столкновения и отступил к Гадесу, после чего все свои боевые силы сосредоточил в городе союзников. П. Сципион в этих обстоятельствах счел самым разумным отступить. Однако, чтобы не создавать видимость

отказа от плана, он поручил своему брату легату Л. Сципиону осадить город Оронгис, находящийся в области месессов. Город пал. Солдаты карфагенского гарнизона и около трехсот прокарфагенски настроенных граждан Оронгиса были уведены в плен.

Военное положение в Испании в течение 207 г. изменилось решительно не в пользу карфагенян.

Мы не знаем, крейсировал ли в 207 г. карфагенский флот в водах Балканского полуострова. Но во всяком случае, карфагеняне долго питали надежду, что Филипп облегчит им борьбу с римлянами. Однако хотя македонский царь и его союзники по-прежнему воевали с этолийцами и их союзниками, на запад они так и не обращали внимания. Филипп вторгся в Этолию и разрушил Ферм, центр Этолийского союза. И ахейский полководец Филопемени одержал при Мантинее недвусмысленную победу над спартанцем Маханидом¹⁴. Еще до этого сражения, которое произошло не ранее июля, послы нейтральных государств совещались с этолийцами и дипломатами македонского царя, чтобы добиться их согласия на окончание войны. Филипп был к этому готов, но этолийцы отказывались. Римлянам это могло быть только на пользу.

Поражение на Метавре определило и военные события 206 г., если вообще о таковых может идти речь. Ганнибал не проявлял никакой инициативы, и римляне сократили свои войска. После того как опасность с севера была устранена, консулы этого года Л. Ветурий Филон, который был претором в 209 г., и Кв. Цецилий Метелл действовали на юге, в Бруттии. Кроме Бруттия были только единичные области, в которых римляне имели проблемы частично военного, частично административного порядка. Это были Этрурия, Умбрия и Галлия, т. е. те области, в которых поход Гасдрубала пробудил у антиримски настроенных групп, городов и племен надежды на изменение политической ситуации. Салинатор уже в 207 г. на основании сенаторского решения ездил в Этрурию, чтобы на месте установить, какие этрусские или умбрские города в той или иной форме поддерживали Гасдрубала и какие заигрывали с ним с тайными мыслями об отпадении. В 206 г. он пришел в Этрурию как проконсул.

В Галлии Кв. Мамилий Торкват провел карательные экспедиции против отпавших кельтских племен и в области Плаценции и Кремоны побеспокоился о восстановлении безопасных отношений. Остальные командные округа были распределены следующим образом:

¹⁴ В этом сражении Маханид погиб.

М. Цецилий Метелл получил Рим, Тибул — Капую, Фламин — Тарент, Г. Сервилий Гемин — Сицилию и Тиб. Клавдий Азелл — Сардинию. На Пиренейском и Балканском полуостровах командование сохранили прежние полководцы.

Ганнибал, казалось, на все махнул рукой. Но, может быть, он, как и ведущие круги Карфагена, только лишь полагал, что Италия уже потеряна и нет смысла здесь усиленно втягиваться в дела, что теперь нужно больше сконцентрироваться на стремлении удержать Испанию. Но и в этом, как и всегда, родина его не поддержала. Однако консулы не осмелились даже попытаться нанести Ганнибалу решающий удар. Они ограничились грабительскими походами, как это было в районе Консенции. Кроме того, они сумели последних союзников Ганнибала в Лукании оторвать от альянса с Карфагеном.

Если в конце 207 г. казалось, что Испания уже потеряна для Карфагена, то весной 206 г. показалось, что ситуация основательно изменилась. Гасдрубал и Магон с помощью денег, полученных из Карфагена, набрали на карфагенскую службу в «потусторонней Испании» (Ливий) большое число иберов, и армия, состоявшая приблизительно из 50 тысяч пехотинцев и 4 тысяч 500 всадников как будто выросла из-под земли. С этой численно значительной армией оба генерала подошли к Илипе в надежде, что П. Сципион примет вызов и будет побежден. Рисский полководец принял вызов и победил. Он победил прежде всего благодаря превосходящей тактике, основанной, может быть, на большом опыте римских и итальянских войск. Разбитые карфагенские войска сначала бежали в лагерь. Когда испанские союзники перешли на сторону врага, Гасдрубал покинул лагерь и по правому берегу Бетиса двинулся к Кадисскому заливу. Но римская атака на движущуюся карфагенскую армию привела к созданию вынужденного лагеря, в котором смогло спастись лишь едва 6 тысяч человек. Из этого вынужденного лагеря сначала Гасдрубал, а затем Магон бежали в Гадес. Часть солдат перешла к римлянам, а часть пробилась на свой страх и риск.

Уже вскоре после битвы при Илипе взгляд П. Сципиона устремился через Гибралтарский пролив на Африку. Африка — это для римского генерала кроме Карфагена еще и нумидийцы Массинисса и Сифакс. Массинисса уже в период после Илипы вступил в контакт с Силаном, а с Сифаксом П. Сципион пытался установить связи через Лелия. Поскольку масесилийский царь настаивал на личном разговоре с П. Сципионом, то Сципион оставил Септимия в Тарраконе, а Силана в Новом Карфагене, а сам из Нового Карфагена

в сопровождении Лелия отправился в Сигу. По воле случая и Гасдрубал приблизительно в то же время вошел в гавань Сиги. Дело дошло до знаменитой тройственной встречи, в историчности которой вполне можно было бы сомневаться. Решающие переговоры, разумеется, проходили не между всеми тремя, а по очереди между двумя: между Гасдрубалом и Сифаксом, с одной стороны, и между П. Сципионом и Сифаксом — с другой. Хитрый нумидиец, казалось, оправдывал римские надежды, но в действительности он теснее связывался с Карфагеном, который в дальнейшем поддерживал его борьбу за власть над всей Нумидией.

В Испании еще не все остатки карфагенского господства были ликвидированы. Среди городов, еще не готовых открыть свои ворота римлянам, были Илургия и Кастакс. С обоими городами П. Сципион имел еще старые счеты, которые восходили ко времени поражения его отца и дяди. Сам он и Лелий взяли Илургию и устроили в городе бесчеловечную кровавую бойню. Септимий должен был осадить Кастакс, но город пал только тогда, когда под его стенами стоял П. Сципион. Теперь, когда П. Сципион возвратился в Новый Карфаген, Септимий должен был сломить сопротивление последних вражеских городов, находившихся к югу от Бетиса. Среди них был Остиппон, город, который с ранних времен стоял на стороне карфагенян. В своем отчаянии и ненависти жители Остиппона приняли решение, чтобы при взятии города ни один человек и ни один ценный предмет не попали в руки римлян. И они сделали все в соответствии с этим решением.

Что военные позиции Карфагена в Испании находились накануне полного крушения, стало ясно, когда граждане древней финикийской колонии Гадеса явились в Новый Карфаген и стали вести переговоры с П. Сципионом о сдаче города. По их предложению генерал послал Септимия с несколькими когортами и Лелия с одной пентерой и семью триерами в окрестности Гадеса. Лелий высадился около Картеи. Ситуация, однако, изменилась, когда Магон раскрыл заговор и заговорщики под надзором некоего Адгербала были отправлены в Карфаген. После этого Лелий и Септимий вернулись в Новый Карфаген.

Магон, однако, считал дальнейшее сопротивление вполне возможным и затребовал из Карфагена новых подкреплений. Чтобы укрепить свое требование, он сослался на восстание илергетов и на мятеж, который вспыхнул в римской армии.

В Гадесе находился и Массинисса, который теперь решил перейти на римскую сторону. На тайной встрече на материке он заверил

П. Сципиона в любой возможной поддержке. Римлянин, естественно, это предложение принял, но, вероятно, ему было ясно, что играть одновременно двумя козырями — Массиниссой и Сифаксом — невозможно.

После подавления мятежа и поражения илергетов Магон потерял всякую надежду снова укрепиться в Испании. Но когда он стал готовиться к возвращению в Карфаген, ему пришло послание сената, в котором ему поручалось с его флотом отправиться в Италию, нанять кельтов и лигуров и это войско под своим командованием привести к Ганнибалу. Руководящие политики Карфагена от войны не устали!

До того как Магон покинул Испанию, он потерял Гадес, последний и самый важный опорный пункт Карфагена на южном побережье Испании. Хотя он смог арестовать суфетов и казначея, которых за их неповиновение распял на кресте, сам город был потерян для Карфагена навсегда. Через населенный пунийцами остров Эбес Магон перебрался на Майорку, а оттуда, поскольку жители острова приняли его недружелюбно, он переправился на Менорку. Здесь он расположился на зимней квартире.

В 205 г. Ганнибал по многим причинам держался спокойно. Во-первых, в результате неудач последних лет его военные силы были подорваны. Во-вторых, в его армии, как, впрочем, и в римской армии, стоявшей в Бруттии, тоже бушевала страшная эпидемия. В-третьих, подкрепления, которые должен был привести Магон, еще не подошли. П. Сципион, который считал себя единственным достойным противником Ганнибала, был более активен. В 205 г. он не только достиг консульства, но и получил «без жеребьевки» (Ливий) командование на Сицилии, которая являлась плацдармом для прыжка в Африку. Однако не все мечты молодого человека исполнились. Он выразил желание уже в этом году переправиться в Африку. Это желание он, кажется, обосновывал следующими аргументами: во-первых, при вторжении в Африку Ганнибал оставит Италию. Во-вторых, при ведении войны в Африке она, а не Италия, будет испытывать тяжести войны. В-третьих, при победе в Африке Карфаген, этот центр врага, как зрелый плод упадет в руки римлян. Его сенатские противники, прежде всего, Максим и Кв. Флакк, указывали в первую очередь на то, что с Ганнибалом безопаснее вести войну и победить в Италии, чем в Африке. Даже угроза П. Сципиона вынести дело на народное собрание не произвела впечатления на сенаторов. Совсем наоборот! П. Сципион был вынужден уступить. Он получил только разрешение

«переправиться в Африку, когда, по его мнению, это будет полезно для государства» (Ливий). Более того, ему не разрешили провести набор и вооружить флот за государственный счет. Однако эти два пункта не имели очень большого веса, ибо ему было позволено призвать к оружию добровольцев и использовать помощь союзников. И действительно, его поддержали этруски (Цере, Тарквинии, Популония, Волатерры, Арреций, Перузия, Клузий и Руселлы), умбры (особенно Камерин), сабины (прежде всего Реате, Нурсия и Амитерн), марсы, пелигны и марруцины.

Коллегой П. Сципиона был избран П. Лициний Красс Див, претор 208 г. Ему, как Кв. Метеллу, был предоставлен Бруттий. В Риме командовал Гн. Сервилий Цепион, в Капуе — Тибул, в Таренте — Фламин, в Этрурии — Салинатор, в Галлии — Сп. Лукреций, на Сардинии — Гн. Октавий, в Испании с конца 206 г. — Л. Корнелий Лентул и Ацидин, в Македонии после отъезда Гальбы — Тудитан, претор 213 г.

Так как П. Сципион в этом году мог действовать по ту сторону Ливийского моря лишь в ограниченном масштабе, то он в основном занимался подготовкой вступления своих войск на землю Африки в следующем году. Но уже в этом году было возможно совершить грабительский набег на африканское побережье. Эта задача была поручена Лелию. Лелий предположительно с 30 кораблями поплыл в Африку и высадился в гавани Гиппона Регия. В то время как он грабил незащищенные окрестности города, Массинисса, который, как кажется, в 206 г. вернулся в Африку и находился в последнее время на участке между Эмпориями и областью гарамантов, с ним встретился, чтобы с его помощью убедить П. Сципиона быстрее вторгнуться в Африку. В Карфагене известие о высадке римского флота вызвало огромное волнение, и уже распространился слух, что П. Сципион находится в Африке. Было решено сделать все возможное для подготовки города к осаде, набрать новые войска и отправить флот к Гиппону Регию. Но скоро выяснилось, что не П. Сципион, а только Лелий находится на африканской земле. Все же шок, какой произвел слух о высадке П. Сципиона, привел к развитию новой активности. Были направлены послы к Сифаксу и другим североафриканским князьям, чтобы актуализировать военное сотрудничество. И к Филиппу отправилось посольство. Оно пообещало македонянину выплату 200 талантов, если он высадится в Италии или Сицилии. Члены этого посольства скоро узнают, что карфагенский «министр финансов» эту сумму никогда не переведет.

Ганнибал и Магон тоже были призваны, чтобы любой ценой помешать вторжению П. Сципиона в Африку. Для усиления позиции обоих генералов по решению сената в море вышли два флота, которые должны были доставить пополнение. Сто грузовых кораблей с солдатами, продовольствием и деньгами отплыли и взяли курс на Бруттий. Но они дрейфовали к Сардинии и большей частью стали добычей Октавия. Однако конвой, направлявшийся к лигурийским берегам, все же добрался до Магона, флотилия которого встала на якорь у Савона, расположенного между Альбигавном и Генуей. Магон получил 6 тысяч пехотинцев, 800 всадников, 7 слонов и 25 боевых кораблей, а также значительную сумму денег для вербовки наемников. После получения этих, насколько было возможно, больших сил он, как ему предписывалось, должен был идти в Италию на соединение с Ганнибалом. После этого Магон созвал собрание кельтов и лигуров. На этом собрании он, используя лозунг свободы, стремился получить действительную поддержку военных планов Карфагена. Это было неоднозначным. Кельты указывали на то, что две римские армии уже готовы вторгнуться в их область, если они открыто встанут на сторону карфагенян, и поэтому могут поддерживать их только тайно. Лигуры, наоборот, были готовы поставить войска, но просили для этого два месяца. В течение этого времени Магон вербовал наемников среди кельтских племен. Поскольку он действовал успешно, сенат поручил Салинатору продвинуться со своими войсками к Армину, чтобы там вместе с Лукрецием построить заградительные укрепления для противостояния с Магоном. Ситуация стала подобной положению 207 г. Но в 205 г. заградительные укрепления римлянам не понадобились.

В Бруттии положение Ганнибала все более ухудшалось. Локры были потеряны. Локрийские военнопленные, являвшиеся частью карфагенского гарнизона города, заявили своим землякам, изгнанным в Регий, что они готовы в случае их выкупа передать город им и римлянам. Изгнанники с радостью согласились с этим и вступили в контакт с П. Сципионом, который находился в Сиракузах. П. Сципион с удовольствием принял этот план и поручил легату пропретору Кв. Племинию, который находился в Регии, принять соответствующие меры. Город пал. Командир карфагенского гарнизона Гамилькар сумел, однако, удержаться в одной из двух крепостей города и призвал Ганнибала на помощь. Ганнибал поспешил туда. Но и П. Сципион двинулся во главе флота из Мессаны в Локры. Его войска беспрепятственно высадились в городе. Когда Ганнибал узнал, что враг,

явно многочисленный, его опередил, он отступил сначала в лагерь, а затем к Лацинийскому мысу. Карфагенский гарнизон сумел покинуть город и последовать за ним.

На востоке в этом году война завершилась. В предшествующие два года римляне были мало озабочены восточным театром военных действий, так что этолийцы уже в 206 г. были вынуждены вопреки статьям союзного договора заключить сепаратный мир с Филиппом. Тудитан, который с 10 тысячами пехотинцев, тысячью всадников и 35 боевыми кораблями высадился в Диррахии, пришел слишком поздно. После того как у Дималла и Аполлонии произошли незначительные стычки, Филипп и Тудитан в Финике, столице Эпиротского союза, подвели итог войне, которая ни одной из сторон не принесла выгод. Филипп поступал против духа и буквы договора 215 г. Ганнибал давно исчез из его поля зрения.

Конец войны (204—201 гг.)

Военные действия на Пиренейском и Балканском полуостровах закончились, и интересы и римлян, и карфагенян в начале 204 г. сосредоточились на Северной Италии, с одной стороны, и Южной Италии — Сицилии — Северной Африке — с другой, т. е. на действиях Магона и П. Сципиона. В то время как карфагеняне не были (или еще не были) в состоянии разместить достаточные силы в обоих регионах, римляне разместили четыре армии на севере и четыре на юге. В Этрурии командовали консул Цетег, претор 211 г., и Салинатор, в Галлии — Л. Скрибоний Либон и Лукреций. В Бруттин войска возглавляли консул Тудитан, претор 213 г., и Красс, а на Сицилии — П. Сципион и М. Помпоний Матон. Кроме того, от возможных атак флота Магона побережье Италии должен был защищать Октавий со своими кораблями. Но всех, особенно карфагенян, более всего волновал вопрос: переправится ли в этом году П. Сципион в Африку? На заседании римского сената уже во время распределения провинций ответили недвусмысленным «да», но кажется, что это решение было принято тайно. Все же многого недоставало, и П. Сципион никогда бы с римской армией не высадился в Африке. Он почти споткнулся на деле Племиния! Он защищал Племиния, который вел себя в Локрах, как тиран самого негодного сорта, и продолжал так вести себя. Поэтому сенаторские враги П. Сципиона использовали этот повод для атак на его личность и его положение. Прежде всего Максим воспользовался этим скандалом, чтобы в последнюю минуту лишить П. Сципиона африканского командования. Но все же

одержало верх мнение умеренной группы сенаторов, оратором которой являлся консуляр Кв. Метелл. По его мнению, П. Сципиона следовало лишить командования только в том случае, если будет доказано, что злодеяния Племиния и его солдаты совершались по приказу или с одобрения проконсула. Комиссия, работавшая под председательством претора Матона, должна была на месте установить, каково реальное положение вещей. Результаты расследования были отрицательными: локрийцы не осмелились назвать высшее начальство соучастником.

На карфагенской территории в начале зимы 205/204 г. стояли контингенты, численно уступавшие ожидаемым войскам вторжения. Поэтому состояние обороноспособности города было неудовлетворительным. Оно стало меняться, когда карфагенское руководство, точнее — Гасдрубал, сын Гисгона, — сумело заключить союз с масеилийским царем Сифаксом. Залогом карфагенско-масеилийского союза была Софониба, которую Гасдрубал дал в жены Сифаксу. Военный потенциал масеилийского государства был значительным. Это видно из того, что Сифакс сумел своего масеилийского соперника Массиниссу низвести до уровня разбойничьего предводителя.

Теперь Гасдрубал осуществил последний дипломатический натиск, чтобы удержать П. Сципиона вдали от Африки. Он просил Сифакса направить в Сиракузы послов, которые должны были удержать проконсула от вторжения в Африку указанием на существование карфагенско-нумидийского альянса. Сифакс выполнил просьбу. Но для П. Сципиона проблема состояла не в том, подготавливать или нет план вторжения, а в том, как помешать тому, чтобы факт заключения карфагенско-нумидийского союза стал известен общественности. Он в скором времени отослал послов назад в Сиракузы, а сам прибег к мерам дезинформации. Потом он стянул все военные силы, стоявшие на Сицилии, в Лилибей. После того как были приняты все решения о составе Африканского корпуса, он погрузил войска приблизительно на 400 грузовых судов, и лишь 40 военных кораблей прикрывали этот транспорт. Уже на второй день утром флот находился вблизи мыса Бон. Но поскольку П. Сципион решил «использовать другой... находившийся ниже участок» (Ливий), то он отплыл дальше и на третий день высадился у мыса Фарины. Через несколько дней после высадки проконсул с армией и флотом двинулся по направлению к Утике. Приблизительно в миле от города он разбил лагерь. Вскоре с ним встретился Массинисса, все военные силы которого состояли приблизительно из 300 всадников.

Первое столкновение вражеских сил с карфагенянами на африканской земле было коротким. Массинисса выманил Ганнона, сына Гамилькара, из укрепленного города Салеки/Лохи, который находился в 15 милях от римского лагеря. Ганнон попал в западню около «Башни Агафокла» (Аппиан) и потерпел полное поражение. Салека/Лоха и другие города и деревни попали в руки римлян.

Теперь П. Сципион твердо решил превратить Утику в опорный пункт своих операций на земле и на море. Поэтому он осадил город всеми силами, какие были в его распоряжении. Гасдрубал, сын Гисгона, только тогда двинулся к Утике, когда на этом настоял Сифакс. После прихода численно превосходящих сил карфагенян проконсул снял осаду с города, который он пытался взять в течение почти 40 дней, и отступил на зимние квартиры. Снабжение поступило из Италии, Сицилии и Сардинии.

В Бруттии в 204 г. столкновения между римскими и карфагенскими войсками практически имели лишь локальное значение. В районе Кротона столкнулись Ганнибал и Тудитан. Возможно, Ганнибал оставлял свой лагерь, чтобы защитить своих последних италийских союзников. Ганнибал победил. Тудитана, который сначала под покровом ночи отступил, затем усилил свою армию войсками Красса и снова двинулся против Ганнибала. Ганнибал опять же не уклонился от сражения. Исход этого сражения Тудитан оценил как победу. Как бы ни определять эту оценку, ясно одно: дальнейшие бруттийские города, Консенцию и Клампецию, Ганнибал потерял.

В противоположность войскам, стоявшим в Бруттии, армии, которые действовали в Северной Италии, в основном оставались без работы. Магон не решался двинуться на юг, хотя в Этрурии почти повсеместно преобладали прокарфагенские настроения. Цетег имел достаточно времени, чтобы провести показательные процессы против тех этрусских политиков, которые навлекли на себя подозрения в прокарфагенских симпатиях.

Зимой 204/203 г. карфагеняне приняли значительные меры для укрепления своего флота, и не в последнюю очередь для того, чтобы отрезать римлян, стоявших у Утики, от всякого подвоза и тем самым заставить их отказаться от осады города. Насколько конкретными в это время были представления о действиях флота у берегов заморских территорий, мы не знаем. Однако римские сенаторы все же предусмотрели и этот случай: они поручили защиту побережья Южной Италии М. Марцию Ралле, берегов Сицилии — Матону и берегов Сардинии — Октавию. В остальном они, как и раньше, сосредото-

ли свои силы в Северной Италии, чтобы суметь ответить на всевозможные действия Магона. В Этрурии и Лигурии должен был командовать консул Гемин, претор 206 г., восстановление Генуи было поручено Лукрецию, в Аримине командование должен был принять П. Квинтилий Вар, а в Галлии верховное командование было передано Цетегу.

В течение этого времени перед стенами Утики разворачивались события, которые в конечном итоге привели к катастрофическому поражению карфагенско-нумидийских сил. П. Сципион не потерял надежды переманить Сифакса на свою сторону. Поскольку лагеря карфагенян, нумидийцев и римлян располагались недалеко друг от друга, он часто посылал в нумидийский лагерь своих посланников, чтобы добиться этой цели. Но Сифакс то ли из соображений лояльности, то ли из политических расчетов не поддавался на посулы римлянина. Более того, он предпринял, разумеется, с согласия Гасдрубала, попытку убедить П. Сципиона заключить мир, который бы предусматривал, что карфагеняне покинут Италию, а римляне — Африку, а для местностей, лежащих между Италией и Африкой, сохранится *status quo*. Совершенно безрассудное предложение! Сципион же предполагал совершенно другое. Он, применив «пуническое коварство», делал вид, что заинтересован в мирном урегулировании, а сам в действительности через своих переговорщиков и их сопровождающих разведывал в основном положение в нумидийском лагере. Когда он собрал достаточно информации, то привел в действие план, который уже был составлен некоторое время назад: Лелий и Массинисса ударили по нумидийскому лагерю, а сам он предал огню карфагенский лагерь. Огнем и мечом на карфагенской стороне были уничтожены тысячи. Гасдрубал и Сифакс бежали. Гасдрубал бежал сначала в не известный нам по имени город, затем в Анду и оттуда в Карфаген, Сифакс — в Аббу. П. Сципион принял сдачу города, куда сначала отступил Гасдрубал. После завоевания двух других городов он возвратился в свой лагерь.

План Гасдрубала и Сифакса окружить П. Сципиона на утикийской косе между сушей и морем сгорел в огне обеих лагерей. У карфагенских сенаторов были разные мнения относительно того, как встретить угрожающую ситуацию. Одна их часть полагала, что нужно заключить перемирие и повести переговоры о мире, другая считала, что надо отозвать Ганнибала, третья настаивала, что войну надо продолжать теми силами, которые имелись в Африке, и делать это с возрастающей энергией. Это мнение, которое поддерживал Гасдрубал, получило

перевес. От Сифакса потребовали возобновить военные действия. Масесилийский царь, который сначала хотел возвратиться в Цирту во многом из-за того, что возле Аббы он встретил 4 тысячи кельтиберийских наемников, теперь решил продолжать войну. Уже через 30 дней после фиаско под Утикой, приблизительно в мае/июне, в поле были выведены 30 тысяч карфагенян, нумидийцев и кельтиберов. Они собрались в лагере на Больших Полях. П. Сципион не медлил. За пять дней он подошел к Большим Полям. Через несколько дней состоялось сражение. Гасдрубал и Сифакс поставили кельтиберов в центр, карфагенян на правый и нумидийцев на левый фланг. На другой стороне Сципион командовал пехотой, Лелий предположительно на правом фланге италийской, а Массинисса на левом фланге нумидийской кавалерией. Поражение карфагенских войск ясно обозначилось, когда на обоих флангах, где стояли скорее рекруты, чем солдаты, началось все большее отступление. Это привело к тому, что кельтиберы, лишённые защиты, были большей частью уничтожены. Гасдрубал бежал в Карфаген, а Сифакс, по-видимому, в Цирту.

Чтобы не дать Сифаксу спокойно набрать новые войска, Лелий и Массинисса с нумидийскими и частью римских сил направились по следам царя. П. Сципион едва ли встретил какое-либо сопротивление, когда захватывал города долины Баграда. Он отправил большую часть добычи в базовый лагерь, а сам двинулся в окрестности Тунета. Там он занял «укрепления возле Тунета» (Полибий), чтобы, с одной стороны, наглядно продемонстрировать карфагенскому населению свою военную силу, а с другой — чтобы приобрести хороший исходный пункт для нападения на Карфаген.

Следствием поражения на Больших Полях явно было устранение Гасдрубала. Потеря Испании, поражения при Утике и на Больших Полях — это было слишком много! Его преемником стал некий Ганнон, сын Бомилькара.

Несмотря на тяжелые военные поражения, в карфагенском сенате «голуби» еще не одержали верх. Странники продолжения войны заявляли, что государство еще имеет в руках четыре козыря: армию Ганнибала, армию Магона, флот и обоснованную надежду на резервы Сифакса. Сенаторы решили попытаться с помощью флота снять осаду с Утики и, кроме того, отозвать Ганнибала и Магона. Спасения государства они ожидали особенно от Ганнибала и с этой целью вручили ему чрезвычайное командование.

Когда П. Сципион из своего лагеря у Тунета увидел, что карфагенский флот двинулся по направлению к Утике, он оставил свой

лагерь и поспешил к этому городу. Чтобы его военные корабли при нападении превосходящего вражеского флота не были уничтожены, он поставил в первой линии грузовые суда. Карфагенские корабли должны были удариться об эту стену. Однако его расчет оправдался только частично. Карфагенскому адмиралу Гамилькару все же удалось захватить около 60 грузовых кораблей. Но осада продолжилась.

В это время Лелий и Массинисса без больших трудностей захватили значительное число массилийских мест, за важным исключением Цирты. Но Сифакс отступил в масесилийскую область и там набрал армию. С этой армией он появился вблизи римско-массилийского лагеря. Он намеревался, одержав победу над Лелием и Массиниссой, вернуть себе позиции в восточной части Нумидии, но потерпел поражение и попал в плен. Массинисса поспешил к Цирте и с помощью царственного пленника, находившегося в его руках, добился сдачи города. Еще в тот же день он женился на Софонибе, жене своего смертельного врага, видимо, для того чтобы не отдать ее в руки римлян. Вслед за тем Лелий и Массинисса захватили массилийские города, в которых стояли гарнизоны Сифакса. Прибыв в Кастра Корнелия, он узнал, что П. Сципион не собирается отказываться от прав на распоряжение Софонибой, которую он считал «добычей римского народа» (Ливий). Поэтому он дал своей жене яд, чтобы она сама решила, хочет ли она попасть в руки римлян или нет. Софониба приняла яд.

Известие о поражении и пленении Сифакса, последовавшее после сообщения о частичном успехе, достигнутом около Утики карфагенским флотом, вызвало во всех слоях населения глубокую подавленность. И когда П. Сципион вновь появился в своем лагере у Тунета, воля сенаторов продолжать сопротивление была сломлена. Они послали тридцать членов правительственной комиссии к проконсулу, чтобы просить его о начале мирных переговоров. П. Сципион заявил, что при условии согласия римских властей и он согласен заключить мирный договор на следующих условиях: 1) безвозмездный возврат всех военнопленных и выдача перебежчиков; 2) отзыв армий, стоявших в Италии и Галлии; 3) отказ от Испании; 4) уход со всех островов, лежащих между Италией и Африкой; 5) выдача всех военных кораблей, кроме двадцати; 6) уплата пяти тысяч талантов серебра; 7) выдача заложников. В Карфагене приняли эти предложения и послали около сентября 203 г. в Рим послов, которые должны были повести мирные переговоры с карфагенской стороны. Другие послы прибыли к П. Сципиону, чтобы в безопасном месте заключить соглашение о перемирии.

Тем временем к Ганнибалу прибыли посланцы, потребовавшие его возвращения. Ганнибал, по-видимому, так же ясно, как и самые авторитетные политики Карфагена, видел, что его пребывание на Апеннинском полуострове, на который он вступил пятнадцать лет назад, стало бессмысленным. И он, вероятно, еще осенью 203 г. отплыл в Африку.

Другие посланцы тогда же и с тем же требованием прибыли к Магону. Они встретили его в области ингавнийских лигуров. Он отступил туда после того, как на территории инсубров был разбит Цетегом и Варом и, кроме того, тяжело ранен. Вскоре после встречи с посланцами он отплыл от лигурийского побережья. Во время этого плавания южнее Сардинии он умер от ран.

Приблизительно в это же время в Риме в сенате и на народном собрании принимали решение об условиях мира, сформулированных П. Сципионом. Обе инстанции согласились с ними как с черновиком и поручили ему быть представителем Римского государства. После этого римские послы Лелий и Кв. Фульвий Гиллон, которые должны были принять присягу карфагенского правительства, отплыли назад в Африку. Они высадились в Кастра Корнелия. Карфагенские послы, которые оставили Рим вместе со своими римскими коллегами, проследовали дальше в Карфаген.

Однако в Карфагене, как кажется, за это время, по-видимому, из-за прибытия армий Ганнибала и Магона произошел значительный поворот в общественном мнении. И когда послы сообщили, что сенат и народ Рима утвердили сформулированные П. Сципионом статьи мирного договора во всей их суровости, карфагенский сенат выбрал «вместо мира войну» (П. Рейнелдс). Ганнибал и П. Сципион были уведомлены об этом решении.

Вероятно, незадолго до возвращения послов, т. е. еще во время перемирия, большая часть флота, который Октавий привел из Сицилии в Африку, была отброшена бурей к берегам острова Эгимура (остров Зембра), а меньшая — к Горячим Источникам вблизи Карфагена. Ни сенаторы, ни простые граждане Карфагена не смогли не искуиться этим даром Эола. Они решили захватить корабли, которые потерпели крушение в Тунисском заливе. В ответ на это П. Сципион направил в Карфаген с протестом посольство в составе Л. Сергия, Л. Бебия и Л. Фабия. Но послы были вынуждены вернуться в Кастра Корнелия без ответа народного собрания.

Ганнибал высадился около Лептиса Минора и затем отправился в Гадрумет. Вероятно, он еще в 203 г. отправил послов к Тихею,

родственнику Сифакса, с просьбой прислать им кавалерийский корпус. Тихей пришел с 2 тысячами всадников. Он знал, что Массинисса не даст ему никаких шансов.

Массинисса был уже готов после окончания перемирия действовать с нумидийскими войсками и десятью отрядами римских пехотинцев и всадников, чтобы укрепить свою власть в масилийском государстве и, кроме этого, аннексировать масилийскую область. И он достиг значительных успехов.

Подобным же образом П. Сципион после разрыва перемирия совершил карательный поход через карфагенский хинтерланд, захватил некоторое число городов и их жителей продал в рабство.

Решающее сражение II Римской войны произошло, вероятно, в октябре 202 г., т. е. в относительно позднее время года. Из этого факта можно, пожалуй, увидеть, что Ганнибал стремился выиграть время, чтобы увеличить численность и боеспособность своих войск. При осуществлении этого намерения его не взволновало вмешательство членов правительственной делегации, которая указывала ему, что П. Сципион захватывает один город за другим, и просила о быстром вмешательстве. Он ответил представителям правительства, что момент для своего вмешательства определит сам.

П. Сципион на основании сенатского решения сделал своим коллегой «с равноправным командованием» (Ливий) Тиб. Клавдия Нерона, консула 202 г. Нерон должен был со своим флотом из 50 пентер переправиться в Африку, но его недостаточно поддержали сенаторы, большинство которых принадлежало к сципионовской фракции, так что отплытие флота сильно задержалось. И когда он наконец через Козу, Лорету, Популонию, Эльбу и Корсику достиг Безумных гор (*Insani montes*), то попал в шторм, который уничтожил часть флота. С кораблями, спасшимися от шторма, он прибыл в Каралис. Он так никогда и не увидел в Африке своего коллегу П. Сципиона. А наместник Сардинии П. Корнелий Лентул Кавдин с 50 боевыми кораблями и 100 грузовыми прибыл в Кастра Корнелия уже после решающего сражения.

Предположительно осенью 202 г. Ганнибал оставил Гадрумет и двинулся к Заме. Вероятно, он хотел столкнуться с Массиниссой до того, как тот соединится с П. Сципионом. Кроме того, он, по-видимому, хотел создать условия, чтобы Вермина, сын Сифакса, смог привести к нему свои войска, избегая всякого риска. Из Замы Ганнибал отправил посланца к П. Сципиону (тогдашнее местонахождение П. Сципиона неизвестно) с просьбой о переговорах. Римлянин

согласился встретиться, но не называл Ганнибалу ни время, ни место этой встречи; по-видимому, он хотел сначала дождаться соединения с Массиниссой. Действительно, очень скоро, видимо, на следующий день после отбытия карфагенского посланца, Массинисса приблизительно с 6 тысячами пехотинцев и 4 тысячами всадников прибыл к П. Сципиону. Ганнибал не сумел предотвратить соединение римских и нумидийских сил. Теперь П. Сципион продвинулся к Нараггаре и разбил свой лагерь вблизи города в стратегически выгодном и обеспеченном снабжением месте. Затем он сообщил Ганнибалу, что готов к встрече. После того как это посольство побывало в карфагенском лагере около Замы, Ганнибал двинулся в окрестности Нараггары и разбил там новый лагерь не более чем в 30 стадиях от врага.

На следующий день Ганнибал и П. Сципион встретились в центре долины, которая простиралась между двумя лагерями. Их сопровождало только по одному переводчику. Содержание переговоров точно установить невозможно. Но все же некоторая вероятность говорит в пользу того, что Ганнибал предложил окончательный отказ Карфагена от всех бывших внеафриканских владений при условии, что римляне уйдут из Африки, а П. Сципион решительно отказался от этого предложения и потребовал полной капитуляции Карфагена. В такой ситуации переговоры должны были провалиться.

На другой день оба полководца выстроили свои войска для сражения. Ганнибал разделил свои пехотные войска на три линии. В первую линию он поставил наемников, которые не служили под его командованием в Италии; их было около 12 тысяч человек: лигуры, кельты, балеары и маврусии. Вторую линию составляли карфагеняне и ливийцы, которые тоже не воевали в Италии. Наконец, третьей линией, стоявшей на расстоянии более одного ситадия от остальных, являлись его ветераны. Очевидно, солдаты этой третьей линии должны были вступить в бой позже и нанести решительный удар, ибо Ганнибал, имея конницу, численно уступавшую противнику, не мог ожидать от нее, чтобы она в этом сражении сыграла такую же роль, какую она играла в более ранних битвах. Карфагенские всадники стояли на правом, а нумидийские на левом крыле. Перед боевым порядком он поставил свыше 80 слонов, которые должны были выполнить важную задачу в начальной фазе сражения. П. Сципион расположил свою армию, обычно разделенную на три линии, таким образом, что вопреки обыкновению манипулы второй и третьей линий находились сразу после манипул первой линии.

Так создавались проходы, по которым слоны, которых невозможно было отбросить, должны были пройти, не нанеся большого ущерба. Легковооруженные заняли свое место между манипулами первой линии. Нумидийские всадники под командованием Массиниссы стояли на правом крыле, италийские, которыми командовал Лелий, — на левом.

Ганнибал, по-видимому, составил план, в соответствии с которым две первые линии, начав сражение, должны были так ослабить две первые римские линии, что их третья линия была бы вынуждена вступить в бой. В подходящий момент в бой нужно было ввести свежие и опытные в боях силы третьей линии, которая из-за некоторого своего отдаления должна была сорвать вероятные вражеские попытки ее окружения. Возможно, Ганнибал еще до сражения дал приказ своим кавалерийским офицерам выманить Массиниссу и Лелия с поля битвы, чтобы избежать вмешательства кавалерии в борьбу пехоты. Вводная и начальная фазы сражения в общем и целом развивались по намеченному плану, хотя от атаки слонов Ганнибал мог бы ожидать большего эффекта. Судьба боя была решена только тогда, когда наемники, которые после упорного боя, ожидая поддержки карфагенян и ливийцев, стоявших во второй линии, начали нападать на людей своей собственной армии, поскольку из-за отсутствия поддержки они решили, что их предали. С мужеством отчаяния карфагеняне и, конечно, ливийцы сражались и с напавшими наемниками, и с солдатами наседавшей римской первой линии. Все же их линия, как и линия наемников, была через некоторое время уничтожена. Остатки обеих линий Ганнибал поместил на флангах третьей линии. Поскольку П. Сципион отозвал солдат первой линии, не дав им преследовать врага, в ходе боя возникла пауза. Во время этой паузы римский полководец передвинул солдат второй и третьей линий на фланги. И началась вторая фаза сражения. Ветераны Ганнибала хотя и стойко держались, но все же были разбиты, ибо Массинисса и Лелий, которые после преследования врага вернулись на поле битвы, энергично и успешно ударили им в спину. Карфагеняне проиграли сражение, войну и положение великой державы. Ганнибал в сопровождении нескольких всадников бежал в Гадрумет, куда прибыл после 48-часового пути, так как путь в Гадрумет был безопаснее, чем в Карфаген. Из Гадрумета он через некоторое время прибыл в столицу.

После грабежа карфагенского лагеря П. Сципион вернулся в Кастра Корнелия. Чтобы по возможности сломить еще имеющиеся остатки

сопротивления, он приказал Октавию с армией идти к Карфагену, а сам с флотом, усиленным кораблями Лентула Кавдина, двинулся в гавань вражеской столицы. Он был уже недалеко от Карфагена, когда встретил карфагенский корабль, украшенный лентами и оливковыми ветвями. На его борту находились десять послов, которые просили о мире, как это посоветовал Ганнибал. П. Сципион им ответил, что они должны быть вместе с ним в его лагере в Тунете. Устрашив парадом своего флота жителей Карфагена, он возвратился в Кастра Корнелия. Октавий тоже должен был прибыть туда.

Во время марша на Тунет П. Сципион узнал, что Вермина, сын Сифакса, с большим числом пехотинцев и еще бóльшим числом всадников движется в направлении Карфагена, чтобы прийти на помощь своим союзникам. Римский генерал отрядил всю кавалерию и часть пехоты, чтобы предотвратить соединение Вермины с карфагенянами. В битве, которая произошла «в первый день праздника Сатурналий» (Ливий), т. е. 17 декабря 202 г., Вермина был разбит. Сам он, однако, ускользнул от врагов.

Тридцати карфагенским послам, прибывшим в римский лагерь около Тунета, П. Сципион выдвинул следующие условия заключения перемирия: 1) карфагеняне возмещают убытки, какие понесли римляне во время прежнего перемирия в результате угона их грузовых судов и их груза; 2) на время перемирия карфагеняне берут на себя снабжение и оплату римских войск; 3) до заключения мирного договора карфагеняне доставляют 150 молодых заложников, отобранных римским полководцем; 4) римляне с первого дня перемирия прекращают все грабежи. П. Сципион дал надежду на заключение мирного договора, включавшего в себя следующие положения: 1) римляне и карфагеняне — друзья и союзники; 2) карфагеняне сохраняют автономию; 3) карфагеняне сохраняют свободу от римского гарнизона; 4) карфагеняне сохраняют находящиеся в Африке города и области, рабов, скот и прочее имущество, каким они владели ко времени переправы П. Сципиона в Африку и внутри Финикийского Рва; 5) города, области, дома и прочее имущество, принадлежавшее Массиниссе или его предкам и находящееся в карфагенской области, которую еще надо определить, должны быть возвращены ему; 6) карфагеняне возвращают военнопленных, перебежчиков и дезертиров; 7) карфагеняне отзывают войска, еще стоящие в лигурийской (и кельтской) областях; 8) карфагеняне выдают все военные корабли, кроме десяти, и в будущем им запрещается иметь больше десяти боевых судов; 9) карфагеняне передают римлянам всех слонов и в будущем не будут

использовать слонов в военных целях; 10) карфагеняне обязуются не вести никакую войну против любого внеафриканского врага и вообще вне Африки; 11) против африканского врага карфагеняне обязуются вести войну только с разрешения римлян; 12) карфагенянам запрещается вербовать наемников среди лигуров и кельтов; 13) карфагенянам запрещается военными средствами поддерживать врагов Рима; 14) для возмещения военных расходов карфагеняне выплачивают 10 тысяч эвбейских талантов из расчета по 200 талантов ежегодно; 15) карфагеняне выдают заложников, отобранных римским полководцем, которые должны быть не младше 14 и не старше 30 лет; 16) кроме того, устанавливаются сроки выполнения различных обязательств.

Карфагенский сенат принял предложения П. Сципиона, сделав это в значительной степени из-за угроз Ганнибала. Особую трудность представляло римское требование возврата корабельного груза, поскольку установить совершенно точно, кто его приобрел и от кого теперь требовать возврата, было невозможно. Было решено предоставить П. Сципиону оценку стоимости этого груза и выплатить соответствующую сумму из общественных средств.

После принятия этих решений сенат снова отправил послов к П. Сципиону. Теперь римский полководец предоставил, как было объявлено, трехмесячное перемирие. Когда при этом был поднят вопрос о компенсациях, он поручил квесторам просчитать сумму потерянного государственного имущества, а частным лицам предложил оценить свои потери. Сумма убытков составила 25 тысяч фунтов серебра. Кроме того, П. Сципион сильно ограничил передвижения дипломатов во время перемирия: карфагенские послы должны были ехать только в Рим, а послы, которые прибывают в Карфаген, не должны будут покидать город, прежде чем П. Сципион не будет информирован о личностях и целях этих послов.

По-видимому, те же послы, которые прибыли к П. Сципиону, теперь направились в Рим, чтобы там с карфагенской стороны вести переговоры о заключении мирного договора. Их сопровождали младший Филон, Ралла и Л. Сципион. В Риме диктатор Г. Геминн заявил, что им следует дожидаться вступления в должность новых консулов, которые еще не были избраны. После избрания курульных магистратов и распределения должностных обязанностей сенат стал обсуждать завершение войны. Карфагенское дело превосходно защищал антибаркидский политик Гасдрубал Козел. Сенаторы вскоре согласились заключить мирный договор. Принятию

этого решения не смогло помешать возражение консула Гн. Лентула, поскольку и народ по предложению народных трибунов М. Ацилия Глабриона и Кв. Минуция Терма согласился заключить мирный договор. После этого сенаторы постановили, чтобы Сципион на основе оценки десяти послов заключил мир на условиях, какие он сочтет уместными. Кроме того, по просьбе карфагенских послов были освобождены 200 карфагенских военнопленных, живших в Риме. Это освобождение должно было произойти без выкупа — жест великодушия.

В Африке наконец воцарился мир при названных условиях. Символическим выражением поражения, скрепленного этим договором, стало сожжение карфагенского флота, устроенное по приказу П. Сципиона в открытом море.

Карфагенские послы еще раз прибыли в Рим, чтобы присутствовать при ратификации мирного договора сенатом и народом. Массинисса же получил от П. Сципиона не только власть над государством своего отца, но и над городами и областями, которыми владел Сифакс и которые перешли под власть римского народа. Конфликт был запрограммирован.

28. КЛИЕНТСКОЕ ГОСУДАРСТВО РИМА (201–149 гг.)

Статьями мирного договора 201 г. свобода действий Карфагенского государства в политической области была сильно ограничена. Эти затруднения привели к тому, что на западной границе государства стоял человек, который мечтал о создании великонумидийской державы, — Массинисса, сын Гайи. То, что Массинисса будет противодействовать любой попытке своего соседа вернуть себе потерянные позиции, было ясно и в Риме, и в Карфагене, и в любом другом месте. Оказалось также, что экспансионистские стремления нумидийского царя не останавливались перед границами Карфагена. Однако преследуя свои цели, Массинисса в отношении Карфагена не спешил чрезмерно. Если исключить некоторые мелкие инциденты, то до 60-х гг. отношения между двумя соседними государствами были если не свободными от напряженности, то все же не взрывными. В первые десятилетия после II Римской войны Массинисса в основном был занят тем, чтобы соединить противоречащие друг другу интересы нумидийских племен и провести в жизнь программу культивирования земли. Традиционное скотоводческое хозяйство все сильнее дополнялось земледелием. Возможно, за этой программой культивирования стояли и политические интересы. Крестьянами легче управлять, чем кочевниками!

Уже вскоре после II Римской войны, в 200 г., Массинисса предъявил Карфагену территориальные претензии, ссылаясь на ту статью мирного договора, которая предусматривала, что Карфаген должен вернуть все те территории, которые раньше были нумидийскими. Карфагеняне признали эти требования не без оговорок. Они просили римлян, без согласия которых они не могли защитить военным образом территорию своего государства, о посредничестве. После решения спорной территориальной проблемы карфагеняне и нумидийский царь заключили договор, который урегулировал вопросы, интересующие обе стороны.

Впрочем, карфагеняне серьезно восприняли обязательства установившегося союза между Карфагеном и Римом и поддержали своего бывшего врага во время II Македонской войны.

На внутривполитической сцене Карфагена, как и раньше, господствовали традиционные политические группировки. Баркидская «партия» ни в коем случае не потеряла своего влияния. Наоборот! На 196 г. суфетом был избран человек, являвшийся главной фигурой проигранной войны, — Ганнибал, сын Гамилькара. Ганнибал считал своей первоочередной задачей восстановление разрушенной финансовой системы. Когда он при этом вступил в конфликт с «министром финансов», который принадлежал к аристократической «партии» и находился накануне своего вступления в коллегию ста четырех, он использовал этот повод, чтобы реорганизовать государственное правление, т. е. совершить изменение, равное революции. Если прежде члены коллегии ста четырех назначались пожизненно, то теперь они должны были избираться ежегодно, причем возможность сохранения в должности была исключена. Это означало разрушение оплота внутривполитического противника и вызвало такую ненависть его аристократических противников, что они бесчестно обратились к своим римским гостеприимцам, чтобы с помощью Римского государства добиться устранения «первого человека в государстве» (Ливий). Они обвинили Ганнибала в направленном против Рима сотрудничестве с Антиохом¹. Римские сенаторы — явно вопреки возражениям африканского — решили послать в Карфаген в качестве послов Гн. Сервилия (Цепиона), М. Клавдия Марцелла и Кв. Теренция Куллеона. Те должны были на месте составить картину тамошнего политического состояния. Ганнибал не питал иллюзий относительно намерений этих послов, которые прибыли в 195 г. в Карфаген и ложно утверждали, что они явились для улаживания пограничных споров между карфагенянами и Массиниссой. В этой опасно обострившейся ситуации он предпочел в разгар лета этого года на рассвете покинуть город. Он направился через свои владения, находившиеся между Тапсом и Ахоллой, в Керкенну и от туда через Тир, Антиохию и Дафну в Эфес, где был дружелюбно принят Антиохом. Зависящая от римлян «партия» одержала значительную победу.

Однако Ганнибал не был разгромлен. Осенью 194 г. он при демонстративном одобрении селевкидского царя послал в Карфаген тирийца Аристона, с которым познакомился в Эфесе. Аристон должен был прозондировать возможность возвращения Ганнибала. Едва ли его целью было, как это сообщает более позднее предание, вовлечь

¹ Селевкид Антиох в это время готовился к войне с римлянами, и это не было тайной.

карфагенян в селевкидско-римские взаимоотношения. Но Аристон, который в первую очередь совещался с ведущими баркидскими политиками, столкнулся с недоверием сенаторских врагов Ганнибала и ночью покинул Карфаген. Встревоженные сенаторы направили в Рим послов, которые должны были развеять подозрения римских политиков. И они, по их мнению, действовали правильно. Римские сенаторы сочли дело столь важным, что со своей стороны в 193 г. отправили послами в Карфаген П. Корнелия Сципиона, Гн. Корнелия Цетега и М. Минуция Руфа.

Неудача миссии Аристона не обескуражила Ганнибала. Он просил Антиоха предоставить ему в распоряжение флот, с помощью которого он хотел в 192 г. вернуться в Карфаген. И царь согласился. Но начало селевкидско-римской войны помешало отплытию этого флота².

Во время этой войны карфагеняне, выполняя свои союзнические обязательства, в 191 г. послали в Восточное Средиземноморье 6 боевых кораблей, которые встали под командование адмирала Г. Ливия Салинатора. Сверх этого они предложили поставить 1 млн мер пшеницы и 500 тысяч мер ячменя и, кроме того, сразу же уплатить всю оставшуюся сумму репараций. Римляне не должны были питать никаких сомнений в политической позиции карфагенского правительства! Хотя римляне приняли предложение о поставке зерна, но только за плату, от предложения немедленного погашения оставшегося долга отказались. В Карфагене должно было остаться ощущение зависимости. Все эти цифры среди прочего говорят о том, что финансовая реформа Ганнибала была эффективной. Карфаген несомненно находился на экономическом подъеме.

В 182 г. Массинисса решил, что он мог бы претендовать на более обширную область. Недолго думая, он завладел спорной территорией. Карфагеняне пожаловались в Рим. Римское посольство, которое в ответ на эту жалобу прибыло в Африку, сочло, что оно не может решить спор, и направило дело в сенат. Юридический вопрос в этом случае был действительно сложным. Спорная область ранее принадлежала карфагенянам, затем была оккупирована Гайей, которого изгнал Сифакс, и, наконец, ее вернули себе карфагеняне. В следующем году (181 г.) римский сенат, разумеется, решил спор в пользу Массиниссы. И это решение имело вид, будто в соответствии с установлениями

² Ганнибал участвовал в этой войне, естественно, на стороне Антиоха на ее первых этапах, командуя именно флотом, но потерпел поражение.

договора 201 г. оно было направлено на защиту. Возможно, оно вызвало у многих карфагенских политиков определенное раздражение.

Таким раздражением лучше всего объясняется тот факт, что в 174 г., накануне III Македонской войны, карфагенские сенаторы приняли делегацию Персея. Заседание сената проходило в храме Эшмуна, и то, что делегация должна была предстать перед сенатом ночью, говорит о довольно-таки нечистой совести сенаторов. И понятно, что Массинисса, к которому в этом году римские послы прибыли сначала, а уже затем в Карфаген, указал им именно на это обстоятельство.

Вообще кажется, что напряжение между карфагенянами и Массиниссой после 174 г. резко усилилось. Массинисса теперь практически отказался от основ договора 201 г. и в следующие два года захватил больше 70 городов и деревень. После этого в 172 г. карфагенские сенаторы на ночном заседании в храме Эшмуна решили направить посольство в Рим, которое должно было пожаловаться на агрессию Массиниссы и выяснить возможности защиты карфагенских интересов. Послы просили сенаторов или провести недвусмысленную пограничную линию между карфагенской и нумидийской территориями, или предоставить карфагенянам возможность вооруженным путем защитить свои территориальные интересы, или раз и навсегда часть территории Карфагенского государства отдать Нумидии. После впечатляющего выступления карфагенских послов сенаторы призвали Массиниссу через Гулуссу, который выступал перед сенатом, защищая точку зрения своего отца, но не имел точных инструкций, чтобы в ближайшем будущем направить в Рим послов, которые могли бы определить свою позицию по поводу выдвинутых против него обвинений. Впрочем, они, как и раньше, настаивали на границах 201 г. Видимо, незадолго перед началом III Македонской войны римляне не хотели, чтобы карфагеняне оказались на стороне их врагов, и желали убедить весь мир в справедливости и благородстве своей политики. Состоялись ли в сенате переговоры, которых римляне требовали, мы не знаем. Мы также не знаем, вернул ли Массинисса спорные области. Конечно, более вероятно, что он этого не сделал.

Все же обе стороны сочли целесообразным поддержать римлян в их войне с Персеем. О размере карфагенской помощи в 171 г. мы ничего не знаем, ибо относящийся к этому времени текст Ливия потерян. Массинисса же послал в Фессалию своего сына Мисагена с тысячей пехотинцев, тысячей всадников и 22 слонами. Тем временем его сын Гулусса, как кажется, в своем выступлении в римском сенате высказал подозрение, что карфагеняне строят свой флот для того,

чтобы использовать его против римлян. Уже во время III Македонской войны явно возникли серьезные разногласия если не между карфагенским правительством и Массиниссой, то между ведущими карфагенскими политиками и Массиниссой. Если бы это было не так, то было бы непонятно, почему сразу после окончания этой войны сын Массиниссы Масгаба просил римских сенаторов взять в заложники Ганнона, сына Гамилькара. Очевидно, Гамилькар действовал в направлении, крайне неблагоприятном для Массиниссы. Возможно, этот Гамилькар даже идентичен Гамилькару Самниту, которого Аппиан называет главой демократической «партии».

После III Македонской войны Массинисса, как кажется, в течение по крайней мере некоторого времени уважал границы карфагенского государства. Это видно из того, что когда во время преследования отпавшего вассала Афтера, который отступил в окрестности Кирены, он должен был пройти через территорию эмпориев, он просил разрешения это сделать. А это означает, что он признавал карфагенскую власть над этой областью.

Однако уже очень скоро, приблизительно в середине 60-х гг., нумидийский царь предпринял массированную атаку на карфагенские позиции. Целью его нападения теперь были города и районы Малого Сирта и Триполитании. Возможно, отказ в разрешении пройти через Эмпории он, как и римляне, интерпретировал как враждебный акт, дабы дать своему нападению тень законности. Хотя он смог быстро завладеть сельской местностью, овладеть городами он не смог. Возмущенные карфагеняне, как, разумеется, и Массинисса, год за годом посылали послов в Рим, чтобы добиться римского вмешательства. Но год за годом послы возвращались в Карфаген с негативным ответом. Наконец, вероятно, в 162/161 г. последовало безапелляционное решение римлян, что все названные города и территории, а они имели огромное экономическое и политическое значение, карфагеняне должны уступить Массиниссе. Кроме того, они даже должны были заплатить 500 талантов в качестве «возмещения» тех расходов, которые понес Массинисса в начале спора. Это было самым тяжелым ударом, какой был нанесен Карфагену после II Римской войны.

Понятно, что после той демонстрации новой римской внешней политики, какую римляне стали ясно проводить после Пидны, в Карфагене обострилась борьба вокруг вопроса о направлении карфагенской политики. Особенно большое значение приобрела национально-демократическая «партия», во главе которой стояли Гамилькар Самнит и Карталон. Ее возвышение происходило за счет проримской «партии»,

руководимой сенатором Ганноном. Сторонники третьей фракции, лидером которой был Ганнибал Скворец, предлагали решать карфагенские политические проблемы путем согласования с Массиниссой.

После того как римляне в 157 г. (?) вновь попытались выступить посредниками между карфагенянами и Массиниссой и, очевидно, без большого успеха, генерал Карталон в 153 г. решил воспользоваться благоприятной ситуацией, чтобы перейти в наступление. Ситуация ему казалась благоприятной потому, что в это время римляне вели II Кельтиберийскую войну (154–133 гг.) и Массинисса отправился на испанский театр военных действий, чтобы прийти на помощь своему сыну, который был разбит иберийскими войсками. Он напал на нумидийцев, разбивших свои шатры в спорной области, и изгнал их. Кроме того, он стремился настроить против нумидийцев ливийских крестьян.

Позже произошли дальнейшие столкновения, которые в конце концов закончились в результате римского посольства в пользу Массиниссы. Впрочем, юридического решения это посольство не приняло.

Некоторое время спустя Массинисса предпринял новое наступление на карфагенскую область. На этот раз он выступил против Больших Полей и области 50 городов, центром которой был Мактар. Снова карфагеняне искали защиты у римлян. Но те медлили с отправлением посольства, явно ожидая, пока нумидийский царь не добьется своих военных целей. Только в 152 г. (?) 10 послов, среди которых были М. Порций Катон и, вероятно, П. Корнелий Сципион Назика, прибыли в Африку. Они потребовали безусловного подчинения своему третейскому решению. Массинисса, который с решением римских послов связывал свои лучшие ожидания, заявил о своем согласии. Карфагеняне же потребовали недвусмысленного соблюдения условий договора 201 г. Это четкое заявление было новизной, опасные последствия которой должны были быть понятными карфагенским политикам. Римские послы вернулись в Рим без какого-либо результата. Но у Катона теперь сложилось убеждение, что карфагенскую проблему надо решать радикально. И в этом своем мнении он был не одинок. Как кажется, с 152 г. большое число римских сенаторов выступало за энергичные действия в отношении Карфагена.

Еще в 151 г. Назика помешал тому, чтобы его коллеги в сенате приняли крайние меры, «потому что он считал, что нет правовых оснований для начала войны» (периоха Ливия). Когда в Рим пришло известие, при передаче которого важную роль играл сын Массиниссы Гулусса, что Карфаген вооружается и что внук Сифакса Аркобар-

зан со значительным нумидийским войском находится на территории Карфагена, он вопреки Катону все же настоял на новом отправлении десяти послов в Карфаген, которые должны были на месте узнать реальное положение. Эти послы установили, что национал-демократическая фракция чрезвычайно усилилась. В то время как карфагенские сенаторы заявили о своем согласии подчиниться суду римских послов, Гисгон, сын Гамилькара, который тогда, вероятно, был суфетом, мобилизовал массы. Его демарш ясно показал римским послам, что карфагеняне решились на самое крайнее.

Предположительно в том же 151 г. национал-демократы провели решение об изгнании приблизительно сорока членов пронумидийской «партии». Более того, они обязали все народное собрание принести клятву не давать изгнанникам никаких возможностей возвращения. Изгнанники направились к Массиниссе и просили об интервенции. После этого Массинисса послал двух своих сыновей Гулуссу и Миципсу в Карфаген. Однако тогдашний генерал (эту должность еще занимал Карталон?) запретил принцам входить в город. И когда Гулусса со своей свитой возвращался, на него напал Гамилькар Самнит. В ответ на это Массинисса осадил город Гороскопу.

После начала новой карфагено-нумидийской конфронтации в Карфагене начались решающие консультации. Если до сих пор карфагеняне, верные условиям договора 201 г., уклонялись от серьезных военных столкновений с Массиниссой, то теперь они решили противодействовать нумидийской экспансии вооруженным путем.

Вероятно, весной 150 г., когда последние заложники вернулись в Карфаген и были выплачены последние суммы контрибуции, 25 тысяч пехотинцев и 400 городских всадников покинули Карфаген, чтобы под командованием генерала Гасдрубала с оружием в руках защитить интересы Карфагена даже без одобрения римлян. К ним присоединились 6 тысяч нумидийских всадников под командованием Гагасида и Субы; эти офицеры по неизвестным нам причинам поссорились с сыновьями Массиниссы. К этому контингенту прикнули, наконец, еще 26 тысяч воинов, которые были набраны в сельской местности. С этой армией силой в 58 тысяч человек Гасдрубал выступил навстречу Массиниссе, располагавшему армией в 52 тысячи человек. Однако 88-летний Массинисса отступил на безжизненную, окаймленную холмами равнину, которая полностью отвечала его тактическим требованиям. В это время в шатре Массиниссы находился П. Корнелий Сципион Эмилиан, прибывший в Африку по поручению наместника Потусторонней Испании Л. Лициния Лукулла,

чтобы просить у Массиниссы поставить в его армию слонов, и он смотрел на сражение с одного из холмов. Когда Гасдрубал узнал об этом, он стал просить его выступить посредником между карфагенянами и Массиниссой. Во время переговоров, организованных младшим Сципионом, Гасдрубал заявил, что готов окончательно отказаться от городов и областей Малого Сирта и Триполитании и уплатить 200 талантов сейчас и 800 талантов позже. Это предложение урегулировало ситуацию. Однако когда Массинисса потребовал возвращения перебежчиков, представители Карфагенского государства прервали переговоры и возвратились назад. При согласии на требование Массиниссы карфагеняне должны были среди других выдать людей Гагасида и Субы, а это означало бы утрату всякого доверия у тех нумидийских соседей, которые находились в оппозиции Массиниссе, учитывая к тому же, что еще не был решен вопрос о создании городской кавалерии. Пойти на это карфагеняне не могли. Война продолжилась. Массинисса окружил карфагенян в их лагере. Вначале Гасдрубал еще надеялся на вмешательство римских послов, которые прибыли в Африку. Те, однако, следуя имеющимся у них инструкциям, не вмешались, и дело дошло до того, что остатки карфагенской армии, ослабленные жаждой, голодом и болезнями, наконец безоговорочно капитулировали. Теперь карфагеняне были готовы выдать перебежчиков, выплатить 5 тысяч талантов в течение 50 лет и вопреки данной клятве возвратить изгнанников. Выжившие должны были одетыми только в одни рубашки пройти через ряды врагов. Но этого было недостаточно. Гулусса в своей мстительности послал вслед за несчастными своих всадников, которые уничтожили многих из них. Гасдрубал и некоторые офицеры были среди тех немногих, кто смог возвратиться в Карфаген. Многие полагали, что конец государственного существования Карфагена уже пришел.

29. III РИМСКАЯ ВОЙНА (149–146 гг.)

ПРИЧИНЫ

По мнению древних историков, к III Римской войне привел страх — страх Рима перед Карфагеном. Однако многие современные историки считают эти сведения сомнительными, вводящими в заблуждение или даже ложными. Они считают критику теории страха тем более приемлемой, что в античности она была не единственной во время дискуссий, ведшихся вокруг III Римской войны. Так, в Новое время утверждалось, что римляне решили уничтожить Карфаген из-за меркантильных интересов. Однако эта гипотеза, за которой стоят скорее политико-экономические реалии конца XIX — начала XX в., чем политическая ситуация II в. до н. э., не имеет никакой опоры в античных свидетельствах. Сегодня у неё едва ли есть свои сторонники. Другая гипотеза, наоборот, еще сохраняет свой сомнительный блеск. Эта гипотеза гласит, что Рим разрушал Карфаген не из-за самого Карфагена, а из-за Нумидии: якобы римляне, разрушая Карфаген, стремились прервать процесс строительства нумидийской великой державы. Но и в этом случае необходимо подчеркнуть, что ни один античный автор не высказывал подобной мысли. Кроме того, сторонники этой гипотезы, как кажется, недооценивают ту широту инструментария, какой римляне были способны использовать, чтобы в случае необходимости поставить Массиниссу в определенные рамки. Таким образом, высказывание античных авторов заслуживает большего доверия, как это часто бывало и в других случаях.

В ходе дискуссий предвоенного времени в Риме четко прослеживается линия, связанная с именем Катона. Катон же выступал за радикальное решение карфагенской проблемы: разрушение города. Но каковы были его мысли? Насколько мы можем установить, он с подозрением относился к каждому признаку беспорядков, и события на востоке и западе Средиземноморья обостряли это его чувство! И признаком возмущения были для него события в Карфагене в 153 г. и поведение карфагенского правительства в 152 (?) г. Особенно

личный опыт 152 (?) г. привел Катона к мысли, что римляне должны вести новую африканскую политику. По его мнению, далее было невозможно примирить антагонистические силы Северной Африки путем применяемой до сих пор политики посредничества. И не экономическое ли возрождение Карфагена, которое он смог увидеть в городе и в окрестностях, стало для него решающим толчком для возникновения мысли, что Карфаген в состоянии и военным путем изменить ход политического развития? К этим мыслям примешались и картины прошлого, может быть, и картины личного свойства, и это усилило его представление о грозящей опасности. Агитация Катона в римском общественном мнении особенно воздействовала на тот слой, в сознании которого глубоко засел страх перед Карфагеном, и особенно цензорию, сознававшую территориальную близость опасности, стоящей «у ворот» (Аппиан).

Однако Катон представлял мнение только одной «фракции» римского сената. Выразителем мнения другой фракции являлся Сципион Назика. Но занимал ли Сципион Назика действительно, как утверждают античные авторы, позицию, диаметрально противоположную позиции Катона? Кажется, что нет. Основания, подвигшие его стать в 152 (?)–150 гг. оппонентом Катона, были не принципиального, а «только» религиозно-правового характера, а после того как Карфаген в 150 г. недвусмысленно нарушил договор 201 г., он счел свои прежние мысли беспредметными и выступил за объявление войны. Высказывание об «оселке» Карфагене, в котором Рим нуждался по внутри- и внешнеполитическим причинам, как кажется, более поздними историками (может быть, впервые Посейдонием) было неисторически употреблено в более раннем (полибиевском?) сообщении о противодействии Сципиона Назики катоновскому плану разрушения.

В 150 г. было принято окончательное решение. Римские сенаторы согласились не только с тем, что надо объявить Карфагену войну, но и с тем, что сам Карфаген в ходе этой войны должен быть разрушен. Одновременно они согласно постановили сделать это решение сначала тайным. В следующем году они обосновывали общественному мнению решение об объявлении войны интересами безопасности Рима, и это не имело никакого отношения к нарушению в 150 г. договора! Если современный историк и считает утверждение, что III Римская война была навязанной Риму оборонительной, выражением просто извращенного мышления, то римские сенаторы думали иначе!

ПРОЛОГ

Тяжелое и унижительное поражение, которое Массинисса нанес карфагенянам, привело к изменениям в соотношении внутривосточных сил в Карфагене. Влияние демократической «партии» упало. Ее видными деятелям, генералам Карталону и Гасдрубалу, была приписана главная вина за эту катастрофу, и они вместе с другими обвиняемыми были осуждены, ста четырьмя на смерть. Этот приговор явно был рассчитан на то, чтобы смягчить гнев римлян по поводу нарушения договора 201 г. Одновременно казалось полезным продемонстрировать Риму этот жест преданности. Ведь римский сенат сразу после сообщения о военных действиях между Карфагеном и Массиниссой принял постановление о наборе новой армии, и никто ни по ту, ни по эту сторону Ливийского моря не сомневался, против кого эта армия самым возможным образом будет направлена, даже если сенат публично о цели мобилизации и не объявлял.

Следующим шагом карфагенского правительства стало решение об отправлении посольства в Рим. Его задачей было отреагировать на жалобы по поводу поведения Массиниссы, а также принести извинение за собственное поведение. Посольство не имело никакого успеха, ибо решение разрушить сами основания жизни Карфагена было уже давно принято. С ответом, подобным ответу сивиллы, послы римского сената возвратились в Карфаген. Этот ответ никоим образом не успокоил карфагенян.

В этой ситуации (предположительно, зимой 150/149 г.) утикийцы, пунические соперники карфагенян, сделали шаг, оказавший решающее влияние на дальнейший ход событий: они передали свой город римлянам. После этого решения римский сенат объявил о начале войны и поручил консулам 149 г. ведение военных действий. Ман. Манлию было поручено командование армией, Л. Марцину Цензорину — флотом. Армия насчитывала 80 тысяч пехотинцев и приблизительно четыре тысячи всадников. Флот состоял из 50 пентер, 100 легких судов и многочисленных грузовых кораблей различного типа. Прежде всего консулы направились в Лилибей.

Образ действий римлян вызвал в Карфагене глубокую подавленность, поскольку город, если не считать относительно богатый арсенал, совершенно не был подготовлен к тому, чтобы померяться силами с Римом. Армия была уничтожена в войне с Массиниссой; флот, достойный так называться, вовсе отсутствовал; военный потенциал мировой державы Рима подавлял; а кроме всего прочего, надо было

считаться с заключением римско-нумидийского пакта. Надеяться можно было только на дипломатию. Гисгон по прозвищу Стритан, Гамилькар, Мисдес, Гиллимар и Магон были отправлены полномочными послами в Рим, чтобы при любых обстоятельствах не дать римским войскам начать военные действия, направленные против Карфагена. Чтобы устранить римское недоверие и пойти максимально навстречу римским желаниям, они предложили «сдачу» (*deditio*). После этого претор объявил им решение сената. Сенат гарантировал карфагенянам автономию, элевтерию и целостность государственного и частного имущества, если они в течение тридцати дней переправят консулам в Лилибей в качестве заложников триста сыновей членов сената и правительства и если будут и далее повиноваться консулам.

Хотя неясная формула «повиноваться консулам» вызвала недоверие карфагенян, они сочли невозможным в сложившихся обстоятельствах не выполнить требования сената. Еще до окончания тридцатидневного срока они послали триста заложников в Лилибей. Там представители карфагенского правительства, сопровождавшие заложников, были ошеломлены заявлением консулов, что остальные требования они смогут узнать в Утике, ибо туда направляются консулы со своими войсками.

У карфагенян не было другого выбора, как снова направить послов, но на этот раз в Утику. В лагере около Утики, который был разбит на месте бывшего лагеря Сципиона, консулы продемонстрировали им силу римских войск, и Цензорин, наконец, потребовал сдачи всего оружия, обосновав, по Аппиану, это требование следующим образом: «Зачем оружие тем, кто с чистой совестью желает мира?» На робко приведенное возражение, что необходимо защититься от осужденного на смерть Гасдрубала, который стоит во главе армии из 20 тысяч человек, консулы ответили, что это будет их забота. После этого послы поневоле согласились на полное разоружение. П. Корнелий Сципион Назика Серапион и Гн. Корнелий Сципион Испанец прибыли с послами в Карфаген, чтобы принять вооружение.

За обозом колесниц, груженных приблизительно 200 тысячами предметов вооружения, 2 тысячами катапульта и огромным количеством дротиков и метательных снарядов, который направлялся из Карфагена в Утику, следовали послы, самые видные мужи правительства и сената, жрецы и другие выдающиеся личности города. Все эти почтенные люди своими подобострастными высказываниями хотели вызвать сочувствие у консулов и не дать им выдвинуть дальнейшие требования.

Этой цели они не достигли, да и не могли достичь, ибо консулы были связаны тайным сенатским решением, предусматривавшим разрушение Карфагена. Через некоторое время после возвращения этих вельмож города консулы приказали карфагенскому правительству прислать в Утику членов правительства, чтобы дать им знать последние римские требования. Тридцать членов правительства (видимо, это было все правительство) прибыли в Утику. Там Манлий предъявил им решающее римское требование: карфагеняне должны покинуть свой город и построить новый на расстоянии 80 стадий от морского побережья. Море как источник богатства и силы в любом случае, примут ли они это требование или отвергнут его, и в будущем должно быть закрыто для карфагенян. После этого Баннон Тигилла попытался получить у консулов хотя бы разрешение вступить в новые переговоры с римским сенатом. Но на эту просьбу последовал решительный отказ. После этого большинство послов возвратилось в Карфаген, а некоторые в страхе перед вполне ожидаемой реакцией своих сограждан пустились в бегство. Цензорин с 20 пентерами двинулся к Карфагену.

После того как сенат и толпа, ждущая перед сенатским зданием римского решения, узнали о требованиях римлян, поднялась волна политических эмоций. Чернь напала на послов, принесших несчастное послание, и атаковала италиков, живших в городе. Кажется, едва ли был хоть один политик, который в изменившихся обстоятельствах высказался бы за мир. Не было другого убеждения, как стремление предпочесть выполнению римского требования безнадежную войну. Еще в день возвращения послов сенат решил вести войну против Рима. Чтобы увеличить число солдат, всем боеспособным рабам была дана свобода. Полководцами карфагеняне избрали осужденного на смерть Гасдрубала и Гасдрубала, внука Массиниссы, которому было поручено командование в городе.

ХОД ВОЙНЫ

Настоятельными заботами карфагенского правительства были рекрутирование новых войск и форсирование вооружений. День и ночь мужчины и женщины работали на общественных и священных площадях, изготавливая оружие.

Консулы медлили с нападением на город, так как полагали, что воинственный пыл через некоторое время уступит место трезвой оценке сложившегося положения, что позволило бы им с легкостью

выполнить свою задачу. К тому же они, кажется, в это время были заняты расширением своего военного базиса. Это особенно важно было для снабжения войск жизненными припасами. За короткое время и, как кажется, без применения силы они прибавили к Утике Гадрумет, Лептис Минор, Тапс и Ахоллу. Однако над остальной страной господствовал Гасдрубал, который обладал сильными позициями около Нефериса и отсюда контролировал пути по суше между Утикой и названными городами.

Необходимо заметить, что в эти недели тень опустилась на римско-нумидийские отношения. Когда Массинисса предложил консулам вывести в поле против Карфагена нумидийский контингент, те дали ему уклончивый ответ, что он поставит этот контингент тогда, когда услышит от них, что это им необходимо. Вскоре он явно решил, что такой ответ был неуместным, поскольку спросил у консулов, хотят ли они получить его военную поддержку. На это консулы обиженно возразили, что они сами дадут ему знать, когда его помощь будет им нужна. Что это значит? Перед своей высадкой в Африке римляне не информировали Массиниссу о своих планах. Поэтому Массинисса чувствовал себя обойденным и реагировал на это с раздражением. Но особенно римское предприятие казалось ему подозрительным в связи с дальнейшим развитием военных и политических отношений в Северной Африке. Если римляне укрепятся в Северной Африке, а в этом, судя по состоянию вещей, не было никаких сомнений, то он будет иметь гораздо более неприятного соседа, чем карфагеняне, которых он недавно поставил на колени. Римское вмешательство в Африке не означало ничего другого, как то, что его планы будут полностью под вопросом.

После завершения последних приготовлений в Утике консулы по морю и по суше двинулись к Карфагену, чтобы приступить к осаде города. Манилий напал со стороны Истма, Цензорин — с южного фланга города, точнее — в месте, где стены, ведущие от Истма к гавани, были не столь высокими и сильными, поскольку здесь они делали мягкий поворот. Так как консулы полагали, что легко достигнут своей цели, то сопротивление, на которое они натолкнулись, их поразило, и они отступили. Провалилась и вторая атака. Консулы испугались, что их войска, стоявшие на Истме, сможет окружить армия Гасдрубала, находившаяся по ту сторону Туниского озера. Поэтому они решили прервать осаду Карфагена и сначала создать более твердые опорные пункты. Цензорин разбил свой лагерь под стенами города около Туниского озера, а Манилий — на дороге,

ведущей из Карфагена внутрь страны. Очевидно, Манилий выбрал такое местоположение по двум причинам: во-первых, он хотел отсюда продолжить осаду Карфагена, а во-вторых, предпринять наступление против войск Гасдрубала. Проблема этих войск, по мнению римлян, в короткое время решилась бы сама собой после захвата города. Правда, теперь карфагенский кавалерийский генерал Гамилькар Фамея показал значительную боевую силу карфагенских отрядов. Когда Цензорин двинулся на южный берег Тунисского залива, чтобы найти там дерево, необходимое для изготовления военных машин, на него напал Гамилькар и убил пятьсот его солдат. Это, однако, не заставило консулов изменить свою стратегию. Они снова штурмовали город, и снова безуспешно. Через некоторое время Манилий потерял надежду на то, что он сможет предпринять с Истма успешное нападение на город. Но у Цензорина появился шанс на успех. С помощью двух гигантских осадных машин с таранами, одну из которых обслуживали якобы 6 тысяч пехотинцев, а другую — многочисленные матросы, консулу удалось в одном месте обвалить стену. Однако ночью карфагеняне восстановили большую часть поврежденной стены и даже уничтожили в результате вылазки осадные машины врага. Хотя на следующий день враги прорвались через еще существующий провал в стене, карфагеняне их отбили. Один из военных трибунов четвертого легиона П. Корнелий Сципион Эмилиан, приемный сын старшего сына знаменитого Сципиона, прикрыл отступление.

После этого римляне уже не делали попыток прорыва. Наоборот, они были даже вынуждены предпринять небольшое отступление: в «день Пса»¹ в лагере Цензорина началась эпидемия, которая заставила его отвести лагерь от неблагоприятного Тунисского озера в более здоровую местность у открытого моря. Везшие огонь лодки, которые карфагеняне направили на римскую корабельную стоянку, причинили врагу ощутимый ущерб. И ночная атака на лагерь Манилия была бы еще более успешной, если бы Сципион с эскадронам всадников не отбил бы эту атаку. Манилий учел урок этого инцидента и построил укрепления вокруг лагеря. Кроме того, он построил укрепленную пристань там, куда были вытащены корабли, уцелевшие от ночного пожара.

Штурмы Карфагена не принесли удачи консулам 149 г. Цензорин отправился для наблюдения за выборами в Рим. Тем временем

¹ Подразумевается созвездие Пса. Этот день соответствует летнему солнцестоянию.

Манилий, чтобы достичь успеха в другом месте, с 10 тысячами пехотинцев и 2 тысячами всадников начал грабить внутренние районы. Но и здесь его успехи оказались ограниченными, ибо ему решительно мешал Гасдрубал. Обеспечив безопасность награбленной добыче, Манилий снова перешел в наступление. На этот раз он атаковал главную квартиру Гасдрубала, которая находилась вблизи Нефериса. Гасдрубал сначала выступил против врага, но после боя, приведшего к многочисленным жертвам с обеих сторон, отступил в свой расположенный на высоте опорный пункт, чтобы снова напасть, когда отходившие римские солдаты при переправе через Уэд-бу-Абид расстроили свои боевые порядки. Потери римлян были огромны. Они были бы еще больше, если бы не Сципион с находящимися под его командованием всадниками, прикрывший их переход. И опять же Сципион после перехода через реку возвратился, чтобы «вытащить» четыре окруженные манипулы. Когда сильно потрепанные войска были на обратном пути, на них напал Гасдрубал, а когда они входили в лагерь, то устроили вылазку войска, находившиеся в Карфагене.

В римских глазах военное положение, сложившееся в Африке к концу 149 г., никак не могло казаться удовлетворительным. Для того чтобы войну, ведение которой до сих пор приводило несомненно к потере престижа, можно было закончить в следующем году, нужно было, может быть, использовать новую стратегию и призвать дополнительные силы. Яснее всего было то, что требовалось, чтобы Массинисса, как он сам призывал, сражался бок о бок с Римом против Карфагена! Но послы, которые должны были передать нумидийскому царю этот призыв римского сената, нашли его уже мертвым. И Сципион, призванный царем в качестве советника для принятия важных решений в семейной и государственной сферах, прибыл к нумидийскому двору вскоре после его смерти. Умирая, Массинисса, явно видевший опасность для своего политического дела, обязал своих сыновей клятвой повиноваться решениям Сципиона. Сципион (вопреки нумидийским законам о престолонаследии?) разделил власть между тремя законными сыновьями умершего, которые, впрочем, все должны были носить царские титулы. Миципса получил «министерство внутренних дел», Гулусса — «военное министерство» и Мастанабал — «министерство юстиции».

Но для продолжения карфагенско-римских военных действий значение имело то, что Гулусса присоединился к Сципиону и в качестве «союзника римского народа» прибыл в лагерь Манилия. Ценность его военной помощи вскоре определилась, когда удалось

действенно повлиять на Гамилькара. Возможно, это было одной из причин, побудивших Гамилькара перейти на сторону римлян. Это произошло тогда, когда Манилий снова атаковал укрепление около Нефериса, чтобы загладить ошибки прошлого года. Вместе с Гамилькаром некоторые офицеры и около 2200 всадников предали дело своей родины и присоединились к врагу. Остальных офицеров и их эскадроны от предательства удержал Ганнон. Переход на римскую сторону Гамилькара побудил Манилия, уже стоявшего 14 дней, ничего не добившись, перед Неферисом и боявшегося нападения Гасдрубала на его войска в случае отступления, начать отход с чувством удовлетворения и без страха перед атакой врага. Сципион, Гамилькар и Гулусса выбрали окольный путь и разграбили долину, называемую Мега Баратрон (Большой Овраг). В районе Тунета они соединились с остальной армией.

В эти дни консул узнал, что его преемник Л. Кальпурний Пизон Цезоний находится на пути в Северную Африку. В ответ на это он послал вперед в Рим Сципиона и Гамилькара в качестве как бы «предъявителей» его консульского года. Вслед за ними через некоторое время явился и сам Пизон, вряд ли собираясь исполнить ожидания родины.

В начале весны 148 г. Пизон и Л. Гостилий Манцин, в качестве легата Пизона командовавший флотом, прибыли к Карфагену. Оба они следовали плану, в соответствии с которым надо было полностью изолировать Карфаген и этим принудить город к сдаче. Поэтому они не занимались ни осадой Карфагена, ни нападением на Гасдрубала, а стремились подчинить все городские центры.

Плохим предзнаменованием стало то, что предпринятая с воды и с суши атака на Аспиду потерпела поражение. Однако завоевание Неаполя, другого важного города на полуострове Бон, удалось. Затем в течение всего лета Пизон стоял перед Гиппон Акрой, но завладеть городом не смог. Гиппакритцы дважды выходили за защищаемые ими стены города и сожгли парк осадных машин консула. В этих акциях их поддерживали карфагенские войска, которые, очевидно, еще до начала осады расположились в городе. Когда Пизон увидел бессмысленность своего предприятия, он ушел на зимние квартиры в Утику.

Неудивительно, что после военных кампаний 149 и 148 гг. уверенность карфагенян окрепла. Ранее безоружный город сохранился, войска Гасдрубала остались непобежденными, Аспида и Гиппон Акра отбили римские атаки, и, кроме того, на их сторону перешел, покинув

Гулуссу, нумидиец Битий с 800 своих людей. Эти успехи придали им мужество развернуть в хинтерланде военную и дипломатическую активность. К тому же для них не осталось незамеченным, что хотя Миципса и Мастанабал клятвенно обещали римлянам дать оружие и деньги, но выполнять свое обещание они не торопились. Оба царя предпочли подождать дальнейшего развития событий, и кто мог знать, что на уме у их брата Гулуссы! Это заставило карфагенян попытаться усилить существующие у нумидийских царей и также у независимых маврусиев сомнения по поводу римской политики. Они указывали на то, что в случае карфагенского поражения нумидийцы и маврусии станут следующими жертвами римских экспансионистских стремлений. И вполне возможно, что их аргументы производили на эти народы определенное впечатление! Кроме того, карфагеняне знали, что римляне в это время были вынуждены вести войну на нескольких фронтах. Ни в Испании, ни в Македонии они не добились решающих успехов. Во всяком случае, в Македонии так обстояли дела в то время, когда карфагеняне призвали Андриска продолжать войну при любых обстоятельствах².

Однако эти месяцы и недели, наполненные надеждами, были омрачены внутривосточным событием, потрясшим всех, — убийством генерала Гасдрубала, командовавшего войсками в городе. В сенате он был обвинен коллегой и тезкой в предательстве: он якобы предает карфагенское дело ради своего дяди Гулуссы, а следовательно, в пользу римлян. Поскольку Гасдрубал не сумел защититься и обвинение выглядело правдивым, то сенаторы на месте забили генерала своими сиденьями. Может быть, племянник Гулуссы избежал бы такой судьбы, если бы из-за предательства Гамилькара внутривосточная атмосфера не столь накалилась. Можно предположить, что Гасдрубал, генерал, действовавший вне города, несправедливо упрекнул в предательстве страны Гасдрубала, который, по крайней мере в момент избрания генералом города, был членом демократической, а не пронумидийской «партии». Во всяком случае, после убийства своего коллеги он остался единоличным военным командующим и в городе, и за его пределами.

Другое событие, которое самым существенным образом повлияло на дальнейший ход всех дел, произошло не в Карфагене, а в Риме: народ избрал Сципиона, претендовавшего на пост эдила, не эдилом,

² Андриск, объявив себя македонским царевичем Филиппом, в это время возглавлял восстание македонян против Рима.

а консулом. При этом действующий консул Сп. Постумий Альбин Магн сослался на *lex Villia annalis*, согласно которому возраст консула не мог быть меньше 42 лет, а Сципион этого порога еще не достиг. Однако ссылке на закон противопоставили лозунг, исходящий из идеи народного суверенитета. Наконец, сенат был вынужден постановить, что положения закона, препятствующие избранию Сципиона консулом, на этот год теряют свою силу. Таким образом была создана предпосылка для избрания Сципиона консулом в 147 г. Став консулом, Сципион все же еще не получил пост главнокомандующего в Северной Африке, ибо его коллега Г. Ливий Друз предложил вопрос об этом командовании решить жребием. Только когда один из народных трибунов добился того, чтобы решение о назначении главнокомандующего принимал народ, стало совершенно ясно, кто в 147 г. примет верховное командование в Африке, ибо народ, естественно, отдавал предпочтение Сципиону. Сверх этого сенат распорядился, чтобы понесенные потери были компенсированы новым набором, и, кроме того, он представил Сципиону полную свободу при вербовке добровольцев. Новый главнокомандующий для войны против Карфагена получил также в свое распоряжение военные силы городов и царей.

В то время как Сципион весной 147 г. переправлялся в Африку, Пизон стремился достичь успехов во внутренних районах, а Манцин пытался найти слабое место в оборонительной системе Карфагена. Флотоводец действительно сумел разыскать участок северной стены, который недосмотрели его защитники. Он приказал одному из своих людей подняться на стену. Но карфагеняне заметили опасность. Они открыли ближайшие ворота и обрушились на 500 римлян, стоявших на посту перед стеной. Однако римляне отбили вылазку и вместе с разбитыми карфагенянами ворвались в город. Манцин тотчас приказал еще трем тысячам солдат, которые в спешке даже не вооружились, оставить корабли и следовать за ворвавшимися. Но тут начало смеркаться, и римляне сочли неблагоразумным продвигаться слишком далеко. Они заняли вблизи стены какое-то место, которое им показалось подходящим, чтобы провести там ночь. На следующий день Манцину стало ясно, что он и его люди должны считаться с атакой карфагенян, которую они не выдержат. Он послал курьера к Пизону и утикийским властям, прося о помощи.

Случилось так, что Сципион в тот же вечер высадился в Утике. В полночь он узнал о сообщении Манцина. После этого он через некоторых пленных, которых отпустил на свободу, сообщил карфагенянам о своем прибытии. Одновременно он направил к Пизону

несколько посланцев, которые должны были заставить его поспешить, и, наконец, в утренних сумерках с новонабранными и утикийскими войсками выступил к Карфагену.

Карфагеняне, при восходе солнца начавшие атаку, были близки к тому, чтобы сбросить римлян за стены. Но тут перед городом, как и ожидали карфагеняне, появился Сципион. Когда теперь карфагеняне немного отошли назад, римляне получили шанс спокойно отступить к кораблям Сципиона.

Вероятно, это событие привело к тому, что карфагеняне пересмотрели свою систему обороны. Прежде всего они призвали прибыть ближе к городу Гасдрубала, используя, по-видимому, для давления на него имя Сципиона.

Сципион, который, конечно, учел опыт плохо организованного нападения на Карфаген, тотчас отослал Манцина в Рим. Его преемником стал (С. Атилий) Саран.

Консул прибыл в Африку с намерением сконцентрировать все силы на осаде Карфагена и этим закончить войну. Поэтому он разбил лагерь на Истме. Однако Гасдрубал и Битий, которые из-за обеспечения припасами не могли отвести все войска за стены, тоже расположили свой лагерь перед городом, точнее — в пяти стадий от города. Там находились 6 тысяч пехотинцев и около тысячи всадников. Остальные войска, стоявшие около Нефериса, возглавил некий Диоген.

После укрепления дисциплины Сципион предпринял попытку прорваться в пригород Мегару. По-видимому, он намеревался через Мегару пройти в центр города. Действительно, ему удалось в ходе ночной атаки ввести 4 тысячи человек в этот пригород. Специальный отряд с досками соединил со стеной стоявшее вне стен отдельное частное здание, проник в Мегару и открыл ворота. Ночная атака вызвала панику. Даже Гасдрубал со своими войсками покинул лагерь и, как и остальные карфагеняне, укрепился в Бирсе. Но теперь Сципион испугался непроходимости места и засады карфагенян и ушел из Мегары.

На следующее утро Гасдрубал приказал на городских стенах на виду у врага подвергнуть жестоким пыткам римских пленных и замученных до полусмерти сбросить со стен. Его поведение явно было вызвано не вспышкой неконтролируемых эмоций, а стремлением помешать мирному окончанию осады. Однако сенаторы отнеслись к этому поступку без одобрения: еще не у всех умолк голос разума! Однако Гасдрубал под предлогом того, что они якобы ослабляют

боевую силу, схватил некоторых из них и казнил. Наступило время, когда в городе царил ужас.

Сципион взялся за полное прерывание всяких связей Карфагена с хинтерландом. После того как он сжег покинутый лагерь Гасдрубала, он на расстоянии приблизительно полета метательного снаряда вырыл ров от моря до Тунисского озера длиной около 25 стадий, а далее к западу параллельно еще один ров. Оба рва были соединены еще двумя идущими вблизи берега поперечными рвами, так что сооружение приобрело вид прямоугольника. После создания этого прямоугольника он на его тыловой и поперечных стенах создал вал, а на стороне, обращенной к Карфагену, воздвиг стену высотой в 12 футов и в ее центре башню, с которой мог наблюдать за жизнью и движениями в городе. Через 20 дней и ночей это укрепление, строительству которого карфагеняне пытались помешать своими частыми атаками, было готово. Оно служило нескольким военным целям одновременно. Это было безопасное оборонительное сооружение, плацдарм для наступления и отсекающая позиция, которую едва ли можно было преодолеть.

Вскоре после постройки этого укрепления в Карфагене начались первые трудности со снабжением, которые все увеличивались, поскольку большая часть сельского населения осталась за стенами города. Битий, которому поручалось обеспечение безопасности транспортировки продовольствия, теперь был вынужден доставлять в Карфаген продукты питания на грузовых кораблях. И очень редко какой-нибудь купец осмеливался войти в карфагенскую гавань. Кроме того, как кажется, по приказу Гасдрубала доставляемое в город продовольствие распределялось только в карфагенских войсках силой в 30 тысяч человек, но не среди гражданского населения. Все же в это время положение еще не было критическим.

Теперь Сципион попытался закрыть последний выход Карфагена к внешнему миру. Так как он не смог с помощью флота запереть вход в карфагенскую гавань, то он насыпал в море от «косы» (т. е. полосы земли, идущей, если глядеть из Карфагена, в юго-западном направлении и частично отделяющей море от Тунисского озера) в сторону гавани дамбу, которая имела на дне ширину в 96 футов, а на поверхности — 24 фута. Когда Сципион начал эту работу, карфагеняне не оказали этому никакого противодействия, ибо сочли строительство такой огромной дамбы напрасной тратой времени, а то и вовсе делом невозможным. Но когда работа уже значительно продвинулась, а нападение на стройку оказалось безуспешным, Гасдрубал был вынужден

искать новое решение. Он стал рыть в восточном направлении от торговой гавани к морю фарватер и одновременно в глубокой тайне строить флот. Когда все приготовления были закончены, он прошел через отверстие в стене и вышел в море с 50 триерами и многочисленными различными легкими судами. Цель этой вылазки была чисто демонстративной: ошеломив и смутив врага, карфагеняне вернулись в город. Но было бы еще разумнее, если бы они не ограничились лишь демонстрацией находчивости и энергии, а использовали эффект внезапности и атаковали корабельную стоянку, в тот момент совершенно не охраняемую.

Только через день карфагеняне вышли, чтобы дать сражение римлянам, которые к этому были уже готовы. После того как они целый день сражались и добились, особенно после введения ими в действие маневренных кораблей, преимущества, вечером они отошли, чтобы отложить завершение боя на следующий день. Однако у входа в порт возникла давка, так что военные корабли были вынуждены пристать к молу вне защищенной гавани. Римляне воспользовались этим обстоятельством для атаки, в которой благодаря примененной ими хитрости отличились пять сидетских кораблей³. Теперь они нанесли значительный урон карфагенянам, которые с наступлением ночи входили в гавань. Так закончилось последнее морское сражение между карфагенянами и римлянами.

Сципион понял значение мола как трамплина для взятия гавани. Уже в начале следующего дня он приказал завладеть им и разрушить находившиеся на нем сооружения, которые должны были помешать причаливать римлянам. После того как римляне уже обрушили часть их, карфагеняне ночью перешли бухту вброд и подплыли к молу, чтобы разрушить осадные машины врага. Они напали с таким ожесточением, что римляне в растерянности бежали. Паника, охватившая римский лагерь была столь велика, что Сципион был вынужден отдать приказ убивать каждого, кто бежит из лагеря.

Однако успех, одержанный карфагенянами в бою за мол, не был прочным. Римляне изготовили новые осадные машины, насыпали дамбу напротив башен, построенных карфагенянами, и отбросили защищающих их карфагенян обратно в город. Теперь Сципион окру-

³ Сиды — греческий город на южном побережье Малой Азии. Сидетские корабли, называемые паронами, считались быстроходными. Хотя Сиды в это время была независима, сидеты, по словам Алпиана, послали свои корабли в римский флот из-за дружбы со Сципионом младшим. Эти корабли таранили карфагенские суда и этим нанесли им огромный ущерб.

жил весь мол рвом, построил стену, которая высотой сравнялась с городской стеной Карфагена, поместил на ней четыре тысячи человек и стал оттуда обстреливать город.

В начале зимы 147/146 г. консул решил напасть на карфагенские войска, все еще в большой мере господствовавшие над внутренними районами, и уничтожить их. Прежде всего это было вызвано тем, что Диоген еще был в состоянии через море снабжать Карфаген жизненно необходимыми припасами. В то время как его офицеры оперировали в различных местах в глубоком тылу Карфагена, сам Сципион с флотом двинулся через Тунисское озеро против Нефериса и послал туда же Лелия, сына Г. Лелия, с частью армии сухим путем. Затем он разбил свой лагерь всего лишь в двух стадиях от лагеря Диогена. В последующее время он передвигался между Неферисом и Карфагеном, ибо хотел осадить и Карфаген, и форт Диогена в одно и то же время и под своим личным присмотром. Нападение на укрепление Диогена он поручил Лелию и Гулуссе. Получив наконец известие о том, что стены лагеря разрушены в двух местах, он поспешил туда, чтобы самому командовать решающими боями. Когда первые римляне ворвались в форт, карфагеняне бежали. На бегущих набросился в основном Гулусса со своими всадниками и слонами. Около 70 тысяч солдат и гражданских лиц погибло, около 10 тысяч попало в плен, и только около 4 тысяч сумели ускользнуть. Вследствие падения карфагенского флота и города Нефериса надежды жителей городов внутренних районов, еще оставшихся верными карфагенянам, на успешную защиту от римской агрессии упали до минимума. Эти города или добровольно сдавались римским офицерам, или оказывали лишь слабое сопротивление. Вся область Северной Африки, находившаяся под властью Карфагена, перешла в римские руки. Больше ни один корабль не вошел в гавань Карфагена. Росла нужда.

В этой ситуации (вероятно, в ноябре или декабре 147 г.) Гасдрубал, еще не зная о поражениях маврусиев и людей Диогена, в личной беседе с Гулуссой сообщил, что он мог бы повести переговоры со Сципионом и просить о милости для несчастного города. Карфагеняне были готовы выполнить все требования, которые не приводили бы к разрушению города. Гулусса сообщил об этом разговоре Сципиону и натолкнулся на жесткий отпор. Однако на следующий день консул передал через Гулуссу следующий ответ генералу: в случае сдачи города он гарантирует ему, его жене и детям, а также членам 10 родственных и дружеских ему семей личную безопасность, а также владение 10 талантами и 100 рабами; о возможности спасти город

не могло быть и речи. Гасдрубал с возмущением и патетикой отверг это предложение.

146 г. должен был принести решение. Сципион, которому было продлено африканское командование, планировал в первую очередь проникнуть в город через торговую гавань. На это намерение врага рассчитывал и Гасдрубал. Ночью он поджег часть зданий, окружавших гавань, видимо, потому, что он хотел сократить линию обороны. Карфагенские войска защищали территорию вблизи гавани. Поскольку на следующий день все их внимание было сконцентрировано на торговой гавани, они не заметили, как отряд Лелия забрался на стену, окружавшую военную гавань. За ним последовали другие римские отряды. Обессиленные карфагенские солдаты, стоявшие на стене, не оказали римлянам достойного сопротивления. Через военную гавань Сципион продвинулся к агоре. Здесь он со своими войсками провел ночь. С наступлением дня он приказал следовать за ним 4 тысячам свежих солдат, которые вступили в бой после того, как разграбили храм Решефа. Следующей целью Сципиона должна была стать Бирса, куда бежали многочисленные карфагеняне. Туда от агоры вели три улицы, по обеим их сторонам стояли тесно примыкавшие друг к другу шестизэтажные дома. Как на улицах, так и на крышах домов в кровопролитных боях римские солдаты прокладывали себе путь к Бирсе. После того как они все же туда добрались, Сципион приказал всю часть города между агорой и Бирсой сжечь дотла и в военных целях проложить новые улицы для соединения агоры и Бирсы.

6 дней и 6 ночей продолжались убийства, пожары и уличные бои. Происходили сцены огромной жестокости. Только на седьмой день несколько умоляющих, увенчанных оливковыми ветвями, появились перед Сципионом, выйдя из храма Эшмуна. Они предлагали сдачу цитадели и выдвигали только одно условие: гарантию сохранения жизни для тех, кто пожелает покинуть цитадель. Сципион согласился, но исключил перебежчиков. После этого 50 тысяч мужчин и женщин через проделанный для этого пролом в стене покинули Бирсу. Но около 900 перебежчиков, которые явно сомневались в своем спасении, вместе с Гасдрубалом, его женой и двумя сыновьями укрепились в находившемся на вершине храма Эшмуна. Там они продолжали сражаться. Но когда их одолели напряжение, бессонница, голод и сознание бессмысленности своей борьбы, они оставили священную рощу и поднялись на крышу храма. Гасдрубал, однако, тайно бежал, умоляя о спасении, к Сципиону. Сципион посадил его перед собой

на землю и показал в таком положении перебежчикам. Некоторые из них, подойдя к краю крыши, сохраняли спокойствие и проклинали своего бывшего главнокомандующего. Затем они подожгли храм. Жена Гасдрубала со своими двумя сыновьями вышла из толпы перебежчиков и позвала мужа по имени. Когда он промолчал, она его прокляла. После этого она поблагодарила Сципиона за его более раннее и не принятое ими предложение и с пощёками и презрением попрощалась со своим мужем. Затем, убив обоих своих сыновей и бросив их в пламя, она сама под конец погибла в огне, «подражая царице, которая основала Карфаген» (Флор).

Когда Сципион увидел город, охваченный пламенем, он заплакал. На вопрос своего учителя Полибия, почему он плачет, он ответил, что думает о бренности счастья: может быть, придет день, когда и Рим испытает подобную судьбу. И он процитировал слова поэта:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам и народ копыеносца Приама⁴.

После разрушения города Сципион разрешил его грабеж. Нельзя было грабить золото, серебро и священные дары. Затем по обычаю предков в честь Марса и Минервы были сожжены оружие, военные машины и поврежденные корабли.

Когда известие о победе пришло в Рим, сенат послал в Африку децемвиров, которые вместе со Сципионом должны были принять необходимые меры. Они приняли следующее постановление: Сципион должен разрушить то, что еще осталось от Карфагена; земля Карфагена никогда больше не должна быть населена; территория Бирсы и пригорода Мегары прокляты; города, оставшиеся верными карфагенянам, тоже должны быть разрушены; города, занимавшие проримскую позицию, будут вознаграждены землей; остальные жители страны будут обложены поголовным и поземельным налогом; карфагенская территория в будущем будет управляться римскими промагистратами.

Карфагенское государство прекратило свое существование.

⁴ Перевод Н. И. Гнедича. Это стихи из поэмы Гомера «Илиада».

30. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Античные авторы, занимавшиеся проблемами карфагенской конституции, оценивали ее в высшей степени положительно. Этот позитивный взгляд частично был связан с тем, что начиная с Платона многие теоретики государства приписали «смешанному государственному строю» прямо-таки каноническую ценность, а в Карфагене, по их мнению, развивалась именно такая форма политического устройства. Подобно Аристотелю, Катону и Цицерону, Полибий тоже видел в существовании царей, сената и народной массы характерную черту карфагенской конституции.

В науке порой оспаривается точка зрения, согласно которой под функционерами Карфагенского государства, называемыми античными авторами «царями», надо подразумевать вообще суфетов (*šrṭm*). Такие сомнения представляются неосновательными. След суфетата прослеживается вплоть до времени Ганнибала (410 г.), а может быть, даже Гамилькара (480 г.). Возможно, однако, что уже в VI в. суфеты стояли во главе Карфагенского государства. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований предполагать, что во второй половине VI в. царь, правивший как монарх определял судьбы Карфагенского государства. Наоборот! Когда внутривосточные противники Малха выступили против завоевателя собственного отеческого города, они обвинили его в том, что он стремится к созданию (монархического) царства; так, во всяком случае, сообщает Юстин. Другими словами: даже после того, как Малх достиг руководящего положения в Карфагене, он не создал монархию. Значит, в это время Карфагенское государство имело олигархическую структуру. Что касается периода до середины VI в., то всякий след карфагенского государственного устройства теряется в тумане. Существует некая вероятность в пользу предположения, что город после политического отделения от метрополии сначала управлялся монархически. Это предположение основывается на соображении, что восточно-финикийские политические структуры могли до некоторой степени служить образцом для карфагенян. Вопрос, в какой степени легенда о Дидоне может быть использована в этой связи, остается открытым.

У Диодора и Диогена Лаэртского Карфагенское царство в исторически постижимое время более точно характеризуется как «царство в соответствии с законом». И автор фиктивного письма Ганнибала к афинянам называет его «царем карфагенян, который... правит на основе закона граждан». Можно, следовательно, предположить, что в этих текстах отражено положение, что Карфагенское царство было не абсолютной, а конституционной монархией. Возможно, эта мысль тоже здесь выражена. Однако вероятно, что противопоставлением «царству, основанному на законе», является, по крайней мере у Диогена Лаэртского, не неограниченная власть, а «царство, основанное на праве крови». В этом пункте, по мнению Диогена Лаэртского, карфагенская монархия существенно отличается от спартанской и македонской монархий. В Карфагене доступ к царскому достоинству открывается не царским рождением, а личной деятельностью в рамках конституции, но эта деятельность невозможна без обладания значительным имуществом.

Наряду с понятием «царь» античные авторы используют для обозначения некоторых аспектов карфагенского суфетата также такие понятия, как консул, претор и медикус тутикус.

Само по себе описание суфетата терминами греческого, римского или оскского государственного права не дает возможность определить его сущность. Однако наряду с этим описанием имеются отдельные заметки античных авторов, которые все же позволяют уловить по крайней мере некоторые черты суфетата.

То, что суфетат, по крайней мере в исторически осязаемое время, был ежегодным, следует из сообщения Непота, если, конечно, это сообщение считать достоверным. Оно подтверждается также замечанием Зонары. Наконец, в пользу этого сообщения говорят относительно многочисленные эпиграфические документы, в которых шт (= год) датируется по суфетам.

Определение числа суфетов, ежегодно занимавших эту должность, вызывает трудности. Существование хотя бы периодически одновременно двойного суфетата можно, очевидно, установить по тем сообщениям, в которых суфеты стоят на одной ступени со спартанскими царями и римскими консулами. Это ясно выражено Непотом. Подтверждается предположение и карфагенскими документами, в которых даты даются по двум суфетам. Но кажется, что двойное число не сохранялось от начала и до конца суфетата. Порой четыре суфета определяли судьбу Карфагенского государства.

О полномочиях суфетов мы информированы только частично. Из того факта, что должность суфета показана как царский пост, можно сделать лишь неопределенный вывод о властных полномочиях носителей этой должности. Очевидно, они в качестве «высшей власти» (Ливий) представляли государственные интересы вовне. Они, очевидно, имели очень значительные полномочия при переговорах с другими государствами; в противном случае обозначение их как «царей» было бы непонятно. В какой степени они подчинялись государственным контролерам, сказать на основании «царского» титула невозможно. Уже на основании одного только названия *šrt* или *медикс тутикус* можно предположить, что в круг их обязанностей входило судопроизводство. Действительно, Ливий в рассказе о событиях 193 г. среди прочего сообщает: «...суфеты лишились возможности осуществлять право». Далее, суфеты имели право созывать сенат, руководить сенатскими обсуждениями, вносить в сенат различные предложения. В законодательной сфере суфеты также играли значительную роль. Так, Ливий говорит, что Ганнибал в год своего суфетата «как только увидел, что его речи вызывают отклик, тотчас провел в народном собрании закон». По всей вероятности, суфеты имели право созывать народное собрание. Хотя это и не исходит непосредственно из рассказа Ливия о созыве народного собрания во время суфетата Ганнибала, это все же следует и из текста, и из контекста этого рассказа независимо от того, что мы не знаем никакого другого «чиновника», который выполнял бы эту задачу. Суфеты в качестве конечной инстанции, похоже, контролировали также государственные финансы, во всяком случае, в своей деятельности они опирались на квестора. Для проведения в жизнь государственных интересов они использовали полицейские силы, высшими командирами которых они являлись, как кажется, сами. Насколько важным было их положение, видно, наконец, из того, что суфеты, как и «великие», в республиканском Карфагене занимали тот пост, который в древнее восточно-финикийское время был резервирован за царями, — пост пробудителя бога (Мелькарта).

Важные функции при определении политики исполняли члены совета, которые, как кажется, назывались *h'dgm* (= могущественные). Аристотель сравнивает их со спартанскими геронтами. Они играли центральную роль в особенности при решении вопросов о войне и мире. Кроме того, они обладали значительной компетенцией во время военных действий. Их число, по-видимому, составляло 300 человек.

Внутри сената существовал «священный совет», правящая команда, о которой Ливий говорит, что «их власть была столь велика, что они даже господствовали над сенатом». Этот «священный совет» состоял, по всей вероятности, из 30 сенаторов, которые, скорее всего, избирались каждый год. Возможно, что этот институт во время Аристотеля еще не существовал; во всяком случае, он его не упоминает.

Особенной чертой карфагенского народного собрания ('m) Аристотель считает то, что оно имело право принимать решения. Но обладало собрание этим правом «лишь» в двух следующих случаях: 1) суфеты и сенат соглашались вынести сенатское решение на одобрение народного собрания; в этом случае народное собрание имело право, а также явно и обязанность, принять соответствующее постановление; 2) суфеты с одной стороны и сенат — с другой (или один суфет с одной стороны, а с другой — суфет и сенат) не достигли единства по вопросу о передаче или непередаче того или иного решения народному собранию; в этом случае народное собрание обладало правом, но явно не обязанностью принять решение по спорному вопросу. В то время, когда начиналась II Римская война, народное собрание, конечно, под влиянием баркидской «партии» приобрело столь большое значение, что, по словам Полибия, «стало сильнейшим образом влиять на принятие решений»¹. Но уже во времена Аристотеля, а вероятнее всего и до того времени, существенным правом народного собрания являлось то, что оно должно было избирать «должностных лиц», во всяком случае — суфетов и полководцев. Кроме того, как кажется, народное собрание имело право суда в случае возможного приговора об изгнании. Вообще-то карфагенское народное собрание делилось на «группировки» (hetairiai, гетерии), «обедежные товарищества» (syssitia, сисситии), которые Аристотель сравнивает со спартанскими «землячествами» (phiditia, фидитии). Возможно, их надо идентифицировать с *mzřhm*, засвидетельствованными в надписях.

Виднейшую роль в политической жизни Карфагена играл государственный суд ста или ста четырех, который, очевидно, был создан после поражения Гимилькона (396 г.). Создание этой «самой важной власти» (Аристотель), перед которой генералы должны были отчитываться после завершения кампании, явилось результатом аристократической реакции на доминирующее положение Ганнонидов.

¹ Такое увеличение роли народного собрания, вероятнее всего, связано с политическим кризисом после первой войны с Римом и Ливийской войны.

Аристотель сравнивает положение ста четырех с положением спартанских эфоров. Члены этого суда избирались «с учетом их персональной добродетели» (*aristindēn*) пожизненно членами пентархий. Избранными могли быть только сенаторы. По всей видимости, с течением времени эта коллегия в огромной степени расширила сферу своей компетенции. Недаром Ливий, описывая год суфетата Ганнибала, говорит о «безграничном господстве сословия судей». Популярный политик Ганнибал сумел наконец в этом году провести революционное изменение конституции, которое предусматривало, что в будущем судьи будут избираться ежегодно без права продлить свое нахождение в этой должности. С введением в действие этого нового регулирования был разгромлен оплот аристократической «партии».

Наряду с должностью суфета, с сенатом, народным собранием и государственным судом существовали и другие важные институты Карфагенского государства: должности «великого» (= *rb*) или «великих» (= *rbm*) контролеров (= *mḥšbm*), судей и стража морали (*praefectus morum*).

Должность «великого» рассматривается в науке с большим вопросительным знаком. Ясно, что эта должность, на которую избирали то одного, то двух человек и на определенный срок, была одной из самых важных в государстве. И, пожалуй, не будет ошибочным предположение, что «великий» был главой финансового ведомства. Под его надзором, по-видимому, находились все проекты, финансируемые государственными деньгами, и все институты, в которых определенную роль играли общественные средства.

Если «великий» был главой карфагенского финансового ведомства, то ему подчинялись контролеры (= *mḥšbm*), по крайней мере те контролеры, которые считались в Карфагене гражданской должностью. Они имели особые надзорные функции и обладали правом налагать денежные штрафы.

Те контролеры, которые в какой-либо форме были ответственны за военную чеканку, вероятнее всего, не стояли на той же ступени, что и названные выше контролеры. Вообще, возможно (или даже вполне вероятно), что эти контролеры подчинялись надзору не гражданских властей, а войскового собрания или полководцев. По многим причинам можно допустить, что должность контролеров была коллегияльная.

Организацию карфагенской судебной системы едва ли удастся проследить. Судя по высказыванию Аристотеля, создается впечатление, что все процессы проходили перед равноранжированными,

видимо, сенаторскими судами. Но, конечно, существовал также суфетский суд, компетенция которого, однако, с течением времени все более ограничивалась, не говоря уже о государственном суде ста четырех.

Насколько далеко простирались полномочия стража морали (*praefectus morum*), неизвестно. Мы знаем только об одном, и притом подозрительном, случае его деятельности. Он, видимо, запретил Гамилькару Молнии знакомство с Гасдрубалом, так как между ними существовала гомосексуальная связь.

Наконец, надо заметить, что мнение, согласно которому в различных городских кварталах Карфагена действовали собственные магистраты, не кажется необоснованным.

Надо еще упомянуть, что в Карфагене нередкими были случаи, когда один человек занимал несколько должностей. Аристотель оценивает этот факт негативно.

Обрисованная картина карфагенской конституции могла и должна была бы быть в некоторых частях дополнена или скорректирована, если бы имелись источники, которые точнее информировали бы нас об ее развитии. Но так как этого нет, мы должны удовлетвориться описанием, рискующим быть лишь «моментальным снимком» карфагенского государственного устройства или «моментальным снимком» частей карфагенского государственного устройства.

31. УПРАВЛЕНИЕ ДЕРЖАВОЙ

Карфагенская держава была сложным политическим образованием, состоящим из различных в государственно-правовом отношении элементов. О деталях организации этого образования мы во многих случаях не информированы, но все же в «клятве Ганнибала» обладаем аутентичным документом, который нам позволяет принципиально судить о различных частях целого и его охвате. На вершине властной пирамиды стояли «карфагенские господа» (правильнее было бы «господа Карфагена»), полноправные граждане Карфагена, которые, кажется, обычно не были обременены финансовой тяжестью для организации этой системы. Ниже их стояли «зависимые от Карфагена, имеющие собственные законы» граждане бывших западнофиникийских городов и пунических колоний. Среди них особое положение занимали утикийцы. «Зависимые», чьи города в конституционном отношении были равны или структурно подобны городу карфагенян, обладали автономией, ограниченной, конечно, властью гегемона. Частичное равноправие с карфагенянами «зависимых» или ливо-финикийцев доказывается, например, тем, что они обладали «правом взаимного брака». Кроме того, ряд некоторых городов имел также право чеканки собственной монеты. К таким городам относились Гераклея Миноя (?), Мотия, Панорм, Солунт, Эбес и Гадес. В мирные времена в этих городах только в виде исключения расквартировывались карфагенские войска, поскольку карфагеняне рассматривали города своих союзников не как военные, а как торговые опорные пункты. В период войны город и его округа, когда это было необходимо, могли, конечно, защищаться гарнизоном. Командиры гарнизона, однако, как кажется, не вмешивались в управление городом. Несмотря на эти аспекты, нет никакого сомнения в том, что по крайней мере в «классическое» время суверенитет союзных городов был ограниченным и никоим образом не равен суверенитету греческих апойкий. На зависимость от государства-гегемона указывает уже использование в «клятве Ганнибала» понятия «зависимые». И использование понятия «союзники» никак не позволяет сделать вывод о равноправии карфагенян с их «союзниками». Наоборот! Например, текст первого из двух карфагено-римских договоров ясно указывает,

что «союзники» в основе своей были «подчиненными». Зависимость «союзных» городов от господствующей державы особенно показательна в том, что они должны были платить прямые налоги. Кроме того, «союзники», которые в «классическое» время, очевидно, не имели собственного флота, были обязаны служить в армии. И наконец, им не было разрешено вести самостоятельную внешнюю политику, в том числе им было запрещено вступать в альянсы друг с другом. Ведение всех внешнеполитических дел Карфаген полностью взял на себя. С некоторым основанием эту ситуацию надо сравнить с той, в какой долгое время находились латины. Понятно, что в критические времена союзники не всегда занимали сторону карфагенян.

В еще большей мере от воли карфагенских господ зависели «города и народы, которые подчинялись карфагенянам». К ним надо причислить особенно ливийцев и частично нумидийцев.

В африканской сфере влияния Карфагена кроме ливо-финикийцев, населявших большую часть побережья от Могадора до Филеновых Алтарей, жили ливийцы и часть нумидийцев. С того времени, как карфагеняне в VI в. начали завоевывать территории в хинтерланде своего города, возникло образование, которое мы можем в собственном смысле слова назвать карфагенской провинцией. Местных жителей этой «провинции» греки часто называли в узком смысле «ливийцами». Они относились к категории «подданных». Предположительно часть принадлежавшей им земли (едва ли вся земля) сначала переходила в собственность Карфагенского государства, а затем путем либо сдачи в аренду, либо продажи передавалась в пользование карфагенским гражданам. Являлись ли ливийцы, не работавшие в имениях карфагенян, собственниками или арендаторами обрабатываемой ими земли, мы не знаем. Существует все же некоторая вероятность, что часть земли они имели в собственности. В какое-то не известное нам время вся африканская «провинция» была окружена рвом, внешний вид и размеры которого нам неизвестны. Внутри этого «лимеса» страна была разделена на различные округа, включавшие 'ršt («территории»), во главе которых, смотря по обстоятельствам, стоял 'š 'l 'ršt (глава округа). Об администрации многочисленных ливийских городов, которые часто имели характер замка, у нас есть лишь общая информация. Существует, однако, мало-мальски приемлемое предположение, что часть этих городов приняли суфетальное устройство не в римское, а еще в пуническое время. Если уже Zlšn, дед Массиниссы, носил титул суфета, то затем этот признак влияния карфагенских институтов на политические представления ливийцев и нумидийцев

становится все более частым. Однако к этому надо добавить, что очень часто мы, как кажется, информированы только о названии, а не о сущности. Об этом говорит уже пример того же Цдиллина, компетенция которого едва ли соответствовала компетенции карфагенских суфетов. Об этом же говорит и «нумидийский» трехсуфетальный режим, введенный, например, в Мактаре и Альтибуре. Насколько значительным был контроль карфагенян над администрацией ливийских общин, это — вопрос, на который едва ли можно найти ответ. Во всяком случае, для сбора «налога», платить который были обязаны ливийцы, в ливийские города приезжали чиновники Карфагенского государства. Имели ли эти чиновники еще какие-либо обязанности, выходявшие за пределы этой особой задачи, неизвестно. Налог на крестьян достигал четверти собранного урожая, соответственно высокий налог платили и горожане. Однако такими были налоги в обычное время. Во время же I Римской войны сумма была удвоена. Естественно, ливийцы были обязаны поставлять войска. Поэтому ливийские солдаты, поскольку они были «подданными», не вербовались, а призывались. Тем не менее они получали солдатское жалованье. Для поддержания порядка на границах и внутри страны в различных городах провинции, как, очевидно, в Сикке, стояли гарнизоны, в которых, вероятнее всего, большей частью служили ливийцы. Так как карфагеняне не смогли убедить ливийцев в полезности карфагено-ливийских связей, то между двумя группами существовало напряжение, которое порой выливалось в восстания, подавление которых создавало новое напряжение. Так что неудивительно, что ливийцы оказывали вторжениям Агафокла, Регула и Сципиона лишь слабое сопротивление, а то и вовсе его не было.

По ту сторону ливийской провинции жили нумидийцы, которыми управляли их собственные династы. В принципе, они были автономными правителями своих стран. Но чем ближе к границам карфагенской провинции располагалось их местожительство, тем, кажется, ограниченнее была их автономия. Нумидийские племена, которые находились в «союзнических» отношениях с карфагенянами и нарушали дух и букву «союзного» договора, возводились в статус «подданных» и обязывались платить «налоги». Чтобы обеспечить верность союзных нумидийских племен, карфагеняне в некоторых их городах располагали свои гарнизоны и по крайней мере от некоторых требовали выдачи заложников. Отношения между карфагенянами и нумидийцами определялись в соответствии не с государственно-правовыми категориями, а с военными и политическими

обстоятельствами. Особое значение, с карфагенской точки зрения, имели нумидийцы потому, что они в качестве всадников усиливали значительную часть карфагенских вооруженных сил. Действуя так, они, несмотря на то что были «союзниками», получали жалованье. Хотя в этом качестве они часто хорошо служили карфагенянам, порой они отрицали претензии господствующего государства на командование и предпринимали антикарфагенские акции или, во всяком случае, их поддерживали.

К сицилийской эпикратии карфагенян относились прежние финикийские, пунические, элимские, сиканские и временами греческие города. Нет оснований для предположения, что карфагеняне вмешивались в автономное управление элимскими, сиканскими и греческими городами. Однако они требовали от бывших финикийских, пунических, элимских и сиканских городов уплаты десятины, которая исчислялась частично в деньгах, частично в натуре. И от сицилийских городов своей эпикратии карфагеняне требовали только уплаты налога, который, впрочем, был, кажется, не очень высоким. Естественно, сицилийцы, находившиеся под карфагенской властью, были обязаны служить в армии. Близость сицилийцев, которые часто играли роль «освобожденных», кроме того, настоятельно требовала размещения в некоторых городах гарнизонов даже в мирное время. Военная власть над всеми карфагенскими войсками, размещенными на Сицилии, находилась в руках «полководца Сицилии», который, как предполагают, занимался также и вопросами, выходящими за военную сферу. По этим причинам, и не только по ним, карфагеняне относились к провинции Сицилии с большей предупредительностью, чем к остальным провинциям.

Как и в других провинциях, так же и на Сардинии бывшие финикийские города обладали относительной автономией. Однако, как кажется, не только жители других городов острова и обитатели сельской местности, но и жители бывших финикийских городов более зависели от карфагенского руководства, чем население сицилийской эпикратии. В пользу такого мнения говорит тот факт, что карфагеняне, судя по тексту первого карфагено-римского договора, проводили по отношению к Сардинии более жесткую торговую политику. Это предположение, возможно, подтверждает тот факт, что в одной сардинской пунической надписи датировка дается не только по местным властям, но и по карфагенским суфетам. Очевидно, сарды с государственно-правовой точки зрения стояли на той же ступени, что и ливийцы. Но их налоги, состоявшие прежде всего в поставке урожая,

в обычное время едва ли были выше десятины. Войска, которые карфагеняне расквартировывали на Сардинии, служили для обеспечения безопасности страны, явно подвергавшейся опасности со стороны горцев. Они находились, по крайней мере в III в., под командованием генерала (бозтарха).

Мы не знаем, была ли находившаяся под карфагенской властью часть Иберии в добаркидские времена организована в виде провинции. Можно предполагать, что нет¹. И в баркидские времена Иберия не образовывала собственную провинцию, но управлялась вместе с Африкой. Среди бывших финикийских городов Гадес, кажется, занимал особое положение. Этот город имел право чеканить собственную монету. Во внутренние дела иберийских племен карфагеняне не вмешивались. Они были заинтересованы в том, чтобы иберийские племена регулярно уплачивали свой налог и поставляли требуемые контингенты в карфагенскую армию. Для гарантии их верности карфагеняне требовали заложников. Делать выводы об управлении Иберией трудно из-за того, что все дела были еще в процессе развития, когда римляне отняли Иберию у карфагенян.

Управление своей державой карфагеняне обеспечивали с минимумом издержек. Эта держава включала в себя многочисленные города и племена, находившиеся на разной государственно-правовой ступени. Они относились к разным нациям, экономическим пространствам, общественным системам и религиям. Долгое время система карфагенского господства функционировала довольно хорошо. Самым значительным недостатком этой системы было то, что в ней пространство для выравнивания интересов, для сближения точек зрения было очень ограниченным.

¹ Существует, однако, точка зрения, что финикийские города Иберии (Испании) все же составляли «провинцию», которая и появилась во втором договоре с Римом как «тирийцы».

32. ВОЕННОЕ ДЕЛО

Карфагеняне, как и все другие граждане торговых республик, строительством и развитием значительных военных сил интересовались далеко не в первую очередь. Однако самое позднее с VI в. они неминуемо были вынуждены уделять военным вопросам большее внимание, если не хотели, чтобы их территориальные и торгово-политические интересы постоянно находились под угрозой уничтожения, с одной стороны, ливийцами, а с другой — этрусками и особенно греками. И чем больше карфагеняне обращали внимание на эффективную защиту своих интересов, особенно на гарантию путей мореплавания, тем более они вступали на путь империалистической экспансии, обеспечиваемой военными средствами. Однако хладнокровно расчетливые карфагенские купцы не были заинтересованы в том, чтобы содержать сильную армию на протяжении долгого времени, они ограничивались мобилизацией достаточно сильных войск для проведения отдельных военных акций. Разумеется, минимально необходимое количество солдат, гребцов и кораблей они имели постоянно, ибо особенно уровень военно-морского флота невозможно было сохранить без постоянных упражнений.

Человеком, который поднял военное дело карфагенян на уровень требований времени, был Ганнон Самнит. По-видимому, именно ему пришла в голову мысль, что без привлечения на военную службу значительного контингента наемников Карфагенское государство слишком слабо для достижения намеченных внешне- и внутривнутриполитических целей. Однако следствием военной политики, проводимой Ганноном, не было вопреки часто высказываемым утверждениям, что карфагенские граждане были отлучены от военной службы, хотя и нельзя отрицать, что Карфагенское государство в определенное время берегло жизни своих граждан. То, что граждане тоже принимались на военную службу, видно из сообщения Аристотеля, который говорит, что карфагенские мужчины носили столько колец, во скольких походах они участвовали.

Ядро гражданского призыва составлял «священный отряд» из двух с половиной тысяч человек, дисциплину и мужество которого признавали враги. Наряду с призываемыми на военную службу гражданами

в карфагенской армии служили войска различных «союзников», отряды ливийских, иберийских и порой, вероятно, также сардинских подданных, а также, наконец, контингенты наемников, которые происходили преимущественно из Западного Средиземноморья. В зависимости от обстоятельств в качестве наемников в карфагенской армии служили маврусии, иберы, балеары, кельты, лигуры, этруски, кампанцы, корсы, сарды, сикулы и греки. Но хотя в армии были представлены все эти категории воинов, различия между ними были не столь уж значительными. Так, и «союзники», и подданные, как и наемники, получали свою плату. Величина жалованья, конечно, была различной: греческий гоплит получал явно больше, чем насильно призванный ливиец.

Основу армии составляла тяжелая пехота. Ее поддерживала легкая пехота. Вооружение различных пехотных контингентов не было единообразным, а соответствовало региональным навыкам.

Долгое время карфагеняне использовали боевые колесницы, которые они, несомненно, заимствовали с Ближнего Востока. Однако в войнах против Рима боевые колесницы уже не были в ходу.

В эллинистическое время карфагеняне заимствовали как новое и улучшенное вооружение, так и военную стратегию и тактику ведущих эллинистических государств. Особенно активно начиная с 262 г. они использовали такое типичное эллинистическое оружие, как боевые слоны. Кроме того, со времени войны против Агафокла им служили эллинистические советники: в 310 г. — «греки, овладевшие тактикой» (Полиен), а в 255 г. — спартанец Ксантипп.

В области осадной техники карфагеняне до времени Дионисия I превосходили своих врагов. Тертуллиан даже приписывает карфагенянам изобретение тарана. В действительности же таран был известен уже ассирийцам. Однако возможно, что карфагеняне усовершенствовали ассирийское изобретение.

Когда Полибий утверждает, что карфагеняне уделяли «очень мало внимания» кавалерии, то этот упрек справедлив только до известной степени. Самое позднее с III в. на службе у карфагенян стояли превосходные нумидийские и частично также иберийские кавалерийские эскадроны, которые были столь сильными, что, по-видимому, казалось излишним создавать в собственном смысле карфагенскую кавалерию.

Разумеется, в карфагенской армии существовало войсковое собрание, компетенция которого, однако, не соответствовала относительно значительной компетенции македонского или эллинистического

войскового собрания. Все же в случае смерти полководца оно имело право выбрать нового командующего¹. Но этот выбор требовал его утверждения народным собранием.

Стратегические соображения вели к тому, что в слабых местах сооружались форты, которые служили и для обороны, и для наступления. Эти форты находились как на побережье, так и во внутренних районах, а именно в Северной Африке, на Корсике, Мелите, Сицилии, Сардинии, Майорке и в Испании.

Полководцы, происходившие из самого высшего общественного слоя, число которых колебалось в зависимости от обстоятельств, избирались народом. Они имели право сами назначать подчиненных им генералов. Хотя утверждение Ливия, что полководец «не был стеснен оковами ни времени, ни права», — явное преувеличение, все же вне всяких вопросов он обладал весьма значительными правами. Во время своего командования карфагенские власти лишали его судоговорения. Однако интересы его коллег по олигархическому сословию требовали, чтобы после окончания руководимой им кампании он вновь возвращался в их круг. Чтобы главнокомандующий не мог вести военные действия неэффективно, а также чтобы он не пытался за время своего верховного командования заложить основы для тирании, он после окончания срока своего командования давал строгий отчет суду ста четырех. Генералы, в глазах суда недостойные милости, нередко осуждались на смертную казнь. Греки и римляне рассматривали это как признак варварской жестокости.

В то время как высшие офицерские посты, само собой разумеется, предназначались карфагенянам, более низкие офицерские должности могли занимать умелые люди из национальностей, относящихся к поданным.

Существуют некоторые указания на то, что карфагеняне уже в середине IV в. ввели институт территориальной стратегии, а тем самым провели основательную реформу управления, возникновение которой в целом датируется временем эллинистических территориальных государств². По-видимому, греки (по крайней мере частично) называли карфагенских территориальных стратегов боэтархами³.

¹ Всегда ли такое право имело войсковое собрание? Известные нам примеры относятся уже только к Баркидам (избрание Гасдрубала и затем Ганнибала). Так что возможно, что это было связано только с особым положением этих полководцев. Вероятнее всего, в таком собрании принимали участие лишь карфагенские граждане, служившие в армии.

² Более вероятно, что институт территориальной стратегии возник уже в III в.

³ Ганнон, управлявший Ливией, называется стратсгом.

Военно-морской флот до времени римских войн составлял спинной хребет карфагенских вооруженных сил. Большую часть кораблей, гребцов и матросов обеспечивал Карфаген. Наряду с ним в строительство флота вносили свой вклад особенно ливо-финикийские города. В то время как в VI в. самым распространенным типом судов были пентеконтеры, с V в. их заменили прежде всего триеры. В III в. строились тетреры, и это было, видимо, карфагенским изобретением. Во время же Римских войн использовались, главным образом пентеры. В строительстве больших типов кораблей карфагеняне не были заинтересованы. Только однажды упоминается гептера, и это был адмиральский корабль Пирра, захваченный карфагенянами. Из того факта, что в 218 г. Ганнибал передал своему брату Гасдрубалу 50 пентер, две тетреры и пять триер, нельзя делать вывод о том, в каком соотношении находились в это время различные типы кораблей в карфагенском флоте.

Тот факт, что карфагеняне были великолепными моряками, безоговорочно признавали их враги. Средиземное море не представляло для них никакой тайны, ориентировались они и в восточной части Атлантического океана. Ночью они определяли свой путь по Полярной звезде, она была для них более верным ориентиром, чем Большая Колесница, которую предпочитали греки. В морских сражениях они часто использовали тактику «прорыва», описанием которой мы обязаны Сосилу.

Высшие командные посты занимали видные карфагеняне. Часто командование морскими силами находилось в тех же руках, что и руководство сухопутными войсками. Карфагеняне не в последнюю очередь были обязаны своим адмиралам и капитанам тем, что они в течение долгого времени господствовали в Западном Средиземноморье. Однако во время I Римской войны карфагенский военный флот перенес тяжелый удар, от которого он так и не смог оправиться.

33. ЭКОНОМИКА

Экономическая жизнь Карфагена была весьма разнообразной. Представители различных профессий трудились над удовлетворением хозяйственных нужд населения. Из скудного эпиграфического материала, происходящего из Карфагена, нам известны следующие профессии:

1. Из производителей продуктов питания: мясник ($\text{t}b\text{h}$ или $[\text{km}]l$ $^{\prime}[\text{t}]b\text{h}$) и кастратор телят ($\text{slm h}^{\prime}g\text{lm}$).

2. Из производителей других товаров:

а) ткач льняных тканей ($^{\prime}rg p[\text{st}]$), ткач пестрых тканей (rqm), производитель тканей, вид которых нам неизвестен ($p^{\prime}l \text{htl}j\text{m}$), ткач тканей, вид которых нам также неизвестен ($^{\prime}rg ^{\prime}mlq\text{h}$), канатчик ($\dots^{\prime}h\text{blm}$) и вязальщик сетей (?) ($h\text{rm}$);

б) столяр (ngr) и тележник ($\langle h\text{r}\check{s} \rangle ^{\prime}g\text{lt}^{\prime}s$);

в) каменотес ($\text{br}\check{s}$) и работник по мрамору (?) ($p^{\prime}l \text{hrhmt}$);

д) литейщик меди ($\text{msk hnn}\check{h}\check{s}\text{t}$), литейщик железа (nsk hbrzl), литейщик золота ($\text{nsk hhr}\check{s}$), вообще литейщик (nsk), изготовитель жаровни (?) ($\check{s}k\text{l m}\check{h}\text{tt}$), печник (tnr), гончар (?) ($\text{m}^{\prime}n\text{n}$), ювелир ($p^{\prime}l \text{hr}[s]$) и гравер (?) (br^{\prime});

е) изготовитель скребниц ($p^{\prime}l \text{hmgrdm}$), жестянщик ($p^{\prime}l \text{ht}^{\prime}l\text{bt}$), изготовитель ожерелий (?) ($p^{\prime}l \text{sdlm}$), создатель различных других продуктов ($p^{\prime}l \text{---}$), создатель сундуков ($h\text{r}\check{s} ^{\prime}m\text{t}$) и, наконец, ремесленник в самом широком смысле ($\text{hr}\check{s}$).

3. Из сферы строительства: десятник ($\text{b}^{\prime}l \text{hr}\check{s}$), строительный рабочий (?) ($\check{s}h[---]$) и нивелировщик (pls).

4. Из сферы торговли: торговец солью (mmlh), торговец льном ($\text{mkr hp}\check{s}\text{t}$), торговец железом ($\text{mkr hb}[r\text{zl}]$), торговец золотом ($\text{mkr hhr}[s]$), торговец слоновой костью (?) (mkr hpl), торговец благовониями ($\text{mkr}^{\prime}q\text{rt}$), торговец, имеющий дело с тростником ($\text{sh}\check{r} q\text{nh}$), купец, имеющий дело с тростником ($\text{mkr hqn}^{\prime}z\text{k}^{\prime}$), торговец мазями (rqh), торговец или купец, занимающийся торговлей не известными нам товарами ($\text{sh}\check{r} ^{\prime}$ или $^{\prime}h$, или $\text{mkr h}\check{s}[---]$), вообще торговец ($\text{sh}\check{r}$) или купец (mkr).

5. Из сферы частных и общественных услуг: валяльщик (kbs), надзиратель за гардеробом (?) ($\text{grt}\check{s}^{\prime}z\text{rt}$), гонец (?) (mrgl), врач (gr^{\prime}),

переводчик (?) (mlš), писец (spr), измеритель (mdd), сборщик налогов (?) (šql), служащий контролера (?) (ng[d] šmhšbm) и вестник (?) (qr’).

На основании ознакомления с миром карфагенских профессий, переданного эпиграфическим материалом, мы можем получить приблизительное представление о форме карфагенской экономики. Литературные и археологические свидетельства позволяют придать картине карфагенского хозяйства более четкие контуры.

Цицерон ошибается, когда утверждает, что карфагеняне «пренебрегали сельским хозяйством». В действительности же карфагенское земледелие, самое позднее с IV в., испытало необычайный подъем и продолжало развиваться вплоть до падения города. Уже одно то, что карфагенские агрономы Гамилькар и Магон обладали международным реноме, должно было предостеречь Цицерона от своего утверждения. Карфагеняне были, конечно, не первыми, кто использовал почву Северной Африки в сельскохозяйственных целях. Уже Гекатей знал не только «кочевых ливийцев», но и «ливийцев, питающихся хлебом и пашущих землю».

Основными видами зерновых, которые разводили в первую очередь, были пшеница и ячмень. Среди древесных культур выделяются виноградные и оливковые плантации. Наряду с ними ценились инжир, гранаты, персики, сливы, миндаль, орехи и финики. Из овощей карфагеняне разводили капусту, испанские артишоки, чеснок, лук-порей, горох и, возможно, также чечевицу. Для изготовления полотна сеяли и выращивали лен. Корзинщики для создания своих изделий использовали прутья и травы, которые в диком виде росли в стране. Наконец, многочисленные выражения в медицинском наставлении Диоскорида указывают на то, что карфагеняне в медицинских целях пользовались множеством местных растений.

Из животных карфагеняне разводили в основном овец, а далее — коз, крупный рогатый скот и свиней. Кроме того, у них были куры и голуби. Для походов, путешествий, переноски тяжестей они использовали лошадей, ослов, мулов и лошаков.

Если, с одной стороны, нельзя оспаривать, что вблизи Карфагена в большом числе располагались мелкие владения, находившиеся в собственности простых людей, то, с другой — невозможно отрицать, что крупные имения аристократов накладывали свой отпечаток на карфагенское сельское хозяйство.

Наконец, нельзя забывать о рыболовстве и рыбообрабатывающей «индустрии».

В основном из раскопок мы узнаем, в каком значительном количестве карфагеняне импортировали различные товары. Для создания определенного экономического равновесия было необходимо, чтобы и туземное производство достигло внушительного объема.

Самые точные свидетельства мы имеем об изготовлении керамики. Ее формы не очень разнообразны, а ее образцы надо искать в финикийской метрополии и среди кипро-финикийских и греческих изделий. Наряду с предметами, используемыми для повседневных нужд, карфагенские гончары создавали также статуэтки, маски и бюсты.

Значительным было также текстильное производство. Так, комедиограф Гермипп в своих «Формофорой» говорит, что карфагеняне экспортировали ковры и подушки, а Страбон сообщает, что на Балеарах «финикийцы» стали первыми продавать одежды с широкой каймой. Значительную роль играло также производство пурпурных тканей. Широко известно было качество карфагенских кожаных изделий. Отраслью карфагенского художественного ремесла было изготовление предметов из слоновой кости, в том числе гребней. Особенно же славились карфагеняне металлообработкой, и в первую очередь своими работами с золотом и серебром. В мастерских ювелиров создавались среди прочего ожерелья, серьги, кольца для носа, перстни, амулеты и футляры для амулетов, а также скарабеи, служившие печатями, камнями же, из которых они изготовлялись, часто были карнеол и пестрая яшма. Однако при создании драгоценных предметов карфагенские ремесленники вдохновлялись поначалу египетскими, а затем греческими или эллинистическими образцами.

Карфагенские ремесленники, кажется, объединялись в *shrt*, цеха, чтобы иметь возможность эффективнее защищать свои интересы.

Своим богатством, являвшимся существенной предпосылкой его политических позиций, Карфаген, однако, был обязан не столько сельскому хозяйству и ремеслу, сколько торговле. Плиний даже утверждает, что торговые операции изобрели пунийцы. Торговлю держали в своих руках олигархи, которые явно прежде всего были судовладельцами и банкирами. Целями их торгово-политических акций, которые они пытались проводить и очень часто проводили с помощью государства, были открытие рынков импорта и экспорта, устранение нежелательных конкурентов, а в случае, если это оказывалось невозможным, заключение договоров и, наконец, борьба с пиратством. Античные авторы сообщают о договорах, которые карфагеняне заключали с этрусками и римлянами, но очень вероятно, что подобные

договоры они имели, например, с акрагантинами, сиракузянами, массилютами и киренейцами. При выборе средств для достижения этих целей властелины карфагенской торговли действовали не всегда щепетильно; во всяком случае, карфагенян в этом обвиняли их греческие и этрусские противники. Во многих городах, особенно этрусских и греческих, жили карфагеняне, преследовавшие там свои торговые интересы. И естественно, наоборот: в Карфагене существовали колонии иностранных купцов.

К большому сожалению, об импортной и экспортной деятельности карфагенских крупных торговцев, активность которых, с одной стороны, охватывала берега Средиземного моря и европейское побережье Атлантического океана, а с другой — достигала внутренних районов Африки, мы знаем недостаточно. Однако все же мы знаем, что к статьям импорта из стран Средиземноморья и Атлантического океана относились металлы, трава эспарто, папирус, сильфий, зерно, масло, вино, рыба, особенно тунец, и такие предметы роскоши, как стеклянные бутылки, флаконы для благовоний, сами благовония, алебастровые сосуды, амулеты и маленькие фигурки. Из Западной и Внутренней Африки ввозились — частично через гарамантов¹ — рабы, слоны, слоновая кость, рога, страусовые перья, страусовые яйца, шкуры и прежде всего драгоценные камни и золото. Часть этих «африканских богатств» (Диодор) далее экспортировалась. Кроме того, карфагеняне вывозили (по крайней мере, в позднепуническое время) наряду с зерном, маслом и вином также товары, которые имели лишь посредственное качество. Востребованы, напротив, были карфагенские ткани и кожаные изделия. К статьям «карфагенского» экспорта, которые продавались в областях Западной Эфиопии, надо причислить также мази, египетский фаянс, аттическую керамику. Конечно, Плавт, при изображении появления пунийца Ганнона со своими орешками, ремнями, корытами, лопатами и вилами для зерна (он... торговец), хотел создать пародийный эффект. Но все же нельзя отрицать, что современники Плавта или его литературного образца считали карфагенянина человеком, который в различных частях мира пытается вести торговлю предметами повседневного спроса.

Достижения карфагенской экономики видны среди прочего и в том, что римляне не пренебрегали возможностью получать в большом

¹ Гараманты — берберский народ, живший в северной части Сахары. Они образовывали довольно сильный союз племен, в большой мере (хотя и не полностью) державший в своих руках торговлю между Средиземноморским побережьем и внутренними районами Африки.

числе карфагенские технику и продукты. Они называли эти технику и продукты часто, хотя и не всегда, «пуническими». Косвенно они тем самым заимствовали главным образом продукты финикийской, греческой или эллинистической цивилизации. Получаемые ими техника и товары происходили из различных сфер. Из сферы роскоши — пуническая кровать, пуническая одежда, пуническая кожа, пунические лампы и пунический воск. Из сферы строительства — пунические полы, пунический глинозем, пуническое окно и пунический стык. Из сферы военного дела — пунический ров. Из сферы земледелия — пуническая молотилка, пунический горох, пунический чеснок, пуническая яблоня. Из сферы рыболовства — знание «пунической» золы. Из сферы гастрономии — пуническая каша и гранат. Наконец, из сферы повседневного пользования — пуническая губка.

Хотя карфагеняне занимали в пуническом мире положение гегемонов, у них не было ни желания, ни возможности сосредоточить всю торговлю в своем городе. В рамках их державы существовали многочисленные центры, торговля которых тоже процветала. Однако Карфаген, точнее — Карфагенское государство, оставлял за собой некоторые права: право торгово-политической координации, право налогообложения, право разработки рудников в подчиненных областях и право вмешательства в вопросы снабжения населения и войск. Но в целом Карфагенское государство не препятствовало деятельности ни своих граждан, ни союзников, ни подданных.

34. МОНЕТА

Карфаген поздно вступил в круг государств, чеканящих собственную монету. Первые монеты самого города Карфагена восходят только к середине IV в. Очевидно, киты карфагенской экономики до этого времени не считали необходимым использовать монету в качестве средства международного и внутреннего обмена. Это могло быть связано с тем фактом, что большую часть своей торговли они вели с экономически слабо развитыми странами Западного Средиземноморья и частично Атлантического океана. Но около середины IV в. они, кажется, пришли к убеждению, что чеканка собственной монеты будет служить интересам карфагенской торговли. Первые дошедшие до нас карфагенские монеты — подковки из золота, магниевого сплава и бронзы. Серебряные монеты стали чеканиться позже. Монетным эталоном золотой и магниевой монеты был обычно эталон птолемеевского шекеля (приблизительно 7,6 г), который затем возводился в кратность ($1\frac{1}{2}$, 3) и во фракции ($\frac{1}{3}$, $\frac{2}{5}$, $\frac{3}{8}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{10}$).

Изображения на монетах, зависящие от западно-греческих, особенно сиракузских, образцов, страдают определенным однообразием: в различных вариантах представлены голова богини, конь и пальма. Толкование этих изображений большей частью по-прежнему спорно. Голова богини первоначально, конечно, являлась имитацией головы сиракузской Аретузы. Но если карфагеняне давали Аретузе собственное толкование и видели на своих монетах голову пунической богини, то была ли это Тнт (Тиннит)? Такое понимание, конечно, соблазнительное, но не безусловно доказанное. Поскольку у нас нет ни литературных, ни эпиграфических доказательств идентификации Аретузы, или Деметры, или Кору с Тиннит, то мы и не можем видеть в голове, изображенной на монете, голову этой богини. Сицилийское влияние видно также в изображении коня или протомы коня. Но что именно нашло выражение в выборе этой эмблемы? Должна ли она напоминать о «великолепных и прославленных кавалерийских частях» (Джакоза)? Должна ли эта эмблема в качестве «эмблемы Ливии» (Мюллер) воспроизводить определенные претензии Карфагена на власть в Африке? Должен ли конь отразить близость города к Аресу? Пропагандирует ли конь в качестве солярного символа Баал-Хамона культ «имперского бога» Баал-Хамона или претензии города Баал-

Хамона на господство? Должен ли конь указывать на Гиннит? Все эти разъяснения не имеют достаточного оправдания. Если хочется связать появление коня или конской головы с легендой об основании города, переданной Вергилием, Силием и Юстином, согласно которой колонисты должны были основать Карфаген на том месте, где они найдут череп коня, что в соответствии с пророчеством станет предзнаменованием будущего величия города, то сие противоречит господствующему мнению, что легенда об основании возникла из монетного изображения, а не изображение из легенды¹.

Пальма (phoenix), наконец, — это древний символ, который греки использовали в качестве «говорящего типа» для финикийцев (phoinikes) и который финикийцы, со своей стороны, приняли как «национальную» эмблему².

Специалисты спорят, где выпускались монеты с легендой b'ṛṣṭ (на территориях), в Карфагене или на Сицилии. Более высока вероятность того, что эти монеты по поручению карфагенского правительства чеканились на одном из сицилийских монетных дворов. Из этого, однако, нельзя сделать вывод, что монеты с названной легендой были связаны исключительно с сицилийской эпикратией. Скорее эти монеты, очевидно, надо интерпретировать как «имперские монеты» в противоположность «военным монетам».

Карфагеняне также использовали (по крайней мере в IV, а может быть, еще и в III в.) не только металлические, но и кожаные деньги. Очевидно, кожаные деньги, выпущенные карфагенским депозитным банком, использовались как удобные и безопасные платежные средства в отношениях с некарфагенскими пуническими торговыми партнерами. Лучше чем где-либо здесь видно, какие чрезвычайно разнообразные формы принимала карфагенская торговля.

Находки из Северной Африки, Сардинии и Югославии показывают, что карфагенские монеты, особенно бронзовые монеты II в., были в ходу еще долго после падения города.

За два поколения до начала выпуска городских монет Карфагена, около 410 г., карфагеняне приняли решение чеканить монеты для

¹ С этим утверждением трудно согласиться. Имеется достаточно оснований полагать, что легенда о нахождении черепа коня была пунической. Если это так, то она возникла задолго до чеканки монеты с соответствующим изображением. Кроме того, надо иметь в виду, что одним из аспектов Астарты был ее воинственный и охотничий характер и в этом качестве она, в частности, выступала и как «повелительница коней».

² В главе о религии справедливо говорится, что пальма связана с божествами — подателями плодородия. В таком случае трудно не увидеть эту связь и в изображении пальмы на карфагенских монетах.

удовлетворения нужд войск, находившихся на Сицилии. Так началась эмиссия сицилийско-пунической серии. По всей вероятности, монеты этой серии чеканились не в Карфагене, а в одном из сицилийских городов. Они имели легенду Qrthđšt (Карфаген).

Стандарт сицилийско-пунических монет не был единым. Золотые и магниевые монеты следовали эталону финикийского шекеля, а серебряные монеты до времени I Римской войны восходили к эталону аттической драхмы.

Изображения на монетах уходили от греческих образцов. Фигуры сияющего солнца, полумесяца, так называемого знака Тиннит, так называемого жезла герольда, курильницы и цветка имели, во всяком случае, пуническое происхождение. Загадочны монеты, которые на аверсе имеют изображение женщины во фригийском колпаке, а на реверсе — льва. Около 300 г. появляется серия монет с изображением Геракла/Мелькарта, которые примыкают к чеканке Александра.

В противоположность городской карфагенской чеканке на сицилийско-пунических монетах нередки легенды. Среди этих легенд надо прежде всего назвать следующие: mḥnt (армия), hmḥnt (армии), 'm mḥnt или 'm hmḥnt (народ армии),* m'm mḥnt (от народа армии) и šm mḥnt (народа армии). Все эти легенды обозначают соответствующую чеканку как лагерную, но это не означает, что все они выпускались в лагерных монетных дворах войск, стоявших на Сицилии. Скорее напротив, эти монеты чеканились в одном из пунических городов Сицилии. «Хозяином монеты» было, очевидно, карфагенское войсковое собрание, и хождение этих монет явно ограничивалось Сицилией. На других монетах появляется легенда mḥšbm (= контролеры). Были ли эти контролеры военными квесторами, которые среди других своих дел занимались и вопросами военной чеканки, или они были чиновниками, выполнявшими свои функции и в гражданской, и в военной сфере? Далеко зашедшее разделение военного и гражданского управления говорит скорее в пользу первой возможности.

Приблизительно за два десятилетия до эмиссии первой сицилийско-пунической серии (точное время неизвестно) пунические города Mṭw' (Мотия) и Šjs (Панорм) предприняли выпуск собственной монеты. За ними последовали пунические города Kpḡ' (Солунт) и Ršmlqrt (Гераклея Миноя?), а также города, находившиеся под пуническим влиянием, — 'rk (Эрикс) и Ферма. В том, что эти города и тогда, и позже (Мотия, естественно, до времени своего разрушения) чеканили монету от своего имени, надо видеть явный знак существования их автономии.

Мелита, Гавлос и Коссура выпускали свои монеты только в римское время. Чеканка этих островов, однако, соответствовала пунической традиции.

К концу IV в. появляется сардинско-пуническая чеканка. Монеты этой чеканки, почти исключительно асы, подразделяются на семь серий. Большая часть изображений на монетах — голова богини, конь, пальма, полумесяц, звезда и так называемый жезл герольда — карфагенского или сицилийско-пунического отпечатка. Изображения колоса, быка и мужской головы, увенчанной диадемой, характерны только для монет Сардинии и, возможно, связаны с сардскими культурами. Если это так, то это означает, что карфагеняне (по крайней мере в какой-то период времени) стремились идти навстречу представлениям и нуждам туземного населения.

Уже в добаркидское время, приблизительно с 280 г., свои монеты выпускал город Гадес. На иберийской территории только монеты этого города имели легенды, написанные пуническим письмом. Монетные легенды других городов этого региона писались неопуническими буквами, ибо соответствующие монеты чеканились только уже в римское время. Речь идет о монетах L'nt (Олонтиги), 'jw'tk (?) (Итуци), Mlk' (Малака), Sks (= Альмуньекар), 'bdrt (Абдера) и Ṣbm (Сетабис), а также о монетах городов, которых точно локализовать невозможно, — 'ṭng', 'lbṭ' и Ṣ'g.

Баркидские монеты, разделяемые по меньшей мере на восемь серий, чеканились в Гадесе, Левке Акре (?) и Новом Карфагене. Содержанием драгоценного металла и видом своих изображений эти монеты отличаются от тех, что в это время чеканились в Карфагене, и этим документируют относительную автономию баркидского господства. Особенно интересны портреты этих монет. Идет ли речь об изображении только Мелькарта или фигура Мелькарта связана с портретом Баркида? Уже тот факт, что портрет обычно украшен диадемой, эллинистическим знаком царского достоинства, говорит в пользу предположения, что на этих монетах по крайней мере часть Баркидов отождествляла себя с Мелькартом³.

Пунические монеты имели долгое существование. Они часто использовались и тогда, когда сам Карфаген был уже обращен в пыль и прах.

³ Диадема появляется только на монетах, выпускаемых, как считает большинство исследователей, с Гасдрубалом, и эта деталь может подтвердить сообщение о монархических претензиях Гасдрубала.

35. ОБЩЕСТВО

Карфагенское общество разделялось, по крайней мере в исторически осязаемое время, на высший и на низший слой. Оба слоя, кажется, не были жестко отделены друг от друга, но все же подъем из низшего слоя в высший удавался только немногим.

Господствующее влияние членов высшего слоя опиралось на свои богатства, предков и должности. Так как они были богаты, то могли покупать голоса. Так как они происходили из знатных фамилий, то в глазах общества они обладали качествами, требуемыми для руководства. А если они, кроме высших жреческих должностей, занимали и высшие светские должности, то часто были в состоянии свои политические представления претворять в реальность. Это свое ведущее положение члены карфагенского «нобилитета» никогда не теряли — ни в пользу тирании, ни в пользу демоса. Они были и оставались «лучшими», «знаменитыми», «выдающимися», «значительными», «обладающими значением», первыми мужами», «благородными», «знатными», «ведущими», «первыми мужами государства». Уже одно это показывает, что карфагенский «нобилитет» обладал несомненным кастовым сознанием. Курорт, который посещали сенаторы, был закрыт для людей из демоса. Как в каждой олигархически руководимой республике, в Карфагене тоже существовали довольно сильные противоречия между ведущими фамилиями, которые в особенности проявлялись в политической жизни. Корни этих противоречий могли частично находиться в коммерческой сфере.

Люди из низшего слоя, лишь в ограниченной степени участвовавшие в политической жизни, удовлетворяли свои жизненные потребности, будучи мелкими крестьянами, рыбаками, ремесленниками, рабочими верфей, транспортниками, матросами и торговцами. Предположительно они наряду с рабами являлись также работниками в мануфактурах и имениях богачей.

К нижнему слою относились люди, которые в большей части надписей появляются в следующих формулах: А. šВ. (А., принадлежащий В.). Относительное местоимение š, которое здесь, как и в других случаях, используется для обозначения родительного падежа, должно выражать отношение покровительства. Сущность этого отношения и объем прав его участников пока нельзя твердо

установить. Кажется, что все же речь идет об отношении патрона — клиента, а не господина — раба.

Загадочным часто считается положение мужчин (и женщин), которые во многих вотивных надписях называются 'š Šdn (сидонский муж). То, что здесь речь идет не о сидонянах в узком смысле, т. е. о сидонских метеках (свободных людях, которые все же не имеют гражданских прав), уже ясно видно из большого числа засвидетельствованных случаев в сравнении с числом засвидетельствованных документально метеков. Эти люди называются не только 'š Šdn, но часто 'š Šdn bd N.N. И bd, по всей вероятности, надо перевести как «через посредство» или «с помощью», во всяком случае, не как «раб» ('bd)¹. Это означает: карфагенский гражданин должен был в какой-то форме становиться персоной, обозначаемой как 'š Šdn. Но каков был статус названной персоны до этого акта? В этом вопросе, пожалуй, надо исходить из статуса чужеземца или раба. Но поскольку тот, кто становился 'š Šdn, того, кому он обязан изменением своего статуса, обычно называет 'dn, господин, то надо принять, что это — бывший раб. Другими словами, акт изменения статуса являлся актом освобождения. Однако с освобождением ни в коем случае не было связано предоставление карфагенского гражданства. В противном случае обозначение нового статуса как 'š Šdn было бы бессмысленным. Возможно, освобожденные рабы получали особое положение. Они теперь были хотя и «сидоняне», т. е. финикийцы, но все же не карфагеняне. Поэтому они поселялись среди карфагенских граждан и метеков. Кажется, однако, что акт освобождения не был чисто частноправовым, ибо в ряде надписей с упоминанием 'š Šdn используются такие прибавления: lmj' ms, lmj' ms 'm, lmj' ms 'm Qrthđšt, 'm Qrthđšt. Хотя значение слова lmj' ms с филологической точки зрения все еще спорно, смысл его все же надо искать в направлении «ex decreto». Кажется, что карфагенское народное собрание в какой-то форме принимало участие в акте освобождения — то ли принятием соответствующего решения, то ли официальным ознакомлением. Как бы то ни было, в данном случае важно то, что в Карфагене, но не только в Карфагене, по всей видимости, существовал слой вольноотпущенников, обладавший особым правовым статусом. Все ли карфагенские вольноотпущенники имели этот статус — это, во всяком случае, сомнительно².

¹ Бод (bd) в отличие от раба ('bd) был, скорее всего, клиентом, т. е. лично свободным человеком, зависящим от своего патрона.

² Не все «сидонские мужи» были бодами, и не все боды — «сидонскими мужами».

Число эпиграфически засвидетельствованных рабов и рабынь хотя и довольно немалое, но все же ограниченное. Это неудивительно, если учесть, что расходы на воздвижение вотивной стелы были, по видимому, весьма заметными. К счастью, мы имеем литературные и частично археологические свидетельства, которые дают возможность обрисовать, хотя и не очень четко, картину карфагенского рабства. Из этих свидетельств мы узнаем, что число карфагенских рабов было значительным. Когда в 396 г. карфагенские «союзники» восстали, к ним присоединились многочисленные рабы. Всего против Карфагена выступило 200 тысяч мятежников, и среди них большой процент составляли рабы. Когда в середине IV в. Ганнон намеревался произвести государственный переворот, он попытался это сделать с помощью 20 тысяч рабов. И когда в 205 г. (?) Гасдрубал, сын Гисгона, формировал явно по поручению сената новые вооруженные силы, которые должны были использоваться на североафриканском театре военных действий, он купил пять тысяч рабов, чтобы они служили гребцами, и господами этих рабов являлись большей частью карфагеняне. Наконец, Сципион Младший, как кажется, считал сто рабов необходимыми для обслуживания домашнего хозяйства карфагенского вельможи, ибо именно это число рабов он предложил оставить Гасдрубалу, последнему полководцу карфагенян, во время переговоров в 147 г. По этим числам можно получить приблизительное представление об общем количестве карфагенских рабов, а тем самым и об их значении в экономической и политической жизни города.

Больше всего карфагенских рабов прибывало в страну, как кажется, в результате победоносных войн Карфагена. Поэтому среди рабов особенно много было североафриканцев и сицилийцев. Другие рабы привозились из Сардинии. Некоторое число рабов-негров приводили, видимо, через посредство гарамантов из Феццана или окраинных районов Сахары. Какую-то часть рабов карфагеняне, кажется, покупали на греческих и итальянских рынках; основанием для такого предположения служит практика, которой следовали восточно-финикийские предки карфагенян.

Рабы находились частью в государственной, частью в частной собственности. Частные рабы, кажется, использовались в домашнем хозяйстве, в мануфактурах, в лавках, на торговых судах и особенно в сельских имениях.

Условия жизни карфагенских рабов не должны были быть особенно тяжелыми. Судя по воздвижению ими вотивных стел, они имели

частную собственность и были допущены к культовым действиям. Но прежде всего им было разрешено вступать в законный брак.

Освобождение рабов происходило по государственной или частной инициативе. Как и другие государства, Карфагенское государство во время войны порой давало рабам свободу, чтобы мотивировать их к выступлению за карфагенское дело.

В Карфагене жили также многочисленные метеки, и их было еще больше, чем можно предполагать на основании скудных эпиграфических и литературных свидетельств: ведь метеки, как и рабы, оставили очень скудные следы в предании. Но мы все же имеем очень ценное свидетельство Диодора, что в Карфагене уже в начале IV в. существовала немалочисленная греческая колония³. Метеки, которые оставили следы своей родины в надписях, однако, все происходили из пунического или финикийского пространства: из Tjnt (Фены?), 'p[t]bgn (Абтунги?), Tms (Тимиса?). Tbrbš[j] (Тубурсик Буре или Тубурсик нумидийцев), Jbšm (Эбес), 'jnšm (Иеракон Несос), 'rk (Эрикс), Ršmlqrt (Гераклея?), Škrt (Скиртея), Jnm (Коссура), Ktj (Китий), 'rwd (Арвад), Šdn (Сидон), Šr (Тир) и <'>škln (Аскалон?). Среди метеков были также мужчины и женщины, имевшие ливийские, греческие и латинские имена. Об этом выразительно свидетельствуют случаи Гиппократа и Эпикида, доверенных лиц знаменитого Ганнибала. Как следует из вотивных надписей, часть метеков, которые иммигрировали в Карфаген по экономическим или политическим причинам, интегрировались не только в хозяйственную, но и в культурную и религиозную жизнь города⁴.

Что касается семьи, конечной ячейки карфагенского общества, то надо отметить, что брак карфагенян был моногамным; во всяком случае, нет никаких свидетельств противоположного. Женщина, кажется, занимала почетное положение. Это видно из того, что среди ставивших вотивные стелы поразительно много женщин. Конкретная семья входила в более обширный семейный союз, во главе которого, как кажется, стоял 'dr šrḥ, глава большой семьи⁵. Еще выше были mzrḥm. Это были, вероятно, подразделения народного собрания, входившие в которые, однако, могли только мужчины.

³ Одна из этрусских надписей зафиксировала проживание в Карфагене этруска.

⁴ В городах же, подчиненных Карфагену, ситуация, как кажется, была иной: там иностранцы, видимо, являлись неполноправными поселенцами, подобными библейским герам (герим).

⁵ Šrḥ — род, видимо, выступает только в сакральной сфере. О какой-либо его роли в обыденной жизни никаких данных нет.

36. ЛИТЕРАТУРА

Если исходить из обычного понятия литературы, то мы должны констатировать, что ни одной строчки пунической литературы не сохранилось. Тексты пунических надписей невозможно причислить к сфере литературы; от перипла Ганнона и частей сельскохозяйственного трактата Магона сохранились только греческие или латинские версии; пунические пассажи в «Пунийце» Плавта едва ли можно интерпретировать как оригинальные документы пунической литературы.

Все же нет никаких сомнений в том, что обширная пуническая литература существовала. Это вытекает уже из замечания Плиния Старшего, что римский сенат после падения города передал в дар «династам Африки», под которыми надо подразумевать в первую очередь, если не исключительно, Миципсу, Гулуссу и Мастанабала, книги из карфагенских библиотек, которые, по-видимому, были отданы храмам. Мы, однако, только частично знаем, какие виды литературы имели хождение в Карфагене.

Хотя у нас нет ясных доказательств существования теологической литературы, мы все же должны предположить, что уже самые ранние поселенцы привезли с собой с родины свои священные книги. Во всяком случае, угаритские тексты особенно свидетельствуют, что в финикийских городах уже в очень раннее время существовали мифологические рассказы¹.

В какой степени учащие в Карфагене пифагорейцы Мильтиад, Антен, Годий и Леокрыт, а также Гасдрубал-Клитомас, схолярх Новой Академии, использовали в своих трудах пунический язык, неизвестно.

Зато нет никакого сомнения, что историография в Карфагене существовала. Авиен в связи с путешествием Гимилькона по Северо-Западной Европе говорит о «древнейших анналах пунийцев». Существует мнение, что в рамках карфагенской историографии перво-

¹ Утверждение о существовании у финикийцев уже в очень раннее время мифологических рассказов совершенно верно. Однако это вытекает не из существования угаритской литературы, ибо угаритяне принадлежали к близкому, но все же другому западно-семитскому этносу.

степенную роль играла официозная или официальная историография. К этому предположению можно, во всяком случае, прийти, хотя и с некоторыми оговорками, на основании используемых Сервием выражений «история пунийцев» и «пуническая история».

Имела ли географическая литература собственную жизнь или она была связана с историографической литературой, на основании имеющих у нас скудных указаний решить невозможно. Мы знаем только, что царь Юба II при описании истоков Нила, которые расположены в Мавретании, опирался на «пунические книги». И в римское время пуническая география продолжала существовать. Так, Гасдрубал, бывший современником Плиния Старшего, описывал озеро Цефисида, находившееся на побережье Атлантического океана.

В Карфагене расцветала агрономическая литература. Магон, «отец агрономии» (Колумелла), который, как кажется, пользовался трудами греческих аграрных писателей, приобрел такую славу, что, как сообщает Плиний Старший, римский сенат под председательством Д. Сирана дал поручение перевести на латинский язык его произведение в 28 томах. Это было единственное произведение пунической литературы, которое заинтересовало Рим.

Ходили ли на карфагенском рынке уже в доримское время произведения эротической литературы, еще неясно. В римское же время в Карфагене распевались пунические *fescennina* (насмешливые песенки), которые Иероним называл «бесстыдными». Мы, однако, не знаем, находили ли эти *fescennina* издателя.

Вынести суждение о пунической литературе в целом едва ли возможно. Но все же примечательны слова Августина: «...в пунических книгах, как о них передали ученые мужи, было много того, что мудро было доверено памяти».

37. ИСКУССТВО

«В действительности нельзя утверждать, что карфагенское искусство когда-либо существовало; для этого у пунических ремесленников постоянно не хватало смелости и самостоятельности вдохновения» (Де Санктис). Справедливо ли это суждение? Если находиться под обаянием греческого искусства, то с ним надо согласиться. Но тот, кто пытается освободиться от эстетических категорий греческого искусства, может прийти к другому суждению.

Карфагенская архитектура, особенно карфагенская сакральная архитектура, оставила только очень слабые следы. Мы все же должны принять, что по крайней мере ранняя карфагенская сакральная архитектура в огромной степени восходила к архитектуре финикийской метрополии, которая, в свою очередь, меньше по конструкции, чем по внешнему виду, в значительной степени находилась под влиянием египетской храмовой архитектуры. Часовни, изображенные на карфагенских стелах, к сожалению, представляют строения, относящиеся к частной сфере, и по ним только в очень ограниченной степени можно делать вывод о собственно храмовой архитектуре. Лучше мы ориентируемся, когда говорим о сакральной архитектуре в провинциях, например об архитектуре храма, примыкавшего к Тофету на Монте Сираи.

Видимо, не только Сципион Младший, разрушивший город, виновен в том, что мы очень плохо осведомлены о произведениях карфагенской крупной пластики. Сами карфагеняне, как кажется, не уделяли слишком уж большого внимания этому жанру. Конечно, скульптурные произведения существовали, как, например, культовая статуя в храме Решефа. Количество и, может быть, значение таких работ держалось, однако, в определенных границах. Только в эллинистическое время, кажется, произошел некоторый поворот, как показывают знаменитые горельефы саркофагов, происходящих из некрополя Сент-Моники. Возможно, толчком к созданию крупных скульптурных произведений стали скульптуры, которые в 406 г. в качестве добычи были привезены в Карфаген из Акраганта.

Терракотовые произведения изготовлялись явно во всех западно-финикийских или пунических центрах. Они в большой мере следо-

вали восточнофиникийским или кипрским, или западногреческим традициям. Их художественная ценность различна. Терракотовые круглые статуэтки, которые использовались как votивные приношения, чрезвычайно простые. Они состоят из круглого тела, головы, рук и половых признаков. К сожалению, их раскраска сохранилась очень плохо.

От произведений живописи, которые в еще большей степени, чем произведения других ветвей карфагенского искусства, преданы забвению, сохранились только очень немногие примеры. К ним в особенности относятся росписи в погребальных камерах Дж. Мелеццы и Кеф эль-Биды.

Если это не заблуждение, то карфагенские художники развивали свое мастерство особенно в области светского и сакрального малого искусства: при изготовлении монет, ламп, изделий из слоновой кости, предметов украшения, печатей, подвесок, амулетов, футляров для них, так называемых бритв, расписанных страусовых яиц и масок.

Пуническое искусство различных провинций державы нельзя понять без учета его местной основы. Финикийские или пунические произведения искусства, с одной стороны, широко проникли в Северную Африку, область карфагенского господства на Сицилии, Сардинию, часть Испании, находящуюся под карфагенским влиянием, а с другой — элементы автохтонного искусства внедрились в пуническое искусство и в некоторой степени изменили его. Все же значимость этих автохтонных влияний была различна в разных провинциях. Как финикийское, так и пуническое искусство было в огромной степени определено импульсами, подаваемыми чужеземными культурами: искусством Переднего Востока, Египта и греческих или эллинистических государств.

38. РЕЛИГИЯ

Вступая в мир карфагенской религии, мы встречаемся с немалыми трудностями. Выразительные литературные свидетельства редки; эпиграфические свидетельства удовлетворяют только по их количеству, но, если иметь в виду религиозно-исторический аспект, не по качеству; монументальные свидетельства часто говорят двусмысленным языком. Поэтому мы нередко оказываемся не в состоянии высказать достаточно обоснованные и детальные суждения о пантеоне карфагенян, об их религиозных представлениях, их религиозном поведении, организации их сакральной жизни и о чужеземных влияниях на их религию. Прежде всего почти невозможно, кроме как в некоторых специфических областях, нарисовать картину развития карфагенской религии. Историческая действительность почти определенно отличалась от тех набросков; которые следуют ниже.

1. Карфагенский пантеон был, в сущности, финикийским, но не полностью соответствует тирийскому образцу. В то время как в Тире ведущую роль в кругу богов играл после своей «победы» над Баал-Шамимом Мелькарт, в Карфагене, как кажется, он этой роли не играл.

Самым важным богом Карфагена являлся, по всей видимости, наоборот, именно Баал-Шамим (B'1 štm), «Владыка Небес», который, по моему мнению, стоял во главе официального пантеона. Он, кажется, имел черты бога погоды.

Ниже Баал-Шамима стояли другие баалы (B'1m), особенно Баал-Хамон (B'1 Ḥmn). Ему в VI в. приносились жертвы в месте, которое позже, видимо, перешло к его паредре Тиннит. Может быть, его временами сравнивали с ханаанским Элом ('1).

Спорно значение имени Баал-Магоним (B'1 mgnm). Идет ли здесь речь о «Владыке Mgnm», о «Владыке Магонидов», о «Владыке даров», о «Владыке Mgnm» (= Аспида = Клупея), о «Владыке, который защищает» или о «Владыке щитов»? В любом случае, прозвище бога указывает на его защитные функции.

Баал-Цафон (B'1 špn), «Владыка (горы) Цафон», нам известен только по знаменитому «Марсельскому жертвенному тарифу». Его природу трудно установить абсолютно точно. В то время как в угритское время он был прежде всего богом погоды и гарантом плодо-

родия, в пуническое время его, видимо, рассматривали преимущественно как владыку моря и покровителя мореплавания¹.

С конца V или с начала IV в. вокруг Саламбо начинает выдвигаться на первое место богиня по имени Тиннит (Tnt)². Причины ее возвышения остаются тайной³. Но очевидно, что тогда существовали жреческие круги, которые были заинтересованы в расширении культа Баал-Хамона. Они ввели новую посвятельную формулу, которая сохранила свою действенность в течение столетий на тысячах стел. На одной такой стеле содержится следующий текст: «Великим Тиннит пене Баал и господину Баал-Хамону (это) посвятил Hmlkt (Гамилькат), сын 'bdmlqrt (Абдмелькарта), сына Jtnsd (Йатонцида), сына 'bdmlqrt (Абдмелькарта, сына Mhrb'1 (Магарбала)» (КАИ 85). Прежде всего поражает, что богиня названа пене Баал (pn B'1), т. е. «Лик Баала». Что бы ни обозначало это наименование, вполне возможно, что оно указывает на тесную связь между Баалом и Тиннит. В «лице» выражается, как в «картине», сущность Баала. «Лик» бога — это та его сторона, которая обращена к людям, и человек может существовать, когда бог распространяет над ним свое сияние.

В этой связи надо упомянуть название финикийского места Теу Просопон («Лицо бога»), которое, впрочем, вызывает воспоминание о Pnj'1 (Пенеэл). Очевидно, в этом месте существовало святилище, центром которого являлся бетил (bt '1, «дом бога»), священный камень. Если бы это было не так, то тогда было бы непонятно, почему христиане позже изменили это название на Литопросопон, а арабы перевели его дословно как «Каменное лицо». Поэтому представляется, что, по финикийским, как и по пуническим взглядам, баал в священном камне обращает свое лицо к человеку. Другими словами, культ Тиннит, по крайней мере со времени, когда богиню стали называть пене Баал, стал бетилообразным культом.

Вопрос о происхождении богини до недавнего времени часто обсуждался. Так как Тиннит не засвидетельствована на финикийской

¹ У угаритян и финикийцев божество с одним и тем же именем могло иметь разные, хотя, конечно, и не противоположные функции.

² Эту богиню чаще всего называют Танит, но сейчас доказано, что ее все же надо произносить Тиннит. Заметим, что В. Хусс вообще воспроизводит только «согласное» написание божественных имен. Их огласовка дается редакцией в принятом для русского читателя виде.

³ Возможно, определенные изменения в религиозном сознании, в том числе выдвигание Тиннит, было связано с перестройкой экономической и частично политической структуры Карфагена, как это, например, произошло в эллинистическую эпоху и в Римской империи. В дальнейшем говорится о таких изменениях.

территории, то многие исследователи полагали, что она была ливийской богиней, которая вошла в карфагенский пантеон. Но уже тогда нельзя было переоценивать отсутствие таких свидетельств, поскольку иначе было бы логично принять в качестве родины и других карфагенских богов, которые несомненно принадлежат к финикийскому или пуническому пантеону, нефиникийскую или непуническую область, как, например, в случае Баал-Магонима или Хават. Кроме того, теперь мы знаем Тиннит, которая уже под своим именем почиталась в Финикии: Tnt bLbnp (Тиннит в Ливане). Поэтому теперь ничто уже серьезно не говорит ни о происхождении Тиннит из ливийского пантеона, ни о том, что имя богини начинается с «ливийского» Т. Последнее — чистая случайность. Вопрос о происхождении Тиннит теперь, особенно на основе надписи, найденной в Сарепте⁴, окончательно решен в смысле ее восточнофиникийского происхождения. Характер богини многосторонен: она, кажется, была и девой, и матерью одновременно. Большею частью она отвечала за плодородие, а также заботилась о защите покойников. Наконец, в своем качестве пене Баал была призвана отвратить национальные катастрофы.

Другим важным членом карфагенского пантеона был бог Эшмун (ʾšmn), Баал-Цидон (Bʿl Šdn, «Владыка Сидона»), хотя он лично в карфагенских надписях не появляется; только надписи его рабов случайно сохранили его для потомства. Однако Страбон и Аппиан дают нам представление о том значении, какое имел этот бог в жизни города. Кажется, он выполнял функции городского покровителя и частного божества. В сардинской квазитрилингве он отождествляется с Асклепием.

Вблизи карфагенской агоры находился храм бога, которого греки называли Аполлоном. В храме стояла золотая статуя бога, которую в 146 г. римляне увезли в Рим и поставили вблизи Большого цирка. Там ее еще видел Плутарх, который называл ее «золотым Аполлоном из Карфагена». Вероятно, за Аполлоном скрывался финикийский бог бури и войны Решеф (Ršp), культ которого, однако, в надписях, как кажется, не засвидетельствован.

Кроме одного позднего упоминания, культ такого важного бога, как Мелькарт, в литературе не засвидетельствован. Однако на основании некоторых археологических свидетельств и эпиграфически доказанного факта, что был некий Абдмелькарт, раб храма Мелькарта, нет сомнения в том, что культ этого бога в городе существовал.

⁴ Саперта (совр. Сарафанд) — город в Финикии.

Здесь, и не только здесь, кажется, что первоначальная династическая грань в образе этого бога поблекла. Но, как и раньше, Мелькарт оставался Баал-Цор (B'1 Šr, «Владыкой Тира»), каким он был тогда, когда уже в первой половине I тысячелетия принял на себя власть над плодородием, процветанием, торговлей и экспансией. Особенно тесные связи с этим богом имел Ганнибал⁵.

То что Посейдона надо причислить к карфагенскому пантеону, совершенно ясно вытекает из произведений Ганнона, Полибия и Диодора.

Астарта ('štrt) с давних времен играла в восточнофиникийском пантеоне (выражение, которое, в принципе, является недопустимой абстракцией⁶) решающую роль. Она и в Карфагене не потеряла своего значения, что вытекает прежде всего из двух посвячительных надписей. Из одной из этих надписей мы, кроме того, узнаем, что карфагеняне ясно различали Астарту и Тиннит, что Тиннит ни в коем случае не приняла на себя все функции Астарты. Но нельзя отрицать, что обе богини постепенно сближались. Они не только обменивались аксессуарами, но обладали одними и теми же почетными титулами, как, например, 'm (мать) и 'dt (госпожа).

Наряду с ними существовали и другие боги и богини: Шадрара (Šdr<p>'), божество благополучия и плодородия; Сакун (Skn), образ посредника; Эреш ('rš), охраняющее божество; Пигмалион (Pgmljn), который был подчинен Астарте; Элит ('lt), девственное божество; Ама ('m'), материнское божество; Баалат Хахадарт (B'lt hħdrt), «Владычица могилы (?)», Хават (Hwt), вероятно, божество подземного мира; Ис ('s, Исида); а также двойные или квазидвойные божества Цид-Тиннит (Šd-Tnt), Цид-Мелькарт (Šd-Mlqrt?), Астар-Ни ('štr-Nj?), Эшмун-Астарт ('šmn-'štrt), Мильк-Астарт (Mlk 'štrt), кроме того, Хатор-Маскар (Hṭr Mskr) и, может быть, также Баал Адар (B'1 'dr) и при некоторых обстоятельствах Баал Цебер (B'1 *šbr). Бес (Bs), наоборот, известен только по археологическим свидетельствам. Делать выводы о других культах только на основании ономастического материала, кажется рискованным.

⁵ Наряду с Тиром важнейшим центром культа Мелькарта являлся испанский Гадес. Под финикийским влиянием этот культ широко распространился и среди местного населения Южной Испании. Особенно тесная связь Ганнибала (добавим, и других Баркидов) с Мелькартом объясняется также и его связями и с финикийским, и с местным населением Испании.

⁶ Все же можно говорить, что восточнофиникийский пантеон — не абстракция. Он явно также существовал, как существовал греческий или римский пантеон.

Карфагенский пантеон включал в себя многочисленных богов и богинь, и мы должны признать, что нам известны не все члены карфагенского собрания богов. Часто даже известные имена оказываются не более как пустым звуком. Во многих случаях понимаю сущности того или иного бога либо богини помогает то обстоятельство, что греки, этруски и римляне приравнивали богов Карфагена к своим собственным богам. Конечно, знание идентификации не в каждом случае дает нам всеохватывающего познания сущности карфагенского бога, ибо соседи Карфагена, сравнивая его со своими богами, естественно, часто могли постичь только частичный аспект карфагенского бога. Что это было именно так, вытекает уже из фундаментального различия между олимпийскими и семитскими богами. Отсюда следует также, что карфагенские соседи часто одного и того же карфагенского бога идентифицировали с различными своими богами. Несмотря на эти ограничения, все же представляется полезным привести известные в настоящее время отождествления. Правда, нельзя заходить слишком далеко, делая возможные выводы из этих отождествлений:

Баал-Шамим — Зевс, Юпитер (Наилучший, Величайший);

Баал-Хамон — Jmn, (Зевс) Аммон, Крон, (Юпитер) Аммон, Сатурн, Юпитер (Наилучший, Величайший?), Плутон (?), (Юпитер) Тонант;

Баал-Цафон — Зевс Касий (?), Посейдон (?), Протей (?);

Баал-Эреш — Посейдон (?);

Баал-Цебер — Плутон (?);

Тиннит (пене Баал) — Артемида, Урания, Астроарха, Гера, (Деа) Целестис, Вирго Целестис, Юнона (Целестис), Венера, Кибела, Опс, Нутрикс;

Эшмун — Асклепий, Эскулап, Дионис, Иолай (?);

Решеф — Аполлон, Феб;

Мелькарт — Геракл или Геракл архегет, Геркулес, Посейдон;

Астарта — Афродита (Урания), Гера, Уни (= Юнона), Юнона;

Шадрара — Аполлон (?), Дионис, Отец Либера, Отец Линой;

Сакун — Гермес (?);

Пигмалион — Адонис;

Элит — Афина;

Ама — Деметра;

Баалат Хахадарт — Кора;

Астарта-Ни (?) — Астроноя;

Милькастарт — Геракл или Геркулес;

Хатор-Маскар — Нептун (?);

Эреш — Арес;

Gd (?) — божество карфагенян (Даймон Кархедонион).

Хотя следующие божества играли значительную роль главным образом вне Карфагена, с Карфагеном они тоже имели некоторые связи:

Дагон — Крон, Ситон, Зевс Аротрий;

Баалат-Гебал — Афродита Библиская, Астарта величайшая богиня (теа мегисте);

Цид — Отец Сард.

2. Религиозные представления карфагенян, т. е. представления о богах, духах, сущности и жизни человека до и после смерти, мы можем реконструировать только частично на основании далеко не полностью дошедших до нас знаний о круге богов, осторожных выводов из ономастического материала, часто неоднозначно толкуемых археологических находок, дошедших сообщений античных авторов.

Что касается богов, то уже указывалось, что они рассматривались прежде всего как руководители мира, дарители плодородия и защитники человека во время его жизни и после смерти.

Другие выводы можно сделать из материала, какой дают карфагенские личные имена, хотя надо принять во внимание, что функции бога, включенного во многие имена, далеко не всегда подтверждаются носителями этого имени или же сознательным религиозным актом его окружения. Выразительная сила личных имен с течением времени подвергалась процессу изнашивания. Бог в первую очередь — господин ('dn, 'dn b'1); поэтому не без оснований большинство финикийских богов имеют имя Баал (b'1), что означает «владыка, повелитель». Все же это — только один аспект бога, другие аспекты могут зачастую выражаться в семейных терминах, и это часто переводится так: бог или богиня — отец ('b, 'bb'1), мать ('m, 'm'strt), брат ('b, Hmlk), сестра ('bt, Htmk). Давая такие имена, карфагеняне пытались уловить с помощью понятий из неперсональной сферы и различных действенных слов другие аспекты сущности бога. При этой попытке обращалось внимание частично на сущность бога, а частично на его сторону, обращенную к людям. С одной стороны, бог — это свет ('r, 'rmlk; nr, B'Inr), он — совершенен (tm, Tmb'1), возвышен (rm, Rmb'1), могуществен ('dr, 'drb'1), силен ('br, 'brb'1), он властвует (mšl, Qrtmšl). С другой стороны, он — помощь ('zr, 'zrb'1), защита ('z, 'znt) и время ('hl, 'hlmlk). Забота бога о человеке выражается также многими другими оборотами: бог поддерживает (šmr, Šmrb'1), несет ('ms, 'šmn' ms), слышит (šm', B'lšm'), знает (jd', Jd'mk), дает (jtn, Jtnb'1), добавляет

(jṣp, B'ljṣp), благословляет (brk, Brkb'1), вознаграждает (šlm, Šlmb'1), предусматривает (?) (šlk, B'1šlk), помнит (skr, Skrb'1), спасает (hṣ, Qrthṣ), направляет (špṭ, Šptb'1) и мстит (?) (šdk, Spnjšdk).

Эти сведения, которые можно получить из материала имен, а карфагеняне часто в своих именах указывали на те же самые особенности различных божеств, частично подтверждаются археологическим материалом. На по крайней мере первоначальную связь карфагенских богов с небесными телами, а тем самым с мыслями об их превосходстве, указывают изображения солнца, луны и звезд. Конечно, мы не знаем, насколько сильны были такие представления в историческое время. Что боги были подателями плодородия, ясно видно, например, из изображений пальмы, пальмовой ветви и пальметки, которые находятся на многочисленных стелах III и II вв. Символом, который надо интерпретировать таким же образом, является также гранатовое дерево или гранатовое яблоко. Поднятая кверху правая рука является выражением скорее благословляющей и защищающей силы бога, чем молитвенным и просящим жестом набожного человека.

Что касается изображений богов, то надо отметить, что приблизительно с конца V в. начинается развитие, которое идет от антропоморфных воспроизведений к абстрактным символам. Это, конечно, не означает, что с этого времени больше нет пластических изображений богов (литературные сообщения ясно свидетельствуют о существовании статуй богов), но это означает, что на рубеже V–IV вв. появляется новое теологическое течение. Это направление никак не связано с греческими идеями, а восходит скорее к древним представлениям и формам выражения, корни которых находятся в Финикии, и они в почти радикально проявляющейся форме включились в далеко идущий процесс абстрагирования. И этот процесс, который был одновременно и реставрационным, и прогрессивным, но ни в коем случае не «гречески-модерным», внес значительный вклад в то, что можно назвать «одухотворением карфагенской религии».

Наряду с богами существовали также духи, которые намеревались причинить зло людям. Насколько мы знаем, у них не было имени, но их в значительной степени выдавали их поступки. Защитить и живых, и мертвых от них можно было различными способами: живых — амулетами и знаками, отвращающими несчастья, мертвых — цимбалами, колокольчиками, чашами из страусовых яиц с нарисованными на них защищающими глазами и различными другими предметами. Кажется, что в эту область карфагенской веры внедрились позднеегипетские представления магического типа. Поэтому особен-

но важную роль в этом царстве амулетов и талисманов играл египетский бог Бес, который через Финикию проник в Карфаген.

Поскольку невозможно говорить о боге, не говоря о человеке, то уже при описании карфагенской теологии в собственном смысле имплицитно речь шла и о людях. Поскольку бог — господин, то человек — раб ('bd, 'bdmlqrt) или рабыня ('mt, 'mtmlk), слуга (mhr, Mhrb'1) (?), но также и дочь (bt, Vtb'1) или во всяком случае протеже (gr, Grskn) бога и находится в руках бога (bd, Bdmlqrt). Далее, он — дар бога (mtn, Mtnb'1), даже милость бога (ḥnn, Hnb'1). Существует даже вероятность, что бог принимает участие в человеке (ḥlq, 'šmnḥlq). Как кажется, из карфагенских собственных имен можно сделать вывод, что карфагенянин «в принципе» стремился к тесной связи с богом. Однако наличный материал не позволяет сказать, насколько эта «принципиальная» тесная связь реализовалась. В этом случае, вероятно, он не дает оснований ни для большого оптимизма, ни для преувеличенного пессимизма. Во всяком случае, надо иметь в виду, что имена, происходившие от имен богов, были распространены еще и в позднее время и что карфагеняне были религиозным народом.

Убежденность карфагенян в том, что есть жизнь после смерти, очевидна, может быть, уже по способу, каким они хоронили своих мертвецов. Если они их сжигали, то весь пепел тщательно собирали в урну, на которой писали имя умершего, чтобы помнить о том, что судьба содержимого этой урны зависит от благочестивого уважения живущих. Если они мертвецов погребали, то в могилу вместе с телом клали предметы обихода, в более раннее время — повседневного, позже — личного. Обычно на погребальной стеле писалось предостережение «Не открывать!» Если же кто-либо осмелился бы удалить без всякого права вотивную стелу, которая образует определенное единство с урной, то «Тиннит пене Баал будет судить дух этого человека» (КАІ 79).

В одном случае мы даже имеем свидетельство о вере карфагенян в бессмертие, вышедшее из-под пера античного историка. Речь идет об одной заметке в *Excerpta Polyaei*, которая не кажется недостоверной и в которой говорится, что знаменитый Ганнибал, обращаясь к своим солдатам, заверял их, «что на войне те, кто умирают, храбро (сражаясь), через короткое время вернутся к жизни». Учитывая, что Ганнибал в этом случае выступает как мастер ведения психологической войны, все же нельзя отрицать, что его слова были бы совершенно пустыми, если бы не соответствовали убеждениям карфагенской теологии.

Из археологического материала не совсем ясно, существовали ли, по мысли карфагенян, различные места пребывания умерших. Если это было так, то, конечно, предпочиталось место, где приносили mlk (жертвоприношения) Тиннит и Баалу. Большое число символов указывает на бессмертие тех, в честь кого приносили жертвы: лодки (?), лестницы, оружие (?), листья плюща, цветы лотоса, лавровые гирлянды, пальмовые ветви, пальмы, пальметты, головки мака, кисти винограда, дельфины, лягушки, гуси (?), уреи, птицы с человеческими головами и сфинксы.

Кроме того, найдено несколько свинцовых пластинок, и на всех них имеется одна и та же пуническо-греческая надпись: l'im. AETHPSIPHĒAMY. Толкование этой надписи совершенно неопределенное. Особенно греческий текст, по моему мнению, до сих пор не имеет никакой убедительной интерпретации. Но, может быть, однозначно читаемый пунический текст l'im имеет еще большее значение, чем греческий. По-видимому, у l'im, как обычно и в других случаях, речь идет если не о грамматическом, то о логическом единственном числе, так что переводить надо: «для бога». Но кто этот бог? Может быть, theòs psychoromròs («бог, сопровождающий души»).

3. Теологическим представлениям соответствовало религиозное поведение в отношениях богов и людей. Целью религиозного поведения карфагенян было приобретение благосклонности богов. Они добивались достижения этой цели с помощью молитв, жертвоприношений, соблюдения культовых предписаний, празднеств, создания сакральных построек, соблюдения этических норм.

Хотя карфагенские молитвенные тексты дошли до нас в большом количестве, они почти все сводятся к скудным полуформальным оборотам типа «Пусть услышит его призыв» (KA I 77)! Одна из редких молитв, не являющихся составной частью посвячительной надписи, гласит: «Защити и сохрани Ḥlšb[‘l], сына ’ršt[‘l]» (CIS I 6067A)! Это — молитва, которая вложена в уста мертвеца. Менее дружественный смысл имеет молитва, сохранившаяся на свинцовой пластинке и обращенная к богине подземного мира: «Госпожа Ḥwt- — 'lt! Пусть *будет расплавлена* эта вещь! Я, Mšlḥ, *связываю* m[š]trt и место ее пребывания (?), и все, что ей (принадлежит), ибо она торжествовала надо мной по поводу денег, *которые я потерял*... [- — -] или каждый человек, кто торжествовал надо мной [из-за] *потери* этих денег, пусть расплавится так, как расплавляется этот свинец» (KA I 89). Речь здесь идет о послании к богине подземного мира, которое вручено мертвецу для передачи и которое с помощью аналоговой магии

должно привести к гибели врагов отправителя. Еще два текста сохранились в комедии «Пуниец», но эти тексты, конечно, могут разъяснить карфагенские молитвы только в очень ограниченном объеме.

Далее необходимо обратить внимание на «молитву в камне». Прежде всего изображения божественных символов на многочисленных стелах, как кажется, выражают не только убеждение в действенности бога, но и просьбу проявить эту действенность: «заклинание... божественного присутствия» (Ур-Мьедан). Таким же образом надо интерпретировать карфагенские круглые статуэтки, более точное толкование которых, впрочем, еще спорно. Они воплощают просьбу о плодородии.

Материализованные молитвы, жертвы, играли в культовой жизни Карфагена центральную роль. И среди жертв человеческие жертвы по своему значению многократно превышают другие жертвы. Нет сомнения, что обычай человеческих жертвоприношений карфагеняне переняли от своих восточнофиникийских предков. Сначала эти жертвы приносились одному Баал-Хамону, а позже — Тиннит и Баал-Хамону. Слой населения, который приносил эти жертвы, античными авторами определяется различно, но никто не утверждает, что в жертву приносился старший ребенок или перворожденный. Софокл называет жертву, которую «варвары» «с самого начала» приносили Крону, «человеческим священным даром». Псевдо-Платон называет «сыновей». Клитарх говорит об «одном из детей» или о «ребенке». Энний упоминает «мальчика». Цицерон говорит вообще о «людях», а Юстин — о «мужчинах и юношах». Диодор упоминает «ребенка», «самых видных сыновей», «200... знатных детей». Плиний Старший говорит о «человеческих жертвах». Силий приводит свидетельство о «юных... сыновьях». Курций упоминает план, который возник в Тире во время его осады Александром и который предусматривал принести в жертву Сатурну «знатного юношу». Тертуллиан и Минуций Феликс рассказывают вообще о «маленьких детях». Порфирий говорит о «самом прекрасном... из потомства». Августин называет «юношей» и «сыновей». Драконций приводит такое сообщение: «Карфаген ручался перед храмом за ежегодное убийство двух видных людей и убивал юношей перед алтарем седого Сатурна». Гезихий, наконец, утверждает, что карфагенские женщины жертвовали Крону «собственных детей».

Античные авторы, как кажется, выражали мнение, что карфагеняне обязывали членов своего высшего слоя в определенное время приносить в жертву богу или богине своих безгрешных, находившихся в нежном возрасте сыновей. Может быть, было время, когда такие

жертвоприношения совершались каждый год, но в другие эпохи это происходило только во время всеобщей большой опасности, голода, эпидемии, войны.

Хотя процесс жертвоприношений не ясен во всех деталях, его общие черты вполне можно установить. По всей вероятности, жертва приносилась ночью в священной роще Баал-Хамона. Ребенок предавался огню не живым, но сначала жрец «таинственным образом» (Филон Библиский) его убивал. Если бы рассказ Диодора о способе, каким совершается жертвоприношение, соответствовал действительности, мы бы знали его интересные детали. Диодор рассказывает: «...у них была бронзовая статуя Крона, руки которой протягивались таким образом, что они достигали земли, а ладони были повернуты вверх, так что ребенка, которого клали на них, поднимали вверх и сбрасывали внутрь, где горел огонь». Однако кажется, что подобная бронзовая статуя в действительности никогда не существовала. Плутарх говорит: «...и все было наполнено гулом, потому что они играли на флейтах и били в литавры, чтобы не слышать крики детей». Если Плутарх при указании на причину музыкальных представлений мог ошибаться, то все же ясно, что ритмичная музыка во время культовых праздников должна была играть определенную роль. Если данные христианина Минуция Феликса тоже относятся к жертвам детей в Карфагене, то родители жертв пытались «ласками и поцелуями заглушить стоны», чтобы «жертв не приносили плачущими». Но сообщение Минуция Феликса вызывает скепсис. Драматизирует эту сцену и Драконций.

Каковы были, однако, причины, заставлявшие карфагенян не отказываться от этой попытки установления контакта с божественными силами, попытки, которая не только просвещенным грекам и римлянам эпохи империи казалась «скорее святотатством, чем священнодействием» (Курций)? Они крепко держались за этот обычай, потому что достаточно значительная группа, очевидно, под влиянием консервативных жреческих кругов твердо придерживалась религиозных традиций Востока. Даже греческая теология и антропология, с V в. все шире распространяющаяся, не смогла привести здесь к решающему повороту. Как и раньше, держалось убеждение, особенно широко распространявшееся в кризисное время, что такие жертвы необходимы для устранения большой опасности, что они таким образом получают прощение разгневанных богов; одним словом, лучше, чтобы «один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Иоанн). Подобно евангелисту Иоанну выражался и Филон Библиский.

Соответствующие круги Карфагена были убеждены, что эти жертвы были «выкупом для мстящих богов» (Филон Библский). Ничем иным не было также заявление евангелиста Марка, когда он утверждал, что задача Сына Человеческого «отдать душу свою для искупления многих». И еще яснее и принципиальнее этот «карфагенский» принцип выражает автор «Послания к евреям», когда он говорит: «Без пролития крови не бывает прощения».

Однако пожертвование самого дорогого служило не только отвращению угрозы, но и получению благословения и плодородия. Эти мысли выражают многие символы на стелах карфагенского тофета: гранатовое яблоко, рыба, голубь, мышь, заяц, бык и чаша.

Все перечисленные здесь античные авторы говорят о человеческих жертвах карфагенян как о жертвах, относившихся к прошлому. И лишь Тертуллиан утверждает: «И теперь еще это освященное злодеяние не похоронено». И кажется, что карфагенянин в этом пункте не ошибался. Последствия карфагенской религии были еще сильны.

(В этой связи требуется подробнее рассмотреть проблему так называемого знака Тиннит. В самой простой и известной форме это — рисунок в виде равностороннего треугольника, вершина которого перерезает линию, идущую параллельно основанию, а над ней находится круг, расположенный над точкой разреза между треугольником и параллелью.

Многие исследователи пытались истолковать этот символ. Несмотря на многочисленные усилия, все же существует скорее некоторое отрицание возможности адекватного разъяснения этого знака. Но, может быть, все же удастся выявить некоторые элементы, которые укажут направление, в котором должно идти разъяснение. Разумеется, при этой попытке следует исходить из самых древних сохранившихся форм так называемого знака Тиннит, поскольку надо иметь в виду более позднее истолкование этого знака. Если в знаке Ур-Мьедан, T. VI Abb. а по праву обнаруживается одно из самых древних изображений этого знака, то на основании этого факта отпадают все предположения, что этот знак — схематическая фигура человека или бога, ибо при изображении человека или бога голова обычно находится на шее, а здесь этого нет. Итак, знак Тиннит не был, по крайней мере первоначально, знаком Тиннит. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что круг не всегда является составной частью этого знака. Но есть очень важное исключение в CIS I 435. В этом случае на стеле вместо круга находится слово B'1. Круг, который обычно является частью так называемого знака Тиннит и часто комбинируется

с полумесяцем, нельзя, следовательно, интерпретировать как схематичное изображение головы, но как, и на это указывает появление полумесяца, знак солнца. Родину такого двойного знака солнце-луна надо искать в Финикии. Конечно, предполагают, что оба небесных знака указывают на богов тофета: солнце — на Баал-Хамона, луна — на Тиннит. Но против такого понимания тоже приводятся возражения: «Можно видеть, что на Востоке задолго до основания Карфагена звезды, солнечный диск, лунный серп, звезда, окруженная лучами... часто сопровождают фигуры разных богов, чтобы напомнить о привилегии бессмертия, а не для того, чтобы их идентифицировать» (Пикар). Мы явно должны прийти к единой сущности этого символа и отказаться от его многофункциональности: символическое изображение является не чем иным, как выражением бессмертия. Как только мы откажемся от понимания так называемого знака Тиннит как контурного рисунка человеческого существа, так сможем легко объяснить и другую деталь этого знака. Это — знак равностороннего треугольника, который на стелах нередко заменяется равносторонней трапецией. Если вспомнить, какую роль в финикийской религии играют бети́лы, то едва ли можно сомневаться в том, что и треугольник, и трапеция являются бетиллами. Кроме того, надо отметить, что на карфагенских *сіррі* (столбах с остроконечными вершинами) VII и VI вв., т. е. еще до появления так называемого знака Тиннит, появляются бети́лы. Представляется, однако, что бети́лы были не только «домами богов», но и жилищами *ḡt* («душ») умерших. В случае с бетиллами тофета их понимание как посмертного пребывания героизированных людей даже предпочтительнее, чем толкование их как жилища Баал-Хамона, поскольку на других *сіррі* и стелах никогда не изображается жилище богов и потому, что все прочие вотивные памятники тофета имеют одно и то же функциональное значение, значение репрезентации героизированной жертвы. Но если таково понимание бетиллов тофета, то так, очевидно, надо толковать и составные части так называемого знака Тиннит. Следовательно, в своей основе бети́лы так называемого знака Тиннит являются тем же самым, что и астральные символы этого знака — выражением бессмертия, но бессмертия не Баал-Хамона или Тиннит или их обоих вместе, а бессмертия ребенка, который был принесен в жертву божественной паре, и это бессмертие подразумевается в сооружении стелы. Остается третий элемент, который нужно объяснить: линия, параллельная основанию треугольника или трапеции. И здесь мы действительно встречаем немалые трудности. Нужно ли допускать, что речь идет о «простой линии деления двух сущно-

стных элементов знака — диска и треугольника, двух жилищ богов, неба и земли, двух природ — астральной и хтонической» (Ур-Мьедан)? Мне кажется, что принятие такого словно «бухгалтерского штриха», который с тончайшей аккуратностью разделяет небо и землю, приведет к борьбе с огромными трудностями. Кроме того, что бетил так называемого знака Тиннит связан скорее с человеком, чем с богом, вероятно ли само по себе, что изобретатель так называемого знака Тиннит пользовался геометрической линией, чтобы выразить определенную теологическую концепцию? Я считаю это невероятным. Может быть, мы быстрее выйдем на правильный путь, если свяжем эту «линию» с изображениями, которые часто появляются на знаках, в том числе на самых экземплярах, — изображениями цоколей алтарей. То, что в этих изображениях действительно речь не идет ни о чем другом, как о рисунках алтарных цоколей, видно из аналогичных изображений, так называемых плоских идолов, и такое их толкование сегодня никто не оспаривает. Но если бетил связывается с алтарным цоколем, то не существует ли вероятность, что он связан и с линией, параллельной основанию? Что «разделительная линия» в действительности символизирует алтарный стол или алтарь? Конечно, такая возможность есть. Я даже полагаю, что это — реальность, ибо мыслимый комплекс алтарь—жертва превосходно подходит к связи, которая имеется между астральными символами и бетилом. Если в более позднее время сохранилось воспоминание о первоначальном смысле так называемого знака Тиннит, то для поддержки высказанного предположения можно указать на то, что в изображениях этого времени концы линии, параллельной основанию, часто загнуты вверх и вовне и это изменение, вероятно, указывает на «рога алтаря». Подводя итог, надо сказать, что так называемый знак Тиннит в действительности является знаком памяти героизированного ребенка, и он возвещает, что ребенок, который прошел через огонь mlk (и урна которого помещена вблизи вотивной стелы), более не прикосновенен жизни. Существует, однако, возможность, что это первоначальное значение так называемого знака Тиннит (по крайней мере в графическом воспроизведении знака) подверглось более поздним изменениям. Если до сих пор мы отвергали понимание знака как человеческого образа, то теперь нужно сказать, что это отрицание действительно только для первоначального, но не для более позднего времени. Направление, в котором так называемый знак Тиннит развивался, действительно вело к антропоморфизации образа. Это ясно вытекает из ряда экземпляров знака: знак все яснее принимает вид человеческого контура, лунный серп часто

исчезает, алтарная линия превращается в руки фигуры, похожей на молящегося человека, и в верхней части треугольника или трапеции появляется намек на ожерелье. По-видимому, в этом атропоморфизированном знаке представляется героизированный ребенок. В последней фазе своего развития так называемый знак Тиннит превращается в универсальный символ карфагенской религиозности, сравнимый со знаком христианского креста.)

На фактическое существование карфагенских детских жертв, кроме литературных и эпиграфических свидетельств, указывают различные изображения на стелах, как, например, знаменитый контурный рисунок жертвующего жреца. По широко распространенному мнению, антропологические исследования устраняют последние сомнения в исторической реальности этих жертв. Анализы праха части урн Саламбо показывают, что речь большей частью идет об останках детей. Примечательно, что, судя по этим анализам, соотношение останков детей и останков животных в VII в. приблизительно 2 : 1, а в IV в. — 9 : 1. Очевидно, уже очень рано требование человеческих жертв многим казалось несправедливым. Поэтому они пришли к решению, чтобы вместо детей жертвовать животных, но при этом сохранять старые обряды, при которых должны были приносить жертвы Баал-Хамону. Эти «жертвы замещения» как таковые тоже засвидетельствованы в надписях. Я имею в виду обороты mlk или mlkt b'1 (жертва вместо грудного ребенка) и mlk 'mr (жертва ягненка). Жертва moꝥhoꝥ (= moꝥhoꝥ = mlk 'mr = agnum pro vicario) третьей стелы Н'Гау, которая совершалась под девизом «Душа за душу, кровь за кровь, жизнь за жизнь», имела давнюю традицию! Наряду с человеческими жертвами и жертвами замещения существовало большое число жертв животных и растений, виды и тарифы которых, по-видимому, различались от храма к храму. Знаменитый тариф, выгравированный на камне, был найден в Марселе, но первоначально, по всей вероятности, помещался в Карфагене в храме Баал-Цафона. При определениях жертв четвероногих животных (они относительно тесно связаны с определениями Книги Левита) в этом тарифе существует различие между kll, šw't и šlm kll. Значение этих трех видов жертв до сих пор недостаточно ясно. Жертвенные тарифы показывают, что отношения людей с богами (и жрецами), во всяком случае в сфере жертвоприношений, относительно строго регламентировались.

Культовые предписания нам известны только в небольшом объеме. Силий говорит, что женщинам было запрещено входить в храм гадитанского Мелькарта. Однако подобное запрещение не относилось

по крайней мере к женщинам, которые в карфагенских храмах занимали должности не только жриц (khnt), но даже и верховных жриц (rb khnt). Далее Силий замечает, что духовные сановники должны были заботиться, чтобы свинья не переступила порог святилища. Видимо, это нужно понимать так, что свинья считалась нечистым животным, о ней в культовых целях не могло быть и речи. И действительно, свинья не упомянута ни в одном карфагенском жертвенном тарифе. Во всяком случае, заслуживает внимания то, что в Карфагене существовало различие между чистым и нечистым.

О культовых праздниках мы информированы лишь недостаточно. Однако их существование несомненно. Одна испорченная надпись явно содержит распоряжения, относящиеся к приношению жертв во время праздника, продолжавшегося по меньшей мере пять дней. В неопунической надгробной надписи упоминается жрица, которая в течение 18 лет была «предводительницей танцовщиц». Так что надо думать, что эта должность существовала и в карфагенских храмах. Плутарх хотя и не говорит, что танцовщицы участвовали в праздниках в честь Баал-Хамона, но сообщает об использовании флейт и литавр, которые едва ли имеют смысл без танцев. Кроме того, на одной карфагенской надгробной стеле сохранилось изображение персоны, которая, кажется, была танцовщицей. Следовательно, культовый танец должен был играть значительную роль в карфагенской литургии. Если на многих изображениях так называемые жезлы герольда украшены лентами, то это может иногда указывать на праздник, хотя это и не бесспорно. Во время некоторых культовых праздников какую-то роль, по-видимому, играл священный корабль. Использование огня, благовоний и жертвоприношение напитков относились к несомненным составным частям культовых праздников.

Из содержания относительно многочисленных надписей, которые помещались в культовых сооружениях, видно, что создание сакральных монументов считалось деянием, которое особенно находит благорасположение бога. Основатель таких культовых зданий мог с большим удовлетворением ожидать, что его молитва найдет отклик у богов: «Пусть они его благословят и услышат (его) призыв в вечности» (КАI 78).

Мы должны предположить, что карфагеняне были убеждены в том, что этическое поведение человека существенно определяет реакцию бога. Однако едва ли можно установить, в какой степени карфагенская этика была интегрирована в карфагенскую религию. Конечно, религиозно мотивированными и поэтому вполне легитимными были

проклятия тех людей, которые осмелились нанести вред сакральным зданиям или вотивным стелам. Прямо-таки яростное религиозное настроение, направленное против «атеистов», звучит в одном тексте. Текст строительной надписи (CIS I 5510) таков: «[И] каждый человек, который не почитает (т. е. богов) — уничтожат (?) наша великая Тиннит пене Баал и господин Баал-Хамон этих людей в течение жизни перед лицом солнца вместе с их семьями и их [единомышленниками]». И проклятия личных врагов не противоречили принципам карфагенской религиозности, как это видно из текстов широко распространенных свинцовых табличек. С другой стороны, карфагенянам вообще не были чужды социальные обязанности. Высокие этические принципы были свойственны жрецу Исиды Милкпелецу, которому один из его друзей воздвиг надгробную стелу «в знак глубокого уважения (?) к нему и в признание его выдающихся поступков» (CIS I 6000 bis). Восхищенные слова, которыми строитель погребального памятника восхвалил умершего, могли бы рассматриваться как квинт-эссенция жреческой сословной этики.

4. Управление карфагенской сакральной жизнью находилось, видимо, не в руках жрецов. Если бы можно было допустить, что должность 'dr 'zgm (= praefectus sacrorum), существовавшая в Лептисе Магне, имела и в Карфагене, то можно было бы при некоторых условиях видеть в ней государственного главу карфагенской сакральности. Но обратный перенос должности из города, зависящего от Карфагена, в столицу невероятен⁷. И отождествлять этого «чиновника» с «хранителем морали», о котором говорит Непот, невозможно, так как этот «хранитель», если он вообще существовал, имел дело не с сакральной жизнью, а с общественной нравственностью. В качестве центральной контрольной инстанции скорее надо рассматривать комиссию, которую избирал сенат: 'šrt h'šm 'š 'l hmqdšm («десять человек, которые поставлены над святилищами»). Члены этой комиссии занимались, кажется, прежде всего строительством и ремонтом сакральных зданий и монументов. Однако мы не имеем исходных данных для предположения, что они вмешивались в дела внутри храмовых стен. Другая комиссия, šlšm h'š 'š 'l hmš'tt (тридцать человек, которые поставлены над тарифами), занималась вещами, которые были больше связаны с жизненными интересами храмов: с установлением та-

⁷ Но нет никаких препятствий для предположения, что или, наоборот, эта должность возникла в Лептисе под карфагенским влиянием, или что и там и там она восходит к метрополии. Правда, до сих пор такая должность в Финикии не засвидетельствована.

рифов, которых надо было придерживать в время жертвоприношений. Кажется, что члены этой комиссии могли принимать свои решения, не ведя никаких переговоров с жречеством храмов. Очевидно, государственные органы большей частью создавались для надзора над упорядоченным проведением культовых действий. Но внутри святилищ свои обязанности исполняли жрецы (khn̄m), во главе которых иногда стоял верховный жрец (rb khn̄m). По-видимому, имелись и жрецы «второго класса». В некоторых храмах культовые обязанности исполняли и женщины — жрицы (khnt) и верховные жрицы (rb khnt). Жрецы и жрицы, как кажется, большей частью принадлежали к высшему слою общества. Хотя известны титулы некоторых культовых функционеров, об их обязанностях мы знаем только частично. Были glb 'lm — «парикмахер богов», m̄qd̄h — «зажигатель» (ламп храма?), m̄qm 'lm — «пробудитель бога» или mm 'lm mtr̄h 'štr-Nj — «пробудитель бога, жениха Астар-Ни?». К персоналу храма относились, видимо, многочисленные «рабы» и «рабыни». Нам известны следующие: рабы храма Эшмуна, рабы храма Мелькарта, рабы храма Астарты (Могущественной) или рабы Астарты (Могущественной), рабыни Астарты (Могущественной), рабы храма Сакуна, рабы храма Цид-Тиннит, рабы храма Цид-Мелькарта (?), рабы храма Милькарстарт, рабы храма Хатор-Маскар и рабы храма Эреша. Какие обязанности исполняли эти «рабы» и «рабыни», неизвестно. Они, кажется, относились в низшим служителям, но все же стояли, конечно, не на той ступени, на которой стояли обычные рабы и рабыни. Влияние карфагенского жречества на население города было внушительным. Это видно из значения, какое имела религия в жизни Карфагена. Но прямые литературные и эпиграфические свидетельства, которые подтверждали бы это утверждение, отсутствуют, кроме тех, из которых нам приблизительно известно, к какому социальному слою принадлежали карфагенские жрецы и жрицы.

Наряду с квазигосударственными культовыми сообществами существовали братства (mr̄zh 'lm), которые особенно отвечали религиозным стремлениям. Центром их регулярных или ежегодных собраний были, по-видимому, культовые трапезы. Роль этих братств в религиозной, социальной и, может быть, политической жизни города была достаточно значительной.

5. Из всего вышеизложенного вытекает, что карфагенская религия в своей сущности придерживалась традиций финикийской религии. Однако в периферийных сферах можно установить и влияние непунического происхождения. В какой степени к нему можно отнести

кипрское влияние? На этот вопрос ответить трудно, ибо сама кипрская культура приблизительно с I тысячелетия до христианской эры в большой мере носила на себе отпечаток культуры финикийского материка. Кроме того, мы имеем намного большее количество находок, происшедших из Кипра, чем тех, которые найдены в земле самой Финикии. В этих обстоятельствах из-за того, что случайно в нашем распоряжении имеется больше кипрского или кипро-финикийского материала, чем финикийского в узком смысле этого слова, наш взгляд оказывается ограниченным. Относительно значительным было египетское влияние, проявившееся не только в принятии египетских богов (например, Беса и Исиды) в местный пантеон, но и в формах *сирри* и стел раннего времени, в изготовлении культовых предметов (например, так называемых бритв и курильниц) и не в последнюю очередь в магии. Все же надо полагать, что большая часть этих влияний базировалась не на прямых контактах между Египтом и Карфагеном, ибо влияние Египта с давних времен было очень сильным в Финикии. Так, например, бог Бес уже во II тысячелетии получил права гражданства в Финикии. Но использование талисманов и амулетов, скорее всего, было обязано непосредственным связям между Египтом и Карфагеном. В противоположность многим исследователям, которые хотели видеть ливийский компонент в карфагенской религии, я полагаю, что для такого предположения нет даже тени доказательств. Такой взгляд уже а priori невероятен, если учесть, какими сильными были культовые и политические различия между карфагенянами и ливийцами. Зато с IV в. в религиозное искусство Карфагена внедряются греческие формы. Привело ли культовое внедрение эллинизма, особенно в эллинистическое время, к смягчению традиционных теологических воззрений карфагенян, — это вопрос, на который ответить трудно⁸. Кажется, что часть высшего слоя вообще открыто выступала против новых идей. Другая часть принимала только новые формы, оставляя неприкосновенным старое содержание. В целом представляется, что эллинистические религиозные идеи оказали влияние только на ограниченный круг карфагенян. Широкие массы если и принимали иностранные представления, то это были позднеегипетские магические представления. «Субстанция финикийских религиозных представлений, в сущности, не испытывала влияния греческого религиозного мира до падения Карфагенского государства» (Хан).

⁸ Имются, однако, свидетельства о принятии карфагенянами греческих богинь Деметры и Керы, а также Диониса.

39. ПЕРСПЕКТИВА

С разрушением Карфагена и превращением карфагенской территории в римскую провинцию Африку с политической карты мира исчезло государство, которое в течение нескольких столетий в значительной степени определяло судьбы Западного Средиземноморья. Но если под словом «Карфаген» понимать не только государство, но и социальный, культурный и религиозный феномен, то такой Карфаген продолжал существовать. И даже в своем городском существовании Карфаген исчез не навсегда.

Фундамент восстановления города заложил народный трибун Г. Семпроний Гракх, когда он (вероятно, в 122 г.) через посредство своего коллеги получил поручение народного собрания рядом с проклятой землей бывшего соперника основать колонию под именем Колония Юнония Карфаген. Популяры в соответствии с волей Гракха хотели приобрести на земле Северной Африки важный опорный пункт. Однако оптиматские противники народного трибуна с помощью религиозно-правовых аргументов сумели провалить гракханский проект, который уже начал реализовываться. Но и в последующее время действовали члены комиссии, которые предоставляли италийским колонистам «карфагенскую» землю. Однако это были люди, которые принадлежали к политическим противникам Гракха. Но и гракханские колонисты оставались в стране, хотя землю для поселения они получали только по одиночке («*viritim*»)¹.

Если отвлечься от квазиколониальных оснований Г. Мария в Нумидии, то только в цезаревское и августовское время после поражения помпеянцев и нумидского царя Юбы и создания провинции Новой Африки был дан большой толчок к италийскому поселению в стране. Только теперь начался в значительном объеме процесс «романизации». Особое значение имело то, что Цезарь в 44 г. взялся за старый гракханский план восстановления Карфагена. Но выведена была Колония Юлия Карфаген, вероятно, только уже после смерти диктатора, хотя еще в том же 44 г. В 40 или 39 г. она была возведена в ранг столицы новой провинции Африки. В 29 г. Цезарь сын

¹ То есть речь не шла о выведении колонии.

поселил в Карфагене еще три тысячи колонистов, и, видимо, именно тогда вся проклятая территория пунического города была включена в колонию. Тем самым был открыт путь и создана одна из важнейших предпосылок для нового подъема города. И такой подъем был впечатляющим. Уже Страбон говорит: «Этот город процветает так, как и другие города Ливии», а Мела называет город «снова уже могущественным». Императоры Адриан, Антонин Пий, Аврелий и Коммод уделяли ему особое внимание, а из слов Апулея можно видеть, что в середине II в. н. э. он был одним из самых значительных центров империи. При «африканских» Северах Карфаген достиг своего расцвета. Септимий Север дал городу, как, впрочем, и колониям Лептис Магна и Утика, *ius Italicum* (италийское право), а Аврелий Антонин (Каракалла) расширил имя, ставшее Колония Юлия Аврелия Антонинана Карфаген. По свидетельству Геродиана, в это время Карфаген вместе с Александрией занимал второе место в Римской империи и только сам Рим превосходил его по своему значению. Нечто подобное утверждает и Солин. И в конце IV в., по словам Авзония, Карфаген занимал третье место после Рима и Константинополя.

19 октября 439 г. Гейзерих, король вандалов и аланов, захватил Карфаген. Хотя этим он и открыл новую страницу в истории города, но не предпринял действий, которые привели бы к существенному уменьшению его значения.

После того как Велизарий, генерал восточноримского императора Юстиниана I, отнял у вандалов власть в Африке, Карфаген также сначала еще играл значительную роль. Однако войны, восстания и эпидемии привели к тому, что, несмотря на заботу, какую проявлял о нем Юстиниан, значение города падало. Конечно, он мог бы достичь нового подъема, если бы стал реальностью план Гераклия перенести резиденцию из Константинополя в Карфаген. Однако сопротивление, какое этот план встретил в Константинополе, заставило императора отказаться от него (619 г.).

Судьба Карфагена, наконец, была решена, когда Хасан ибн Нуман эль-Гасани, генерал у халифа Абд эль-Малика, в 698 г. окончательно захватил город (первый раз это произошло еще в 695 г.) и сровнял его с землей. Старый соперник Тунис теперь взял на себя роль Карфагена, и это продолжается до сегодняшнего дня.

С гракханского времени Карфаген имел преимущественно римский характер. Но пунические традиции политического типа не погибли вместе с пуническим предшественником. Эти традиции имелись

в хинтерланде города, и там они давно пустили сильные корни, и эти корни римляне не смогли вырвать ни в 146, ни в 46 г., ни в более позднее время. Особенно ясно это видно в области управления, и прежде всего городского управления. В многочисленных североафриканских городах и в послепуническое время во главе администраций стояли суфеты, и даже существует мнение, что многие города именно в это время переняли пуническую организацию управления. В институтах *senatus* или *ordo* (сенат) и *populus* или *plebs* (народное собрание) бывших пунических и, может быть, также нумидийских городов продолжали жить пунические институты 'dgm и 'm. И институт *portae* (ворота) тоже, кажется, надо возвести к пуническому институту, возможно, к институту гетерий (= mʒrhm?).

Одно из самых значительных свидетельств жизненности пунической культуры — сохранение пунического языка в Северной Африке. Прежде всего по так называемым латинско-ливийским надписям и многим текстам Августина можно увидеть, что пунический язык, особенно в низших слоях и во внутренних районах, еще использовался в повседневной жизни, по крайней мере в V в. н. э. Кроме того, пунический язык еще долго служил нумидийским и мавританским царям в качестве языка управления. Об этом свидетельствуют пуническо-нумидийские билингвы и монеты, легенды которых в период от Сифакса до Юбы I написаны пуническим или неопуническим письмом. Латинские легенды впервые появляются только на монетах из драгоценных металлов Юбы I. И как литературный язык пунический сохранялся еще некоторое время; так, нумидийский царь Гиемпсал II написал свой труд по истории Африки на пуническом языке.

Насколько широко пуническое мышление вошло в произведения авторов, писавших на латинском или греческом языке, судить трудно. Определенно только, что произведение аграрного писателя Магона приобрело очень большой резонанс.

Зато пуническая религия продолжала процветать. Баал-Хамон торжествовал в образе Сатурна, даже если и не в высших слоях населения. И также влияние жрецов и жрицы Тиннит, носившей теперь имя Целестис (Небесной богини), было, как кажется, значительным. И едва ли надо отрицать, что некоторые теологемы пунической религии и соответствующие им представления даже вошли в африканское христианство и на этом пути достигли далекого эффекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Источники

І. Надписи

- Corpus inscriptionum semiticarum I 1–3 / Ed. E. Renan u.a. Parisiis, 1881–1952 (Texte und Abbildungen) [CIS].
- Répertoire d'épigraphie sémitique / Éd. la Commission du Corpus inscriptionum semiticarum. 8 Bde. Paris, 1900/5–1968 [RES].
- Kanaanäische und aramäische Inschriften. 3 Bde / Hg. v. H. Donner, W. Röllig. Wiesbaden, ³1971–1976 [KAI].
- Textbook of Syrian Semitic Inscriptions III. Phoenician Inscriptions / Ed. J. C. L. Gibson. Oxford, 1982 [TSSI].
- Le iscrizioni fenicie e puniche delle colonie in occidente / Ed. M. G. Guzzo Amadasi. Roma, 1967 [ICO].
- Le Sanctuaire punique d'El-Hofra à Constantine. 2 Vol. / Éd. A. Berthier, R. Charlier. Paris, 1952–1955 [EH].
- Iscrizioni puniche della Tripolitania (1927–1967) (Monografie di archeologia libica 22) / Ed. v. G. L. D. Vida, Maria Giulia Amadasi Guzzo. Roma, 1987 [IPT].
- Inscriptions antiques du Maroc I / Éd. L. Galand, J. Février, G. Vajda. Paris, 1966 [IAM].
- Recueil des inscriptions libyques / Éd. v. J.-B. Chabot. Paris, 1940–1941 [RIL].

II. Папирусы и многочисленные отдельные произведения античных авторов указывать здесь излишне. Я только указываю следующую работу:

- Fonti classiche per la civiltà fenicia e punica I. Fonti letterarie greche dalle origini alla fine dell'età classica / Ed. F. Mazza, S. Ribichini, P. Xella (Collezione di Studi Fen. 27). Roma, 1988.

Б. Избранная литература

Сокращения журналов и академических изданий взяты из «Année Philologique».

І. Работы общего характера

- Acquaro E.* Cartagine: un impero sul Mediterraneo. Roma, 1978.
- Ameling W.* Karthago. Studien zu Militär, Staat und Gesellschaft (Vestigia 45). München, 1993.
- Auctores varii.* Rom und Karthago / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943].

- Auctores varii*. Dictionnaire de la civilisation phénicienne et punique. Turnhout, [1992].
- Auctores varii*. Dizionario della civiltà fenicia. Roma, [1992].
- Auctores varii*. Karthago (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992.
- Barreca F.* La civiltà di Cartagine. Cagliari, 1964.
- Fantar M.* Carthage. La prestigieuse cité d'Elissa. Tunis, [1970].
- Fantar M. H.* Carthage. Approche d'une civilisation. 2 vol. Tunis, 1993.
- Gsell S.* Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. 8 vol. Osnabrück, 1972–1979 (= Paris I, ³1921; II, 1918; III, 1918; IV, ²1929; V, ²1929; VI, ²1929; VII, ²1930; VIII, 1928).
- Harden D.* The Phoenicians. Harmondsworth, ³1980.
- Julien Ch.-A., Courtois Ch.* Histoire de l'Afrique du Nord I. Paris, ²1951.
- Lancel S.* Carthage. Paris, 1992.
- Lapeyre G.-G., Pellegrin A.* Carthage punique (814–146 avant J.-C). Paris, 1942.
- Meltzer O., Kahrstedt U.* Geschichte der Karthager. 3 Bde. New York, 1975 (= Berlin, 1879–1913).
- Moscatti S.* Cartaginesi. Milano, 1982 (большей частью превосходные иллюстрации).
- Moscatti S.* Scritti fenici minori. Roma, 1988.
- Picard G.* Le monde de Carthage. Paris [1956].
- Charles-Picard G. u. Colette.* La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. Paris, 1982 (= 1958).
- Picard G. Ch. u. C.* Carthage. A survey of Punic history and culture from its birth to the final tragedy / Transl. D. Collon. London, 1987.
- Tlatli S.-E.* La Carthage punique. Étude urbaine, Paris [1978].
- Tsirkin Yu. B.* Karthago und seine Kultur. Moskwa, 1986 (на русском языке).
- Warmington B. H.* Karthago / Übs. v. P. Baudisch. Wiesbaden, ²1964.

II. Финикийская экспансия

- Aubet M. E.* Tiro y las colonias fenicias de Occidente. Barcelona, 1987.
- Auctores varii*. Ricerche puniche nel Mediterraneo centrale. Roma, 1970.
- Auctores varii*. L'espansione fenicia nel Mediterraneo. Roma, 1971.
- Auctores varii*. Simposio Internacional de Colonizaciones. Barcelona, 1974.
- Auctores varii*. Phönizier im Westen (Madrider Beitr. 8) / Hg. v. H. G. Niemeyer. Mainz, 1982.
- Auctores varii*. Fenici e Arabi nel Mediterraneo. Roma, 1983.
- Auctores varii*. Momenti precoloniali nel Mediterraneo antico / Ed. E. Acquaro u. a. Roma, 1988.
- Auctores varii*. Les Phéniciens à la conquête de la Méditerranée. Dossiers Histoire et Archéologie. 132. 1988 (без приложений).
- Bondi S. F.* Qualche appunto sui temi della più antica colonizzazione fenicia // EVO. 1981. N 4. P. 343–348.
- Bondi S. F.* I Fenici in Occidente // Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone (24–30 mai 1981). Pise; Rome, 1983. P. 379–400, 407.

- Bondi S. F.* Per una caratterizzazione dei centri occidentali nella più antica espansione fenicia // EVO. 1984. N 7. P. 75–92.
- Botto M.* L'attività economica dei Fenici in Oriente tra il IX e la prima metà dell' VIII sec. A. C // EVO. 1988. N 11. P. 117–154.
- Bunnens G.* L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles; Rome, 1979.
- Frankenstein S.* Power and Propaganda (Mesopotamia 7). Copenhagen, 1979. P. 263–294.
- Garbini G.* I Fenici in Occidente // I Fenici. Storia e religione. Napoli, 1980. P. 125–150.
- Moscato S.* Il mondo dei fenici. Milano, 1979.
- Moscato S.* L'enigma dei Fenici. Milano, 1982 (без примечаний).
- Moscato S.* Tra Tiro e Cadice. Temi e problemi degli studi fenici (Studia Punica 5). Roma, 1989.
- Muhly J. D.* Phoenicia and the Phoenicians // Biblical Archaeology Today. Proceedings of the International Congress on Biblical Archaeology / Ed. J. Amitai. Jerusalem, [1985]. P. 177–191.
- Nienteyer H. G.* Die Phönizier und die Mittelmeerwelt im Zeitalter Homers // JRGZ. 1984. Bd. 31. S. 1–94.
- Niemeyer H. G.* Das frühe Karthago und die phönizische Expansion im Mittelmeerraum. Göttingen, 1989.
- Szzyrmer M.* L'expansion phénico-punique dans la Méditerranée occidentale. Problèmes et méthodes // Actes du 2e Congrès international d'études des cultures de la Méditerranée occidentale I. Rapports. Alger, 1976. P. 35–48.
- Whittaker C. R.* The Western Phoenicians: Colonisation and Assimilation // PCPhS. 1974. Vol. 200. P. 58–79.
- Young G. D.* The Historical Background of Phoenician Expansion into the Mediterranean in the Early First Millennium B. C.: Diss. Brandeis Univ. 1969.

Кипр, Анатолия и Ассирия

- Auctores varii.* Salamine de Chypre (Colloques Internationaux du C. N. R. S. 578). Paris, 1980.
- Auctores varii.* Studia Phoenicia III. Phoenicia and its Neighbours / Ed. E. Gubel, E. Lipiński. Leuven, 1985.
- Auctores varii.* Studia Phoenicia V. Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. / Ed. E. Lipiński. Leuven, 1987.
- Dugand J.-E.* Chypre et Canaan. Nice, 1973.
- Garbini G.* I Fenici a Cipro // I Fenici. Storia e religione. Napoli, 1980. P. 117–123.
- Hill G.* A History of Cyprus I. Cambridge, 1949 (= 1940).
- Karageorghis V.* Kition. London, [1976].
- Masson O., Szzyrmer M.* Recherches sur les Phéniciens à Chypre. Genève; Paris, 1972.
- Nicolaou K.* The Historical Topography of Kition. Göteborg, 1976.

Эгейское пространство

- Billigmeier J.-Ch.* Kadmos and the Possibility of a Semitic Presence in Helladic Greece: Diss. Univ. of California. Santa Barbara, 1976; Ann Arbor, 1979.

Edwards R. B. Kadmos the Phoenician. Amsterdam, 1979.

Muhly J. D. Homer and the Phoenicians. The Relations between Greece and the Near East in the Late Bronze and Early Iron Ages // Berytus. 1970. Vol. 19. P. 19–64.

Shaw J. W. Phoenicians in Southern Crete // AJA. 1989. Vol. 93. P. 165–183.

Сицилия, Пантелерия, Мальта и Гоццо

Auctores varii. Missione archeologica italiana a Malta. 8 vol. Roma, 1964–1973.

Bisi A. M. In margine ad alcune terrecotte puniche arcaiche di Pantelleria // Sicilia Archeol. 1970. Vol. 3. N 10. P. 17–26.

Bondi S. F. Su alcuni aspetti della penetrazione fenicio-punica in Sicilia // RIL. 1977. Vol. 111. P. 237–248.

Bondi S. F. La Sicilia fenicio-punica: il quadro storico e la documentazione archeologica // BA. 1985. Vol. 170, N 31/32. P. 13–32.

Braccesi L. Trattazione storica // La Sicilia antica I. 1 / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 53–86, здесь с. 75–80.

Il'jinskaja L. S. Die Phoiniker auf Sizilien // VDI. 1987. N 180. S. 41–54 (на русском языке).

Manni E. Sémites et Grecs en Sicilejusqu' au Ve siècle avant J.-C. // BAGB. 1974. P. 63–84.

Mayr A. Die Insel Malta im Altertum. München, 1909.

Moscatti S. Fenici e Cartaginesi in Sicilia // Kokalos. 1972/73. Vol. 18/19. P. 23–31.

Moscatti S. I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977. P. 23–127, 285–298.

Moscatti S. Sicilia e Malta nell'età fenicio-punica // Kokalos. 1976/77. Vol. 22/23. N 1. P. 147–161.

Moscatti S. La Sicilia tra l'Africa fenicio-punica e il Tirreno // Kokalos. 1980/81. Vol. 26/27. P. 80–94, 98.

Moscatti S. Italia punica. Milano, 1986. P. 19–138 ; 329–342.

Moscatti S. Fenici e Greci in Sicilia: aile origini di un confronto // Kokalos. 1984/85, ersch. 1987. Vol. 30/31. N 1. P. 1–19, 22.

Szmycer M. Antiquités et épigraphiques nordsémitiques (Recherches sur les Phéniciens à Malte d'après les documents épigraphiques) // AEHE, IVe sect., 1972–1973, ersch. 1973. P. 145–160; 1973–1974, ersch. 1974. P. 131–148; 1974–1975, ersch. 1975. P. 191–205.

Tusa V. La Sicilia fenicio-punica // DHA. 1983. Vol. 9. P. 237–285.

Tusa V. La Sicilia fenicio-punica: stato attuale delle ricerche e degli studi e prospettive per il futuro // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I. Roma, 1983. P. 187–198.

Tusa V. I Cartaginesi nella Sicilia occidentale // Kokalos. 1982/83, ersch. 1984. Vol. 28/29. P. 131–146; 149.

Tusa V. I Fenici e i Cartaginesi // Carratelli S. P. u. a. Sikanie. Milano, ²1986 (= 1985). P. 577–631.

Tusa V. Fenici e Punici in Sicilia: stato présente e prospettive per il futuro degli studi e delle ricerche // Atti del II Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I. Roma, 1991. P. 217–225

Verger A. Pantelleria nell'antichità // OA. 1966. Vol. 5. P. 249–275.

Сардиния

- Auctores varii*. Atti della XXII Riunione scientifica nella Sardegna centro-settentrionale. Firenze, 1980.
- Auctores varii*. I Sardi. La Sardegna dal Paleolitico all'età romana / Hg. v. E. Anati. Milano, 1984.
- Auctores varii*. Ichnussa. Milano, 1985 (= 1981).
- Auctores varii*. Società e cultura in Sardegna nei periodi orientalizzante ed arcaico (Fine VIII sec. a. C. — 480 a. C.). Cagliari, 1986.
- Auctores varii*. La Sardegna nel Mediterraneo tra il Secondo e il Primo Millennio a. C. Cagliari, 1987.
- Barreca F.* La Sardegna fenicia e punica. Sassari, ²1984 (= ²1979).
- Barreca F.* L'archeologia fenicio-punica in Sardegna. Un decennio di attività // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici II. Roma, 1983. P. 291–310.
- Barreca F.* La civiltà fenicio-punica in Sardegna. Sassari, 1986.
- Bernardini P.* Le aristocrazie nuragiche nei secoli VIII e VII a. C.: Proposte di lettura // PP. 1982. Vol. 37. P. 81–101.
- Bisi A. M.* La questione orientalizzante in Sardegna // Opus. 1984. Vol. 3. P. 429–442, 444.
- Botto M.* I commerci fenici e la Sardegna nella fase precoloniale // EVO. 1986. Vol. 9. P. 125–149.
- Cecchin S. M.* I ritrovamenti fenici e punici in Sardegna. Roma, 1969.
- Hölbl G.* Ägyptisches Kulturgut im phönikischen und punischen Sardinien. 2 Bde. Leiden, 1986.
- Lilliu G.* Rapporti fra la civiltà nuragica e la civiltà fenicio-punica in Sardegna // SE. 1944. N 18. P. 323–370 u. T. XII–XV.
- Moscato S.* La penetrazione fenicia e punica in Sardegna // MALVIII. 1965/66. 12. P. 215–250.
- Moscato S.* Considerazioni sulla cultura fenicio-punica in Sardegna // RAL. 1967. Vol. VIII, N 22. P. 129–152.
- Moscato S.* Fenici e Cartaginesi in Sardegna. Milano, 1968.
- Moscato S.* I Cartaginesi in Italia. Milano, 1977. P. 129–282.
- Moscato S.* Fenici e Greci in Sardegna // RAL. 1985. Vol. VIII, N 40 (появ. 1986). P. 265–271.
- Moscato S.* Italia punica. Milano, 1986. P. 139–325.

Апеннинский полуостров

- Moscato S.* Per una storia dell'Italia prima di Roma // 2° Convegno sulla Preistoria — Protostoria — Storia della Daunia. Atti, San Severo, 1982. P. 205–217.
- Rathje A.* Oriental Imports in Etruria in the Eighth and Seventh Centuries B. C.: Their Origins and Implications // Italy Before the Romans / Ed. D. a. Fr. R. Ridgway. London; New York; San Francisco, 1979. P. 145–183.
- Rathje A.* I keimelia orientali // Opus. 1984. 3. P. 341–354.

Иберийский полуостров

- Alvar Ezquerro J.* La navegación prerromana en la Península Ibérica: colonizadores e indígenas: Diss. Madrid, 1981. P. 1–93.

- Semmler M. E. A.* Aspectos de la colonización fenicia en Andalucía durante el siglo VIII a. C // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III*. Roma, 1983. P. 815–824.
- Aubet Semmler M. E.* Los fenicios en España: estado de la cuestión y perspectivas // *Aula Orientalis*. 1985. 3. P. 9–38.
- Auctores varii.* Tartessos y sus problemas // *V Symposium internacional de Prehistoria Peninsular*. Barcelona, 1969.
- Auctores varii.* Los Fenicios en la Península Ibérica, 2 vol. / Ed. G. del Olmo Lete, M. E. A. Semmler. Barcelona, 1986.
- Auctores varii.* Varia // *Aula Orientalis*. 1986. 4.
- Auctores varii.* Varia // *Homenaje a L. Siret (1934–1984)* / Ed. O. Arteaga. Sevilla, 1986. P. 497–637.
- Auctores varii.* *Actas del Congreso Internacional “El Estrecho de Gibraltar” I* / Ed. E. Ripoll Perello. Madrid, 1988.
- Auctores varii.* Los enigmas de Tarteso / Ed. J. Alvar, J. M. Blázquez. Madrid, 1993.
- Blázquez J. M.* Relaciones entre Hispania y los Semitas (Sirios, Fenicios, Chipriotas, Cartagineses y Judíos) en la Antigüedad // *Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben. I. Festschrift f. F. Altheim... / Hg. v. Ruth Stiehl, H. E. Stier*. Berlin, 1969. P. 42–75, здесь с. 42–60.
- Blázquez J. M.* Tartessos y los orígenes de la colonización fenicia en Occidente. Salamanca, ²1975.
- Blázquez J. M.* Panorama general de la presencia fenicia y púnica en España // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici II*. Roma, 1983. P. 311–373.
- Blázquez J. M.* Varia // J. M. Blázquez u. a. *Historia de España Antigua I. Protohistoria*. Madrid, ²[1983]. P. 277–525.
- Blázquez J. M.* Fenicios, griegos y cartagineses en Occidente. Madrid, 1992.
- Cirkin Ju. B.* Phönizier und Spanier. Zum Problem der kulturellen Kontakte // *Klio*. 1981. Bd. 63. P. 411–421.
- Fernández-Miranda M.* Ambiente tartésico y colonización fenicia en el suroeste peninsular ibérico // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III*. Roma, 1983. P. 847–856.
- Frankenstein S. M.* The Impact of Phoenician and Greek Expansion on the Early Iron Age Societies of Southern Iberia and Southwestern Germany: Diss. London, 1977.
- García y Bellido A.* Fenicios y Cartagineses en Occidente. Madrid, 1942.
- García y Bellido A.* Colonización púnica // *Historia de España I 2* / Ed. R. M. Pidal. Madrid, ⁴1982 (= 4952). P. 309–492.
- García y Bellido A.* Algunas novedades sobre la arqueología púnico-tartésica // *AEA*. 1970. Vol. 43. P. 3–49.
- Lipiński E.* Vestiges phéniciens d’Andalousie // *OLP*. 1984. 15. P. 81–132.
- Niemeyer H. G.* Orient im Okzident — Die Phöniker in Spanien: Ergebnisse der Grabungen in der archäologischen Zone von Torre del Mar (Malaga) // *MDOG*. 1972. 104. P. 5–44.
- Pellicer M.* Yacimientos orientalizantes del Bajo Guadalquivir // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III*. Roma, 1983. P. 825–836.

- Rouillard P.* Les Grecs et la Péninsule Ibérique du VIIIe au IVe siècle avant Jésus-Christ. Paris, 1991.
- Wagner E. C. G.* Fenicios y Cartagineses en la Península Ibérica: Diss. Madrid, 1983.
- Wagner C. G.* Notas en torno a la aculturación en Tartessos // *Gerión*. 1986. 4. P. 129–160.

Марокко

- Auctores varii.* Lixus. Paris; Rome, 1992.
- Euzennat M.* L'archéologie marocaine de 1958 à 1960 // *BAM*. 1960. 4. P. 523–564.
- Cintas P.* Contribution à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954.
- Jodin A.* Carthage et le Maroc phénicien (travaux et publications) // *BAM*. 1977/78. N 11. P. 65–78.
- Niemeyer H.-G.* Das archaische Lixus: Bemerkungen zum aktuellen Forschungsstand // *HBA*. 1988–1990, ersch. 1992. 15–17. P. 189–207.
- Ponsich M., Tarradell M.* Garum et industries antiques de salaison dans la Méditerranée occidentale. Paris, 1965. P. 7–77.
- Tarradell M.* Historia de Marruecos. Marruecos púnico. Tetuan, 1960.

Алжир и Тунис

- Ben Younes H.* Trente années d'Archéologie et d'Histoire ancienne en Tunisie 1956/1986 // *IBLA*. 1987. N 50. P. 11–59.
- Ennabli A.* North African Newsletter 3: Parti. Tunisia 1956–1980 // *AJA*. 1983. N 87. P. 197–206.
- Fantar M.* Les études puniques en Tunisie // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I*. Roma, 1983. P. 179–186.
- Ferron J. L.* La Byzacène à l'époque punique. État actuel des connaissances // *CT*. 1963. 11. P. 31–46.
- Leglay M.* Archéologie punique, romaine et chrétienne // *RAf*. 1954. 98. P. 215–232.
- Lund J.* Prolegomena to a Study of the Phoenician/Punic Colonization of Tunisia // *Acta Hyperborea*. 1988. Vol. 1. P. 44–57.
- Vuillemot G.* Reconnaissances aux échelles puniques d'Oranie. Autun, 1965.

Ливия

- Bisi Ingrassia A. M.* Note ad alcuni toponimi punici e libici della Cirenaica // *QAL*. 1977. N 9. P. 125–134.
- Di Vita A.* Les Phéniciens de l'Occident d'après les découvertes archéologiques de Tripolitaine // *The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilizations* / Hg. v. W. A. Ward. Beirut, [1968]. P. 77–98.
- Haynes D. E. L.* An archaeological and historical guide to the pre-Islamic antiquities of Tripolitania. Worcester; London, ²[1959].
- Merighi A.* La Tripolitania antica I. Verbania, 1940.

III. Основание города

- Alvar J., Wagner C. G.* Consideraciones históricas sobre la fundación de Cartago // Gerión. 1985. 3. P. 79–95.
- Bunnens G.* L'expansion phénicienne en Méditerranée. Bruxelles; Rome, 1979. P. 315–329.
- Forrer E. O.* Karthago wurde erst 673–663 v. Chr. gegründet // Festschrift F. Dornseiff / Hg. v. H. Kusch. Leipzig, 1953. P. 85–93.
- Frézouls E.* Une nouvelle hypothèse sur la fondation de Carthage // BCH. 1955. N 79. P. 153–176.
- Moscato S.* La fortuna di Elissa // RAL. 1985. VIII. N 40 (ersch. 1986). P. 95–98.
- Rebuffat R.* Notes sur les premiers temps de Carthage // REA. 1971. 73. P. 159–175.
- Van Compernelle R.* Étude de chronologie et d'historiographie siciliotes. Bruxelles; Rome, 1959. P. 139–235.
- Compernelle R. van.* L'inscription de Salmanasar III, IM 55644, du Musée de Bagdad, la chronologie des rois de Tyr et la date de la fondation de Carthage (806/5 avant notre ère) // AIPHO. 1968/72 (ersch. 1973). N 20. P. 467–479.

IV. Топография

- Carandini A. u. a.* Rapporto preliminare delle campagne 1973–77 // QAL. 1983. N 13. P. 9–61.
- Cintas P.* Manuel d'archéologie punique I. Paris, 1970. P. 309–460; II. Paris, 1976. P. 118–137.
- Debergh J.* Autours du port de commerce de Carthage // Studia Phoenicia IX. Numismatique et histoire économique phéniciennes et puniques / Éd. T. Hackens, Gh. Moucharte. Louvain; la-Neuve, 1992. P. 283–297 u. T. XLI–XLIII.
- Ennoblis A.* La campagne internationale de sauvegarde de Carthage: Fouilles et recherches archéologiques 1973–1987. Premiers bilans // CRAI. 1987. P. 407–438, оcoб. 417–426.
- Holst J. u. a.* Die deutschen Ausgrabungen in Karthago (Karthago 1). Mainz, [1991].
- Lancel S.* Remarques sur la topographie urbaine de la Carthage punique // BCTH N. 1981 (ersch. 1984). F. 17 B. P. 35–52, 53.
- Lancel S.* La renaissance de la Carthage punique. Réflexions sur quelques enseignements de la campagne internationale patronnée par l'UNESCO // CRAI. 1985. P. 727–751.
- Lancel S.* Les fouilles de la mission archéologique française à Carthage et le problème de Byrsa // Studia Phoenicia VI. Carthago / Éd. E. Lipiński. Leuven, 1988. P. 61–89.
- Lapeyre G.-G., Pellegrin A.* Carthage punique (814–146 avant J.-C). Paris, 1942. P. 24–52.
- Moscato S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 151–273.
- Oehler R.* Karthago // RE. 1919. X 2. P. 2150–2224.
- Picard C.* Carthage. Paris, 1951.
- Picard C.* Carthage après Zama // Semitica. 1983. N 33. P. 41–50.

- Rakob F.* Deutsche Ausgrabungen in Karthago // 150 Jahre Deutsches Archäologisches Institut 1829–1979. Mainz, [1981]. S. 121–132, здесь с. 126–132.
- Rakob F.* Deutsche Ausgrabungen in Karthago. Die punischen Befunde // MDAIR. 1984. N 91. S. 1–22. T. 1–29.
- Rakob F.* Die internationalen Ausgrabungen in Karthago // Gymnasium. 1985. N 92. S. 489–513.
- Rakob F.* Karthago. Die frühe Siedlung // MDAIR. 1989. N 96. S. 155–208 u. T. 34–49.
- Rakob F.* Neue Forschungen zur archaischen Siedlungstopographie Karthagos // Atti del II Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III. Roma, 1991. S. 1161–1164.
- Rakob F.* Ein punisches Heiligtum in Karthago und sein römischer Nachfolgebau // MDAIR. 1991. N 98. S. 33–80. Abb. 1–17. T. 3–27.
- Szyncer M.* Le problème de la “Megara” de Carthage // Histoire et archéologie de l’Afrique du Nord. Actes du IIIe Colloque international... Paris, 1986. P. 119–131, 132.
- Szyncer M.* Carthage et la civilisation punique // Rome et la conquête du monde méditerranéen II / Éd. C. Nicolet. Paris, ²1989. P. 545–593, здесь с. 553–561.

V. Народ

- Acquaro E.* Antropologia e antichità fenicio-puniche // Antropologia contemporanea. 1983. N 6. P. 43–49.
- Bunk E.* Das Bild der Karthager in der römischen Literatur // Rom und Karthago / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943]. S. 297–345.
- Capizzi A.* La porta di Parmenide. Roma, 1975. P. 71–112.
- Dubuisson M.* L’image du Carthaginois dans la littérature latine // Studia Phoenicia I / II. Redt Tyrus/Fenicische geschiedenis / Ed. E. Gubel, E. Lipiriski, B. Servais-Soyez. Leuven, 1983. P. 159–167.
- Freyburger G.* Originalité et développement du thème de la “fides punica” // AEHE, V^e sect. 1983/84. N 92. P. 347 f.
- Gelzer M.* Der Rassengegensatz als geschichtlicher Faktor beim Ausbruch der römisch-karthagischen Kriege, jetzt // Vom römischen Staat I. Leipzig, o. J. S. 49–77; 152–160.
- Luria S.* Zum Problem der griechisch-karthagischen Beziehungen // AAntHung. 1964. N 12. S. 53–75.
- Mantel N.* Poeni foedifragi. München, 1991.
- Mazza F.* L’immagine dei Fenici nel mondo antico // i Fenici [Catalogo della Mostra] / Ed. M. Andreose. Milano, 1988. P. 548–567.
- Prandi L.* La “fides punica” e il pregiudizio anticartaginese // Conoscenze etniche e rapporti di convivenza nell’antichità / Ed. M. Sordi. Milano, 1979. P. 90–97.
- Schachermeyr F.* Karthago in rassengeschichtlicher Betrachtung // Rom und Karthago / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943]. S. 9–43.
- Thiel J. H.* Punica fides (Meded. d. Kon. Nederl. Akad. van Wetenschappen // Afd. Letterkunde, N. R. Vol. 17. N 9. Amsterdam, 1954.

К вопросу о языке и письме

- Fecht G.* Metrik des Hebräischen und Phönizischen (Ägypten u. A. T. 19). Wiesbaden, 1990, oco6. S. 182–211.
- Friedrich J., Röllig W.* Phönizisch-punische Grammatik (Analecta orientalia 46). Roma, ²1970.
- Fuentes Estanol M.-J.* Vocabulario Fenicio. Barcelona, 1980.
- Garbini G.* Il semitico di nord-ovest. Napoli, 1960.
- Garbini G.* Storia e problemi dell'epigrafia semitica. Napoli, 1979. P. 7–26.
- Garbini G.* Venti anni di epigrafia punica nel Magreb (1965–1985) (RstudFen. 14, Suppl.). Roma, 1986.
- Harris Z. S.* A Grammar of the Phoenician Language. New Haven, 1936.
- Jean Ch.-F., Hoftijzer J.* Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'ouest. Leiden, 1965.
- Peckham J. B.* Development of the Late Phoenician Scripts. Cambridge (Mass.), 1968.
- Röllig W.* Die phönizische Sprache. Bemerkungen zum gegenwärtigen Forschungsstand // Auetores varii, Karthago (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992. S. 76–94.
- Roschinski H. P.* Die punischen Inschriften // Auetores varii, Karthago (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992. S. 95–108.
- Segert S.* A Grammar of Phoenician and Punic. München, 1976.
- Szynger M.* Rapport sur l'épigraphie phénicienne et punique // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici II. Roma, 1983. P. 387–395.
- Tomback R. S.* A Comparative Semitic Lexicon of the Phoenician and Punic Languages. Missoula Mont, [1978].

VI. Восхождение к великой державе (814–812/480 гг.)

- Arteaga O., Padró J., Sanmarti E.* La expansión fenicia por las costas de Cataluña y del Languedoc // Aula Orientalis. 1986. N 4. P. 303–314.
- Astruc M.* Echanges entre Carthage et l'Espagne d'après le témoignage de documents céramiques provenant d'anciennes fouilles // REA. 1962. N 64. P. 62–81.
- Auctores varii.* Le lamina di Pyrgi (Problemi attuali di scienza e di cultura 147). Roma, 1970.
- Barceló P. A.* Karthago und die Iberische Halbinsel vor den Barkiden (Antiquitas. I, 37). Bonn, 1988.
- Barceló P.* Zur karthagischen Überseepolitik im VI. und V. Jahrhundert v. Chr. // Gymnasium. 1989. N 96. S. 13–37.
- Barreca F.* Istituzioni militari e fortificazioni fenicio-puniche. Cagliari, 1975.
- Barreca F.* Le fortificazioni puniche sul Capo Bon // Barreca F., Fantar M. H. Prospezione archeologica al Capo Bon II. Roma, 1983. P. 7–40.
- Bartoloni P.* Le relazioni tra Cartagine e la Sardegna nei secoli VII e VI a. C // EVO. 1987. Vol. 10, N 1. P. 79–86.
- Benoit F.* Relations commerciales entre le monde ibéro-punique et le midi de la Gaule de l'époque archaïque à l'époque romaine // REA. 1961. N 63. P. 321–330.

- Blázquez J. M.* Relaciones entre Hispania y los Semitas (Sirios, Fenicios, Chipriotas, Cartagineses y Judios) en la Antigüedad // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben I: Festschrift f. F. Altheim... / Hg. v. R. Stiehl; H. E. Stier. Berlin, 1969. S. 42–75, здесь с. 60–67.
- Camps G.* Les Numides et la civilisation punique // AntAfr. 1979. N 14. P. 43–53.
- Cintas P.* Contribution à l'étude de l'expansion carthaginoise au Maroc. Paris, 1954.
- Étienne Colozier.* Les Étrusques et Carthage // MEFR. 1953. N 65. P. 63–98.
- Ferron J.* Les relations de Carthage avec l'Étrurie // Latomus. 1966. N 25. P. 689–709.
- Hans L.-M.* Karthago und Sizilien: Diss. Hamburg, 1981 (Hildesheim; Zürich; New York, 1983).
- Hase F. W., von.* Der etruskische Bucchero aus Karthago: Ein Beitrag zu den frühen Handelsbeziehungen im westlichen Mittelmeergebiet (7.–6. Jahrhundert v. Chr.) // IRGZ. 1989. Bd. 36. S. 327–410 u. T. 11–33.
- Carter Th. H.* Western Phoenicians at Lepcis Magna // AJA. 1965. Vol. 69. P. 123–132.
- Jodin A.* Recherches sur la métrologie du Maroc punique et hellénistique. Tanger, 1975.
- Jodin A.* Les Grecs d'Asie et l'exploration du littoral marocain // Revista de la Univ. Complutense. 1976. T. 25, N 2. P. 57–91.
- Jully J. J.* Koiné commerciale et culturelle phénico-punique et ibero-languedocienne en Méditerranée occidentale à l'âge du Fer // AEA. 1975. Vol. 48. P. 22–119.
- Jully J. J.* Présence phénico-punique en Languedoc méditerranéen et en Catalogne // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III. Roma, 1983. P. 805–814.
- Lopez Castro J. L.* El imperialismo cartagines y las ciudades fenicias de la Peninsula Iberica entre los siglos VI–III a. C // SEAP. 1991. N 9. P. 87–107.
- Luquet A.* Prospection punique de la côte atlantique du Maroc // Hespéris. 1956. N 43. P. 117–132.
- Luquet A.* Contribution à l'Atlas Archéologique du Maroc. Le Maroc punique // BAM. 1973/75. N 9. P. 237–328.
- Macintosh J.* Etruscan-Punic Relations: Diss. Bryn Mawr, 1974.
- Maddoli G.* Il VI e il V secolo a. C // La Sicilia anticall / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 1–102.
- Meier-Wekker H.* Karthago, Syrakus und Rom. Göttingen, 1979.
- Montenegro D. A.* Historia de Espana I. Madrid, 1972. P. 338–375.
- Moscatti S.* Tra Cartagine e Roma. Milano, 1971.
- Pallottino M.* Saggi di antichità I. Roma, 1979. P. 371–376.
- Pellicer Catalan M.* La influencia orientalizante en el bronce final-hierro del Nordeste hispano // Habis. 1982. N 13. P. 211–237.
- Pesce G.* Sardegna punica. Cagliari, 1961.
- Schifman I. Sch.* Ursprünge des karthagischen Staats. Moskwa; Leningrad, 1963 (на русском языке).
- Schulten A.* The Carthaginians in Spain // CAH. 21978 (= 21954). Vol. VII. P. 769–792, 927 f.

- Solier Y.* Céramiques puniques et ibéro-puniques sur le littoral du Languedoc du VIème siècle au début du IIème siècle avant J. C // RSL. 1968. N 34. P. 127–150.
- Szmycer M.* Recherches sur les toponymes phéniciens en Méditerranée occidentale // La toponymie antique. Actes du Colloque de Strasbourg 12–14 juin 1975. Leiden, 1977. P. 163–175.
- Wagner E. C. G.* Fenicios y Cartagineses en la Península Ibérica: Diss. Madrid, 1983. P. 112–161, 201–225, 238–250, 284–306.
- Wagner C. G.* El comercio púnico en el Mediterráneo a la luz de una nueva interpretación de los tratados concluidos entre Cartago y Roma // MHA. 1984. N 6. P. 211–224.
- Wagner C. G.* Cartago y el Occidente. Una Revisión Crítica de la Evidencia Literaria y Arqueológica // In Memoriam A. Diaz Toledo. Granada, 1985. P. 437–460.
- Weber O. R. J.* Etruskisch-karthagische Beziehungen. Historisch-archäologische Untersuchung: Diss. Wien, 1983.
- Whittaker C. R.* Carthaginian Imperialism in the Fifth and Fourth Centuries // Imperialism in the Ancient World / Ed. P. D. A. Garnsey, C. R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 59–90.

VII. Африканская экспедиция Ганнона

- Amiotti G.* Cerne: “ultima terra” // Autori vari, Il confine nel mondo classico / Hg. v. M. Sordi. Milano, 1987. P. 43–49.
- Blomqvist J.* The Date and Origin of the Greek Version of Hanno’s Periplus. Lund, 1979.
- Blomqvist J.* Reflections of Carthaginian Commercial Activity in Hanno’s Periplus // Orientalia Suecana. 1984/86. N 33/35. P. 53–62.
- Carcopino J.* Le Maroc antique. Paris, 1944. P. 73–163.
- Casariago J. E.* El periplo de Hannon de Cartago. Madrid, 1947.
- Daebritz [H.]* Hanno 26 // RE. 1912. Vol. VII. N 2. P. 2360–2363.
- Del Turco L.* Annone. Il Periplo. Firenze, 1958.
- Demerliac J.-G., Meirat J.* Hannon et l’empire punique. Paris, 1983.
- De Negri C.* Considerazioni nautiche sul “Periplo” di Annone // Miscellanea di storia delle esplorazioni III. Genova, 1978. P. 33–65.
- Desanges J.* Recherches sur l’activité des Méditerranéens aux confins de l’Afrique. Rome, 1978. P. 39–85.
- Desanges J.* Le point sur le “Périphe d’Hannon”: Controverses et publications récentes // Enquêtes et documents VI. Nantes, 1981. P. 11–29.
- Desanges J.* Des interprètes chez les “Gorilles”. Réflexions sur un artifice dans le “Périphe d’Hannon” // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I. Roma, 1983. P. 267–270.
- Diller A.* The Tradition of the Minor Greek Geographers. Lancaster; Oxford, 1952. P. 48–101, 177–179.
- Fischer C. Th.* De Hannonis Carthaginiensis periplo. Lipsiae, 1893.
- Germain G.* Qu’est-ce que le Périphe d’Hannon? Document, amplification littéraire ou faux intégral? // Hespéris. 1957. N 44. P. 205–248.

- Hennig R.* Terrae incognitae I. Leiden, ²1944. P. 86–95.
- Lonis R.* Les conditions de la navigation sur la côte atlantique de l'Afrique de l'Antiquité: le problème de retour // Afrique noire et monde méditerranéen dans l'antiquité. Dakar, 1978. P. 147–162, 168–170.
- Many G.* Notes linguistiques autour du périple d'Hannon // Hespéris. 1935. N 20. P. 21–72.
- Mauny R.* Note sur le Périple d'Hannon // Première Conférence Internationale des Africanistes de l'Ouest. Comptes rendus II. Paris, 1951. P. 509–530.
- Oikonomides A. N.* Hanno the Carthaginian: Periplus // Antipolis. 1974. N 1. P. 43–76.
- Picard G. Ch.* Le périple d'Hannon n'est pas un faux // Archeologia. 1971. N 40. P. 54–59.
- Picard G. Ch.* Le Périple d'Hannon // Phönizier im Westen (Madrider Beitr. 8) / Hg. v. H. G. Niemeyer. Mainz, 1982. P. 175–180.
- Ramin J.* Le périple d'Hannon. Apports de la littérature et hypothèses // Latomus. 1976. N 35. P. 791–804.
- Ramin J.* Le Périple d'Hannon. The Periplus of Hanno. Oxford, 1976.
- Rebuffat R.* D'un portulan grec du XVIe siècle au périple d'Hannon // Karthago. 1973/74, появ. 1976. N 17. P. 139–151.
- Rebuffat R.* Recherches sur le bassin du Sebou II. Le périple d'Hannon // BAM. 1985/86. N 16. P. 257–284.
- Rebuffat R.* Les nomades de Lixus // ВСТН N. F. 1982, появ. 1988. Vol. 18 B. P. 77–86.
- Rousseaux M.* Hannon au Maroc // RAf. 1949. N 93. P. 161–232.
- Segert S.* Phoenician Background of Hanno's Penplus // MUB. 1969. N 45. P. 501–519.
- Sénac R.* Le périple du Carthaginois Hannon // BAGB. 1966. P. 510–538.
- Vivenza G.* Altre considerazioni sul Periplo di Annone // Economia e Storia. III. 1980. P. 101–110.

VIII. Поход Гимилькона в Северо-Западную Европу

- Alvar J.* El comercio del estaño atlantico durante el periodo orientalizante // MHA. 1980. N 4. P. 43–49.
- Berger H.* Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. Berlin; New York, 1966 (= Leipzig, ²1903). S. 231–233.
- Dupuich J.-J.* Note sur l'Ora maritima de Rufius Festus Avienus // Mélanges offerts à R. Dion / Éd. R. Chevallier. Paris, 1974. P. 225–231.
- Ehrenberg [V.]* Himilkon 8 // RE Suppl. 1931. Vol. V. P. 232–235.
- Hennig R.* Terrae incognitae I. Leiden, ²1944. P. 96–107.
- Jully J. J.* Céramiques anglo-armoricaines et céramiques puniques. Voie maritime punique de l'étain // X Congreso Nacional de Arqueología. Zaragoza, 1969. P. 280–287.
- Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde I. Berlin, ²1890. P. 88–97.
- Timpe D.* Entdeckungsgeschichte // RGA. ²1989. VII. P. 323–325.

IX. Первый карфагено-римский договор (первая половина V столетия)

- Colozier É.* Les Étrusques et Carthage // MEFR. 1953. N 65. P. 63–98, здесь 90–94.
- Desanges J.* Etendue et importance du Byzacium avant la création, sous Dioclétien, de la province de Byzacène // CT. 1963. N 11. P. 7–22, здесь 8–16.
- Desanges J.* La localisation du “Beau-Promontoire” de Polybe // Karthago. 1988–1989, появ. 1990. N 22. P. 21–31 и Т. If.
- Wagner C. G.* El comercio púnico en el Mediterráneo a la luz de una nueva interpretación de los tratados concluidos entre Cartago y Roma // MHA. 1984. N 6. P. 211–224.
- Heurgon J.* Sur l’interdiction de naviguer au-delà du Beau-Promontoire dans le premier traité entre Rome et Carthage (Pol., III, 22–23) // AntAfr. 1979. N 14. P. 37–42.
- Ortwein H.* Die Freundschaftsverträge Roms mit Karthago: Diss. Innsbruck, o. J.
- Pena M. J.* La (supuesta) cláusula referente al Sudeste y al Levante peninsular en el primer tratado entre Roma y Cartago // Ampurias. 1976–1978. N 38/40. P. 511–530.
- Prachner G.* Zum Καλὸν ἀκρωτήριον (Polybios 3, 22,5) // Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben I. Festschrift f. F. Altheim / Hg. v. R. Stiehl, H. E. Stier. Berlin, 1969. S. 157–172.
- Scardigli B.* I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1991.
- Werner R.* // H. Bengtson, Die Staatsverträge des Altertums II. München, ²1975. N 121 (mit der früheren Literatur).
- Werner R.* Das Καλὸν ἀκρωτήριον des Polybios // Auctores varii, Karthago (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992. S. 193–226.

X. Поход Гамилькара (480 г.)

- Bisolt G.* Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaeroneia II. Hildesheim, 1967 (= Gotha, ²1895). S. 787–797.
- Dunbabin T. J.* The Western Greeks. Oxford, 1968 (= 1948). P. 418–432.
- Ender H.* Die erste sizilische Expedition der Karthager (480 v. Chr.) (Progr. d. Kgl. Hum. Gymn. Dillingen). Dillingen a. d. D., [1913].
- Freeman E. A.* Geschichte Siciliens II / Übs. v. B. Lupus. Leipzig, 1897. S. 143–182.
- Gonzalez Wagner E. C.* Fenicios y Cartagineses en la Península Ibérica: Diss. Madrid, 1983. P. 180–187.
- Holm A.* Geschichte Siciliens im Alterthum I. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1870). S. 205–210, 415–418.
- Meister K.* Das persisch-karthagische Bündnis von 481 v. Chr. (Bengtson, Staatsverträge II nr. 129) // Historia. 1970. N 19. S. 607–612.
- Meyer Ed.* Geschichte des Altertums IV 1. Darmstadt, ⁷1975 (= Stuttgart, ³1939). S. 375–378.
- Pareti L.* Studi siciliani ed italioti. Firenze, 1920. P. 113–172.

Schenk von Stauffenberg A. Trinakria. Sizilien und Großgriechenland in archaischer und frühklassischer Zeit. München; Wien, [1963]. S. 188–207.

XI. Карфагенская сицилийская политика после Гимеры (480–410 гг.)

Freeman E. A. Geschichte Siciliens II und III / Übs. v. B. Lupus. Leipzig, 1897–1901, passim.

Treu M. Athen und Karthago und die thukydideische Darstellung // *Historia*. 1954/55. N 3. S. 41–57.

XII–XV. Военные походы 410–362 (?) гг.

Anello P. Il trattato del 405/4 A. C. e la formazione della “eparchia” punica di Sicilia // *Kokalos*. 1986. N 32. P. 115–179.

Arias P. E. Dionigi il Vecchio. Catania, 1942.

Beloch K. J. Griechische Geschichte. II 1.2; III 1.2, Straßburg; Berlin; Leipzig, ²1914–1923, passim.

Evans A. J., Freeman E. A. The History of Sicily. IV. New York, o.J. (= Oxford, 1894), passim.

Freeman E. A. Geschichte Siciliens III / Übs. v. B. Lupus. Leipzig, 1901, passim.

Hans L.-M. Lykos und Halykos // *Chiron*. 1982. N 12. S. 211–216.

Hans L.-M. Karthago und Sizilien: Diss. Hamburg, 1981; Hildesheim; Zürich; New York, 1983.

Holm A. Geschichte Siciliens im Alterthum II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874), passim.

Kotula T. La poco nota rivolta degli Afri e degli schiavi contro Cartagine (Diod. Sie. XIV 77) // *Storia sociale ed economica dell'età classica negli studi contemporanei polacchi* / Hg. v. Izabela Biezuńska-Małowist. Milano, 1975. P. 131–142.

Märker M. Die Kämpfe der Karthager auf Sizilien in den Jahren 409–405 v. Chr.: Diss. Leipzig, 1930; Weida in Thüringen, 1930.

Meister K. Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles: Diss. München, 1967. S. 70–105.

Meritt B. D. Athens and Carthage // *Athenian Studies presented to W. S. Ferguson* (HSPH Suppl. 1). Cambridge (Mass.); London, 1940. P. 247–253.

Meyer Ed. Geschichte des Altertums V. Darmstadt, ⁶1975 (=‘Stuttgart, ⁴1958), passim.

Sordi M. II IV e III secolo. Da Dionigi I a Timoleonte (336 a. C) // *La Sicilia antica II 1* / Ed. E. Gabba-G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 207–288, здесь с. 207–236.

Sordi M. I rapporti fra Dionigi I e Cartagine fra la pace del 405/4 e quella del 392/1 // *Aevum*. 1980. N 54. P. 23–34.

Stroheker K. F. Die Karthagergesandtschaft in Athen 406 v. Chr. // *Historia*. 1954/55. N 3. P. 163–171.

Stroheker K. F. Dionysios I. Wiesbaden, 1958.

Vattuone R. L'alleanza fra Atene e Cartagine alia fine del V sec. a. C. (IG², I, 47 + SEG, X, 136) // *Epigraphica*. 1977. N 39. P. 41–50.

de Waele J. A. Acragas Graecal. Historischer Teil / Übs. v. R. Rahier's. Gravenhage, 1971.

Zähmt M. Die Verträge zwischen Dionysios I. und den Karthagern // ZPE. 1988. N 71. S. 209–228.

XVI. Карфагено-греческие отношения времен Диона

Berve H. Dion // AAWM. 1956. Bd. 10. Wiesbaden, 1957.

Evans A. J., Freeman E. A. The History of Sicily. IV. New York, o. J. (= Oxford, 1894). P. 242–285.

Holm A. Geschichte Siciliens im Alterthum. II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874). S. 156–169, 176–190, 452–455, 460–463.

Sordi M. II IV e III secolo. Da Dionigi I a Timoleonte (336 a. C) // La Sicilia antica II 1 / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 207–288, здесь с. 237–256.

Sprute J. Dions syrakusanische Politik und die politischen Ideale Platons // Hermes. 1972. N 100. S. 294–313.

Westlake H. D. Dion: a study in liberation // Essays on the Greek Historians and Greek History. Manchester; New York, 1969. P. 251–264.

XVII. Второй карфагено-римский договор (348 г.)

Barceló P. A. Karthago und die Iberische Halbinsel vor den Barkiden (Antiquitas 137). Bonn, 1988. P. 133–143.

Calderone S. Livio e il secondo trattato romano-punico di Polibio // φιλικία χάρις. Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni II. Roma, 1980. P. 363–375.

Wagner C. G. El comercio púnico en el Mediterráneo a la luz de una nueva interpretación de los tratados concluidos entre Cartago y Roma // МНА. 1984. N 6. P. 211–224.

Hans L.-M. Zur Rolle Sardiniens in der karthagischen Handelspolitik im 4. Jh. v. Chr. // МБАН. 1985. Bd. 4. N 2. S. 65–76.

Marek Ch. Die Bestimmungen des zweiten römisch-punischen Vertrags über die Grenzen der karthagischen Hoheitsgewässer // Chiron. 1977. N 7. S. 1–7.

Ortwein H. Die Freundschaftsverträge Roms mit Karthago: Diss. Innsbruck, o. J.

Scardigli B. I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1991.

Werner R. // H. Bengtson. Die Staatsverträge des Altertums II. München, ²1975. N. 326 (с ранней литературой).

XVIII. Отношения с греками во времена Тимолеонта (345–339 гг.?)

Beloch K. J. Griechische Geschichte. III 1. Berlin; Leipzig, ²1922. S. 580–592; III 2. Berlin; Leipzig, ²1923. S. 380–385.

Berve H. Die Tyrannis bei den Griechen. I. München, 1967. S. 275–282; II. München, 1967. S. 663–666.

Cataldi S. La boetheia dei Geloi e degli Herbitaioi ai Campani di Enteila // ASNP. 1982. T. III, N 12. P. 887–904.

- Evans A. J., Freeman E. A.* The History of Sicily. IV. New York, o. J. (= Oxford, 1894). P. 293–355.
- Goläsberry M. A.* Sicily and its Cities in Hellenistic and Roman Times: Diss. North Carolina, 1973. P. 2–43.
- Holm A.* Geschichte Siciliens im Alterthum. II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874). S. 190–218, 463–473.
- Lévêque P.* De Timoléon à Pyrrhos // Kokalos. 1968/69. N 14/15. P. 135–151, 156.
- Meister K.* Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles: Diss. München, 1967. S. 119–129.
- Sordi M.* Timoleonte. Palermo, 1961.
- Sordi M.* II IV e III secolo. Da Dionigi I a Timoleonte (336 a. C) // La Sicilia antica. II 1 / Hg. v. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. S. 207–288, c. 257–282.
- Sordi M.* La Sicilia dal 368/7 al 337/6 a. C. Roma, 1983.
- Talbert R. J. A.* Timoleon and the Revival of Greek Sicily. London, 1974.
- Westlake H. D.* Timoleon and his Relations with Tyrants. Manchester, 1952.
- Westlake H. D.* The purpose of Timoleon's mission // Essays on the Greek Historians and Greek History. Manchester; New York, 1969. P. 265–275.

XIX. Третий карфагено-римский договор (343 г.)

- Ortwein H.* Die Freundschaftsverträge Roms mit Karthago: Diss. Innsbruck, o. J.
- Werner R.* Der Beginn der römischen Republik. München; Wien, [1963]. S. 299 f., 302 (с новой литературой).

XX. Карфаген и мир, измененный Александром Великим

- Huß W.* Die Beziehungen zwischen Karthago und Ägypten in hellenistischer Zeit // AncSoc. 1979. N 10. S. 119–137, здесь с. 119–128.
- Wagner E. C. G.* Fenicios y Cartagineses en la Península Ibérica: Diss. Madrid, 1983. P. 313–330.

XXI. Отношения с греками во времена Агафокла

- Aalders G. J. D.* Studiën over Agathocles // TG. 1955. N 68. P. 315–366.
- Beloch K. J.* Griechische Geschichte. IV 1. Berlin; Leipzig, ²1925. S. 180–210; IV 2. Berlin; Leipzig, ²1927. S. 249–256.
- Berger Sh.* Pap. Oxy. XXIV, 2399 and the Opposition to Agathocles // ZPE. 1988. N 71. P. 93–96.
- Berve H.* Die Herrschaft des Agathokles (SBAW. 1952, 5). München, 1953.
- Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. I. München, 1967. S. 441–457; II. München, 1967. S. 728–731.
- Cavallaro M. A.* Un "tendency" industriale e la tradizione storiografica su Agatocle // Historia. 1977. N 26. P. 33–61.

- Langher S. C.* La Sicilia dalla scomparsa di Timoleonte alla morte di Agatocle. L'introduzione della "Basileia" // *La Sicilia antica II I* / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 289–342.
- Langher S. C.* I trattati tra Siracusa e Cartagine e la genesi e il significato della guerra del 312–306 a. C // *Athenaeum N. F.* 1980. N 58. P. 309–339.
- Langher S. N. C.* Lo strategato di Agatocle e l'imperialismo siracusano sulla Sicilia greca nelle tradizioni diodorea e trogiana (316–310 a. C) // *Kokalos.* 1979. N 25. P. 117–187 [ersch. 1981].
- De Sanctis G.* Agatocle // *Scritti Minori I* / Ed. A. Ferrabino, S. Accame. Roma, 1970. P. 205–248.
- Evans A. J., Freeman E. A.* The History of Sicily IV. New York, o. J. (= Oxford, 1894). P. 356–491.
- Goldsberry M. A.* Sicily and its Cities in Hellenistic and Roman Times: Diss. North Carolina, 1973. P. 44–82.
- Holm A.* Geschichte Siciliens im Alterthum. II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874). S. 219–265, 474–480.
- Huß W.* Neues zur Zeit des Agathokles. Einige Bemerkungen zu P. Oxy. XXIV 2399 // *ZPE.* 1980. Bd. 39. P. 63–71.
- Manni E.* Agatocle e la politica estera di Siracusa // *Kokalos.* 1966. N 12. P. 144–162.
- Meister K.* Die sizilische Geschichte bei Diodor von den Anfängen bis zum Tod des Agathokles: Diss. München, 1967. S. 130–165.
- Meister K.* Agathocles // *CAH.* Bd. VII, N 1. ²1984. S. 384–411.
- Müller M.* Der Feldzug des Agathokles in Afrika: Diss. Leipzig, 1928.
- Pais E.* Storia dell'Italia antica e della Sicilia II. Torino, ²1933. P. 610–666.
- Schubert R.* Geschichte des Agathokles. Breslau, 1887.
- Tillyard H. J. W.* Agathocles. Cambridge, 1908.
- Van Compernelle R.* La clause territoriale du traité de 306/5 conclu entre Agathokles de Syracuse et Carthage // *RBPh.* 1954. Vol. 32. P. 395–421.

XXII. Так называемый Филинов договор (306 г.)

- Albert S.* Zum Philinosvertrag // *WJA N. F.* 1978. N 4. S. 205–209.
- Badian E.* Two Polybian Treaties // *φιλιας χάριτι.* Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni I. Roma, 1980. P. 159–169.
- Hoyos B. D.* Treaties true and false: The error of Philinus of Agrigentum // *CQ N. F.* 1985. N 35. P. 92–109.
- Meister K.* Der sogenannte Philinosvertrag // *RFIC.* 1970. Bd. III, N 98. S. 408–423.
- Meister K.* Historische Kritik bei Polybios (Palingenesia 9). Wiesbaden, 1975. S. 134–142.
- Mitchell R. E.* Roman-Carthaginian Treaties: 306 and 279/8 B. C // *Historia.* 1971. N 20. P. 633–655.
- Ortwein H.* Die Freundschaftsverträge Roms mit Karthago: Diss. Innsbruck, o. J.
- Scardigli B.* I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1991.
- Schmitt H. H.* Die Staatsverträge des Altertums III. München, 1969. N 438 (с ранней литературой).

XXIII. Отношения с греками во времена Пирра

- Beloch K. J.* Griechische Geschichte IV 1. Berlin; Leipzig, ²1925. S. 551–556; Bd. IV, N 2. Berlin; Leipzig, ²1927. S. 476–479.
- Sestito G. De Sensi.* La Sicilia dal 289 al 210 a. C // La Sicilia antica. III / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 343–370, здесь с. 343–349.
- Flach D.* Das römisch-karthagische Bündnisabkommen im Krieg gegen Pyrrhos // Historia. 1978. N 27. S. 615–617.
- Hans L.-M.* Theokrits XVI. Idylle und die Politik Hierons II. von Syrakus // Historia. 1985. N 34. S. 117–125.
- Holm A.* Geschichte Siciliens im Alterthum II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874). S. 277–286, 485–490.
- Hoyos B. D.* The Roman-Punic Pact of 279 B.C.: Its Problems and its Purpose // Historia. 1984. N 33. P. 402–439.
- Hoyos B. D.* The rise of Hieron II: Chronology and Campaigns 275–264 B.C. // Antichthon. N 19. 1985. P. 32–56.
- La Bua V.* La spedizione di Pirro in Sicilia // MGR. 1980. N 7. P. 179–254.
- Lévêque P.* Pyrrhos. Pans, 1957. P. 451–507.
- Meister K.* Das Datum des römisch-karthagischen Vertrages κατά την Πύρρου διάβασιν // PP. 1971. N 26. S. 196–201.
- Mitchell R. E.* Roman-Carthaginian Treaties: 306 and 279/8 B. C. // Historia. 1971. N 20. P. 633–655.
- Nenci G.* Il trattato romano-cartaginese κατά την Πύρρου διάβασιν // Historia. 1958. N 7. P. 263–299.
- Scardigli B.* I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1991.
- Vartsos J. A.* Osservazioni sulla campagna di Pirro in Sicilia // Kokalos. 1970. N 16. P. 89–97.

XXIV. I Римская война (264–241 гг.)

- Altheim F.* Polybios und seine Vorgänger // Altheim F., Felber D. Einzeluntersuchungen zur altitalischen Geschichte. Anfänge römischer Geschichtsschreibung. Caesars Streben nach der Königswürde. Frankfurt a.M., [1961]. S. 131–146.
- Auctores varii.* Studia Phoenicia X. Punic Wars / Ed. H. Devijver, E. Lipiński. Leuven, 1989.
- Baldus H. R.* Unerkannte Reflexe der römischen Nordafrika-Expedition von 256/255 v. Chr. in der karthagischen Münzprägung // Chiron. 1982. N 12. S. 163–190 u. T. I и след.
- Baldus H. R.* Zwei Deutungsvorschläge zur punischen Goldprägung im, mittleren 3. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 1988. N 18. S. 171–179.
- Barbagallo C.* La conquista della Sicilia (265–242). Frammento // ASSO. 1921. N 16/17. P. 18–46.
- Beloch K. J.* Griechische Geschichte. IV, 1. Berlin; Leipzig, ²1925. S. 643–661; IV, 2, Berlin; Leipzig, ²1927. S. 285–290.
- Berve H.* König Hieron II. (ABAW N. F. 47). München, 1959.
- Blättler P.* Studien zur Regulusgeschichte: Diss. / Freiburg (Schweiz), 1945; Samen, o. J.

- Calderone S. u. a.* Polibio 1, 11, 1 ss. // QUCC. 1981. N. F. 7. P. 7–78.
- Càssola F.* I gruppi politici romani nel III secolo a. C. Roma, 1968 (= 1962).
- Càssola F.* Diodoro e la storia romana // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II. 30,1 / Hg. v. W. Haase. Berlin; New York, 1982. P. 724–773, здесь с. 758–762.
- Davin C.* Beiträge zur Kritik der Quellen des ersten punischen Krieges (Wiss. Beil. z. Progr. d. Großherzogl. Gymnasium Fridericianum zu Schwerin f. d. Schulj. 1888/89). Schwerin, 1889.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani. III, 1. Firenze, ²1967.
- De Sensi G.* Il problema della αἰτία della prima guerra punica nella tradizione antica // ASSO. 1974. N 70. P. 7–44.
- De Sensi Sestito G.* Gerone II. Palermo, 1977.
- De Sensi Sestito G.* La Sicilia dal 289 al 210 a. C // La Sicilia antica III / Ed. E. Gabba, G. Vallet. Napoli, [1980]. P. 343–370, здесь с. 349–357.
- Eckstein A. M.* Polybius on the Rôle of the Senate in the Crisis of 264 B. C. // GRBS. 1980. N 21. P. 175–190.
- Eckstein A. M.* Unicum subsidium populi Romani: Hiero II and Rome, 263 B. C. — 215 B.C. // Chiron. 1980. N 10. P. 183–203.
- Eckstein A. M.* Polybius, Syracuse, and the Politics of Accomodation // GRBS. 1985. N 26. P. 265–282.
- Eckstein A. M.* Senate and General. Individual Decision Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B. C. Berkeley; Los Angeles; London, [1987].
- Eliæson Å.* Beiträge zur Geschichte Sardiniens und Corsicas im ersten punischen Kriege: Diss. Uppsala, 1906.
- Frank T.* Rome and Carthage: The First Punic War // CAH. ²1978. VII (= ²1954). P. 665–698, 925 f.
- Giannelli G.* Roma nell'età delle guerre puniche. Bologna, 1938.
- Gwyn Morgan M.* Polybius and the Date of the Battle of Panormirs // CQ N. F. 1972. N 22. P. 121–129.
- Gwyn Morgan M.* Calendars and Chronology in the First Punic War // Chiron. 1977. N 7. P. 89–117.
- Hampf F.* Zur Vorgeschichte des ersten und zweiten Punischen Krieges // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II / Hg. v. Hildegard Temporini. Berlin; New York, 1972. S. 412–441, здесь с. 413–427.
- Heuß A.* Der Erste Punische Krieg und das Problem des römischen Imperialismus (Libelli 130). Darmstadt, ³1970.
- Hoffmann W.* Das Hilfegesuch der Mamertiner am Vorabend des Ersten Punischen Krieges // Historia. 1969. N 18. S. 153–180.
- Holm A.* Geschichte Siciliens im Alterthum II. Aalen, 1979 (= Leipzig, 1874). S. 8–32, 340–356.
- Hoyos D. B.* The Carthaginian and Roman commanders in 264: who was who // LCM. 1983. N 8. P. 120–122.
- Hoyos D. B.* Polybius' Roman oi πολλοί in 264 B. C. // LCM. 1984. N 9. P. 88–93.
- Kornhardt H.* Regulus und die Cannaegefangenen // Hermes. 1954. N 82. P. 85–123.
- La Bua V.* Filino — Polibio, Sileno — Diodoro. Palermo, 1966, оcoб. S. 21–174.

- La Bua V.* Cassio Dione — Zonara ed altre tradizioni sugli inizi della prima guerra punica // Scritti sul mondo antico in memoria di F. Grosso / Hg. v. L. Gasperini. Roma, 1981. P. 241–271.
- Leuze O.* Die Kämpfe um Sardinien und Korsika im ersten punischen Krieg (259 und 258 vor Chr.). Eine quellenkritische Untersuchung // Klio. 1910. N 10. S. 406–444.
- Lippold A.* Der Consul Appius Claudius und der Beginn des ersten punischen Krieges // Orpheus. 1954. N 1. S. 154–169.
- Lutembacher F.* Beiträge zu einer kritischen Geschichte des ersten punischen Krieges // Philologus. 1907. N 66. S. 396–426.
- Meyer P.* Der Ausbruch des ersten punischen Krieges: Diss. Berlin, 1908.
- Miltner F.* Wesen und Gesetz römischer und karthagischer Kriegführung // Rom und Karthago / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943]. S. 203–261, здесь с. 203–222.
- Mix E. R.* Marcus Atilius Regulus. Exemplum historicum. The Hague; Paris, 1970.
- Molthagen J.* Der Weg in den Ersten Punischen Krieg // Chiron. 1975. N 5. S. 89–127.
- Molthagen J.* Der Triumph des M'. Valerius Messalla und die Anfänge des Ersten Punischen Krieges // Chiron. 1979. N 9. S. 53–72.
- Neumann C.* Das Zeitalter der punischen Kriege / Hg. v. G. Faltn. Breslau, 1883.
- Nicolet C., Szyzycer M.* Les guerres puniques // Rome et la conquête du monde méditerranéen II / Éd. C. Nicolet. Paris, 1989. P. 594–626 (введение).
- Pais E.* Storia di Roma durante le guerre puniche I. Torino, 1935.
- Pédéch P.* Sur les sources de Polybe: Polybe et Philinos // REA. 1952. N 54. P. 246–266.
- Petzold K.-E.* Studien zur Methode des Polybios... (Vestigia 9). München, 1969. S. 129–179.
- Pinzone A.* Storia ed etica in Polibio. Messina, [1983].
- Poznanski L.* A propos du "Traité de tactique" de Polybe // Athenaeum N. F. 1980. N 58. P. 340–352.
- Reuss F.* Zur Geschichte des ersten punischen Krieges // Philologus. 1901. N 60. S. 102–148.
- Reuss F.* Der erste punische Krieg // Philologus. 1909. N 68. S. 410–427.
- Rizzo F. P.* La prospettiva "diodorea" sugli inizi del primo conflitto punico // φιλικὰ χάρτιν. Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni VI. Roma, 1980. P. 1897–1920.
- Roussel D.* Les Siciliens entre les Romains et les Carthaginois à l'époque de la première guerre punique. Paris, 1970.
- Ruschenbusch E.* Der Ausbruch des I. punischen Krieges // Talanta. 1980–1981, нояб. 1982. N 12–13. S. 55–76.
- de Saint-Denis E.* Une machine de guerre maritime: le corbeau de Duilius // Latomus. 1946. N 5. P. 359–367.
- Scardigli B.* I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1911.
- Schermann M.* Der erste punische Krieg im Lichte der livianischen Tradition: Diss. Tübingen, 1905.
- Schwarte K.-H.* Naevius, Ennius und der Beginn des Ersten Punischen Krieges // Historia. 1972. N 21. S. 206–223.

- Sordi M.* I “corvi” di Duilio e la giustificazione cartaginese della battaglia di Milazzo // RFIC. 1967. Vol. III N 95. P. 260–268.
- Tarn W. W.* The Fleets of the First Punic War // JHS. 1907. N 27. P. 48–60.
- Thiel J. H.* Studies on the History of Roman Sea-Power in Republican Times. Amsterdam, 1946.
- Thiel J. H.* A History of Roman Sea-Power before the Second Punic War. Amsterdam, 1954.
- Tipps G. K.* The Battle of Ecnomus // Historia. 1985. N 34. P. 432–465.
- Uggeri G.* Gela, Finzia e l’Alico nella battaglia del 249 a. C // PP. 1968. N 23. P. 120–131.
- Wagner E. C. G.* Fenicios y Cartagineses en la Peninsula Ibérica: Diss. Madrid, 1983. P. 351–382.
- Wallinga H. T.* The Boarding-Bridge of the Romans: Diss. Utrecht, Groningen; Djakarta, 1956.
- Welwei K.-W.* Hieron II. von Syrakus und der Ausbruch des Ersten Punischen Krieges // Historia. 1978. N 27. S. 573–587.

XXV. Ливийская война и потеря Сардинии (241–238 гг.)

- Acquaro E.* Les émissions du “soulèvement libyen”. Types, ethnies et rôles politiques // Studia Phoenicia X. Punic Wars / Ed. H. Devijver; E. Lipiński. Leuven, 1989. P. 137–144.
- Babelon J.* Observations sur quelques monnaies de Libye // Actes du soixante-dix-neuvième congrès national des sociétés savantes. Section d’archéologie. Paris, 1957. P. 23–30.
- Carradice I. A., La Niece Susan.* The Libyan War and Coinage: a New Hoard and the Evidence of Metal Analysis // NC. 1988. N 148. S. 33–52 u. T. 7–12.
- Cutroni Tusa Aldina.* I Libii e la Sicilia // Sicilia Archeol. 1976. N 9, 32. P. 33–41.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani III 1. Firenze, 21967. P. 371–389.
- Dubuisson M.* Procédés de la diplomatie romaine: l’annexion de la Sardaigne et le sens de συγκαταβαίνειν (Polybe, III, 10, 1) // REL. 1979, ersch. 1980. N 57. P. 114–125.
- García Moreno L. A.* La explotación del agro africano por Cartago y la guerra líbica // MHA. 1978. N 2. P. 71–80.
- Huß W.* Die Libyer Mathos und Zarzas und der Kelte Autaritos als Prägeherrn // Schweizer Münzblätter. 1988. N 38. S. 30–33.
- Meyer Ed.* Kleine Schriften II. Halle, 1924. S. 375–401.
- Robinson E. S. G.* The Coinage of the Libyans and Kindred Sardinian Issues // NC. 1943. Vol. V, N 13. P. 1–13.
- Robinson E. S. G.* A Hoard of Coins of the Libyans // NC. 1953. Vol. VI, N 13. P. 27–32.
- Robinson E. S. G.* The Libyan Hoard (1952). Addenda, and the Libyan Coinage in General // NC. 1956. Vol. VI, N 16. P. 9–14.
- Seibel V.* Der Söldner-Krieg der Karthager. Ein historischer Versuch (Progr. Dilingen 1847/48). Dilingen, 1848.
- Thompson W. E.* The Battle of the Bagradas // Hermes. 1986. N 114. P. 111–117.

Veith G. Der Libysche Söldnerkrieg // Kromayer J., Veith G. Antike Schlachtfelder in Italien und Afrika III 2. Berlin, 1912. S. 519–571.

XXVI. Баркиды в Испании

- Acquaro E.* Notes d'archéologie punique: culture matérielle et reflets dans l'histoire // LEC. 1987. N 55. P. 75–80, здесь с. 78–80.
- Badian F.* Two Polybian Treaties // (φιλικὰς χάρις. Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni I. Roma, 1980. P. 159–169, здесь с. 161–164.
- Barceló P. A.* Karthago und die Iberische Halbinsel vor den Barkiden (Antiquitas 137). Bonn, 1988. S. 63–85.
- Barceló P.* Beobachtungen zur Entstehung der barkidischen Herrschaft in Hispanien // Studia Phoenicia X. Punic Wars / Hg. v. H. Devijver, E. Lipiński. Leuven, 1989. S. 167–184.
- Bender P.* Untersuchungen zur Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges: Diss. Hamburg, 1954.
- Blázquez J. M.* Las relaciones entre Hispania y el Norte de Africa durante el gobierno bárquida y la conquista romana (237–19 a. J. C) // Saitabi. 1961. N 11. P. 21–43.
- Blázquez J. M., García-Gelabert Pérez M. P.* Los Bárquidas en la Península Ibérica // Atti del II Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I. Roma, 1991. P. 27–50.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani III 1. Firenze, 1967. P. 389–420.
- Dominguez-Monedero A. J.* La campaña de Anibal contra los Vacceos: sus objetivos y su relación con el inicio de la segunda guerra púnica // Latomus. 1986. N 45. P. 241–258.
- Eckstein A. M.* Rome, Saguntum and the Ebro Treaty // Emerita. 1984. N 52. P. 51–68, здесь с. 57–65.
- Eckstein A. M.* Hannibal at New Carthage: Polybius 3.15 and the Power of Irrationality // CPh. 1989. N 84. P. 1–15.
- Errington R. M.* Rome and Spain before the Second Punic War // Latomus. 1970. N 29. P. 25–57.
- Étienne J. R.* A propos du “garum sociorum” // Latomus. 1970. N 29. P. 297–313.
- Eucken H. Ch.* Probleme der Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges: Diss. Freiburg i. Br., 1968.
- García y Bellido A.* Fenicios y Cartagineses en España // Sefarad. 1942. N 2. P. 3–93; 227–292, здесь с. 56–74.
- Gilbert O.* Rom und Karthago in ihren gegenseitigen Beziehungen 513–536 u. c. (241–218 v. Chr.). Leipzig, 1876.
- Heichelheim F. M.* New Evidence on the Ebro Treaty // Historia. 1954/55. N 3. P. 211–219.
- Hine H. M.* Hannibal's Battle on the Tagus (Polybius 3.14 and Livy 21.5) // Latomus. 1979. N 38. P. 891–901.
- Koch M.* Ἀλήτης, Mercurius und das phönikisch-punische Pantheon in Neukarthago // MDAIM. 1982. N 23. S. 101–113.
- Kramer F. R.* Massilian Diplomacy before the Second Punic War // AJPh. 1948. N 69. P. 1–26.

- Pelletier A.* Sagontins et Turdétans à la veille de la deuxième guerre punique // REA. 1986. N 88. P. 307–315.
- Picard G.-Ch.* Le traité romano-barcide de 226 av. J.-C. // Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à J. Carcopino. Paris, 1966. P. 747–762.
- Sanviti N.* Projet barcide et mutations politiques à Carthage // Annales de l'Université d'Abidjan. 1984. Vol. I N 12. P. 105–126.
- Scardigli B.* I trattati romano-cartaginesi. Pisa, 1991.
- Schnabel P.* Zur Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges // Klio. 1926. N 20. S. 110–117.
- Sillières P.* Le “Camino de Anibal”. Itinéraire des gobelets de Vicarello, de Castulo à Saetabis // MCV. 1977. N 13. P. 31–83.
- Sumner G. V.* Roman Policy in Spain before the Hannibalic War // HSPH. 1968. N 72. P. 205–246.
- Täubler E.* Die Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges. Berlin, 1921.
- Wagner F. C. G.* Fenicios y Cartagineses en la Peninsula Ibérica: Diss. Madrid, 1983. P. 390–427, 438–478.
- Welwei K.-W.* Die Belagerung Sagunts und die römische Passivität im Westen 219 v. Chr. // Talanta. 1977. N 8/9. S. 156–173.

К Ганнибалу

- Auctores varii.* Studi Annibalici / Ed. Accademia Etrusca di Cortona. Cortona, 1964.
- Auctores varii.* Hannibal (WdF 371) / Hg. v. K. Christ. Darmstadt, 1974.
- Borzsák S.* Von Semiramis bis Hannibal. Livius-Interpretationen // Eirene. 1983. Bd. 20. S. 43–51.
- Brizzi G.* Studi di storia annibalica. Faenza, 1984.
- Candiloro E.* Politica e cultura in Atene da Pidna alla guerra mitridatica // SCO. 1965. N 14. P. 134–176, здесь с. 171–176.
- Canter H. V.* The Character of Hannibal // CJ. 1928/29. N 24. P. 564–577.
- Carcopino J.* Profils de conquérants. Paris, 1961. P. 109–237.
- Christ K.* Hannibal und Scipio Africanus // Die Großen der Weltgeschichte I / Hg. v. K. Fassmann. Zürich, [1971]. S. 771–783.
- Cipriani G.* L'epifania di Annibale. Bari, 1984.
- Egelhaaf G.* Hannibal. Ein Charakterbild. Stuttgart, 1922.
- de Foucault J.-A.* Tite-Live traducteur de Polybe // REL. 1968, появ. 1969. N 46. P. 208–221, здесь с. 214–219.
- Groag E.* Hannibal als Politiker. Roma, 1967 (= Wien, 1929).
- Günther L.-M.* Hannibal im Exil: seine antirömische Agitation und die römische Gegnerwahrnehmung // Studia Phoenicia. X. Punic Wars / Hg. v. H. Devijver, E. Lipiński. Leuven, 1989. S. 241–250.
- Hennebert E.* Histoire d'Annibal. 3 Bde. Paris, 1870–1891.
- Hoffmann W.* Hannibal. Göttingen, [1962].
- Huß W.* Bemerkungen zum fingierten Brief des Hnb'1 an die Athenaiër (P. Hamb. 129, Kol. Vif.) // Anagennesis. 1982. N 2. S. 233–243.
- Huß W.* Hannibal und die Religion // Studia Phoenicia. IV. Religio Phoenicia / Hg. v. C. Bonnet, E. Lipiński, P. Marchetti. Namur, 1986. P. 223–238.
- Korablew I. Sch.* Hannibal. Moskwa, ²1981 (in russischer Sprache).

- Kromayer J.* Hannibal und Antiochos der Große // *Neue Jahrb. f. d. klass. Altert.* 1907. N 10. S. 681–699.
- Kromayer J.* Hannibal als Staatsmann // *HZ.* 1909. N 103. S. 237–273.
- Kromayer J.* Waren Hannibal und Friedrich der Große wirklich Ermüdungsstrategen? // *HZ.* 1925. N 131. S. 393–408.
- Lehmann K.* Hannibals letzter Kriegsentwurf // *Delbrück-Festschrift.* Berlin, 1908. S. 67–92.
- Mansel A. M.* Zur Lage des Hannibalgrabes // *AA.* 1972. S. 257–275.
- McNeill H.* Hannibal Trismegistus // *CJ.* 1926/27. N 22. P. 189–201.
- Meyer Ed.* Hannibal und Scipio // *Meister der Politik. I* / Hg. v. E. Marcks, K. A. von Müller. Stuttgart; Berlin, 1923. S. 97–146.
- Momigliano A.* Annibale politico // *Quinto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. I.* Roma, 1975. S. 333–345.
- Pacella D.* Sui rapporti di Alessandro con Roma e Cartagine nella leggenda // *SCO.* 1984. N 34. S. 103–125.
- Passerini A.* L'ultimo piano di Annibale e una testimonianza di Ennio // *Athenaeum* N. F. 1933. N 11. P. 10–28.
- Picard Ch. G.* Hannibal. Paris, o. J.
- Picard G.* Hannibal hegemon hellénistique // *RSA.* 1983/84, появ. 1985. N 13/14. P. 75–81 I.
- Schifman I. Sch.* Hannibal in Armenien // *РВН.* 1980. N 91. S. 257–261 (на русском языке).
- Seibert J.* Forschungen zu Hannibal. Darmstadt, 1993.
- Seibert J.* Hannibal. Darmstadt, 1993.
- Vogt J.* Das Hannibal-Portrait im Geschichtswerk des Titus Livius und seine Ursprünge: Diss. Freiburg i. Br., 1953.
- Will W.* Mirabilior adversis quam secundis rebus. Zum Bild Hannibals in der 3. Dekade des Livius // *WJA N.F.* 1983. N 9. S. 157–171.

XXVII. II Римская война (218–201 гг.)

- Alvisi G.* Dal Trasimeno a Capua, le marce di Annibale nel biennio 217–216 A.C. // *Littérature gréco-romaine et géographie historique. Mélanges offerts à R. Dion* / Hg. v. R. Chevallier. Paris, 1974. P. 293–313.
- Arnold Cf. C.* Oorzaak en Schuld van den Tweeden Punischen Oorlog. Amsterdam, 1939.
- Astin A. E.* Saguntum and the Origins of the Second Punic War // *Latomus.* 1967. N 26. P. 577–596.
- Auctores varii.* Hannibal (WdF 371) / Hg. v. K. Christ. Darmstadt, 1974.
- Auctores varii.* Studia Phoenicia X. Punic Wars / Ed. H. Devijver, E. Lipiński. Leuven, 1989.
- Azan P.* Annibal dans les Alpes. Oran, 1902.
- Barreca F.* Gli eserciti annibalici // *RSA.* 1983/84, появ. 1985. N 13/14. P. 43–68.
- Barzano A.* Il confine romano-cartaginese in Spagna dal 348 varr. al 218 a. C // *Autori vari, Il confine nel mondo classico* / Ed. Marta Sordi. Milano, 1987. P. 178–199.

- Beer G., de.* Hannibal's March. London, 1967.
- Beloch K. J.* Polybios' Quellen im dritten Buche // *Hermes*. N 50. 1915. S. 357–372.
- Bender P.* Untersuchungen zur Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges: Diss. Hamburg, 1954.
- Berthelot A.* Itinéraire d'Hannibal à travers la Gaule // *REA*. 1935. N 37. P. 185–204.
- Bickerman E. J.* An Oath of Hannibal // *TAPhA*. 1944. N 75. P. 87–102.
- Bickermann E. J.* Hannibal's Covenant // *AJPh*. 1952. N 73. P. 1–23.
- Blázquez J. M.* Las alianzas en la Península Ibérica y su repercusión en la progresiva conquista romana // *RIDA*. 1967. Vol. III, N 14. P. 209–240.
- Bosch Gimpera P.* El pas del Pirineu per Aníbal // *Homenaje a J. V. Vives I.* Barcelona, 1965. P. 135–141.
- Bourgeois C.* Das eaux de Jama aux eaux de Zama // *BCTH N. F.* 1979/80, появ. 1984. N 15/16 B. P. 1–5.
- Brewitz W.* Scipio Africanus Maior in Spanien. 210–206: Diss. Tübingen, 1914.
- Brizzi G.* I sistemi informativi dei Romani (Historia-Einzelschr. 39). Wiesbaden, 1982.
- Brizzi G.* Imitari coepit Annibalem (Flor., I, XXII, 55): apporti catoniani alla concezione storiografica di Floro? // *Latomus*. 1984. N 43. P. 424–431.
- Brunt P. A.* Italian Manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxford, 1971.
- Bung P. Q.* Fabius Pictor. Der erste römische Annalist: Diss. Köln, 1950.
- Burck E.* Einführung in die dritte Dekade des Livius. Heidelberg, ²1962.
- Carcopino J.* Le traité d'Hasdrubal et la responsabilité de la deuxième guerre punique // *REA*. 1953. N 55. P. 258–293.
- Carney T. F.* The Aims of Roman Military and Foreign Policy in the Last Quarter of the Third Century B. C. // *PACA*. 1958. N 1. P. 19–26.
- Clark F. W.* The Influence of Sea-Power on the History of the Roman Republic, Disk. Chicago, Menasha Wis., 1915. P. 29–48.
- Clerc M.* Massalia II. Marseille, 1971 (= 1927–1929). P. 6–21.
- Cornelius F.* Cannae (Klio-Beih. 26). Aalen, 1963 (= 1932).
- Corzo Sánchez R.* La Segunda Guerra Púnica en la Bética // *Habis*. 1975. N 6. P. 213–240.
- Davis E. W.* Hannibal's Roman Campaign // *Phoenix*. 1959. N 13. S. 113–120.
- Deininger J.* Der politische Widerstand der Griechen gegen Rom in Unteritalien und Sizilien // *Assimilation et résistance à la culture gréco-romaine dans le monde ancien* / Hg. v. D. M. Pippidi. Bucureşti; Paris, 1976. P. 139–150, здесь с. 146–148.
- Deininger J.* Gelon und die Karthager 216 v. Chr. (Liv. 23,30, 10–12 // *Livius. Werk und Rezeption: Festschrift f. E. Burck...* / Hg. v. E. Lefèvre, E. Olshausen. München, 1983. S. 125–132.
- Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst... I. Das Altertum / Hg. v. K. Christ. Berlin, 1964 (= ³1920). S. 319–416.
- Déroche L.* Les fouilles de Ksar Toual Zammel et la question de Zama // *MEFR*. 1948. N 60. P. 55–104.
- Derow P. S.* The Roman Calendar, 218–191 B. C. // *Phoenix*. 1976. N 30. S. 265–281.

- De Sanctis G.* Storia dei Romani III 2. Firenze, ²1968.
- Dessau H.* Über die Quellen unsres Wissens vom zweiten punischen Kriege // *Hermes*. 1916. N 51. S. 355–385.
- Desy Ph.* Il grano dell'Apulia e la data della battaglia del Trasimeno // *PP*. 1989. N 44. P. 102–115.
- Develin R.* The Roman Command Structure and Spain 218–190 B. C. // *Klio*. 1980. N 62. P. 355–367.
- Develin R.* The Practice of Politics at Rome 366–167 B.C. (Coll. Latomus. Bd. 188). Bruxelles, 1985.
- Diana B.* Annibale e il passaggio degli Appennini // *Aevum*. 1987. N 61. P. 108–112.
- Donaldson G. H.* Modern idiom in an ancient context. Another look at the strategy of the Second Punic War // *G & R*. 1962. Vol. II, N 9. P. 134–141.
- Dorey T. A.* The Voyage of Tiberius Claudius // *Orpheus*. 1954. N 1. P. 78–80.
- Dorey T. A.* The Debate on the Carthaginian Peace Terms, 203 B.C. // *Orpheus*. 1956. N 3. P. 79 f.
- Dorey T. A.* Macedonian Troops at the Battle of Zama // *AJPh*. 1957. N 78. P. 185–187.
- Dorey T. A.* Roman Casualty Figures at Trasimene and Cannae // *Historical Jour.* (Univ. of Birmingham). 1959. N 7. P. 1–5.
- Dorey T. A.* The Treaty with Saguntum // *Humanitas N. F.* 1959/60. N 8/9. P. 1–10.
- Dorey T. A.* Hannibal's Route through Etruria // *Euphrosyne*. 1961. N 3. P. 213–215.
- Dorey T. A.* Masinissa, Syphax, and Sophoniba // *PACA*. 1961. N 4. P. 1 f.
- Drachmann A. B.* Sagunt und die Ebro-Grenze. København, 1920.
- Dupré N.* La politique romaine en Espagne pendant la IIe guerre punique. L'exemple de la vallée de l'Èbre (218–205) // *REL*. 1981, появ. 1982. N 59. P. 121–152.
- Eckstein A. M.* Two Notes on the Chronology of the Outbreak of the Hannibalic War // *RhM. N.F.* 1983. N 126. P. 255–272.
- Eckstein A. M.* Rome, Saguntum and the Ebro Treaty // *Emerita*. 1984. N 52. P. 51–68.
- Eckstein A. M.* Senate and General. Individual Decision Making and Roman Foreign Relations, 264–194 B. C. Berkeley; Los Angeles; London, [1987].
- Egelhaaf G.* Analekten zur Geschichte des zweiten punischen Krieges // *HZ*. 1885. N 53. S. 430–469.
- Eisen K. F.* Polybiosinterpretationen. Heidelberg, 1966. S. 112–152.
- Engers M.* Die Vorgeschichte der Makedonischen Kriege Roms // *Mnemosyne*. 1938. Bd. III, N 6. S. 121–138.
- Eucken H. Ch.* Probleme der Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges: Diss. Freiburg i. Br., 1968.
- Frantz J.* Die Kriege der Scipionen in Spanien. 536–548 a. u. c. München, 1883.
- Fuchs J.* Der zweite punische Krieg und seine Quellen Polybius und Livius nach strategisch-taktischen Gesichtspunkten beleuchtet. Wiener-Neustadt, 1894.
- Gauthier Ph.* L'Èbre et Sagonte: défense de Polybe // *RPh*. 1968. N 42. P. 91–100.
- Geizer M.* Die Glaubwürdigkeit der bei Livius überlieferten Senatsbeschlüsse über römische Truppenaufgebote // *Römische Geschichtsschreibung (WdF 90)* / Hg. v. V. Pöschl. Darmstadt, 1969. S. 154–197.

- Geizer M.* Römische Politik bei Fabius Pictor // Römische Geschichtsschreibung (WdF 90) / Hg. v. V. Pöschl. Darmstadt, 1969. S. 77–129, здесь с. 115–129.
- Giannelli G.* Roma nell'età delle guerre puniche. Bologna, 1938.
- Gigante M.* Una fonte antiromana sulle trattative romano-cartaginesi del 203 a. C. (PRyl. 491) // *Aegyptus*. 1950. N 30. P. 77–92.
- Girardet K. M.* Die Sicherheitsklauseln des Lutatiusvertrages (241 v. Chr.) // *Auctores varii*. Zum Umgang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike / Hg. v. C. W. Müller, K. Sier, J. Werner. Stuttgart, 1992. S. 97–113.
- Girod R.* Les origines de la deuxième guerre punique chez Polybe (III, 1–12) et Tite-Live (XXI, 1–5) // *Aiôn*. Le temps chez les Romains. Paris, 1976. P. 119–135.
- Grosso F.* Gli assedi di Locri // *GIF*. 1951. N 4. P. 114–134.
- Gruen E. S.* The Consular Elections for 216 B. C. and the Veracity of Livy // *CSCA*. 1978, появ. 1979. N 11. P. 61–74.
- Gschntzer F.* Die Stellung Karthagos nach dem Frieden von 201 v. Chr. // *WS*. 1966. N 79. P. 276–289.
- Gschntzer F.* Das System der römischen Heeresbildung im Zweiten Punischen Krieg: Polybios, die Annalisten und die geschichtliche Wirklichkeit // *Hermes*. 1981. N 109. S. 59–85.
- Halkin L.* Hannibal ad portas! // *LEC*. 1934. N 3. P. 417–457.
- Hallward B. L.* Varia // *CAH*. ²1978. VIII (= ²1954). P. 25–115, 722–729.
- Hampl F.* Zur Vorgeschichte des ersten und zweiten Punischen Kriege // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt 11* / Hg. v. Hildegard Temporini. Berlin; New York, 1972. S. 412–441, здесь с. 427–441.
- Hampl F.* Einige Probleme der Forschung zum Hannibalischen Krieg in alter und neuerer Sicht // *RSA*. 1983/84, появ. 1985. N 13/14. S. 9–29.
- Hesselharth H.* Historisch-kritische Untersuchungen zur dritten Dekade des Livius. Halle a. S., 1889.
- Heyge E.* Beiträge zur Geschichte des zweiten punischen Krieges für die Jahre 216–207: Diss. Jena, 1924.
- Hoffmann W.* Ein Papyrusfund zum Frieden von 203 // *Hermes*. 1941. N 76. S. 270–282.
- Hoffmann W.* Livius und der zweite Punische Krieg (Hermes-Einzelschr. 8). Berlin, 1942.
- Holleaux M.* Rome, la Grèce et les monarchies hellénistiques au IIIe siècle avant J.-C. (273–205). Hildesheim; New York, 1969 (= Paris, 1935 bzw. 1921).
- Hoyos B. D.* Hannibal: What Kind of Genius? // *G & R*. 1983. Vol. II, N 30. P. 171–180.
- Hoyos B. D.* Cato's Punic Perfidies // *AHB*. 1987. N 1. P. 112–121.
- Hoyos B. D.* Hannibal's War: Illusions and Ironies // *Ancient History*. 1989. N 19. P. 87–93.
- Hoyos B. D.* Catos "Duovicesimo Anno" and Punic Treaty-Breaches in the 230s B. C. // *AHB*. 1990. N 4. P. 31–36.
- Huß W.* Carthaginienses sextum de foedere decessere // *SEL*. 1986. N 3. P. 115–121.
- Huvelin P.* Une guerre d'usure. La deuxième guerre punique. Paris, 1917.
- Judeich W.* Cannae // *HZ*. 1927. N 136. P. 1–24.

- Jumpertz M.* Der römisch-karthagische Krieg in Spanien. 211–206: Diss. Leipzig; Berlin, 1892.
- Klaffenbach G.* Der römisch-ätolische Bündnisvertrag vom Jahre 212 v. Chr. (SDAW 1954. N 1). Berlin, 1954.
- Klotz A.* Die römische Wehrmacht im 2. punischen Kriege // *Philologus*. 1933. N 88. S. 42–89.
- Klotz A.* Livius und seine Vorgänger (Neue Wege zur Antike 119–11). Leipzig; Berlin, 1940.
- Klotz A.* Der “erste” Apenninenübergang Hannibals (Liv. 21,58,1–59,10) // *RhM N. F.* 1950. N 93. S. 178–187.
- Klotz A.* Studien zu Polybios // *Hermes*. 1952. N 80. S. 325–343, здесь с. 334–343.
- Koestermann E.* Cannae und Metaurus // *Gymnasium*. 1967. N 74. S. 13–23.
- Köves Th.* Zum Empfang der Magna Mater in Rom // *Historia*. 1963. N 12. S. 321–347.
- Kolbe W.* Die Kriegsschuldfrage von 218 v. Chr. Geb. (SHAW. 1933/34. N 4). Heidelberg, 1934.
- Kromayer J.* Hannibal als Staatsmann // *HZ*. 1909. N 103. S. 237–273.
- Kromayer J.* Waren Hannibal und Friedrich der Große wirklich Ermüdungsstrategen? // *HZ*. 1925. N 131. S. 393–408.
- Kromayer J., Veith G.* Antike Schlachtfelder III und IV. Berlin, 1912–1931.
- Kukofka D.-A.* Süditalien im Zweiten Punischen Krieg. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris, 1990.
- Kussmaul P.* Der Halbmond von Cannae // *MH*. 1978. N 35. S. 249–257.
- Laqueur R.* Scipio Africanus und die Eroberung von Neukarthago // *Hermes*. 1921. N 56. P. 131–225.
- Lehmann K.* Der letzte Feldzug des hannibalischen Krieges // *JKPh Suppl.* 1894. N 21. P. 525–616 u. 1 Karte.
- Lehmann K.* Das Cannä-Rätsel // *Kilo*. 1931. N 24. S. 70–99.
- Lehmann K.* Von Polybios’ Schreibtisch. Nachprüfung seiner Arbeitsweise an seinem Cannae-Bericht // *RhM N. F.* 1931. N 80. S. 321–341.
- Liebmann-Frankfort Th.* Du traité de l’Èbre à la paix de Dardanos. Variations romaines sur le respect dû à la parole donnée // *Latomus*. 1971. N 30. P. 585–597.
- Liebmann-Frankfort Th.* Le “traité de l’Èbre” et sa valeur juridique // *RD*. 1972. Vol. IV N 50. P. 193–204.
- Lillo A., Lillo M.* On Polybius X 10,12f.: The Capture of New Carthage // *Historia*. 1988. N 37. P. 477–480.
- Manfredi V.* Aspetti della tradizione storiografica sulla battaglia di Naraggara // *CISA*. 1975. N 3. P. 82–94.
- Manni E.* L’alleanza punico-macedone del 215 A.C. // *Memorie della R. Accademia delle Scienze dell’Istituto di Bologna*. 1939/41. Vol. IV N 3. P. 5–26.
- Marchetti P.* La deuxième guerre punique en Sicile: Les années 215–214 et le récit de Tite-Live // *BIBR*. 1972. N 42. P. 5–26.
- Marchetti P.* La marche du calendrier romain de 203 à 190 (Années Varr. 551–564) // *AC*. 1973. N 42. P. 473–496.
- Marchetti P.* Les manipulations de la monnaie romaine au cours de la Deuxième Guerre Punique // *Actes du 8ème Congrès international de Numismatique / Éd. H. A. Cahn, G. Le Rider. Pans; Baie, 1976. P. 339–346.*

- Marchetti P.* Paie des troupes et dévaluations monétaires au cours de la deuxième guerre punique // Les "dévaluations" à Rome. Paris; Roma, 1978. P. 195–209, 216.
- Marchetti P.* Histoire économique et monétaire de la deuxième guerre punique. Bruxelles, 1978.
- Martínez Gázquez J.* Sobre Anibal y su paso por los Pirineos // Faventia. 1981. N 3. P. 223–226.
- Mazzarino S.* Introduzione aile guerre puniche (Saggi e ricerche 13). Catania, 1947.
- Meyer Ed.* Kleine Schriften II. Halle, 1924. S. 331–461.
- Miltner F.* Wesen und Gesetz römischer und karthagischer Kriegführung // Rom und Karthago / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943]. S. 203–261, здесь с. 222–261.
- Miltner F.* Zwischen Trebia und Trasimen (218/17 v. Chr.) // Hermes. 1943. N 78. S. 1–21.
- Mommsen Th.* Zama // Gesammelte Schriften IV. Berlin; Dublin; Zürich, ²1965 (= Berlin, '1906). S. 36–48.
- Moscovich M. J.* Hostage Regulations in the Treaty of Zama // Historia. 1974. N 23. P. 417–427.
- Musti D.* Polibio e la storiografia romana arcaica // Polybe (Entretiens sur l'Antiquité class. 20). Vandœuvres; Genève, 1973. P. 103–139 bzw. 143, здесь с. 115–125.
- Neumann C.* Das Zeitalter der punischen Kriege / Hg. v. G. Faltin. Breslau, 1883.
- Nicolet C.* A Rome pendant la Seconde Guerre Punique: Techniques financières et manipulations monétaires // Annales (ESC). 1963. N 18. P. 417–436.
- Nicolet C., Szymer M.* Les guerres puniques // Rome et la conquête du monde méditerranéen II / Hg. v. C. Nicolet. Pans, ²1989. P. 594–626 (введенне).
- Nissen H.* De pace anno 201 a. Chr. Carthaginiensibus data. Marburgi, [1870].
- Olzscha K.* Die etruskische Hanmbal-Inschrift // Gymnasium. 1970. N 77. S. 461–466 u. T. XXIII f.
- Osiander W.* Der Hannibalweg... Berlin, 1900.
- Pais E.* Storia di Roma durante le guerre puniche. 2 vol. Torino, ²1935.
- Paratore E.* La II guerra punica nella terza deca di T. Livio. Roma, 1970.
- Pareti L.* Ancora sulle cause della seconda guerra punica // A & R N. F. 1932. N 13. P. 39–43.
- Passerini A.* Un episodio della battaglia di Zama // Athenaeum N. F. 1936. N 14. P. 181–191.
- Perrin [J.-B.]* Marche d'Annibal des Pyrénées au Pô. Grenoble, 1883.
- Peyras J.* Deux études de toponymie et de topographie de l'Afrique antique // AntAfr. 1986. N 22. P. 213–253.
- Pfiffig A. J.* Die Haltung Etruriens im 2. Punischen Krieg // Historia. 1966. N 15. S. 193–210.
- Pfiffig A. J.* Hannibal in einer etruskischen Grabinschrift in Tarquinia // AAWW. 1967. N 104. S. 53–61.
- Piccaluga G.* Urbs trunca. Passato mitico ed espansionismo contro la Capua del "dopo Hannibal" // RSA. 1983/84, появ. 1985. N 13/14. P. 103–125.
- Piganiol A.* Hannibal chez les Péligniens // REA. 1920. N 22. P. 22–38.
- Pinna Parpaglia P.* La rivoluzione romana. La carriera di Scipione nella guerra annibalica // Labeo. 1980. N 26. P. 339–354.

- Poinssot L.* Zama // RAf. 1928. N 69. P. 165–181.
- Pomerooy A. J.* Hannibal at Nuceria // Historia. 1989. N 38. P. 162–176.
- Proctor D.* Hannibal's March in History. Oxford, 1971.
- Radke G.* Anmerkungen zu den kultischen Maßnahmen in Rom während des zweiten punischen Krieges // WJA N. F. 1980. Bd. 6b. S. 105–121.
- Rich J. W.* Declaring War in the Roman Republic in the Period of Transmarine Expansion (Coll. Latomus 149). Bruxelles, 1976.
- Rich J. W.* Roman Aims in the First Macedonian War // PCPhS. 1984. N 210. P. 126–180.
- Richardson J. S.* Hispaniae. Spain and the development of Roman imperialism, 218–82 BC. Cambridge, 1986.
- Ruschenbusch E.* Der Beginn des 2. punischen Krieges // Historia. 1978. N 27. S. 232–234.
- Sack H.* Hannibals Marsch auf Rom im Jahre 211 v. Chr.: Diss. Frankfurt a. M., 1937.
- De Saint Denis E.* A Tarente, en 212 av. J.-C. // Latomus. 1954. N 13. P. 25–32.
- De Saint-Denis E.* Encore l'itinéraire transalpin d'Hannibal // REL. 1973, появ. 1974. N 51. P. 122–149.
- Salmon E. T.* The Strategy of the Second Punic War // G & R. 1960. Vol. II 7. P. 131–142.
- Salmon E. T.* Scipio in Spain and the Sucrq Incident // StudClas. 1986. N 24. P. 77–84.
- Samuels M.* The Reality of Cannae // MGM. 1990. N 47. P. 7–31.
- Santos Y. N.* El tratado del Ebro y el origen de la Segunda Guerra Púnica // Hispania. 1977. N 37. P. 269–298.
- Saumagne Ch.* Zama Regia // CRAI. 1941. P. 445–453.
- Saumagne Ch.* Zama Regia // Revue Tunisienne. 1941. P. 235–269.
- Saumagne Ch.* La manœuvre de Zama // CT. 1962. N 10. P. 373–390.
- Scardigli Barbara.* I trattati romano — cartaginesi. Pisa, 1991.
- von Schlieffen A.* Gesammelte Schriften I. Berlin, 1913. S. 25–266.
- Schmitt T.* Hannibals Siegeszug. Historiographische und historische Studien vor allem zu Polybios und Livius (Quellen u. Forschungen z. Ant. Welt. 10). München, 1991.
- Schneider J.* Die Kriegsschuldfrage im zweiten punischen Kriege: Diss. Innsbruck, o. J. [1940?].
- Schulten A.* Iliturgi // Hermes. 1928. N 63. P. 288–301.
- Schwarte K.-H.* Der Ausbruch des Zweiten Punischen Krieges — Rechtsfrage und Überlieferung (Historia-Emzelschr. 43). Wiesbaden, 1983.
- Scullard H. H.* Scipio Africanus in the Second Punic War. Cambridge, 1930.
- Scullard H. H.* Roman Politics 220–150 B. C. Oxford, 1951.
- Scullard H. H.* Scipio Africanus: Soldier and Politician. Ithaca; N. Y., 1970.
- Scullard H. H.* The Site of the Battle of Zama // Polis and Imperium. Studies in Honour of E. T. Salmon / Ed. J. A. S. Evans. Toronto, 1974. P. 225–231.
- Seibert J.* Der Alpenübergang Hannibals. Ein gelöstes Problem? // Gymnasium. 1988. N 95. S. 21–73 (с дальнейшей более ранней литературой).
- Soltau W.* Zur Chronologie der hispanischen Feldzüge 212–206 v. Chr. (Ein Beitrag zur Quellenkritik des Livius.) // Hermes. 1891. N 26. S. 408–439.

- Soltau W.* Die kalenderverwirrung zur zeit des zweiten punischen krieges // *Philologus*. 1888. N 46. S. 666–690.
- Soltau W.* Livius' Quellen in der III. Dekade. Berlin, 1894.
- Soltau W.* Die griechischen Quellen in Livius' 23.–30. Buch // *Philologus*. 1894. N 53. S. 588–628.
- Sontheimer W.* Livius und Polybius über die Ereignisse des Jahres 216 bis zur Schlacht bei Cannae // *U & F*. 1930. S. 193–212.
- Sontheimer W.* Der Feldzug Hannibals in Oberitalien bis zur Schlacht an der Trebia bei Livius und Polybius (Livius XXI39–56; Polybius III 56–74) // *Klio*. 1934. N 27. S. 84–121.
- Staude G.* Untersuchungen zum zweiten punischen Kriege: Diss. Jena; Halle a. S., 1911.
- Stern E., von.* Das Hannibalische Truppenverzeichnis bei Livius. Nendeln/Liechtenstein, 1975 (= Berlin, 1891).
- Stove J.* The Causes of Hannibal's War // *Classicum*. 1986. N 12. P. 28–31.
- Streit W.* Zur Geschichte des zweiten Punischen Krieges in Italien nach der Schlacht von Cannae. Berlin, 1887.
- Summer G. V.* The Chronology of the Outbreak of the Second Punic War // *PACA*. 1966. N 9. P. 5–30.
- Summer G. V.* Rome, Spain, and the Outbreak of the Second Punic War: Some Clarifications // *Latomus*. 1972. N 31. P. 469–480.
- Summer G. V.* Elections at Rome in 217 B. C. // *Phoenix*. 1975. N 29. P. 250–259.
- Susini G.* In margine alia battaglia della Trebbia // *RSA*. 1983/84, появ. 1985. 13/14. P. 69–74
- Täubler E.* Die Vorgeschichte des zweiten punischen Kriege. Berlin, 1921.
- Tammler U.* Der römische Senat in der Zeit des Zweiten Punischen Kriege (218–201): Diss. Bonn, 1970, появ. 1971.
- Thiaucourt G.* Les causes et l'origine de la seconde guerre punique... Paris, 1890.
- Thiel J. H.* Studies on the History of Roman Sea-Power in Republican Times. Amsterdam, 1946.
- Thomas G.* Magna Mater and Attis // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II* 17,3 / Hg. v. W. Haase. Berlin; New York, 1984. S. 1500–1535, здесь с. 1502–1508.
- Thompson L. A.* Carthage and the Massylian Coup d'État of 206 B. C. // *Historia*. 1981. Vol. 30. P. 120–126.
- Tränkle H.* Livius und Polybios. Basel; Stuttgart, [1977]. S. 193–241.
- Treu M.* Der Papyrus über die Friedensverhandlungen des Jahres 203 v. Chr. (Ryl. Pap. III, nr. 491) // *Aegyptus*. 1953. N 33. S. 30–56.
- Trèves P.* Le origini della seconda guerra punica // *A & R N. F.* 1932. N 13. P. 14–39.
- Twyman B. L.* Polybius and the Annalists on the Outbreak and Early Years of the Second Punic War // *Athenaeum N.F.* 1987. N 65. P. 67–80.
- Unger G. F.* Die römischen Kalenderdata aus 218–215 v. Ch. // *Philologus*. 1888. N 46. S. 322–353.
- Ungern-Sternberg J., von.* Capua im Zweiten Punischen Krieg (Vestigia 23). München, 1975.

- Vallejo J.* "Oretanis", no "Ausetanis." (Sobre Livio, XXVI, 17,4) // Emerita. 1944. N 12. P. 368–374.
- Villaronga L.* Necesidades financieras en la Península Ibérica, durante la Segunda Guerra púnica y primeros levantamientos de los Iberos // Nummus. 1981/83. II 4/6. P. 119–153 u. T. I–VIII.
- Vulić N.* Hasdrubals Marschziel im Metaurus-Feldzuge // Klio. 1911. N 11. S. 384–387.
- Walbank F. W.* The Scipionic Legend // PCPhS. 1967. N 193. P. 54–69.
- Walsh P. G.* Livy and the Aims of "historia": An Analysis of the Third Decade // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II 30,2 / Hg. v. W. Haase. Berlin; New York, 1982. S. 1058–1074.
- Zielinski Th.* Die letzten Jahre des zweiten punischen Krieges. Aalen, 1985 (= Leipzig, 1880).
- Zucca R.* Cornus e la rivolta del 215 a. C. in Sardegna // L'Africa romana. Atti del III convegno di studio / Ed. A. Mastino. Sassari, 1986. P. 363–387.

XXVIII. Клиентское государство Рима (201–149 гг.)

- Astin A. E.* Scipio Aemilianus and Cato Censorius // Latomus. 1956. N 15. P. 159–180.
- Astin A. E.* Cato the Censor. Oxford, 1978.
- Aymard A.* Les otages carthaginois à la fin de la deuxième guerre punique // Pallas. 1953. N 1. P. 43–63.
- Bellen H.* Metus Gallicus — metus Punicus (AAWM. 1985. 3). Stuttgart, 1985.
- Burian J.* Ceterum autem censeo Carthaginem esse delendam // Klio. 1978. N 60. S. 169–175.
- Gagnât R.* Note sur les limites de la province romaine d'Afrique, en 146 avant J.-C. // CRAI. 1894. P. 43–51.
- Camps G.* Massinissa ou les débuts de l'histoire // Libyca. 1960. VIII.1.
- Càssola F.* Tendenze filopuniche e antipuniche in Roma // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I. Roma, 1983. P. 35–59.
- Chabert S.* La delenda Carthago // Annales de l'Université de Grenoble. 1913. N 25. P 49–61.
- Giovannella Cresci Marrone.* Nota a Nep. Hann., 7,4 // Aevum. 1978. N 52. P. 85–87.
- Di Vita-Evrard G.* La Fossa Regia et les diocèses d'Afrique proconsulaire // L'Africa romana. Atti del III convegno di studio / Hg. v. A. Mastino. Sassari, 1986. P. 31–58.
- Ferchiou N.* Nouvelles données sur un fossé inconnu en Afrique proconsulaire et sur la fossa regia // Histoire et archéologie de l'Afrique du Nord. Actes du IIIe Colloque international... Paris, 1986. P. 351–365.
- Geizer M.* Nasicas Widerspruch gegen die Zerstörung Karthagos // Kleine Schriften. II. Wiesbaden, 1963. S. 39–72 I.
- Haywood R. M.* The Oil of Leptis // CPh. 1941. N 36. P. 246–256.
- Hoffmann W.* Die römische Politik des 2. Jahrhunderts und das Ende Karthagos // Das Staatsdenken der Römer (WdF 46) / Hg. v. R. Klein. Darmstadt, ³1980 (= ¹1966). S. 178–230.

- Holleaux M.* Études d'épigraphie et d'histoire grecques. V. Paris, 1957. P. 180–183; 191.
- Kahrstedt U.* Die Annalistik von Livius B. XXXI–XLV. Roma, 1971 (= Berlin, 1913).
- Kienast D.* Cato der Censor. Darmstadt, 1979 (= Heidelberg, 1954).
- Kotula T.* Rzekoma reforma demokratyczna Hannibala w Kartaginie // *Eos*. 1967/68. N 57. 272–281 = Hannibal-Sufet und seine vermeintliche demokratische Reform in Karthago // *RSA*. 1983/84, появ. 1985. N 13/14. S. 87–101.
- Kotula T.* L'affaire des emporia: Problème d'histoire et de chronologie (Tite-Live, XXXIV 62; Polybe, XXXI 21) // *Africana Bulletin*. 1974. N 20. P. 47–61.
- Kotula T.* Masynissa. Warszawa, 1976.
- Little Ch. E.* The Authenticity and Form of Cato's Saying "Carthago delenda est" // *CJ*. 1933/34. N 29. P. 429–435.
- Meijer F.J.* Cato's African Figs // *Mnemosyne*. 1984. Vol. IV, N 37. P. 117–124.
- Nissen H.* Kritische Untersuchungen über die Quellen der vierten und fünften Dekade des Livius. Berlin, 1863.
- Picard Ch. G.* L'administration territoriale de Carthage // *Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à A. Piganiol III / Éd. R. Chevallier*. Paris, 1966. P. 1257–1265, здесь с. 1259–1262.
- Poinssot L.* Note sur la "Fossa regia" // *CRAI*. 1907. P. 466–481.
- Ritter H. W.* Rom und Numidien. Untersuchungen zur rechtlichen Stellung abhängiger Könige. Lüneburg, 1987.
- Rossetti S.* La Numidia e Cartagine fra la II e la III guerra punica // *PP*. 1960. N 15. P. 336–353.
- Saumagne Ch.* Observations sur le tracé de la "Fossa Regia" // *RAL*. 1928. Vol. VI, N 4. P. 451–459.
- Soltau W.* Die annalistischen Quellen in Livius' IV. und V. Dekade // *Philologus*. 1894. N 52. S. 664–702.
- Thürlemann Silvia.* "Ceterum censeo Carthaginem esse delendam" // *Gymnasium*. 1974. N 81. P. 465–475.
- Walsh P. G.* Massinissa // *JRS*. 1965. N 55. P. 149–160.
- Welwei K.-W.* Zum metus Punicus in Rom um 150 v. Chr. // *Hermes*. 1989. N 117. S. 314–320.

XXIX. III Римская война (149–146 гг.)

- Adecock F. E.* "Delenda est Carthago" // *CHJ*. 1944/46. N 8. P. 117–128.
- Alvar J.* La formula de la evocatio y su presencia en contextos desacralizadores // *AEA*. 1984. N 57. P. 143–148.
- Astin A. E.* Scipio Aemilianus. Oxford, 1967.
- Auctores varii.* *Studia Phoenicia X. Punic Wars / Hg. v. H. Devijver, E. Lipiński*. Leuven, 1989.
- Basanoff V.* Evocatio. Paris, 1947.
- Bilz K.* Die Politik des P. Cornelius Scipio Aemilianus (Würzburger Studien z. Altertumswiss. 7). Stuttgart, 1935.
- De Sanctis G.* *Stona dei Romani IV 3*. Firenze, 1964. P. 28–75.

- Fantar M.* Récentes découvertes dans les domaines de l'archéologie et de l'épigraphie puniques // ВСТН N. F. 1971, появ. 1973. N 7. P. 241–264, здесь 248–251.
- Ferron J., Saumagne Ch.* Adon-Baal, Esculape, Cybèle à Carthage // Africa. 1968. N 2. P. 75–137, здесь с. 86–110.
- Graux Ch.* Note sur les fortifications de Carthage à l'époque de la troisième guerre punique // Bibliothèque de l'École des Hautes Études. 1878. N 34. P. 175–208.
- Groh H. K.* Die Belagerung von Karthago im dritten punischen Kriege (149–146 v. Chr.): Diss. Leipzig, 1921.
- Hackl Ursula.* Poseidonios und das Jahr 146 v. Chr. als Epochendatum in der antiken Historiographie // Gymnasium. 1980. N 87. S. 151–166.
- Hallward B. L., Charlesworth M. P.* The Fall of Carthage // САН. ²1978 (= ²1954). VIII. P. 466–494, 775–777, здесь с. 475–494, 776 и след.
- Le Gall J.* “Evocatio” // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. Mélanges offerts à J. Heurgon I. Paris; Roma, 1976. P. 519–524.
- Maróti E.* On the Causes of Carthage's Destruction // Oikumene. 1983. N 4. P. 223–231.
- Nicolet C., Szynger M.* Les guerres puniques // Rome et la conquête du monde méditerranéen II / Hg. v. C. Nicolet. Paris, ²1989. P. 594–626 (введение).
- Rawson E.* Scipio, Laelius, Furius and the Ancestral Religion // JRS. 1973. N 63. P. 161–174, здесь с. 168–174.
- Reyniers F.* Remarques sur la topographie de Carthage à l'époque de la troisième guerre punique // Mélanges d'archéologie et d'histoire offerts à A. Piganiol III / Hg. v. R. Chevallier. Paris, 1966. P. 1281–1290.
- Ridley C. T.* To Be Taken with a Pinch of Salt: The Destruction of Carthage // CPh. 1986. N 81. P. 140–146.
- Saumagne Ch.* Les prétextes juridiques de la IIIe guerre punique // RH. 1931. N 167. P. 225–253; N 168. P. 1–42.
- Saumagne Ch., Ferron J.* Une inscription commémorative de la consecratio de Carthage: Adon-Baal // CRAI. 1966. P. 61–74.
- Vogel-Weidemann U.* Carthago delenda est: aita and prophasis. A Class 32. 1989. P. 79–95.
- Walbank F. W.* Political Morality and the Friends of Scipio // JRS. 1965. N 55. P. 1–16.
- Zancan L.* Le cause della terza guerra punica // AIV. 1935/36. Vol. 95, N 2. P. 529–601.

XXX. Государственный строй

- Bacigalupo Pareo Enrica.* I supremi magistrati a Cartagine // Contributî di storia antica in onore di A. Garzetti. Genova, 1977. P. 61–87.
- Beloch J.* Die Könige von Karthago // Klio. 1907. N 7. S. 19–28 = K. J. Beloch, Griechische Geschichte III 2. Berlin; Leipzig, ²1923. S. 107–121.
- Bourgeois É.* De la constitution carthaginoise // RH. 1882. N 20. P. 327–345.
- van den Branden A.* Quelques notes concernant l'inscription CIS 5510 // RStudFen. 1977. N 5. P. 139–145, здесь с. 143–145.
- Coacci Polselli Gianna.* I mħšbm cartaginesi // StudMagr. 1980. N 12. P. 83–87.
- Drapeyron L.* La constitution de Carthage // Revue de géogr. 1882. N 10. P. 280–293.

- Drews R.* Phoenicians, Carthage and the Spartan eunomia // *AJPh.* 1979. N 100. P. 45–58.
- Ehrenberg V.* Karthago // *Polis und Imperium* / Hg. v. K. F. Stroheker, A. J. Graham. Zürich; Stuttgart, [1965]. S. 549–586, здесь с. 564–566.
- Fantar M.* A propos des institutions politiques et administratives de Carthage: La Question de la Royauté // *Actes du 1er Congrès d'Histoire et de la Civilisation du Maghreb I.* Tunis, 1979. P. 33–48.
- Fantar M. H.* Que savons-nous des institutions municipales dans le monde de Carthage? // *REPPAL.* 1988. N 4. P. 205–214.
- Hands A. R.* The consolidation of Carthaginian power in the fifth century B.C. // *Africa in Classical Antiquity* / Ed. L. A. Thompson, J. Ferguson. Ibadan, 1969. P. 81–98, здесь с. 86–93.
- Henderson B. W.* The Carthaginian Councils // *JPh.* 1896. N 24. P. 119–130.
- Heuß A.* Die Gestaltung des römischen und des karthagischen Staates bis zum Pyrrhos-Krieg // *Rom und Karthago* / Hg. v. J. Vogt. Leipzig, [1943]. S. 83–138.
- Huß W.* Vier Sufeten in Karthago? // *Muséon.* 1977. N 90. S. 427–433.
- Huß W.* Die Einhundert und die Einhundertvier // *WO.* 1977/78. N 9. S. 253 f.
- Huß W.* Der Senat von Karthago // *Klio.* 1978. N 60. S. 327–329.
- Huß W.* Die Stellung des rb im karthagischen Staat // *ZDMG.* 1979. N 129. S. 217–232.
- Huß W.* Der karthagische Sufetat // *Althistorische Studien* / H. Bengtson... dargebracht (Historia-Einzelschr. 40). Wiesbaden, 1983. S. 24–43.
- Huß W.* Eine republikanische Ära in Karthago? // *Studien zur Alten Geschichte* / S. Lauffer... dargebracht; Hg. v. H. Kalcyk, B. Gullath, A. Graeber. Roma, 1986. S. 437–442.
- Huß W.* Probleme der karthagischen Verfassung // *Auctores varii. Karthago* (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992. S. 239–261.
- Kluge F. G.* Aristoteles de politia Carthaginiensium. Vratislaviae, 1824.
- Koerner G.* De republica Carthaginiensium: Diss. Halle, 1867.
- Krahmalkov C.* Notes on the Rule of the sôftîm in Carthage // *RStudFen.* 1976. N 4. P. 153–157.
- Levi Delia Vida G.* Magistrature romane e indigene nelle iscrizioni puniche tripolitane // *Studi in onore di E. Volterra VI.* Milano, 1971. P. 457–469, здесь с. 462–464.
- Lipiński E.* Vestiges et survivances du droit phénico — punique // *AncSoc.* 1991. N 22. P. 5–24.
- Lüdemann H.* Untersuchungen zur Verfassungsgeschichte Karthagos bis auf Aristoteles: Diss. Jena, 1932; Bottrop i.W., 1933.
- Maurin L.* Himilcon le Magonide // *Semitica.* 1962. N 12. P. 5–43.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 645–674.
- Nicolet C.* Dictateurs romains, στρατηγοὶ αὐτοκράτορες grecs et généraux carthagiinois // *Dictatures* / Hg. v. F. Hinard. Paris, 1988. P. 27–47.
- Picard G. Ch.* Les sufètes de Carthage dans Tite-Live et Cornelius Nepos // *REL.* 1963, ersch. 1964. N 41. P. 269–281.
- Picard G. Ch.* La révolution démocratique de Carthage // *Conférences de la Société d'Études Latines de Bruxelles 1965–1966* (Coll. Latomus 92) / Hg. v. G. Cambier. Bruxelles, 1968. P. 113–130.

- Picard G. Ch.* Les sources // Kokalos. 1982/83, появ. 1984. N 28/29. P. 271–275, 277.
- Picard G. Ch.* Le pouvoir suprême à Carthage // *Studia Phoenicia* VI. Carthago / Éd. E. Lipiński. Leuven. 1988. P. 119–124.
- Sanders L. J.* Punic Politics in the Fifth Century B. C. // *Historia*. 1988. N 37. P. 72–89.
- Seston W.* Des “portes” de Thugga à la “Constitution” de Carthage // *RH*. 1967. N 237. P. 277–294.
- Szyrmer M. L.* “Assemblée de Peuple” dans les cités puniques d’après les témoignages épigraphiques // *Semitica*. 1975. N 25. P. 47–68.
- Szyrmer M.* Le problème de la royauté dans le monde punique // *BCTH* N. F. 1981, ersch. 1984. 17 B. P. 291–296, 301.
- Szyrmer M.* Carthage et la civilisation punique // *Rome et la conquête du monde méditerranéen II* / Hg. v. C. Nicolet. Paris, ²1989. P. 545–593, здесь с. 561–585.
- Wolff G.* De principibus reipublicae Carthaginensis magistratibus: Diss. Bonn, 1857.

XXXI. Управление державой

- Eucken H. Ch.* Probleme der Vorgeschichte des zweiten punischen Krieges: Diss. Freiburg i. Br., 1968, здесь с. 61–71.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 609–629.
- Picard G. Ch.* L’administration territoriale de Carthage // *Mélanges d’archéologie et d’histoire offerts à A. Piganiol III / É. R. Chevallier*. Pans, 1966. P. 1257–1265.
- Picard G.-Ch.* Une survivance du droit public punique en Afrique romaine: les cités, sufétales // *I diritti locali nelle province romane con particolare riguardo aile condizioni giuridiche del suolo (Problemi Attuali di Scienza e di Cultura 194)*. Roma, 1974. P. 125–133.
- Szyrmer M.* Antiquités et épigraphie nord-sémitiques // *AEHE*. 1975–1976, ersch. 1976. IVe sect. 108. P. 167–200, здесь с. 175–181.
- Szyrmer M.* L’empire // *Rome et la conquête du monde méditerranéen II* / Hg. v. C. Nicolet. Paris, ²1989. P. 596–599.
- Whittaker C. R.* Carthaginian Imperialism in the Fifth and Fourth Centuries // *Imperialism in the Ancient World* / Ed. P. D. A. Garnsey, C. R. Whittaker. Cambridge, 1978. P. 59–90.

XXXII. Военное дело

- Barreca F.* Istituzioni militari e fortificazioni Fenicio-Puniche. Cagliari, 1975.
- Barreca F.* Le fortificazioni puniche sul Capo Bon // *Barreca F., Fantar M. H.* Prospezione archeologica al Capo Bon — II. Roma, 1983. P. 7–40.
- Barreca F.* Gli eserciti annibalici // *RSA*. 1983/84, появ. N 13/14. 1985. P. 43–68.
- Bartoloni P.* Fortificazioni puniche nel Mediterraneo // *C & S*. 1971. N 37. P. 193–198.
- Bartoloni P.* Le figurazioni di carattere marino rappresentate sulle più tarde stele di Cartagine. I — Le navi // *RStudFen*. 1977. N 5. P. 147–163.

- Bartoloni P.* Le figurazioni di carattere marino rappresentate sulle più tarde stele di Cartagine II. Le imbarcazioni minori // *RStudFen.* 1979. N 7. P. 181–191 u. T. LIV–LXIII.
- De Sanctis G.* Storia dei Romani III 1. Firenze, ²1967. P. 55–60.
- Honor Frost u.a.* Lilybaeum (NSA VIII 30, 1976, Suppl.). Roma, 1981.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 675–701.
- Moscatti S.* Cartagine nella civiltà mediterranea (Problemi attuali di scienza e di cultura 238). Roma, 1978.
- Picard G. Ch. u. C.* La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. Paris, [²1982] (= [1958]). P. 195–212.
- Rowland R. J. Jr.* Beyond the Frontier in Punic Sardinia // *AJAH.* 1982. N 7. P. 20–39.
- Scullard H. H.* The Elephant in the Greek and Roman World. Ithaca; N. Y., 1974.
- Wollner B.* Die Kompetenzen der karthagischen Feldherrn. Frankfurt a. M.; Bern; New York; Paris, 1987.

XXXIII. Экономика

- Auctores varii.* Colloque sur la céramique antique. Actes, Carthage, [1982].
- Benoit F.* Relations commerciales entre le monde ibéro-punique et le midi de la Gaule de l'époque archaïque à l'époque romaine // *REA.* 1961. N 63. P. 321–330.
- Bisi A. M.* La ceramica punica. Napoli, 1970.
- Blomqvist J.* Reflections of Carthaginian Commercial Activity in Hanno's Periplus // *Orientalia Suecana.* 1984/86. N 33/35. P. 53–62.
- Bondi S. F.* Note sull'economia fenicia — I. Impresa privata e ruolo dello stato // *EVO.* 1978. N 1. P. 139–149.
- Bondi S. F.* Penetrazione fenicio-punica e storia della civiltà punica in Sicilia. La problematica storica // *La Sicilia antica I 1 / Ed. E. Gabba, G. Vallet.* Napoli, [1980]. P. 163–225, здесь с. 193–196.
- Bondi S. F.* L'alimentazione nel mondo fenicio-punico. L'aspetto economico-industriale // *L'alimentazione nell'antichità.* Parma, 1985. P. 167–184.
- Bondi S. F.* Le relazioni con la Sicilia e la Sardegna nel quadro della politica economica di Cartagine nel Mediterraneo // *Gli interscambi culturali e socio-economici fra l'Africa settentrionale e l'Europa mediterranea I / Ed. L. Serra.* Napoli, 1986. P. 229–244.
- Breglia Laura.* Le antiche rotte del Mediterraneo documentate da monete e pesi // *RAAN N. F.* 1955, появ. 1956. N 30. P. 211–326.
- Cecchini S. M.* Problèmes et aspects de l'agriculture carthaginoise // *Histoire et archéologie de l'Afrique du Nord. Actes du IIIe Colloque international...* Paris, 1986. P. 107–114, 117.
- Cintas P.* Céramique punique. Tunis, 1950.
- Debergh J.* L'occident phénicien et punique a-t-il connu une forme de communauté rurale? // *Les communautés rurales II.* Paris, 1983. P. 391–402.
- Franco P. N.* "Baratto silenzioso" fra Punici e Libi "al di là delle colonne di Eracle" // *QAL.* 1976. N 8. P. 75–80.

- Fulford M.* Pottery and the Economy of Carthage and its Hinterland // *Opus.* 1983. N 2. P. 5–14.
- Wagner C. G.* El comercio púnico en el Mediterráneo a la luz de una nueva interpretación de los tratados concluidos entre Cartago y Roma // *MHA.* 1984. N 6. P. 211–224.
- Wagner C. G.* Cartago y el Occidente. Una Revisión Crítica de la Evidencia Literaria y Arqueológica // *In Memoriam A. Diaz Toledo.* Granada, 1985. P. 437–460.
- Habermann W.* Die athenischen Handelsbeziehungen mit Ägypten, Karthago und Kyrene während des 5. Jahrhunderts v. Chr. // *MBAH.* 1986. N 5,2. S. 96–105, здесь с. 100–102.
- Huß W.* Die Beziehungen zwischen Karthago und Ägypten in hellenistischer Zeit // *AncSoc.* 1979. N 10. S. 119–137, здесь с. 131–133.
- Jully J. J.* Koiné commerciale et culturelle phénico-punique et ibero-languedocienne en Méditerranée occidentale à l'âge du Fer // *AEA.* 1975. N 48. P. 22–119.
- Junge R.* Weltgeschichte der Standortentwicklung der Wirtschaft in der Klassengesellschaft I. Berlin, 1961.
- Maaf-Lindemann G.* Toscanos (*Madrider Forsch.* 6). Berlin, 1982. S. 131–143, 166–170.
- MacIntosh Jean.* Etruscan-Punic Relations: Diss. / Bryn Mawr College. S. I., 1974.
- Marasco G.* Aspetti dell'economia cartaginese fra la seconda e la terza guerra punica // *L'Africa romana. Atti del V convegno di studio / Ed. A. Mastino.* Sassari, 1988. P. 223–228.
- Moscato S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 65–150, 489–511.
- Moscato S.* Dall'Egitto a Cartagine // *Studi in onore di Edda Bresciani / Ed. S. F. Bondi u.a.* Pisa, 1985. P. 355–361.
- Munoz A. A. M.* Sobre el comercio cartaginés en Espana // *Pyrenae.* 1968. N 4. P. 129–140.
- Peacock D. P. S.* Punic Carthage and Spain: the Evidence of the Amphorae // *CEA.* 1986. N 18. P. 101–113.
- Charles-Picard G. u. C.* La vie quotidienne à Carthage au temps d'Hannibal. Paris, [21982] (= [1958]). P. 84–99, 104–122, 177–189.
- Solier Y.* Céramiques puniques et ibéro-puniques sur le littoral du Languedoc du VIème siècle au début du IIème siècle avantj. C // *RSL.* 1968. N 34. P. 127–150.
- Speck E.* Handelsgeschichte des Altertums III 1. Leipzig, 1905. P. 135–200.
- Thuillier J.-P.* Nouvelles découvertes de bucchero à Carthage // *Il commercio etrusco arcaico / Hg. v. M. Cristofani u. a.* Roma, 1985. P. 155–163.
- Tsirkin Yu. B.* The Economy of Carthage // *Studia Phoenicia VI. Carthago / Ed. E. Lipiński.* Leuven, 1988. P. 125–135.
- Wolff S. R.* Carthage and the Mediterranean: Imported Amphorae from the Punic Commercial Harbor // *CEA.* 1986. N 19. P. 134–153.

XXXIV. Монетное дело

- Acquaro E.* La monetazione punica. Milano, 1979.
- Acquaro E. u.a.* Studi di numismatica punica (*RStudFen* 11, Suppl.). Roma, 1983.
- Asins C. A.* Sistematización del antiguo numerario gaditano // *Aula Orientalis.* 1986. N 4. P. 121–138.

- Baldus H. R.* Unerkannte Reflexe der römischen Nordafrika-Expedition von 256/255 v. Chr. in der karthagischen Münzprägung // *Chiron*. 1982. N 12. S. 163–190 u. T. lf.
- Baldus H. R.* Ägypten und Nordafrika bis 27 v. Chr. // *A Survey of Numismatic Research 1978–1984 I* / Ed. M. Price u. a. London, 1986. S. 204–232.
- Baldus H. R.* Zwei Deutungsvorschläge zur punischen Goldprägung im mittleren 3. Jahrhundert v. Chr. // *Chiron*. 1988. N 18. S. 171–179.
- Beltrán A.* El alfabeto monetal llamado “libio-fenice” // *Numisma*. 1954. 4, 13. P. 49–63.
- Beitrán M. A.* Monedas hispánicas con rótulos púnicos // *Numisma*. 1977. 27. N 144–146. P. 9–58.
- Bisi A. M.* Le monete con leggenda punica e neopunica del Museo Nazionale di Napoli // *AIIN*. 1969/70. N 16/17. P. 55–127 u. T. IV–XI.
- Boehringer Ch. F.* Sizilien, Sardinien, Malta // *A Survey of Numismatic Research 1966–1971. I. Ancient Numismatics* / Hg. v. P. Naster u. a. New York, 1973. S. 57–79.
- Campo M.* Las monedas de Ebusus. Barcelona, 1976.
- Campo M.* Las relaciones de Ebusus con el exterior a través de los hallazgos monetarios (siglos III–I a. C) // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I*. Roma, 1983. P. 145–156.
- Campo M.* Hispania // *A Survey of Numismatic Research 1978–1984. I* / Hg. v. M. Price u. a. London, 1986. P. 43–60.
- Cutroni T. A.* Rapporti tra Greci e Punici in Sicilia attraverso l’evidenza numismatica // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I*. Roma, 1983. P. 135–143.
- Forteleoni L.* Le emissioni monetali della Sardegna punica. Sassari, 1961.
- Forteleoni L.* Monete e zecche della Sardegna punica. Sassari, 1975.
- García-Bellido M. Paz.* Leyendas e imágenes púnicas en las monedas “libiofenices” // *Veleia*. 1985/86, появ. 1987. N 2/3. P. 499–519.
- de Guadan A. M.* Las monedas de Gades. Madrid, 1963.
- Hans L.-M.* Karthago und Sizilien. Diss. Hamburg, 1981; Hildesheim; Zürich; New York; 1983. S. 20–25, 124–135.
- Hans L.-M.* Die Göttin mit der Tiara // *SNR*. 1987. N 66. S. 47–58 u. T. 7f.
- Hill G. F.* Coins of Ancient Sicily. London, 1903.
- Huß W.* Die Depositenbank von Karthago // *JNG*. 1989. N 39. S. 21–26.
- Jahn J.* Karthago und westliches Nordafrika // *Chiron*. 1977. N 7. S. 411–485.
- Jenkins G. K., Lewis R. B.* Carthaginian Gold and Electrum Coins. London, 1963.
- Jenkins G. K.* Electrum Coinage at Syracuse // *Essays in Greek Coinage presented to S. Robinson* / Ed. C. M. Kraay, G. K. Jenkins. Oxford, 1968. S. 145–162 u. T. 14f.
- Jenkins G. K.* [Hg.] Sylloge Nummorum Graecorum 42. The Royal Collection of Coins and Medals. Danish National Museum. North Africa. Syrtica — Mauretania. Copenhagen, 1969.
- Jenkins G. K.* Coins of Punic Sicily // *SNR*. 1971. N 50. P. 25–78; 1974. N 53. P. 23–41; 1977. N 56. P. 5–65; 1978. N 57. P. 5–68.
- Jenkins G. K.* Egypt and North Africa // *A Survey of Numismatic Research 1966–1971. I. Ancient Numismatics* / Ed. P. Naster u. a. New York, 1973. P. 199–205.

- Jenkins G. K.* Carthage, N. Africa, the Iberian Peninsula, Gaul // A Survey of Numismatic Research 1972–1977 / Ed. R. Carson; P. Berghaus; N. Lowick. Bern, 1979. P. 106–117.
- Manfredi L.-I.* Riconiazione ed errori di conio nel mondo punico (RStudFen 18 Suppl.). Roma, 1990.
- Mazard J.* Corpus nummorum Numidiae Maretaniaeque. Paris, 1955
- Müller L.* Numismatique de l'ancienne Afrique, 3 vol. u. Suppl. Bologna, 1964 (= Copenhagen, 1860–1874).
- Robinson E. S. G.* Punic Coins of Spain and their Bearing on the Roman Republican Series // Essays in Roman Coinage presented to H. Mattingly / Ed. R. A. G. Carson, C. H. V. Sutherland. Aalen, 1979 (= London, 1956). P. 34–53.
- Sola-Sole J. M.* El alfabeto monetario de las cecas “libio-fenices”. Barcelona, [1980].
- Cutroni Aldina Tusa.* Ricerche sulla monetazione punica in Sicilia // Kokalos. 1967. N 13. P. 73–87.
- Villaronga L.* Las monedas hispano-cartaginesas. Barcelona, 1973.

XXXV. Общество

- Amadasi Guzzo M. G.* Dédicaces de femmes à Carthage // Studia Phoenicia VI. Carthago / Éd. E. Lipiński. Leuven, 1988. P. 143–149.
- Benz F. L.* Personal Names in the Phoenician and Punic Inscriptions (Studia Pohl. 8). Rome, 1972.
- Bondi S. F.* Diritti fondamentali della persona e libertà religiosa. Elementi di conoscenza per il mondo punico // I diritti fondamentali della persona umana e la libertà religiosa. Atti del V Colloquio Giuridico / Ed. F. Biffi. Roma, 1985. P. 217–221.
- Bordreuil P., Ferjaoui A.* À propos des “fils de Tyr” et des “fils de Carthage” // Studia Phoenicia VI. Carthago / Éd. E. Lipiński. Leuven, 1988. P. 137–142.
- Fantar M.* Une inscription punique exposée au Musée d’Utique // CT. 1972. N 20. P. 9–15.
- Hahn I.* Die Hellenisierung Karthagos und die punisch-griechischen Beziehungen im 4. Jahrhundert v.u. Z. // Hellenische Poleis II / Hg. v. E. Ch. Welskopf. Berlin, 1974. S. 841–854.
- Heltzer M.* Phoenician Theophorous Names with the Root ‘MS // Studia Phoenicia IV. Religio Phoenicia / Ed. C. Bonnet, E. Lipiński, P. Marchetti. Namur, 1986. P. 239–247.
- Huß W.* 'dnj — ein punischer Personennamenname? // RStudFen. 1987. N 15. S. 133f.
- Jongeling K.* Names in Neo-Punic Inscriptions: Diss. Groningen, 1984.
- Matilla V. E.* Surgimiento y desarrollo de la esclavitud cartaginesa y su continuación en época romana // Hispana antiqua. 1977. N 7. P. 99–123.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 631–643.
- Šifman I. Š.* Sklaverei in Karthago // Kallistov D. P. u. a. Sklaverei an der Peripherie der Alten Welt. Leningrad, 1968. S. 245–257 (на русском языке).
- Szycer M.* Quelques observations sur la grande inscription dédicatoire de Mactar // Semitica. 1972. N 22. P. 25–43, здесь с. 36–39.

Xella P. KTU 1.48 e la tanffa punica di Marsiglia (KAI 69,16) // RStudFen. 1984. N 12. P. 165–168.

XXXVI. Литература

- Heurgon J. L'agronome carthaginois Magon et ses traducteurs en latin et en grec // CRAI. 1976. P. 441–456.
- Matthews V. J. The libri Punici of King Hiempsal // AJPh. 1972. N 93. P. 330–335.
- Moscatti S. I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 575–605.
- Schiffmann. Phönizisch-Punische Mythologie und geschichtliche Überlieferung in der Widerspiegelung der antiken Geschichtsschreibung. Roma, 1986.
- Speranza F. Scriptorum Romanorum de re rustica reliquiae I. Messina, ²1974. P. 75–119.
- Szyrmer M. Die punische Literatur // Auctores varii. Karthago (WdF 654) / Hg. v. W. Huß. Darmstadt, 1992. S. 321–340.
- Szyrmer M. Carthage et la civilisation punique // Rome et la conquête du monde méditerranéen II / Éd. C. Nicolet. Paris, ²1989. P. 545–593, здесь с. 590–593.

XXXVII. Искусство

- Acquaro E. I rasoi punici. Roma, 1971.
- Acquaro E. Arte e cultura punica in Sardegna. Sassari, 1984.
- Auctores varii. Varia // i Fenici [Catalogo della Mostra] / Hg. v. M. Andreose. Milano, 1988. P. 243–510.
- Barreca F. La civiltà di Cartagine. Cagliari, 1964.
- Bisi A. M. Studi punici I–III // OA. 1966. N 5. P. 223–248, здесь 223–232.
- Bisi A. M. I Pettini d'Avorio di Cartagine // Africa. 1968. N 2. P. 11–73.
- Bisi A. M. Un naiskos tardo-fenicio del museo di Beyrut e il problema dell'origine dei cippi egittizzanti nel mondo punico // AntAfr. 1971. N 5. P. 15–38.
- Bisi A. M. Les sources syro-palestiniennes et chypriotes de l'art punique (à propos de quelques objets de Carthage) // AntAfr. 1979. N 14. P. 17–35.
- Bisi A. M. La coroplastica fenicia d'Occidente (con particolare riguardo a quella ibicenca) // Aula Orientalis. 1985. N 3. P. 285–294.
- Bisi A. M. Les influences de l'art classique et du premier hellénisme dans le monde phénicien d'Occident // Πρακτικά του XII Διεθνούς Συνεδρίου Κλασικής Αρχαιολογίας I. Athina, 1985. P. 41–47 u. T. 8–10.
- Bisi A. M. Influenze italiote e siceliote nell'arte punica del Nordafrica in età ellenistica // Gli interscambi culturali e socio-economici fra l'Africa settentrionale e l'Europa mediterranea I / Hg. v. L. Serra. Napoli, 1986. P. 153–180.
- Blanck H. Die Malereien des sogenannten Priester-Sarkophages in Tarquinia // Miscellanea archaeologica T. Dohrn dedicata. Roma, 1982. S. 11–28.
- Blázquez J. M. Arte de la edad de los metales. Arte orientalizante, fenicio y cartaginés // Jordá F., Blázquez J. M. Historia del arte hispánico I I. La antigüedad. Madrid, 1978. P. 199–352.
- Bondi S. F. I Fenici in Occidente // Modes de contacts et processus de transformation dans les sociétés anciennes. Actes du colloque de Cortone (24–30 mai 1981). Pise; Rome, 1983. P. 379–400, 407.

- Cintas P.* Amulettes puniques. Tunis, 1946.
- Culican W.* The Iconography of some Phoenician Seals and Seal Impressions // *Opera selecta*. Göteborg, 1986. P. 211–264.
- Debergh J.* Image grecque, interprétation carthaginoise // *Revista de la Univ. Complutense*. 1976. Vol. 25, N 101. P. 91–112.
- Debergh J.* Image grecque, interprétation carthaginoise. A propos de la stèle Cb 687 du Musée du Bardo a Tunis... // *Revista de la Univ. Complutense*. 1976. Vol. 25, N 104. P. 201–204.
- Debergh J.* L'art de l'Afrique du Nord ... I. L'Afrique phénicienne et punique // *L'Afrique méditerranéenne* / Éd. A. Destrée. Bruxelles, 1977. P. 177–194.
- Deneauve J.* Lampes de Carthage. Paris, 1969.
- Anna Maria Ingrassia Bisi.* Elementi vicino-orientali nell'arte punica // *Atti del 1° Convegno italiano sul Vicino Oriente antico*. Roma, 1978. P. 129–146.
- Isserlin B. S. J.* Some Common Features in Phoenician/Punic Town Planning // *RStudFen*. 1973. N 1. P. 135–152.
- Lancel S.* Ivoires phénico-puniques de la nécropole archaïque de Byrsa, à Carthage // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III*. Roma, 1983. P. 687–692.
- Lézine A.* Résistance à l'hellénisme de l'architecture religieuse de Carthage // *CT*. 1959. N 7. P. 247–261.
- Lézine A.* Architecture punique. Paris, s. d.
- Moscatti S.* New Light on Punic Art // *The Role of the Phoenicians in the Interaction of the Mediterranean Civilizations* / Ed. W. A. Ward. Beirut, [1968]. P. 65–75.
- Moscatti S.* Art phénicien d'Occident // *MUB*. 1969. N 45. P. 381–390.
- Moscatti S.* Punic Art in Italy // *Near Eastern Studies in Honor of W. F. Albright* / Ed. H. Goedicke. Baltimore; London, [1971]. P. 355–376.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 275–487.
- Moscatti S.* Fenici e Cartaginesi in Sicilia // *Kokalos*. 1972/73. N 18/19. P. 23–31.
- Moscatti S.* *Problematika della civiltà fenicia*. Roma, 1974.
- Moscatti S.* L'arte fenicia rivisitata // *RStudFen*. 1976. N 4. P. 1–10.
- Moscatti S.* *Il mondo punico*. Torino, 1980.
- Moscatti S.* Per una storia delle stele puniche // *RPAA*. 1977/78, появ. 1980. N 50. P. 55–73.
- Moscatti S.* *L'arte della Sardegna punica*. Milano, 1986.
- Moscatti S.* *L'arte della Sicilia punica*. Milano, 1987.
- Moscatti S.* *Iconismata punica* // *RPAA*. 1985/86, появ. 1987. N 58. P. 75–85.
- Panot A., Chéhab M. H., Moscati S.* *Les Phéniciens*. Paris, 1975.
- Picard C. G.* *Sacra Punica*. Étude sur les masques et rasoirs de Carthage // *Karthago*. 1965/66, появ. 1967. N 13.
- Picard C.* Thèmes hellénistiques sur les stèles de Carthage // *AntAfr*. 1967. N 1. P. 9–30.
- Picard C.* Victoires et trophées puniques. La souveraineté de Baal Hammon // *StudMagr*. 1970. N 3. P. 55–72.
- Picard C.* Les représentations du cycle dionysiaque à Carthage dans l'art punique // *AntAfr*. 1979. N 14. P. 83–113.

- Picard C.* Les sources de l'iconographie hellénistique à Carthage // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III. Roma, 1983. P. 725–729.
- Poinssot C., Salomonson J. W.* Un monument inconnu: le mausolée d'Henchir Djaouf d'après les papiers inédits de Comte C. Borgia // OML. 1963. N 44. P. 57–88 u. T. XV–XXVIII.
- Quillard B.* Les étuis porte-amulettes carthaginois // Karthago. 1970/71, появ. 1973. N 16. P. 1–32 u. T. I–V.
- Quillard B.* Bijoux carthaginois. 2 vol. Louvain-la-Neuve, 1979–1987.
- Seefried M.* Les pendentifs en verre sur noyau des pays de la Méditerranée antique. Roma, 1982.
- Thuillier J.-P.* L'habitat punique tardif à Carthage // CEA. 1986. N 19. P. 99–120.
- Vercoutter J.* Les objets égyptiens et égyptisants du mobilier funéraire carthaginois. Paris, 1945.

XXXVIII. Религия

- Acquaro E.* Notes d'archéologie punique: culture matérielle et reflets dans l'histoire // LEC. 1987. N 55. P. 75–80.
- Amadasi Guzzo M. G.* Les divinités dans les inscriptions puniques de Tripolitaine: Essai de mise au point // BCTH N. F. 1981, гјзд. 1984. Vol. 17 B. P. 189–196.
- Amadasi Guzzo M. G.* Dédicaces de femmes à Carthage // Studia Phoenicia VI. Carthago / Éd. E. Lipiński. Leuven. 1988. P. 143–149.
- Amadasi Guzzo M. G.* Sacrifici e banchetti: Bibbia ebraica e iscrizioni puniche // Sacrificio e società nel mondo antico / Ed. C. Grottanelli, N. F. Parise. Roma; Bari, 1988. P. 97–122.
- Astruc M.* Traditions funéraires de Carthage // Cahiers de Byrsa. 1956. N 6. P. 29–79.
- Auctores varii.* Die Göttin von Pyrgi / Hg. v. A. Neppi Modona, F. Prayon. Firenze, 1981.
- Auctores varii.* La religione fenicia. Atti del Colloquio in Roma, 6 marzo 1979. Roma, 1981.
- Auctores varii.* Adonis. Relazioni del Colloquio in Roma, 22–23 maggio 1981. Roma, 1984.
- Auctores varii.* Studia Phoenicia IV. Religio Phoenicia / Ed. C. Bonnet, E. Lipiński, P. Marchetti. Namur, 1986.
- Baker D. W.* Leviticus 1–7 and the Punic Tariffs: A Form Critical Comparison // ZATW. 1987. N 99. P. 188–198.
- Barré M. L.* The God-List in the Treaty between Hannibal and Philip V of Macedonia. Baltimore; London, [1983].
- Barreca F.* I culti della Sardegna fenicio-punica, 3 Tie. Cagliari, 1973.
- Barreca F.* Il giuramento di Annibale (considerazioni storico-religiose) // Studi in onore di G. Lilliu... / Ed. G. Sotgiu. Cagliari, 1985. P. 71–81.
- Bartoloni P.* Le stele arcaiche del tofet di Cartagine. Roma, 1976.
- Benichou-Safar H.* Les tombes puniques de Carthage. Paris, 1982.
- Benichou-Safar H.* Sur l'incinération des enfants aux tophets de Carthage et de Sousse // RHR. 1988. N 205. P. 57–67.
- Bisi A. M.* La religione punica nelle rappresentazioni figurate delle stele votive // R & C. 1965. N 36. P. 99–157.

- Bisi A. M.* Le stele puniche. Roma, 1967.
- Bisi A. M.* Le matrici fittili puniche della Sardegna e della Sicilia // Sefarad. 1968. N 28. P. 289–308.
- Bisi A. M.* Simboh “ammati” nella religione fenicio-punica // Religioni e civiltà. Scritti in memoria di A. Brelich / Hg. v. V. Lanternari; M. Massenzio; D. Sabbatucci. Bari, 1982. P. 55–69.
- Bondi S. F.* Per una riconsiderazione del tofet // EVO. 1979. N 2. P. 139–150.
- Bonnet C.* Typhon et Baal Şaphon // Studia Phoenicia V. Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C. / Ed. E. Lipiński. Leuven, 1987. P. 101–143.
- Bonnet C.* Studia Phoenicia VIII. Melqart. Leuven; Namur, 1988.
- Bourgeois C.* Neptune et le dauphin à Mactar // BCTH N. F. 1973, появ. 1976. 9 B. P. 17–23.
- Brown S. Sh.* Late Carthaginian Child Sacrifice and Sacrificial Monuments in their Mediterranean Context: Diss. Indiana, 1986.
- Culican W.* Phoenician Demons // Opera selecta. Göteborg, 1986. P. 433–436.
- Debergh J.* La libation funéraire dans l’Occident punique. Le témoignage des nécropoles // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici III. Roma, 1983. P. 757–762.
- Delcor M.* Le tarif dit de Marseille (CIS I, 165). Aspects du système sacrificiel punique // Semitica. 1990. N 38. P. 87–93 u. T. XVI.
- Eißfeldt O.* Molk als Opferbegriff im Punischen und Hebräischen und das Ende des Gottes Moloch (Beitr. z. Religionsgesch. d. Altert. 3). Halle, 1935.
- Fantar M.* Eschatologie phénicienne-punique. Tunis, 1970.
- Fantar M.* Le dieu de la mer chez les Phéniciens et les Puniques. Roma, 1977.
- Fantar M. H.* Baal Hammon // REPPAL. 1990. N 5. P. 67–105.
- Fedele F., Foster G. V.* Tharros: ovicaprini sacrificiali e rituale del tofet // RStudFen. 1988. N 16. P. 29–46.
- Ferron J.* Mort-Dieu de Carthage (Coll. Cahiers de Byrsa, Série Monogr. 2). 2 vol. Paris, 1975.
- Ferron J.* La religion punique de Carthage // IBLA. 1988. N 51. P. 3–35.
- Ferron J., Aubet M. E.* Orants de Carthage. 2 Bde. Paris, 1974.
- Février J.-G.* A propos de Baal Addir // Semitica. 1949. N 2. P. 21–28.
- Février J. G.* La Koré punique // Mélanges Bibliques rédigés en l’honneur de A. Robert. Paris, o. J. P. 364–369.
- Février J. G.* Paralipomena Punica // Cahiers de Byrsa. 1956. N 6. P. 13–27, здесь 13–22.
- Février J. G.* Essai de reconstitution du sacrifice molek // JA. 1960. N 248. P. 167–187.
- Février J. G.* L’évolution des rites sacrificiels à Carthage // BCTH. 1959/60, ersch. 1962. P. 22–27.
- Février J. G.* Astronoé // JA. 1968. N 256. P. 1–9.
- Fulco W. J.* The Canaanite God Rešep. New Haven (Conn.), 1976.
- Garbini G.* Monumenti religiosi // I Fenici. Storia e religione. Napoli, 1980. P. 161–170.
- Garbini G.* Simboli religiosi // I Fenici. Storia e religione. Napoli, 1980. P. 177–185.

- Gese H.* Die Religionen Altsyriens // G.-M. H. Höfner; K. R. Die Religionen Altsyriens, Altarabiens und der Mandäer (Die Religionen der Menschheit X 2). Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz; 1970. S. 1–232.
- Giustolisi V.* Le origini della Dea Tanit e dei suoi simboli. Palermo, 1970.
- Görg M.* Topaet (Tofet): “Die (Stätte) des Feuergottes”? // *Aegyptiaca-Biblica* (Ägypten u. A. T. 11). Wiesbaden, 1991. S. 33f.
- Grottanelli C.* Melqart e Sid fra Egitto, Libia e Sardegna // *RStudFen.* 1973. N 1. S. 153–164.
- Grottanelli C.* La religione fenicio-punica: Vecchi problemi e studi recenti // *SMSR* N. F. 1988. N 12. P. 171–184.
- Heider G. C.* The Cult of Molek. Sheffield, [1985].
- Hölbl G.* Egyptian fertility magic within Phoenician and Punic Culture // *Archaeology and Fertility Cult in the Ancient Mediterranean* / Ed. v. A. Bonanno. Amsterdam, 1986. P. 197–205.
- Hours-Miedan M.* Les représentations figurées sur les stèles de Carthage // *Cahiers de Byrsa.* 1951. N 1. P. 15–160.
- Hvidberg-Hansen F. O.* La Déesse TNT. 2 vol. Copenhague, 1979.
- Hvidberg-Hansen F. O.* Uni-Ashtarte and Tanit-Iuno Caelestis. Two Phoenician goddesses of fertility reconsidered from recent archaeological discoveries // *Archaeology and Fertility Cult in the Ancient Mediterranean* / Ed. A. Bonanno. Amsterdam, 1986. P. 170–195.
- Leglay M.* Saturne africain. Monuments. 2 vol. Paris, 1961–1966.
- Leglay M.* Saturne africain. Histoire. Paris, 1966.
- Le Glay M.* Les syncrétismes dans l’Afrique ancienne // *Les syncrétismes dans les religions de l’antiquité* / Hg. v. Françoise Dunand, P. Lévêque. Leiden, 1975. P. 123–151.
- Lipiński E.* La fête de l’ensevelissement et de la résurrection de Melqart // *Actes de la XVIIe Rencontre Assyriologique Internationale* / Éd. A. Finet. Ham-sur-Heure, 1970. P. 30–58.
- Lipiński É.* skn et sgn dans le sémitique occidental du nord // *UF.* 1973. N 5. P. 191–207.
- Lipiński E.* Syro-fenicische wortels van de karthaagse religie // *Phoenix* (Leiden). 1982. N 28. P. 51–84.
- Lipiński E.* Notes d’épigraphie phénicienne et punique // *OLP.* 1983. N 14. P. 129–165, здесь с. 154–158.
- Lipiński E.* Vestiges phéniciens d’Andalousie // *OLP.* 1984. N 15. P. 81–132, здесь с. 102–117.
- Lipiński E.* Resheph Amyklos // *Studia Phoenicia V. Phoenicia and the East Mediterranean in the First Millennium B. C.* / Ed. E. Lipiński. Leuven, 1987. P. 87–99.
- Lipiński E.* Sacrifices d’enfants à Carthage et dans le monde sémitique oriental // *Studia Phoenicia VI. Carthago* / Éd. E. Lipiński. Leuven, 1988. P. 151–162.
- Lipiński E.* Tannit et Ba’al Ḥamon // *HBA.* 1988–1990, появ. 1992. N 15–17. P. 209–249 u. T. 6–12.
- du Mesnil du Buisson R.* Études sur les dieux phéniciens hérités par l’Empire romain. Leiden, 1970.

- Mosca P. G.* Child Sacrifice in Canaanite and Israelite Religion: Diss. Harvard, 1975.
- Moscatti S.* Iconismo e aniconismo nelle più antiche stele puniche // OA. 1969. N 8. P. 59–67.
- Moscatti S.* I Fenici e Cartagine. Torino, [1972]. P. 513–574, 712f.
- Moscatti S.* Il sacrificio punico dei fanciulli: realtà o invenzione? (Problemi attuali di scienza e di cultura 261). Roma, 1987.
- Münter F.* Religion der Karthager. Kopenhagen, ²1821.
- Picard C. G.* Sacra Punica. Étude sur les masques et rasoirs de Carthage // Karthago. 1965/66, появ. 1967. N 13.
- Picard C.* Genèse et évolution des signes de la bouteille et de Tanit à Carthage // StudMagr. 1968. N 2. P. 77–87.
- Picard C.* Tanit courotrophe // Hommages à M. Renard III (Coll. Latpmus 103) / Hg. v. J. Bibauw. Bruxelles, 1969. P. 474–484 u. T. CLXX-CLXXIV.
- Picard C. G.* La Dame des brûle parfums à Carthage // Revista de la Univ. Complutense. 1976. N 25, 101. P. 155–174.
- Picard C.* Les représentations de sacrifice molk sur les ex-voto de Carthage // Karthago. 1973/74, появ. 1976. N 17. P. 67–138 u. T. VI–XII.
- Picard C.* Les représentations de sacrifice molk sur les stèles de Carthage // Karthago. 1975/76, появ. 1978. N 18. P. 5–116 u. T. XIII–XXIV.
- Picard C.* Demeter et Kore à Carthage — Problèmes d'iconographie // Kokalos. 1982/83, появ. 1984. N 28/29. P. 187–194.
- Picard C.* Les sacrifices Molk chez les puniques: certitudes et hypothèses // Semitica. 1990. N 39. P. 77–88.
- Picard C. u. G.-Ch.* Hercule et Melqart // Hommages à J. Bayet (Coll. Latomus 70) / Éd. M. Renard, R. Schilling. Bruxelles; Berchem, 1964. P. 569–578.
- Picard G. Ch.* Les religions de l'Afrique antique. Paris, 1954.
- Picard G. Ch.* Statuettes tournées puniques // BCTH N. F. 1973, появ. 1976. Vol. 9 B. P. 3–9.
- Ribichini S.* Un episodio di magia a Cartagine nel III secolo av. Cr. // Magia. Studi di storia delle religioni in memoria de Raffaella Garosi. Roma, [1976]. P. 147–156.
- Ribichini S.* Un'ipotesi per Milk'aštart // RSO. 1976. N 50. P. 43–55.
- Ribichini S.* Adonis. Roma, 1981.
- Ribichini S.* Morte e oltretomba a Cartagine: A proposito di un libro recente // SMSR N. F. 1985. N 9. P. 353–364.
- Ribichini S.* Poenus advena. Gli dei fenici e l'interpretazione classica. Roma, 1985.
- Ribichini S.* Temple et sacerdoce dans l'économie de Carthage // BCTH N. F. 1983, появ. 1985. 19 B. P. 29–37.
- Ribichini S.* Concezioni dell' oltretomba nel mondo fenicio e punico // Archeologia dell'inferno / Hg. v. P. Xella. Verona, 1987. P. 147–161.
- Ribichini S.* Il tofet e il sacrificio dei fanciulli (Sardò 2). Sassari, 1987.
- Ribichini S.* Le credenze e la vita religiosa // i Fenici [Catalogo della Mostra] / Hg. v. M. Andreose. Milano, 1988. P. 104–125.

- Ribichini S.* Qualche osservazione sull'antropomorfismo delle divinità fenicie e puniche // *Semitica*. 1990. N 39. P. 127–133.
- Ribichini S., Xella P.* Milk'āstart, mlk(m) e la tradizione siropalestinese sui Refaim // *RStudFen*. 1979. N 7. P. 145–158.
- Ringgren H.* Die Religionen des Alten Orients. Göttingen, 1979. S. 198–246.
- Roschinski H. P.* Punische Inschriften zum MLK-Opfer und seinem Ersatz // *Botterweck Ch. u. a. Religiöse Texte (Texte aus d. Umwelt d. A. T. II 4)*. Gütersloh, 1988. S. 606–620.
- Schiffmann J.* Phönizisch-Punische Mythologie und geschichtliche Überlieferung in der Widerspiegelung der antiken Geschichtsschreibung. Roma, 1986.
- Schmitz P. C.* Epigraphic contributions to a history of Carthage in the fifth century B. C. E.: Diss. Michigan, 1990.
- Stager L. E.* Carthage: A View from the Tophet // *Phönizier im Westen (Madrider Beitr. 8)* / Hg. v. H. G. Niemeyer. Mainz, 1982. P. 155–163 bzw. 166.
- Stockton E. D.* Phoenician Cult Stones // *The Austral. Jour. Bibl. Archaeol.* 1974/75. Vol. 2,3, 1. P. 1–27.
- Sznycer M.* Note sur le dieu Šid et le dieu Ḥoron d'après les nouvelles inscriptions/puniques d'Antas (Sardaigne) // *Karthago*. 1969/70. N 15. P. 67–74.
- Sznycer M.* Dictionnaire des mythologies... II. Paris, 1981. P. 250–256, см. Phéniciens et Puniqes; P. 421–429, см. Sémites occidentaux.
- Xella P.* Studi sulla religione fenicia e punica, 1971–1973 // *RStudFen*. 1975. N 3. P. 227–244.
- Xella P.* Sulla più antica storia di alcune divinità fenicie // *Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici II*. Roma, 1983. P. 401–407.
- Xella P.* KAI 78 e il pantheon di Cartagine // *RStudFen*. 1990. N 18. P. 209–217 u. T. XXII.
- Xella P.* “Divinités doubles” dans le monde phénico-punique // *Semitica*. 1990. Vol. 39. P. 167–175.
- Xella P.* Baal Hammon (Contributi alla Storia della Religione Fenicio-Punica I). Roma, 1991.
- Xella P.* Tendenze e prospettive negli studi sulla religione fenicia e punica // *Atti del II Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici I*. Roma, 1991. P. 417–429.

В. Отечественная литература по истории Карфагена¹

- Авдиев В. И.* Международные связи пунического Карфагена // *Acta antiqua*. 1967. Т. 15.
- Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975.
- Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский. М., 1988.
- Бобровникова Т. А.* Сципион Африканский: картины из жизни Рима эпохи пунических войн. Воронеж, 1996.

¹ Предложена переводчиком проф. Ю. Б. Циркиным.

- Бобровникова Т. А. Вступительная статья // Лансель С. Ганнибал. М., 2002.
- Волков А. В. Карфаген. «Белая» империя «черной» Африки. М., 2000.
- Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. СПб., 2004.
- Гарипзанов И. Х. Реконструкция римско-карфагенского договора 306 г. до н. э. // Античный вестник. Омск, 1994. Вып. II.
- Гельцер М. Л. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии в IX в. до н. э. // Древний мир. М., 1962.
- Глазычев В. Л. Западное Средиземноморье: системы расселения и образы пространства // Западное Средиземноморье в I тысячелетии до н. э. Л., 1984.
- Государство на Древнем Востоке. М., 2004.
- Дельбрюк Г. История военного искусства. СПб., 1994. Т. I.
- Егоров А. Б. Римская республика с конца VI до середины II в. до н. э. // История Древнего мира. Расцвет древних обществ. М., 1989.
- Жигунин В. Д. Международные отношения эллинистических государств в 280–220 гг. до н. э. Казань, 1980.
- Жигунин В. Д. Западное Средиземноморье и эллинистический мир в середине III в. до н. э. // Античность: миры и образы. Казань, 1997.
- Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. М., 1961. Т. I.
- Залесский Н. Н. Этруски и Карфаген // Древний мир. М., 1962.
- Историкогеография истории древнего Востока. М., 2008. Т. I.
- Казаров С. С. Царь Пирр: античная историческая традиция и современная историография. Ростов-на-Дону, 2002.
- Казаров С. С. Царь Пирр и Эпирское государство в эллинистическом мире. Ростов-на-Дону, 2004.
- Каптерева Т. П. Искусство стран Магриба. Древний мир. М., 1980.
- Кораблев (Шифман) И. Ш. Ганнибал. М., 1976 (2-е изд.: М., 1981).
- Корелин М. Финикийские мореходы и их культура. М., 1904.
- Лансель С. Ганнибал / Пер. с франц. М., 2002.
- Латин Н. А. Ганнибал. М., 1939.
- Литвински Э. Пантеон Карфагена / Пер. с франц. // Вестник древней истории. 1992. № 3.
- Лурье С. Я. Афины и Карфаген // Вестник древней истории. 1947. № 3.
- Лэмб Г. Ганнибал. Один против Рима / Пер. с англ. М., 2001.
- Машикин Н. Н. Карфагенская держава до Пунических войн // Вестник древней истории. 1948. № 4.
- Машикин Н. Н. Последний век пунического Карфагена // Вестник древней истории. 1949. № 2.
- Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000.
- Митина С. И. Правовая культура международных отношений эпохи эллинизма. В. Новгород, 2003.
- Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.
- Ревяко К. А. Пунические войны. Минск, 1988.
- Садыков М. Ш. К истории карфагенской дипломатии накануне сицилийского похода Пирра // Античный вестник. Омск, 1994. Вып. II.

- Садыков М. Ш. Агафокл и Карфаген // Античность: события и исследования. Казань, 1999.
- Садыков М. Ш. Межгосударственные отношения и дипломатия в Западном Средиземноморье в 323–264 гг. Казань, 2003.
- Сидорова Н. А., Чубова А. П. Искусство римской Африки. М., 1979.
- Строгецкий В. М. Африканская и сицилийская экспедиции Дорнея // Вестник древней истории. 1971. № 3.
- Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.
- Тураев Б. А. Карфаген // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1895. П-т. 28.
- Тураев Б. А. Остатки финикийской литературы. СПб., 1903.
- Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л., 1936.
- Ур-Мьедан М. Карфаген / Пер. с франц. М., 2003.
- Финикийская мифология, СПб., 1999.
- Фридрих И. История письма. М., 1979.
- Фролов Э. Д. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.
- Фролов Э. Д. Греки в Сицилии // Вестник ЛГУ. 1986. Вып. 2.
- Харден Д. Финикийцы. Основатели Карфагена / Пер. с англ. М., 2002.
- Харсекин А. И. Проблема этрусско-карфагенских отношений в свете новых эпиграфических данных // Вестник древней истории. 1969. № 1.
- Харсекин А. И. Некоторые замечания к истолкованию этрусской надписи из Карфагена // Норция. Воронеж, 1972. Вып. 1.
- Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961. Т. I.
- Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. М., 1976.
- Циркин Ю. Б. Держава Баркидов в Испании // Античный полис. Л., 1979.
- Циркин Ю. Б. Карфаген и проблема полиса // Проблемы античной государственности. Л., 1982.
- Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987.
- Циркин Ю. Б. Финикийская и греческая колонизация // История Древнего мира. Ранняя древность. М., 1989.
- Циркин Ю. Б. Овидий о первой войне между ливийцами и Карфагеном // Жебелевские чтения — III. СПб., 2001.
- Циркин Ю. Б. От Ханаана до Карфагена. М., 2001.
- Циркин Ю. Б. Основание Карфагена и Массалии. Некоторые аналогии // Studia Historica. М., 2004. Вып. IV.
- Шифман И. Ш. К восстановлению одной истрийской надписи // Вестник древней истории. 1958. № 4.
- Шифман И. Ш. К характеристике государственного строя Карфагенской державы // Краткие сообщения Института народов Азии. 1962. 46.
- Шифман И. Ш. Перипл Ганнона и проблема карфагенской колонизации атлантического побережья Марокко // Палестинский сборник. 1962. Вып. 7 (70).
- Шифман И. Ш. Пунический архив из Эль-Хофра // Вестник древней истории. 1962. № 4.

- Шифман И. Ш.* Возникновение Карфагенской державы. М.; Л., 1963.
- Шифман И. Ш.* К вопросу о значении термина «бод» в пунических надписях // Эпиграфика Востока. 1963. № 15.
- Шифман И. Ш.* Финикийский язык. М., 1963.
- Шифман И. Ш.* Финикийские мореходы. М., 1965.
- Шифман И. Ш.* Рабство в Карфагене // Каллистов Д. П. и др. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968.
- Шифман И. Ш.* Карфагенская держава в Западном Средиземноморье // История Древнего мира. Рассвет древних обществ. М., 1989.
- Шифман И. Ш.* Карфаген в свете современной науки // Вестник древней истории. 1999. № 3.
- Шифман И. Ш.* Карфаген. СПб., 2006.
- Юнусов М. М.* Ганнибал: верность клятве // Всемирный следопыт. 2005. № 14.
- Вейцківський І. І.* Зовнішня політика країн Звхідного Середиземномор'я в 264–219 рр. до н. э. Львів, 1959.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакен 95
Абба 291, 292
Абдера 349
Абд эль-Малик 378
Абол см. Алаб
Абтунги 353
Авернское озеро 249, 250
Авзстаны 268
Авиен 57, 58, 354
Аврелий 378
Аврелий Котта Г. 175
Аврелий Пекуниола П. 175
Аврункулей Г. 272, 276
Автарит 189, 190, 192
Автон 248
Агатарх 248
Агафокл 37, 126–142, 144–146, 149–153,
155, 157, 169, 172, 290, 334, 338
Агирий 94, 95
Агора 36
Адгербал, офицер Магона 284
Адгербал, полководец во время I Римской
войны 177–179
Адгербал, противник Агафокла 143
Адис (?) 172
Адонис 362
Адран 115
Адранидор 249, 251
Адриан 378
Адриа 272
Азоны 154
Акарнанния, акарнанцы 268
Аквиллий Флор Г. 168
Акесторид 128
Акра Левка 197–199, 253, 349
Акрагант 42, 43, 71–73, 78, 79, 83, 85–87,
119, 130–132, 138, 142, 147, 151, 154,
158, 165, 173, 255, 256, 261–264, 266,
270, 356
Акрида 142
Акрилы 255
Акротат 130
Акра 53, 55, 85
Акука 251
Алаб 119
Аланы 378
Александр Великий 122–125, 140, 146,
348, 367
Александрия 14, 122, 249, 378
Алексон 177
Алерия 44, 46, 47, 168
Алжир 28, 40, 50, 51
Алкон 202, 203
Аллоброги 214, 216
Алорк 203
Алтея 200
Альба 265, 272
Альбигавн 287
Алькой 200
Альмуньскар 26, 349
Альтибур 334
Ама 361, 362
Америка 28
Аминандр 275
Амитерн 265, 286
Аммон 362
Амторгис 266
Анаксилай 68, 70
Анамары 220
Анатолия 22
Анда 291
Андобал 223, 267, 277
Андозины 212
Аниций М. 241

- Антандр 134, 136
Антигон Гонат 172
Антикира 271
Антиохия 302
Антиох Сиракузский 23
Антонин Пий 378
Апеннинский полуостров 45, 214, 218, 221, 294
Аполлон 62, 360, 362
Аппиан 187, 197, 200, 205, 290, 305, 310, 312, 322, 360
Апулия 236, 241, 242, 249, 255, 257, 264, 269–271, 276
Арбукала 201
Арверны 279
Ардея 59, 63, 272
Арес 346, 363
Аретуза 263, 346
Арминн 218, 220, 222, 224, 272, 279, 287, 291
Аристомах 248
Аристон 302, 303
Аркобарзан 306, 307
Арпы 246, 249, 255
Арреций 224, 276, 286
Аргемида 261, 362
Архагат, внук Агафокла 150
Архагат, сын Агафокла 135, 139–144
Архил 91
Архимед 253, 263
Арци 226
Аскалон 353
Асклепий 360, 362
Аскуа 239
Аспида 171–173, 277, 317, 358
Ассирия 22
Ассор, ассоринцы 93
Астар-Нн 361, 375
Астарга 22, 37, 347, 361–363, 375
Астроарха 362
Астроноя 362
Атилий Г. 217
Атилий Л. 244
Атилий Кайятин А. 169, 173
Атилий Регул Г. 169, 177
Атилий Регул М. 171, 229, 254
Атилий Саран С. 320
Атиний М. 259
Атлантический океан 8, 14, 46–48, 56, 340, 344, 346, 355
Ауринкс 254
Аускул 151
Афина 362
Афины 23, 72, 73, 75, 76, 83, 84
Африканцы 281
Афтер 305
Ахайя, ахейцы 278
Ахолла 50, 302, 314
Ацерры 238
Ацилий Глабрион М. 300
Баал-Магоним 358, 360
Баал-Хамон 7, 52, 85, 135, 346, 347, 358, 359, 362, 367, 368, 370, 372–374, 379
Баал-Цафон 358, 362
Баал-Цебер 362
Баал-Цидон 360
Баал-Цор 361
Баал-Шамим 358, 362
Баал Адар 361
Баалат Хахадарт 361, 362
Балеары 14, 24, 82, 246, 278, 343
Балканский полуостров 151, 242, 254, 269, 275, 276, 278, 279, 282, 283, 288
Баннон Тигилла 313
Бантия 276
Баргузин 212
Баркиды 12, 179, 205, 267, 339, 349, 361
Башня Агафокла 290
Башня Евфранта 124–126
Бебий Л. 294
Бебий Тамфил Кв. 202
Безумные горы 295
Бекула 278
Беневент 226, 250, 258–260, 272
Беотия, беотийцы 103, 242
Бес 42, 361, 365, 376
Бингерра 254
Бирса 30, 31, 34–36, 320, 324, 325
Битий 318, 320, 321
Бития 24
Битон 91
Бланда 251
Блаттий 269
Ближний Восток 29, 338
Бовнан 258

- Бодон 166
 Бойн 217
 Большие Поля 292, 306
 Бомилькар, адмирал во II Римской войне 245, 247, 255, 262, 263, 292
 Бомилькар, противник Агафокла 134, 135, 141, 213
 Боса 24
 Бостар, командир гарнизона в Капуе 265
 Бостар, наместник Сардинии 189
 Бостар, полководец в I Римской войне 172
 Браней 214, 215
 Братства 39, 70, 375
 Брундизий 241, 254, 255, 261, 272, 273
 Бруттий 25, 243, 244, 246, 250, 258, 265, 271, 272, 276, 279, 281, 282, 285–288, 290
Вади Аллакн 125
 Вакцен 201
 Валерий Флакк П. (консул 227) 202
 Валерий Левин М. 241
 Валерий Мессала М. 164, 270
 Валерий Флакк Л. 166
 Валерий Флакк П., префект Левина 242
 Вандалы 378
 Велизарий 378
 Великий 328, 330
 Венера 362
 Везузия 234, 237, 270, 272, 276, 280
 Вермина 295, 298
 Вестурий Филон Л. 272, 282
 Вибий 273
 Вибин 226
 Вибон 218, 223
 Виктория, гора 253
 Вирго Целестис 362
 Волатерры 286
 Волцианы 212
 Вольки 213
 Вольноотпущенники 351
 Вольцентин 273
Гавлос 24, 349
 Гагасид 307, 308
 Гадес 25–27, 31, 42, 47, 48, 195, 196, 212, 268, 281, 283–285, 332, 336, 349, 361
 Гадрумет 28, 50, 137, 294, 295, 297, 314
 Галик 99, 103, 119, 146, 179
 Галикии 90, 91
 Галлия, галлы 66, 106, 187, 217, 240, 241, 269, 272, 276, 277, 279, 282, 286, 288, 291, 293
 Галльская область 255
 Гамилькар (?), офицер Гасдрубала 229, 239
 Гамилькар, аграрный писатель 342
 Гамилькар, адмирал во II Римской войне 271, 293
 Гамилькар, отец Ганнона 172, 290, 305
 Гамилькар, сын Ганнона 53, 66–68
 Гамилькар, сын Гисгона 132, 133, 136–139, 141, 222
 Гамилькар Молния 50, 179, 180, 181, 183, 185, 188–193, 195–200, 204, 205, 267, 268, 271, 276–278, 281, 331
 Гамилькар Самнит 305, 307
 Гамилькар Фамея 315, 317, 318, 326
 Гампсикора 246, 247
 Ганнибал, капитан во II Римской войне 195, 199–207, 209–221, 223–238, 241–247
 Ганнибал, полководец Ливии 177
 Ганнибал, сын Бомилькара 248
 Ганнибал, сын Гамилькара 177, 195, 302, 303
 Ганнибал, сын Ганнибала 177
 Ганнибал, сын Гисгона 76–80, 82–85, 165–169
 Ганнибалова клятва 27, 108, 332
 Ганнибал Родосец 180
 Ганнибал Скворец 306
 Ганнон (?), наместник области севернее Эбро 212
 Ганнон, адмирал в I Римской войне 168, 171
 Ганнон, адмирал во времена Тимолеонта 116
 Ганнон, командир гарнизона в Капуе 162, 265, 270
 Ганнон, мореплаватель 8, 49, 50, 52–58
 Ганнон, персонаж комедии Плавта «Пунниец» 344
 Ганнон, полководец во II Римской войне 186–188, 223, 232, 234, 244–246

- Ганнон, полководец на Сардинии 134, 135, 143, 147, 157, 165, 166, 168, 169, 171, 189, 190, 191, 193, 195, 202, 247, 250, 251, 258, 259
- Ганнон, предатель IV в. 118
- Ганнон, сенатор 102, 306
- Ганнон, сын Бомилькара 213, 292
- Ганнон, сын Гамилькара 172, 290, 305
- Ганнон, сын Ганнибала 162, 163
- Ганнониды 49, 329
- Ганнон Самнит 337
- Гараманты 286, 344, 352
- Гасдрубал, внук Массиниссы 307, 308, 313–318, 320, 321, 323–325, 331
- Гасдрубал, географ 355
- Гасдрубал, зять Гамилькара Молнии 50, 195, 196, 198–201, 204–206, 208
- Гасдрубал, подчиненный генерал во II Римской войне 311, 312
- Гасдрубал, полководец 247, 253, 313
- Гасдрубал, полководец на Сардинии 176
- Гасдрубал, схолярх 354
- Гасдрубал, сын Гамилькара Молнии 254, 266–268, 271, 276–278, 281
- Гасдрубал, сын Ганнона 45, 172
- Гасдрубал, сын Гисгона 253, 254, 266–268, 278–284, 289–292, 307, 352
- Гасдрубал Козел 299
- Гасдрубал Лысый 246, 247
- Гейзерих 378
- Гекатей 52, 56, 342
- Гекатомпилы 186
- Гела 43, 72, 78, 85–87, 119, 127, 128, 130, 132, 133, 142, 154, 178
- Гелике 197
- Гелон, сын Гиерона II 239, 248, 251
- Гелон, тиран Сиракуз 43, 66–71, 80, 94, 117
- Гельмантика 201
- Генуя 287, 291
- Гера 362
- Геракл 348, 362
- Геракля 43, 130, 142, 151, 154, 165, 168, 176, 178, 264, 279, 353
- Геракля Миноя 43, 105, 146, 170, 255, 332, 348
- Гераклид, сын Агафокла 127, 144
- Гераклид, тиран Леонтин 153
- Гераклий 378
- Гераклит Темный 242
- Гербесс 88, 253
- Гербита 89
- Гергетий 266
- Гердония 251, 269, 270
- Геренний Басс 245
- Герееоний 227, 228
- Герий Петтий 245
- Геркты 154, 175, 176, 180
- Геркулес 25, 362
- Гермес 362
- Гермипп 343
- Гермократ 74, 80, 81, 86
- Гибла (Гелеатида) 266
- Гибла (Герей) 151
- Гибралтар 26, 47
- Гнемпсал II 379
- Гиерон I 70, 71, 156–159, 161–165, 181, 222, 235, 238, 239, 248, 252, 253
- Гиерон II 157, 191, 222
- Гиероним 248, 249, 251
- Гикет, тиран Леонтин 113
- Гикет, тиран Сиракуз 113–117, 119, 150, 151
- Гимилькон, мореплавател ь 8, 56, 57, 58
- Гимилькон, офицер Ганнибала 83–87, 243, 255, 256, 261–263, 329, 354
- Гимилькон, сын Ганнона 82
- Гимилькон, сын Магона 88, 91–94, 99, 143, 177, 178
- Гимера 14, 53, 56, 66–70, 73, 79, 80, 85, 87, 95, 106, 117, 119, 130, 133, 142, 175, 248, 264
- Гиппана 169
- Гиппократ 248, 251–253, 255, 256, 261–263, 353
- Гиппон Акра (= Акве Регие?) 141, 142, 186–188, 190, 191, 263, 317
- Гиппон Диаррит 28
- Гиппоний 97
- Гиппон Регий 286
- Гиппосфен 248
- Гирпины 273
- Гисгон, пресмник Гамилькара Молнии 183

- Гисгон, сын предателя Ганнона (?) 118, 119
 Гисгон Стритан 312
 Годий 354
 Гороскопа 307
 Гост 246, 247
 Гостилий Катон А. 279
 Гостилий Катон Л. 279
 Гостилий Манцин Л. 317
 Гостилий Тубул Г. 271
 Греки 6, 8, 9, 14, 19, 25, 30, 38, 39, 43, 45–47, 51, 67–69, 74, 82–85, 87–90, 92, 98, 104, 111, 118, 130, 133, 137, 140, 141, 143, 145, 146, 151, 157, 243, 244, 333, 337–340, 347, 360, 362, 368
 Гулусса 304, 306–308, 316–318, 323, 354

 Давнии 226
 Дамарета 67
 Дамипп 248
 Дамирий 119
 Дамон Кархедонион 363
 Дасий 269
 Дафна 302
 Дафней 85, 86
 Деа Целестис 362
 Дексипп 83, 85
 Деметра 94, 346, 362, 376
 Демократ 270, 273
 Демофил, генерал Агафокла 141, 142
 Джофра 125
 Дидона 30, 326
 Дималл 241, 288
 Динократ 131, 138, 142, 144, 145
 Диоген 320, 323
 Диоген Лаэртский 327
 Диогнет 136
 Диодор 24, 26, 36, 42, 45, 48, 66, 67–71, 73, 76–83, 85, 87–92, 95, 97–103, 110, 123, 126, 129, 131, 134, 136, 139, 140, 142, 144, 154, 158, 160, 161, 195–198, 327, 344, 353, 361, 367, 368
 Дюокл 80, 81
 Дион 103–106, 113
 Дионис 362, 376
 Дионисий I 71, 81, 86–102, 104, 106, 129, 245, 338
 Дионисий II 102–106, 111–115
 Дион Кассий 158, 160, 163, 197
 Диррахий 288
 Дорией 43, 51, 68
 Драконций 367, 368
 Дрепана 168, 174, 176, 178–180
 Дримея 279
 Дуилий Г. 166, 167

 Евмах 142, 143
 Евфрат 23
 Египет 21, 22, 122–125, 172, 357, 376

 Жертвенные тарифы 358, 372, 373
 Жертвоприношения детей 135
 Жрец, жречество 10, 312, 368, 372, 374, 375, 379

 Жажигатель 375
 Закинф 23, 105, 268
 Зама 295, 296
 Зарза 192
 Зевс 71, 94, 362, 363
 Знаки Тиннит 348, 369–372
 Зоипп 248, 249

 Иаты 119
 Ибера 240
 Иберы 25, 26, 85, 94, 117, 196, 198, 211, 221, 225, 227, 232, 234, 252, 263, 283, 338
 Иеракон Несос 353
 Илергеты 212, 230, 284, 285
 Илиберрис 213
 Илипа 283
 Илитурги 247, 254
 Илургия 284
 Индорт 196
 Инсубры 217, 218, 294
 Интерамна 272
 Интибили 247
 Иоанн, евангелист 368
 Иолай 362
 Исалькас 238
 Исида 361, 374, 376
 Искандерун 23
 Истолатий 196
 Италиоты 82, 86, 87, 93, 97–99, 224, 225, 244

- Итуши 349
- Кабала 99, 100
- Кавлония 97, 272, 273
- Казилин 238, 241, 250, 260
- Калация 238, 265
- Калес 238, 243, 266, 272
- Кальпурний Пизон Г. 264
- Кальпурний Пизон Цезоний Л. 317
- Камарина 85, 87, 168, 169, 173, 179, 180
- Камерин 286
- Кампания, кампанцы 25, 82, 83, 85, 90, 114, 115, 158, 226, 237, 238, 245, 249, 250, 258–260, 265, 266, 338
- Канарские острова 48
- Канны 231, 234–236, 239, 240, 250, 276
- Канузий 236, 238, 272, 280, 281
- Кап Бланк (Белый мыс) 141
- Кап Бон 60, 61
- Кап Нао 47, 159
- Кап Фарина 60–62
- Капуя 236–238, 241, 249, 257–261, 264–266, 268–270, 272, 276, 279, 280, 283, 286
- Каракалла 378
- Каралис 24, 246, 247, 271, 295
- Карбония 24
- Карзиолы 272
- Карпесин 201, 202, 212
- Карталон, доверенный человек Ганнибала 236
- Карталон, командир гарнизона в Таренте 273
- Карталон, политик 305, 307
- Картея 284
- Карцей 272
- Кассандрия 279
- Касситериды 57
- Кастакс 284
- Касталон 254
- Кастра Корнелия 293–295, 297, 298
- Каструм Альбум 253
- Катана 76, 83, 89, 93, 115, 116, 153, 252
- Квинкций Д. 270
- Квинкций Криспин Т. 262
- Квинтилий Вар П. 291
- Кенторина 94, 132, 142
- Керкена 230, 302
- Керна 27, 53, 55, 56
- Кефаледион 94
- Кеф эль-Бида 357
- Киамосор 156, 157
- Кибела 362
- Киликия 23, 122
- Киллена 23, 275
- Кима 70
- Кинип 43, 51
- Кипр 22–24, 29, 31, 32, 122, 125, 376
- Кирена, Кирения 122, 123, 125, 140, 248, 305
- Кисса 223
- Китий 22, 353
- Клавдий Азелл Тиб. 283
- Клавдий Г. 162
- Клавдий Марцелл М. (консул 196) 302
- Клавдий Марцелл М. (консул 222) 235
- Клавдий Нерон Г. 257, 279
- Клавдий Нерон Тиб. 295
- Клавдий Пульхр Ап. 241
- Клавдий Пульхр П. 177
- Клавдий Фламин Кв. 276
- Клавдий Центон Г. 257
- Клсомен 123, 130
- Клиенты 351
- Клинон 140
- Клузий 224, 286
- Коза 272, 295
- Коминий Окритов 258
- Коммос 23
- Компса 236, 251
- Консенция 244, 283, 290
- Контролер 328, 330, 342, 348
- Кора 94, 346, 362, 376
- Коринф 23, 113
- Коркира 100, 241, 268, 273
- Корн 246, 247
- Корнелий Блазион Гн. 169
- Корнелий Лентул Гн. 260
- <п>Корнелий Лентул Кавдин П. 295
- Корнелий Лентул П. 249
- Корнелий Маммула А. 239
- Корнелий Сулла П. 257
- Корнелий Сципион Азина Гн. 166
- Корнелий Сципион Гн. 173
- Корнелий Сципион Испанец Гн. 312
- Корнелий Сципион Л. 168
- Корнелий Сципион Назика П. 306

- Корнелий Сципцион Назика Серапион П. 312
- Корнелий Сципцион П. 213, 268, 303
- Корнелий Сципцион Эмилиан П. 307, 315
- Корнелий Цетег Гн. 303
- Корнелий Цетег М. 264
- Корсика, корсы 14, 44, 45, 66, 97, 168, 194–196, 230, 242, 295, 338, 339
- Коргона 224
- Коссура 230, 349, 353
- Котон 34, 36, 37
- Крам 33, 34, 36
- Кремона 217, 272, 282
- Крит, критяне 23, 222
- Критон 242
- Крон 362, 363, 367, 368
- Кроний 99, 100, 102
- Кротон 127, 245, 290
- Ксантин 172, 338
- Ксенодик 139, 141, 142
- Ксеркс 31, 56, 68, 69
- Кутилы 265
- Ламия 275
- Ларин 231
- Лариса Кремаста 271
- Лаций, латины 25, 60, 63–65, 106, 107, 109, 110–112, 149, 238, 272, 333
- Левкос Тинес (Белый Тунет) 134
- Леокрит 354
- Леонтины 72, 87, 89, 93, 113, 117, 119, 128, 153, 251–253, 256
- Лептин, брат Дионисия I 90, 91, 93, 99
- Лептин, генерал Агафокла 141, 142, 144
- Лептин, тиран Энгия 117
- Лептис Магна 374, 378
- Лептис Минор 294, 314
- Лесторий Г. 269
- Ливан 19, 36, 360
- Ливий 110, 111, 120, 147, 148, 202–207, 212, 214, 235, 236, 239, 240, 244, 246, 247, 257, 266, 268, 272, 280–283, 285, 286, 289, 293, 295, 298, 302, 304, 306, 328–330, 339
- Ливий Друз Г. 319
- Ливий Макат М. 251
- Ливий Салинагор Г. 303
- Ливий Салинагор М. 279
- Ливия, ливийцы 28, 33, 36, 39, 40, 49–51, 59, 61, 62, 78, 82, 85, 101, 110, 111, 117, 123, 124, 132, 138, 141, 144, 159, 163, 183–188, 190–193, 195–197, 211, 212, 221, 224, 225, 234, 240, 252, 296, 297, 333–335, 337–339, 342, 346, 376, 378
- Лигурия, лигуры 46, 66, 117, 187, 211, 279, 281, 285, 287, 291, 294, 296, 299, 338
- Ликиск 139
- Ликс 25, 27, 31, 49, 53, 55
- Лилибей (город) 71, 92, 117, 118, 132, 150, 154, 155, 170, 174, 176–178, 180, 183, 218, 222, 229, 230, 235, 241, 248, 277, 289, 311, 312
- Лилибей (мыс) 42, 78, 83, 92, 102
- Липара, Липарские острова 93, 161, 166, 169, 170, 171, 175, 222
- Литерн 238, 243
- Литопросопон 359
- Лициний Вар П. 276
- Лициний Красс Див П. 286
- Лонган 157–159
- Лорета 295
- Лузитания 278
- Луканья, луканцы 250, 251, 254, 260, 271, 276, 279, 283
- Лутаций Катул Г. 180, 204, 208, 217
- Луцерия 226, 255, 272
- Маврусии 50, 82, 211, 257, 296, 318, 323, 338
- Магарбал, офицер Ганнибала 225, 235, 238, 359
- Магарбал, сын Гимилькона 202
- Магон, аграрный писатель 355, 379
- Магон, родственник Ганнибала 247
- Магониды 16, 358
- Мадейра 26, 48
- Майорка 230, 285, 339
- Маккеи 211
- Мактар 306, 334
- Малака 349
- Малая Азия 125, 322
- Малх 42, 44, 45, 49, 326
- Малый Сирт 61, 125, 141, 174, 191, 193, 305, 308
- Мамерк 115, 119, 157

- Мамертинцы 151–160, 162
Мамиллий Ателл Г. 279
Мамиллий Витул Кв. 165
Мандоний 277
Мандурня 273
Мантиня 282
Марий Алфий 243
Марий Г. 377
Мармореза 269
Марокко 27, 48, 49
Маррувины 265
Марруцины 226, 286
Марсы 265, 286
Марций Септим Л. 267
Марций Цензорин Л. 311
Масгаба 305
Массалия 46, 109, 223
Массесилии 211
Массилин 211, 257
Массинисса 257, 267, 271, 278, 283–286,
289–293, 295–298, 300–309, 311, 313,
314, 316, 333
Мастанабал 316, 318, 354
Мастнены 108, 211
Мастня 60, 108, 109, 148
Матос 185, 186, 188, 189, 192, 193
Маханид 279, 282
Мацелла 266
Мега Баратрон (Большой Овраг) 317
Мегале Полис (Большой Город) 134
Мегара 36, 320, 325
Мелес 269
Мелецца Дж. 357
Мелита 53, 55, 222, 339, 349
Мелькарт 10, 25, 27, 135, 212, 328, 348,
349, 358, 360–362, 372, 375
Меней 94
Менинкс 230
Менон 150, 151
Мерик 263
Мессессы 282
Месопотамия 21
Мессана 80, 81, 85, 87, 92–94, 116, 118,
119, 129–131, 153, 157–160, 162–164,
166, 167, 171, 173, 174, 178, 222, 287
Мессапин 226
Месхела 142
Метавр 280, 281, 282
Метагонни, метагониты 211
Метеки 25, 351, 353
Мизенский мыс 250
Мильтя 129, 130, 167, 168, 171, 253
Мильтя-Астарт 361
Мильтиад 354
Мильтина 143
Минуций Терм Кв. 300
Минуций Фелнкс 367, 368
Мирианд 23
Мисаген 304
Мисдес 312
Мициппа 307, 316, 318, 354
Могадор 27, 49, 55, 333
Монте Сираи 24, 356
Моргантина 94, 128, 256, 266
Мотия 24, 42, 70, 71, 73, 74, 78, 80, 81,
85, 90–92, 332, 348
Мунда 254
Мургон 252
Мутина 217
Муттин 263, 264, 270
Муций Сиевола Кв. 241
- Навпакт** 275
Накос 76, 89, 93
Наравас 189
Нарния 226, 272, 280
Народное собрание (карфагенское) 11,
44, 90, 129, 136, 139, 159, 162, 182,
195, 228, 235, 252, 256, 285, 294, 307,
328–330, 339, 351, 353, 377
Нас 268
Неаполь (в Италии) 50
Неаполь (в Тунисе) 137, 236, 238, 250,
262, 317
Невий Криста Кв. 254
Неон 116
Непет 272
Нептун 362
Неферис 314, 316, 317, 320, 323
Никон 258, 259, 273
Нобас 103
Нова Классис 231
Новый Карфаген 60, 199, 201, 202, 210–
212, 223, 229, 230, 273, 274, 277, 283,
284, 349
Нола 238, 243, 245, 246, 250

- Нора 24
 Нумидия, нумидийцы 13, 50, 51, 82, 140, 141, 172, 175, 188, 189, 196, 197, 217, 220, 257, 265, 271, 283, 284, 291–293, 304, 306, 309, 318, 333–335, 353, 377
 Нурсия 286
 Нутрикс 362
 Нуцерия 238

Оксейские острова 279
 Октавий Гн. 286–288, 290, 294, 298
 Оловянные острова 56, 58
 Олонтиги 349
 Ольбия 168, 230, 271
 Олькады 199, 200, 201, 211
 Онсиген 248
 Онусса 212, 230
 Оп 278
 Опс 362
 Орбитаний 251
 Орей 278
 Ореты 211
 Орик 254
 Ориссы 197, 198, 202
 Оронгис 282
 Ортон 140
 Остинпон 284
 Остия 235, 268
 Отацилий Красс М. 164
 Отацилий Красс Т. (консул 261) 166
 Отацилий Красс Т. (претор 217) 235
 Отец Либера 362
 Отец Лисий 362
 Отец Сард 363
 Оффел 123, 125, 126, 140

Пакувий Калавий 237
 Пакций 273
 Палинур 175
 Пани Лорига 24
 Панорм 24, 42, 66, 70, 73, 74, 81, 85, 90–92, 99, 118, 154, 155, 166, 167, 169, 174–177, 180, 255, 256, 332, 348
 Парикмахер богов 375
 Пароп 167
 Пахин 24, 105, 179, 252, 256, 262
 Певкеты 226
 Пелнада 179
 Пелигны 265, 286
 Пелопоннес 93
 Пелориада 162, 175
 Пентархии 330
 Пентатл 42
 Персей 304
 Перузия 286
 Пестум 272
 Петелия 243, 244
 Петра 174
 Пигмалион 31, 361, 362
 Пиза 214, 218, 224, 230
 Пинарий Л. 256
 Пирги 46, 65, 97
 Пиренейский полуостров 14, 25, 26, 199, 281, 283, 288
 Пирр 120, 150–156, 167, 176, 340
 Питекуссы (= Иския) 25
 Питекуссы (в Северной Африке) 143
 Пицен, Пиценская область 226, 241
 Плавт 344, 354
 Платон 103, 104, 326
 Плаценция 217–219, 221, 272, 279, 282
 Плиний Старший 27, 354, 355, 367
 Плутарх 39, 104, 105, 114, 118, 155, 360, 368, 373
 Плутон 362
 Полибий 33, 37, 52, 57, 59–62, 107–110, 120, 147, 148, 158–161, 170, 173, 174, 181, 182, 185, 186, 188, 191, 192, 194, 195, 199, 200, 204–207, 209, 210, 212, 216, 223, 225, 229, 281, 292, 325, 326, 329, 338, 361
 Поликлит 263
 Полководец 66, 86, 94, 130, 176, 184, 213, 227, 231, 237, 246, 247, 267, 274, 282, 283, 297, 299, 339
 Помпей Трог 6
 Помпоний С. 218
 Понтии 272
 Популония 286, 295
 Порций Катон М. 5, 306
 Порций Лицин Л. 279
 Посейдон 67, 85, 361, 362
 Постумий Альбин Л. 229
 Постумий Альбин Сп. 319
 Постумий Мегелл Л. 165
 Претурии 226

- Пробудитель бога 328, 375
Протей 362
Прусий 275
Псевдо-Платон 367
Птолемей I 124–126
Птолемей II 125, 172
Птолемей IV 249, 275
Пунийцы 6, 39, 46, 56, 80, 98, 104, 168, 170, 285, 343, 344, 354, 355
Путеолы 250, 260, 268
- Рабы 11, 21, 29, 93, 134, 192, 200, 236, 240, 250, 260, 274, 298, 313, 323, 344, 350–353, 360, 365, 375
- Реата 286
Регий 72, 97, 114, 115, 127, 158, 161, 163, 165, 167, 244, 245, 265, 270, 287
Решеф 36, 62, 324, 356, 360, 362
Рим 5, 7, 9, 12–14, 25, 59, 60, 63, 64, 106, 107, 109, 110, 112, 120, 148, 151, 157–163, 168, 171, 172, 174–177, 180, 186, 187, 191, 194–197, 199, 201, 202, 204, 205, 207–210, 218, 221, 224–228, 230, 234–243, 245, 247, 249, 252, 255, 257, 258, 264, 265, 267–271, 274, 276, 277, 279, 280, 283, 286, 293, 294, 299–306, 309–313, 315–318, 320, 325, 329, 336, 338, 355, 360, 378
- Родос 23, 28
Русцинон 213
- Сабинны 286
Сабрата 28, 51, 125
Савон 287
Сагунт 201–210, 231, 264, 268
Сакун 361, 362, 375
Салапия 251, 269, 277
Салека/Лоха 290
Саллентинцы 254
Самний, самниты 106, 120, 135, 148, 155, 226, 243, 251, 258, 265, 270, 271
Саприпорт 270
Сардиния, сарды 9, 14, 21, 24, 43–45, 49, 59, 62, 66, 74, 94, 95, 101, 106, 110, 160, 165, 168, 169, 186, 189, 190, 191, 193–196, 205, 222, 230, 239, 241, 242, 246, 247, 255, 264, 269, 271, 272, 276, 279, 283, 286, 287, 290, 294, 295, 335, 336, 338, 339, 347, 349, 352, 357
- Сатикула 238, 272
Сатурн 362, 367, 379
Сахара 344, 352
Сегеста 71–73, 75–77, 80, 90–92, 145, 165, 167
Селинунт 42, 43, 72, 73, 75–81, 87, 102, 130, 142, 176
Семпроний Блез Г. 174
Семпроний Грахх Г. 377
Семпроний Грахх Тиб. 236
Семпроний Лонг Тиб. 218
Семпроний Тудитан П. 255
Сена 280
Сенат, сенаторы 5, 10, 44, 73, 74, 76, 90, 102, 134, 143, 159, 162, 163, 168, 170, 172, 193, 199, 200, 202, 207–210, 218, 221, 222, 225, 226, 231, 235–237, 241, 242, 246, 248, 250, 265, 266, 268, 269, 271, 272, 274, 276, 280, 285, 287–295, 299, 300, 302–307, 310–313, 316, 318–320, 325, 326, 328–330, 350, 352, 354, 355, 374, 379
Сеппий Лезний 265
Септимий Север 283, 284, 378
Сервилий Гемин Г. 283
Сервилий Гемин Гн. 222
Сервилий Гемин П. 175
Сервилий Цепнион Гн. (консул 203 г.) 286, 302
Сервилий Цепнион Гн. (консул 253 г.) 174
Сергий Л. 294
Сетабис 349
Сетия 272
Сига 50, 256, 284
Сигния 272
Сида 23, 322
Сидон 19, 22, 353, 360
Сиканы 79, 80, 87, 92, 96
Сикка 183, 184, 334
Сикулы 71, 80, 87, 93–95, 256, 262, 263, 266, 338
Синал 105
Синуесса 238, 243
Сины 162, 164

- Сиракузы 43, 66, 67, 71–73, 75–78, 80–83, 86–94, 97, 102, 104, 105, 111, 113, 115–119, 126–129, 131–134, 136, 138, 141, 144, 145, 151–153, 157–159, 163, 164, 178, 179, 247, 248, 251–256, 261–264, 287, 289
 Сирия 23, 122, 125
 Ситон 363
 Сифакс 254, 256, 257, 270, 283–286, 289–293, 295, 298, 300, 303, 306, 379
 Сицилия 9, 24, 28, 42, 43, 49, 59, 61, 62, 66–76, 78–84, 87, 90–95, 97–104, 106, 113–120, 126, 130–134, 136, 138, 140–142, 144, 146–149, 151–162, 164–182, 184, 185, 187, 195, 196, 218, 222, 235, 237, 238, 241, 242, 248, 249, 251, 252, 255, 261, 263, 264, 266, 269–272, 276, 277, 279, 283, 285, 286, 288–290, 294, 335, 339, 347, 348, 357
 Скиртея 353
 Скопас 271
 Скрибоний Либон Л. 288
 Солунг 24, 42, 53, 54, 70, 74, 82, 90, 91, 94, 145, 174, 332, 348
 Сора 272
 Сосий 262
 Сосистрат, тиран Акрагант 154
 Сосистрат, тиран Сиракуз 127, 152, 153
 Сосифей 242
 Софонмба 289, 293
 Спарта 51, 279
 Спендий 185, 186, 188, 189, 192, 193
 Средиземное море 122, 340, 344
 Средиземноморье 5, 8, 19, 20, 21, 66, 69, 108, 122, 126, 161, 168, 182, 209, 303, 309, 338, 344, 346, 377
 Статий Метий 250
 Статий Требий 236
 Статорий Кв. 256
 Сто четыре 167, 176, 239, 302, 311, 329–331, 339
 Столпы Геракла 48, 49, 62, 122
 Страбон 27, 36, 37, 40, 48, 97, 124, 343, 360, 378
 Суба 307, 308
 Сусса 272
 Суссеула 120, 238, 241, 250, 255, 257, 260
 Сулкос 24
 Сульпиций Г. 264
 Сульпиций Гальба Максим П. 264
 Сульпиций Патеркул Г. 169
 Сутрий 272
 Таврины 217, 218
 Тавромений 95, 114, 153
 Тамасс 22
 Тапс (в Тунисе) 50, 137, 256, 302, 314
 Тапс (на Сицилии) 24
 Тарент 127, 148, 151, 156, 222, 241, 242, 250, 251, 254, 258–261, 263, 266, 270, 271, 273, 276, 277, 279, 283, 286
 Тарквинии 106, 286
 Тарракон 229–231, 268, 274, 278, 283
 Таррос 24
 Тартесс, тартессин 26, 47, 60, 196, 239
 Теан 236, 238, 240, 266
 Телезия 251
 Теренций Варрон Кв. 229
 Теренций Куллеон Кв. 302
 Терилл 66, 68
 Терия 151
 Термесса 222
 Терситы 211
 Тертуллиан 338, 367, 369
 Теу Просопон 359
 Тимей 31, 38, 41, 42, 70, 76, 79, 82, 92, 94
 Тимис 353
 Тимолеонт 113–120, 128, 129, 153, 154
 Тингис 27, 49
 Тиндарей 153
 Тиндарида 94, 115, 170, 174
 Тиннит 7, 346, 347, 358–362, 365–367, 370, 374, 379
 Тиннит в Ливане 360
 Тир 11, 19, 21, 22, 29, 30, 32, 41, 42, 69, 107, 108, 122, 135, 302, 353, 358, 361, 367
 Тифроний 279
 Тихей 294, 295
 Тицин 218, 219
 Токн 142

- Тофет 33, 36
Тразименское озеро 224–226, 250
Требия 219–221, 225
Требула 238
Трипарадис 124, 125
Тубурсик Буре 353
Тубурсик нумидийцев 353
Тунет 33, 134, 137, 139, 140, 143, 172, 173, 176, 184, 185, 187, 188, 192, 193, 292, 293, 298, 317
Тунис 18, 28, 33, 40, 50, 51, 61, 134, 137, 174, 230, 378
Турболеты 201, 202, 264
- Умбрия, умбры 225, 226, 279, 282, 286
Ун-Амун 20
Уни 362
Урания 362
Утика 25, 27, 28, 31, 33, 41, 107, 108, 141, 186–188, 191, 193, 270, 289, 290–293, 312–314, 317, 319, 378
- Фабий Бутеон Н.** 179
Фабий Л. 294
Фабий Максим Кв. 226, 249
Фагифулы 251
Феб 362
Фезулы 224
Феллина 142
Фемист 251
Фенон 152, 153, 155
Фены 50, 353
Феоксена 126, 146
Ферм 282
Ферма 82, 103, 127, 142, 145, 167, 175, 348
Фермопилы 279
Ферон 43, 66, 68, 70
Феццан 125, 352
Фиброн 123
Филей 258
Филемен 258, 259
Филеновы Алтары 51, 124, 125, 333
Филин 147, 158
Филинов договор 147–149, 162
Филипп V 241–243, 254, 268, 271, 273, 275, 278, 279, 282, 286, 288, 318
- Филист 31, 103
Филистий 263
Филодем 248, 262
Филон Библиский 368, 369
Филопмен 282
Финника 288
Финикийский Ров 298
Финикия, финикийцы 6, 8, 10, 15, 18–29, 33, 34, 39, 40, 42, 43, 54–56, 102, 122, 125, 137, 343, 347, 351, 354, 359, 360, 364, 365, 370, 374, 376
Финтий, место на Сицилии 178, 179
Финтий, тиран Акраганта 151, 154
Фирм 272
Флав 260
Фламиний Г. 222, 224, 225
Фокейцы 44, 47
Фонтей Тиб. 267
Форули 265
Фрасидей 70
Фрасон 248
Фрегеллы 272
Френтаны 226
Фроний 279
Фукидид 23, 47, 73, 74
Фульвий Гиллон Кв. 294
Фульвий Петин Нобилиор Сер. 173
Фульвий Флакк Гн. 257
Фульвий Флакк Кв. 240
Фульвий Центумал Максим Гн. 255, 264
Фурни 115, 258, 270
Фурний Пацил Г. 176
Фурний Фил П. 235
- Хават 360, 361
Халкида 279
Халкидская гора 163
Хасан ибн Номан эль-Гасани 378
Хатор-Маскар 361, 362, 375
Храмовые рабы, рабыни 375
Христианство 379
- Центенний Г.** 225
Центенний Пенула М. 260
Цере 46, 97, 106, 286
Цецилий Г. 167
Цецилий Метел Кв. 282

- Цецилий Метелл Л. 176
 Цецилий Метелл М. 283
 Цид-Мелькарт 361, 375
 Цид-Тиннит 361, 375
 Цинций Алимент Л. 269
 Цирта 292, 293
 Цирцеи 59, 63
 Цицерон 38, 326, 342, 367
 Цуфоны 140
- Чад** 125
- Черные Камни** 268
- Шадрапа** 361, 362
- Эбес 42, 230, 285, 332, 353
 Эбро 199, 205, 206, 208, 211–213, 223,
 229–231, 239, 240, 253, 267, 268, 273,
 274, 277
 Эвбея 23
 Эгатские острова 182, 186, 222, 235
 Эгеида 23
 Эгий 275, 279
 Эгимура 294
 Эгина 271, 275
 Эгусса 181
 Эдскон 277
 Эдстаны 277
 Эзерния 272
 Эквы 265
 Эки 226, 251
 Экном 132, 133, 170, 171
 Эл 358
 Элея 279
 Элида 275
 Элимы 42, 72, 80, 87, 90, 102
 Элисса 10, 30, 31, 41
 Элит 361, 362
 Эльба 159, 295
 Эмилий Лепид М. 218
 Эмилий Павел Л. 229
 Эмилий Павел М. 173
 Эмпорин 185, 286, 305
 Эмпорнон 223, 268
 Энгий 117
 Эннады 268
 Энна 94, 154, 168, 169, 256
 Энтелла 90, 91, 102, 114, 117
- Эпикид 248, 251–253, 255, 261–264, 270,
 353
 Эпикид Синдон 263
 Эпир, эпироты 153, 155
 Эренозны 212
 Эрет 265
 Эреш 361, 363, 375
 Эрибиан 226
 Эрикс 43, 82, 90, 92, 102, 154, 168, 179,
 180, 181, 348, 353
 Эрмнон 136
 Эскулап 362
 Эстримниды 57, 58
 Эсхрион 143
 Этна 93, 115, 150
 Этолия, этолийцы 268, 275, 279, 282,
 288
 Этрурия, этруски 25, 44–46, 64, 70, 74,
 135, 144, 222, 224, 225, 230, 257, 269,
 272, 275, 276, 279, 282, 286, 288, 290,
 291, 337, 338, 343, 353, 362
 Эфес 23, 302
 Эхетла 139
 Эхин 271
 Эшмун 36, 50, 304, 324, 360, 362, 375
 Эшмун-Астарт 361
 Эя 28, 51, 125
- Юба I** 379
Юба II 355, 377
 Южная Франция 14, 46, 210, 212, 279
 Юлий Цезарь С. 276
 Юний Пера М. 236
 Юний Силан Д. 355
 Юний Силан М. 257
 Юнона 37, 362
 Юпитер 120, 362
 Юстин 6, 30–32, 47, 49, 50, 123, 154, 326,
 347, 367
 Юстиниан I 378
- Portae** 379
Praefectus morum 330
Praefectus sacrorum 374

**Финикийские и пунические
или финикизированные и пунизированные
боги и богини**

'l 358, 359
'lt 361, 366
'm' 361
's 361
'rš 361
'šmn 36, 360
'šmn 'štrt 361
Bs 361
B'l 'dr 361
B'l Hmn 358
B'l mgnm 358
B'l šbr 361
B'l Šdn 360
B'l Špn 358
B'l Šr 361
B'l šmm 358
B'lt hḥdrt 361
Gd 363
Dgn Dgn
Ḥwt 361
Ḥwt-'lt 366
Ḥtr Mskr 361
Mlk 'štrt 361
Mlqrt 25
Skn 361
'štr-Nj 361, 375
'štrt 22, 36, 361
Pgmljn 361
Šd 361
Šd-Mlqrt 361
Šd-Tnt 361
Ršp 36, 360
Šdrp' 361
Tnt 359
Tnt в Ливане 36, 360

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
Предисловие автора	14
1. К истории исследования	17
2. Финикийская экспансия	19
Авторы	19
Время	20
Способ	20
Причины	21
Территория	22
Кипр	22
Анатолия и Ассирия	22
Эгеида	23
Сицилия, Пантеллерия, Мальта и Годзо	23
Сардиния	24
Апеннинский полуостров	25
Пиренейский полуостров и Балеары	25
Мадейра	26
Марокко	27
Тунис и Алжир	27
Ливия	28
Америка	28
Структуры	29
3. Основание города	30
4. Топография	33
5. Народ	38
6. Восхождение к великой державе (814–812?/480 гг.)	41
Сицилия	42
Сардиния	43
Корсика	45
Апеннинский полуостров	45

Южная Франция и Северо-Восточная Испания	46
Пиренейский полуостров	47
Мадейра, Азорские и Канарские острова	48
Марокко	48
Тунис и Алжир.	49
Ливия.	51
7. Африканское предприятие Ганнона.	52
Путешествие Ганнона	52
8. Путешествие Гимилькона в Северо-Западную Европу	57
9. Первый карфагено-римский договор (первая половина V в.)	59
10. Поход Гамилькара (480 г.)	66
11. Карфагенская сицилийская политика после Гимеры (480–410 гг.)	70
12. Военные походы Ганнибала и Гимилькона (410–405 гг.)	75
13. Походы Гимилькона и Магона (397–392 гг.)	88
14. Походы Магона и Гимилькона (382–374 или 373 гг.)	97
15. Поход Ганнона (368–362? гг.)	101
16. Карфагено-греческие отношения во времена Диона	104
17. Второй карфагено-римский договор (348 г.)	106
18. Отношения с греками во времена Тимолеонта (345–339? гг.)	113
19. Третий карфагено-римский договор (343 г.)	120
20. Карфаген и мир, измененный Александром Великим	122
21. Отношения с греками во времена Агафокла.	127
22. Так называемый Филинов договор	147
23. Отношения с греками во времена Пирра.	150
24. I Римская война	157
Вопрос о виновнике войны.	158
Ход войны	161
От начала войны до победы римлян при Милах (264–260 гг.)	161
От победы римлян при Милах до ухода римлян из Аф- рики (260–255 гг.)	167
От отступления римлян из Африки до победы римлян при Эгатских островах (255–241 гг.)	173
Мирный договор	181
25. Ливийская война и потеря Сардинии (241–238 гг.)	183
26. Баркиды в Испании	195
27. II Римская война (218–201 гг.)	204
Причины	204

Ход войны	209
От перехода через Эбро до битвы при Каннах (218–216 гг.).....	209
Решающие годы (216–211 гг.).....	236
Потеря важных военных позиций (211–204 гг.)	269
Конец войны (204–201 гг.).....	288
28. Клиентское государство Рима (201–149 гг.).....	301
29. III Римская война (149–146 гг.)	309
Причины	309
Пролог.....	311
Ход войны	313
30. Государственный строй.....	326
31. Управление державой	332
32. Военное дело	337
33. Экономика	341
34. Монета.....	346
35. Общество	350
36. Литература	354
37. Искусство	356
38. Религия	358
39. Перспектива	377
Библиография.....	380
А. Источники	380
Б. Избранная литература	380
В. Отечественная литература по истории Карфагена . . .	427
Алфавитный указатель	431
Финикийские и пунические или финикизированные и пунизированные боги и богини	444

Научное издание

Хусс Вернер

ИСТОРИЯ КАРФАГЕНЯН

Перевод Ю. Б. Циркина

Редактор *Е. П. Парфенова*

Корректоры *М. К. Одинокова, Н. Ю. Сулейманова, М. Е. Рошаль*

Технический редактор *Е. М. Денисова*

Художественное оформление *С. В. Лебединского*

Подписано в печать 28.10.2014. Формат 60 × 90¹/₁₆.
Тираж 1000 экз. Усл. печ. л. 28. Заказ № 269.

Издательство «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7

Отпечатано в ООО «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38, лит. А

W. Huss

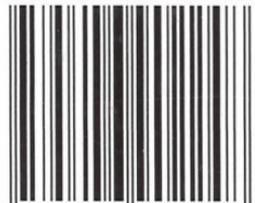
Die Karthager

ИСТОРИЯ КАРФАГЕНЯН

Вернер Хусс (1936) — всемирно известный специалист по истории Карфагена и истории эллинизма.

Окончил факультет католической теологии в 1967 г.; в 1975 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Внешняя политика Птолемея IV». С 1978 по 2001 г. преподавал древнюю историю в университете Бамберга. Основные научные интересы: пуническая (карфагенская) история, история эллинизма, прежде всего птолемеевского Египта, а также история античной религии.

ISBN 978-5-4469-0224-8

9 785446 902248